**Московский государственный институт
международных отношений – Университет МИД РФ**

Алексей Подберезкин

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ

КАПИТАЛЪ

Том III

Идеология русского социализма

Книга 2

Идеология русского социализма:
и стратегия национального развития

Москва, 2011 г.

СОДЕРЖАНИЕ

Книга 2

Идеология русского социализма и стратегия национального развития

Содержание.....2

Часть I. Социальный потенциал в идеологии русского социализма 10

Предисловие.....11

Глава 1.Социальный потенциал и национальная стратегия...18

1.1. Структура и институты социального потенциала.....29

1.2. Обострение социальных и политических противоречий в России в 2008–2011 годах как результат игнорирования институтов социального потенциала.....39

1.3. Провал Стратегии 2020: будут ли выводы?.....59

1.4. Нравственность и развитие институтов социального потенциала в стратегии национального развития 78

1.5. Институты социального потенциала – главный инструмент реализации стратегии национального развития 91

1.6. Идея скачка как стратегия национального развития 109

Глава 2. Единая социальная модель в Европе и её отсутствие в России 120

2.1. Социальный потенциал и инновации 129

2.2. Качество развития и НЧП 142

2.3. «Большой скачок»: модель развития.....151

2.4. Первоочередные меры для смены модели развития ……162

2.5. Значение институтов развития социального потенциала 185

2.6. Институты развития социального потенциала и место России в мире 203

Глава 3. Социальный человеческий потенциал: новая культурная революция? 220

3.1. «Скачок» как часть идеологии русского социализма 227

3.2. «Сбережение нации» как главная цель развития.....240
3.3. Нерешенные вопросы ускоренного национально и общественного развития 257
Часть II. Идеология русского социализма и новая стратегия социально-экономического развития 271
Глава 1. Новая идеолоигя – новая стратегия 272
1.1. Национальное развитие или модернизация? 273
1.2. Алгоритм формирования стратегии 291
Глава 2. Условие № 1: Необходимость принятия адекватной стратегии долгосрочного социально-экономического развития 303
2.1. Кризис как констанция неадекватности российской элиты. Необходимость ее смены 306
2.2. Стратегия 2020 как неадекватность восприятия современных реалий российской элитой.....318
2.3. Основные ошибки Стратегии долгосрочного развития..334
2.4. Основные особенности новой социально-экономической стратегии развития России 351
2.5. Опережающее развитие и личность.....360
2.6. Основные выводы.....365
Глава 3. Условие № 2: Изменение горизонтов планирования и ускоренное развитие: роль развития институтов социального потенциала.....369
3.1. Система ценностей как основа: либеральной фундаментализм или русский социализм? 372
3.2. От целеполагания к эффективной стратегии.....386
3.3. Несостоятельность идей «заимствования» модернизации 399
Глава 4. Условие №3: Необходимость радикального изменения социальной политики: резкий рост заработной платы, стипендий, пособий и пенсий.....402
4.1. Социальная политика XXI века.....411

4.2. Социальная политика и доходы: доходы как условие создания социальных институтов развитии.....427

4.3. Социальная политика и опережающее развитие.....445

Глава 5. Условие № 4: Национальная наука, духовность и культура – новые локомотивы развития в XXI веке 462

5.1. Необходимость формирования институтов развития интеллектуального, культурного и духовного потенциалов в России как условия для «Большого скачка» 470

5.2. Духовность и нравственность как основа общества. Роль национальных институтов 486

5.3. Политические приоритеты и опережающее развитие культуры и искусства 492

5.4. Инновации и политические приоритеты.....502

5.5. Национальные интересы и инновации.....520

Глава 6. Условие № 5: Эффективное использование ресурсов и резервов НЧП в интересах опережающего развития. .530

6.1. Ресурсы НЧП как главный резерв социально-экономического развития нации 535

6.2. Человеческий потенциал – главный неиспользуемый резерв национального развития.....543

Глава 7. Условие № 6: Подготовка и смена управленческих кадров как усиление роли государства в развитии нации.....557

7.1. Государство и его институты: роль в опережающем развитии 561

7.2. Период смены управленческой элиты 564

7.3. Образование как условие создания эффективной элиты 573

Глава 8. Условие № 7: Сознательные изменения социальной структуры общества.....586

8.1. Средний класс. Его роль в реализации «Большого скачка» России.....589

8.2. Социальная структура общества и креативный класс 608
8.3. Мировой кризис и средний класс.....617–620

Том III. ИДЕОЛОГИЯ РУССКОГО СОЦИАЛИЗМА

Книга 2

Идеология русского социализма и стратегия национального развития

«… человек, его потенциал в XXI веке становятся главной движущей силой развития экономики»[1].

А.Подберезкин

«Применение понятия «человеческий капитал» позволяет понять роль социальных институтов … и провести экономический анализ влияния социального фактора на рыночную экономику»[2].

Википедия, электронная энциклопедия

Понимание роли социального потенциала и его институтов[3] лежит в основе адекватной стратегии национального развития и является важной частью идеологии русского социализма.

Ключевой политический вопрос современности – разработка современной идеологии, которая должна стать основой для долгосрочной национальной стратегии, включающей, естественно, составной частью и стратегию социально-экономического развития. Подобная взаимосвязь между идеологией и политикой принципиальна. В данном случае, предлагая идеологию русского социализма, Я предлагаю и вполне конкретную долгосрочную стратегию национального развития, а не абстрактную идею «справедливости»[4].

Главной целью этой стратегии, вытекающей из идеологии русского социализма, является **развитие национального человеческого потенциала**, что одновременно означает создание максимально благоприятных условий для развития потенциала каждой отдельно взятой личности. Эта цель выступает высшим приоритетом всей политики. Она же является **установкой** для формирования долгосрочного прогноза до

---

[1] *А.Подберезкин*. Человеческий капитал. М., Европа, 2007 г., с. 369.

[2] Человеческий капитал. Википедия / http://ru.wikipedia.org/wiki.

[3] *А.Подберезкин*. Социальный потенциал и стратегия долгосрочного развития России. – Вестник МГИМО(У), № 2 (17), 2011, СС. 724.

[4] В мае 2011 года В.Путин выдвинул очередную такую идею для новой структуры – общероссийского народного фронта (ОНФ), которая, по оценке экспертов. Представляет «широкую предвыборную программу, отвечающую интересам основных слоев общества». (*И.Павлов*. Народный фронт для общей победы. – Независимая газета, 11 мая 2011 г.). Что это за «широкая программа», для каких «основных» слове не говорится.

2020 и **принципом** распределения национальных ресурсов, т.е. лежит в основе политического планирования.

При этом основной идеологической задачей является превращение идеологии русского социализма в ведущую общенациональную идеологию, включая и идеологию для правящей элиты. Правящая элита, как верхушка политической системы управления обществом, управляет прежде всего политико-идеологическими методами. Даже если и отрицает идеологию и подчеркивает свой «прагматизм», открещиваясь от политического руководства.

Директор Института экономики и организации промышленного производства СО РАН академик В.Кулешов заявил на годичном собрании отделения, что «… главным конкурентным преимуществом любого региона или страны **является фактор предвидимости развития на максимальную перспективу**: «В России мы видим ее в границах 2020–2025 годов, а Китай **разработал «дорожную карту» промышленно-технологического развития до 2050 года»**, – сравнил ученый. «А **стратегическое планирование, – продолжил В.Кулешов, – это прежде всего соблюдение двух принципов: жесткие приоритеты и эффективная сбалансированность, ресурсосбережение**»[1].

Таким образом, безусловно оглашаясь с В.Кулешовым, можно констатировать, что важнейшими факторами, определяющими эффективность стратегии национального развития, являются:

– долгосрочный и обоснованный прогноз («фактор предвидимости»);

– стратегическое планирование, основанное на соблюдении двух принципов:

а) четких «жестких» приоритетов;

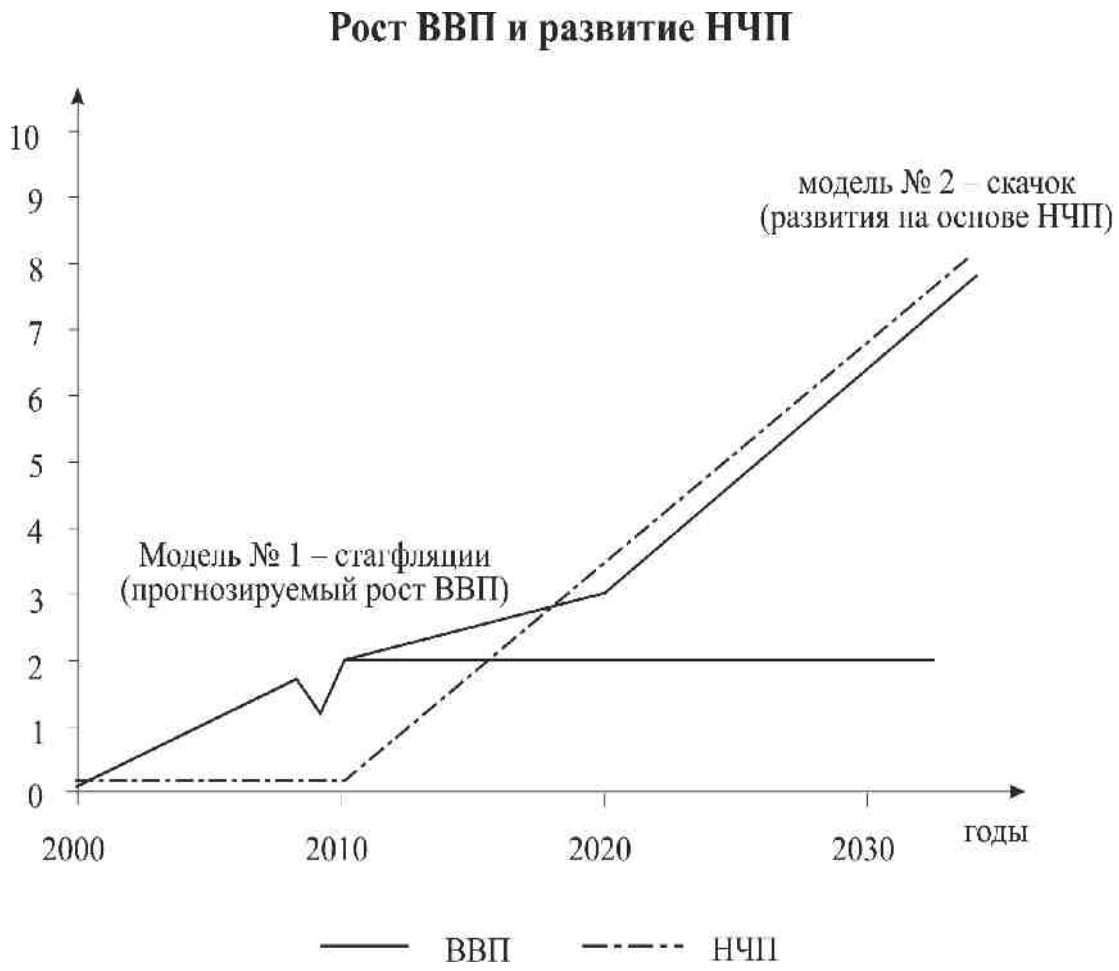
б) эффективном распределении ресурсов («эффективная сбалансированность»).

И первое, и второе вытекают из политико-идеологических установок правящей элиты. Именно она определяет как долгосрочные цели развития нации (как руководство КПК в Китае) и приоритеты, а также именно она распределяет (если надо, то и перераспределяет) ресурсы.

Я исхожу, что в долгосрочной стратегии национального развития должна быть сформулирована тактическая задача – смены политического

[1] *А.Соболевский*. Как попасть в ???? завтра? – Известия, 11 мая 2011 г., с. 11.

курса, переориентация его с эфемерных макроэкономических и псевдотехнологических задач на конкретные задачи развития НЧП, решаемые ежедневно. Их результат должен отслеживаться и количественно оцениваться не только ежегодно, но и ежемесячно **в каждом регионе**. Это позволяет сегодня делать, в том числе и разработанная методика подсчета ИРЧП применительно не только к отдельным регионам, но и даже отдельным муниципальным образованиям.



Среднемировой рост ВВП ~ 2,5%. Опережающий рост ВВП = 7%

Скачок – развитие, измеряемое ростом ВВП в 15–20% в год. Но это именно развитие, а не экстенсивный рост, при котором главной целью является развития НЧК, прежде всего таких его характеристик как:

– численности населения;

– качества населения;

– продолжительности обучения;

– увеличения объема наукоемкой продукции;

– увеличения результатов научной деятельности;

– роста числа и значения институтов социального потенциала;

– улучшения духовно-нравственной атмосферы общества;

– увеличения объема душевого ВВП;

– увеличения численности активного населения;

– сокращения коррупции и неэффективных расходов.

При этом особое значение имеет развитие институтов социального потенциала, которые выполняют две важнейшие функции: во-первых, аккумулируют, организовывают и используют человеческий капитал, т.е. выполняют функцию управления НЧК, а, во-вторых, внедряют и управляют двумя другими частями национального богатства страны – материальными активами и природными ресурсами. Институты социального потенциала, таким образом, выступают **организующей формой** всех частей национального богатства.

Именно эта конкретные критерии превращаются в частные задачи, решение которых предполагает достижение главной цели – опережающего, скачкообразного роста НЧП и, как следствие, ВВП. При этом решающее значение имеет та часть НЧП, которая называется социальным потенциалом[1]. Поэтому долгосрочная стратегия национального развития должна не просто включать в свои планы социальный потенциал, но изначально исходить из приоритетов его развития.

В настоящей книге рассматривается значение социального потенциала в НЧП, его роль в формировании и реализации стратегии долгосрочного национального развития. Эти положения являются важнейшей частью идеологии русского социализма. Но те только. В России сегодня социальный потенциал остается «незамеченным», даже неизвестным для правящей элиты ресурсом развития. Более того, он нередко просто игнорируется. Особенно в регионах. Как написал в своем

---

[1] **Социальный потенциал** – зд. совокупность общественных, политических, религиозных и иных институтов нации, ее отдельных социальных групп и слоев, с помощью которых реализуется национальный человеческий потенциал. Значительную часть социального потенциала составляют **институты гражданского общества и местного самоуправления, политические партии и движения, а также творческие и трудовые коллективы**. Существует множество определенный, но в данной работе основной упор делается именно на институтах социального потенциала, которые в период «фазового перехода» играют особую роль.

письме в мае 2011 года в Заксобрание Санкт-Петербурге С.Миронов по поводу сокращения региональными законодателями поддержки социально ориентированных НКО, «… НКО, работающие для людей «вносящие свой весомый вклад в общественное благо, должны обладать во всех регионах России правами и возможностями, которые предоставлены им на федеральном уровне»[1].

Идеология русского социализма признает, что приоритетность развития НЧП, эффективность использования всех трех составных частей национального богатства: НЧП – материальных активов – природных ресурсов зависит прежде всего от степени **развития нации и общества**, которая, определяется качеством и количеством институтов социального потенциала.

Сегодня это понимание отсутствует у правящей элиты, которая сконцентрировалась на макроэкономических показателях и технологической модернизации, положенных в основу Стратегии 2020. Поэтому важно изменить представление и подход правящей элиты с макроэкономического и технологического на социальный и политический. По всему спектру вопросов. Так, уже более 20 лет считается, что условием модернизации и реформ является привлечение иностранных инвестиций. Этот миф усиленно насаждается, а в 90-ые годы не раз приобретал политическое значение. Между тем такие иностранные инвестиции имеют очень маленькое значение для экономики России. В 2010 году, например, поступило порядка 81 млрд. долл., из которых прямых инвестиций было около 16 млрд., а портфельных – менее 1 млрд.[2]. Причем в некоторые федеральные округа поступало 2–3% всех инвестиций. Все остальное – спекулятивный капитал.

---

[1] *Е.Григорьева, Ю.Политов*. Миронов написал письмо в закс. – Известия, 12 мая 2011 г., с. 2.

[2] Социально-экономическое положение России. Январь 2010. М., Росстат, 2010, с. 430.

Часть I. Социальный потенциал в идеологии русского социализма

Социальный потенциал нации и общества концентрируется в его институтах – различных формах организации обществе: партиях, общественных организациях, творческих союзах, органах местного управления, трудовых коллективах и т.д. Социальный потенциал является важнейшей частью НЧП, позволяющей говорить об уровне и качестве организации общества, отдельных индивидуумов, т.е. того, что позволяет собственно обществу называться обществом.

С этой точки зрения, институты социального потенциала являются реальными механизмами организации нации и общества и управления. Их неразвитость, недостаток или неэффективность ведут к тому, что собственно материальный потенциал нации, ее национальное богатство, включающее как природные ресурсы, так и средства производства, не работают эффективно. Нередко – даже во вред обществу, нации и государству. Что мы и наблюдаем в сегодняшней России.

Соответственно для решения задач опережающего развития, а тем более качественного скачка в таком развитии, необходимо резко активизировать деятельность существующих и создать (если необходимо) новые институты социального потенциала на всех уровнях – федеральном, региональном и местном, во всех областях жизни, прежде всего связанных с НЧП, – науке, культуре, образовании, духовной области, во всех отраслях экономики.

Предисловие

«… члены экспертных групп не имеют единого вектора развития мысли: им не сформулирована общая макроэкономическая установка, а значит, идеи могут вполне оторваться от практической направленности и превратиться в утопию»[1].

В.Горегляд

«Состояние экономики напрямую зависит от духовного, нравственного состояния личности»[2].

О.Богомолов

«Налицо кризис политики и идеологии правого центра … Как, представляется, место правоцентриской идеи должны занять идеология и политика левого центра»[3].

А.Богатуров

Любая модернизация, тем более фундаментальных основ экономики и общества, начинается с модернизации институтов социального потенциала нации – его общественных, политических, религиозных, научных, культурных и пр. институтов, либо, при необходимости, их создания. Этот политический процесс, как правило, имеет под собой ясную идеологию (или, как минимум, систему идей), направленную на решение общенациональных задач – ликвидацию внешней угрозы, радикальную реформацию политической системы, экономики и общества. Он требует совершенно определенной поддержки части общества, хотя бы некоторых его социальных групп, объединенных общими целями. В противном случае эту модернизации просто **некому** будет осуществлять. Именно так произошло в России в 2005–2011 годы, когда провалилась разрекламированная стратегия модернизации и инноваций. Института власти оказались неэффективными, бизнеса – не мотивированы, а общества – безразличны[4]. В итоге получился огромный разрыв между заявленными правящей элитой целями и конкретными результатами.

---

[1] *В.Горегляд*. Дайте компас параду идей. – Российская газета, 11 марта 2011 г., с. 5.

[2] Экономика и общественная среда: неосознанное взаимовлияние / Под ред. Богомолова О.Т. М.: Институт экономических стратегий, 2008 г., с. 416.

[3] *А.Богатуров*. Кризис политики правого центра. – Независимая газета, 22 марта 2011 г., с. 11.

[4] О российских общественных институтах и их роли в модернизации страны смотрите: А.Подберезкин, С.Абакумов. Гражданское общество и будущее российского государства: в исках эффективного алгоритма развития. М., «Имидж-Пресс», 2004 г., с. 435.

Особенная роль в фундаментальной модернизации принадлежит институтам социального потенциала XXI века (хотя впервые этот термин был применен еще в начале XX века)[1], которые являются практическими инструментами управления обществом.

Логика формирования долгосрочной национальной стратегии развития очевидна: сначала формулируется идеология (в данном случае русского социализма), в которой обозначается стратегическая цель и приоритет, конкретизируемая в частных задачах, затем – стратегический прогноз, стратегическое планирование и распределение ресурсов[2].

Надо признать, что после признанного провала Стратегии 2020 эта логика принята не была. В.Путин заявил, что пересмотра стратегических целей и задач не требуется. Нужна лишь корректировка. Привлеченные в соответствии с таким поручением правительством эксперты, объединенные в 21 группу, должны скорректировать утвержденную в 2008 году Стратегию долгосрочного социально-экономического развития России 1999–2020 года и в августе 2011 года представить промежуточный вариант, а в декабре – его окончательную версию. Эта работа, точнее, – ее будущий результат, однако, уже сегодня вызывает сомнения в силу

---

[1] Впервые для характеристики потенциала социальных отношений термин «социальный капитал» был применён в 1916 году американским исследователем образования Л.Дж.Ханифаном. Создание непосредственно теории «социального капитала» как отдельного экономико-социологического направления связано с такими именами, как П.Бурдье, Дж.Коулман и Р.Патнем. Эти исследователи заложили основы теории «социального капитала» и предопределили современный взгляд на данную теорию. Дальнейшее понимание «социального капитала» идет преимущественно в русле новой институциональной теории. «Социальный капитал» попал в поле пристального внимания мейнстрима экономической науки. Исследования «социального капитала» проводились с большим (А.Портес, Ф.Фукуяма, Р.Инглхарт) или меньшим (У.Бейкер, Р.Бёрт, Дж.Нахапет, С.Гошал, М.Шифф, М.Вулкок) уклоном в социологию, и на данном этапе основные исследования базируются на неоклассических принципах (или не противоречат им).

Среди российских исследователей «социального капитала» стоит отметить исследования А.Т.Конькова, В.В.Радаева, Д.В.Меркулова, М.И.Мезенцева, Н.Е.Тихоновой, С.А.Сысоева. Эти исследования лежат в русле новой институциональной теории (иле же в направлениях, не противоречащих новой институциональной теории), и рассматривают «социальный капитал», в общем, как включённость в систему отношений, обеспечивающую доступ к ресурсам других субъектов, основанную на общей нормативной базе и обеспечивающую снижение трансакционных издержек. (См. Штырбуль С.А. Социальный капитал и социальный потенциал: субъекты и функции. Автореф. диссерт. М., МГУ, 2010 г., с. 4.)

[2] *Ю.А.Булатов. М.А.Мунтян, А.И.Подберезкин* и др. Современная Россия на пути к удвоению ВВП. М., Научная книга, 2005, сс. 10–13.

целого ряда принципиальных соображений. Их короткий перечень можно свести к следующему.

Во-первых, эксперты ограничились уже на самом старте только двумя моделями. Первая – развитие двух секторов, которые могут быть конкурентоспособными, – эксперт сырья и «неторгуемыми товарами и услугами» (т.е. те, которые невозможно практически ввезти из-за рубежа). Вторая – институциональная модернизация, ключевой проблемой в которой выделяется «плохой деловой климат». Другие модели социально-экономического развития, по сути, не рассматриваются, хотя я бы сделал акцент при корректировке Стратегии 2020 на социальной ее составляющей, а именно – развитии национального человеческого капитала (НЧК).

По сути дела России нужна не очередная концепция социально-экономического развития, а стратегия развития **нации**, что, конечно же, далеко не одно и то же. У США в этом качестве выступает «Стратегия национальной безопасности», которая конкретизирует приоритеты и цели национальной политики применительно к конкретному историческому периоду. Она же выступает главным документом по отношению к любым иным документам, включая бюджетные, финансовые, внешнеполитические и иные, ясно формулирует общенациональные (а не только социально-экономические) цели и задачи. Так, в последнем варианте в качестве главной цели формулируется «… **продолжение** (! *А.П.*) стратегии национального обновления и глобального лидерства – стратегии, которая восстанавливает основу американской мощи и влияния»[1].

Какие же долгосрочные общенациональные цели ставятся нашими макроэкономистами в Стратегии 2020? По существу они, как и в предыдущие годы, сводятся к макроэкономическим показателям – росту ВВП и душевого дохода, снижению инфляции и инновациям, росту производительности труда, увеличению доли наукоемкой продукции и ряду других[2]. И в «корреляции» Стратегии 2020 пересмотр этих целей не предполагается, т.е. социально-экономическая долгосрочная стратегия

---

[1] См., например, последнюю редакцию: The National Security Strategy. Wash.: 10 May, 2010.

[2] См., подробнее: *А.Подберезкин.* Человеческий капиталъ. М., «Европа» 2007 г.

фактически предназначена заменить общенациональную, предложить нации набор целей которые не включают в себя жизненно – важные, прежде всего, рост и развитие нации, – количественное и качественное увеличение национального человеческого потенциала. Да и само понятие «нация» как-то, выпадает из лексикона. И не случайно.

Подобная подмена сопровождается подменой реальных национальных ценностей – мнимыми, когда, например, «свобода», «права человека» рассматриваются в качестве важнейших приоритетов развития общества и государства.

Во-вторых, изначально не сформулированы точно целевые ориентиры, не расставлены приоритеты и не перераспределены ресурсы для достижения таких целей, т.е. не определены наиболее важные политико-идеологические задачи и критерии. Вообще такие категории, как «политика», «идеология», «нравственность» в этой Стратегии напрочь отсутствуют. Что характерно для правящей элиты России все последние годы[1].

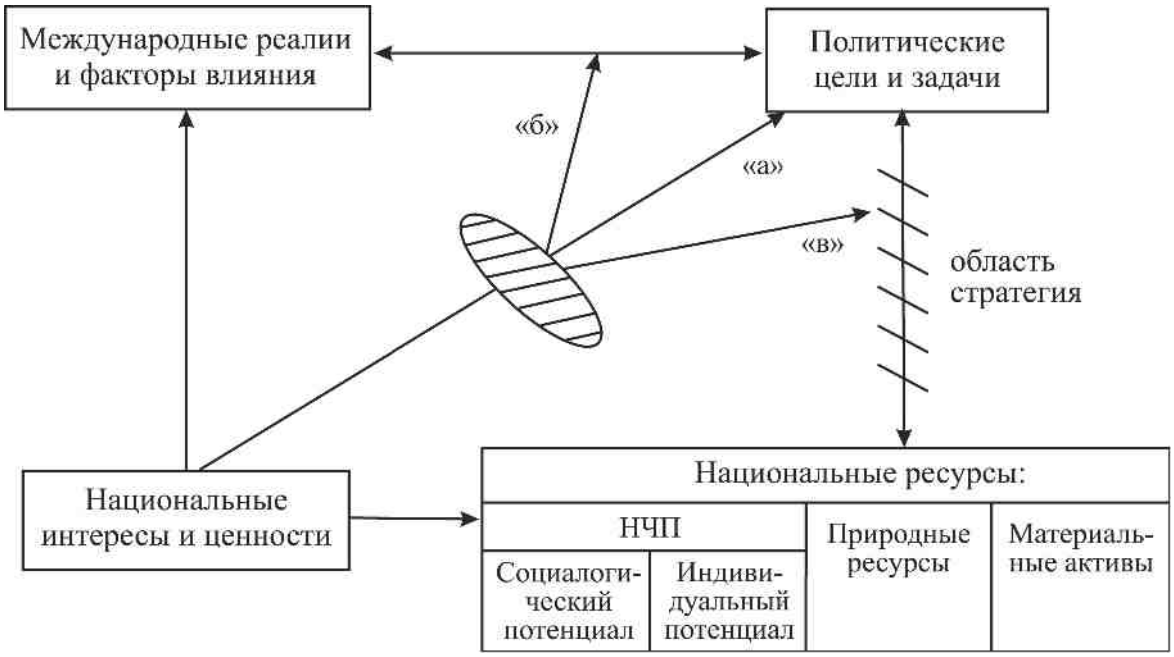
Напомню, что любые цели являются производными от национальных интересов и ценностей – объективных реалий, – которые лишь более или менее адекватно интерпретируются элитой. Подчеркну – в разное время с разной степенью точности и адекватности, т.е. начинать формировать Стратегию надо с точной интерпретации национальных интересов и ценностей. Хотя бы в самых общих чертах[2]. Без согласия внутри правящей элиты и большинства общества относительно понимания важнейших национальных интересов и ценностей любая стратегия бессмысленна, ведь формирование целей происходит на основе согласованного понимания национальных интересов и ценностей.

---

[1] *А.Подберезкин* (под псевд. *А.Иванов*), *В.О.Казанцев* и др. Приоритетные национальные проекты – идеология прорыва в будущее. М., «Европа», 2007 г., с. 4–11.

[2] Странным образом разработчики и «корреляторы» Стратегии полностью игнорируют утвержденную президентом 12 мая 2009 года Стратегию национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года, где, в частности, говорится о «… системе стратегических приоритетов, целей и мер в области внутренней и внешней политики, определяющих … уровень устойчивого развития …». См.: «Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года». Утверждена Указом Президента России от 12 мая 2009 г. № 537.

В целом все модель политико-идеологической системы описана рядом авторов достаточно подробно[1], но важно подчеркнуть, что «… именно идеология формулирует тот политический идеал … достижение, которого становится самоцелью (самоценностью)[2]. Идеология, как **устойчивая система взглядов элиты**, которая при формировании Стратегии 2020 должна играть изначально определенную роль. Прежде всего, с точки зрения оценки национальных интересов и ценностей и на трансформации в политические цели. Эта последовательность видна из известного рисунка.



Из него, в частности, видно, что выбор стратегии зависит от сформулированного в приоритетном порядке политических целей и выделенных и избранных ресурсов. Цели, в свою очередь, зависят от адекватного понимания правящей элитой национальных интересов и ценностей. Другими словами порядок работы групп, призванных правительством скорректировать Стратегию 2020, должен быть таков:

1. Осмысление национальных интересов и ценностей на перспективу до 2020 года. Достижение относительного согласия внутри большинства элиты, либо ее лидеров.

---

[1] См., например: *М.А.Хрусталёв*. Методология прикладного политического анализа. – М.: Проспект, 2010, а также *А.Подберезкин*. Человеческий капитал. М., Европа, 2007 г., с. 70–83.

[2] *М.А.Хрусталёв*. Анализ международных ситуаций и политическая экспертиза. – М.: НОФМО, 2008 г., с. 35.

2. Формулирование на этой основе политических целей и задач с учетом внешних факторов влияния.

3. Выбор и распределение ресурсов.

Как видно, все эти этапы – прерогатива высшего слоя правящей элиты страны, а никак не экспертов и чиновников из МЭРа, а тем более внешних безответственных экспертов. Сегодня же речь об этом не идет. «Избранные» эксперты занимаются в лучшем случае частью национальной стратегии развития, разрабатывая очередную макроэкономическую модель экономического роста и занимаясь поиском инструментов и методов развития экономики[1]. И только.

Можно поэтому изначально сказать, что из этой затеи в очередной раз ничего не получится. Также как не получилось из одобренной в марте 2008 года Стратегии 2020. И отнюдь не из-за кризиса, а именно из-за того, что Стратегия 2020 не являлась ни национальной стратегией развития, ни стратегией модернизации, ни, тем более, стратегией социального развития общества и институтов социального потенциала[2]. Результаты (точнее их полное отсутствие) свидетельствуют о провале – к 2011 году не были выполнены даже минимальны (пессимистические) задачи. Более того, с точки зрения развития инноваций и инновационной активности[3], ситуация стала хуже, чем она была в 2008 году. Это был вынужден признать даже разработчик Стратегии 2020 Минэкономразвития[4].

Примечательно, что уже на стадии «корректировки» Стратегии Минэкономразвития формулирует главную цель – «переход к 2020 году»

---

[1] *В.Горегляд*. Дайте компас наряду идей. – Российская газета, 11 марта 2011 г., с. 5.

[2] См.: *А.Подберезкин*. Новые факторы, влияющие на будущее России: роль гражданского общества и человеческого потенциала. В кн.: Роль институтов гражданского общества и потенциала человеческой личности как возрастающих факторов ускорения социально-экономического развития Росси. М.: Москва–Санкт-Петербург, 2005 г., с. 39–82.

[3] **Инновационная активность** – «показатель (по определению О.Фомичева – зам. Министра МЭР), который отражает, делало ли предприятие что-нибудь (?) за прошедший год в плане внедрения новых технологий …» – *Ю.Шестоперова*. Хомо инновациус. – Известия, 24 марта 2011 г., с. 7.

[4] См.: Инновационная Россия – 2020 (Стратегия инновационного развития Российской Федерации на период до 2020 года). – М.: Минэкономразвития России, декабрь 2010 г.

экономики России на инновационный путь развития.., для которого даже определяет вновь конкретно параметры.

Таким образом подразумевается, что главной «целью социально-экономической стратегии является перевод экономики на инновационный путь» что может быть, на мой взгляд, лишь одной из задач. Да и странно, повторю, что в очередной раз общеполитическую цель для нации формулирует МЭР! Впрочем, в начале 2011 года Д.Медведев и В.Путин не раз отмечали, что цели Стратегии «определены» и «остаются неизменными», не конкретизируя и не обсуждая эти цели национального развития. А надо бы. Именно переоценка целей и перераспределение ресурсов характеризуют любую стратегию, в основе которой лежит комплексный анализ[1].

В-третьих, разработчики и идеологи Стратегии остаются те же лица, кто разрабатывал, обсуждал и многократно проваливал предыдущие стратегии и концепции, начиная с 1990-х годов. Это та часть финансово-экспертного сообщества, которая уже не раз доказывала свою научную и практическую несостоятельность, но которая – не смотря на все провалы – упорно продолжает идеологию либеральных реформ 90-х годов. Могут ли они предложить качественно иной продукт – стратегию национального развития? Сомневаюсь, точнее, – абсолютно уверен, что нет.

Логичнее, на мой взгляд, было бы начинать с уточнения главной цели долгосрочного развития России, где макроэкономическая стратегия, модернизация и инновации выступают **средством** достижения этой цели, а не самоцелью. Такая цель, на мой взгляд, – ускоренное развитие национального человеческого потенциала (НЧП) и его реализация, превращение в национальный человеческий капитал (НЧК)[2]. Особое значение при этом имеет выделение в качестве важнейшей задачи развитие составной части НЧП – социального потенциала, его институтов, адекватно отражающих современное состояние общества[3].

---

[1] *А.И.Подберезкин, А.В.Коровников*. Россия и мир в период глобализации: в поисках концепции долгосрочного развития. – М.: «Финансовый контроль», 2003 г.

[2] О значении НЧК см. подробнее: *А.Подберезкин*. Человеческий капитал и его роль в модернизации России. – Вестник МГИМО (У), № 5 (14), 2010 г., сс. 75–101.

[3] См., подробнее: *А.Подберезкин*. Становление гражданского общества в России и проблемы его институализации. В кн.: Роль институтов гражданского общества и потенциала человеческой личности как возрастающих факторов ускоренного

И здесь **не избежать политических решений**, выбора политической и социальной модели развития, хотя складывается устойчивое впечатление, что именно этого правящая элита и хочет избежать.

социально-экономического развития России. М.: Москва–Санкт-Петербург, 2005 г., сс. 82–131.

Глава 1. Социальный потенциал и национальная стратегиия

Личность может сформироваться только в среде себе подобных личностей. Это хорошо видно на примере создания научных, образовательных и прочих творческих коллективов»[1].

А.Подберезкин

«Ограниченный, или более точно, отчужденный характер общественных отношений – вот конечная причина «иллюзорного» или «ложного» характера идеологии»[2].

Б.Славин

«Политика Александра Невского заключалась … в том, чтобы в период тотальной агрессии на Русь … сделать точный геополитический выбор, дававший возможность сберечь русские земли, обеспечивавший духовное и физическое выживание русской народности»[3].

Ан.Торкунов,
ректор МГИМО(У)

Неадекватность идеологического отражения действительности в сознании правящей элиты России в последнее десятилетие выразилось в недооценке значения социального потенциала и формировании ложной стратегии развития. Социализм, который Ф.Энгельс назвал наукой об условиях и законах освобождения об антигуманных отношений (а для России – русский социализм), это прежде всего наука об общественных отношениях, соответствующих национальным интересам, институтах социального потенциала, которые формируют и развивают эти отношения.

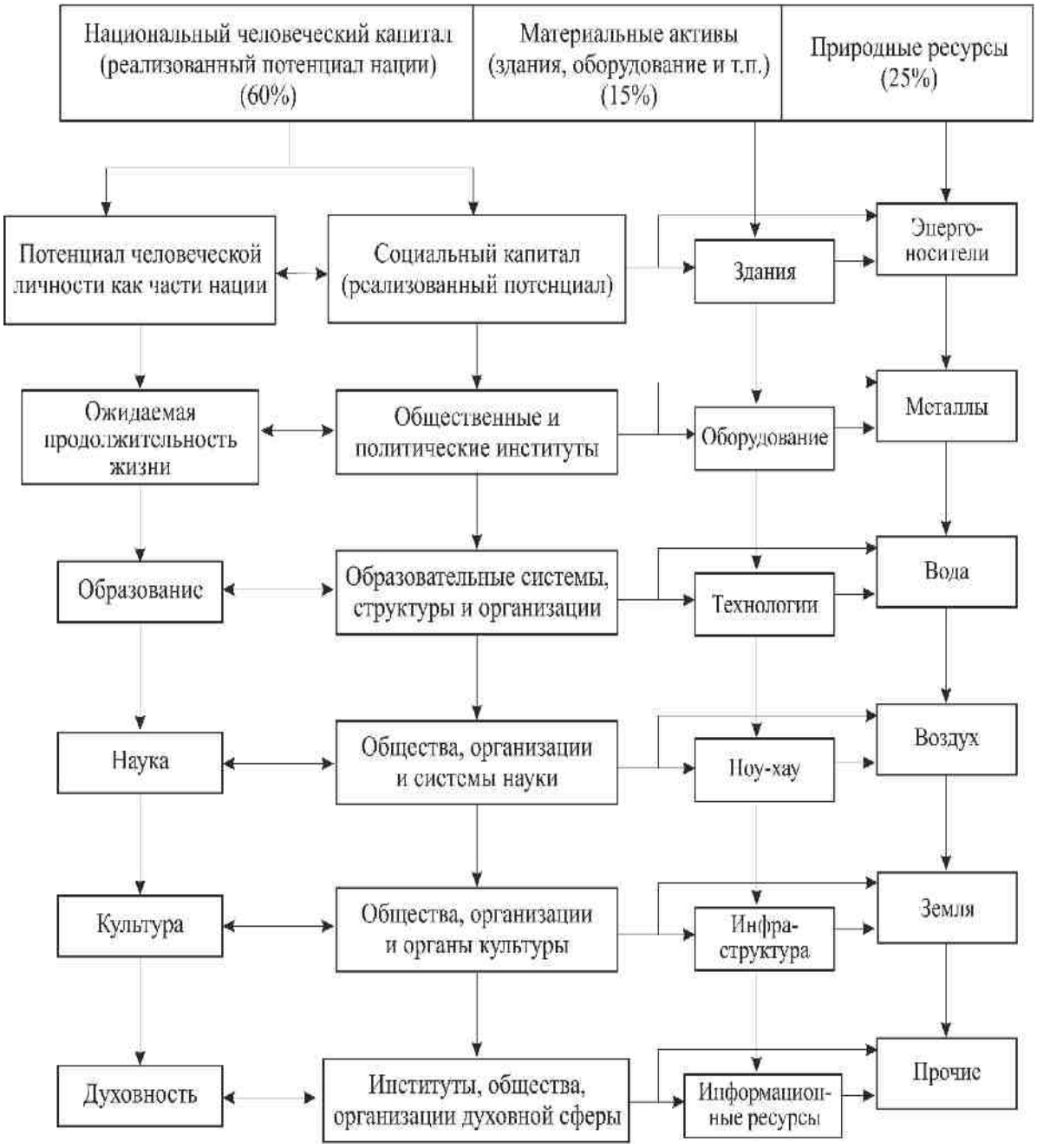
---

[1] *А.Подберезкин* (под псевд. *А.Иванов*) и др. Приоритетные национальные проекты – идеология прорыва в будущее. М., «Европа», 2007 г., с. 107.

[2] *Б.Славин*. Идеология возвращается. М., 2010, с. 18.

[3] *Ан.Торкунов*. Внешняя политика Александра Невского: цели, принципы, направления. В кн.: По дороге в будущее. А.В.Торкунов; ред.-сост. А.В.Мальгин, А.Л.Чечевишников. – М.: Аспект Пресс, 2010 г., с. 177–178.

Национальное богатство России



Социальный потенциал – составная часть национального человеческого потенциала и национального богатства. Он состоит из общественных, политических, религиозных и иных институтов, которые аккумулируют творческую энергию коллективов и реализуют общественную функцию нации. Развитие этих институтов определяет уровень развития общества и качество политической системы. Когда существуют несоответствие между ними, то в обществе возможен, даже неизбежен политический кризис, а эффективное экономическое развитие серьезно затруднено. Именно такое несоответствие между степенью

развития институтов социального потенциала, которое, на мой взгляд, в России серьезно недооценивается, уровнем общественного развития (который также недооценивается) и **качеством правящей элиты** и управления, с другой стороны, существует в современной России. Я согласен с руководителем ЦСР М.Дмитриевым, который заявляет, что «уровень развития общества перерос существующую систему»[1].

Качество правящей элиты в России и, соответственно, качество госуправления, как известно, самая большая проблема страны. Об этом не раз говорилось, но в данном случае уместно повторить, что многие годы «деидеологизации» и безнравственности, отсутствия объективных критериев – важнейшие причины этого явления. Специальные знания «менеджеризм», который сегодня преподносится в качестве высшего критерия, – лишь часть качеств правящей и управленческой элиты. Как справедливо отмечают известные эксперты, «… 70% уровня управленческой компетентности составляют общие для всех руководителей навыки и умения, а 30% зависят от конкретной сферы деятельности и «климата в организации» (!)[2]. Другими словами, «лучшие менеджеры», на самом деле, менее, чем на 30% определяются опытом по своей специальности.

Иначе говоря, качество общества и его институтов, во многом унаследованное от исторической России, значительно выше качества правящей элиты, **которая не способна предложить** ему адекватную идеологию и, как следствие, систему управления. Соответственно, разрабатывая стратегию долгосрочного национального развития, необходимо:

– во-первых, качественно улучшит правящую элиту;

– во-вторых, развивать в приоритетном порядке институты социального потенциала, от которых зависит многое:

– Без институтов социального потенциала не было бы ни нации, ни общества, ни государства, а сумма человеческих индивидов, проживающих на определенной территории, превратилось бы в простое

---

[1] *С.Куликов*. Стабильность в России под большим вопросом. – Независимая газета, 27 апреля 2011 г., с. 1, 2.

[2] *Л.Востряков, Е.Чириков*. Американские и российские администраторы культуры о критериях успешности управления: формирование нового профессионализма. – Власть, № 5, 2010, с. 109.

стадо. Государство, само по себе, тоже является одним, пусть самым мощным, институтом социального потенциала;

– Любое, а тем более опережающее развитие нации, предполагает прежде всего бережное сохранение, создание и развитие его общественных и национальных институтов социального потенциала. Чем их больше, чем они эффективнее, – тем сильнее нация, более развито общество, эффективное государство. И наоборот: чем они слабее, тем слабее общество, государство и, естественно, экономика;

– Важнейшая часть национального богатства – национальный человеческий потенциал – во многом состоит из институтов социального потенциала, определяет мощь национального богатства, а степень их развития, **предопределяет** возможность превращения НЧП в НЧК, т.е. **качество управления**. И, соответственно, наоборот.

– Реализация НЧП превращение потенциала в капитал (НЧК) происходит прежде всего через его институты социального потенциала – коллективы (формальные и неформальные) формируемые по месту работы, жительства или по интересам. Появление креативного класса дало мощный стимул развитию негосударственных институтов социального потенциала и созданию принципиально новых, способных аккумулировать творческую энергию. Особенно выпукло это заметно на примере появления и стремительного роста числа пользователей Интернетом, услугами мобильной связи и, как следствием, появлением социальный сетей.

– Сегодня уровень и темпы развития экономики, общества и государства во многом изначально предопределен степенью и темпами развития институтов социального потенциала нации. Поэтому содействие этому развитию в интересах ускоренного экономического развития является не просто важнейшим условием последнего, но изначально самым первым шагом в реализации успешной стратегии.

– Ускоренное социально-экономическое развитие, переход общества в качественно новое состояние (рывок) прямо зависят от интенсивности развития новых институтов социального потенциала. Прежде всего тех, которые способны аккумулировать и использовать творческую энергию активных социальных групп нации, объединенных в креативный класс.

Особо следует выделить значение институтов социального потенциала в национальном богатстве страны вообще и национальном человеческом потенциале, в частности. Как видно из рисунка, институты социального потенциала играют важнейшую роль:

1. В реализации человеческого потенциала, превращении его в капитал. Сам по себе потенциал может быть реализован и на 1%, и на 100%. Так, А.Шохин привел пример с получением расходных материалов для лабораторий, когда этот процесс в России занимает месяцы, а в Гарварде происходит «… моментально»[1].

2. В реализации материальных активов нации, которые, сами по себе, не могут быть реализованы: никакие машины, технологии, деньги «сами по себе» не заработают. Что и подтверждают усилия по модернизации и реализации Стратегии 2020.

3. В реализации природных ресурсов. Без развитых институтов социального потенциала природные ресурсы могут только хищнически разворовываться и наносить вред экологии. Что и происходит в современной России, где поспешили национализировать природные ресурсы **без создания** эффективных институтов социального потенциала.

Таким образом видно, что все категории национального богатства зависят от степени развития институтов социального потенциала. Это и есть **самое «слабое звено»** в реализации стратегии национального развития, которое требует приоритетного внимания правящей элиты и общества. Чего, к сожалению, не происходит. Прежние, советские институты разрушены, либо разрушаются (типичный пример – Российская академия наук, Российская академии образования, союзы писателей, журналистов, научные школы и т.д.), новые – не создаются и государством и обществом не поддерживаются. Развалился не только СССР, но и вся система, скреплявших его институтов социального потенциала, – от КПСС до творческих союзов, трудовых коллективов, советов (которые) фактически так и не заменили органы местного самоуправления.

Соответственно, формирование стратегии национального развития необходимо начинать с общенациональной идеологии. Ориентированной на развитие институтов социального потенциала, которые являются теми

[1] *Е.Кукол*. Министерство инноваций. – Российская газета, 10 февраля 2011 г., с.5.

реальными механизмами, способными реализовать такую идеологию. В данном случае идеологию русского социализма и соответствующей партии и общественных организаций, а также основанного на принципах этой идеологии государства.

Российской правящей элите предстоит сегодня сделать принципиальный мировоззренческий и идеологический выбор относительно вектора национального развития. По сути дела такой же геополитический, даже цивилизационный, выбор, как и в свое время А.Невскому. Но уже этот выбор предстоит сегодня сделать правящей элите России в эпоху глобализации, учитывая ее реалии и факторы влияния. И долгосрочная стратегия социально-экономического развития России, дискуссия о которой обострилась в 2010–2011 годы, должна быть и будет, по сути, **следствием** этого выбора. Точнее – одним из последствий. Либо ориентация на западноевропейскую систему ценностей и модернизация, основанная на заимствованиях, с последующей неизбежной потерей национальной идентичности и суверенитета, либо самостоятельный путь, основанный на национальной системе ценностей и модернизации нации, экономики и социальной структуры. Выбор между нацией и глобализацией. Выбор между ориентацией на человека или – на материального благополучие

Сказанное имеет вполне прикладное значение для стратегии национального развития. Так, в подготовленном АН Китая докладе «Наука и технологии в Китае: дорожная карта к 2050 году» признается, что «ключевые технологии стратегической значимости никогда не будет получены из окружающего мира»[1].

По сути дела – и это поняли все дальновидные исследователи, включая экономистов, – правящей элите России в 2011–2012 годы предстоит сделать **окончательный политический выбор, принять политические решения относительно стратегического курса развития**. И даже не столько социально-экономической (о чем многие говорят), **сколько национальной стратегии России**. Эти социально-экономические решения предстоит принять без внятной идеологии и стратегии развития нации, т.е. без внятного политико-идеологического

[1] *А.А.Кокошин*. О фундаментальном исследовании Академии наук Китая. Эл. СМИ, 12 мая 2011 г. / http://www.viperson.ru

курса[2]. Добавлю, что этот выбор неизбежно придется делать при отвратительном качестве правящей элите, плохом государственном управлении и в условиях неизбежно нарастающей политической дестабилизации, которая, повторю, вызвана огромной разницей между качеством элиты, системы управления и политической системы, с одной стороны, и значительно опережающим их в развитии обществом и институтами социального потенциала, в конечном счете, – нацией.

Более того, этот выбор предстоит сделать в условиях избирательной кампании 2011–2012 годов, которая, безусловно, обострит начавшуюся после кризиса дискуссию о таком выборе в стране. Такие решения неизбежно будут носить популистский характер. Политическая традиция современной России – отсутствие программ и «паркетный пиар» – также будут затруднять принятие системных решений. Боюсь, что правящая элита окажется не способной до конца выборного цикла предложить сколько-нибудь внятную национальную стратегию, «отредактировав» в лучшем случае «Стратегию 2020» к концу 2011 года или предложив очередную псевдопрограмму «Единой России» или «Народного фронта».

Участвовать в подготовке и принятии такого решения, а затем и реализовать его, предстоит в еще большей мере существующим институтам социального потенциала: политическим партиям, общественным организациям, трудовым коллективам и новым, не обязательно оформленным и зарегистрированным в Минюсте институтам, представляющим самые разные социальные слои и группы нации. На них в период 2011–2012 годов, поэтому ложится особая ответственность, которая заключаются в реальном исправлении нынешнего курса. Очередная ошибка правящей элиты способна лишить нацию надолго перспективы выйти на устойчивый курс опережающего развития.

---

[2] Пока что это осознание происходит на технологическом уровне, что свидетельствует о движении в правильном направлении, но без четкого политического курса. Так, попытка развития инфраструктурных программ, в частности, технологических платформ как инструментов разработки крупных системных проектов, на мой взгляд, является прежде всего попыткой создания новых институтов социального потенциала, которые могут превратиться со временем в новые подотрасли и целые отрасли экономики (например, биотехнологии). См. подробное: *С.Вежин*. Биотехнологии: мифы и реальность. – Независимая газета, 27 апреля 2011 г., с. 4.

Если реально оценивать действительность, то проблема, однако, состоит в том, что, во-первых, правящая элита практически игнорирует мнение этих институтов, в т.ч. ученых-обществоведов, используя их наработки и привлекая их представителей лишь в тех случаях, когда требуется создать не фон общественной и экспертной поддержки. Рейтинги, экзит – колы, оценки экспертов нужны правящей элите не для формирования национальной стратегии, а для мнимого экспертного и пиаровского обеспечения существующего курса. «Корректировка» Стратегии 2020 – типичный пример. Влияние на принятие политических решений оказывает очень узкая группа экономистов, следующих «либеральной традиции» последние десятилетия[1]. К ней не относятся широкие круги научной и культурной общественности и созданные ими институты социального потенциала. Так, мнение РАН, академии образования и тысяч других организаций в реальности многие годы откровенно игнорируется.

Игнорируется и мнение политических и общественных институтов социального потенциала российского общества: партии слабы и не самостоятельны, а их инициативы остаются не замеченными правящей элитой до тех пор, пока кто-то из ее представителей не захочет использовать такую инициативу. Это стало уже общим правилом в отношении власти и политико-общественных структур, когда их инициатива оказывается законченной и, может быть, реализованной, только в том случае, если она получает поддержку «улицы» или СМИ.

Имитация опоры на широкий спектр институтов социального потенциала стала также традицией правящей элиты. В этом смысле идея В.Путина о создании «общенародного фронта» – не исключение.

Во-вторых, сами общественные и гуманитарные науки в России переживают глубокий кризис. Они пока что не предложили комплексную (и поэтому идеологическую) программу национального развития, которая органично вытекала бы из стратегии национального развития, а та, в свою

[1] Ситуация не меняет даже то обстоятельство, когда по признанию в марте 2011 года В.Путина, к доработке «Стратегии 2020» было привлечено более 1000 экспертов. Все они принадлежат одной школе, следуют одной традиции и не выходят за рамки макроэкономического подхода, игнорируя необходимость системного и идеологического подхода к разработке стратегии национального развития.

очередь, из общепризнанной элитой политической идеологии[1]. Старые, советские школы практически вымерли, а новые, оригинальные школы, – пока не появились. В основном происходит компиляция уже известных, прежде всего, западно-либеральных идей[2].

Для того, чтобы общественные науки смогли предложить свои идеи и концепции необходимы определенные усилия (не такие уж и значительные) по развитию существующих и созданию новых научных национальных школ в различных областях гуманитарных и общественных знаний. Причем не десятка – другого, а сотен и тысяч, как, например, в США. До тех пор пока отечественная наука будет кормиться из-за рубежа, либо от государственных либеральных заказов, получить национально ориентированный и оригинальный продукт крайне сложно.

Я полагаю, что целевое инвестирование институтов РАН, университетов, как первая мера, крайне необходима, но кроме этого, необходимы широкие поисковые работы, подготовка научных кадров (и не за символические стипендии, которые не позволяют заниматься наукой), развитие существующих, воссоздание прежних и создание новых научных школ.

Совершенно отдельная тема – превращение этих школ и других институтов социального потенциала в фактор политического влияния. Сегодня такого инструмента фактически нет. Да, существует Общественная палата и различные советы и комиссии при президенте, которые носят консультативно-совещательный характер. Они собираются время от времени (3–4 раза в год) и представляют иногда неглупые доклады, но их непрофессиональный, общественный характер характеризует и степень их влияния. Если министр имеет возможность

---

[1] Этой актуальной проблеме я посвятил множество работ. К сожалению, пока (в 2011 году) результата не наблюдается. Правящая элита, как и прежде, предлагает частные решения, не договорившись с нацией о базовых вещах: национальных интересах, ценностях, целей и стратегии национального развития. См. подробнее: А.Подберезкин (А.Иванов): Глава I. Национальные проекты и реализация потенциала личности (сс. 26–137); Глава II «Креативный класс» – главная движущая сила развития общества и экономики». В кн.: Приоритетные национальные проекты и новая идеология. М., СГА, 2006 г., т. 1.

[2] Особенно это заметно на примере социологии, которая, с одной стороны, превратилась в прикладную науку, а, с другой, – потеряла способность выдвигать масштабные национальные идеи. См., например, М.Соколов. Популяция социологов новой России. 15 марта 2011 г. / Эл. ресурс «Полит.ру» / http://www.polit.ru/science/2011/03/15/socolov.

реально-ежедневно и практически – влиять на формирование политики, то представленные в комиссиях и советах лица – в лучшем случае один или два раза в год.

Я полагаю, что такие советы и комиссии должны переходить на полупрофессиональную основу и выступать – по аналогии с Советом безопасности – постоянно действующим консультативным органом при президенте, премьере, министрах. В них должны входить авторитетные представители различных институтов социального потенциала, которые могут влиять, в т.ч. процедурно, нормативно, на прохождение любых документов. Сегодня такое возможно в исключительных случаях.

В-третьих, в рядах самой правящей элиты царит идеологическая сумятица. Даже в рамках «либеральной традиции». Это проявилось, в частности, в подходе к такому идеологизированному вопросу как современная история. В мае 2009 года была создана Комиссия по противодействию фальсификации истории во главе с С.Е.Нарышкиным, а в марте 2011 года – рабочая группа по истории в другой президентской комиссии – Совете по содействию развития гражданского общества. И в первом, и во втором случае стоит задача рассекречивания документов, «правдивого» изложения истории и подготовки массовых учебников. Только цели этих комиссий прямо противоположны, что иллюстрирует вопиющую разницу в оценке национальных интересов и ценностей внутри одной правящей элиты[1].

И первая, и вторая комиссия (Совет) аккумулируют достаточно широкий спектр представителей институтов социального потенциала – институтов РАН, университетов, СМИ, общественных организаций и творческих союзов, – но вектор работы совершенно различен. Если в комиссии. С.Нарышкина определенно чувствуется настрой на конструктивное развитие, то у М.Федотова – на политическую дестабилизацию.

Раздрай в правящей элите наблюдается и по другим политическим направлениям. Так, попытки С.Миронова выступить с конструктивной критикой «Единой России» каждый раз наталкивались на отказ от

[1] За первые два года Комиссия С.Е.Нарышкина подготовила массу изданий, в т.ч. связанных с современностью. См.: *А.Подберезкин*. Об истоках опережающего развития России, сс. 117–205. В кн.: За честную историю, т. 6. МГИМО (У), 2010 г.

дискуссии и принятия административных, медийных и иных контрмер, хотя подобная критика явление не просто нормальное, но и абсолютно необходимое в дискуссии о стратегии национального развития.

Совершенно очевидно, что институты социального потенциала общества не просто недооцениваются правящей элитой, но и откровенно игнорируются. Даже те, которые лояльны и даже суперлояльный к правящей элите. Дело, в конечном счете, не в лояльности, а в привычке правящей советско-российской номенклатуры к научным знаниям, представителям этих знаний и культуры, которых прежде называли презрительной «прослойкой», а сегодня – «офисной пылью».

1.1. Структура и институты социального потенциала

«Пора перестать относиться к «непохожести» российской жизни как к пережиткам, «особенностям транзита», которые скоро исчезнут. Традиционное сознание в России доказало свою устойчивость по отношению к вестернизации»[1].

Ан.Торкунов,
ректор МГИМО(У)

«Отношения между людьми определяются социальным капиталом»[2].

Е.Петренко,
директор по исследованиям ФОМ

Нация и общество всегда не только историчны, но и обладают вполне определенными характеристиками, которые проявляются прежде всего в социальном потенциале и конкретных институтах социального потенциала. Другими словами не существует абстрактной нации или общества, как не существует и абстрактных классов и социальных групп. Для нации, например, очень важен такой институт как церковь или система образования, которые идентифицируют нацию больше, чем заявление политических лидеров. Соответственно степень развития этих институтов, как, например, англосаксонская церковь в Великобритании или католическая в Испании и Италии, во многом предопределяют национальные характеристики

Современный глобализирующийся мир нередко угрожает традиционным институтам, объективно ослабляя национальные возможности. Эта унификация ведет в конечном счете к потере идентичности, что остро почувствовали на себе, например, европейские нации в последние годы. Процесс интеграции в рамках Евросоюза и создание новой европейской идентичности вызвал ответную болезненную реакцию. Во многих странах Австрии, Финляндии, Великобритании, Франции – ряде других – этот процесс привел к росту популярности националистических партий. Это, на мой взгляд, объясняется тем, что значительная часть этих наций испугалась не только социокультурных последствий унификации, но и почувствовала, что

---

[1] *Ан.Торкунов.* Фундаментальность в общественных науках // Независимая газета, 07.12.2007. В кн.: *Ан.Торкунов*. По дороге в будущее / ред.-сост. А.В.Мальгин, А.Л.Чечевишников. М.: Аспект-Пресс, 2010 г., с. 415.

[2] *А.Денисов*. Россияне живут в социальных гетто. Независимая газета, 6 апреля 2011 г., с. 3.

национальная мощь зависит **от степени развития национальных институтов**.

Россия, естественно, не может оставаться в стороне от происходящих в мире социальных и экономических процессов. Ослабление национальных институтов в стране приняло обвальный характер. Особенно в 90-е годы, когда господство либеральной идеологии привело к попытке примитивной вестернизации страны. Причем не столько под влиянием экономических, сколько антинациональных и антигосударственных идей: либерализм в России принял очевидные антинациональные, антисоциальные и антигосударственные формы. Многие реформы, которые привели к развалу государства и общества, изначально ставили своей задачей не экономические цели, а развал институтов социального потенциала СССР и России – КПСС, профсоюзы, комсомолье, творческие союзы и т.д., **не предлагая ничего равноценного взамен**. Удивительно, но это разрушительное господство либерализма в последние десятилетия привело **к идеализации его основополагающих принципов и механизмов**, хотя это не только стало причиной неудачных реформ в России, но и остается главной причиной сегодняшнего кризиса.

Кризис 2008–2010 годов вроде бы всем, даже заядлым сторонникам либералов показал, что эти идеи не абсолютны и не универсальны в период глобализации. Это был вынужден признать даже МВФ, заявивший в апреле 2011 года, что «… глобализация должна стать иной – не капиталистической, а «справедливой и с человеческим лицом»[1]. В рамках «вашингтонского консенсуса», в частности, было предложено принять универсальные меры: бюджетную дисциплину, свободное перемещение капитала и поощрения прямых иностранных инвестиций, снижение избыточного вмешательства в экономику государства свободный курс и др. Но идеализация либерализма в России отнюдь не прекратилась. Как не прекратилась и разрушительная политика в отношении национальных институтов социального потенциала. Похоже, что правящая элита, даже увидев эти разрушительные последствия, не захотела сделать из этого выводов. Сознательно.

---

[1] *А.Башкатова*. Глобализм с человеческим лицом. – Независимая газета, 6 апреля 2011 г., с. 1.

Структурно, социальный потенциал, можно разделить условно на две формы, которые тесно взаимосвязаны между собой и обуславливают качество друг друга.

Первая форма представляет собой совокупность качественных характеристик нации – интеллекта, образования, информвооруженности, духовности, патриотизма, воли и др. нравственных и моральных качеств. Среди них особое значение имеют творческие способности и возможности нации[1]. Это значение признается во всем мире, но не в России, где интеллект и творчество абсолютно не оценены.

Следует отметить, два обстоятельства: во-первых, что эти качества, взятые в отдельности и все вместе, представляют собой сегодня более значимый ресурс, чем экономическая, финансовая или военная мощь.

Во-вторых, эти качества могут развиваться и воспитываться в обществе различными силами, в т.ч. и государством. Огромное значение в этой связи имеет то, что правящая элита и государство могут адекватно оценить эти качества и воспитывать и развивать их целенаправленно. Это в полной мере относится не только к исследовательским способностям, образованию, но и духовности и творчеству. И государство обязано это делать. Но не делает.

Уже говорилось о том, что НЧП состоит не только из душевого дохода, интеллекта, образования, но и из качеств, характеризующих нацию с социальной точки зрения – духовности, творчества, патриотизма. Без этих качеств НЧП был бы не полон и не совершенен. Но в современной России, оперирующей макроэкономическими критериями, эти приоритеты не просто перестали быть приоритетами, но вообще отсутствуют. Даже когда следуют заявления на высшем уровне, общество уже не верит, что правящая элита заинтересовано, в чем-то еще, кроме распределения ресурсов.

---

[1] Нация и государство постоянно находятся в развитии, которое, как в России на рубеже XX–XXI веков, может приобретать революционные формы, в том числе радикально меняющие социальный потенциал нации и его институты. Именно это произошло и происходит в нашей стране. Наблюдая эволюцию политической истории, можно заметить, как стремительно изменилась вся общественно-политическая организация советского и российского общества. Этому я посвятил вместе со своими коллегами немало работ, среди которых наиболее полная «Россия-2000. Современная политическая история (1985–1999 гг.) т. 1 «Хроника и аналитика»; т. 2 «Лица» / Общ. ред. и рук. авт. кол. А.И.Подберезкин, М., РАУ-Университет 2000.

Возникает парадокс: с одной стороны, значение институтов социального потенциала стремительно повышается и растет понимание их решающего значения в развитии нации, но, с другой стороны, правящая элита удивительным образом игнорирует эту тенденцию, более того, делает все для того, чтобы ослабить существующие и не дать возможности создать новые институты социального потенциала.

Отчетливо этот порядок проявляется в стратегии социально-экономического развития до 2020 года, получившей название «Стратегии 2020».

Эта стратегия:

– подменяет собой национальную стратегию развития, т.е. нация, общество, как бы, игнорируются. Остаются абстрактные макроэкономические показатели;

– игнорирует роль национальных институтов социального потенциала. От недопонимания, либо сознательно.

Главное заключается в том, что занимаясь стратегическим прогнозом, стратегическим планированием, а в целом стратегией национального развития, следует понимать, что именно эти характеристики института социального потенциала и в целом НЧП **должны определять целеполагание стратегии**. Но, к сожалению, пока что разработчики Стратегии 2020 эти показатели не принимают во внимание вообще. Как совершенно справедливо отмечают авторы прогноза до 2030, «Обеспечение духовно богатой, справедливой, достойной и безопасной жизни является **основной целью**, задачей развития человека, общества, государства и природы»[1]. Соответственно и национальная стратегия развития, тем более долгосрочная стратегия, должны четко определиться в приоритетах. А приоритет в стратегии – нация, ее потенциал и институты, реализующие этот потенциал.

«Достижение этой цели увязывается с рядом определяющих приоритетов и условий (я бы добавил – институтов, реализующих эти задачи):

---

[1] Член-корреспондент РАН *Н.А.Махутов*, член-корреспондент РАН *Б.Н.Кузык*, профессор *Н.В.Абросимов*. Прогнозные показатели социально-экономического и научно-технологического развития России до 2030 года с использованием критериев стратегических рисков. М., РАН, Координационный совет РАН по прогнозированию, 2010, с. 2.

– выход развития предполагает на такие траектории и сценарии, которые опираются на **традиционный уклад жизни и поэтапно улучшают жизнь каждого человека или большинства народа с учётом указанных выше приоритетов жизни**;

– развитие предусматривает создание научно-обоснованной сбалансированности духовных и материальных **потребностей, с одной стороны**, достойную предназначению человека, как высшего разумного творения на Земле (с другой?)»[1];

Ни первого, ни второго авторы Стратегии 2020 (и ее сегодняшние «корреляторы») не предусматривают. Как и правящая элита. Заметьте, что никто из ее представителей не говорит о развитии «традиционного уклада» и «поэтапного улучшения жизни каждого человека». Как, впрочем, и о таких института развития. Почему-то полагают, что «Стратегия 2020» ориентирована на абстрактные, страновые показатели, игнорирующие как нация в целом как предмет развития, так и отдельного ее представителя – человека.

Исследователи РАН делают логичный вывод:

«Достижение указанной цели на современном этапе человеческой цивилизации предполагает реализацию определённых концептуальных приоритетов и требований к человеческой жизни, находящихся в основе знаний, прогнозирования, управления и развития:

– создание государством, обществом внешних условий и внутреннее стремление каждого человека к неограниченному духовному росту;

– признание каждым человеком, обществом и государством ограниченных возможностей удовлетворения материальных потребностей, достаточных для справедливых и научно обоснованных норм их жизнедеятельности;

– организация жизни каждого человека, общества и государства в гармонии с природой и фундаментальными законами её развития во благо живущих и будущих поколений;

---

[1] Член-корреспондент РАН *Н.А.Махутов*, член-корреспондент РАН *Б.Н.Кузык*, профессор *Н.В.Абросимов*. Прогнозные показатели социально-экономического и научно– технологического развития России до 2030 года с использованием критериев стратегических рисков. М., РАН, Координационный совет РАН по прогнозированию, 2010, с. 2–3.

– признание в развитии первостепенной роли права и обязательности труда и созидания.

Каждый человек имеет право, обязан и может жить духовно богатым, физически здоровым, материально достаточным при непрерывном повышении его долголетия и безопасности»[1].

Другими словами в основу целеполагания академиков РАН положен ЧЕЛОВЕК и нация, а в основу «Стратегии 2020» - макроэкономические показатели. Соответственно и институты социального потенциала требуются разные. В первом случае такие институты, которые развивали бы потенциал человека и нации в целом, а во втором – финансово-экономические показатели абстрактной страны и общества. Разница – принципиальная. Приведу конкретный пример.

Этот пример показателен, характерен, даже типичен. Обсуждаю тему создания университета на Дальнем Востоке с крупным предпринимателем, получившим подряд на работу. Из разговора становится понятно, что для него нет разницы строить ли «Крокус-сити» или университет – важны объемы бетона, металла, стоимость квадратного метра и т.п. И он, по-своему, прав.

Для меня университет это, прежде всего, научные школы, качество преподавания, студенты и сессии – ранты. Выделенные 100 млрд. рублей на строительство университета бюджетом средства, я не рассматриваю как деньги потраченные на образование. Они потрачены на бетон. Но если бы те же 100 млрд. рублей были выделены на научные исследования 500 ведущим университетам, то этого им хватило бы, как минимум, на 2–3 года. Вот и разница в логике.

С одной стороны, поддержка старых и развитие новых институтов социального потенциала нации (университетов), а, с другой, строительство здания, которое неизвестно кем, когда и как будут использоваться.

---

[1] Член-корреспондент РАН *Н.А.Махутов*, член-корреспондент РАН *Б.Н.Кузык*, профессор *Н.В.Абросимов*. Прогнозные показатели социально-экономического и научно– технологического развития России до 2030 года с использованием критериев стратегических рисков. М., РАН, Координационный совет РАН по прогнозированию, 2010, с. 2–3.

С одной стороны, инвестиции науки и образования, я, с другой, инвестиции в стройку, чужие (зарубежные) материалы и преимущественно чужую рабочую силу.

С одной стороны, национально ориентированная идеология развития, а, с другой, идеология «освоения» средств, которая, в лучшем случае, ориентирована на сокращение воровства бюджетных средств.

Не случайно возникает естественный вопрос: почему власти выгодно иметь недоразвитые институты социального потенциала? Ответ для рыночной экономики прост, даже наивен: также институты, заинтересованы в «освоении» средств, а не развитии НЧП. Приведу пример. Крупный предприниматель предлагает эффективные очистные сооружения для регионов. Но их характеристики – качество, эффективность, стоимость – не имеют значение для региональной власти, которая представляет собой недоразвитой институт социального потенциала. Для нее выгоден любой проект, который может обеспечить «откат». Поэтому очистные строятся не в стране, где 65% стоков отправляются в реки, а там (в Саудовской Аравии), где институты социального потенциала (местные власти) боятся заплатить за неэффективное внедрение оборудования.

Вторая форма социального потенциала представлена его конкретными институтами, которые являются организационным оформлением потенциала человеческой личности. Эта структура в упрощенном виде может быть представлена на следующем рисунке.

где:

1. Политические институты, организации и группы представляют собой достаточно большое число организаций и коллективов, как федеральных, так и региональных, и местных, которые используют

энергетику, знания, опыт и другие возможности личностей для продвижения и решения конкретных задач.

2. Коллективы предприятий и организаций. В принципе любой коллектив обладает социальным и организационным потенциалом, который определяется простой формулой: «все, что уходит после работы». Это не только люди, но и информация, традиции, связи, ноу-хау и т.д.

3. Творческие институты общества: союзы, группы, ассоциации, клубы и т.д.

4. «Личность-коллектив» – феномен современного общества, который проявляется в растущем значении творческого потенциала как экономической, так и социальной силы. Личность-собственник, творец, работодатель – в одном лице сегодня становится влиятельной социальной группой, составляющей в развитых странах значительную часть социального и экономического потенциала.

5. Религиозные организации оказывают огромное влияние на общество. Сегодня только в РПЦ – десятки тысяч приходов, вокруг которых сложились влиятельные сообщества, которые занимаются воспитанием, образованием и помощью гражданам.

6. Общественные институты – экологические, правозащитные, пр. организации объединяющие тысячи людей в зависимости от их нравственной позиции. Так, десятки тысяч волонтеров ухаживают за больными, сдают кровь, помогают престарелым и т.п., полагая это своей нравственной обязанностью. Как правило, не афишируя свою деятельность.

7. Профессиональные институты социального потенциала – сою правила и механизмы реализации их потенциалов. В некоторых странах именно такие союзы выполняют роль регулирующих органов, аттестовывают и контролируют исполнителей.

В нынешней России такие союзы, скорее, выполняют функции декорации, либо, в лучшем случае, профсоюзов, пытаясь по мере возможностей защитить профессиональные интересы. Как правило, безуспешно.

8. Самое многочисленное и влиятельное представительство институтов социального потенциала, возможность которых сегодня

используются крайне незначительно. По сути дела более половины всех проблем у граждан возникает и может быть решено только на местном уровне. Поэтому перераспределение консолидированного бюджета (сегодня менее 25%) в пользу этих институтов, а также властных полномочий – является ключевой задачей.

Достаточно вспомнить возникшие во второй половине XIX веке в России земства, которые смогли взять на себя функции обустройства страны. Не случайно А.И.Солженицын называл эту проблему «проблемой № 1» для обустройства России.

Человек, как социальное существо, как правило, входит в какое-то сообщество (или несколько сообществ), состоит в нескольких институтах социального потенциала. Эти сообщества многократно могут усиливать, либо ослабевать как потенциал отдельной личности, так и потенциал нации, служить важнейшими **механизмами** нации, общества и государства в реализации задач развития. Достаточно сказать, что сегодня в России насчитывается несколько сот тысяч только зарегистрированных неправительственных организаций и миллионы трудовых коллективов[1]. Кроме этого быстрыми темпами растет новая социальная категория, которую условно можно назвать «человек-организация» – индивидуальный творческий работник. Эта категория становится уже не только массовой, но и чрезвычайно влиятельной. Достаточно привести пример с известными блоггерами, чья ежедневная аудитория насчитывает столько же читателей, сколько федеральное СМИ.

Как использовать эту огромную часть НЧП? Как заставить ее эффективно работать?

Это можно сделать только в том случае, когда у нации существуют общепринятые **цели развития**, которые разделяются нацией и большинством правящей элиты, когда нация мобилизована, в т.ч. ресурсно, на достижение этих целей, наконец, когда нация понимает что без этих целей, наконец, когда нация понимает, что без соответствующих

[1] В 2003–2005 годах я попытался создать такую базу данных, включающую только те организации, которые представлены в Интернете на портале «Современная политическая Россия» / http://www.nasledie.ru/oborg/, а в 1991–1992 году даже опубликовал со своими коллегами справочник в 3-х томах «Политические партии, организации и клубы» (М,, РАУ-корпорация, 1992 г. В 3-х томах), среди которых только экологических организаций на территории бывшего СССР насчитала 818.

институтов социального потенциала, как без механизмов реализации поставленных целей, такие цели являются недостижимыми.

Сегодня, когда начали говорить об «институтах развития», имея чаще всего в виду новые бюрократические структуры, «осваивающие» бюджет, необходимо помнить, что действительными институтами развития являются институты социального потенциала. И стратегия развития должна исходить из того, что начинать надо именно с того, чтобы создать благоприятные условия как для существующих, так и создающихся институтов социального потенциала.

1.2. Обострение социальных и политических противоречий в России в 2008–2011 годах как результат игнорирования институтов социального потенциала

«Между современным российским обществом и политическими элитами, которые призваны этим обществом управлять, легко заметить отчуждение, постепенно переходящее в настоящую ненависть. Осознающий свои интересы россиянин с раздражением относится к чиновникам и представителям крупного бизнеса»[1].

Д.Ольшанский

«Власть критикует существующее положение, но не себя. Реальная политика и вовсе такова, будто для выхода из тупика достаточно косметики»[2].

Доклад ИНСОР

Вопиющая социальная несправедливость в России – прямое следствие сознательного игнорирования властью значения НЧП и, особенно, институтов социального потенциала как естественных регуляторов общественных отношений. В свое время, разрушая государство, либералы сознательно открыли шлюзы не только для суверенитета и вседозволенности, но и общественных инициатив. Позже, осознав реальную угрозу для собственности и власти эти шлюзы были закрыты. Не только для тех сил, которые разрушили государство, но и для всех других.

Современное российское общество в результате оказалось расколото на две абсолютно неравные социальные группы: тех, кто получил и получает максимальную, ничем не оправданную выгоду от использования национальных богатств России[3], включая НЧП, обеспечил себе роскошное существование, огромные возможности, связанные с полученным богатством, и тех, кто вынужден жить в бедности, нищете, либо – в лучшем случае – выживать, отказываясь от реализации личного

---

[1] *Д.Ольшанский*. Зреющий протест некому возглавить. – Мировой политический форум, 14 марта 2011 г., с. 15.

[2] Обретение будущего: Стратегия 2012. Конспект. – М.: Экон-информ, 2011 г., с. 5

[3] В данной работе не предусмотрено рассмотрение причин и масштабов несправедливого перераспределения национального богатства страны. Отсылаю заинтересованного читателя к работе выполненной мной с коллегами в Счетной палате РФ по поручению В.В.Путина, вызвавшей в свое время бурную и противоречивую реакцию. См.: *М.А.Мунтян, А.И.Подберезкин, С.П.Стреляев.* Приватизация и приватизаторы / Теория и практика российской приватизации). – М., Воскресенье, 2005 г., с. 308.

потенциала, творчества, да и просто нормальных условий существования. Во многом это стало следствием разрушения институтов социального потенциала, объективно защищавших права личностей. В том числе собственность, творчества, заработной платы и других. Профсоюзы превратились в корпорацию, партии – в думское представительство, органы власти – в органы распределения средств и собственности. В результате большинство граждан оказалось без институтов социального потенциала, незащищенными и лишенными любых возможностей.

Первая социальная группа, представляющая абсолютное меньшинство нации (если ее вообще можно отнести к нации), ответственна за политику стагфляции, растущее отставание России, созданную систему социальной несправедливости, бешеную инфляцию, коррупцию, рост недоверия к власти, когда национальное богатство распределяется в пользу этой группы и утекает за рубеж. Экспорт российского капитала, составившей в 2010 году не мене 40 млрд. долларов, целевым образом предназначен для Швейцарии (более 50%), Кипра и оффшоров. Это говорит о том, что интересы этой группы давно уже за рубежом. Там их банковские счета, учатся дети, собственность. С Родиной их связывает бизнес, место, где они зарабатывают деньги. И это не только мультимиллионеры, но и те, кто стремятся ими стать, оставаясь пока что в стране пребывания. Их интересы – за рубежом, куда они постепенно переносят не только свою деятельность, но, главное, помыслы.

Это – уникальная ситуация, характерная только для тех стран, где правящие элиты чувствуют себя временщиками. Она не свойственна ни для развитых стран, ни для России, в истории которой были периоды «отъезда» знати за рубеж или вынужденной эмиграции, но которая никогда не носила такой системный и легальный характер. Иногда кажется, что правящая элита демонстрирует отсутствие всякой связи со страной.

Экономически, эта ситуация носит катастрофический характер, с которым не смирилось бы ни одно национально ориентированное правительство. Только откровенно компрадорское. Так, всего лишь одна сотня российских миллиардеров ежегодно получает доход (не попадающий под прогрессивную шкалу налогообложения) порядка 37,5

млрд. долларов, который, естественно, не попадает в доходную часть бюджета. По оценке депутата РФ О.Дмитриевой, только этой суммы было бы достаточно, чтобы повысить доходы всех бюджетников и превышает все расходы федерального бюджета на образование[1]. И это только доходы 100 человек! И зачем нужны иностранные инвестиции, если Россия является крупнейшим экспортером финансовых ресурсов. Дешевых, даже дармовых. Готовы ли авторы нынешней политики и «уточненной» Стратегии пересмотреть сами принципы антисоциального и антинационального развития нации, либо ограничиться только поиском механизмов модернизации и иностранных заимствований? Готовы ли авторы стратегии объяснить нации ради чего она должна жить и работать? Служить в армии? Готовы ли авторы Стратегии, по примеру правящей элиты Японии, обложившей дополнительным налогом тех, кто не пострадал от катастрофы АЭС, ликвидировать несправедливое распределение национального богатства?

Все эти данные хорошо известны специалистам, но не стали предметом широкого общественного обсуждения, именно в силу недоразвитости институтов социального потенциала. Правящая элита поэтому живет одной жизнью, а общество, которое просто не имеет институтов влияния, - другой, И эти пласты не пересекаются. Редкие возмущения тянут входе официальной пропаганды.

Отсюда во многом и неэффективная экономическая политика, которая:

– во-первых, не имеет социальных ориентиров и называется «социальной» лишь с точки зрения вынужденного выделения части национального богатства в качестве повода для пиара;

– во-вторых, не может быть экономически эффективной, ибо не создает изначально условие для экономической деятельности в интересах нации.

Таблица ниже показывает, что за период наблюдения с 1994 по 2010 гг. сальдированный ввоз капитала был только в самые благополучные годы, когда чистый приток спекулятивного капитала составил астрономическую сумму для РФ в размере 123,1 млрд. долл.

[1] *О.Дмитриева*: богатство миллиардеров за счет бедности населения. – Эл. СМИ «Viperson». 11 марта 2011 г. / http://www.viperson.ru.

США. В другие же годы наблюдался только вывоз капитала, который в сумме составил, как минимум, 267,6 млрд. долл. США (а по некоторым оценкам экономистов, более 1,5 трлн. долл.!). Из этого следует, что экономика России, во-первых, обладает необходимыми инвестициями и все разговоры о привлечении иностранных инвестиций как условии модернизации, – пустая болтовня.

Во-вторых, Россия является нетто экспортером капитала. Готова ли элита, как, например, в Италии, ограничить вывоз капитала? Такая позиция характерна для стран: с развитой финансовой и экономической системой, в которых переизбыток капитала формирует часть экономики за пределами национальных границ (США, Англия, Гонконг, Тайвань и др.) и для **наименее развитых стран**, в которых политико-экономические условия заставляют бежать капитал из страны при первой же возможности, а также для сырьевых экономик, зависящих от зарубежных инвесторов. Понятно, что Россия относится именно к этим странам. Подчеркну, – наименее развитым, с точки зрения уже не столько экономической, сколько социальной и политической.

В условиях хронического недофинансирования экономики РФ такая ситуация губительна и отражает прямую зависимость от внешних факторов. При этом правительство практически не принимает мер для предотвращения практики оффшорных схем ведения бизнеса, что вызывает оправданное социальное, но игнорируемое правящей элитой негодование.

Чистый ввоз/вывоз капитала частным сектором в 1994–2010 годах (по данным платежного баланса Российской Федерации)

(млрд. долл. США)

Год	Чистый ввоз/вывоз капитала
1994	– 14,4
1995	– 3,9
1996	– 23,8
1997	– 18,2
1998	– 21,7
1999	– 20,8
2000	– 24,8
2001	– 15,0
2002	– 8,1

2003	– 1,9
2004	– 8,9
2005	– 0,1
2006	41,4
2007	81,7
2008	– 133,9
2009	– 56,9
2010	– 38,3
Итого:	– 267,6

В этих данных не показано, сколько инвестиций в Россию носит не спекулятивный, а действительно инвестиционный характер. Но, по некоторым оценкам, в 2010 году – не более одной десятой.

Надо ли говорить, что вывод капитала за рубеж – черта характеризующая представителей первой социальной группы, как назвал её В.Сурков, – «оффшорной аристократии»? Но ведь именно черту этой «аристократии» стали характерными чертами правящей российской элиты!

Вторая социальная группа, составляющая более 60% населения, это фактически граждане, проживающие **ниже уровня бедности и в нищете**. Причем эти искусственно созданные уровни, совершенно не соответствуют общепринятым стандартам. В реальности это означает, что большинство населения страны находится где-то между бедностью и нищетой (те самые 60%), а еще 30% – на уровне бедности и относительного благополучия.

И это, как принято объяснять, – следствие низкой производительности труда. Между тем покойный ныне академик Д.С.Львов подчеркивал, что «доля заработной платы в ВВП России примерно в 2–2,5 раза ниже, чем в любой западной стране. На один доллар … наш среднестатистический работник производит в 2,5–3 раза больше ВВП, чем например, в тех же США»[1]. Другими словами, **правящая элита недоплачивает**, **искусственно держит в нищете и бедности значительную часть нации**.

[1] *Д.С.Львов*. Экономика развития. – М.: Экзамен, 2002, с. 291.

Готовы ли эксперты – макроэкономисты обсуждать эти проблемы и предложить решение об изменении такой ситуации, введении, например, ограничений на вывоз капиталов за рубеж (которые существуют в ряде стран), или введении прогрессивной шкалы налогообложения? Уверен, что нет.

Но, главное, есть ли сегодня в России институт (институты) социального потенциала, готовые и способные исправить эту ситуацию? В частности поставить и решить вопрос о минимальной почасовой оплате труда? Лично я таких институтов не вижу: ни профсоюзы, ни партии при нынешнее политической системе и всевластии минфина - идеологическом и административном, – при наплевательском отношении к положению большинства граждан, такой вопрос не ставят и, тем более, не решают.

Важно, с точки зрения развития социального потенциала и в целом НЧП, что к числу безработных и малообеспеченных семей относится значительная часть социально-активных граждан. В том числе имеющих высшее образование (более 15%) и среднее профессиональное образование (почти 23%)[1].

Распределение численности безработных по уровню образования
(в процентах к итогу)

	Безработные – всего	в том числе имеют образование					
		высшее профессиональное*	среднее профессиональное	начальное профессиональное**	среднее (полное) общее	основное общее	не имеют основного общего образования
Всего							
1995	100	**11,5**	28,7	…	41,8	16,7	1,3
2000	100	15,2	22,7	13,5	32,8	13,7	2,1
2001	100	14,3	25,2	13,1	33,5	12,8	1,1
2002	100	13,2	24,4	12,4	34,9	13,9	1,2
2003	100	13,9	20,7	16,2	33,7	14,1	1,4
2004	100	13,6	20,5	18,3	33,1	13,5	1,1
2005	100	13,0	18,8	18,3	32,4	16,4	1,1
2006	100	12,8	17,3	17,6	37,0	13,5	1,8
2007	100	14,0	18,8	18,6	34,9	12,6	1,1

[1] Российский статистический ежегодник. 2010. – М.: Росстат, 2010 г., с. 144.

2008	**100**	**15,6**	19,3	20,6	32,2	11,0	1,4
2009	**100**	**15,0**	22,9	20,2	30,8	10,5	0,6

[*] До 2009 г. – включая неполное высшее образование, в 2009 г. включая послевузовское образование.

[**] В 1995 г. лица, имеющие начальное профессиональное образование, учитывались по уровню среднего (полного) общего или основного общего образования.

Другими словами более 30% безработных в России это люди, **имеющие хорошее образование, отражающее в целом критериям экономики знаний**. Это тот социальный и человеческий потенциал, который в современных условиях не находит себе применения. Это – огромный неиспользуемый ресурс развития нации, который, как признано, является главным конкурентным преимуществом любой страны.

Кроме того, именно эти категории граждан стали главной движущей силой социальных революций в странах Северной Африки и Ближнего Востока. Эти граждане – потенциал для социального протеста и готовый материал для революций. Они гораздо опаснее правящим режимам, чем миллионы крестьян и пролетариев.

В России это правило действует также. Протесты, назревающие в обществе в 2010–2011 годах, связаны в том числе и, может быть, прежде всего с тем, что образованная часто нации, читающая и способная мыслить самостоятельно, прекрасно понимает всю несправедливость сложившейся социальной и политической системы. Именно поэтому новые формы институтов социального потенциала, особенно в слабоконтролируемом интернете, стали стремительно нарождаться как альтернатива отсутствующим институтам социального потенциала.

Но протестный потенциал не исчерпывается высокообразованными безработными. Если же к этим цифрам, отражающем официальную статистику, добавить число не зарегистрированных безработных, а также тех, кто вынужденно ушел на менее квалифицированную работу, или вообще не желает работать не по специальности, то мы поймем насколько бездарно используется социальный потенциал нации. Эта статистика не отражает, но, по моим оценкам, речь может идти о более 12 млн. человек.

Распределение численности безработных по обстоятельствам незанятости[1]
(в процентах к итогу)

	Безработные – всего	в том числе			
		ранее имели работу	из них оставили прежнее место работы в связи		Ранее не имели работы
			с высвобождением по причине сокращения штатов, ликвидации организации, собственного дела	с увольнением по собственному желанию	
Всего					
1995	100	83,1	28,3	39,3	16,9
2000	100	80,9	26,6	26,0	19,1
2001	100	79,7	25,0	26,0	20,3
2002	100	75,9	23,4	22,8	24,1
2003	100	77,7	20,5	26,4	22,3
2004	100	75,6	21,3	25,0	24,4
2005	100	74,0	22,3	22,0	26,0
2006	100	68,2	19,2	21,8	31,8
2007	100	70,4	17,6	22,4	29,6
2008	100	73,0	20,4	22,4	27,0
2009	100	**76,8**	**28,8**	**21,2**	**23,2**

Понятно, что все это было хорошо известно и до кризиса 2008–2010 годов, но обострение, смею полагать, произошло не из-за кризиса, который, конечно же, больно ударил по экономике России, а из-за социальной и национальной несправедливости при решении проблем. Проблем возникших и осознанных, в том числе, в ходе кризиса, и, особенно, после него.

Рост экономики в 4% в 2010 году и ожидаемый рост в 4,5% в 2011 году на фоне роста цен и социальной несправедливости,

[1] Российский статистический ежегодник. 2010. – М.: Росстат, 2010 г., с. 146.

наступающей усталости от такой стабильности, безусловно, создают условия для обострения социального протеста в России. Учитывая же, что государство препятствует (или, как минимум, не содействует) укреплению и созданию новых институтов развития социального потенциала, эти новые институты формируются стихийно, носят, как правило, оппозиционный характер. Это справедливо не только по отношению к институтам, стоящим на «либеральной традиции» («31-я статья Конституции», общества поддержки М.Ходорковского и т.д.), но и по сути имеющим общедемократический характер («Синие ведерки»).

Особенно этот вывод справедлив для тех социальных институтов, которые стоят в открытой оппозиции к власти, например, влиятельным националистическим организациям, для большинства из которых В.Путин перестал быть лидером, отражающим национальные интересы страны[1]. Эти организации, как правило, неформальные, еще недооценены. Они не афишируют свою деятельность, но представляют собой очень мощный протестный потенциал.

Эта социальная несправедливость толкает большинство нации на выступления, которые порождают современный терроризм, бандитизм и неизбежно станут причиной внутриполитической нестабильности. Именно растущий средний класс стал движущей силой революций в Северной Африке.

Разрабатывая новую стратегию, таким образом, необходимо принять **политическое решение о повышении реального жизненного уровня граждан**[2]. Причем не косметические, иногда издевательские (как, например, повысить стипендию в 1500 рублей на 9%, т.е. на 140 рублей в сентябре 2011 года), а реальные. Это, в свою очередь, неизбежно приведет к росту производительности труда и расширению внутреннего спроса, который и является, как показывает опыт, гарантированным двигателем развития экономики.

---

[1] «В.Путин оказался главным националистом, а новая власть – обладанием монополии на национализм», – пишут исследователи МГИМО (У). Русский национализм между властью и оппозицией / под ред. В.Прибыловского. – М.: Центр «Панорама», 2010 г., с. 53. Они же, на мой взгляд, безусловно считают, что «Русский национализм скорее фантом и медийный миф…» (стр. 62).

[2] По оценкам В.Иноземцева, например, запланированная на весь 2011 год инфляций в 12% достигла в реальности 15%-го уровня уже в неполном первом квартале 2011 года. См.: Известия, 17 марта 2011 г.

Пока что это решение даже не обсуждается. Господство примитивной либеральной идеологии и модели управления игнорирует эту общественную и экономическую потребность, хотя даже в развитых странах установки не искусственный, а реальный прожиточный минимум, реальные стипендии (для справки: стипендия аспиранта в России составляет 1500 рублей, а в большинстве развитых стран – 1000–1500 евро), реальную минимальную зарплату. Не существует и институтов, способных исправить эту ситуацию. Решение может принято только правительство, которое сознательно игнорирует эту очевидную общественную потребность, прикрываясь псевдолиберальными финансовыми рассуждениями о «всплеске инфляции».

На мой взгляд, нация должна вынудить, заставить правящую элиту предоставить существующим институтам социального потенциала максимально благоприятные условия для развития – политические, экономические, правовые. Это потребует изменения всей системы взаимоотношений по оси «правящая элита» – «институты социального потенциала», включая делегирования таким институтам значительной части полномочий. Это – один из способов исправить тормозящую развитие систему общественных отношений. Другой способ – антиправительственные выступления, которые **неизбежно** последуют для исправления этой ситуации. Россия не может быть исключением из закона соответствия общественных отношений уровню развития производительных сил.

Важно подчеркнуть, что в XXI веке уже мало обеспечить прожиточный минимум, точнее – уровень биологического выживания. Необходимо обеспечить всей нации возможности творческого – интеллектуального, культурного и духовного развития. Те возможности, которые сегодня определяют качество национального человеческого капитала (НЧК), а также условия для развития креативного класса, – ведущего класса. Именно **качество** НЧК, включая качество институтов социального потенциала, является главным **ресурсом национального развития**. В том числе и экономического, и социального. Что абсолютно не учитывается в стратегии социально-экономического развития и планах модернизации. В этой связи вынужден согласиться с И.Юргенсом, который с неолиберальных позиций придерживается аналогичной точки

зрения: «… в современном мире глобальная конкуренция выливается **в конкуренцию институтов** (подч. *И.Ю.*), поэтому задача в принципе не решается запуском сколь угодно амбициозных проектов; модернизация начинается не с технологий и экономики, но с институциональной среды, политики, идеологии, системы ценностей»[1].

Сводить все социальное к доходам – неверно принципиально, но важно понимать, что именно доходы определяют во многом степень реализации творческого потенциала личности. Как справедливо замечает профессор И.Полюбина, «Принципиальный вопрос – это переход от нынешнего уровня **прожиточного минимума** к его достойному уровню. Достойный уровень прожиточного минимума предполагает учёт в составе потребительской корзины не только набор продуктов питания и товаров первой необходимости, но и затраты на образование, медицинское обслуживание, оплату коммунальных услуг и транспорта, а также на развитие культурных и творческих способностей.. Достижение этого минимума станет обязательным условием для перехода к рыночным механизмам в социальной сфере. Пока этого реального уровня нет для 60% граждан, нет и развития НЧП и его социальной составляющей. Грубо говоря, большинство нации просто «выпадает» из процесса развития.

Сегодня говорить о достойном уровне прожиточного минимума не приходится»[2]. Пока же мы говорим о прожиточном минимуме как абстракции, которая должна обеспечить уровень выживания некого абстрактного индивидуума, но ни его развития, т.е. превращения человеческого потенциала в капитал не предусматривает. Этого и не происходит. Общество застыло в развитии.

Более того, нация начала деградировать. Как видно из приводимых ниже данных, символический рост прожиточного минимума (порядка 10%) не успевал за реальной инфляцией. Да и сам этот уровень очень трудно назвать даже уровнем выживания.

---

[1] Обретение будущего: Стратегия 2012. Конспект. – М.: Экон-информ, 2011, с. 13.

[2] И.Б.Полюбина. Бедность как феномен: причины, стратегия преодоления. – Эл. СМИ «Viperson». 11 марта 2011 г. / http://www.viperson.ru.

Величина прожиточного минимума в целом по Российской Федерации, в расчете на душу населения
(руб. в месяц)*

	Все население	В том числе		
		трудо-способное население	пенсио-неры	дети
I квартал 2009 г.				
Величина прожиточного минимума	5497	4044	4837	5083
II квартал 2008 г.				
Величина прожиточного минимума	5607	4129	4963	5187
III квартал 2009 г.				
Величина прожиточного минимума	5620	4134	4978	5198
IV квартал 2009 г.				
Величина прожиточного минимума	5562	4091	4922	5144
I квартал 2010 г.				
Величина прожиточного минимума	5956	4395	5312	5518
II квартал 2010 г.				
Величина прожиточного минимума	6070	4475	5423	5625
III квартал 2010 г.				
Величина прожиточного минимума	6159	4532	5510	5707

* **Источник:** http://www.gks.ru/bgd/free/

Данные этой таблицы свидетельствуют о том, что прожиточный минимум в России крайне низкий: во 3 квартале 2010 г. он составил 6159 рублей. Но, даже, несмотря на такой крайне низкий уровень прожиточного минимума, в стране во 3-ем полугодии 2010 года 18,5 млн. чел. или 13,2% от общей численности населения, имели доход ниже этого уровня (см. табл.). Из таблицы видно, что эта цифра за период 2007–2009 гг. тревожно стабильна и колеблется в районе 13,3% от численности населения. Другими словами, десятки миллионов людей поставлены за грань выживания. И они действительно вымирают.

Численность населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума в целом по Российской Федерации

Годы	млн. человек	в % от общей; численности населения
2007	18,7	13,3
2008	18,9	13,4
2009	18,5	13,2

Но даже эти ужасные данные, безусловно, имеют мало общего с действительностью, так как соотносятся с искусственно установленными нормами дохода и прожиточного минимума. По некоторым оценкам, численность малообеспеченных граждан, т.е. тех, кто испытывает ограничения в покупке продовольствия, те попросту голодает, превышает 60%. Но и даже эта официальная статистика, привязанная к искусственным нормам, не может скрыть того, что десятки миллионов граждан живут ниже этих норм[1]. То, что их численность уменьшается с 2000 года, не должно успокаивать. Прежде всего, потому, что условный характер понятия «прожиточный минимум» предназначен для абстрактных расчетов, а не для оценки социального и экономического положения граждан. Эта норма фактически превращает миллионы граждан России в асоциальную группу лиц, которые не участвуют ни в экономической, ни в культурной, на в социальной жизни страны.

Налицо очевидное противоречие по этому вопросу: стратегия национального развития (которой сегодня нет) должна исходить из недопустимости существования целого асоциального класса нищих, а современная социально-экономическая стратегия (которая существует) планирует сохранение этого класса, «аргументируя» эту необходимость фискальными соображениями.

Это противоречие может быть устранено только в том случае, когда у элиты есть общепринятая система взглядов на развитие нации и государства, которая расставляет четко приоритеты для экономических и финансовых ведомств. Еще в 1995 году я писал: «Для выхода из системного кризиса России особенно нужна, во-первых, тщательно

[1] Российский статистический ежегодник 2010. – М.: Росстат, 2010 г., с. 193.

продуманная стратегия государства, основанная на национальной идее, и, во-вторых, сильная политическая воля нации для ее реализации»[2].

Сегодня, в 2011 году, нет ни первого, ни второго. И это очевидно стало для значительной части общества в 2010–2011 годы, что и стало серьезной аргументацией в пользу тех, кто выступает в оппозиции – как справа, так и слева.

Численность населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума и дефицит денежного дохода*

	2000	2001	2002	2003	2004	2005**	2006	2007	2008	2009
Численность населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума:										
млн. человек	**42,3**	**40,0**	**35,6**	**29,3**	**25,2**	**25,2**	**21,5**	**18,7**	**18,9**	**18,5**
в процентах от общей численности населения	**29,0**	**27,5**	**24,6**	**20,3**	**17,6**	**17,7**	**15,2**	**13,3**	**13,4**	**13,2**
Дефицит денежного дохода:										
млрд. руб.	**199,2**	**238,6**	**250,5**	**235,4**	**225,6**	**286,9**	**276,6**	**270,3**	**325,3**	**357,7**
в процентах от общего объема денежных доходов населения	5,0	4,5	3,7	2,6	2,1	2,1	1,6	1,3	1,3	1,3

*Оценка на основе материалов выборочного обследования бюджетов домашних хозяйств и макроэкономического показателя среднедушевых денежных доходов населения.

**На основании Федерального закона от 24 октября 1997 г. № 134-ФЗ «О прожиточном минимуме в Российской Федерации» осуществлен пересмотр состава потребительской корзины, в соответствии с которой определяется величина прожиточного минимума. При анализе динамики бедности необходимо принять во внимание, что при использовании данных о величине прожиточного минимума, определяемой в сопоставимой методологии, тенденция к сокращению уровня бедности не менялась.

Совершенно понятно, что эти граждане не участвуют в формировании институтов социального потенциала нации. Наоборот, **они создают антисоциальные институты, прежде всего, криминальные сообщества, организации по подпольной торговле алкоголем, контрабанде наркотиков и т.д., т.е. их деятельность прямой выход из НЧП**.

[2] *А.Подберезкин*. Предисловие. В кн.: Концепция национальной безопасности России в 1995 году. – Специальный выпуск (№ 3–4) журнала «Обозреватель». М.: Обозреватель, 1995 г., с. 15.

Будущая стратегия национального развития должна четко сформулировать задачу ликвидации нищенства и бедности, а не планировать их сокращение к 2020 году, как это делается сегодня. Тем более что экономике и обществу это по силам. Как видно из данных Росстата, дефицит денежных доходов этой социальной группы менее 5% от всех денежных доходов граждан.

Очевидно, что Стратегия 2020 должна в приоритетном порядке, как минимум, не сократить, а ликвидировать эту социальную группу, а в качестве приоритетной задачи разработать минимальные критерии, в соответствии с которыми все социальные группы нации без исключения должны не просто биологически выживать, **но и развиваться**. Это – важнейший национальный ресурс, который сегодня просто не используется. С политической и нравственной точки зрения сохранение нищих в России свидетельствует о неспособности власти решать задачи национального масштаба: десятки миллионов голодных – это угроза политическая.

Примечательно, что при таком количестве бедных людей в России проводится откровенная асоциальная налоговая политика (см. табл.), которой нет никаких оправданий. Действительно, единственный «аргумент» Минфина – так проще собирать налоги» – не просто политическая глупость, но и прямое оскорбление всей нации.

Высшая ставка подоходного налога и предельный уровень годового дохода, по которому определяется высшая ставка налога

Страны	Высшая ставка подоходного налога (2003 г., в %)	Страны	Предельный уровень годового дохода, по которому определяется высшая ставка налога (2003 г., тыс. евро)
Дания	59,0	Швейцария	436
Франция	57,6	США	276
Швеция	57,0	Япония	137
Бельгия	56,4	Норвегия	109
Норвегия	55,3	Финляндия	55
Финляндия	52,8	Германия	55
Германия	51,2	Франция	47
Япония	50,0	Швеция	47
США	41,8	Англия	44

Англия	40,0	Бельгия	44
Венгрия	40,0	Дания	41
Швейцария	38,9	Чехия	31
Словакия	38,0	Словакия	14
Чехия	35,0	Венгрия	5

Источник: Standort Deutschland. Ein internationaler Vergleich. 2005. – Koln, 2005. – S. 10. Bundesfinanzministerium, BRD. – Bonn, 2005; EZB.

Как показывают данные таблиц, в России (где уровень дохода на душу населения в 3,3–3,4 раза ниже по сравнению с указанными в таблице развитыми странами мира) используются, по сути, асоциальные элементы налоговой системы.

Но еще тревожнее то, что за 2008–2011 годы упал уровень жизни той образованной части нации, которая условно называется средним классом. За 2000–2008 годы в результате экономического подъема она сложилась в относительно устойчивую социальную группу, которая, по некоторым оценкам, достигает 20–22%. Эта Социальная группа стала костяком той социальной опоры, которая поддержала политику В.Путина, а затем и Д.Медведева.

Кризис резко сократил расходы этого класса, ухудшил не только его материальное положение, но и веру в будущее. Отток капитала за рубеж в 2010 году, по мнению экспертов, был вызван уже не столько переводом крупных сумм (как правило, украденных), но бегством профессионалов из страны. Именно всплеска недовольства этого класса, потерявшего веру и перспективу, столкнувшегося с ростом цен и ограничениями в творчестве, следует больше всего опасаться правящей элите.

Особенно остро в 2010–2011 годах встала проблема социальной справедливости в ее самых различных формах – от движения «синеведерочников» до выступления националистов в Москве и других городах. Осталась и проблема социальной справедливости и с точки зрения прогрессивного налогообложения. Миллионы работающих российских граждан должны начинать выплачивать налог на доходы после достижения получаемой в месяц суммы примерно 12 евро (т.е. 400 руб.). В развитых же западных странах платежи налогов начинаются лишь при достижении месячного дохода на уровне 600–700 евро. При

этом величина нижней налоговой ставки в нашей стране (нацеленной на социально ущемленные слои людей) почти соответствует сложившимся на Западе нормам, в то время как верхняя ставка (ориентированная на состоятельных людей) примерно в 3–4 раза ниже мировых стандартов. Эту проблему власть объяснить не может. И понятно почему.

Налоговая стратегия в разных странах мира

Страна	Нижняя ставка налога (%)	Уровень дохода, при достижении которого начинается обложение налогом (в месяц, евро)	Верхняя ставка налога (%)	Уровень дохода, при достижении которого ставка уже не меняется (в месяц, евро)	ВВП на душу населения в 2002 г. (тыс. долл.)
Франция	14,83	710	56,09	4062	27,7
Германия	15	639	44,31	4346	26,7
Россия	13	12	13	12	11,0

В марте 2004 года президентом страны была поставлена задача: за 3 года сократить количество россиян, живущих за чертой бедности, почти втрое – до 10–12% («Известия», 22 марта 2004 г.). Можно констатировать, что была провозглашена попытка по искоренению в России бедных. Приведенные выше цифры говорят о том, что задача эта оказалась невыполненной.

При этом следует иметь в виду 4 обстоятельства:

– растущая инфляция постоянно «поднимает» планку бедности;

– рост выплат из государственного бюджета может решить только проблему бедности для пенсионеров. И то лишь при условии повышения минимальных пенсий до уровня, превышающего официально установленный прожиточный минимум. Не следует забывать также и о необходимости индексации в объёмах темпов инфляции;

– большинство российских бедняков – это работники неэффективных предприятий, которые в условиях наступившего кризиса рано или поздно закроются. Это вызовет колоссальный всплеск безработицы.

– типичными ареалами бедности в России являются малые города. Особую остроту этому обстоятельству придает тот факт, что в них проживает четверть населения страны. Работнику в таком городе сложно найти даже основное место работы, не говоря уже о подработке.

Снабжение семей продуктами питания затруднено в силу отсутствия крупных приусадебных участков, а имеющиеся земельные участки нередко расположены далеко от места проживания.

Кризис 2008–2010 годов лишь обострил существующие многие проблемы. И, прежде всего социальные, а не экономические: общество, как ни странно, привыкло к кризисам, но оно **не привыкло к потере исторической перспективы и безысходности**. Стабилизация, которая была символом 2000–2010 годов, стала ассоциироваться с застоем, неверием власти. Удивительным образом ситуация 2011 года стала походить на ситуацию начала 80-х годов в СССР. И не только для тех, кто ее помнил, но и для тех, кто о ней только слышал.

Общественные настроения стали все больше противостоять власти, прежде всего из-за ее неспособности решать конкретные вопросы, коррумпированности и – что немаловажно – невнятности программы. Абстрактность, провал и неверие в Стратегию 2020 только усилили эти сомнения.

В это же время значительная часть институтов социального потенциала стала критически относиться к действиям власти. И экспертные сообщества, и партии (региональные выборы в 2010 и 2011 годах, естественно, стимулировали эти настроения), и различные общественные организации, которые очень чутко уловили эти общественные настроения.

Примечательно, что признавая наличие кризиса и нарастание напряженности в обществе, сторонники различных идеологий и моделей предлагали различные, порой совершенно полярные, варианты выхода из кризиса. Так, по инициативе С.Караганова Совет при Президенте РФ по содействию развития гражданского общества и правам человека выступил с инициативой «десталинизации», необходимость которую он обосновал не провалом либеральных реформ и идеологии, а … «потерей чувства нормального патриотизма». Примечательно, что в качестве обоснования С.А.Караганов привел тезис необходимости «рывка вперед российского народа», «возвращения в массы лучшего, что создала Россия, ее высокая культура», с одной стороны, и необходимость

«преодоления опасного состояния общества, когда массы презрительно относятся к элитам, а элиты – к массам»[1], – с другой.

Действительно, кризис в обществе, негативное отношение к правящей элите, понимание необходимости возвращения нравственных основ – стало общепризнанной точкой зрения в 2011 году. В том числе в части правящей элиты. Но реализовать эти настроения могут только институты социального потенциала. Тот же Совет при Президенте РФ, признавший такой кризис, является одним из таких институтов. Не всегда и во всем, на мой взгляд, адекватный и действующий правильно, в т.ч. и в случае с «десталинизацией», но, все-таки, институт, способный не только дать оценку, но и сделать ее предметом общественного обсуждения.

Институты и социальный потенциал в целом стали, де-факто – не только важнейшей частью национального человеческого потенциала, но и **ключевым условием его реализации**, т.е. превращением в капитал. Причем дело не столько в экономической эффективности, как считает ряд экономистов, сколько, прежде всего, **в общественной пользе**. Но ни первое (значение институтов), ни второе (приоритет социального развития по отношению к экономическому) правящая элита признать еще не готова. Отсюда и неэффективность, безрезультативность попыток написать и исполнить стратегию социально-экономического развития. И дело даже не в конкретном провале Стратегии 2020, а в отсутствии вообще практических результатов, растущем разрыве между декларациями и мало-мальскими практическими последствиями.

Главная историческая задача институтов социального потенциала сегодня это доказать, что Россия нуждается не просто в опережающем развитии[2], а в качественно новом развитии – скачке[3], – как в развитии

---

[1] *С.А.Караганов*. Роман с тираном без конца? – Российская газета, 8 апреля 2011 г., с. 3.

[2] Термин «опережающее развитие», как правило, используется для того, чтобы охарактеризовать темпы роста ВВП выше, чем средние в мире (порядке 3,5% в последнее десятилетие), либо в развитых странах (порядка 2.5%). Таким образом он фактически сводится к количественному росту ВВП. В этом смысле Россия в 2000–2007 годы вполне соответствовала этому критерию.

На мой взгляд, опережающие развитие это именно развитие, а не рост, когда основная «прибавка» в ВВП (более 75%) состоит из результатов деятельности наукоемких отраслей экономики и обеспечивается развитием человеческого потенциала.

[3] **Скачок** – зд. качественное изменение состояния общества, экономики и государства в среднесрочной перспективе (до 10 лет), при котором страна выходит на

экономики, так и общества. Власти и элита этого делать не хотят или не могут. Причем это развитие должно быть обеспечено, на первом этапе, прежде всего, за счет развития собственных институтов социального потенциала и национального человеческого потенциала, в целом. Это может уже не только в долгосрочной, но и в среднесрочной перспективе обеспечить стране **новое качество экономики и общества**, «фазовый переход» в новое состояние экономики, общества и государства, соответствующее современным характеристикам развития человечества, дать уверенность обществу в позитивном сценарии развития.

Собственно эта общенациональная цель должна быть, в конечном счете, сформулирована в качестве главной в стратегии национального развития в качестве первоочередной, срочной цели развития. Необходимы срочные меры, которые можно и нужно принять уже в краткосрочной перспективе и получить конкретные результаты. Повторю, что власть, правящая элита показали свою неспособность к этому[1]. Перевести вектор развития в иную плоскость могут только институты социального потенциала – партии, общественные организации, творческие коллективы, которые должны взять на себя эту инициативу. Они должны сложить в обществе влиятельный консенсус, который, на мой взгляд, может базироваться на идеологии русского социализма, представлениях адекватной части общества о путях и способах национального развития.

показатели развития НЧП, соответствующие странам-лидерам. О его необходимости я не раз писал, начиная с 1995 года. См., например: Глава IV «Идея «технологического рывки»». В кн.: *А.Подберезкин, Ю.Булатов*. Россия в глобальном мире: некоторые теоретические аспекты исследования. – М.: Научная книга, 2003 г., с. 202–222.

[1] В этом смысле корректировки «Стратегии 2020», обещанные В.Путиным, не имеют перспективы, если, конечно, он, как лидер, не пересмотрит в принципе свою идеологию и подход к стратегии национального развития.

1.3. Провал Стратегии 2020: будут ли выводы?

«…этот первый шаг должен вызвать дискуссию, в центре которой стоит вопрос **о стратегии развития Нации,** как на краткосрочную, так и долгосрочную перспективу»[1].

А.Подберезкин

«Стратегия (инновационного развития 2020 – *А.П.*) задает долгосрочные ориентиры развития субъектам инновационной деятельности, включая органы государственной власти всех уровней (!? – *А.П.*), науку и предпринимательский сектор, а также ориентиры финансирования сектора фундаментальной и прикладной науки, поддержки коммерциализации разработок»[2].

Инновационная Россия 2020

Провал Стратегии 2020 это, прежде всего провал всей идеологии фундаментального либерализма 1990-х–2000-х годов, а не каких-то конкретных концепций и идей, тем более административных решений. Понимание этой главной причины крайне важно для того, чтобы не повторить этой ошибки, которые обязательно произойдет в случае простой «корректировки» Стратегии, объявленной В.Путиным.

Основные критические положения Стратегии 2020 повторяют основные соображения относительно национальной стратегии развития, которые я многократно озвучивал, начиная с конца 80-х годов прошлого века: необходимость национально ориентированной социальной идеологии, как системы взглядов элиты и общества на развитие нации, укрепления институтов государства и социального потенциала, необходимость ясной стратегии национального развития, основанной на идеологическом прогнозе и стратегическом планировании, и т.д[3]. К сожалению, к 2011 году мало что изменилось в принципиальном плане, хотя сторонники существующей модели развития и поспешили списать ее провал на кризис 2009–2010 годов. Как заметил Г.Павловский, «Накануне цикла федеральных выборов 2011–12 годов российский консерватизм дискредитирован и готовится к капитуляции. Он слишком слаб, чтобы

[1] *А.Подберезкин*. Предисловие. В кн.: Концепция национальной безопасности России в 1995 году. – М., РАУ-корпорация, 1995 г., с. 15.

[2] Инновационная Россия 2020 (Стратегия инновационного развития Российской Федерации на период до 2020 года). – М.: МЭР, 2010 г., с. 2.

[3] См., например: *А.И.Подберезкин, С.А.Абакумов*. Гражданское общество и будущее российского государства: в поисках эффективного алгоритма развития. М.: Имидж-Пресс, 2004 г.; а также: Роль институтов гражданского общества и потенциала человеческой личности как возрастающих факторов ускорения социально-экономического развития России. М.: Москва–Санкт-Петербург, 2005, где, в частности, я писал: «… государство побаивается … такой независимости гражданского общества и искусственно сдерживает его формулирование (с. 270),.

выполнить обязательное домашнее задание – привести в государственный строй и правовой порядок победы прошлого десятилетия»[1].

«Прогрессивные» либералы немедленно отреагировали в своих оценках периода В.Путина и Д.Медведева, спеца списать неудачи … на реакционность режима. Как сказал С.Караганов, «… стоит понимать, что **последние десять лет выполнялась именно реакционная и консервативная политическая повестка**. Многие демократические свободы были свернуты, была восстановлена властная вертикаль, восстановлено сильное, жесткое и успешное во внешней политике государство. Соответственно, сейчас потенциальная повестка дня этих групп уже практически исчерпана»[2].

В 2010 году в очередной раз вновь стало ясно, что Стратегия 2020 провалилась. Хотя отход от нее в 2008–2009 годах связывался с мировым кризисом, в действительности, эта стратегия изначально была неверной и нереализуемой в силу более принципиальных и фундаментальных соображений. И, прежде всего очевидной недооценки политических и социальных аспектов этой стратегии ее разработчиками.

К сожалению, когда конце 2010 года В.Путиным было принято решение «скорректировать» Стратегию 2020, не меняя ее целей и приоритетов, т.е. сути, стало ясно, что правящая элита так ничему и не научилась.

К сожалению, провал принятой в марте 2008 года Стратегии долгосрочного социально-экономического развития России до 2020 года (Стратегии 2020) похоже, так ничему не научил российскую правящую элиту. И, прежде всего тому, что России нужна долгосрочная стратегия опережающего национального развития[3] основанные на идеологической системе взглядов, а не ее частный технологический аспект, который не включает (да и не может включать) ни политических, ни социальных, ни

---

[1] *Г.Павловский*. Реквием по одной неудачной редакции. – Специальное издание Русского института, 6 мая 2011 г., с. 2.

[2] *С.Караганов*. Консерваторы воруют, реакционеры – нет? – Специальное издание Русского института, 6 мая 2011 г., с. 3.

[3] Идея «технологического скачка» подробно описана впервые в кн.: *А.Подберезкин, Ю.Булатов*. Россия в глобальном мире: некоторые теоретические аспекты исследования (Глава IV, раздел № 5 «Идея «Технологического скачка», сс. 202–220.

демографических, ни иных важнейших моментов развития нации и государства[1].

Повторяется и прежняя ошибка, когда, по сути, политическую стратегию готовят узкие эксперты одного ведомства, придерживающиеся вполне определенных либеральных взглядов. Кстати, которые многократно ошибались и не добивались успехов по сути дела ни разу за последние 20 лет. Не вижу причин, почему они не ошибутся в очередной раз.

Вот почему можно заранее предсказать вероятные результаты реализации (точнее – их отсутствие) уже будущей новой стратегии, которую, возможно, разработают к концу 2010 года. Уверен, что через год-полтора после ее утверждения, т.е. к концу 2012 года, станет ясно, что и эта стратегия была мертворожденной. Поэтому важно до этого сформулировать основные причины провала Стратегии 2020. Может быть общественному мнению и его институтам на этот раз удастся повлиять на решения правящей элиты и избежать ошибок, которые заранее известны. Как и негативные последствия таких ошибок. Логика моих рассуждений такова.

Первое. Прежде всего существующие концепции и модели, в том числе и предполагаемые корректировки «Стратегии 2020», исходят из инерционных вариантов развития, в лучшем случае предполагают внедрение инновационных элементов, которые являются экстраполяцией нынешних тенденций, а значит, **не решают в принципе** поставленной политической и цивилизационной задачи[2]. Все они в той или иной степени являются идеологической системой взглядов современной российской элиты, основанной на псевдолиберальных представлениях о развитии общества, экономики и государства, а потому изначально не способны даже сформулировать задачу «Большого скачка»[3].

---

[1] См. подробнее: *А.Подберезкин*. Социальный потенциал и стратегия долгосрочного развития. – Вестник МГИМО(У), № 2 (17), 2011 , сс. 7–9.

[2] **Цивилизация** – зд. Сложные социальная система, состоящая из социума - нации, – среды и времени, а также территории, культуры и системы ценностей, хотя существуют и другие определения. См., например: *Б.А.Гонтарев*. СМИ и мировые цивилизации. М., МГИМО(У), 2011, с. 3.

[3] О необходимости такой стратегии я писал неоднократно. В том числе накануне президентских и парламентских выборов 90-х и 2000-х годов. В основе такой стратегии должны лежать правильно понятие национальные интересы и ценности, точно сформулированные цели и правильно распределенные ресурсы. Но в

Без такой политически сформулированной задачи, ее идеологического обоснования, стратегия обречена на неудачу. Представьте себе спортсмена, перед которым ставится цель «развиваться по мере возможности», как сложатся условия, а не выиграть соревнования, либо «взять высоту» («вес» и т.н.). Этот спортсмен будет работать не на результат, а на процесс – есть, тренироваться и отдыхать «по мере возможностей». При этом ориентироваться не на лидеров (других спортсменов), а на «средние показатели».

Так и Россия, если перед ней не будет поставлена национальная сверхзадача («взять высоту»), она будет ориентироваться на средние по миру показатели, а не на лидеров (например, Китай) который принял четкую программу развития до 2050 года). Другими словами, правящая элита просто обязана сформулировать **амбициозную цель национального развития**, сверхзадачу, которая потребует мобилизации всех ресурсов, воли и концентрации всех сил на ее решение. Это должна быть задача опережающего развития, по сути дела «скачка», но не только (и не столько) в технологиях, сколько в НЧП, его институтах, которые должны превратиться в отсутствующие сегодня механизмы развития.

Второе. Чтобы сформулировать и предложить решение проблемы «Большого скачка», как я полагаю, России нужна **новая и устойчивая политико-идеологическая система взглядов элиты и общества**, т.е. идеология, оформленная в соответствующую идеологию русского социализма, либо социального консерватизма. Вне этой идеологии правящая элита и ее экспертное сообщество даже и **не будут пытаться поставить перед нацией такой проблемы**. Это – главный вывод из провала Стратегии 2020, не учитывая который бессмысленно говорить об эффективной будущей стратегии. Сначала идеология, затем стратегия развития нации и только потом социально-экономическая стратегия, конкретизирующая в некоторых деталях национальную стратегию. Целью такой идеологии является формирование системы ценностей и выход из нравственно-духовного кризиса последних десятилетий.

тактическом плане важны «идеологические прорывы» элиты, т.е. политическое искусство, мастерство, профессионализм и нравственность, основанные на реальных научных знаниях, а не либеральной традиции. См. А.Подберезкин. Стратегия для России (материалы для съезда социалистической единой партии России). М., 2002 г., сс. 18–20.

Надо признать изначально, что элита и экспертное сообщество так и не дали пока четкого ответа на такие вопросы, на которые обязаны ответить формируя стратегию национального развития:

– кто мы и какими хотим быть как нация;

– какие у нас национальные интересы и какие национальные цели мы перед собой ставим[1];

– какие ресурсы нам нужны и чем мы готовы пожертвовать ради достижения этих целей (а если никто не готов жертвовать, то почему).

На мой взгляд, многое стало бы яснее, если бы мы предложили нации понятную всем систему ценностей (а не абстракции Стратегии 2020), логично вытекающую из этой системы приоритетов и такую же логику национальной стратегии, определяющую четкие цели и распределяющую национальные ресурсы (причем все, а не только финансовые). Или перераспределяющие, в т.ч. внутри общества.

Как один из вариантов, на мой взгляд, наиболее простой, я предлагаю **модель**, в соответствии с которой выстраиваются системы приоритетов и целей национальной стратегии.

Целью стратегии нации является достижение максимальных показателей мощи относительно других наций, ибо любая сила и мощь в мире понятия относительные, а абсолютное мощи не бывает.

$$М = НБ + ВВП + ВС + НС$$

где:

М – мощь нации, отражающая как уровень ее развития относительно других стран, так и степень национальной идентификации.

НБ – доля национального богатства (НБ) нации относительно других наций (в %), состоящая из

НЧК – национального человеческого капитала (в % от мирового);

МА – материальных активов (в % от мировых);

ПР – природных ресурсов (в % от мировых).

ВВП – доля нации в мировом ВВП, как реализуемая часть НБ;

[1] В этом смысле очень справедливое замечание о национальных интересах, понимаемых нашей элитой, данное М.Леонтьевым. См. подробнее: Специальное издание Русского института, 6 мая 2011 г.

ВС – военная сила, как показатель способности защитить национальные интересы и ценности, сохранить идентичность и суверенитет государства;

НС – национальная самоидентификация, степень единства, как показатель национального единства, стабильности и воли защищать национальные интересы и ценности.

Из этой простейшей модели, например, видно, во-первых, что национальная мощь является понятием относительным, т.е. соизмеряется с мощью других наций и государств планеты.

Во-вторых, видны слагаемые этой мощи, прежде всего характеризуемые показателями национального богатства (где более 60% приходится на НЧК), ВВП страны, качеством военной силы и национальной идентичности.

Существует великое множество других критериев, индексов и показателей, характеризующих нацию, но важно, чтобы в элите и обществе была достигнута договоренность относительно как самих составляющих, так и цели развития. В противном случае теряется смысл движения. Так, например, можно (что делается) предложить критерии конкурентоспособности, которые характеризуют экономику, социальную систему, но отнюдь не саму нацию относительно других государств на мировых рынках. Эти критерии, безусловно, важны, но не они являются для нации главными, когда речь идет о главном национальном интересе - выживании нации как некой идентичности и государства как суверенное. Как совершенно справедливо отмечается в заключительном документе Лиссабонского саммита «Модернизировать Европейскую социальную модель через инвестиции в человеческий капитал и строительство активного социального государства» (примечательное название, которое гораздо полнее отражает суть стратегии национального развития, чем «Стратегия 2020), «Граждане это главный ресурс Европы, и именно на этом должна быть сконцентрирована вся политика Евросоюза»[1].

Понятно, что, не договорившись об основных приоритетах, целях и средствах развития, в том числе и о субъекте, на который направлено это развитие (т.е. нации, а не абстрактном обществе и тем более государстве)

[1] Социальная Европа в XXI веке / под ред. М.В.Каргаловой. М., «Весь мир», 2011, с. 176.

бессмысленно вести дискуссии об эффективной стратегии. Не только в обществе, но и в российской элите сегодня существуют современно разные, порой, прямо противоположные представления о целях развития.

И не так уж важно, каковы будут эти аргументы – их может быть великое множество. Важно другое: такая цель может быть сформулирована только **национальной элитой**, которая адекватно исходит из национальных интересов (потребностей). Сегодня нет ни такой элиты, ни адекватного понимания национальных интересов. Соответственно, как следствие нет и эффективной стратегии. И не будет. О чем свидетельствуют не только результаты ее реализации в 2008–2011 годы, но и планы «корректировки» – в 2011 году.

Например, самым слабым местом российской экономики, как известно, является её невосприимчивость к инновациям. О чем наглядно свидетельствует официальная статистика[1]. Но точнее будет сказать, что инновации воспринимаются плохо не столько экономикой, сколько обществом. И закупка технологий не поможет. Если кто-то забыл, то напомню, что при М.Горбачеве закупками массово не только технологу, но и заводы, которые потом приватизировали, либо так и оставили гнить в ящиках. Создавать надо прежде всего общественные институты для внедрения (восприятия) инноваций, а не экономические структуры: сколько бы вы ни создавали фирм в академической среде, если только 1% от численности ученых готов заниматься бизнесом, то ваши фирмы просто останутся памятниками потраченным ресурсам. Сколько бы ни пытались заставить ученых быть инноваторами, они ими не станут – специальность другая.

Число используемых передовых производственных технологий в 2007 г. по продолжительности периода их внедрения

	Число технолог	в том числе технологии, внедренные в течение, лет	Число изобретен

[1] Российский статистический ежегодник 2010. – М.: Росстат, 2010 г., с. 574.

	ий – всего	до одного года	1–3	4–6	7 и более	ий в используемых технологиях
Все передовые производственные технологии	**180324**	**29951**	**54172**	**46163**	**50038**	**1373**
Проектирование и инжиниринг	54044	9705	18434	15535	10370	499
Производство, обработка и сборка	48956	5600	11610	9411	22335	422
Автоматизированные погрузочно-разгрузочные операции; транспортировка материалов и деталей	1420	176	376	311	557	4
Аппаратура автоматизированного наблюдения (контроля)	6758	1132	2178	1556	1892	115
Связь и управление	62102	12313	19465	17646	12678	238
Производственные информационные системы	4602	681	1451	1166	1304	51
Интегрированное управление и контроль	2442	344	658	538	902	24

Примечательно, что экономика не воспринимает инновации. И не будет, если не изменятся социальные условия. Если выгода не перестанет быть главным мотивом. Поэтому сегодня даже при мизерной доли инноваций, эта символическая часть отторгается экономикой страны. Как видно из официальных данных, менее 20% передовых технологий внедряются в течение одного года. Большинство же (более 50%) – в течение 4-х и более лет. И проблема, повторю, не столько экономическая, сколько социальная: если владельцы и управляющие вашей экономикой заинтересованы не в ее развитии, а в получение быстрой прибыли, чтобы уехать на ПМЖ за рубеж, то заставить их внедрять инновации невозможно. В целом же, в зависимости от отрасли, новые технологии и инновации составляют всего лишь от 4 до 10% в год. Причем в 2008–2010 годах прослеживалась тенденция **к снижению этого показателя**. Не смотря ни на политические декларации, ни на рост инвестиций в этот же период, ни на декларации руководства страны.

Это свидетельствует уже не только о не восприимчивости **всей** российской экономики, но и **всего** общества к инновациям. Декларации о модернизации и инновациях Д.Медведева, а до этого В.Путина, остались

политическими декларациями, не нашедшими отклика ни в обществе, ни в экономике. Это – горькая правда. Нация без цели, без идеи, без мотивации, которой противостоит жадная элита, не будет, просто не захочет, ничего добиваться. Тем более, когда в своем большинстве убеждена, что плодами развития пользуются немногие, ориентированные на комфортную жизнь за рубежом.

Очевидная проблема, которую видят многие эксперты, – отсутствие национальной инновационной системы (НИС). Однако понимают под этим термином все по-разному. На мой взгляд, НИС, прежде всего, **национальная система**, т.е. система для нации и в интересах нации, а не в интересах ее части, которая и без инноваций чувствует себя неплохо. НИС – это не только государственная инновационная система, опирающаяся на созданные государством институты развития (хорошие или плохие – отдельный разговор), а и социальная система, результаты деятельности которой сказываются на всех социальных слоях и группах.

НИС означает, что на общенациональном уровне создаются новые и развиваются прежние институты развития, выгодные всему обществу, а не заимствуются отдельные технологии, идеи и люди, как это понимает современная российская элита. Разница в подходах – очевидная. Национальная инновационная система и создаваемая безуспешно государственная инновационная система отличаются друг от друга принципиально, а именно:

– НИС предполагает сохранение и развитие существующих и создание новых национальных инновационных институтов в национальных интересах и определенно социальной направленности. У СССР и России пока еще остались национальные научные, образовательные и культурные институты и школы, которые требуют сохранения, бережного отношения и развития. Сегодня мы наблюдаем обратное: существующая наука, образование и культура и их институты фактически игнорируются, более того, деградируют. Как с точки зрения финансирования, так и кредитования, налогообложения, даже поддержки СМИ;

– НИС предполагает создание новых национальных институтов развития – научных школ, НИИ, музеев, университетов, которые могли бы создавать качественно новый и, что важно, собственный,

национальный научный продукт. Сегодня вся политика инноваций ориентируется не на создание таких собственных национальных институтов социального потенциала, а на их заимствование из-за рубежа. Даже в Сколково обязательным условием для получения грантов является наличие иностранного партнера, пример: Институт управления РАН, разработавший уникальные системы (например, посадки «Бурана», управления космическими объектами и т.п.), находится сегодня, безусловно, на мировом уровне не смотря на недофинансирование и отсутствие заказов. Госзаказ и заказ госкорпорации мог бы привести к появлению национального продукта мирового уровня, но ни государства, ни госкорпорации таких заказов не делают. И таких примеров больше, чем примеров использования национальных институтов развития;

– НИС предполагает создание национальных институтов внедрения достижений в экономику. Сегодня этого нет. Вместо этого требуют, чтобы ученые и преподаватели сами внедряли свои наработки, что заведомо обрекает эту идею на неудачу. Эти требования подкрепляются нормативными документами условиями финансирования и т.д. Так, НФРИ, например, переориентируют на технологические разработки, оставляя без внимания его назначения как фонда поддержки именно фундаментальных исследований. В результате мы имеем то, что имеем, – на внедрения инноваций, на науки.

Из следующей таблицы следует, что большая часть передовых технологий в 2009 году используется более 6 лет, что в условиях ускорения научно-технического прогресса в таких объемах не допустимо. Это свидетельствует о том, что данные инновационный, крошечный сегмент экономики обновляется медленно.

Используемые передовые производственные технологии по видам и продолжительности использования в 2009 г.[1]

	Число технологий – всего	из них по числу лет использования				Число изобретений в используемых технологиях
		до 1 года	1–3 лет	4–5 лет	6 и более лет	

[1] Российский статистический ежегодник 2010. – М.: Росстат, 2010 г., с. 574.

						в отчетном году
Передовые производственные технологии	201850	19771	58918	43974	79187	1344
Проектирование и инжиниринг	54539	5110	16711	12770	19948	244
Производство, обработка и сборка	52460	4381	12195	8293	27591	415
Автоматизированные погру-зочно-разгрузочные операции; транспортировка материалов и деталей	1668	153	441	307	767	24
Аппаратура автоматизированного наблюдения (контроля)	8075	894	2732	1707	2742	114
Связь и управление	77457	8235	24591	19438	25193	426
Производственные информационные системы	4510	609	1358	948	1595	47
Интегрированное управление и контроль	2877	300	773	494	1310	42
Нанотехнологии	264	89	117	17	41	32

Другим показателем характеризующим инновационность развития экономики России является экспорт-импорт технологий. Из таблицы ниже видно, что РФ в 2009 году экспортировала технологий всего лишь на 3 млрд. долл., при этом получила отчислений на сумму в 619 млн. долл., а импортировала на сумму в 3,2 млрд. долл., отчислив почти 1,5 млрд. долл. Такие, мягко говоря, скромные показатели не могут обеспечить модернизации экономики РФ даже в долгосрочном периоде. Сегодня трудно сказать, какие объемы экспорта и импорта технологий должны быть, но, на мой взгляд, в Стратегии национального развития можно было бы предусмотреть целевое финансирование через специальные институты как экспорта технологий, полученных от внедрения отечественных результатов НИОКР, так и импорта необходимых технологий (с их последующей национальной адаптацией, как это делается в Китае), измеряемого в десятки раз большими суммами, специально выделяемыми государством.

Хорошим примером может служить Япония, которая за годы послевоенного развития тратила на приобретение патентов и технологий в среднем 18 млрд. долл. и только через 15–20 лет переориентировала свою экономику на экспорт наукоемкой продукции, и на сегодня является лидером в патентовании изобретений в мире. Следом за Японией сегодня идут США и, что примечательно, Китай (в последние годы совершил рывок на международном рынке технологий, как в качестве импортера, так и экспортера).

Торговля технологиями с зарубежными странами в 2009 г.[1]

	Экспорт			**Импорт**		
	Число соглашений	**Стоимость предмета соглашения, млн. долл. США**	**Поступление средств за год, млн. долл. США**	**Число соглашений**	**Стоимость предмета соглашения, млн. долл. США**	**Выплаты средств за год, млн. долл. США**
Всего	**1767**	**3009,3**	**618,8**	**1554**	**3192,7**	**1484,6**
в том числе по объектам сделок:						
патент на изобретение	4	–	0,2	15	21,8	1,1
патентная лицензия на изобретение	34	30,6	12,8	83	148,4	74,8
полезная модель	12	12,2	0,9	4	0,3	0,3
ноу-хау	29	53,7	11,0	32	122,0	61,9
товарный знак	8	0,4	0,4	89	345,4	392,7
промышленный образец	1	27,0	3,6	1	0,0	0,0
инжиниринговые услуги	712	2399,9	410,9	936	2159,1	745,5
научные исследования	672	406,2	120,9	67	36,5	19,9
прочие	295	79,4	58,0	327	359,3	188,5

Вывод напрашивается очевидный:

– во-первых, нужны институты социального потенциала, способные как организовать и увеличить объем исследований и современных технологий, так и их экспорт за границу. Сегодня доля России в мировой наукоемкой продукции, как известно, составляет по оценке В.Путина 0,3%, тогда как даже более чем скромный ВВП страны, – почти 3% от

[1] Российский статистический ежегодник 2010. – М.: Росстат, 2010 г., с. 575.

мирового. То есть в 10 раз меньше относительно объема всей национальной экономики. На мой взгляд, следует максимально эффективно использовать имеющийся научный и культурный потенциал, а не разваливать его как это делается с РАН, другими академиями и университетами, а до этого – отраслевыми институтами. Это потенциал, несомненно, подлежит модернизации, но, напомню, еще до горбачевских реформ он позволял считаться СССР единственной страной в мире (кроме США), способной развивать все направления научно-технического прогресса;

– во-вторых, нужны национальные институты развития, способные не просто закупать, но и эффективно внедрять в экономику зарубежные технологии, предоставляя для этого льготные условия и возможности. Сегодня такой системы стимулирования нет. Как нет и таких эффективных институтов социального потенциала – обществ, союзов, корпораций. Все эти институты можно и нужно создавать и развивать, полагая это самой лучшей «подушкой безопасности» и вложением «нефтяник» денег.

«Креативная экономика», в-третьих, это не только и даже не столько технологии и знания, это еще и культура, и спорт и даже искусство. Борьба за продвижение на мировые рынки таких товаров и услуг сегодня, как никогда, острая. Это видно даже на примерах спортивных соревнований и организации крупных международных турниров, когда требуется поддержка государства и огромные инвестиции. Чего стоит, например, проведение Олимпиады в Сочи!

Это означает, что необходимо реанимировать советские, активизировать деятельность российских и создавать новые институты социального потенциала, которые содействовали бы продвижению российских товаров и услуг на внешние рынки. Это, собственно говоря, и стало главной идеей встречи Д.Медведева летом 2009 года с дипломатами в российском МИДе, которая, однако, не получила масштабного развития в последующем.

На фоне формального развития идей инновации в правящей элите явно видно, что происходит процесс игнорирования НЧП и части его социального потенциала. В том числе и в концептуальном плане. Примечательно, что на практическом уровне за 2007–2009 годы

обозначился отчетливо процесс **стагнации роста численности исследователей**, который сегодня является важнейшим показателем инновационной экономики[1]. Как бы ни критиковали этот критерий отечественные либералы.

Численность персонала занятого исследованиями и разработками в РФ (человек)[2]

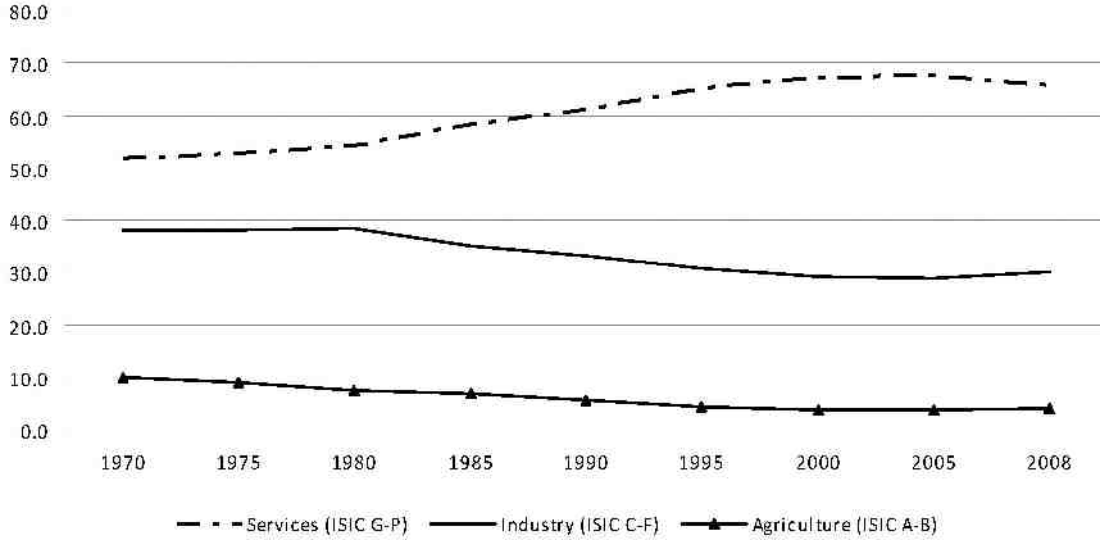
	1995	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009
Численность персонала – всего	**1061044**	**887729**	**885568**	**870878**	**858470**	**839338**	**813207**	**807066**	**801135**	**761252**	**742433**
в том числе:											
исследователи	518690	425954	422176	414676	409775	401425	391121	388939	392849	375804	369237
техники	101371	75184	75416	74599	71729	69963	65982	66031	64569	60218	60045
вспомогательный персонал	274925	240506	238933	232636	229214	223356	215555	213579	208052	194769	186995
прочий персонал	166058	146085	149043	148967	147752	144594	140549	138517	135665	130461	126156

Как видно из приведенных официальных данных даже при курсе на инновации и экономику знаний происходило **сокращение** численности исследователей, причем сокращение достаточно радикальное, которое никак не укладывается в «инновационную» логику.

Этот парадокс пытаются объяснить по-разному, но суть от этого не меняется: креативная экономика требует и определяется в основном численностью креативного класса, ядро которого составляют именно исследователи и другие представители креативных слоев общества. Сокращение численности исследователей – показатель, характеризующий движение от креативной экономики в направлении, когда знания и творчество имели второстепенный, подчиненный другим критериям характер. Исторически, это уровень доиндустриальной, торговой экономики начала XX века.

[1] Наука в России в цифрах: 2010. Стат. сб. – М.: ЦИСН. 2010 г., с. 59.
[2] Российский статистический ежегодник 2010. – М.: Росстат, 2010 г., с. 559.

Таблица. Стоимость отдельных векторов мировой экономики[1]



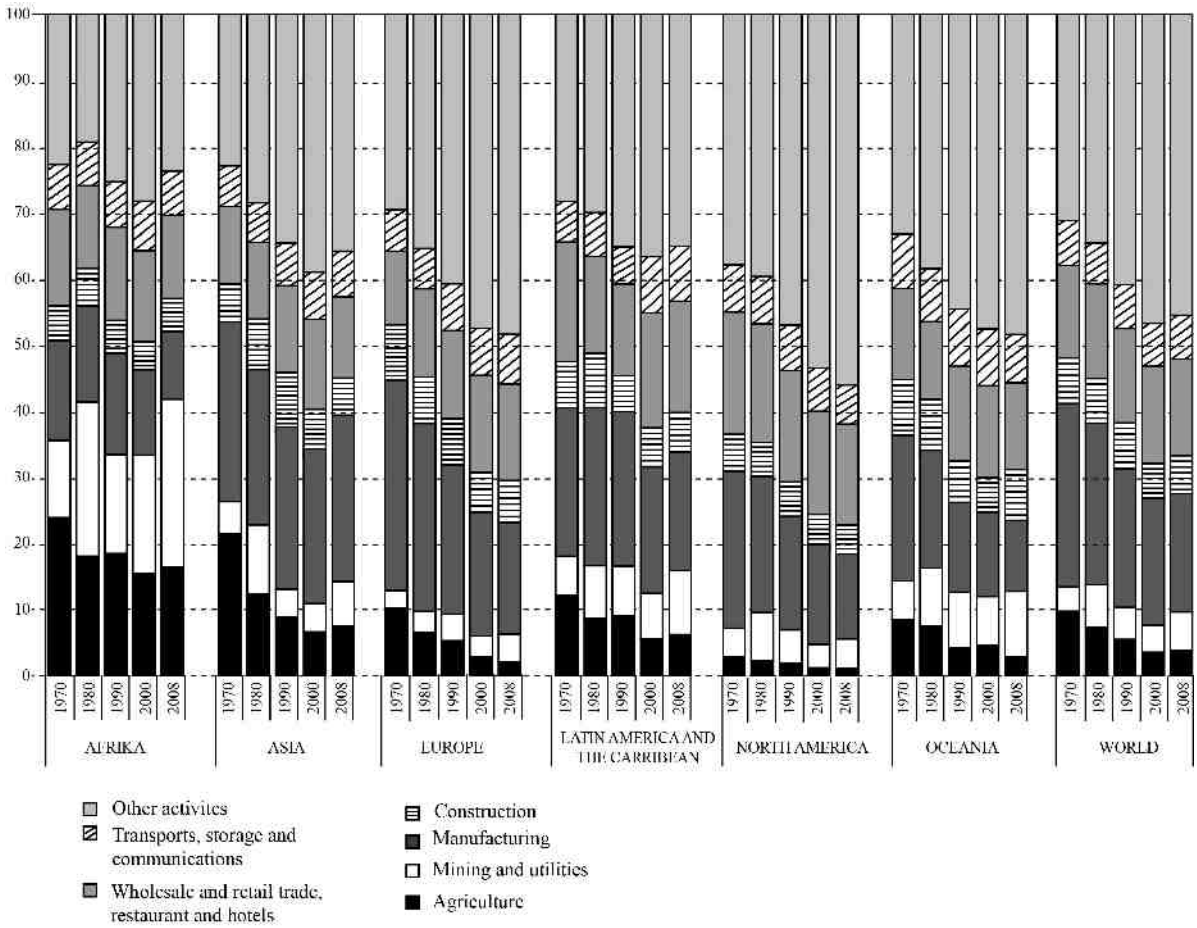
Как видно из данных ЮНИДО, начиная с 1985 года быстро растет сектор услуг и сокращаются промышленный и аграрный сектора. К 2008 году ситуация стабилизируется, что, видимо, означает, что как в промышленный, так и аграрный сектор начинает активно проникать экономика знаний и новейшие технологии. На мой взгляд, эти пропорции будут сохраняться, по доле креативной экономики в каждом из секторов – стремительно расти, вытесняя осталые формы. Уже сейчас на долю это экономики приходится до 90% прироста ВВП в развитых странах. В этой связи сокращение креативного класса, наблюдаемое в России, абсолютно противоестественная тенденция. Государство, наоборот, должно быть заинтересовано и делать все, даже искусственно, для того, чтобы:

– увеличивать численность креативного класса и всего НЧП;

– создавать и развивать институты социального потенциала, связанного с креативной экономикой. Прежде всего в науке, культуре, образовании и здравоохранении.

[1] UNDO calculation based on UN Statistics (data in current prices, in US$).

Мировая добавленная стоимость по секторам[1]



Как видно, в производстве промышленных товаров за последние десятилетия произошли серьезные изменения в пользу сложных, наукоемких видов (электроника, химические продукты) за счет уменьшения удельного веса других товаров, для производства которых не требуется наукоемкая экономика. Это – общая тенденция, которая должна лечь в основу Стратегии национального развития, а именно: **ясная ориентация на производство национального наукоемкого продукта или услуг**.

Структура промышленных товаров (30 стран), 1970–2006[*2]

	1970	1980	1990	2000	2006
Food and beverages	13,6	12,7	12,0	11,6	**11,9**
Tobacco products	2,5	2,1	1,6	1,4	**1,0**
Textiles	5,0	4,1	3,4	2,5	**1,9**
Wearing apparel, fur + Leather, leather					

[1] UNDO calculation based on UN Statistics (data in current prices, in US$).
[2] UNDO calculation based on. UNIDO INDSTAT 2, 2009.

products and footwear	3,9	3,5	3,0	2,0	**1,3**
Wood products (excel furniture)	3,5	2,4	2,1	1,8	1,7
Paper and paper products	4,2	3,8	3,9	3,7	3,5
Printing and publishing	5,1	4,7	4,8	4,6	4,1
Coke, refined petroleum products, nuclear fuel	2,9	2,5	2,3	2,2	2,3
Chemicals and chemical products	**8,7**	9,5	10,3	11,0	**12,0**
Rubber aid plastics products	3,4	3,6	4,3	4,7	4,5
Non-metallic mineral products	4,9	4,6	4,1	3,7	3,7
Basic metals	6,8	5,4	4,4	4,3	4,4
Fabricated metal products	9,6	8,4	7,4	7,0	6,6
Machinery and equipment n.e.c. + Office, accounting and computing machinery	**5,8**	10,9	11,2	10,5	**10,9**
Electrical machinery and apparatus + Radio, television and communication equipment	**4,6**	8,3	9,8	11,6	**11,2**
Medical, precision and optical instruments	1,8	2,2	3,1	3,5	**4,0**
Motor vehicles, trailers, semi-trailers + Other transport equipment	10,0	8,0	8,9	10,7	**11,6**
Furniture; manufacturing n.e.c.	3,8	3,4	3,5	3,3	3,2
TOTAL MANUFACTURING	100	100	100	100	100

* percentage shares of real value added of the manufacturing industry.

Соответственно, «вымывание» наукоемких товаров и услуг из экономики России, наблюдаемое все десятилетия, требуется не просто остановить, но повернуть этот процесс вспять. Это должно стать одной из задач стратегии национального развития, политических установок. При этом, наукоемкие товары это одновременно и **менее энергоемкие товары и услуги**, то есть решаются не только технологические, но и экономические, и экологические, а главное, социальные задачи. Для создания наукоемкого продукта, прежде всего, нужны:

– образованные и качественные кадры;

– институты социального потенциала, способные их организовать;

– высокий уровень национальной науки и культуры.

Пока же мы наблюдаем обратную политику: разрушение институтов социального потенциала, сокращение численности креативного класса, «вымывания» идей и технологий из экономика. Движение, которое идет сегодня в этом направлении, очевидно, абсурдно, даже когда оно

объясняется, как сегодня, самыми благовидными предлогами – «заботами» о качестве исследований, недостатком финансирования и т.д.

На деле, под разговоры об инновациях, происходит сокращение численности исследователей, которое сопровождается все последние 20 лет реформ, включая «инновационный период», сокращение количества и ухудшение качества институтов социального потенциала. Уже исчезли отраслевые институты, вымирают институты РАН, целые научные школы, лаборатории, филиалы и отделения. Стремительно увеличивается средний возраст исследователей, сокращается финансирование необходимого оборудования, информации, обменов.

Другой важнейший показатель – уровень образования – также за эти годы показал аналогичные отрицательные результаты. Численность студентов на 10000 граждан **сократилась** за годы заявленной модернизации со 181 человека в 2004 году до 151 человека в 2009 году, число дошкольных учреждений – с 47,2 тыс. до 45,3 тыс. соответственно, а число общеобразовательных – с 63,2 тыс. до 51,7 тыс.[1]. В целом можно говорить о том, что в области образования в 2004–2011 **годы господствовала тенденция стагнации**, а в некоторых областях после введения ЕГЭ, даже разрушение образовательного потенциала.

Парадокс заключается в том, что очевидно для всех требования креативной экономики к развитию творческих и интеллектуальных способностей игнорируются российской элитой. Введение ЕГЭ, как и другие «инновации» Минобрнауки, ведут к очевидному снижению творческого и интеллектуального потенциала нации.

А ведь это – наука и образование – два важнейших направления, от развития которых зависят темпы развития НЧП и всей экономики.

Подытоживая, можно констатировать, что неопределенность приоритетов и целей Стратегии 2020, противоречивая стратегия их достижения, отказ от перераспределения ресурсов в пользу НЧП, наконец, игнорирование необходимости создания национальных институтов социального потенциала – все эти ошибки Стратегии 2020 не только привели к ее провалу, но и, в случае их сохранения в будущей стратегии, приведут к неизбежному провалу и будущей стратегии.

---

[1] Российский статистический ежегодник. 2010. – М.: Росстат, 2010 г., с. 220.

На мой взгляд, эти примеры хорошо иллюстрируют настоящую причину глубокого кризиса в России 2008–2010 годов – неэффективную структуру экономики, как пишет О.Гаман-Голутвина, «возникшую в 1990-е гг.»[1]. На мой взгляд, лучше бы было использовать глагол «созданную» и уточнить, – «правящей элитой» России в эти годы.

Другая настоящая причина – либеральная идеология развития, которая была заложена в экономическую и социальную политику. Как справедливо заметил Б.Кагарлицкий, «**Проект будущего в рамках капиталистической идеологии невозможен. Либо Фукуяма прав: будущего нет, истории нет, мы всегда будем там, где сейчас находимся, – либо какое-то будущее случится, и это – социализм. Российской специфики в этом нет. Единственная наша специфика – в сверхтипичности России**. Здесь все процессы, которые происходят всюду и которые исключительно банальны, приобретают экстремальный характер»[2].

---

[1] *О.В.Гаман-Голутвина*. Система государственного управлений РФ как инструменты кризисной политики: оценка эффективности. В кн.: Элиты и общество в сравнительном измерении. – М.: РОСПЭН, 2011 г., с. 225.

[2] *Б.Кагарлицкий*. Выбирать между разными вариантами прошлого. – Специальное издание Русского института, 6 мая 2011 г., с. 13.

1.4. Нравственность и развитие институтов социального потенциала в стратегии национального развития

«Элита в России оторвана от общества, но при этом она берет на себя право предлагать институты … проблема заключается в том, что элита эти институты выдумывает»[1].

Д.Бутрин

«Ни сегодня, ни через 50 лет российская демократия не сможет походить на модели демократического устройства во Франции, США или Германии»[2].

Ан.Торкунов, ректор МГИМО(У)

Игнорирование правящей элитой значения институтов социального потенциала привело к глубочайшему за всю историю России нравственному кризису. Без выхода из этого кризиса говорить о развитии нации, тем более опережающем и долгосрочном, – бессмысленно. Этот кризис выражается в двух основных особенностях: во-первых, в создании в обществе атмосферы терпимости, безразличия к безнравственному поведению правящей элиты и, во-вторых, к безнравственному и эгоистическому всевластию бюрократии.

О первой особенности очень хорошо сказал Д.Дондурей: «Произошел очень значимый процесс, связанный с тем, что общественная мораль больше не табуирует эти поведенческие модели как негативные, в качестве отрицательных свойств личности, больших социальных групп, целых сословий, да и народа в целом. Плутовство, коррупция, казнокрадство, конечно же, существовали и в 16-м, и в 20-м веке. Достаточно вспомнить русско-японскую войну 1905 года, когда несколько миллионов пар обуви, поставленных армии, оказались без подметок. Тем не менее, отношение к этим явлениям никогда прежде не было в обществе таким нейтральным, терпимым, как сейчас. По большому счету, морально обществом не осуждаемым»[3].

Вторую особенность описал, ссылаясь на М.Вебера, известный экономист В.Андрианов, выделяя общие черты бюрократии, которые в

---

[1] *Д.Бутрин*. Абстрактная ненависть и желание поправиться. – Мировой политический форум. 14 марта 2011 г., с. 4.

[2] *Ан.Торкунов*. Российская модель демократии и современное глобальное управление. В.кн.: По дороге в будущее / А.В.Торкунов, ред.-сост. А.В.Мальгин, А.Л.Чечевишников. – М.: Аспект Пресс, 2010 г., с. 47.

[3] *Д.Дондурей*. В России сегодня некультуротворная ситуация. – Российская газета, 22 марта 2011 г. / http://www.rg.ru/2011/02/22/doudurry-site.html.

российских условиях превратились при отсутствии эффективных институтов социального потенциала в свой абсолют:

– **иерархия**: каждый чиновник имеет четко определенную сферу полномочий в иерархичной структуре и подотчетен в своих действиях вышестоящему начальству эта черта приобрела значение поведенческого приоритета – *А.П.*

– **последовательность**: должность является основным видом деятельности, дающим жалованье и перспективу … («должность» стала заменять семью, другой, принципы – *А.П.*);

– **безличность**: характер работы определяется в соответствии с утвержденными правилами, регламентом (регламентация в России в первом десятилетии дошла до идиотизма – *А.П.*);

– **специальные знания**: чиновники отбираются на основе способностей, получают необходимую подготовку и контролируют доступ к служебной информации (последнее качество приобрела характер болезни, даже мании, когда людей увольняют из аппарата даже по подозрению в утечке информации – *А.П.*)[1].

На этом фоне правящая элита занялась «институтотворчества», создавая искусственные и ненужные «институты развития», ни один из которых в реальности так и не заработал. Даже в узкой «технологической» области. При этом в общественно-политической области подобное «творчество» не просто игнорировалось, но всячески преследовалось. Сложился и все увеличивается удивительный разрыв между технологическим подходом к модернизации у власти и ее сверхконсервативному отношению к институтам социального потенциала, между «страстью» к нововведеям и боязнью использовать национальный человеческий потенциал[2].

---

[1] *В.Д.Андрианов*. Бюрократия коррупция и эффективность государственного управления: история и современность. – М.: Волтерс Клувер, 2009, с. 3.

[2] Как справедливо пишет С.А.Мельников применительно к традиции престолонаследия, сохранившейся и сегодня, «… механизма престолонаследия, заложенный в XV веке, был востребован российской властью и в более поздний период. Номинация (назначение) активно применялись …», что является «… бесспорным примером развития правовой мысли и государственного права». Добавлю, сегодня тоже, что может быть как хорошо, так и плохо. Все зависит от наследника и его команды. (См. подробнее: С.А.Мельников. Престолонаследие как фактор эволюции древнерусского государства (IX–XV вв.) Автореферат докт. диссертации. М., Счетная палата, 2010, с. 11.

К 2011 году в России наконец-то осознали, что слепое копирование западного опыта и моделей развития не является продуктивным, хотя часть влиятельных сторонников либеральной традиции и вестернизации страны, и сохранялась в элите. Но вот новую модель, новую идеологию предложить не смогли. В качестве такой идеологии была предложена идея модернизации в ее крайне ограниченной технологической форме. Эта логика неизбежно продолжала игнорировать приоритетность нравственно-гуманистических ценностей и соответствующих институтов социального потенциала. Примечательно, что даже чисто либеральной элиты поняла эту необходимость в 2011 году. В докладе ИНСОРа, в частности признается необходимость «социокультурной модернизации»[1].

И не только российская модель демократии никогда не будет походить на западную, но и модель общества, экономики, науки, здравоохранения, образования. Все эти наши национальные модели несут на себе отпечаток культуры, истории, духовности нации и старейшего государства Европы, которые можно модернизировать с учетом современных реалий, но которые нельзя «отменить», «забыть», «заменить»[2]. Пусть на самые симпатичные кому-то и даже эффективные западноевропейские модели. Пытаться сделать это – означает повторение ошибки 90-х годов, когда правящая элита попыталась грубо, бесцеремонно, вопреки воли нации, сломать существующую систему ценностей, искусственно насадив чужую и не воспринимаемую большинством общества.

Это очень напоминает китайскую культурную революцию 60-х годов прошлого века, когда пытались уничтожить «элиту знаний». Произошло это, кстати, через 20 лет после китайской революции. В России, после революции 1991 года, также наблюдается аналогичный процесс - российская культурная революция, направленная на уничтожение науки и культуры. Как справедливо заметил Д.Косырев, «Остается спросить: как назовут поколение, учившееся в России **после революции 1991 года**, то

[1] Обретение будущего: Стратегия 2012. Конспект. – М.: Экон-информ, 2011, с. 55.

[2] Так православные предприниматели внесли весной 2011 года свое понимание в стратегию развития Русская православная традиция, например, предполагала существование часовенного прихода и касс взаимопомощи, выдававших прихожанам ссуды без процентов (См.: *И.Гаслов*. Скидка на веру. – Российская газета, 16 мая 2011 г., с. 9).

самое, у которого зарегистрированы **снижение интереса к чтению, незнание истории и много других особенностей?** На Китай не похоже, но если вдуматься, что-то есть»[1].

Эта российская культурная революция, уничтожающая знания, культуру, образование, разрушает прежде всего **институты**: науки, культуры, образования, – тот реально существующий социальный потенциал, который создавался столетиями. Это называют «реформами», хотя в результате этих реформ старые институты были разрушены, либо деградируются, а новые не создаются. «Другой фронт открыт. Полностью, без стеснений. Расследовать не надо – все «легализовано». Торговля обязательными нормами (их принятием и распространением). Массовый сбыт лицензий и сертификатов, не гарантирующих ни качества, ни безопасности. Продажа индульгенций, снимающих ответственность за нарушения до нового прихода (инспектор садится за стол с легким чувством голода, аппетит приходит во время беды). Наконец, «публичные услуги», навязываемые уже по не сходным ценам. И даже монополизация экспертного рынка посредниками, оставляющими реальным исполнителям долю, на которую делается либо халтура, либо себе в убыток. Этими схемами пользуются даже те, кто с ними аналитически борется на высшем уровне, люди вроде из либералов»[2].

Покойный академик Д.С.Львов писал по этому поводу: «Трансформация институтов российского общества серьезно сказалась на его социальной структуре. Изменились и продолжают меняться отношения собственности и власти, перестраивается механизм социальной стратификации, идет интенсивная смена элит, на общественную сцену выходят новые социальные группы, растет слой маргиналов, расширяется «социальное дно», все более криминализируются экономические отношения. Соответственно, меняются групповые интересы, способы поведения, социальные взаимодействия. Эти, на первый взгляд разрозненные явления на деле являются разными сторонами процесса **социальной трансформации российского общества как целостной социальной системы**.

---

[1] *Д.Косырев*. Китайский тридцать седьмой. – Известия, 16 мая 2011 г., с. 6.

[2] *А.Рубцов*. Кто шляпку спер, тот и тетку пришил. – Независимая газета, 18 мая 2011 г., с. 5.

Важнейшими характеристиками этой системы служат, во-первых, социальная структура, т.е. состав, положение и отношения определяющих ее развитие групп и, во-вторых, стратификация или расположение названных групп на иерархической шкале социальных статусов»[1]. От чего во многом зависит и нравственная атмосфера, которая, в свою очередь, делает **невозможной сколько-нибудь эффективное развитие**. Даже под нажимом верховной власти. Как справедливо заметил Д.Ольшанский, «**Инициативы руководства страны, которые можно расценивать как прогрессивные, оказываются блокированы не потому, что этим инициативам кто-то сопротивляется. Нет, они блокируются просто потому, что практически не осуществимы в ситуации, когда единственной мотивацией реального принятия решения – не того, что слышно в телевизоре, а мелкого, местного, настоящего принятия реального решения – является частная выгода.** Причем частная не в смысле частного бизнеса, а в смысле частных лиц. Очень сложно модернизировать страну, не строя хорошие, удобные дороги. Но от того, сколько будет раскрадено на этой стройке, помрачится воображение»[2].

Наличие и развитие институтов социального потенциала зависит от социальной структуры нации. Чем хуже социальная структура общества, тем хуже, как правило, структура и качество институтов социального потенциала. Это, в свою очередь, немедленно отражается на качестве общества и экономике, что хорошо видно на примере коррупции.

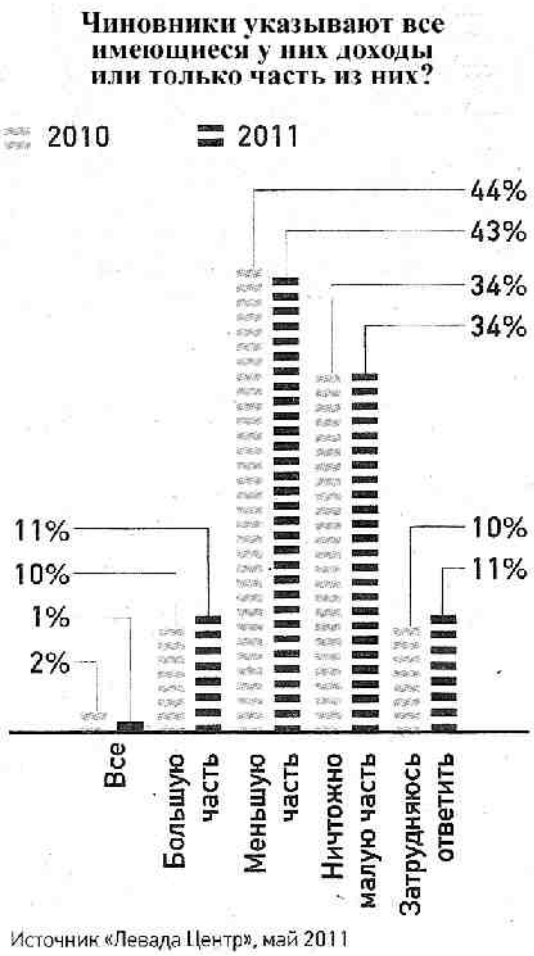
Я считаю, что коррупция в сегодняшней России – социальное и идеологическое явление, – с одной стороны, и механизм, созданий в последние 25 лет, управления обществом, с другой. Именно поэтому бороться с ней правоохранительными мерами бесполезно. Как бесполезно и вводить формальные отчеты о доходах и расходах чиновников, что стало отличительной чертой политической деятельности Д.Медведева в 2010–2011 годы. В эту работу не верят ни сами чиновники, ни общество.

---

[1] *Д.С.Львов*. Социальная стратификация в России. В кн.: Путь в XXI век: стратегические проблемы и перспективы российской экономики / http://www.leadnet.ru/lvov8/.

[2] *Д.Ольшанский*. Комфорт, который мешает прогрессу. – Специальное издание Русского института, 6 мая 2011 г., с. 9.

Причем, чем шире борьба такими мерами, тем меньше в нее верят. Что показывают соцопросы[1].

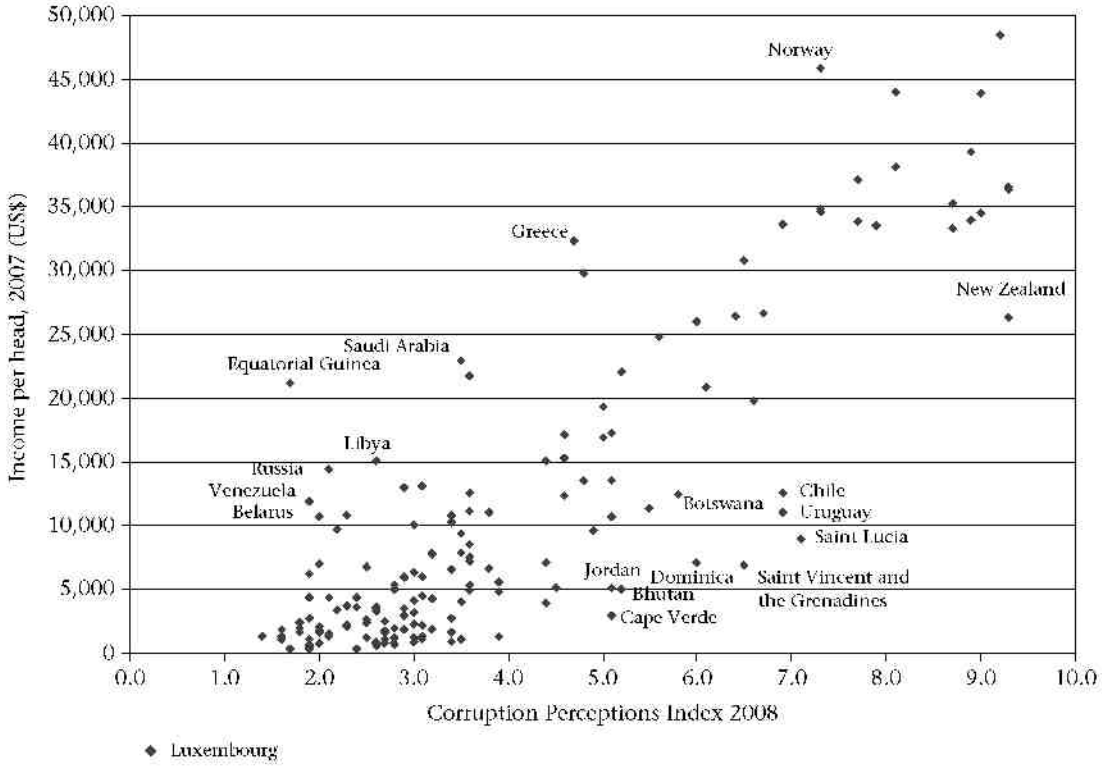


Как видно из данных опросов, только 1–2% граждан верят, что чиновники указывают все доходы и еще 10–11%, – что большую часть. Безрезультатность этой кампании очевидна, что подтверждается и данными из международных источников, в соответствии с которыми Россия находится на 147 месте по уровню коррупции – на уровне Бангладеш и Кении. При этом, в отличие от других государств, занимающих в этом индексе такие же низкие позиции, Россия обладает относительно высоким уровнем душевого ВВП. Впрочем, как и Беларусь, и Венесуэла[2].

---

[1] *Е.Григорьева*. Лучшие жены России. – Известия, 16 мая 2011 г., с. 1, 2.

[2] Clobal Corruption Report 2009. Corruption and the Private Sector. – Transparency international, с. 396.



Таким образом уровень коррупции зависит не столько от экономического благополучия, сколько от качества институтов государства и его социального потенциала, а в целом – от качества государственного и общественного управления.

По мнению Д.С.Львова социальная структура российского общества сформировалась в основном в 1993 году и с тех пор «испытывает лишь незначительные колебания». Представляет интерес динамики удельных групп, составляющих социальные слои России.

Динамика удельного веса групп, составляющих социальные слои России, % в пределах слоя[1]

Социальные слои и группы	1993	1994	1995	1996	1997	В среднем
Верхний	100	100	100	100	100	100
Крупные и средние предприниматели, бизнес-слой	65	70	72	69	56	66
Руководители производства, высокооплачиваемые специалисты	26	25	25	23	29	26
Бюрократия, высшие офицеры армии и силовых структур	8	5	3	8	15	8
Средний	100	100	100	100	100	100

[1] *Д.С.Львов*. Социальная стратификация в России. В кн.: Путь в XXI век: стратегические проблемы и перспективы российской экономики / http://www.leadnet.ru/lvov8/.

Мелкие предприниматели и полупредприниматели	53	44	50	48	42	47
Высококвалифицированные специалисты	11	21	18	24	28	21
Занятые в управленческих структурах	32	20	15	12	10	16
Военные	13	15	17	16	20	16
Базовый	100	100	100	100	100	100
Массовая интеллигенция	16	19	15	14	12	15
Полуинтеллигенция, служащие	17	24	21	21	23	21
Массовые профессии торговли и сервиса	20	23	25	27	35	26
Индустриальные рабочие	35	27	29	29	23	29
Крестьяне и фермеры	12	7	10	9	7	9
Нижний	100	100	100	100	100	100
работники низкой квалификации или без профессий	100	100	100	100	100	100

Состав среднего слоя более разнороден. Ростом своей численности средний слой обязан в первую очередь группе высококвалифицированных специалистов (профессионалов, «кадров»), В 1993 г. доля «профессионалов» в среднем слое составляла 11%, а к 1997 г. она выросла до 28%. (В структуре всего работающего населения доля этой группы за тот же период увеличилась с 2 до 5-6%). Расширение группы преуспевающих профессионалов отражает процесс адаптации наиболее дееспособной части интеллигенции к новым условиям, преодоление ею первоначальной дезориентированности и растерянности. Не меньшую роль играет формирование новых широко востребуемых обществом видов профессиональной деятельности, участие в которых дает образованным и активным людям возможность получать высокий доход и следовать престижным образцам потребления. Безусловно, связан этот процесс и с относительной стабилизацией экономики в 1996-1997 гг. Замедление же темпов роста рассматриваемой группы к концу рассматриваемого периода позволяет предположить тенденцию к насыщению рынка специалистов. Если это соображение справедливо, то резервы роста среднего слоя за счет данной группы будут сравнительно

скоро исчерпаны. Улучшить ситуацию сможет лишь начало реального экономического подъема.

Но большую часть современного среднего слоя России составляют не специалисты, а **представители различных «бизнес-групп»: средние и мелкие предприниматели, менеджеры, занятые в реальной** и коммерческой сферах экономики, самозанятые, а также полупредприниматели, совмещающие работу по найму с ведением разных видов частного бизнеса. В 1993 г. на долю названных групп приходилось более половины (53%) среднего слоя, причем наибольшей была группа полупредпринимателей. К 1994 г. доля последних снизилась с 40 до 33% и далее оставалась на том же уровне.

Обращает на себя внимание небольшая доля креативной части общества, которая (вопреки мировой тенденции) имеет тенденцию к сокращению. Между тем именно эта часть общества создает наибольший и наиболее качественный прирост ВВП[1].

Похоже, что либеральная часть элиты пытается повторить попытку 90-х годов, взять реванш за национализм в политике В.Путина в первом десятилетии XXI века. Как справедливо указывают эксперты МГИМО(У), «банальный национализм» в сочетании с требованиями порядка и справедливости породил феномен беспрецедентной и долговременной популярности В.Путина»[2]. «Банальный либерализм» Д.Медведева пока что порождает коррупцию, беспорядок и падение популярности тандема, который в марте 2011 года впервые поддержали меньше граждан, чем не поддержали.

Расхождения в целеполагании начинаются уже с самого начала. Нынешняя элита полагает, что в качестве главной цели России нужна модернизация (даже не потрудившись внятно объяснить с 2008 по 2011 год, что же это такое). Другая идеология, в частности русский социализм, предполагает, что главная цель – развитие НЧП. Причем количественно, в самом простом выражении, это формулируется как демографическая

---

[1] В 2003 году я писал, что «… именно этот слой стал ведущим социальным слоем … по влиянию на будущее любой нации. См.: *А.Подберезкин, Ю.Булатов*. Россия в глобальном мире: некоторые теоретические аспекты исследования. – М.: Научная книга, 2003 г., с. 187.

[2] *Т.Соловей, В.Соловей*. Русский национализм при Путине–Медведеве. Кн.: Русский национализм между властью и оппозицией / под. ред. *В.Прибыловского*. – М.: «Панорама», 2010 г., с. 52.

задача. Кстати, также примерно думают и самые «продвинутые» западные специалисты. Так, например, выступая в МГИМО(У) 22 февраля 2011 года Э.Литвак, заявил: «... конечная стратегия национального государства заключается сегодня в приращении населения – чем больше рождается детей, тем сильнее государство»[1]. Конечно, эти идеи не новы, еще в XVII в. английский экономист Чайлд утверждал, что «любая тенденция к сокращению населения страны – это тенденция к ее обеднению» и что «большинство стран цивилизованной части мира более и менее богаты или бедны в зависимости от недостаточности или обилия у них населения, а не от скудности или плодородия их земли»[2]. В XX и XXI веке эта задача получила новое, гуманистическое, понимание, которое находит все большую поддержку среди разных обществ и наций. Как заметил в свое время В.И.Вернадский, очень важно вписать интересы отдельной личности в существующие законы развития общества и человечества, «в унисон с законами ноосферы»[3]. Другими словами приоритеты социально-гуманистического развития должны быть **выше финансово-экономических**. И для человечества, и для любой нации. Подчеркну, когда важна общественно-значимая цель, а не личная, тем более эгоистическая выгода. Эти нормы, если человечество захочет выжить, должны стать универсальными. В том числе и для отдельной нации.

Как справедливо заметили авторы фундаментальной работы, «Анализ социально-экономического состояния общества, равно как и перспектив его развития, должен заключаться в исследовании решения трех основных вариантов общественно-экономического развития:

1. Каковы ценностные ориентации, превалирующие в анализируемой общественно-экономической системе?

2. Какова эффективность экономики?

3. Насколько справедлива система распределения результатов (продуктов) труда и насколько свободен сам труд?

---

[1] *М.Харкевич.* Назад в будущее: геоэкономика XXI века в терминах реал политики XIX века. – Эл. ресурс «Портал МГИМО», 25 февраля 2011 г. / http://www.mgimo.ru.

[2] *А.Маршалл*. Основы экономической науки. – М.: Эксмо, 2008 г., с. 211–212.

[3] См. подробнее: *А.Подберезкин, И.Янин.* «Искусство жить в России», М., 1997 г., сс. 16–21.

Последнее предполагает как предоставление членам общества свободы выбора вида и интенсивности труда, так и обеспечение права на труд.

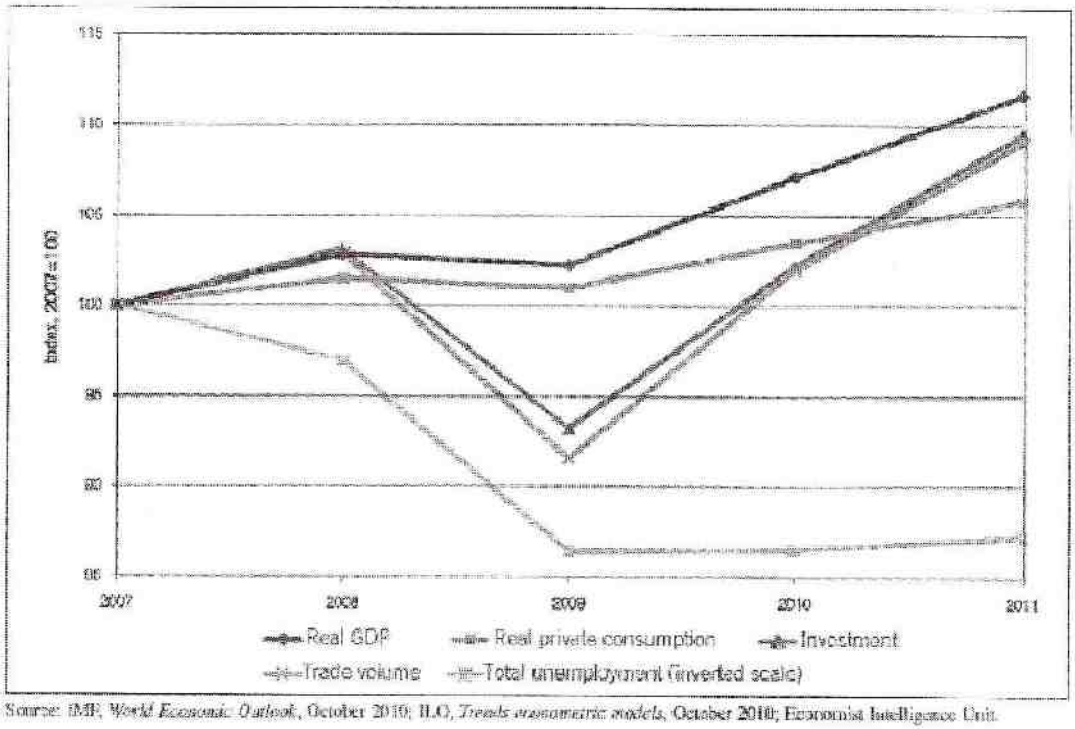
Во всех социально-экономических формациях по-разному даются ответы на эти вопросы и по-разному выделяются среди них приоритетные. В марксистской экономике ключевым вопросом явился вопрос **производственных отношений**, т.е. отношений между людьми в процессе производства. В рыночной экономике ключевым вопросом является вопрос **эффективности производства**, т.е. вопросы «что производить», «как производить», «с какой выгодой (эффективностью) производить». Последнее вызвало наибольшую критику К.Марксом, а именно, что при капиталистическом способе ведения хозяйства ориентация идет не на максимизацию удовлетворения потребностей работающих в этом хозяйстве лиц, а на получение максимальной отдачи (прибыли) от вложенного капитала»[1].

Все это имеет сугубо практическое значение для развития институтов социального потенциала в России, И прежде всего для ответа на вопрос, зачем нужен НЧП и его институты. Если – для получения выгоды, то для превращение НЧП в НЧК нужны только те институты, которые обеспечат эту выгоду. Если же под НЧК мы понимаем общественную пользу, то те институты социального потенциала, которые могут принести общественную пользу (а иногда и выгоду).

Период 2000–2011 годов характеризуется, на мой взгляд, тем, что правящая элита рассматривает в качестве полезных только те институты социального потенциала, которые могут принести **выгоду**. Будь то в науке, культуре или образовании. Что нашло даже свой термин – «коммерциализация»: наука, культура, образования», здравоохранения. Это – стратегия, вытекающая из либеральной идеологии. Стратегия, которая сделала выбор между нравственностью и выгодой в пользу выгоды.

[1] Социально-экономические риски: диагностика причин и прогнозные сценарии нейтрализации / Под ред. академика РАН и РАМН В.А.Черешнева, академика РАН А.И.Татаркина. – Екатеринбург, Институт экономики УО РАН, 2010, с. 7.

~~Figure 3~~ Global trends and projections in GDP growth, consumption, investment, trade and unemployment, 2007–11 1)



Source: IMF, *World Economic Outlook*, October 2010; ILO, *Trends econometric models*, October 2010; Economist Intelligence Unit. [2]

Как видно из приведенных данных, заметный рост основных показателей экономики в 2010–2011 годах **не предполагает** сокращения безработицы. Это противоречия становится существенным в оценке национального развития, так как требует специального внимания для ответственных правительств.

Ликвидация безработицы в России (если исходить из адекватной стратегии национального развития) означает безусловный рост НЧП и всей экономики. Но только при условии создания специальных институтов по развитию социального потенциала – переподготовки кадров, создания рабочих мест, стимулирования создания новых профессий и возвращения на работу тех, кто был вынужден ее оставить.

Из этого следует, что «скачок» невозможен без роста численности и качества населения, прежде всего его креативных слоев. Страна, которая в 20-ти-летней перспективе может столкнуться с тем, что на одного работающего будет приходится один пенсионер, с концентрацией населения только в европейской ее части и вымиранием обширных территорий за Уралом, маргинализацией и деградацией населения, – не

[2] Global Employment Trends 2011.The challenge of a jobs recovery; International Labour Organization 2011. …. стр. 6.

будет способна отстаивать свои национальные интересы. И вопрос о «большом скачке» в XXI веке переходит в плоскость национальной безопасности, когда экономика определяет политику, при этом фундаментом и основой экономического развития являются национальная политика в интересах российского общества[1].

Развивая идеи «большого скачка» требуется определить, то на что мы будем опирается в достижении такого рывка в развитие, т.е. определить «точки роста». Принимая во внимание, что все условия и состояние мировой экономики, требуется сконцентрироваться на внутреннем развитие и освоении обширных территорий РФ. Требуется своеобразный «план Маршала» и «новый курс» для восстановления и ренессанса российской экономики со времен Советского Союза. Этими точками может стать масштабное строительство инфраструктурных объектов, включая: строительство панроссийской автомагистрали от запада на восток, строительство аэрохабов сравнимых, например, с Дубайским авиаузлом, строительство морского порта на примере Сингапура и Шанхая, развитие сетей передачи данных, огромные вложения в образование и науку, на уровне от 8–10% от ВВП, освоение Дальнего Востока, где должно жить в перспективе не менее 20–30 млн. чел. (сейчас около 6 млн.), и др.

[1] Я неоднократно писал о необходимости «скачка» с начала 90-х годов. См., например, раздел «Интеллектуально-технологический вариант: факторы роста. В кн.: А.Подберезкин, М.Карпенко. XXI век: стратегия для России. М., ПСС, 2005 г., сс. 70–79.

1.5. Институты социального потенциала – главный инструмент реализации стратегии национального развития

«Проблем не надо бояться, их надо решать. Решение проблемы – это устранение разрыва между желаемым и реально существующим»[1].

А.Кокошин, академик РАН

«Вместо того чтобы предъявлять спрос на демократические институты, средний класс … предъявляет спрос на стабильность исполнительной власти, чтобы не потерять то, что имеет»[2].

А.Аузан

Понятно, что только количественная характеристика НЧП далеко не исчерпывает возможности опережающего развития. Важна еще и качественная. Прежде всего, необходимо выделить отдельно такую важную часть национального человеческого капитала как **социальный капитал общества и его институты**. В современной литературе, а тем более политической жизни до сих пор нет четких различий между понятиями «человеческий капитал (и потенциал)» и «социальный капитал (и потенциал)»[3]. Между тем эта разница не просто существует, но она очень существенна. И ее важно понимать прежде всего для того, чтобы полно использовать весь ресурс социального потенциала и его институтов в интересах национального развития. На мой взгляд, на упрощенном рисунке это можно изобразить следующим образом во взаимосвязи с другими элементами национального богатства[4]:

---

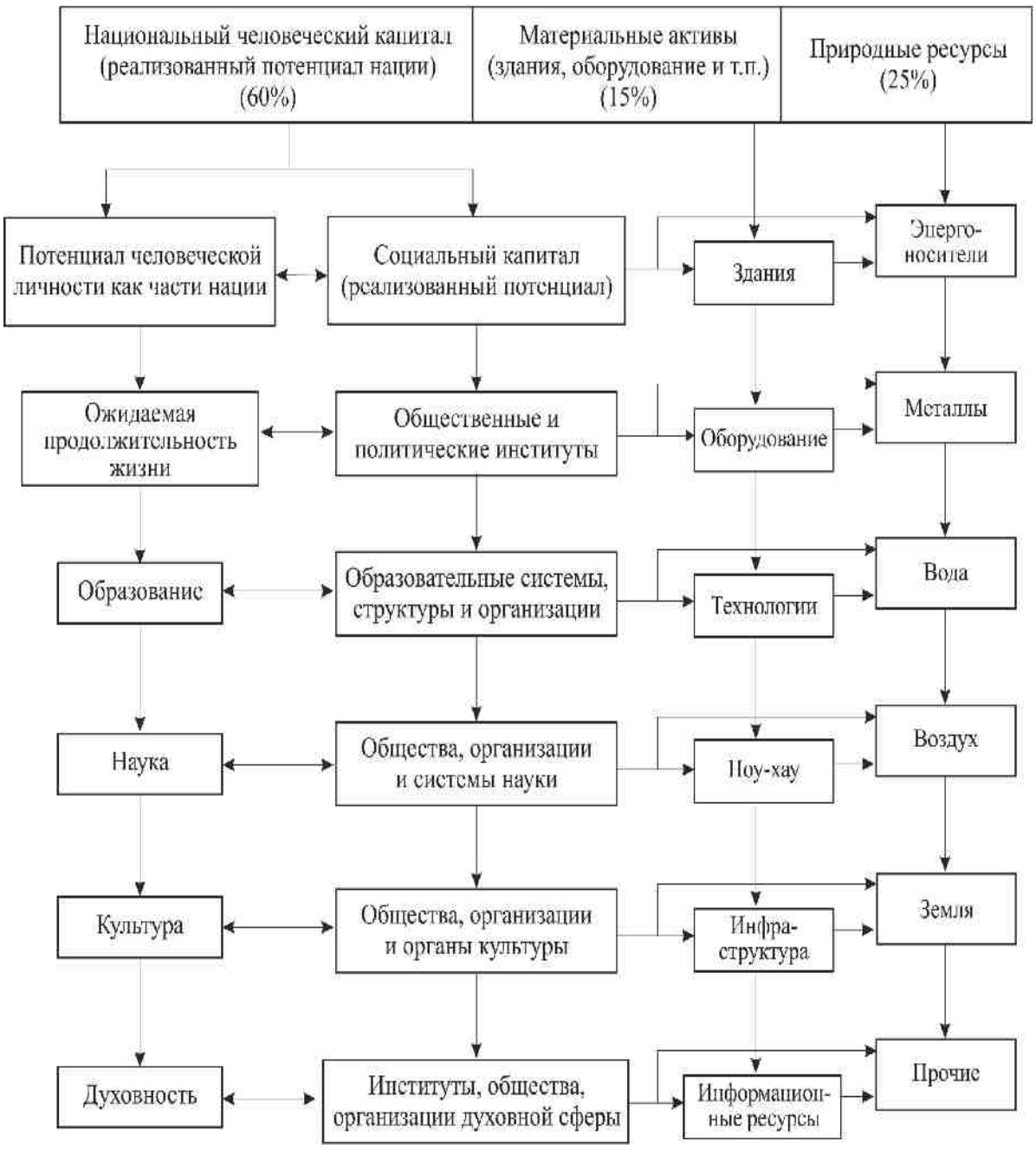
[1] *А.А.Кокошин*. Формулы управления. М., МГУ, 2008, с. 10.

[2] Дискуссия о среднем классе. Материалы конференции. – М.: Научная книга, 2008, с. 34.

[3] Можно согласиться с определением социального потенциала, данным, например, А.А.Дрегало и В.И.Ульяновским в работе «Социальное пространство и потенциал региона»: «Под социальным потенциалом мы понимаем совокупность материальных и духовных ценностей общества, которые определяют потенциальную возможность развития или дезинтеграции социума». РГНФ № 05-03-48304 а/с., с. 148.

[4] Некоторые эксперты оценивают пропорции по другому. Так, например, они считают, что для России доля активов (физического капитала) составляет 14% природного 72%, а человеческого – только 14%. См.: *В.И.Якунин, В.Д.Роик, С.С.Сулакшин*. Социальное измерение государственной экономической политики. М.: Научный эксперт, 2007 г., с. 29.

Национальное богатство России



Понятно, что при разработке Стратегии 2020 логично было бы сделать ставку на развитие прежде всего той части национального богатства, которая занимает наибольший удельный вес (НЧП), а не на ту, которая относительно невелика (материальные активы), ведь темпы национального развития зависят от развития относительно большей части национального богатства. Но именно это и не предусматривается в Стратегии 2020, да и во всей риторике правящей элиты. Говорится,

[5] См. подробнее: *А.Подберезкин*. Социальный потенциал и стратегия долгосрочного развития России. – Вестник МГИМО(У), № 2 (17), 2011, с. 7–25.

например, что «на территории России должна действовать вся технологическая и промышленная цепочка – от проведения исследовательских и конструкторских работ до изготовления комплектующих и крупносерийного выпуска конечной продукции» (В.Путин. Съезд машиностроителей, май 2011 г.), а на деле доля импортных электронных компонентов в космических аппаратах составляет от 27 до 46%. Пока что все усилия уходят в свисток, то есть в слова. В лучшем случае – в архитектурные изыски»[1]. И, действительно, строят много – университет на основе Русский, Сколково, др. объемы, объемы строительства которых составляют сотни тысяч квадратных метров. Но все это практически, не имеет отношения ни к развитию и созданию институтов социального потенциала, ни НЧП в целом.

Кроме того, НЧП развивается быстрее, чем две другие составляющие национальное богатство, а, главное, сам по себе является фундаментом их развития. Для того, чтобы, например, построить АЭС, либо крупный завод, требуются десятилетия. Чтобы использовать имеющийся научно-образовательный потенциал достаточно просто хотеть и развивать институты социального потенциала – академии, университеты, общества, союзы и т.д., а не душить их административно, морально и финансово. Что зачем-то делается много лет в России.

Наконец, НЧП определяет **качество** (а не только численность) нации, ее **идентичность** и **суверенитет** государства. Эти три характеристики крайне важны. В условиях глобализации, это обстоятельство особенно важно, ибо только национальные ценности и качество нации становятся реальным идеологическим средством в развернувшейся политико-идеологической и цивилизационной борьбе. Этого аспекта правящая элита и ее эксперты сегодня не видят. Или не хотят видеть, нанося серьезный ущерб нации и суверенитету государства. Уничтожая и разрушая институты социального потенциала, уничтожаются идентичность, суверенитет и снижается качество нации. Достаточно, например, «прикрыть» драматические и балетные коллективы, существующие 300 лет, чтобы нанести непоправимый ущерб НЧП.

---

[1] Для нас совершенно очевидно. От редакции. – Независимая газета, 16 мая 2011 г., с. 2.

Очень важно и то, обстоятельство, что в качестве ресурса развития НЧП является наиболее перспективным ресурсом, способным обеспечить максимально высокие темпы развития и роста. В том числе и ВВП – странового и душевого. Ведь развитие населения – физическое, умственное, нравственное, – служит основой производительности труда, от которой зависит создание материального богатства; в свою очередь главное значение материального богатства, если оно разумно используется, заключается в том, что оно увеличивает здоровье и силу рода человеческого[1].

Конечно, этот рисунок не отражает всей полноты и сложности двух важнейших составляющих национального человеческого потенциала (а тем более – капитала) и всего национального богатства в целом.

Так, видно, например, что существует явная взаимосвязь как между отдельными частями НЧП – личностной и социальной, – так и взаимовлияние между ними. Развитие национальных, социальных и других институтов оказывает сильнейшее положительное влияние на потенциал личности (например, университет, научная хорошая школа, спортивная секция, музей и пр.). И наоборот.

Но развитие институтов социального потенциала является сегодня и единственным способом создания **механизмов** модернизации материальных активов и эффективного использования природных ресурсов. Провал инновационных идей объясняется не только разрывом между властью и обществом, не только плохими экономическими условиями и **отсутствием** институтов социального потенциала, которые были бы механизмом реализации инновационных программ. Строительство Сколково или Университета на острове Русский, это сотни тысяч кубометров бетона, а не институты. Об «освоении» бюджетных средств с удовольствием получается прибыль, но дальше пока дело не идет.

Особенно важное значение имеет создание национальной инновационной системы (НИС), которая обеспечивает быстрое внедрение полученных результатов научных исследований и инноваций в экономику и общественную жизнь. Что немаловажно – в относительно короткие сроки. Это прежде всего институты социального потенциала, а

[1] *А.Маршалл*. Основы экономической науки. – М.: Эксмо, 2008 г., с. 227.

не бетон. Опыт ряда стран (США, Финляндии, Израиля, Тайваня и др.) показывает, что создание НИС является главным условием для разработки и внедрения инноваций. НИС является, кроме того, и основным механизмом роста экономики страны. Например, в США именно благодаря НИС ВВП страны вырос с 1 трлн. долл. в 1960 году до почти 15 трлн. долл. – в 2008 г.[1]

И заслуга в этом институтов социального потенциала. Прежде всего НИС, которым государство дало соответствующие финансовые и административные ресурсы.

Предлагаемая на рисунке схема национального богатства и роли НЧП, включая институты социального потенциала, трактует это влияние, весьма упрощения. Вместе с тем даже из неё видно:

Что социальный потенциал является не только системой ценностей нации и общества, но и его **важнейшим организационным и мобилизационным ресурсом**, без которого эффективность реализации НЧП (т.е. превращения его в НЧК) весьма низкая. Приведу пример не из научной области. Так потенциал духовности отдельной личности, (тем

[1] Ярославский план 10–15–20: 10 лет пути, 15 шагов, 20 предостережений. «Дорожная карта» строительства инновационной экономики: лучшая международная практика и уроки для России. – The New York Academy of Science, August 20, 2010. p. 38.

более таких титанов, как, например, С.Саровский) имеет огромное значение, но потенциал духовности, объединенный в РПЦ, всех русских святых, – просто неизмерим. Реализованная часть этого духовного потенциала через институт РПЦ, общины, сообщества может быть значительно больше, чем, если бы не было этих социальных институтов.

Сегодня, к сожалению, этот потенциал вообще не учитывается. В том числе и при разработке стратегии развития 2020. Православные предприниматели предложили в апреле 2011 года свое видение, вопрос об учете, тем более поддержки, этой позиции, остается открытым.

Очевидно, что при разработке Стратегии 2020 необходимо уделить специальное внимание стимулированию развития старых и новых институтов социального потенциала нации.

Чем лучше развит социальный потенциал, тем **больше его доля в НЧП**, тем больше национальное богатство страны, тем быстрее развитие нации. Поэтому общественные, политические, корпоративные, профсоюзные, духовные, научные, образовательные и др. институты, через которые реализуется социальный потенциал, имеют **огромную самостоятельную ценность**. Их уничтожение, деформация, снижение их роли. имеют крайне негативное последствие для нации и общества. Так, распад Союза писателей или Союза художников, ослабление РАН, Академии образования и др. институтов, реализующих социальных потенциал, наносит большой ущерб национальному человеческому капиталу и в конечном итоге, несет не только идеологический, но и материальный ущерб **всему национальному богатству страны, всей нации**.

Сегодня Россия пока что сохраняет остатки социального потенциала, как СССР, так и новых его форм, что видно из данных минюста[1], иллюстрирующих, к сожалению, лишь количественное состояние такого потенциала[2].

---

[1] Я пытался во втором десятилетии провести качественный анализ этих институтов. Частично результат можно посмотреть на портале www.viperson.ru. Он свидетельствует, что реально действует лишь 15–20% организаций. Сознательная поддержка государством таких институтов – самая простая и эффективная мера ускорения развития общества и экономики.

[2] Российский статистический ежегодник 2010. – М.: Росстат, 2010 г., с. 57, 58.

Число общественных объединений и организаций, зарегистрированных в Российской Федерации, на 1 января 2010 г.[3]

	Всего зарегистрировано	**из них зарегистрировано в 2009 г.**
Общественные объединения – всего	119247	5303
в том числе:		
общественные организации	54113	3797
из них благотворительные	1670	60
общественные движения	1808	117
из них благотворительные	3	1
общественные фонды	6972	254
из них благотворительные	2635	96
общественные учреждения	626	28
из них благотворительные	1	–
органы общественной самодеятельности	185	12
иные виды общественных объединений	55543	1095
из них:		
профессиональные союзы	43522	379
национально-культурные автономии	746	90
Политические партии	7	1
Некоммерческие организации – всего	79988	10221
в том числе благотворительные фонды	5052	687
Филиалы и представительства международных организаций, иностранных некоммерческих неправительственных организаций	253	18

Стоит напомнить в этой связи, что в развитых странах развитие НЧП финансируется и управляется преимущественно общественными институтами, а масштабы такого финансирования только религиозных НКО измеряются, например, в США сотнями миллиардов долларов. Эти негосударственные национальные институты, как правило, работают значительно эффективнее, чем государственные.

Государство, как институт созданный нацией и обществом, прямо заинтересовано в развитие социального потенциала и его институтов. Его прямая обязанность, как минимум, – создать благоприятные условия для их развития. Так, например, объем эндаументов в американских

[3] Российский статистический ежегодник. 2010. – М.: Росстат, 2010 г.

университетах (например, Гарварде) достигает десятков миллиардов долларов, а доля в бюджетах университетов достигает 30%. В России – самый крупный эндаумент у МГИМО(У) – 30 млн. долл., т.е. в сотни раз (!) меньше. Но даже такой скромный фонд позволяет снимать социальную напряженность и помогает в работе Университета. В этом смысле инициатива Д.Медведева, к сожалению, лишь одна из немногих, давшая конкретный положительный результат.

Особое значение для нации и государства в эпоху глобализации имеет развитие институтов социального потенциала в области духовности, нравственности, культуры. Многие современные проблемы, например, международный терроризм, коррупция являются в реальности следствием идеологической и религиозной борьбы, усиление которой произошло в последние десятилетия. Соответственно решать их надо такими же средствами. И прежде всего признать, что терроризм это идеологическая проблема. Точнее – отсутствие идеологии в России. И нравственности, и духовности. Противопоставить в решении этих проблем такие средства как военная сила, правоохранительные органы, экономические и политические меры, – бесполезно, а иногда даже вредно. Но именно сегодня шумная борьба с коррупцией в России не имеет ничего общего ни с нравственностью, ни с идеологией, хотя взаимосвязь между терроризмом и коррупцией, с одной стороны, развития и нравственностью, – с другой, – очевидна.

Развитие социального потенциала и его институтов становится важнейшим средством реализации социально-экономической стратегии. Причем не только в экономике и финансах (необходимость чего уже признается правящей элитой и проявляется в таких идеях как превращение Москвы в международный финансовый центр, реализация проекта Сколково и т.д.), но и в духовно-нравственной области. Так, решение проблемы коррупции в наименьшей области, на мой взгляд, связано с усилением законодательства или правоохранительных органов, но в наибольшей мере с развитием институтов социального потенциала. В обществе (это подтверждает российская и советская история) может быть создана и должна быть создана атмосфера, когда коррупция становится нетерпимой, неприемлемой, наконец, «не модной». И идет эта мода, как водится, «сверху». От самой власти и элиты. Когда же

общество видит откровенное пренебрежение нравственными нормами на самом верху, оно неизбежно ведет себя также. «Каждый выживает как мо– ет» - становится нормой поведения.

Особенно важное значение имеет развитие институтов социального потенциала в таких областях как наука и техника, образование и новые технологии, которые должны **сознательно** формировать креативные социальные группы населения. По сути эти институты – единственный инструмент, позволяющий обществу и государству **сознательно создавать творческую среду и атмосферу у нации**. Сразу, без которой в XXI веке не будет ни развитой экономики, ни общества.

В целом представление о существующих институтах, формирующих нравственно-духовную среду социального потенциала России, дает статистика, основанная на учете регистрации этих организаций в Минюсте страны, хотя эта статистика, конечно, не позволяет сделать анализ качества и эффективности таких институтов. Мои собственные попытки сделать такой анализ в рамках работы Комиссии при Президенте РФ по содействию развития институтов гражданского общества оказались неэффективны.

Число религиозных организаций, зарегистрированных в Российской Федерации, на 1 января 2010 г.[1]

	Зарегистрировано религиозных организаций – всего	в том числе по видам				
		централизованные религиозные организации	местные религиозные организации	духовные образовательные учреждения	монастыри и подворья	религиозные учреждения
Все религиозные организации	**23494**	433	22176	193	434	258
в том числе по конфессиям:						
Русская православная церковь	**12941**	78	12158	57	424	224
Российская православная автономная церковь	44	2	39	–	3	–
Русская православная церковь за границей	22	1	20	–	1	–
Истинно-православная церковь	32	5	24	–	3	–

[1] Российский статистический ежегодник. 2010. – М.: Росстат, 2010 г.

Российская православная свободная церковь	7	1	6	–	–	–
Украинская православная церковь (Киевский патриархат)	10	1	8	1	–	–
Старообрядцы	281	7	268	1	3	2
из них:						
Русская православная старообрядческая церковь	155	2	150	–	1	2
Древнеправославная церковь	76	5	68	1	2	–
Поморская церковь	42	–	42	–	–	–
Федосеевское согласие	3	–	3	–	–	–
Другие согласия	5	–	5	–	–	–
Римско-католическая церковь	229	6	218	1	–	4
Греко-католическая церковь	4	–	4	–	–	–
Армянская апостольская церковь	73	3	70	–	–	–
Ислам	**4127**	70	3963	93	–	1
Буддизм	208	9	196	3	–	–
Иудаизм	291	10	277	2	–	2
из него:						
Ортодоксальный	237	8	226	2	–	1
Современный	54	2	51	–	–	1
Евангельские христиане-баптисты	873	50	812	6	–	5
Христиане веры Евангельской	281	27	247	4	–	3
Евангельские христиане	677	34	633	6	–	4
Евангельские христиане в духе апостолов	26	2	24	–	–	–
Христиане веры евангельской – пятидесятники	1347	55	1284	8	–	–
Церковь полного Евангелия	35	2	32	1	–	–
Евангельские христиане-трезвенники	5	–	5	–	–	–
Адвентисты седьмого дня	608	17	584	1	–	6
Лютеране	230	13	213	4	–	–
из них:						
Евангелическо-лютеранская церковь	145	10	133	2	–	–
Единая евангелическо-лютеранская церковь России	2	–	2	–	–	–
Церковь Ингрии	71	1	69	1	–	–
Другие евангелическо-лютеранские церкви	12	2	9	1	–	–
Новоапостольская церковь	64	4	60	–	–	–

Методистская церковь	109	4	102	2	–	1
Реформатская церковь	5	1	4	–	–	–
Пресвитерианская церковь	177	7	167	3	–	–
Англиканская церковь	1	–	1	–	–	–
Свидетели Иеговы	407	1	406	–	–	–
Меннониты	7	1	6	–	–	–
Армия Спасения	10	1	9	–	–	–
Церковь Иисуса Христа святых последних дней (мормоны)	53	1	52	–	–	–
Церковь объединения (Муна)	7	1	6	–	–	–
Церковь Божьей матери «державная»	20	1	19	–	–	–
Молокане	22	1	21	–	–	–
Церковь последнего завета	6	1	5	–	–	–

Институты социального потенциала прежде всего трудовые и творческие коллективы, оказывает значительное «горизонтальное» влияние на другие части национального богатства страны – материальные активы и эффективность использования природных ресурсов. Так, ослабление экологических организаций, реорганизация и сокращение штатов производственных предприятий, как правило, ведет **к снижению эффективности их работы**. Бесконечные распады, сокращения и реорганизации, имевшие место в прошлом и имеющее место сегодня, – **ведут к ослаблению экономической эффективности в работе тех предприятий и организаций, которые занимаются освоением природных ресурсов**. Так, исследования, проведенные в начале первого десятилетия, на примере Архангельской области показали, что только в 2004 году в регионе было ликвидировано 43,4% всех организаций и трудовых коллективов. Всего за 1990–2005 годы через это испытание прошло абсолютное большинство населения этой области. Причем, как правило, пользы от таких сокращений и реорганизаций мало[1].

Очевидно, что необходим **консервативный**, а не **либеральный** подход к институтам социального потенциала, который выражается, во-первых, в развитии существующих (а не их ликвидации и бесконечных

[1] *А.А.Дрегало, В.И.Ульяновский,* Социальная сфера жизнедеятельности региона. В НИР: Социальное пространство и потенциал региона. РГНФ, № 05-03-48304 а\с, с. 157.

реорганизациях, которые почему-то связывают с повышением эффективности их работы) и создании новых институтов социального потенциала. В том числе и с участием и при инициативе государства. Так, выделение порядка 1 млрд. рублей общественным организациям ежегодно, безусловно, правильный шаг, но крайне малозначительный. Государство и нация получили бы существенный результат, если бы масштабы этого финансирования были увеличены в 100–200 раз и распространены на научные, культурные и творческие организации, а также традиционные для России религии и конфессии.

Из предлагаемой выше схемы также видно, что социальный потенциал находится в самой «сердцевине» взаимосвязей отдельных элементов национального богатства. Он оказывает серьезное влияние **на все эти элементы**. И этот же социальный потенциал может оказывать на них чрезвычайно **разрушительное воздействие**. Несовершенный, плохо организованный, а, тем более (что бывает не только в российской истории) **превращенный в антинациональный**, – такой социальный капитал может не просто нанести ущерб нации (как это было в России, когда появились в 80-х и 90-х годах тысячи антинациональных организаций), но даже и уничтожить ее. Так, процесс рыночных реформ в Архангельской области в 2004 году серьезно дестабилизировал организационную часть социального капитала области. Что видно на примере официальной статистики[1].

Характеристика организаций Архангельской области в 2004 г.

Отрасли экономики	Количество вновь зарегистрированных организаций	Количество официально ликвидированных организаций	% ликвидированных от числа зарегистрированных

[1] *Е.Н.Скляр, И.О.Зверкович*. Управление социальным потенциалом российских промышленных предприятий и оценка уровня его развития – Проблемы современной экономики, № 1 (25) / http://www.m-economy.ru/art.

Всего	1936	841	43,4
в том числе:			
промышленность	290	175	600,0
сельское хозяйство	65	72	110,7
транспорт	119	43	36,1
строительство	226	101	44,6
торговля и общественное питание	432	208	48,1
жилищно-коммунальное хозяйство	56	14	25,0
народное образование	76	50	65,8

Как видно из этого примера, создаваемые институты (коллективы) оказываются крайне нестабильны. При таких условиях говорить о том, что они работают эффективно, просто невозможно. Предприятия создавались, продавались, обменивались и т.д. Что уж здесь говорить об инновация …

Интересно, что так пропагандируемые нашими либералами сокращения на производстве в реальности мало, что дают. По данным соответствующего Департамента США всего 51% компаний после сокращения персонала увеличили прибыль, 49% – нет. На 20% предприятий прибыли даже упали. Положительной корреляции между сокращением численности персонала и ростом производительности труда среди оставшихся работников **не обнаружено**. А более 86% компаний, сокративших численность персонала, отметили **понижение лояльности и трудовой морали оставшейся части работников**. То есть – налицо ослабление, серьезный ущерб национальному социальному потенциалу.

За 1990–2010 годы в России наблюдался стремительный процесс развала, реорганизации и создания новых институтов, чья функция заключается в том числе в реализации социального потенциала, а, в конечном счете, всего НЧП. Эта часть российского кризиса изучена крайне мало, но даже сегодня можно признать, что ущерб нации такой «реорганизацией» – в т.ч. материальный – был нанесен колоссальный. Особенно это заметно на примере институтов социального потенциала в таких областях, как наука и образование. Так, численность **научных организаций** (институтов) за 2000–2009 годы сократилась более чем на

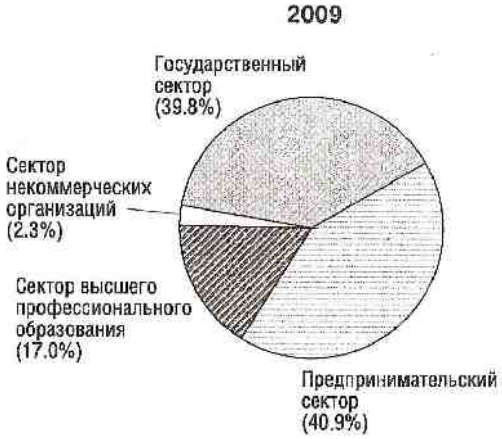
10%. Причем это произошло **после** фактического развала этих институтов в 90-ые годы. Можно только предполагать, насколько ухудшилось их качество за этот же период.

Организации, выполняющие исследования и разработки, по секторам деятельности[1]

	2000	2003	2005	2007	2008	2009
Всего	**4099**	**3797**	**3566**	**3957**	**3666**	**3536**
Государственный сектор	1247	1233	1282	1483	1429	1406
Предпринимательский сектор	2278	1990	1703	1742	1540	1446
Сектор высшего профессионального образования	526	526	539	616	603	603
Сектор некоммерческих организаций	48	48	42	116	94	81

Из приведенных данных видно, что провозглашенный еще в 2005 году курс на модернизацию реализовывался параллельно (!) с сокращением и деградацией институтов социального потенциала. На мой взгляд, это – одна из причин, может быть, даже главная, краха инновационной стратегии, выбранной элитой.

Структура институтов социального потенциала в области ИР



Как видно из диаграмм, роль государственных, коммерческих и образовательных институтов абсолютно превалирует. Что и понятно. Соответственно стратегия национального развития предполагает **усиление** всех трех направлений:

– государственного;

[1] Российский статистический ежегодник. 2010. – М.: Росстат, 2010 г.

– частного;

– образовательного,

когда речь идет о развитии научной составляющей НЧП. Происходит, как ни странно, обратное: стремительное сокращение институтов социального потенциала идет, например, в образовании. Особенно в дошкольном и школьном. Исключение составили высшие учебные заведения, чья численность пока не сократилась, (но планируется к сокращению) но качество стало значительно хуже.

Вот потому необходимо крайне бережно относиться сегодня к любым социальным институтам, особенно тем, которые непосредственно связаны с реализацией НЧП – творческим и научным союзам, обществам, академиям, университетам, школам. Их надо сознательно укреплять. За последние десятилетия институты социального потенциала в России игнорировались, либо просто использовались **против самой нации**. Прежде всего потому, что не было национальной идеологии, национальной элиты и, как следствие, национальной стратегии, которые бы учитывали важнейшую роль институтов развития социального потенциала.

Отдельная тема – роль институтов социального потенциала предприятий, – которые сегодня очевидно недооценивается. Более того, на протяжении многих лет в России осуществлялась сознательная политика ликвидация прав трудовых коллективов. Не прекращается она и сегодня. Между тем, этот потенциал имеет важную и сложную, многоуровневую структуру – от отдельного человека, трудового коллектива до города, региона и в целом страны. В конечном счете именно трудовой коллектив эффективно или неэффективно решает поставленные задачи. Этой теме посвящено много исследований, а опыт создания корпоративной культуры, особенно в Японии, говорит в пользу того, что за рубежом прекрасно понимают это значение. Так, эту сложную взаимосвязь и взаимозависимость некоторые исследователи изображают следующим образом[1]. Причем, некоторые эксперты

[1] *Е.Н.Скляр, И.О.Зверкович*. Управление социальным потенциалом российских промышленных предприятий и оценка уровня его развития – Проблемы современной экономики, № 1 (25) / http://www.m-economy.ru/art.

оценивают негативное влияние «плохих институтов», в частности, в росте цены на продукцию, в 25–30%[2].

Любые стратегии и концепции социально-экономического развития мало чего стоят (а сегодня предлагаются пока что именно такие), пока они не учитывают и не исходят из идеи развития НЧП и его составной части – институтов социального потенциала нации, а в целом из национальных интересов и национальных ценностей.

Речь идет не только о политических партиях и организациях гражданского общества, которые должны оппонировать правящей элите, как пытается это делать оппозиция В.Путину и Д.Медведеву. Политические институты – только небольшая и даже не самая важная часть социального потенциала. Гораздо важнее, чтобы социальный потенциал отдельных социальных групп, профессий, направлений деятельности мог быть эффективно реализован через существующие, либо новые институты ибо зависимость от этих институтов НЧП и всего национального богатства (могущества) вполне очевидна.

[2] *В.Волков, А.Дмитриева, Э.Панеях*. Точки торможения. – Ведомости, 10.03.2011, с. 4.

И последнее: качественный скачок в развитии нации и экономики сделать невозможно, не задействовав в полной мере социальный потенциал и его институты. Более того, именно «Большой скачок» возможен только с опорой на НЧП и его институты, сконцентрированные в изменяющемся социальном потенциале. И в еще большей степени, – в будущих. Можно только предполагать, насколько ускорится развитие, если правящая элита сделает сознательную ставку на развитие институтов социального потенциала нации.

Нельзя сказать, что правящая элита полностью игнорирует потребность опережающего развития НЧП, в т.ч. институтов социального потенциала. Так, в Концепции долгосрочного социально-экономического развития, которые легла в основу Стратегии 2020, прямо говорится о «вызове», который исходит из возрастания роли человеческого потенциала, а также определены основные меры:

– стабилизация численности российского населения и занятых в экономике на основе эффективного регулирования миграции и изменения образа жизни людей, повышения здоровья нации и уровня социального оптимизма;

– эффективно функционирующие отрасли, определяющие качество человеческого капитала (образование, здравоохранение, жилищный сектор) высокие стандарты жизни населения;

– превращение среднего класса российского общества в его доминирующую силу, сокращение социального неравенства;

– достижение уровня развитых стран по производительности труда, которая будет определяться не столько «фондовооруженностью» периода индустриального развития, сколько уровнем образования и креативностью самого человека[1].

Но, к сожалению, перечнем этих направлений, по сути дела, простой констатацией, дело и ограничивается. Ни в концепции, ни в решениях последующих лет не видно даже намека на попытку исправить ту ситуацию. Хуже того, процессы разрушения институтов в 2008–2011 годы только усилились, исключая, пожалуй, институты РПЦ, которые развиваются автономно, без прямого участия государства.

[1] Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации. М.: МЭР, 2008 г., с. 8

К сожалению, обозначенные в Стратегии 2020 задачи за 2008–2011 годы не были реализованы. Более того, усиление политической риторики и объемов финансирования не только не дали соизмеримых результатов для модернизации, но и никак не повлияли фактически на динамику развития экономики и политики стагфляции. И одна из важнейших причин этого – продолжение политики разрушения институтов социального потенциала.

1.6. Идея скачка как стратегия национального развития

«… модернизация должна быть глубокой, системной и форсированной. Ее придется проводить в условиях, когда текущая конъюнктура располагает к прямо противоположному – к инерции и самоуничтожению под наркозом»[1].

Доклад ИНСОР «Обретение будущего», 2011 г.

«Нынешние правители России не раз говорили, что страна исчерпала лимиты на революции. Но никто подобных лимитов не устанавливал»[2].

Э.Баталов

Идеология русского социализма предполагает, что закон перехода количества в качество никто не отменял. Более того, для социальных процессов в XXI веке этот закон остается даже еще более актуальным, чем в прежние году. Никто еще не доказал невозможности революционных, качественных, скачкообразных изменений в обществе, экономике, науке и технологиях. Скорее наоборот: вся история человечества свидетельствует о том, что переход количества в качество неизбежен и он по сути своей революционен. Особенно этот вывод важен для характеристики современного состояния человечества, переживающего период «фазового» (качественного) перехода. Странно было бы, если Россия «вдруг» выпала из общего хода мирового процесса.

Признание возможности, даже неизбежности качественных скачков, особенно в развитии общества и научного знания, говорит о том, что Российская элита, разрабатывая свою стратегию развития, должна заниматься не бесполезной экстраполяцией (доказавшей не раз, в т.ч. и на примере провала Стратегии 2020), а формулированием задачи сверхбыстрых темпов социального, научно-технологического и экономического развития.

Стратегия долгосрочного развития России должна предполагать качественный скачок в социальной и экономической областях за счет развития национального человеческого потенциала (НЧП). Причем, прежде всего, в социальной области, которая может и должна стать тем отсутствующим сегодня механизмом реализации всех программ модернизации и инноваций. При этом в Стратегии 2020 целесообразно

---

[1] Обретение будущего: Стратегия 2012. Конспект. – М.: Экон-информ, 2011, с. 13.

[2] *Э.Баталов*. Революция. Бунт. Переворот. – Независимая газета, 22 марта 2011 г., с. 15.

ясно сформулировать цель «сверхзадачу» на общенациональном уровне, под которую провести консолидацию и мобилизацию элиты и всего общества, всей нации[1].

Основное отличие идеи качественного скачка от идеи экстенсивного развития заключается в следующих принципиальных аспектах, имеющих прямое отношение к развитию социального компонента НЧП и Стратегии 2020:

Во-первых, идея качественного скачка предполагает прежде всего ставку на **быстрые темпы развития национального человеческого потенциала** (НЧП), в том числе и, может быть, прежде всего социального потенциала, его институтов, которые повлекут за собой быстрые темпы роста ВВП и модернизации, станут базой для разработки и тем отсутствующим сегодня механизмом внедрения инноваций. Понятно, что в рамках существующей либеральной идеологии (или, как декларируется, отсутствия идеологии) это сделать невозможно, ведь предстоит сменить **всю систему взглядов элиты**. И, прежде всего на роль НЧП, приоритеты развития. А, кроме того, необходимо будет «разбудить» социальный потенциал общества (точнее – нации), что возможно сделать только на основе национальной социальной идеологии. В данном случае – русского социализма.

При этом количественно темпы такого развития могут быть очень высокими, даже превышать ежегодный прирост ВВП Китая в 10%. Речь идет о 15–20% росте ВВП России в год, а для некоторых отраслей – даже 30–40%. Это уже принципиально иные темпы развития, чем опережающие. Но они не только необходимы, но и возможны. Исторически, их можно соотнести с темпами восстановления экономики СССР в 1945–1948 годы. Но не только. Сегодня мы знаем много примеров того, как эффективно использованный социальный потенциал обеспечивал сверхвысокие темпы роста наукоемкой экономики. Так, например, в период кризиса корпорация SAP в 2010 году увеличила свои обороты на 53%, а доходы от продажи ПО – на 84%[2].

---

[1] См. подробнее: *А.Подберезкин*. Социальный потенциал и стратегия долгосрочного развития России. – Вестник МГИМО(У), № 2 (17), 2011, с. 7–9.

[2] Как Мартынов обогащал SAP. – Ведомости, 9 марта 2011 г., с. 5.

Другой пример из недавнего советского прошлого. За 15 лет, до середины 80-х годов, электронная промышленность страны увеличила свои объемы производства в 100 (!) раз, обеспечив обороноспособность страны конкурентоспособными системами[1]. Повторю, что сделать это можно только возродив национальную систему ценностей и воссоздав эффективный социальный потенциал.

Во-вторых, быстрое развитие НЧП предполагает возможность **«перескакивать через этапы»** социального, технологического и экономического развития, а не идти последовательно в фарватере развитых стран, догоняя их в течение десятилетий. Новые открытия и технологии, мобилизация интеллектуальных и духовных ресурсов нации, – важнейшие условия такого скачка. Но сделать это возможно также **только на основе национальных институтов, научных школ, культуры и духовности**. Только они позволяют избежать последовательности в решении задач догоняющего развития. В противном случае нам придется поэтапно заимствовать те достижения и инновации, которые нам будут отдавать, либо продавать. Понятно, что не лучшие и не сразу, и не бесплатно, и не без условий.

Поэтому «перескакивание через этапы» – принцип идеологии русского социализма, – предполагающий акцент на развитие национальных научных школ, творческих коллективов и союзов, как, впрочем, и всех других институтов социального потенциала нации.

В-третьих, быстрое развитие НЧП предполагает **сознательное** и целенаправленное развитие социальной структуры общества и, прежде всего, его креативных слоев населения, как важнейшей основы развития экономики и технологической базы страны. Это означает понимание того, что в современном обществе, у всей нации, есть наиболее передовые социальные слои, чье творчество и знание в XXI веке создают основную часть прироста ВВП. По некоторым оценкам, в развитых странах эта доля доходит до 75%, а в недалеком будущем – будет достигать 90%. Это же означает, что вся нация заинтересована в том, чтобы ее самая эффективная и передовая часть, составляющая от 5 до 15% нации, **максимально эффективно** использовала свои возможности, весь свой потенциал в интересах всей нации.

[1] Генералы в штатском. *А.И.Шокин*. / http://tv.yandex.ru 14 марта 2011 г.

Сегодня эти творческие (креативные) социальные слои не просто игнорируются. Они поставлены в заведомо неприемлемые условия выживания, т.е. работы не для творчества, а для денег. Их потенциал не востребован на Родине, что ведет к огромной утечке за рубеж, превышающей в иные годы 100 тысяч человек. Нация уже обескровлена этим оттоком, но, что еще хуже, «профессиональная эмиграция» набирает силу. В отличие от США, где привлечение «мозгов» зафиксировано в качестве самой приоритетной задачи в «Стратегии национальной безопасности», в России делается все для того, чтобы эти «мозги» уезжали в развитие страны.

В-четвертых, быстрое развитие НЧП предполагает сохранение и сознательное развитие национальных, культурных и духовных ценностей, которые являются как фундаментальной основой для формирования будущего образа России, политических целей, так и основным средством мобилизации национальных ресурсов человеческого потенциала.

Эти принципиальные различия между качественным скачком и опережающим развитием, как видно, имеют в основе политико-идеологический характер, и, не являются **следствием** развития социально-экономических концепций. Другими словами, это фундаментальные идеологические, системные различия между нынешним государственным либерализмом и русским социализмом. Это – различия между двумя **системами взглядов**, между **двумя элитами**, которые, естественно, отражаются на подходах к разработке и реализации Стратегии 2020. Так, если говорить о части ресурсного обеспечения Стратегии 2020, ее финансовой составляющей, то нынешний подход можно охарактеризовать как инерционный, предусматривающий медленное, без учета предыдущего недофинансирования, увеличение государственных расходов на развитие НЧП. В частности, в новой программе МЭРа «Инновационная Россия – 2020» предусматривались следующие финансовые параметры[1].

Финансовые параметры реализации Стратегии

Общие объемы финансирования	2010	2012	2020

[1] Инновационная Россия – 2020 (Стратегия инновационного развития Российской Федерации на период до 2020 года). – М.: МЭР, 2010 г.

Внутренние затраты на исследования и разработки, в % к ВВП	1,32 (оценка)	1,4–1,6	2,4
Государственные расходы на исследования и разработки гражданского назначения, в % к ВВП	0,88 (оценка)	0,9	1,1
Внутренние затраты на образование	4,8	5,5–5,7	6,5–7,0
Государственные расходы на образование, в % к ВВП	4,0		5,5–6

Как видно, эти расходы не нацелены не только на технологический рывок, но даже на опережающее развитие, ибо и через 10 лет они **не будут соответствовать нынешним расходам на эти цели развитых государств**. С учетом недофинансирования последних 20 лет, эти расходы в лучшем случае позволят России медленнее отставать от развитых стран.

Очевидно, что такие политико-идеологические отличия требуют политических решений, меняют весь **существующий алгоритм** разработки стратегии социально-экономического развития, который пока что сегодня выглядит следующим образом. Попробую, опираясь на свой опыт, предположить свое видение доли влияния на разных стадиях различных разных институтов государства.

Алгоритм разработки Стратегии социально-экономического развития в рамках нынешней идеологии

Как видно из схемы, весь процесс подготовки Стратегии прост и внешне логичен. Он сконцентрирован в очень узком круге лиц из числа сотрудников экспертного управления Администрации, департамента МЭРа и двух–трех десятков чиновников различных аппаратов, прежде всего аппарата Правительства РФ. Поразительно, но долгосрочная национальная стратегия развития готовится фактически десятком экономистов и десятком чиновников, которые придерживаются совершенно определенных взглядов. В основном тех же, кто с начала 90-х годов предлагали безрезультатные идеи, что показала реализация Стратегии 2020 за 2008–2011 годы. Ситуацию в принципе не меняет и то, что в январе 2011 года В.Путин добавил к этой схеме «общественную экспертизу», а 16 февраля даже потребовал самого широкого публичного обсуждения новой стратегии социально-экономического развития России. Это, безусловно, правильный шаг. Однако принципиально эти инициативы не устраняют следующие основные недостатки прежнего алгоритма:

Первое. Круг лиц, отвечающих за разработку такой стратегии традиционно остался ограничен теми же лицами, которые отвечали с начала 90-х годов за все реформы (и их неудачи) в России. По сути, «колода карт» только перемешалась, но фигуранты остались теми же. Странно ожидать от них новых решений, идей и подходов. Заранее можно сказать, за счет кого «расширят» этот круг, хотя на высшем уровне и декларируется учет «всех взглядов».

Следует ожидать, что произойдет формально «общенациональная» дискуссия, в ходе которой в течение года на сотнях площадок будут предлагаться, обсуждаться (и, соответственно, приниматься) все те же идеи все тех же людей. Как говорится в современной пословице, «У нас есть ВШЭ. Другой науки нам не нужно».

На мой взгляд, круг экспертов должен быть расширен принципиально. В том числе за счет оппонентов нынешней финансово-экономической элиты, представители которых есть и в исполнительной власти (включая профессиональный аппарат правительства), и в крупнейших финансовых институтах, и в университетах, и, конечно же, РАН.

При этом следует обязательно вернуться к уточнению национальных интересов, ценностей и приоритетов развития, формулированию целей развития, подчиненных задач. Это предполагает прямое участие в разработке Стратегии правящей элиты и верховной власти.

Очень важно разработать качественный долгосрочный прогноз и систему долгосрочного планирования для реализации этих целей. Причем прогноз общенациональный, а не макроэкономическую экстраполяцию[1]. И в этом прогнозе изначально заложить идею «скачка», обеспечив эту идею амбициозным стратегическим планированием.

Другой важный аспект – необходимо провести инвентаризацию национальных ресурсов с тем, чтобы задействовать все (а не только финансовые) национальные ресурсы, включая идеологические, моральные, нравственные, духовные. Надо понимать, что для «скачка» потребуется максимальное напряжение, использование всех национальных ресурсов и возможностей. Этот подход принципиально отличается от сегодняшнего, когда основной упор делается на подсчете поступлений от торговли ресурсами на внешних рынках.

Второе. Идеология (точнее ее отсутствие) осталась прежней: макроэкономический подход, игнорирующий фактически как роль НЧП, так и социальную его составляющую. Практически вся «идеология» Стратегии 2020 сводится к организации процесса модернизации одной из трех частей национального богатства – материальных активов, даже еще уже – технологий, на основе внешних заимствований. Такая идеология должна быть заменена на идеологию мобилизации всех национальных ресурсов, но прежде всего делать акцент на развитие НЧП и его составляющих.

Стратегия долгосрочного национального развития должна быть относительно устойчивой **системой взглядов элиты** – политической и идеологической – на цели и средства развития нации, а не макроэкономической экстраполяцией нынешних (далеко не всегда положительных) тенденций. Эта стратегия должна быть общенациональной и обязательной для правящей элиты, стать

[1] Как справедливо пишет *А.А.Кокошин*, «Удачные прогнозы, предвидения, предсказания крайне редки; но надо постоянно пытаться хоть немного «заглянуть в будущее» при подготовке и принятия решения. А.А.Кокошин. Формулы управления. МГУ, 2008, с. 10.

нравственной нормой, которая утверждается систематической работой с институтами социального потенциала – трудовыми коллективами, творческими и иными союзами, политическими партиями, СМИ и т.д.

Что еще хуже, так это то, что нынешняя идеология модернизации - технологических заимствований – распространяется и на социальный потенциал, культурную, духовную и общественно-политическую систему страны, претендует даже на ее систему ценностей. Что, конечно же, абсолютно не допустимо. Почему-то ее авторы предполагают, что технологическая модернизация осуществляется параллельно с социально-политический, во многом, социокультурной и духовной.

Таким образом основной и стратегически важный документ, определяющий не только социально-экономическое, но и цивилизацонное будущее страны, готовится фактически экспертами одного экономического министерства, и узким кругом экспертов ВШЭ, которые – хотят они того или нет – берут на себя функции **постановщиков задач** (причем не только социальных и экономических, но и политических, и идеологических) **в общенациональном масштабе**.

Практически в неизменном виде он передается Президенту РФ, от которого уже расходится в качестве директивного документа в Федеральное Собрание, регионы и другие органы власти страны. Увидим, как В.Путин и его «21 группа» изменят эту практику (почему-то сразу припоминается с ельцинскими «37 снайперами»).

На мой взгляд, эффективная схема разработки Стратегии 2020 должна выглядеть следующим образом:

Структура и алгоритм разработки долгосрочной Стратегии национального развития

При таком порядке Президент, как глава государства и **лидер нации**, определяет приоритеты и цели стратегии, принципиально распределяет ресурсы и ставит задачи всем органам власти и государственным институтам на общенациональном уровне, – передавая на конкретную дальнейшую проработку в региональные и иные органы власти. Но сам – важно подчеркнуть, – Президент и его аппарат делают это на основе предложений **всех институтов нации,** представленных прежде всего социальным компонентом НЧП.

При этом важно, чтобы в дальнейшем, по мере реализации поставленных задач, социальный потенциал общества и нации не только не был исключен из этого процесса, но и была предусмотрены инструменты **его влияния и участия в этом процессе**, т.е. социальные институты, наравне с исполнительной властью, должны стать механизмом реализации Стратегии. Причем не номинальными, а полноценными. Поэтому у них должны быть соответствующие ресурсы влияния – властные, финансовые, медийные.

Третье. В любой стратегии главное – четкое определение целей и распределение ресурсов. Применительно к общенациональной стратегии это означает, во-первых, добиться согласия (внутри элиты и общества) относительно национальных интересов России в будущем и ее

национальных ценностей. Во-вторых, формализовать эти представления в долгосрочные цели и задачи, включая представления о будущем образе России. В-третьих, уточнить, какое влияние на эти цели и задачи могут оказать внешние факторы. И, наконец, в-четвертых, добиться согласия относительно распределения национальных ресурсов и факторов влияния.

На каждом из этих этапов отдельности и в целом нужна общенациональная дискуссия, в результате которой будет найдено согласие большинства элиты и общества относительно базовых представлений. Прежде всего институтов социального потенциала. Это означает консенсус относительно политико-идеологических представлений как устойчивой системы взглядов элиты на основные положения будущей долгосрочной стратегии.

Эти процессы должны сопровождаться не только широким экспертным обсуждением, но и кампанией в СМИ, которые **должны вернуть нации идеологию**, показать реальный образ желаемого будущего, а не сомнительные абстракции высших должностных лиц.

Наконец, **четвертое, главное**. Любая стратегия предусматривает выделение в качестве **приоритета главной цели**. Когда формируется перечень или даже длинный список таких целей и задач, то процесс целеполагания, да и сама стратегия становятся бессмысленными. Поэтому важно ясно и четко определить один приоритет, одну цель, которая должна иметь совершенно конкретный характер и четкое измерение. Эта главная цель, определенная в ходе дискуссий и политического решения, должна быть не просто постоянно в центре внимания, но и главным аргументом при решении любой проблемы. Сегодня такая цель – опережающее развитие национального человеческого потенциала, в том числе институтов социального потенциала, способных создать «критическую массу» творческих людей в России. Как справедливо сказал Ю.Москвин, «в настоящее время можно говорить о глобальном переделе человеческих ресурсов мира, означающем жесткую конкурентную борьбу отдельных государств за преимущественное обладание интеллектуально одаренными и

нравственно развитыми людьми – потенциальными носителями нового успеха и процветания»[1].

Эту цель не должны заслонять ни фантазии экспертов и лидеров, макроэкономические приоритеты, ни псевдогосударственные интересы, ни мнимые, в т.ч. общечеловеческие и демократические ценности, ни амбиции лидеров, ни недальновидность и воровитость элиты.

[1] *Ю.Москвич*. Ключевые проблемы формирования устойчивого целеполагания для опережающего образования инновационной России. – Эл. СМИ «Viperson». 12 марта 2011 г. / http://www.viperson.ru.

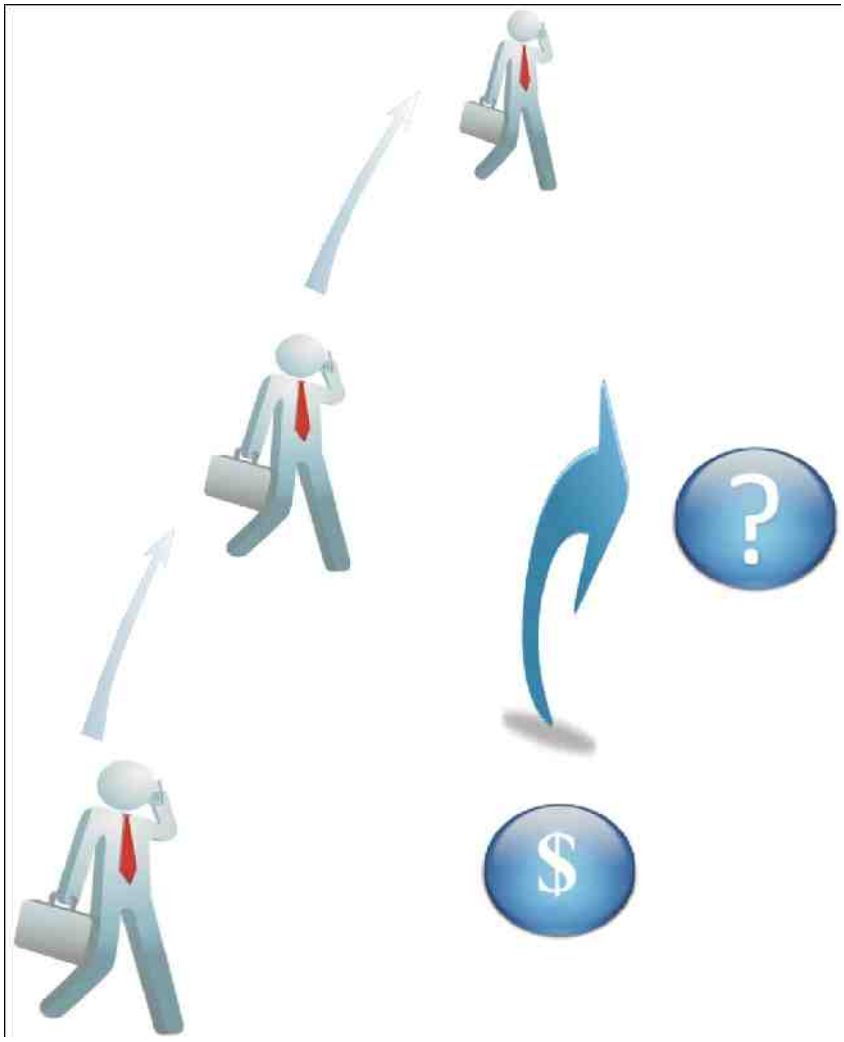
Глава. 2. Единая социальная модель в Европе и её отсутствие в России

«… самой главной проблемой станет системная интеграция идеологии, экономики и безопасности»[1].

В.Васильев

«Главным препятствием на пути продвижения России к экономике знаний выступает нынешняя идеология реформ и существующие механизмы ее реализации»[2].

Д.С.Львов, академик



Будущая экономика любой страны будет измеряться количеством и качеством человеческого капитала.

А.Подберезкин

---

[1] Простые постулаты будущего. 21.02.2008 http://www.intelros.ru/readroom/polit_mag.

[2] *Д.С.Львов*. Миссия России (гражданский манифест). / http://www.inesnet.ru/publishing. М., 2006 г., с. 53.

Это замечание относительно либеральной идеологии и механизмов ее реализации покойного академика Д.Львова, на мой взгляд, очень точно отражает ситуацию как в понимании правящей российской элитой в 1990–2010 годы, идеологии реформ, так и, в 2007–2011 годы, – когда основной проблемы формирования стратегии оставалась проблема недооценки социального потенциала и его институтов.

Вообще говоря, правящая элита продолжала все эти годы игнорировать НЧП и его институты, а, в конечном счете, интересы человека. Акцент был сделан на макроэкономические показатели даже когда Россия вышла из глубокого кризиса к 2007 году. Это – трагическая ошибка, ведь была реальная возможность изменить вектор развития.

Не удалось. Более того, внутриполитическая стабилизация и рост ВВП создали иллюзию того, что страна, ее экономика, вышли из кризиса благодаря «мудрости» финансово-либеральных властей, а не внешним обстоятельствам. А раз, так то и следует продолжать эту логику развития, добавив амбициозности и ресурсов. Инерция предыдущих лет продолжалась и в «тучные годы» с той лишь разницей, что можно было меньше оглядываться на дестабилизирующие факторы. Возникла эйфория «избыток кислорода», когда случайно появившиеся ресурсы позволяют меньше думать об эффективности их использования.

Эта эйфория отразилась с неизбежностью и на социально-политической стратегии, точнее, ее полного отсутствия, когда, казалось, можно все «отстроить» благодаря наличию административного и финансового ресурса и благоприятным внешним условиям. Поиск идеологических, политических и социальных моделей был признан ненужным, даже вредным. Социальная политика превратилась в политику подачек, да и сама политика сконцентрировалась в одном лице на В.Путине.

В это самое время в Европе сформировалась единая социальная модель (ЕСМ), которая, при всех национальных различиях, опиралась на бесспорные принципы[1]:

– социальной справедливости;

– социальной безопасности;

[1] Социальная Европа в XXI веке / Под ред. М.В.Каргаловой М.: Весь мир, 2011, с. 176.

– социального сплочения;

– конкурентоспособной экономики;

– благоприятной экологии.

Идеология реформ стала вырисовываться более отчетливо после послания президента В.Путина 2007 года. Речь шла уже не только о росте и «удвоении» ВВП, но и модернизации всей экономики. Политически, публично она была озвучена в 2007 году. Становилось все яснее, что реанимация экономики России в количественных показателях давала не только новые возможности, но и требовала внятного понимания того, как эти возможности использовать. Проявлением этой дискуссии стала, например, статья Д.Медведева в газете «Коммерсант» в феврале 2007 года, где он сказал о том, что «Россия стала другой страной». «Другой» – в том смысле, что основные проблемы внутриполитической стабилизации и восстановления разрушенной экономики, освобождения от внешней зависимости, были решены.

Но вот **какой** страной она должна стать после 2007 года ни В.Путиным, ни Д.Медведевым сказано не было. Не сказано было и позже, если, конечно же, не брать в расчет тезис о «стране, комфортной для проживания». Осознание этого понимания в правящей элите так и не произошло вплоть до 2011 года, даже не смотря на чередующиеся провалы различных концепций модернизаций, инноваций и т.п. Складывается впечатление, что правящая элита боится называть вещи своими именами, придавал понятию «социальное государство» порочить абстрактной характер. Между тем это понятие **политически** совершено конкретно.

Сегодня элите надо сказать, прежде всего, о том, что Россия не формально (по-Конституции), а реально должна быть социально-ориентированной страной[1], где приоритеты развития человека становятся **главными политическими и экономическими приоритетами**. Конкретного человека и его возможностей, а кроме того ежедневно, ежечастно решать множество частных проблем для этого. Как, например, в Израиле, где один из блоггеров очень точно подметил социальную суть

[1] См. подробнее: *А.Подберезкин*. Социальный потенциал и стратегия долгосрочного развития России. – Вестник МГИМО(У), № 2 (17), 2011, с. 7–25.

общества и государства, выраженную в сугубой конкретике социальной модели государства и общества.

«**Социальная система практически пронизывает всё Израильское общество**», – пишет этот блоггер. И перечисляет:

«Этим занимаются практически **все министерства**, включая те, которые этим заниматься обязаны». – Уже принципиально важное замечание, ведь у нас «социалка» – это Минздравсоцразвития во главе с Т.Голиковой.

«Во всех городских учреждения, так же, существуют отделы, которые занимаются социальными проблемами», – пишет автор.

«Существует множество предприятий, занимающихся социальными проблемами», – продолжает он.

«Существует множество обществ, призванных решать социальные проблемы», – подчеркивает блоггер. Я бы хотел на этом аспекте остановиться подробнее: институты социального потенциала, как показывает международный опыт, – самой эффективной механизм в социальной модели государства.

«Затем он перечисляет различные пособия и пенсии».

– Прогрессивный налог и различные льготы в налоговой системе.

– Трудовое законодательство (минимальная зарплата, оплата сверхурочных, ночных, праздничных и др.)

– Твёрдые цены на некоторые товары и услуги.

– Социальное жильё.

– Льготные цены на некоторые товары и услуги. Бесплатные столовые и раздача товаров.

Это все, – подчеркивает блоггер, – не считая образования и медицины»[1].

В этой связи, может быть, взято за основу израильскую социальную модель нашим либералами, если они не могут (или, все-таки, не хотят) разработать свою?

Возникает и другой вопрос: почему в государстве, окруженном враждебными соседями и фактически находящемся в постоянном состоянии войны, есть социальная модель общества, а у нас нет?

---

[1] О социальной защите. Эл. ресурс. 26.02.2010. / http://www.kprf.perm.ru/forum/.

Почему в государстве, где нет природных ресурсов (кроме солнечной энергии), существуют не придуманные искусственные, а реальные зарплаты, пенсии, пособия, жилье, а у нас нет?

Можно задать множество других вопросов, но ответ в конечном итоге будет один: в Израиле есть нация, национальная правящая элита, понимающая национальные интересы, а не обкрадывающая свой народ.

Отнюдь не случайно и то, что именно в Израиле существует одна из самых эффективных национальных инновационных систем, созданная на пустом месте, во враждебном окружении и при минимуме ресурсов[1]. Именно создание условий для приезда в Израиль высококвалифицированных специалистов из других стран сделало возможным это техническое чудо.

В России после кризиса 2008–2010 годов, очевидно, усилились негативные социальные тенденции, отмеченные социологами, которые большую часть граждан поместили, условно говоря, в социальное гетто – зону депривации. «У таких людей, – отмечает Е.Петренко, – отсутствуют и солидарность, и ответственность, и надежда как-то выйти из тяжелой жизненной ситуации». По мнению Е.Петренко, это свидетельствует о том, что **трудности стимулируют гражданское мировоззрение**. Социальное гетто, объясняет эксперт, – это люди, «которые сами ничего не могут сделать, ни на кого не могут рассчитывать, ни на что не надеются. Это наиболее бедные слои населения: пенсионеры, жители малых городов и сел»[2].

В последующие месяцы, особенно после 2008 года, развернулась, по сути, скрытая от глаз идеологическая борьба. Но уже не власти и оппозиции, а **внутри самой власти по вопросу о том, какой будет новая идеология опережающего развития государства, нации и человека в России**. В основном между двумя литерами либеральной элиты. В том числе и по вопросу о будущей социальной модели государства. Эта борьба особенно наглядно проявилась в 2008–2010 годы,

---

[1] См. подробнее: История создания инновационной системы в Израиле. В докладе: Ярославский план 10–15–20. «Дорожные карта» строительство инновационной экономики: лучшая международная практика и уроки для России. The New York Academy of Sciences. August 20, 2010, p. 6–22.

[2] *А.Денисов*. Россияне живут в социальных гетто. Независимая газета, 6 апреля 2011 г., с. 3.

когда Д.Медведев заявил о политике модернизации и инновациях[1]. Толчок в очередной раз дискуссии дало признание В.Путиным провала Стратегии 2020 в конце 2010 года. В феврале 2011 года уже выступление министра финансов А.Кудрина, поставил под сомнение о необходимость финансирования социальных программ за счет дефицита бюджета, что вызвало новую волну дискуссии[2].

Можно констатировать, что дискуссии о путях развития 2007–2010 годов проходили в рамках прежней макроэкономической парадигмы, когда все внимание было сконцентрировано на деталях, а не на принципиальных положениях стратегии. По-прежнему во главу угла ставилось сохранение макроэкономической стабильности, сокращении инфляции и привлечении инвестиций, хотя ни первого, ни второго, ни третьего после кризиса добиться не удалось. Критика Стратегии 2020 стала острой, но преимущественно в рамках все той же либеральной традиции.

Не удалось добиться сколько-нибудь значимых результатов даже в понимании нарастающих социальных проблем. Таких, например, как пенсионная реформа, о которой много говори, но сделать так ничего и не удалось. Между тем проблема пенсий во многом – отражение **принципиально новой политической**, социальной, демографической и экономической ситуации, возникшей в мире в XXI веке. Решить эту проблему простим увеличением пенсионных отчислений или пенсионного возраста невозможно. Те меры, которые предлагались либералами, должного эффекта не дали. Даже наоборот, ухудшили ситуацию.

А между тем не только за рубежом, но и в России происходили серьезные политические события, которые говорили о том, что социальные потрясения и даже революции отнюдь не только наша история, но и возможное будущее. Так, в своей «прощальной речи» 18

---

[1] Начало дискуссии было положено еще в 2005–2006 годах. В те годы, в том числе и я, выступил с коллегами с объемной работой по данной теме. См.: Карпенко М. и др. Приоритетные национальные проекты и новая идеология. М.: СГА, т. 1, т. 2, 2006 г. В частности в т. 2 мною была подготовлена Глава «Национальные проекты и новое общество».

[2] Так, А.Кудрин заявил, что «… мир, и Россия в том числе, сползает к разрушительной предкризисной модели». *Е.Арсюхин*. Суровая правда А.Кудрина. – Известия, 21 февраля 2011 г.

мая 2011 года С.Миронов откровенно заявил о том, что «лимит на революции не исчерпан»[1]. Росло социальное расслоение, недовольство элитой; накапливались нерешенные, в т.ч. этнические проблемы. Кризис в арабском мире, похоже, ничему не научил российскую элиту. И прежде всего тому, что растущий средний класс, не получая возможностей для самореализации, превращается из элемента стабильности в главный двигатель революции. Именно революция дает ему ощущение «неограниченной творческой свободы»[2], которой ему не хватает в России в начале XXI века.

Неизбежно и возвращение к проблеме качественного скачка в развитии России, которая имеет для нее особенное значение, учитывая многолетнее отставание. И здесь возникают концептуальные разногласия. Прежде всего между сторонниками «эволюционного», «естественного», «устойчивого» и пр. развития, когда стабильность во многом обеспечена замедлением темпов развития, и сторонниками «скачка» в развития, к которым отношу себя я[3].

Эти нарастающие проблемы имели не только концентуально-идеологический, но и в полнее конкретный характер. В частности, например, в пенсионной системе страны. Как отмечал эксперт В.Роик, объективно изменившаяся демографическая, экономическая и социальная ситуации, породили системные проблемы для существующих пенсионных институтов, которые требуют полного изменения их архитектуры и даже **самой** матрицы социальных **экономических отношений в обществе**[4].

При этом я исхожу из того простого понимания, что мир уже находится на этапе «фазового» перехода от одного качественного состояния к другому и Россия может «выпасть» из этого процесса только на время, из-за сознательной позиции, вызванной корыстью или глупости

---

[1] *Д.Борисов*. Разгром на Неве.– Независимая газета, 19 мая 2011 г., с. 3.

[2] *Э.Я.Баталов*. Революция. Бунт. Переворот. – Независимая газета, 22 марта 2011 г., с. 15.

[3] Интересно, что даже Д.Медведев на своей пресс-конференции в качестве президента страны 18 мая 2011 года говорил о «разных подходах», существующих у него и В.Путина, – эволюционном и более динамичном. (Я не оторвался от земли. Президент Дмитрий Медведев ответил на вопросы журналистов. – Российская газета, 19 мая 2011 г., с. 2.).

[4] *В.Роик*. Матрица достойной пенсии. – Независимая газета, 13 мая 2011 г., с. 3.

элиты. Нам нужен скачок, чтобы не столько вырваться вперед, сколько догнать других, как говорит А.Виноградов, «срезать угол», не повторяя уже пройденный другими путь»[1].

Дискуссии о модернизации и стратегии социально-экономического развития России будет неизбежно обостряться. И не только потому, что В.Путин инициировал создание 21 рабочей группы и предложил широкое публичное обсуждение, Стратегии 2020, но и потому, что принципиальные проблемы провалившейся Стратегии 2020 оказались не решенными. И вряд ли будут решены потому, что:

– цели и задачи такой Стратегии были признаны В.Путиным «правильными» и не будут пересмотрены, хотя они и оказались проваленными в 2001–2010 годах;

– люди, которые будут готовить очередную стратегию, представляют собой ту же группу экспертов – либералов, которые стояли у истоков реформ 90-х годов и продолжали их в 2000–2011 годы.

И первое, и второе препятствие можно разрешить только в рамках смены идеологической и политической парадигмы и замены хотя бы части правящей элиты страны, т.е. смены политического курса и правящей элиты. Понимание этого постепенно стало формироваться в российском обществе, Что, естественно, отразилось в дискуссиях 2011 года, которые проявили озабоченность сторонников либеральной традиции возможным ходом развития событий в стране.

«Идею качества человеческого потенциала как главной характеристики состояния народа в свое время сформулировал Питирим Сорокин, оценивая потери населения во время первой мировой войны и революции. Несмотря на гигантские количественные утраты, отмечал он, составившие 21 млн. чел. За 1914–1921 гг., главное все-таки – качественный урон; концепция развития человеческого потенциала шире модели экономического развития. «Судьба любого общества зависит прежде всего от свойств его членов», – пишет далее исследователь. «Внимательное изучение явлений расцвета и гибели целых народов показывает, что одной из основных причин их было именно резкое качественное изменение состава их населения в ту или другую сторону».

[1] *А.Виноградов*. Субъектность поневоле. – Независимая газета, НГ-сценарии, 22 марта 2011 г., с. 14.

По оценкам Питирима Сорокина, только одаренность российских предков позволила создать «Могучее государство и ряд великих общечеловеческих ценностей»[1].

[1] *Н.М.Римашевская*. Качество человеческого потенциала в современной России. Эл. ресурс / http://spkurdyumov.narod.ru/Rimash1.htm.

2.1. Социальный потенциал и инновации

«К концу XX века понятие прогресс свели к прогрессу исключительно техническому … Сейчас мы слышим разговоры исключительно о новых технических центра …»[1].

Н.Басовская, писатель

«… для борьбы за свободу нужны тщательно разработанная стратегия и обстоятельное планирование»[2].

Д.Шарп, автор пособия «От диктатуры к демократии»

Любопытно, что концепция социально-экономического развития и ее производное – Стратегия 2020 – по существу не отражают своего названия: понятие «**социальное развитие»** не просто отходит на второй план, а фактически игнорируется авторами документа. Например, очевидно распутанную социальную напряженность и разобщенность внутри общества, которая в 2011 году переросла в противостояние, и даже ненависть. Как справедливо заметил политолог Э.Баталов, «К государственным мужам многие россияне доверия не испытывают и потому не уважают их …, чиновников … не любят, а элиту … ненавидят»[3]. Совершенно с ним согласен, но странно, что этого не хотят замечать наши финансовые власти, которые, вроде бы, живут в нашей стране.

«Выпадение» самого понятия «социальный» из Стратегии развития означает, что такая стратегия уже изначально теряет смысл: социальные потрясения и кризисы, внутриполитическая дестабилизация, раскол общества, как это показывают многочисленные примеры, в т.ч. и с СССР, превращают такие стратегии и доктрины в пустые бумажки. Вспомним, хотя бы принятую за год до развала Организации Варшавского Договора новую доктрину ОВД (в подготовке которой, кстати, я участвовал).

Примечательно, что в ходе развернувшейся дискуссии по корректировке Стратегии 2020 в 2011 году два важнейших вопроса – о социальной сущности и развитии – остаются как бы в тени. И А.Кудрин, и А.Клепач говорят о **росте**, который должен быть не менее 6–7% в год,

---

[1] *Н.Басовская*. Спор физиков и лириков. – Российская газета, 21 марта 2011 г., с. 9.

[2] *Н.Сурков*. Американский «отец» арабских революций. – Независимая газета, 19 февраля 2011 г., с. 6.

[3] *Э.Я.Баталов*. Революция. Бунт. Переворот. – Независимая газета, 22 марта 2011 г., с. 15.

оговариваясь, правда, что сырьевая модель роста «должна быть заменена инвестиционной»[1].

Похоже, что авторы Стратегии 2020 так и не сделали выводов из ее провала. Между тем не только этот опыт, но и результат развития самых передовых стран в последние десятилетия показывает, что ставка на инвестиции отнюдь не означает перехода к быстрому развитию. Так, в Финляндии, например, пережившей кризис развала СССР, вообще иностранных инвестиций мало, а темпы роста и развития – потрясающие[2]. Стратегия 2020, принятая в марте 2008 года, оказалась несостоятельной. И не столько из-за кризиса 2008–2010 годов, сколько из-за неправильно сформулированных целей и избранных методов ее реализации. Это, в конечном счёте, были вынуждены признать Д.Медведев и В.Путин к концу 2010 года, а в начале 2011 года В.Путин поручил сформировать 21 группу экспертов, которым необходимо было до конца года «скорректировать» Стратегию. При этом В.Путин признал, что цели Стратегии были «определены правильно».

Между тем этот вывод совершенно не соответствует действительности. И не только потому, что результаты реализации этой стратегии оказались нулевые, но, прежде всего, потому, что Стратегия ставит перед собой значение политические цели. Даже, если она и называется «социально-экономической».

Такие цели в Стратегии 2020 сформулированы не были. Кроме того Стратегия отрицала фактически те социальные и политические проблемы, которые уже накопились в российском обществе, и которые привели к межнациональным и социальным конфликтам и кризису внутри самой элиты, росту недоверия. «К государственным мужам многие россияне доверия не испытывают и потому не уважают их … чиновников … не любят, а элиту … ненавидят»[3], – справедливо дает оценку состояния общества в марте 2011 года профессор Э.Я.Баталов. Это и понятно, ведь результаты **реальные** в социальной жизни страны

---

[1] *В.Грищенко*. Неизбежность развязки. – Независимая газета, 21 марта 2011 г., с. 9.

[2] Ярославский план 10–15–20 / The New York Academy of Science, August 20, 2010. p. 21.

[3] *Э.Я.Баталов*. Революция. Бунт. Переворот. – Независимая газета, 22 марта 2011 г., с. 15.

разительно отличаются от статистических. Чего, например, стоит вывод российских ученых о состоянии здоровья граждан: «В целом по результатам диагностики установлено, что **ни один из регионов** (подч. *А.П.*) России по качеству жизни населения не является благополучным»[1].

Эти социально-политические проблемы совершенно не поставлены в Стратегии 2020. Считается, почему-то, что «страна исчерпала лимит на революцию», хотя никто, нигде и никогда не пытался сосчитать эти лимиты. Справедливый вопрос Э.Я.Баталова о том, «… где долгосрочная программа и всем понятная стратегия?» остается без ответа, ведь никому в голову не придет предлагать в качестве ответа на эти вопросы «Стратегию 2020».

Соответственно, это отражается и на социальных настроениях. Как справедливо пишет профессор МГИМО(У) А.Богатуров, «**Не получился и вулкан энтузиазма по поводу планов научно-технологической модернизации**. К началу нового десятилетия средний небогатый россиянин точно понимал: инвестиционные потоки в России перетекают таким образом, что простому человеку от них практически ничего не достается. Поэтому рядовой гражданин почти не в состоянии допустить, что, скажем, «Сколково» – это «и его дело», проект, к которому он может приобщиться с пользой для себя и своей семьи»[2].

Таким образом при постановке В.Путиным задачи «корректировки» **не предполагалась пересмотра целей и приоритетов Стратегии 2020**. Что, безусловно, являлось ошибкой, ибо изначально цели и приоритеты были определены неточно, абстрактно, а их приоритетность вызывает сомнение. Прежде всего у общества, которое не поддержало эти инициативы. Так, в качестве цели выступают модернизация и инновации, которые сами по себе являются не целями, а средствами развития. Очевидно, не адекватно было оценено и значение социального потенциала, его институтов, что, в конечном счёте, отразилось на восприимчивости (точнее – не восприимчивости) общества и экономики к идеям модернизации и инновациям.

---

[1] *А.А.Куклин, Е.В.Васильева*. Качество жизни населения регионов России: подходы к исследованию и оценка состоянии. – Вестник РГНФ, № 3 (60), 2010 г., с. 82.

[2] *А.Богатуров*. Кризис политики правого центра. – Независимая газета, 22 марта 2011 г., с. 11.

Принципиальной ошибкой Стратегии 2020 стало и то, что она выступала в качестве самостоятельного интеллектуального продукта, а не следствия общепринятой элитой системы взглядов на цели и методы развития нации, общества и государства, т.е. идеологии. «Отказ» от идеологии В.Путина и Д.Медведева сыграл плохую шутку: из социально-экономической концепции попытались сделать идеологию. Причем даже партийную и общенациональную. Естественно, – что это не получилось.

Главное содержательное противоречие этих лет – в сути терминов «рост» и «развитие». Очевидно, что **экономический рост**, даже быстрый, не всегда сопровождается национальным **развитием**. Это тем более справедливо, когда речь идет уже не только об экономике, но и о социальной сфере. Так, быстрый рост ВВП России в 2000–2008 годы не сопровождался развитием. Иногда же бывало даже наоборот – рост был дегенеративен. Что и наблюдалось в России уже в кризисные 2000–2010 годы. И что, в конечном счете, стало понятно российской элитой. Но понять отнюдь не значит сделать правильные выводы. Тем более, когда значительная часть элиты оказывается в этом не заинтересованной.

В современной экономике знаний важны не столько темпы роста (ВВП и даже промышленности), сколько **качество роста**, т.е. развитие, причем, прежде всего нации и общества. Развитие в экономике и обществе – очень общее понятие, которое может характеризоваться **конечным результатом** за какой-то период времени. Один из таких результатов, характеризующий **национальный уровень** развития, выражается, например, в эффективности государственного управления и общественных институтов, а в агрегированном виде в индексе развития национального человеческого потенциала. В частности, в таких показателях, как ожидаемая продолжительность жизни, продолжительность обучения, количестве исследователей, учителей и работников здравоохранения на 10000 граждан. По всем этим показателям за 2007–2010 годы в России наблюдалось ухудшение, характерное для экономики как сочетание стагнации и инфляции – стагфляции.

Особенно наглядно эти тенденции проявились в показателях патентной деятельности. Так, по данным ОЭСР, Россия занимает по

этому показателю ничтожное место, уступая не только развитым, но и развивающимся странам.

Показатель численности патентов и его производные[1]

	Абсолютная численность патентов	Темп прироста числа патентов за 2000–2006 гг.	Доля стран в международном патентном деле	Число патентов на млн. чел.
Россия	63	17,00	0,12	0,44
Китай	356	339,14	0,70	0,27
США	15774	5,89	31,10	53,12
Япония	14976	3,42	29,53	117,21
Германия	6298	3,75	12,42	76,38
Великобритания	1651	-0,52	3,25	27,41
Франция	2472	8,42	4,87	39,36
Канада	777	37,29	1,53	24,04
Италия	722	9,87	1,42	12,33
ЕС	14575	4,57	28,74	29,63
ОЭСР	50299	9,54	99,17	42,97

Как видно из статистики, абсолютные показатели России – ничтожны, темпы прироста незначительные, а относительные настолько малы, что не выдерживают сопоставлений.

Как также видно из статистики, Россия не просто отстает от развитых стран по показателям инновационной активности, но отстает на порядки (в десятки раз!) от развитых стран. От США и Германии – в 100–150 раз, а Японии – в 250 раз!

Обращает на себя внимание, что если по уровню финансирования, количеству ученых и других количественным показателям Россия отстает от развитых стран в разы, то по качественным характеристикам (результатам) на порядки, т.е. в 10–100 раз. Это может объясняться только невосприимчивостью общества и экономики к инновациям, прежде всего неразвитым социальным потенциалом и его институтов.

Преодолеть это качественное отставание традиционными инерционными мерами не удается. Даже, если финансирование будет увеличено в 3–4 раза. Требуется качественный рывок. Прежде всего

[1] OECD. Main Science and Technology Indicators. April 2008.

посредством создания национальной инновационной системы (НИС), которая сегодня в полном объеме существует только в США и Японии. НИС и другие институты социального потенциала, как части НЧП, – является обязательным условием для создания и внедрения инноваций. Но НИС не может быть создана в принципе в обществе, которое не обладает развитым социальным потенциалом и его институтами. Соответственно инновации, технологии и модернизация бессмысленны до тех пор, пока не созданы для них **социальные условия**. Прежде всего, когда общество и экономика не заинтересованы и не мотивированы – идеологически, экономически, политически – на развитие.

К сожалению, приходится признать, что показатель патентной деятельности – реальное место России в мире, но это одновременно и характеристика – убийственная – той политики, которая основана не на национальном развитии, а на простом росте ВВП, идее «удвоения» и т.д.

Развитие – это развитие прежде всего, наукоемких (ресурсосберегающих, энергосберегающих) производств, а – главное – воспроизводство человеческого капитала. Так, не случайно, что при сопоставимости ВВП России и ведущих европейских стран производительность труда в России отстает от европейских стран (на час времени) в 5,3 раза![1] Собственно это понимание и было ясно сформулировано в общих чертах В.Путиным и Д.Медведевым в первой половине 2008 года и развернувшейся в обществе в ходе многомесячной дискуссии. Наступила очередь реализации. Точнее, вплоть до 2011 года, такая очередь так и не наступила. Можно сказать, что вся идеология реформ, проводившихся в России вплоть до настоящего времени, **вообще не предполагала инновационного развития**. Ни национального, ни социально. А значит, эта идеология была антинациональна. И ее следует менять. На идеологию развития, в т.ч. инновационную, которая, в свою очередь, должна отличаться от прежней тем, что она будет и **национальной, и социальной**.

Другое важное противоречие, ставшее особенно очевидным, в 2009–2010 году, это то, что понимается под объектом развития. Если речь идет об опережающем развитии экономики в узком смысле этого слова, т.е.

[1] При этом, по оценке академика Д.С.Львова, зарплата отстает от производительности труда более, чем в 2 раза.

отдельных отраслей, как правило, экспортно-ориентированных, то такое развитие, даже если оно сопровождается инновациями и модернизацией, не решает проблемы опережающего развития. Тем более, когда, как в России в 2008–2010 годы, результаты инноваций были ничтожны. Как справедливо подметил профессор МГИМО(У) А.Богатуров, «Оторванность небогатых граждан от экономических начинаний власти, утрата надежд на улучшение условий жизни в биологически значимые сроки перерастали в отчуждение от власти вообще. Насмотревшись западной жизни, люди хотели жить по-западному не «после смерти» и не в «следующих перерождениях», а на протяжении своей биологической жизни, причем ее более молодой части. Власть между тем **не предлагает простым россиянам жизни даже по скромным советским стандартам**. Более того, власть замкнулась сама в себе – ее экономические и политические планы формируются и видоизменяются в отрыве от учета интересов граждан»[1].

Но даже быстрое развитие наукоемких отраслей не означает по большому счету опережающего развития, а тем более – качественного скачка. Как мне представляется, опережающее развитие это такое развитие экономики, общества и государства, когда все отрасли и институты в течение относительно короткого срока (7–10 лет) **качественно меняют свое содержание**. Именно такой временной отрезок полагают возможным и необходимым, например, авторы доклада американской академии наук, которые в отличие от авторов Стратегии 2020 предлагают внятную логику развития этого процесса. По их мнению, она включает в себя «15 шагов», которые сокращенно выглядят следующим образом[2]:

1. **Твердая политическая приверженность взятому на построение экономики знаний курсу**.

– руководство страны должно быть объединено набором простых и понятных стратегических задач;

---

[1] *А.Богатуров*. Кризис политики правого центра. – Независимая газета, 22 марта 2011 г., с. 11.

[2] Ярославский план 10–15–20. «Дорожная карта» строительства инновационной экономики: лучшая международная практика и уроки для России / The New York Academy of Science, August 20, 2010. pp. 107–120.

– определение приоритетных технологических областей «не с целью догнать», но чтобы стать в каких-то областях неоспоримым лидером;

– не стоит игнорировать традиционные отрасли экономики;

– сделать приоритетные цели более близкими гражданам страны.

Как видно, первый шаг – целеполагания – сводится к мобилизации элиты и общества для решения конкретных и понятных задач.

2. **Мобилизация поддержки перемен со стороны общества и элит**.

3. Доказать долгосрочную политическую приверженность реализации выработанной стратегии.

Доказать долгосрочную политическую приверженность реализации выработанной стратегии.

Для демонстрации постоянства своей стратегии Россия должна:

– Учредить должность **подотчётного напрямую Президенту РФ главного технолога РФ** (Russia Chief Technology Officer), аналогично опыту США, который будет отвечать за координацию приобретения и внедрения новых технологий государственными ведомствами и организациями.

Координировать национальную, региональную и институциональную политику реализации выработанной стратегии.

Понять механизмы работы внешних и внутреннего рынков.

Стимулировать внутренний спрос на новые технологии посредством введения жестких стандартов и техрегламентов, мер регулирования и госзакупок.

Найти способствующее развитию инноваций соотношение между крупными и малыми компаниями и между транснациональными и внутренними компаниями.

Возродить осмысленную государственную политику проведения фундаментальных и прикладных исследований, гарантировав наличие, как источников кадров, так и новейших технологий, что жизненно важно для удовлетворения дальнейших требований рынка. Привлечь в Россию представителей мировой научной элиты, в том числе, выходцев из российской диаспоры.

Создать международный научно-исследовательский университет по решению проблем, выбранных в качестве приоритетных в президентской стратегии, собирающий лучших и ярчайших представителей мировой

науки и техники, работающий в тесном взаимодействии с промышленностью и стимулирующий культуру предпринимательства.

Установить чёткие правила владения и распоряжения интеллектуальной собственностью для исследований с государственным финансированием, способствующие коммерциализации результатов исследований.

Усовершенствовать законодательство о защите интеллектуальной собственности и создать публичные примеры его исполнения в сфере высоких технологий.

Даже бизнесу, родившемуся в гараже, требуется нормальная деловая инфраструктура для развития. Однако строительство офисных комплексов, даже с пониженными налогами или упрощённым доступом к финансированию, недостаточно для решения этой задачи. Определяющее значение имеют элементы среды, коммерциализация и налаживание сетевых связей в пределах технопарка или экономической зоны, а не постоянные дотации государства.

Предусмотреть финансирование на ранней стадии существования, как прямое, так и в форме содействия завершению этапа развития новой технологии и пересечению так называемой «долины смерти».

Поддерживать и расширять сектор частного и венчурного финансирования. Стимулировать культуру предпринимательства.

Сегодня мы можем говорить только о политике сознательного ограждения инновационной активности в России, осуществляемой элитой в последние десятилетия. Даже по сравнению с формальными инновационными критериями, Россия находится в числе «отстающих инноваторов».

Показатели инновационной активности в России и в странах ЕС

	Россия	**ЕС (27 стран)**	**Группа инновационных лидеров: Дания**	**Группа стран, догоняющих лидеров: Бельгия**	**Группа «скромных новаторов»: Чехия**	**Группа отстающих: Болгария**
Доля работников, в занятых инновационно активных организациях, %	36,0	42	52	51	41	16
Доля выручки	48,0	–	83,0	80,7	65,6	39,7

инновационно активных организаций в общей выручке, %**						
Доля высокотехнологичной продукции в экспорте промышленности, 2006, %	9,0	–	20,0	8,0	14,0	6,0
Доля инновационной продукции в выручке, 2004, %	5,5	–	16,1	17,8	25,1	36,2
Интенсивность затрат на технологические инновации, % ***	1,44	–	3,81	4,09	2,69	0,89

Примечания: * При расчете доли инновационно активных предприятий учитывались общие данные по промышленности и сфере услуг.

** – без сферы услуг, данные по России относятся к 2007 г., по европейским странам – к 2004 г.

*** – без сферы услуг, данные по России относятся к 2006 г., по европейским странам – к 2004 г.

Источники: European Innovation Scoreboard 2007. Comparative Analysis of Innovation Performance. European Commission, February 2008 InnoMentrics. Pro Inno Union Paper 6. http://iri.jrc.ec.europa.eu/research/ docs/2008/Scoreboard_2008.pdf.

Евростат. База данных по инновационной активности в странах Европейского Союза http://epp.eurostat.ec.europa.eu/portal/page? pageid=1996,45323734 & dad=portal& schema=PORTAL&screen=w elcomeref&open=/science/inn/inncis5 &language=en&product=EU science technology innovation&root=EU sci ence technology innovation&scrollto=189.

Индикаторы инновационной деятельности: 2008. Статистический сборник. Министерство образования и науки РФ, Федеральная служба статистики, ГУ-ВШЭ. Москва: Издательство ГУ – ВШЭ

Это, так сказать, – объективный результат инновационной деятельности российской элиты, который характеризуется прежде всего полным отсутствием у нее системы взглядов, т.е. идеологии развития.

В табличном виде это различие в понимании и представлениях может выглядеть следующим образом.

Опережающее развитие в представлении российской элиты 2005–2010 годов

Основные параметры	2005–2007 гг.	2007–2010 гг.	2011–?
Количественный рост	Идея «удвоения ВВП», т.е. 7,8–7,9% роста ВВП в год.	Стратегия 2020, как идея опережающего развития	Инновации и модернизации во всех отраслях экономики

Качественное развитие		Эволюция в структуре экономики	Изменение структуры экономики
Общественное и институционально е развитие	Активизация социальной политики	Озвучивание идеи ЧП и сохранение приоритетов социальной политики	Выдвижение идеи развития ЧП как ключевой экономической и социальной политики.

Таким образом, проблема ускоренного развития – прежде всего проблема политико-идеологическая. Высокие и устойчивые темпы развития возможны не только в Китае, но и в России. И не только теоретически, но и практически: как показали результаты 2006–2007 годов, некоторые отрасли, – строительство, энергетика, машиностроение – могут развиваться темпами в 25–40% в год. Более того, первые месяцы 2008 года показали, что и бюджеты некоторых регионов могут расти на 30–50% ежегодно. Важно, чтобы **идеологически и политически такая цель изначально была сформулирована в соответствующей национальной стратегии**. Собственно в виде такой стратегии (в форме проекта концепции социально-экономического развития до 2020 года) попытались предложить для широкого обсуждения весной и летом 2008 года «Стратегию 2020». Которая в итоге провалилась.

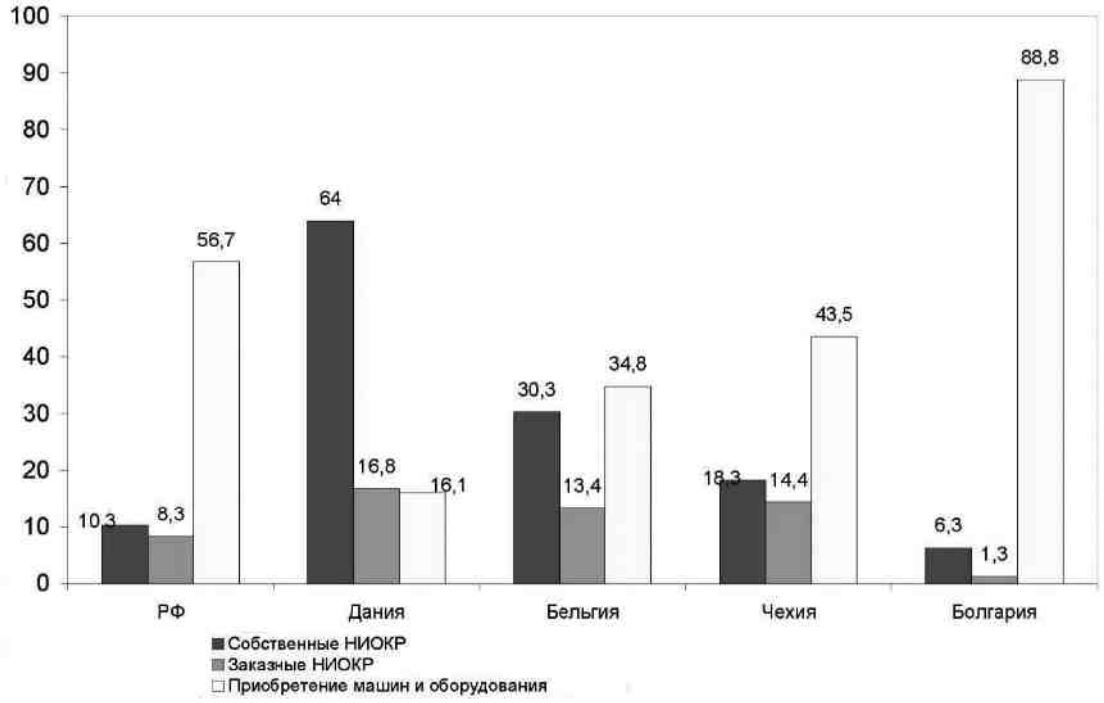
В 2011 году пытаются модернизировать эту стратегию, привлекая к ней «широкую общественную экспертизу», так и не поняв, что эта стратегия должна быть:

– во-первых, **общенациональной** системой взглядов, т.е. идеологией большинства элиты и общества, а не группы экспертов-макроэкономистов;

– во вторых, что она должна быть стратегией развития **нации**, а не экстраполяцией социально-экономических тенденций.

За прошедшие после 2008 года правящая элита не научилась главному, именно: пониманию того, что развитие может происходить только на национальной научной, культурной и духовной основе, а не на пути заимствований. Что, кстати, хорошо иллюстрируют следующие данные, где лидер по ИРЧП-Дания ясно демонстрирует, **как** должна пониматься модернизация и инновации.

Доля затрат на собственные, заказные ИиР и на приобретение машин и оборудования в структуре затрат на технологические инновации (без сферы услуг)



* Индикаторы инновационной деятельности: 2008. Статистический сборник. Министерство образования и науки РФ. Федеральная служба статистики. ГУ-ВШЭ. Москва: Издательство ГУ-ВШЭ.

Очевидно, что в элите столкнулись две близкие точки зрения. Одна из них, представленная Минфином, отражала по сути прежнюю, инерционную модель развития, в основе которой находилась идея любой ценой (в т.ч. за счет развития) сохранить макроэкономическую стабильность. И ее еще раз озвучил в феврале 2011 года А.Кудрин.

Другая позиция – МЭР, экспертного управления администрации и других организаций, – отражает необходимость более высоких темпов развития и вмешательства в экономику. Но обе эти позиции находятся в рамках одной идеологии. Собственно идеологические споры, в том числе и в апреле 2008 года на съезде «Единой России», ряде клубов и в СМИ шли о путях и приоритетах развития. Да и позже: в 2010–2011 г. – в рамках одной идеологической модели.

Постепенно, медленно общество выходило на понимание того, как решаются эти задачи. Но не правящая элита. Идея «удвоения ВВП» – стратегия количественного роста, – которой на смену неизбежно должна была бы придти стратегия национального **опережающего развития**, точнее, – рывка. Но не пришла. Потому,

что она и не может придти в рамках либеральной идеологии. Не случайно идея опережающего развития была изложена, во-первых, в форме идеи долгосрочного догоняющего развития, а, во-вторых, развития социально-экономического, а не развития, вообще. Тем более общественного. Тем более НЧП.

2.2. Качество развития и НЧП

«… наибольшую опасность
для демократической системы
в современном мире несет с собой
само ее развитие»[1].

В.Иноземцев

Как фиксируется в справке Комитета Совета Федерации по промышленной политике, «В начале 90-х произошло быстрое открытие внутреннего рынка для импортной продукции, а с другой – существенно сократилось финансирование системы НИОКР, которое в **значительной степени концентрировалось в системе отраслевых научно-исследовательских институтов и заводских лабораториях**. В результате, резко снизился поток инновационных идей, качество и объем внедрения инновационных разработок. По разным оценкам, **вклад инновационной продукции в ВВП страны в настоящее время составляет около 5%, тогда как в развитых странах – от 40 до 60%. На НИОКР в России во всех секторах экономики тратится около 1% ВВП. На сегодняшний день по разным оценкам эффективность инвестиций в российские инновации в 112 раз ниже, чем в США**»[2].

Сегодня стала банальной истина: качество развития государства определяется, прежде всего качеством НЧП. Но пока что не эта истина не стала таковой для российской элиты, которая предпринимает самые непонятные и неприемлемые шаги в области науки, образования и культуры.

В частности, в науке. Это качество вполне измеряется количественными методами, например, объемом финансирования на душу населения и численностью персонала исследователей в экономике[3].

---

[1] *В.Иноземцев*. Демократия перед вызовом истории. Предисловие. Л.Зидентол. Демократия в Европе / Пер. с англ.; Под ред. В.Л.Иноземцева. – М.: Логос, 2004, с. XXXI.

[2] Интернет-конференция. Жизненный цикл инновационного прогноза в отечественной промышленности". Комитет СФ по промышленности. М., май 2011 г.

[3] Наука России в цифрах: 2010. Стат. сб. – М.: ЦИСН, 2010, с. 214.

Внутренние затраты на исследования и разработки в России и странах ОЭСР *[4]

	Всего, млн. долл. США**		В процентах к валовому внутреннему продукту		В расчете на душу населения, долл. США**	
	2007	2008	2007	2008	2007	2008
Россия	23605,6	23659,3	1,12	1,04	166,2	166,7
Австралия	15284,4	–	1,97	–	732,3	–
Австрия	7755,9	8461,4	2,54	2,68	934,3	1015,0
Бельгия	6988,3	7259,1	1,90	1,92	657,9	677,9
Великобритания	38088,2	38707,5	1,79	1,77	624,7	630,6
Венгрия	1824,5	1987,8	0,97	1,00	181,4	198,0
Германия	72241,9	76796,9	2,53	2,64	878,2	935,2
Греция	1801,6	–	0,58	–	161,0	–
Дания	5066,2	5498,2	2,55	2,72	927,9	1001,1
Ирландия	2480,6	2639,0	1,28	1,43	568,2	594,0
Исландия	305,3	313,2	2,68	2,65	980,6	980,7
Испания	17897,6	19369,9	1,27	1,35	398,8	424,8
Италия	21714,5	22127,7	1,18	1,19	365,7	369,8
Канада	24125,9	23961,5	1,90	1,84	732,6	719,0
Корея	41339,1	45293,6	3,21	3,37	853,1	931,8
Мексика	5598,4	–	0,37	–	53,0	–
Нидерланды	11794,2	11828,0	1,82	1,75	720,1	719,5
Новая Зеландия	1389,3	–	1,21	–	330,9	–
Норвегия	4158,1	4525,1	1,65	1,62	883,6	949,1
Польша	3525,7	3990,9	0,57	0,61	92,5	104,7
Португалия	2905,6	3734,9	1,21	1,51	273,9	351,6
Словакия	502,3	563,5	0,46	0,47	93,1	104,2
США	373185,0	398194,0	2,66	2,77	1236,8	1307,6
Турция	6781,5	7195,0	0,72	0,73	96,5	101,2
Финляндия	6495,5	7098,2	3,48	3,73	1228,2	1335,9
Франция	42307,0	42892,8	2,04	2,02	663,6	668,9
Чехия	3803,0	3767,9	1,54	1,47	368,4	361,3
Швейцария	–	9923,1	–	3,01	–	1287,0
Швеция	12134,3	12781,2	3,61	3,75	1326,4	1380,9
Япония	147939,2	149212,9	3,44	3,42	1157,8	1168,5

* Источник данных по странам ОЭСР: OECD (2010), Main Science and Technology Indicators, № 1, Paris. Информация по Австралии приведена за 2006 г.

[4] Наука России в цифрах: 2010. Стат. сб. – М.: ЦИСН, 2010, с. 218.

** В расчете по паритету покупательной способности национальных валют. Здесь и далее данные могут отличаться от ранее опубликованных в связи с уточнением паритета покупательной способности национальных валют Росстатом.

Эти данные свидетельствуют **о реальном отношении** правящей элиты не просто к науке, а к национальному человеческому капиталу. Причем, эти данные подтверждаются не только сведениями за 2007–2008 годы, но и всей тенденции последнего десятилетия, которая свидетельствует о стагнации, а не развитии.

Внутренние затраты на исследования и разработки в ряде стран мира, в расчете на душу населения (долл. США по паритету покупательной способности)[1]

Страна	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006
ОЭСР в целом	537,1	564	573,6	591,1	615,1	655	694,1
Россия	80,6	98,3	109,9	124,4	123,5	126,3	141,2
США	948	974,6	960,5	994,5	1023,5	1092,6	1146,5
Китай	21,3	24,7	30,7	36,3	44,4	54,3	66
Финляндия	857,8	880,5	925,7	950,8	1031,9	1061,2	1128,9
Япония	778,7	818	848,7	879,1	919,6	1007,2	1086,3
Израиль	892,2	951,1	934,6	891,7	944,3	1031,5	1132,6
Германия	636,1	661,3	686,9	720,8	744,1	757,3	809,7
Франция	541,9	585,5	619,2	594,5	608,9	630,3	655,7
Великобритания	472,5	493,8	516,4	521,7	535,8	554,9	588
Ю.Корея	393,4	449,3	472,6	500,8	581,5	636,1	743
Чехия	181,2	195	202,3	225,4	240,9	286,4	339,9
Венгрия	95,5	124,8	146,9	144,1	142,4	160,3	181,8
Польша	68	68,3	64,7	64,9	72,6	76,9	81,6

Более того, в намерениях разработчиков будущей «стратегии развития» эта тенденция только сохраняется.

Аналогичная ситуация складывается и в образовании. В принятой правительством в феврале 2011 года Концепции, расходы на образование фактически, с учетом инфляции, сокращаются[2].

[1] OECD, Main Science and Technology Indicators, April 2008.

[2] См. Концепция развития образования в Российской Федерации. М.: Минобрнауки, февраль 2011 г.

Как видно, затраты на исследования (в расчете на душу населения) в России, как правило, в 5–7 раз ниже, чем в развитых странах и почти в 9 раз ниже, чем в США и Финляндии[1].

С точки зрения развития НЧП и, в частности, социального потенциала, можно констатировать, что:

– в 90-ые годы были разрушены и полностью уничтожены целые национальные научные школы, а те, которые сохранились, превратились в стагнирующие организации, в которых еле теплица научная активность;

– в первом десятилетии нового века ситуация перешла в стадию медленного, но неуклонного уничтожения национальной науки, когда целые направления и школы превратились в вымирающие структуры.

Персонал, занятый исследованиями и разработками, в России и странах ОЭСР*[2]

(в эквиваленте полной занятости; человек)

	Персонал, занятый исследованиями и разработками		**Исследователи**	
	Всего	**На 10 000 занятых в экономике**	**Всего**	**На 10 000 занятых в экономике**
Россия	**869772**	**127**	**451213**	**66**
Австралия	126070	123	87140	85
Австрия	58077	141	34546	84
Бельгия	58733	132	36382	82
Великобритания	341477	108	251573	80
Венгрия	27403	67	18504	45
Германия	521909	130	301295	75
Греция	35629	76	20817	44
Дания	48096	163	30945	105
Ирландия	18653	89	13434	64
Исландия	3117	175	2308	129
Испания	215676	105	130986	64
Италия	236261	94	96303	38
Канада	228679	133	142948	83
Корея	294440	125	236137	100
Мексика	70293	16	37930	9

[1] Наука России в цифрах: 2010. Стат. сб. – М.: ЦИСН, 2010, с. 218.

[2] OECD, Main Science and Technology Indicators, April 2008.

Нидерланды	93382	107	50602	58
Новая Зеландия	24700	145	18300	108
Норвегия	35945	137	26006	99
Польша	74596	47	61831	39
Португалия	49114	95	40563	79
Словакия	15576	70	12587	56
США	–	–	1412639	95
Турция	63377	31	49668	24
Финляндия	56698	225	40879	162
Франция	372326	145	215755	84
Чехия	50808	96	29785	56
Швейцария	62066	138	25142	56
Швеция	77549	170	48220	106
Япония	908820	142	682757	106

* Данные по России представлены за 2008 г. Источник данных по странам ОЭСР: OECD (2010), Main Science and Technology Indicators, № 1, Paris. Информация по Австралии приведена за 2006 г., по Греции, Канаде, Мексике, Новой Зеландии, Турции, США и Франции – за 2007 г., по остальным странам – за 2008 г.

Не удивительно, что по числу занятых научных исследованиями, Россия неуклонно скатывается к показателям развивающихся стран. С одной существенной разницей: равная численность исследователей в России, Испании и Ирландии объясняется тем, что в научных организациях нашей страны продолжают придерживаться социальной политики в отношении пожилых (старше 70-и лет) кадров, которые составляют, по некоторым оценкам, от 30 до 40% всех исследователей. А это означает, что через 5–7 лет число исследователей в России сократится, как минимум, на этот процент.

Наконец, последнее. Россия была великой научной державой, что характеризовалось, в том числе и тем, что в 80-е годы только СССР и США могли позволить себе развивать **все** направления НТП. Сегодня этого уже нет. Но есть политика «концентрации усилий» на отдельных направлениях НТП, хотя никто в здравом уже не может предположить **какое** из будущих направлений окажется прорывным.

Примечательно, что по числу исследователей в России и Финляндии разрыв наиболее велик (более чем в 2,5 раза). При этом важно подчеркнуть, что именно Финляндия за последние 20 лет предоставила

блестящий пример научно-технологического и экономического рывка. Причем даже без серьезных иностранных инвестиций[1]. Этот пример – очень показателен. Все последние 20 лет наши реформаторы внушают нам:

– во-первых, что успешное развитие невозможно без иностранных инвестиций (иногда дополняют, что деньги есть только у США, а поэтому …);

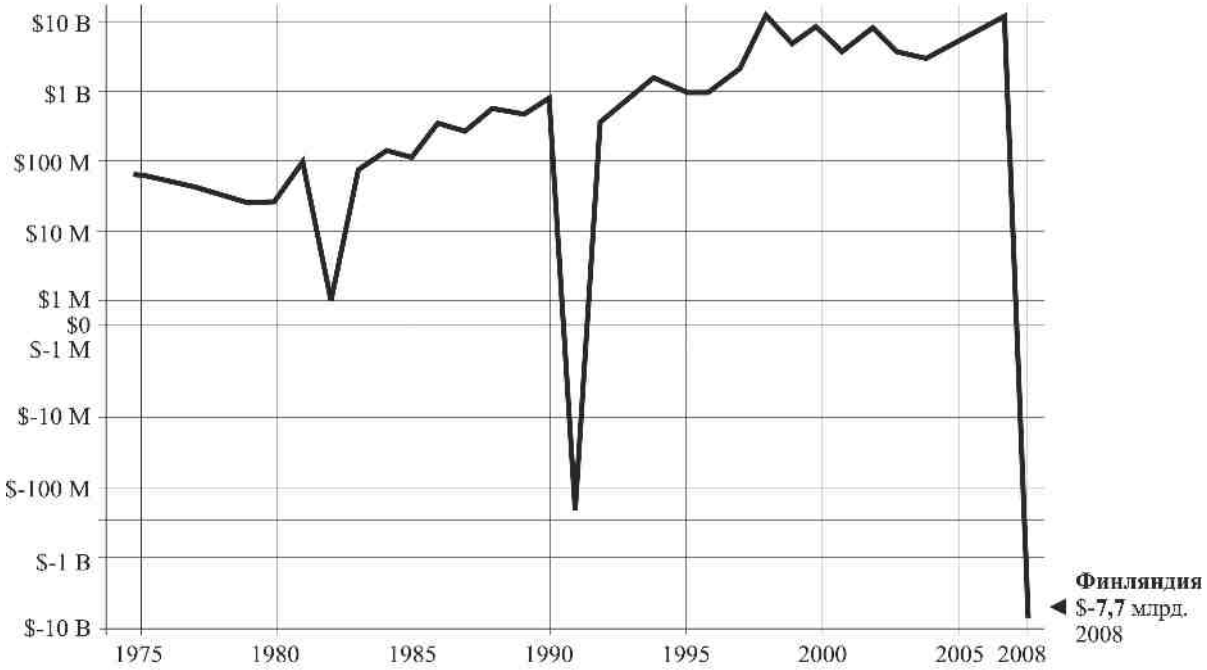
– во-вторых, что наука, в частности, численность исследователей. Не имеют отношения к экономическому развитию (а до недавнего времени, что казна вообще должна быть на самофинансировании).

Оба этих тезиса не просто не правильны, а разрушительны для нации, ее НЧП. То, что они неверны даже с экономической точки зрения доказывает пример Финляндии, которая за последние 15 лет совершила экономический рывок, фактически утроив свой ВВП. При весьма скромных иностранных инвестициях, еще более скромных природных ресурсах и экономике, ориентированной всего лишь на несколько отраслей.

Ответ простой. В отличие от нашей, российской элиты, правящая элита Финляндии была национально и социально ориентирована. В том числе и в отношении своего НЧП.

[1] Цит. по: Ярославский план 10-15-20. The New York Academy of Science, August 20, 2010.

Прямые иностранные инвестиции в Финляндию
(платежный баланс в долларах США)



Источник: Всемирный банк, показатели мирового развития (по состоянию на 15 июня 2010 года).

Валовой внутренний продукт Финляндии
(в сегодняшних долларах США без учета инфляции)

Источник: Всемирный банк, показатели мирового развития (по состоянию на 15 июня 2010 года).

[1]

[1] Цит. по: Ярославский план 10-15-20. The New York Academy of Science, August 20, 2010.

Примечательно, что Финляндия во многом ориентировалась на СССР. В том числе с точки зрения экспорта. Развал СССР имел для нее катастрофические последствия. Внешний рынок сузился. Внутренний – небольшой. И только ставка на развитие НЧП, прежде всего его социальной составляющей не только спасла страну, но и вывела ее в устойчивые лидеры по ИРЧП (1–3 место в мире).

Это должно было бы стать хорошим уроком для российской элиты. Но не стало. Удивительно, но те же люди, которые «реформировали» Россию в 90-е годы, сегодня «модернизируют» ее экономику. И теми же методами.

Проблема, однако, в том, что переход, реальный переход к концепции долгосрочного опережающего социально-экономического развития, очевидно, затянулся, а превратился в стагнацию. К середине 2008 года можно было только говорить о готовности руководства страны озвучивать этот тезис и пытаться акцентировать на нем влияние элиты. Но дальше наступил кризис. Дело объясняется тем, что решение этой глобальной задачи невозможно в принципе макроэкономическими средствами, которые были ориентированы на сохранение стабильности, которая быстро превращается в стагнацию.

Чтобы двигаться вперед и быстро необходимо отказаться от «комфорта» макроэкономической стабильности. Только в этом случае возможны радикальные изменения (а только они и способны обеспечить опережающее развитие). Так, по признанию Д.Медведева еще в 2008 году «российские компании тратят 6–7% своего бюджета на инновацию. В нормальных странах … 50–60%, а японцы – за 70%»[1]. Ситуация в 2011 году стала не лучше, а хуже.

Другая сторона проблемы еще меньше связана с макроэкономикой. Отсталость социального потенциала – институтов гражданского общества, низкое качество управленческой элиты, неприспособленность образования, отсталость науки и многое другое явились причиной, пожалуй, самой главной, экономического отставания России.

Но не быстрому развитию. Но гражданское общество, темпы его развития прямо зависят от темпов развития человеческого потенциала, личности, гражданина. Круг замыкается: опережающее развитие

[1] www.km.ru 31 июля 2008 г.

экономики России невозможно без опережающих темпов роста потенциала личности, а те, в свою очередь, от сознательного выбора элитой страны социально-гуманитарного сценария развития и идеологии русского социализма[1].

[1] *А.Подберезкин*. См. подробнее: Социалистический манифест, 2004 г.

2.3. «Большой скачок»: модель развития

«… мы должны видеть за горизонтом – мир, в котором Америка будет сильнее и более безопаснее …»[1].

Б.Обама

«Богатая Россия превратилась в страну бедных людей»[2].

В.Путин

Реализация планов опережающего национального развития («Большого скачка» в значительной, даже решающей степени, зависит от развития институтов социального потенциала нации. Это означает, что важнейшим условием «Большого скачка» является создание новой социальной модели российского общества. Первым шагом должен стать **отказ** от существующей ресурсной модели. «В экономиках, в которых богатство не производят, а **черпают из недр и перераспределяют, коммерциализация власти обычна**» – пишет философ А.Рубцов. – «Для производящих, а тем более инновационных экономик она губительна. Это историческая ловушка: чтобы сменить вектор развития («сняться с иглы», нефтяной и коррупционной), надо **совершить усилие против естества, почти чудо.** Иначе приятная инерция доведет до момента, когда сырьевая модель не потянет, а запускать несырьевую будет поздно, не на чем и не с кем. Судя по нынешним реалиям, так оно и будет. И этот момент ближе, чем кажется: накроет при жизни»[3].

Кризис в ряде арабских государств в начале 2011 года показал, что экономический рост и внутриполитическая кажущаяся стабильность не могут гарантировать даже традиционные общества и режимы от потрясений. Как справедливо признают эксперты МГИМО(У), «… мировой кризис арабские страны пережили легче, чем их западные партнеры и новые индустриальные государства, что было связано с сохранением государственного контроля над финансовой системой и невысокой степенью глобализации экономики большей части арабского мира. Экспортеры энергоносителей выиграли от высоких цен на свое сырье.

---

[1] The National Security Strategy. 10 May, 2010, p. 1.

[2] *В.Путин*. Выступление на расширенном заседании Государственного Совета «О стратегии развития России до 2020 года». 07.02.2008 / http://www.viperson.

[3] *А.Рубцов.* Кто шляпку спер, тот и тетку пришил. – Независимая газета, 18 мая 2011 г., с. 5.

Поводом для народных выступлений стало не резкое нарушение социально-экономической стабильности, а отсутствие заметных перемен к лучшему и ощущения возросшей экономической выгоды, что усилило разочарование, особенно у представителей так называемого «среднего класса». Иными словами, возник разрыв между ожиданиями роста благосостояния и реальностью.

Парадоксальное на первый взгляд сочетание относительного экономического благополучия и выплеснувшегося на улицы народного гнева объясняется не только политическими причинами, но и сохранением ставших уже традиционными для этой части мира системных социально-экономических проблем и дисбалансов»[1].

Именно такой разрыв между социальными ожиданиями и реальностью стал стремительно развиваться в России в 2010–2011 годы. Как ни странно, на фоне выхода России из кризиса.

В действительности в этом нет ничего удивительного, ведь давно замечено социологами, что социальные конфликты возникают во время ухудшения социально-экономической ситуации в стране, а по мере ее улучшения, когда социальные ожидания выше, чем конкретные результаты.

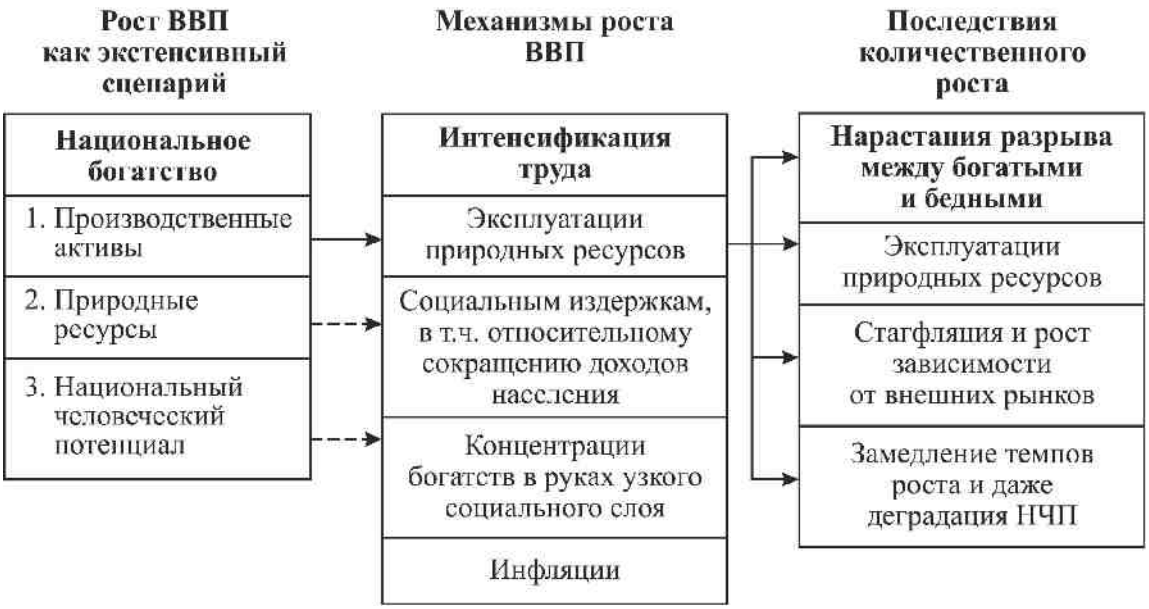
В этой связи становится особенно важно провести чёткую разницу между развитием и ростом. Не только в экономике, но и, прежде всего в обществе. Для России эта разница сегодня, как увидим, принципиальна.

Разница между ростом и развитием

Для того, чтобы была видна нагляднее разница между развитиям и ростом сравним две простые модели характеризующие эти качества.

[1] *А.В.Федорченко, А.В.Крылов.* Ближний Восток и Северная Африка: прогноз развития политической и социально-экономической ситуации. М.: МГИМО (У), ИМИ, март 2011 г., с. 7.

Модель № 1 «Стагфляция»



В первой модели, «модели роста», задействованы прежде всего те части национального богатства, которые не связаны с НЧП. Соответственно используются и механизмы такого роста. Прежде всего экстенсивные, не удивительно, что последствия этого роста, как правило, негативны, отражаются в социальном плане, и, что немаловажно, первая модель основывается на передовых зарубежных заимствованиях. Это, во-первых, программирует отставание, а, во-вторых, резко сужает социальную и интеллектуальную базу развития.

Модель № 2 «Большой скачок»

Как видно из второй модели, в основу Стратегии развития закладывается ускоренное развитие НЧП и его социальных институтов (как инструментов развития НЧП), способных обеспечить движение «широким фронтом», во-первых, и на национальной интеллектуальной и культурной основе.

Говоря об ускоренном развитии России, тем более после кризиса, необходимо ясно понимать, что мы имеем в виду под термином «развитие». Обычно экономисты относят к главным критериям темпы роста ВВП, рост промышленности, биржевые индексы, устойчивость валютной и банковской системы, темпы инфляции. Именно эти критерии в основном и находятся в эпицентре внимания. Именно ими оперируют финансовые власти (что нормально) и некоторые политики (что абсолютно не нормально). У последних, в отличие от финансистов и экономистов, должны быть иные критерии, хотя, должен заметить, даже такие лидеры либерально-экономической мысли как В.Мау и Е.Ясин в 2011 году пришли к выводу о необходимости корректировки этих критериев. «Есть новые явления-феномены, которые необходимо оценить по-новому – заявил В.Мау в марте 2011 года. В частности, по его словам, если 50–100 лет назад, планируя приоритеты **экономического роста**, можно было сказать, какие отрасли для этого нужно развивать, какие трактора строить и какой цемент выпускать, **то сейчас технологическая база резко меняется вместе с понятиями о том, что является передовым, а что – отсталым**»[1].

Подобные заявления, безусловно, вселяют определенный оптимизм. Тем более что о них говорят признанные лидеры либеральных реформ. Вопрос в том, насколько далеко они смогут отойти от своих прежних представлений и реализовать их на практике в работе экспертных (17–21–?) групп по «корректировке» Стратегии 2000. Если эта корректировка будет носить косметический характер и не затронет базовых положений Стратегии 2020 (национальных интересов, целей развития, перераспределения ресурсов), то боюсь, что цена таким заявлениям будет небольшая.

У нации и государства, как известно, должны быть агрегированные, масштабные, политико-идеологические интересы и цели. Как, например,

[1] *Т.Зыкова*. Без закрытых тем. – Российская газета, 15 марта 2011 г., с. 1, 4.

у того же Б.Обамы, который в кризисном, непростом для США 2010 году, говорил о перспективе для США стать более сильным и безопасным» государством.

Какую же цель развития нарисовали нам аналитики и инвестора на 2011–2013 годы? Если коротко, то пока что независимые эксперты в феврале 2011 года полагают, что «… свернуть с траектории стагнации стране будет крайне сложно»[1]. Причины – те же: коррупция, плохая демография, падение уровня образования и т.п. «делают, – но мнению западных аналитиков, – модернизацию практически невозможной. Неутешителен, в связи с этим, и долгосрочный прогноз для России, сделанный этими экспертами»[2].

Долгосрочный прогноз для России пока не вселяет оптимизма

Показатель	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020
Рост ВВП, %	4,0	4,6	4,4	2,7	3,1	2,7	2,5	2,7	2,8	3,1	3,5
Инфляция, %	8,8	9,5	10,9	10,2	8,0	6,9	6,8	6,6	6,5	6,5	6,4
Дефицит бюджета, % ВВП	3,9	1,5	3,6	4,2	4,7	5,0	4,7	4,5	4,2	4,0	3,7
Курс доллара к рублю	29,9	29,4	29,5	30,3	31,1	32,2	33,4	34,7	36,0	37,3	38,5
Цена нефти Urals, долл. за барр.	77,2	83,1	84,0	83,2	84,0	84,2	84,5	84,9	85,7	87,3	89,7

Как видно, этот прогноз основывается на тех же количественных критериях роста экономики. Он не включает важнейших социальных критериев, характеризующих национальный человеческий капитал, инновационность экономики и возможности научно-технического рывка в развитии. Он не просто инерционен. Этот прогноз – механическая макроэкономическая экстраполяция существующих тенденций.

Но этот же прогноз может стать реальностью, если российская элита не предпримет решительных мер, чтобы пересмотреть алгоритм и модель стратегии социально-экономического развития. И, прежде всего те ее аспекты, которые связаны с развитием социального потенциала страны.

Этот долгосрочный прогноз – прогноз **стагфляции**, когда рост экономики – ниже среднемирового, а инфляция – зашкаливает за все

[1] *А.Башкатова*. Выбор между стагнацией и модернизацией. – Независимая газета, 16 февраля 2011 г., с. 4.

[2] *А.Башкатова*. Выбор между стагнацией и модернизацией. – Независимая газета, 16 февраля 2011 г., с. 4.

разумные пределы. Сохраняется и огромный дефицит бюджета. И все это не смотря на то, что стоимость барреля нефти в феврале 2011 года уже превысила 100 долларов!

Подобный прогноз означает, что рост экономики, в понимании экономистов, означает принятие именно такого сценария, именно такой Стратегии развития. Который, к сожалению, подтверждался практикой последних десятилетий: за 20 лет мы только вышли на уровень РСФСР 1990, существенно ухудшив структуру экономики, радикально ухудшили структуру экспорта и сделав более 50% наших граждан нищими.

Но подобный же **прогноз становится сценарием** социально-экономического развития, если сохранить нынешнюю стратегию стагфляции, существовавшую все последние годы, – «Как корабль назовешь, так он и поплывет», – говорит пословица. И в ней много смысла: если прыгун в высоту ставит планку на 2 метра, то, может быть, он и не возьмет эту высоту, но стремиться к этому будет. Если же – 1,20, то он никогда и не прыгнет выше. Чтобы избежать этого необходимо прежде всего отказаться от:

1. Инерционного макроэкономического мышления и перейти в стратегическом планировании от категорий макроэкономического роста к категориям развития нации и государства. Прежде всего национального человеческого потенциала и его социальной составляющей. «Наш главный ресурс – это разум»[1], – сказал как-то студентам МГИМО(У) С.П.Капица. И он совершенно прав, но с одной важной оговоркой – кроме интеллекта, нужны и нравственность, и культура, и профессионализма, – все то, что определяет качество национального человеческого потенциала.

Причин этому немало. Среди них много, даже большинство, можно отнести к недоразвитости социального потенциала. Так, Р.Р.Гарифуллин – отмечает следующие[2]. Рассмотрим их подробнее:

1. С одной стороны, у нас практически нет собственного производства, и поэтому, нет актуальных заказов на научные исследования. С другой стороны, затраты на науку всё-таки идут и

[1] *Я.Смирнова*. Студенты обсудили с учеными ядерную проблему. – Эл. СМИ «Портал МГИМО (У) Университета, 14.03.2011 / http://www.mgimo.ru/system.

[2] *Р.Р. Гарифуллин*. Наука, откатывающаяся от России. – Эл. СМИ, 15.03.2011 / http://www.viperson.ru

немалые, деньги поступают и разбазариваются (гранты и т.п.) Ученые играют в «науку» отписывая отчёты, которые никто не проверяет. Таким образом, поддерживается миф о существовании российской науки. Благодаря этому мифу держутся проплаты, которые делаются родителями за своих обучающихся в вузе детей. А на этих родительских деньгах, преимущественно держится вся вузовская система (ведь обучение стало преимущественно платным), которая превратилась лишь в места социальной тусовки молодёжи (учёба и приобретение навыков стало неактуальным).

2. Математики жалуются, что, несмотря на то, что запущены мощные вычислительные машины, не поступает заказов от физиков, квантовых химиков и др. Нет научных задач.

3. Наука стала некоей таинственной чёрной дырой (проконтролировать по результату практически невозможно, т.к. своего производства нет), благодаря которой, чиновниками от науки, посредством откатов отмываются лёгкие нефтегазовые деньги, выделяемые на «науку». В то же время откаты, позволяют проходимцам от наук выбивать деньги и делать туфтовые отчёты. Денег много. Куда-то их надо же девать?!

4. Многие учёные потеряли честь, разбазаривая государственные научные деньги, позиционированием себя специалистами в конъюнктурных областях (нанотехнологиях и др.), хотя, не имея для этого ни малейшего основания.

5. Россия становится не только сырьевым придатком Запада, но и интеллектуальным. Так, например, уже многие программисты, живя у нас, используя наши помещения и средства, работают на американские научные фирмы. Поэтому, имеет место весьма высокая вероятность превращения организуемого Приволжского Федерального Университета (ПФУ) в интеллектуальный придаток западных научных проектов, то есть в структуру, далёкую от отечественного центра научного креатива.

6. Анализ развития настоящих научных проектов (Сколково и др.) показал, что научный креатив будет всегда на Западе. Россия станет лишь вспомогательный научной площадкой для западных научных проектов.

7. Наивные потуги президента Медведева, основывающиеся только на финансовом стимулировании ученых, без налаживания механизмов

научного процесса (научных школ), которые уже практически невозможны (они утекли на Запад), ничего не дадут. В лучшем случае, мы будем вторичными к Западу и использованы им.

8. Россия уже подсела на научные разработки сравнительно дешёвого западного креатива . Продукты собственного креатива будут всегда дороже и это будет тормозом для развития отечественной науки, которая отстаёт на 20 лет от запада.

9. США никогда не будут способствовать развитию конкурирующей российской науки.

10. Доверять западным учёным, которые будут поднимать нашу доморощённую науку наивно. Их мотивация – это зарплата, а не поднятие с колен уровня российской науки.

11. Гранты РФФИ «пилят» между собой руководители РФФИ, а гранты Минобрнауки «пилят» с помощью фирм, создаваемых под конкретные гранты чиновники Минобрнауки и академики – при этом в фирмах (наверное, совершенно случайно) работают их дети, другие родственники, знакомые. Но иногда дают гранты и просто людям со стороны – при условии «отката» от 10% до 50% от суммы. Можно иногда выиграть грант и без отката – но при этом у тебя не примут отчёта.

12. Научной информации накоплено море. Каждую минуту в мире издается две научные статьи, которые помещаются в информационное пространство, – и никакой ученый уже не в состоянии их все прочитать. Это проблема не только России. Идея такая – как из всей этой информации сделать знание. Нужно извлечь из нее новые идеи и использовать их на практике. Это сейчас развивается во всех странах. Есть и «куски», которые делают в России, но бессистемно, разрозненно. Вот такую координацию нужно осуществлять.

13. В России очень хорошие программисты. Так, например, 90% программистов, работающих в Национальном центре биологической информации США – россияне. Они создают для Америки стратегический ресурс, который отсутствует в России в принципе. Закроют американцы свой центр, а европейцы свой Европейский биологический институт и у российской науки в области биомедицины не будет туда доступа. А ведь без полноты информации невозможна медицина будущего.

14. Современная фармацевтика в России практически отсутствует. Во всем мире биотехнологии развиваются по большей части оттого, что есть фармкомпании, есть их заказ. Государство в принципе должно лишь помогать им. В России такие компании уже появляются, но для них должна быть создана среда, которая позволила бы им развиваться быстрее, быть конкурентоспособными. Все зарубежные компании, которые сюда приходят, хотят здесь делать клинические испытания лекарств. Это, конечно, хорошо, но почему бы им не создавать исследовательские центры, чтобы российские ребята не уезжали за границу после окончания университетов, а оставались работать в них?

15. К западным научным компаниям у нас многие относятся либо как к дойным коровам, с которых важно получить как можно больше молока, либо как к потенциальным врагам, которые только и мечтают превратить наших людей в подопытных кроликов. Они до сих пор нередко работают в условиях» холодной войны».

16. На науку выделяются большие деньги, но, при этом до сих пор не определено: что будет считаться конкретным результатом и когда? Разработка чего-то нового требует больших денег и времени. Это как результат отпадает, люди скажут: да, мы помним, нам уже обещали коммунизм через 20 лет... Хотелось бы найти то, что объединит долгосрочные стратегии с результатом, который люди увидели бы в обозримом будущем. Но увы!

17. В России остались разрозненные островки науки, где сохранилась высококвалифицированная наука. В России нет большинства таких технологий, которые есть на Западе.

18. Необходимо чтобы, не только наши учёные уезжали туда, а чтобы оттуда профессора приезжали сюда, учили наших студентов, а потом наши студенты ехали туда на стажировку, а потом возвращались сюда.

19. Оказывается на Западе тоже есть научные откаты, но они легализованы и оплачиваются вполне заслуженно. В Евросоюзе в заявку на грант включается не только зарплата ученых, пенсия и социальные страховки, затраты на содержание зданий и оборудования, их амортизацию, на содержание обслуживающего персонала, но и средства на оплату услуг тех структур, которые помогают в оформлении самой

заявки. С ними оформляют договора в установленном законом порядке, с них берут налоги. Также в штатах университетов есть службы, облегчающие процесс коммерциализации. Они реально помогают, например, грамотно написать инновационный грант.

20. Одна организация заявляла грант на работу по формированию антикоррупционного поведения. За месяц до подведения итогов к ним в Москве подходили двое молодых мужчин и спрашивали, готовы ли они дать 20% в «отката». Это по антикоррупционному-то гранту! Естественно, они их послали подальше. Грант они тогда не получили.

21. Согласно неправительственным источникам, только «за первую половину 90-х годов из страны выехало не менее 80 тысяч ученых, а прямые потери бюджета составили не менее $60 млрд.» (Российский фонд фундаментальных исследований).

22. Согласно данным фонда «Открытая экономика», отъезд российских учёных за рубеж не только не уменьшается, но существенно возрос за последние годы, при этом расширяется география оттока. Анализ, проведенный на основе базы Scopus, показал, что более 50% публикаций российской научной диаспоры идут из США. При этом наиболее цитируемые российские учёные также работают в США – на их долю приходится 44% всех ссылок (период после 2003 года). Лидируют по индексу цитируемости выпускники МГУ, вторые – выпускники МФТИ. На долю русских учёных, работающих в России, приходится всего 10% ссылок.

23. В федеральном бюджете 2011 года на науку гражданского назначения отведено 227,8 млрд. рублей, из них 85,3 млрд. – на фундаментальные исследования и 142,5 млрд. – на прикладные. Вопрос в том, как эти деньги распределяются.

24. В прошлом году президент Медведев возмущался, что деньги, выделенные на развитие нанотехнологий и нанонауки не принесли никаких достижений, хотя и значительным образом были истрачены. И вот в этом году произошла мобилизация учёных на использование прошлогодних и новых финансовых вливаний в эту сферу. Но ученые обманули Медведева, взяв, якобы, эти деньги на развитие нанотехнологий, но в действительности используют её для развития

традиционной коллоидной химии, на основании которой разрабатывают, например покрытия для дорог и другие композиционные материалы.

2.4. Первоочередные меры для смены модели развития

«Приятно утешать себя мыслью, что Россия исчерпала лимит революций еще в двадцатом веке. А если это не так?»[1].

С.Миронов,
председатель СР России

«Положение дел свидетельствует об исчерпанности компромисса рубежа 2000-х годов (идеологии и политики правого центра – А.П.) и на элитном, и, что самое главное, на широком общественном уровне. Налицо кризис политики и идеологии правого центра»[2].

А.Богатуров,
профессор МГИМО(У)

Разработка новой Стратегии 2020 происходит в условиях очевидного политико-идеологического кризиса и провала стратегии модернизации. Странно, что при таких обстоятельствах правящая российская элита практически не меняет своего подхода к разработке стратегии развития страны[3]. Между тем, как признают многие трезвые эксперты, необходимы политические решения, в том числе и в экономической области, которые не вписываются в существующий политико-идеологический подход. На мой взгляд, эти первоочередные решения заключаются в следующем:

1. Требуется признать, что ориентация налиберализм, игнорирование социальных и национальных потребностей и проблем российского общества продолжаться больше не может. Нации нужна собственная, национальная стратегия развития, в которой социальная составляющая играла бы приоритетную роль. Речь идет о новой политической реальности, новом – национальном и социальном – политическом курсе, который можно было бы назвать русским социализмом или левом центре, учитывающем прежде всего национальную специфику и особенности. Продолжение абстрактной, не связанной с этим курсом, модернизации, не только бессмысленно и безрезультатно, но и вредно. Оно сопровождается политическими и экономическими издержками.

---

[1] *С.Миронов*. Правду говорить легко и приятно / Официальный сайт партии «Справедливая Россия». 18 мая 2011 г. / http://www.spravedlivo.ru/news.

[2] *А.Богатуров*. Кризис политики правого центра. – Независимая газета, 22 марта 2011 г., с. 11.

[3] Частные инициативы не способны принципиально изменить ситуацию в стране. Так, создание «нового инновационного инструмента» – 27 технологических платформ, делается в расчете на бизнес, а участие государства ограничится инфраструктурными проектами. См.: Е.Письменная, Д.Казьмин. Платформы Путина. – Ведомости, 4 апреля 2011 г., с. 3.

2. Необходимо сменить команду тех экономистов, которые, во-первых, не один раз уже доказывали, что они не могут думать иначе, как макроэкономическими категориями, и поручать разработку стратегии развития нации лицам, способным **политически**, ориентируясь на категории национального и социального развития, разработать такую стратегию. Нужна широкая общенациональная дискуссия, не ограниченная узким кругом известных много лет экспертов.

Нужна социально-политическая мобилизация общества, элиты и их институтов, способная привлечь к реализации Стратегии общество и все национальные ресурсы. В конечном счете нужна идеология, как система взглядов передовой части правящей элиты, которая бы основывалась на национальных интересах и национальной системе ценностей.

3. Признать, что рост, в т.ч. ВВП страны, второстепенный критерий, производный от развития нации и общества. Как и другие макроэкономические показатели, которые могут быть лишь следствием развития общества, экономики и государства. Необходимо разработать новую систему критериев оценки развития ее мониторинг, включая региональный, в основе которой лежат критерии развития НЧП.

4. Перераспределить в реальности, а не косметически, имеющиеся ресурсы в пользу развития НЧП, прежде всего науки, образования, культуры и духовности. Необходимо в разы – в 3–4 раз – увеличить финансирование НЧП, а в будущем еще больше. Даже при необходимости сокращения государственных расходов на другие нужды.

Необходимо отказаться от практики формирования «подушек безопасности», признав, что лучшие резервы – это инвестиции в НЧП.

5. Провести идеологическую и политическую мобилизацию элиты и общества, задействовав все ресурсы развития, прежде всего не материальные – национальную волю, нравственно-духовный потенциал. Сократить увеличивающийся разрыв между элитой и обществом. Это возможно в том случае, если элита перестанет игнорировать потребности в развитии самых передовых социальных слоев населения. Прежде всего среднего класса и креативных групп, превратят их из потенциальных противников в союзников национальной стратегии развития.

Особенно важно, активизировать национальные институты развития, среди которых важную роль играют традиционные религиозные

организации, союзы творческой интеллигенции, научные и технические общества, просветительские и образовательные общественные организации.

6. Использовать в полной мере потенциал государства и его институтов в интересах нации, освободив его от служению коррумпированной правящей элите, чиновничеству и оффшорному бизнесу. Институты государства, прежде всего исполнительной власти в регионах, должны стать более эффективными и менее затратными, а главное, – нравственными, ориентированными на потребности общества. И здесь не обойтись без «закручивания гаек», с одной стороны, и стимулирования работы, с другой. Речь идет о развитии и сознательном культивировании через административные, финансовые и медийные ресурсы таких качеств, как:

– нравственность, духовность;

– патриотизм;

– социальную справедливость;

– профессионализм;

– творчество;

– ответственность элиты перед обществом.

7. Естественно, что целесообразно еще раз вернуться и пересмотреть расходы федерального бюджета, точнее – приоритеты федерального бюджета на долгосрочный период до 2020 года. Так, например, возможно сокращения доли прямых военных расходов в ВВП до 2%, при увеличении расходов на военные и гражданские НИОКР и передовые технологии двойного назначения до 3% от ВВП. Одновременно необходимо в разы повысить расходы на культуру, науку и образование, учитывая их недофинансирование начиная с 90-х годов, до уровня выше, чем в среднем в развитых странах.

Эти и другие меры должны быть не абстрактными и символическими, как сегодня, а конкретно ориентированы на развитие всей нации опережающими темпами, на качественный скачок в развитии общества, экономики и государства. Эта главная цель должна быть политически, идеологически, административно-нормативно закреплена и постепенно обеспечиваться необходимыми ресурсами.

Ее реализация, текущий мониторинг развития НЧП, в том числе и в регионах, и в отдельных муниципалитетах, может и должен стать предметом постоянного внимания власти, СМИ, институтов социального потенциала – от партий до общественных организаций[1].

Мировой опыт показывает, что возможны гораздо более высокие темпы роста ВВП, чем рассматривают наши либеральные экономисты, которые – что принципиально важно – сопровождаются ускоренным развитием. Например, в Израиле, где ВВП страны вырос за 50 лет более чем в 40 раз, а экономика стала одной из самых инновационных в мире[2].

Причем важно, что этот процесс происходил при достаточно скромных иностранных инвестициях, на недостаток которых вот уже многие годы ссылаются отечественные специалисты. Как видно из графика, до 2000 года прямые иностранные инвестиции не достигали 2 млрд. долл. в год, а после – не превышали (за исключением 2006 года) 10 млрд. долл.

Основой для быстрого инновационного и экономического развития Израиля стали три фактора:

– массовая иммиграция в страну высокопрофессиональных кадров, которая всячески стимулировалась и стимулируется правительством;

– создание национальной инновационной системы, которая практически мгновенно реагирует на новейшие научно-технические разработки и общественного консенсуса относительно лидерства страны в инновациях;

– необходимость национальной мобилизации перед лицом внешний угрозы, включая создание и развитие собственной, не зависящей извне, военно-технологического и военно-промышленного комплекса.

По сути дела это – прямая подсказка правящей элите России, которая с конца 80-х годов делала прямо противоположное. Она:

– изгоняла своих граждан за рубеж, особенно содействовала профессиональной эмиграции, которая составляет до 80 тыс. в год (а

[1] В ноябре 2010 года такая попытка мониторинга НЧП по отдельным регионам и их сопоставления в национальном и международном масштабе была сделана автором на портале «Рейтинг персональных страниц». См. подробнее: Эл. СМИ / http://www.viperson.ru.

[2] Ярославский план 10–15–20. «Дорожная карта» строительства инновационной экономики: лучшая международная практика и уроки для России / The New York Academy of Science, August 20, 2010. p. 7.

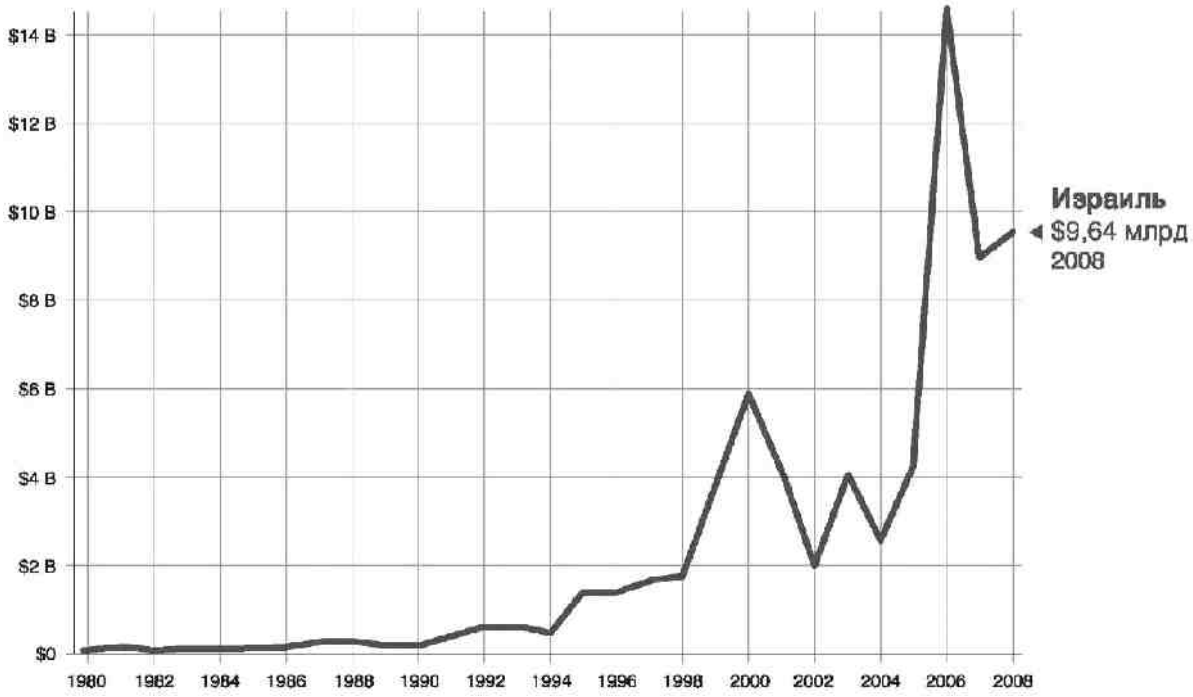
иногда достигала 150 тыс. чел.) и сегодня превращается в бегство среднего класса за рубеж;

– она препятствовала фактически возвращению граждан СССР на историческую Родину;

– она не создавала и не планирует создавать национальную инновационную систему (НИС), рассчитывая, что проведет модернизацию через заимствования;

– она игнорировала нацию и не привлекала ее к реализации программ развития, всячески разваливая с конца 80-х годов военно-промышленный и технологический комплекс СССР.

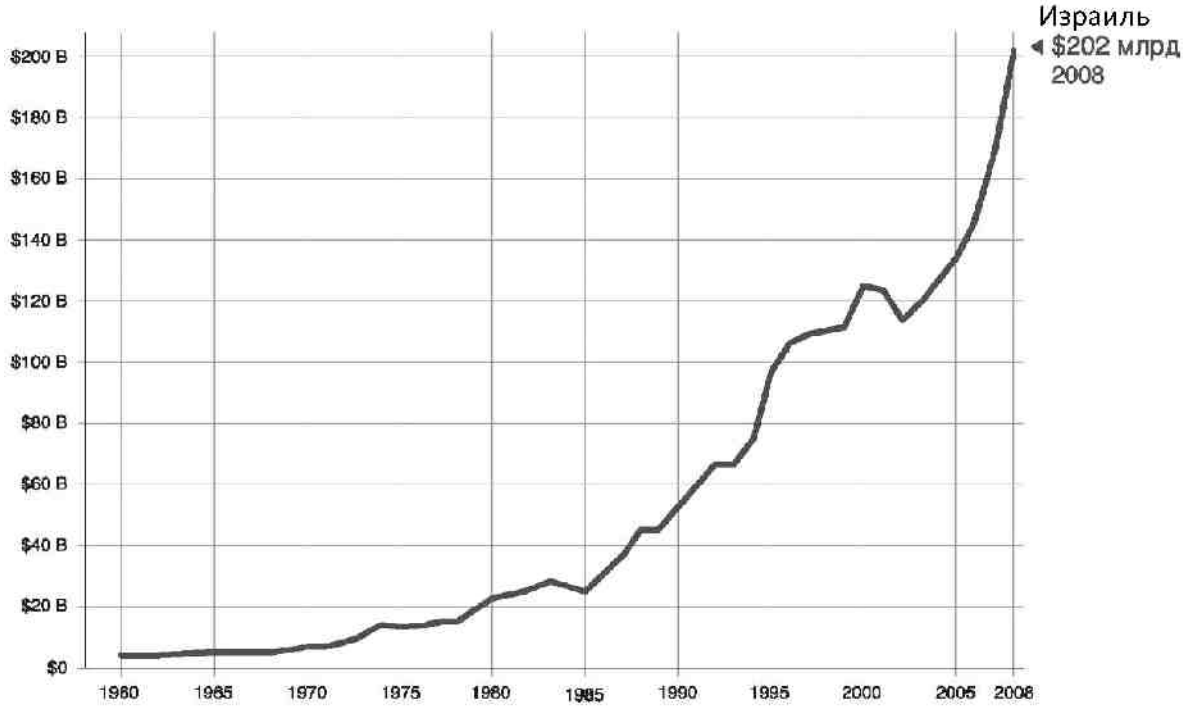
Прямые иностранные инвестиции в Израиль (платежный баланс в долларах США)



Пример Израиля показывает, что качественный скачок в развитии возможен. За тот же период (с 1985 года по н/вр), что и в России, ВВП страны вырос в 10 раз! Мы же до сих пор не достигли уровня 1985 года по ряду важнейших показателей.

В определенной мере это свидетельствует, что израильская элита в 10 раз профессиональнее и умнее, чем российская.

Валовой внутренний продукт Израиля
(в долларах США на сегодняшний день без учета инфляции)



В 2011 году стало общим местом говорить, что мировая финансовая и экономическая система начала изменяться, что ее будущее – еще не вполне определенное, точнее, – очевидно иное, чем-то, к которому мы привыкли. Прежде всего из-за новой роли государства, которая, как показал кризис 2008–2010 годов – стала принципиально иной. Я бы даже сказал, что не только финансово-экономическая, но и социально-политическая либеральные модели себя изжили. Сегодня в Северной Африке – одно из таких подтверждений. Техногенные катастрофы, в т.ч. в Японии – другое.

Желают того либералы, либо нет, но государство стремительно превращается из партнера бизнеса в центр управления экономикой и финансами. Действия властей США, Франции, Великобритании, России, да и других стран в период кризиса 2008–2010 годов наглядно это подтверждают. При этом, по мере выхода из кризиса, либеральная идеология вновь пытаются вернуть свои позиции. Как ни странно и в России, где в 2011 году вновь зазвучали эти мотивы. Так, на встрече с налоговиками 21 февраля, А.Кудрин признал, что разрыв между

сбережением и инвестированием составляет 10%, добавив, что эту тенденцию может переломить ФНС[1].

Новая роль государства в экономике и финансах – лишь отдельное, частное проявление более общей закономерности назревшей эволюции всей системы управления обществом и экономикой, где общественные интересы начинают резко контрастировать с интересами бизнеса. Это уже новый этап развития человечества – от капитализма к общественному самоуправлению, – когда интересы финансовых и биржевых спекулянтов становятся в прямое противоречие с интересами общества. И в России она проявляется не менее остро, чем в мусульманских странах, которые потрясли события начала 2011 года. И там, и у нас – колоссальный разрыв между богатыми и большинством бедного населения. И там, и у нас ресурсная экономика. И там, и у нас – рост ВВП и инфляции, – которые правильнее было бы назвав стагфляцией.

У современной экономики, как известно, есть три группы ресурсов, от использования которых зависят как **темпы развития общества, государства, экономики,** так и **качество этого роста**, которое, коротко говоря и называется собственно развитием. То есть изначально я настаиваю на том, что развитие (в т.ч. экономическое) во-первых, не является синонимом роста. А, во-вторых, что развитие определяется прежде всего развитием нации и общества, их ценностей и институтов.

Существенная разница и в механизмах развития, которые по сути дела являются общественными институтами, социальным потенциалом, который является частью НЧП. Развивая социальный потенциал, механизмы развития (модель № 2), мы можем рассчитывать на принципиальное ускорения, как темпов роста, так и качества экономики и социальной сферы.

Таким образом, правящая элита неизбежно стоит перед выбором, какой ресурс (потенциал) развивать в приоритетном порядке. Именно с таким выбором и столкнулась российская элита в 2008–2011 годы, провозгласив стратегию модернизации. По сути дела она сделала выбор в пользу модернизации материальных активов.

---

[1] *Т.Зыкова*. Кудрин улучшает климат. – Российская газета, 22 февраля 2011 г., с. 4.

И наоборот. Развитие социального потенциала, его институтов, как и всей нации, является сегодня главным критерием и двигателем экономического развития. И российская элита должна радикально пересмотреть свое отношение к различным группам национальных ресурсов. От этого отношения сегодня зависит понимание целей и средств Стратегии развития нации.

Первая группа ресурсов – промышленный, финансовый, любой иной потенциал, – который в недавнем времени составлял основную мощь государства и нации. Но это было до недавнего времени. Сегодня его экстенсивный рост ведет к серьезным общественным и экологическим издержкам. Загрязняется экология, создаются (и лопаются) финансовые пузыри, искусственно раздувается капитализация и т.д. Другими словами экстенсивный рост приобретает все более антиобщественный характер, превращаясь нередко в политическую или экономическую спекуляцию. И активные социальные слои общества это уже попытали, как, впрочем, и то, что подобная экстенсивная модель развития используется правящей элитой не бескорыстно, а с прямой личной выгодой для себя. Кстати, именно сырьевики составляют ту самую сотню российских миллиардеров, которая по оценкам «Форбс», «заработала» сотни миллиардов рублей только в 2010 году, заплатив 13% подоходного налога.

Таким образом собственно промышленный рост становится антинациональной и антиобщественной характеристикой, если он **не является следствием национального и общественного развития**. Иногда такой рост (как в России, Египте, Ливии и др. странах) ведет к простому росту доходов правящей элиты, которые капитализируются на личных счетах.

Основной ресурс развития, сосредоточенный в активных социальных слоях – среднем и креативном классе – не только не используется. Он игнорируется элитой, что толкает эти социальные слои на активные протестные действия.

Вторая группа – природные ресурсы. Эта группа занимает в развитых странах (даже таких богатых природными ресурсами, как США, Канада, Австралия) весьма скромное место в общем национальном богатстве

страны. От 5 до 10%, не более. В России же, экономике которой ориентирована на экспорт сырья, – по разным оценкам, от 25 до 50%.

Развитие этих ресурсов, в том числе и в стратегии модернизации (как один из двух рассматриваемых вариантов), абсолютно антинационально и антисоциально. По сути дела природные ресурсы разворовываются, либо безядерно проедаются, лишь отчасти компенсируя государственные расходы. Одновременно они превращаются в тормоз социального развития, не требуя увеличения НЧП.

Третья группа ресурсов – потенциал человеческой личности (интеллектуальный, образовательный, духовный, творческий), которая стала определяющей в последние два десятилетия, как для развития экономики, так и нации и государства. При этом именно национальный человеческий капитал, его развитие не может быть ни спекулятивным, ни антиобщественным по своей сути. Он принадлежит всей нации и не может быть предан, заложен и т.д. Соответственно растущее противоречие между обществом и капиталом объективно уменьшается. НЧП не может быть ни продан, ни заложен, ни обменян. Он остается полностью в распоряжении нации и общества.

Так как при действующей модели развития НЧП увеличивается относительно других составных частей национального богатства – материальных активов и природных ресурсов, а также стремительно растет абсолютно, то это означает, что все большая часть национального богатства переходит в общенациональную собственность. При этом финансовые и другие активы, а также собственность играют все меньшую роль.

Это означает постепенное снижение социальной напряженности и превращению принципа социальной справедливости в универсальный принцип для общества и государства. В противовес важнейшему либеральному принципу частной собственности появляется реальная основа для другого принципа – социальной справедливости, – где решающую роль будет играть не капитал, а человеческий потенциал – интеллект, образование, культура, духовность.

Пока что возникает парадоксальная ситуация. Результаты экономического и социального развития измеряются критериями, которые не просто устарели, но и наносят ущерб нации и обществу, **прямо ведут его к кризису**. Кризис 2008–2010 годов – **прямое следствие такого подхода**:

количественный, материальный рост в 2000–2008 годы определял макроэкономические показатели, устоявшимися в качестве основных критериев роста: темпы роста ВВП, объем промпроизводства, торговый баланс, финансовые ресурсы и т.д. При этом такой количественный рост в социальном плане имел минимальный положительный эффект в те же годы: уровень жизни изменился незначительно, продолжительность жизни – чуть заметно, институты развития так и не родились, а нация продолжала деградировать вместо со стагнацией в экономике.

Между тем вот уже многие годы в мире существуют другие, более точные, критерии, в соответствии с которыми можно определить именно темпы развития страны. Например, конкурентоспособность. Как справедливо замечают исследователи МГИМО(У)[1], по инициативе Всемирного экономического форума – международной организации, нацеленной на создание условий для сотрудничества между мировыми лидерами по ключевым вопросам мирового и регионального развития, группой экономистов был разработан Индекс глобальной конкурентоспособности. Хотя бы для экономики.

Согласно докладу Всемирного экономического форума (ВЭФ) «Глобальная конкурентоспособность 2009–2010» (The Global Competitiveness Report 2009–2010)[2], конкурентоспособность – это **набор институтов, политик и факторов** (!), которые **определяют уровень производительности в экономике страны**.

Подчеркну, что конкурентоспособность это не цена товара и даже не его качество, а **набор институтов, политик и факторов**, в результате функционирования которых производят новые товары и услуги.

Уровень производительности, в свою очередь, определяет устойчивый уровень процветания, который может быть обеспечен экономикой. **Иначе говоря, более конкурентоспособные экономики имеют тенденцию быть более способными обеспечивать более высокие уровни дохода для своих граждан**.

---

[1] Динамика мирового политического развития и проблемы глобальной конкурентоспособности России. Отчет о НИР. Этап 3 (промежуточный). М., МГИМО (У), 2010 г., с.

[2] The Global Competitiveness Report 2009–2010 // World Economic Forum. http://www.weforum.org/GCR09/GCR20092010fullreport.pdf. P. 4. (Цит. по: НИР МГИМО (У), 2010.

Сразу же оговорюсь, что зависимость процветания от конкурентоспособности – очень условное понятие, которое **нивелирует национальные различия**, делает эти критерии глобально-универсальными. Между тем, счастье и процветание, тем более отдельных наций, не является универсальным показателем зависящим только от душевого дохода. Так, человек и нация в целом, могут быть счастливы даже при относительно низкой конкурентоспособности их товаров на мировом рынке и невысоком душевом доходе. Все зависит от национальной системы ценности и самоощущения, от многих других – внешних и внутренних факторов.

Вместе с тем, полагаю, что подобные попытки создания сложных индексов, в т.ч. на основе конкурентоспособности наций, можно приветствовать как первый шаг оценки качества развития. Как минимум, в качестве противовеса количественным оценкам макроэкономических показателей. Основываясь, например, на таком понимании конкурентоспособности, эксперты ВЭФ разработали **Индекс глобальной конкурентоспособности**. Он объединяет 12 групп различных факторов (pillars), обеспечивающих конкурентоспособность национальных экономик, находящихся на разных уровнях (стадиях) экономического развития:

1) институты (общественные, включая государственные, и частные);

2) инфраструктура;

3) макроэкономическая стабильность;

4) здоровье и начальное образование;

5) высшее образование и профессиональная подготовка;

6) эффективность рынка товаров и услуг (конкуренция, наличие спроса);

7) эффективность рынка труда;

8) развитость (сложность) финансового рынка;

9) технологическая готовность;

10) размер рынка;

11) развитость (сложность) компаний;

12) инновации.

Из пяти наиболее приоритетных факторов конкурентоспособности таким образом только третий – макроэкономическая стабильность –

относится к финансовым факторам, а остальные четыре – к социально-политическим.

Среди этих важнейших факторов развития (pillars), как видно, собственно макроэкономические составляют меньшинство. И среди них вообще нет таких, которые бы характеризовали национальные особенности конкурентоспособности. Между тем они имеют огромное значение. В свое время в СССР, как в период Отечественной войны, так и в восстановительный период, именно такие национальные особенности – патриотизм, приверженность к сильному государству, способность к аскезе и самопожертвованию, духовное единство нации и др. – сыграли огромную роль. И сегодня, если нации будет предложена такая национальная идеология, ее конкурентные преимущества резко возрастут. Так, например, удручающая национальная и социальная несправедливость, во многом является причиной коррупции, низкой мотивированностью к труду, потере социальной перспективы.

Особо подчеркивается, что эти факторы **взаимосвязаны и взаимообусловлены**. Например, «инновация (12 группа) невозможна без институтов (1 группа), которые гарантируют права интеллектуальной собственности, не может быть реализована в странах с плохо образованными и подготовленными работниками (5 группа), затруднительна в странах с неэффективными рынками (6, 7 и 8 группы) или без всесторонне развитой и эффективной инфраструктуры (2 группа)»[1].

Показательно в этой связи стагнация, охватившая в России прежде всего те институты, которые определяют качество развития НЧП. Как вино, их число не только не росло, но и сокращалось во всех без исключения сегментах научных организаций.

Эти данные, характеризующие **социальный потенциал российской науки** как основы для социальной модернизации и инноваций, наглядно демонстрируют, что **численность** таких институтов за 2000–2009 годы неуклонно сокращалась (даже после радикального сокращения 90-х годов)[2]. Напомню, что эта тенденция наблюдалась при опережающем

[1] Цит. по НИР МГИМО (У) (проект 2010 г.).

[2] Наука России в цифрах: 2010. Стат. сб. – М.: ЦИСН, 2010, с. 19.

(около 7%) росте ВВП России, когда говорилось о подъеме экономики страны.

Организации, выполняющие исследования и разработки, по численности персонала

	2000	2003	2005	2007	2008	2009
Всего	**4099**	**3797**	**3566**	**3957**	**3666**	**3536**
Численность персонала, *человек:*						
до 100	2377	2168	2023	2454	2201	2103
101–500	1344	1260	1199	1167	1135	1118
501–1000	222	210	199	198	190	184
1001–5000	145	150	136	131	133	124
5001–10000	7	5	5	4	4	4
10001 и более	4	4	4	3	3	3

При этом крупные научные коллективы, способные решать фундаментальные проблемы, находились в очевидном меньшинстве. Это означает, что наука стала ориентироваться на решение частных задач, которые точнее можно было бы назвать задачами выживания, иногда имеющими к науке косвенное отношение.

Понятно, что сокращение численности институтов и научных организаций может вести в принципе даже к росту исследователей и вспомогательного потенциала в стране. В случае, например, укрупнения таких организаций, что далеко не всегда целесообразно. Применительно к России этого не произошло: сокращались не только институты социального потенциала, но и сам потенциал, что шло абсолютно вразрез с тенденцией научно-технической революции, требующей движения науки по всем направлениям НТП[1].

Персонал, занятый исследованиями и разработками

Показатель	Детализация	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008
Численность персонала, занятого	Численность персонала – всего	887729	885568	870878	858470	839338	813207	807066	801135	761252

[1] Научный потенциал и инновационная активность России. Выпуск 4. – М.: Минобразования, РИЭПП, 2010 г., с. 23.

исследованиями и разработками, чел.										
	Исследователи	425954	422176	414676	409775	401425	391121	388939	392849	375804
	Техники	75184	75416	74599	71729	69963	65982	66031	64569	60218
	Вспомогательный персонал	240506	238933	232636	229214	223356	215555	213579	208052	194769
	Прочий персонал	146085	149043	148967	147752	144594	140549	138517	135665	130461

Персонал, занятый исследованиями и разработками, по секторам деятельности

Показатель	Детализация	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008
Численность персонала, занятого исследованиями и разработками, по секторам деятельности, чел.	всего	887729	885568	870878	858470	839338	813207	807066	801135	761252
	государственный	255850	256137	257462	256098	258078	272718	274802	272255	260854
	предпринимательский	590646	585416	568628	558668	537473	496706	486613	478401	451532
	высшего профес-сионального образования	40787	43463	44135	43120	43414	43500	44473	49059	47595
	некоммерческих организаций	446	552	653	584	373	283	1178	1420	1271

Таким образом де-факто российский научный потенциал деградировал, и Россия развивалась по инерционно-стагнирующей модели роста, а не развития. Фактически сокращался как НЧП, так и его социальный потенциал.

Безусловно, эта тенденция сказывалась негативно как на национально-духовной, так и социальной составляющих НЧП, которые в 2000–2009 годы постепенно, но неуклонно уступали свое место наднациональным (глобальным) и антисоциальным идеям, механизмам и институтам. Развитие коррупции в эти годы стало лишь одним из последствий этой тенденции.

Другим последствием, особенно явно проявившимся в 2008–2011 годы, стал эскапизм, стремление значительной части граждан найти свое счастливое будущее за рубежом. Как правило, в дальнем зарубежье. Причем, если в 90-е годы массовый отъезд, сопровождавшийся бегством капитала, относился к узкому кругу лиц, имевшему, как правило, незаконные средства, то со второй половины нового столетия в этот процесс оказались втянуты все слои общества. Не случайно структура капитала, «убегавшего» из России в 2009–2011 годы, резко изменилась: из олигархического она превратилась в небольшие по объему накопления дееспособных людей из самых разных слоев общества.

Эта эпидемия уничтожения научных школ охватила всю страну. Что хорошо видно на примерах сокращения, которые отмечались по всем федеральным округам[1].

Организации, выполняющие исследования и разработки, по федеральным округам

	2000	2003	2005	2007	2008	2009
Всего	**4099**	**3797**	**3566**	**3957**	**3066**	**3536**
Федеральные округа:						
Центральный	1631	1490	1393	1536	1445	1383
из него Москва	907	847	787	837	787	759
Северо-Западный	627	578	536	606	533	518
из него Санкт-Петербург	469	424	381	429	361	354
Южный	342	316	310	355	321	221
Северо-Кавказский	–	–	–	–	–	95
Приволжский	623	570	540	585	549	532
Уральский	255	253	226	233	220	211
Сибирский	464	437	419	464	429	410
Дальневосточный	157	153	142	178	169	166

Таким образом видно, что «модель № 1» – стагфляция, – т.е. рост в условиях уменьшения НЧП (в данном случае в науке) точно характеризует период количественного роста ВВП России в самые успешные, 2000–2008 годы. Эта же тенденция отчетливо просматривается и на примере показателей инновационной активности машиностроительной продукции[2].

Производство машин и оборудования
Показатели экономического состояния

Показатель	Детализация	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008
Число действующих организаций (на конец года)						...	22827	22939	22066	23039
Объем отгруженных товаров (работ, услуг), млрд. руб.; 2008 г. – млн. руб.							477	621	796	1000559
Индекс производства, в процентах к предыдущему		105.7	106,4	91,2	119,0	121,1	99,9	103,3	119,1	104,0

[1] Наука России в цифрах: 2010. Стат. сб. – М.: ЦИСН, 2010, с. 21.

[2] Научный потенциал и инновационная активность России. Выпуск 4. – М.: Минобразования, РИЭПП, 2010 г., с. 23.

году										
Среднегодовая численность работников организаций, тыс. чел.					1803,0	1387,0	1205,0	1153	1109	
Среднемесячная номинальная начисленная заработная плата работников организаций, руб.		1975,0			5170,0	6514,0	8380,0	10418	13480	16940
Отношение среднемесячной номинальной начисленной заработной платы работников организаций по видам экономической деятельности к среднероссийскому уровню, %						97,0	98,0	98	99	98
Сальдированный финансовый результат (прибыль минус убыток), млн. руб.					4427	16289	22855	31027	42517	45384
Рентабельность проданных товаров, продукции (работ, услуг), %					5,8	7,5	8,2	8,3	8,7	8,8
Удельный вес убыточных организаций, %					46,3	39,2	33,1	27,9	21,4	24,0
Индексы цен производителей (декабрь к декабрю предыдущего года), %		130,6	117,1	111,4	109,8	114,4	110,4	110,5	113,9	118,5
Инвестиции в основной капитал в фактически действовавших ценах, млрд. руб.		8,8	11,5	12,2	16,2	23,0	25,5	46,5	66,0	76,6
Поступление иностранных инвестиций, млн. долл. США					83	344	637	537	927	1089

Показатели инновационной активности

Показатель	Детализация	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008
Удельный вес организаций, осуществлявших технологические инновации, %				12,6	13,4	14,2	13,5	15,0	16,1	16,9
Удельный вес отгруженной инновационной продукции организаций, %					6,6	6,9	6,2	5,0	6,1	7,5
Затраты организаций на технологически	затраты на технологические инновации – всего			3199,8	4100,1	6262,1	6179,9	8122,7	11203,4	10982,9

е инновации по видам инновационнои деятельности, млн. руб.	исследования и разработки					1277,3	1029,6	1441,8	2763,7	3042,3
	приобретение машин и оборудования					3551,0	3113,2	3668,1	6157,5	4834
	приобретение новых технологий,					48,7	35,6	222,1	23,9	48,0
	из них приобретение прав на патенты, лицензии					19,3	16,5	134,7	4,0	18,9
	приобретение программных средств					93,1	134,4	724,3	219,1	214,3
	производственное проектирование					821,0	1127	927,7	989,2	1079,2
	другие виды подготовки производства							438,3	622,6	1206,4
	обучение и подготовка персонала					22,4	24,6	41,1	75,9	57,3
	маркетинговые исследования					37,6	34,2	49,5	134,2	138,8
	прочие затраты					411	681.3	609.7	217.3	362.5

На этом фоне наблюдались иные тенденции, например, в США, где был взят курс на создание национальной инновационной системы, вылившийся в устоявшиеся принципы. Как пишут американские эксперты, «… инновационная экосистема США демонстрирует некоторые принципы, которые следовало бы учитывать странам, желающим усовершенствовать свои инновационные системы (напомню, что этот доклад делался для России):

– **Ёмкий высококонкурентный внутренний рынок Соединённых Штатов Америки сыграл важную роль в достижении экономического успеха и, в частности, в развитии самых современных товаров и услуг.**

– Федеральная инновационная политика Соединённых Штатов децентрализована. Влияние и успех федеральных программ зависят от взаимодействия, состава и культуры регионов и местных учреждений. Обычно федеральная политика США на региональном уровне выстроена не очень чётко. Бостон в этом отношении представляет собой исключение: здесь местная политика тесно согласована с федеральной, и это является важным фактором успеха региона в области биомедицинских и других капиталоёмких технологий.

– Требования национальной безопасности США и глобальная экономическая конкуренция являются сильными стимулами

развития технологий. Государственная наука, инвестирование в технологии и закупки во многом способствовали развитию многих современных отраслей промышленности США.

– **Университеты США играют большую роль в развитии инновационных систем**.

– Инвестирование в определённый спектр фундаментальных исследований в университетах США – в частности, в науку о жизни, в обучение персонала больниц и клинических центров – играет основную роль в трансфере теоретических исследований в коммерческое использование. Университеты, занимающиеся исследованиями, и клиники предоставляют технические знания и высокообразованные трудовые ресурсы для поддержки развития технологических инноваций в США. Тесная связь университетов и частного предпринимательства, в случае медицинских наук – клиник, доказала свою существенную роль в коммерциализации технологий.

– Гибкие открытые децентрализованные сети являются важным компонентом создания успешного регионального сектора. Многие факторы способствовали успеху Силиконовой долины в привлечении индустрии ИКТ. И хотя, возможно, сложно повторить успех Силиконовой долины, основы его все равно лежат в программах правительства, включая научное финансирование и госзакупки.

– **Интеграция новых и уже созданных компаний создаёт более здоровую региональную инновационную структуру**. И хотя малый бизнес является основным источником создания рабочих мест, крупные компании также играют очень важную роль. Маленькие компании имеют доступ к рыночной информации и совершенно новым рынкам, в то время как крупные – к новым технологиям, которые помогают развитию региональной промышленности»[1].

Другая область, также наглядно иллюстрирующая движение России по «варианту № 1» – стагфляции – высшее образование, которое сегодня очень сильно влияет на НЧП и о котором существует массовое заблуждение у российской элиты (проявившееся особенно в 2009–2011 годы) об «излишнем количестве студентов»[2]. Напомню лишь, что

[1] Ярославский план 10-15-20. The New York Academy of Science, August 20, 2010.
[2] Наука России в цифрах: 2010. Стат. сб. – М.: ЦИСН, 2010, с. 25.

критерий «продолжительность обучения» является сегодня важнейшим в ИРЧП.

Численность, прием студентов и выпуск специалистов высшими учебными заведениями (на начало учебного года)

тыс. чел.

	Всего	Государственные и муниципальные вузы	Негосударственные вузы
Численность студентов			
2000/2001	4741,4	4270,8	470,6
2003/2004	6455,7	5596,2	859,5
2005/2006	7064,6	5985,3	1079,3
2006/2007	7309,9	6133,1	1176,8
2007/2008	7461,3	6208,4	1252,9
2008/2009	7513,1	6214,8	1298,3
2009/2010	7418,8	6135,6	1283,3
Прием студентов			
2000/2001	1292,5	1140,3	152,2
2003/2004	1643,4	1411,7	231,7
2005/2006	1640,5	1372,5	268,0
2006/2007	1657,6	1376,7	280,9
2007/2008	1681,6	1384,0	297,6
2008/2009	1641,7	1362,7	279,0
2009/2010	1544,2	1329,6	214,6
Выпуск специалистов			
2000	635,1	578,9	56,2
2003	976,9	860,2	116,7
2005	1151,7	978,4	173,3
2006	1255,0	1055,9	199,1
2007	1335,5	1108,9	226,6
2008	1358,5	1125,3	233,2
2009	1442,3	1166,9	275,5

Рост численности студентов в России до определенного периода (до 2008 г.) прекратился, а затем началось снижение. Причем в основе этой

тенденции лежит сознательная политика части правящей элиты, прежде всего Минобрнауки и даже Президента РФ, у которых даже сложилась формула: «Меньше юристов и экономистов – больше инженеров и сварщиков». Как следствие, стало сдерживаться финансирование высшей школы, появились искусственно стимулируемые «избранные» университеты – ВШЭ, МГУ, СПГУ, ряд других, а помощник президента А.Дворкович даже заявил о необходимости отказа от тех нищенских стипендий, которые существовали прежде. Это уже сказалось на темпах социального развития потому, что высшая школа является важнейшим институтом социализации молодежи. Количественная стагнация, выражающаяся в численности студентов на 10000 человек, таким образом превращается в тормоз социального и экономического развития. Не секрет, что личность, обладающая высшим образованием, в разы платит больше налогов, производит ВВП. Даже продолжительность жизни таких граждан, как правило, на 7–10 лет выше, чем у лиц, не имеющих высшее образование.

Такая политика в области высшего образования, безусловно, ошибочна. Она, в конечном счете, ведет к снижению НЧП, который во многом определяется численностью студентов и продолжительностью обучения, т.е. находится в полном соответствии с «моделью № 1» – стагнации.

Любые инновации и модернизации делаются специалистами с высшим образованием. Более того, в ряде стран высшее образование в стратегической перспективе должно стать **всеобщим** (не путать с обязательным).

Наконец, важнейший фактор развития – демографический, – во многом зависит от высшего образования. Для России это самая приоритетная проблема. Во Франции, например, подсчитали, что специалист с высшим образованием в среднем живет на 10 лет дольше. Это вызвано разными причинами, но остается фактом: если мы хотим увеличить среднюю продолжительность жизни, то мы должны думать и об этой части проблемы высшего образования.

И последнее. Высшее образование дает сегодня минимальный культурно-духовный уровень значительной части граждан, от которого зависит как производительность труда, так и социальный климат в стране.

Эти и многие другие факторы свидетельствуют, что политика в области высшего образования не соответствует национальным интересам, что она прямо противоположна интересам развития нации.

Эксперты Всемирного экономического форума выделяют три стадии развития:

Первая – определяемая факторами (factor-driven);

Вторая – определяемая эффективностью (efficiency-driven);

Третья – определяемая инновациями (innovation-driven).

Отнесение страны к той или иной стадии развития делается на основе показателей подушевого ВВП (по рыночным обменным курсам) и доли экспорта минеральных сырьевых товаров (страны, которые экспортируют более 70% подобных товаров в среднем на протяжении пяти лет относятся к числу стран на первой стадии развития). Очевидно, что Россия находится именно на этой, первой стадии развития.

В основе механизмов экономического роста на этой первой стадии развития лежат факторы, которые **достались стране по естественным причинам, т.е. тем, которые от нее не зависят** (природные ресурсы, численность рабочей силы). Соответственно, конкуренция имеет преимущественно ценовой характер, экономика специализируется на простых товарах, производительность труда низкая, как и низки

зарплаты. Факторами повышения конкурентоспособности экономики являются институты, инфраструктура, макроэкономическая стабильность и здоровая и грамотная рабочая сила (первые четыре группы факторов), **т.е. социальная часть НЧП**. Именно они, по мнению экспертов, ВЭФ, вносят решающий вклад в обеспечение конкурентоспособности (60%)[1].

На следующей, второй стадии развития конкурентоспособность связана с внедрением более эффективных производственных процессов и повышением качества продукции и услуг и во все большей мере определяется группами факторов с пятой по десятую. Показательно, что и на этой стадии развития при доминировании факторов повышения эффективности институты, инфраструктура и т.п. имеют соизмеримое значение (50 и 40 соответственно).

Залогом успеха на третьей стадии **является способность предлагать качественно новые и уникальные товары и услуги**, используя инновации и сложные бизнес-процессы. Понятно, что такие товары и услуги можно создавать **только на оригинальной национальной основе, а не путем заимствований**, т.е. на основе НЧП. Вес этих двух факторов на данной стадии развития – 30%, причем факторы, обеспечивающие конкурентоспособность на предыдущих стадиях развития также чрезвычайно значимы (20% и 50%, соответственно).

Россия, как я уже сказал, находится на первой стадии развития, когда ее конкурентоспособность определяется прежде всего ценовой политикой (наша нефть, металлы на мировом рынке выигрывают именно поэтому). Но и здесь влияние социальных факторов велико и растет, достигая, повторю, 60%.

На второй стадии (на которой сегодня сосредоточено внимание российских «модернизаторов») – это связано с повышением эффективности производственных процессов, но и здесь роль социальных факторов чрезвычайно велика, достигая в совокупности 90%.

На третьей стадии создания качественно новых (не имеющих аналогов) товаров и услуг, т.е. основывающихся на национальных достижениях науки, культуры и образования, в целом достигает 100%.

---

[1] The Global Competitiveness Report 2009–2010 / World Economic Forum. http://www.weforum.org/GCR09/GCR20092010fullreport.pdf. P. 7–8.

Это означает в итоге:

1. Развиваясь на первой стадии, мы должны обращать приоритетное внимание на социальный потенциал общества, и развитие всего НЧП, который разрешает успешно продвигаться на первой стадии. Прежде всего создавая механизмы.

При этом уже на первой стадии мы должны провести переоценку существующей системы ценностей в пользу гуманитарной, социально-ориентированной модели развития нации. Как справедливо заметила Н.Басовская, сегодня «никто не думает о Сколково для гуманитариев. Об этом даже намека нет … за очередными технологическими достижениями люди готовы забыть свою человеческую суть»[1].

Уверен, что ближайшие десятилетия будут определяться не только технологическими достижениями, но в первую очередь науками о человеке и новыми социальными концепциями и новыми моделями государств. Те нации, которые сегодня успевают всерьез задуматься об этом смогут «перескочить через этапы» в своем социально-экономическом развитии.

2. На второй стадии НЧП играет уже **ведущее значение** в развитии нации и экономики.

3. На третьей стадии НЧП играет **исключительное значение**, является условием, причем обязательным, развития.

«Большой скачок» в развитии возможен и необходим, если правящая элита:

1. Поймет, что на всех трех стадиях развития НЧП играет важное и исключительное значение и сможет сосредоточить на нем свое внимание.

2. Осознает и примет меры, чтобы одновременно развиваться по всем трем этапам, параллельно, а не последовательно, развивал все необходимые социальные комплекты НЧП.

3. Сделает все для развития НЧП на третьем этапе, т.е. сохранит, разовьет и сделает опережающую ставку на национальные научные, образовательные, культурные и духовные школы, способные предлагать ежегодно мировому рынку не менее 5–7 оригинальных продуктов и услуг.

---

[1] *Н.Басовская*. Спор физиков и лириков. – Российская газета, 21 марта 2011 г., с. 9.

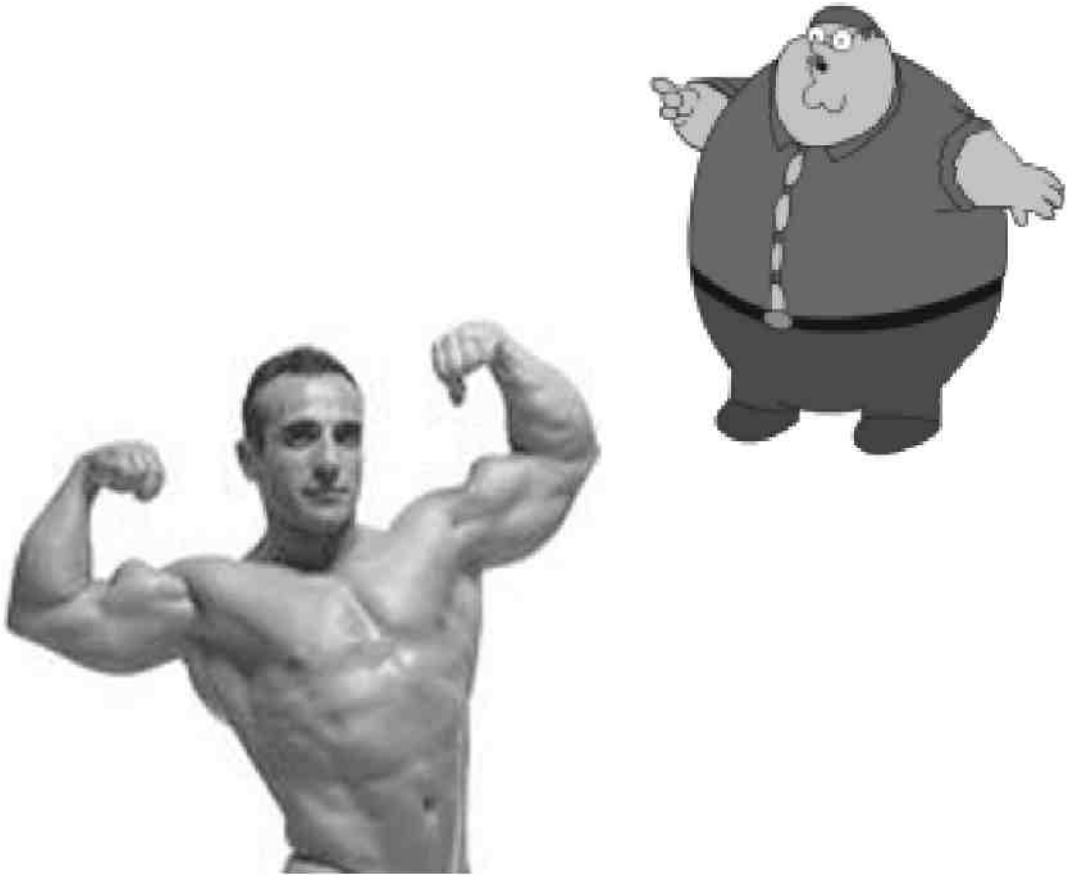
2.5. Значение институтов развития социального потенциала

«… вульгарное мнение обычно питается полным незнакомством с предметом»[1].

В.П.Свенцицкий

«Когда есть деньги, им сопутствует власть, которая всегда опасна для духа»[2].

Н.Струве, профессор Сорбонны



«Развитие и рост – два принципиально различных понятия. Давайте решим, что нужно нации».

А.Подберезкин

Россия, ее элита, которая шла вслед за мировой либеральной мыслью, повторяет ее же ошибки. «Неолиберальные теории 50–60 гг.

[1] *В.П.Свенцицкий*. Мировое значение аскетического христианства. В кн.: Религиозно-философского общества в Санкт-Петербрге (Петрографе). Т. 1, М. – Русский путь, 2009 г., с. 273.

[2] *Ю.Коваленко*. Былое и думы Никиты Струве. – Известия, 16 февраля 2011 г., с. 7.

отождествляли развитие с ростом. – Пишет профессор М.Данилова. – Предполагалось, что политика роста должна привести к обществу повышенного благосостояния. Результаты оказались противоположными ожидавшимся: богатые становились богаче, а бедные беднее. Объем мирового потребления вырос на протяжении XX века в 16 раз. В конце столетия на долю богатейшей части мирового населения приходилось 86% всей суммы потребительских расходов, а на долю беднейшей пятой части – только 1,3%, цитирует она А.Вебера[1].

И это произошло далеко не случайно и не «вдруг». Развитие страны сознательно создавали систему концентрации управления в своих руках финансово-экономической мировой системой, когда искусственно создавался нужный именно лидерам глобализации рынок и «правила игры» – политические, финансовые, идеологические – на этом рынке. Россия приняла в 90-ые годы эти правила и включилась в процесс «встраивания» в мировой рынок на чужих условиях. В том числе избрала «модель количественного роста», а не развития. Не понимая, что «роли распределены», а прибыль – поделена. И России в этой игре не предоставлено права выбора.

Примечательно, что эти политические ошибки сегодня пытаются объяснить «свойствами русского ума» и другими особенностями русского менталитета и государства. «Беда России в том, что изобретателей у нас пруд пруды, а инноваторов во все времена днем с огнем искать»[2], – пишет, например, С.Лесков.

Не удивительно, что рост ВВП России, который стал политической целью для В.Путина, изначально дезориентировав российскую элиту своими количественными параметрами. Гонка за искусственным ростом ВВП не имела перспективы. На сегодня они в последнюю очередь являются показателем мощи государства. Действительно, в результате такой политики Россия, по оценкам ЦРУ, в 2011 году заняла 7-е место в мире по величине ВВП, однако если использовать более точный критерий – душевого ВВП, – то – лишь 71-е, уступив, например, Эстонии (19 тыс. долл. и 17 тыс. долл. соответственно)[3].

---

[1] *М.И.Данилова*. Политика образования в условиях глобальной конкуренции. Эл. СМИ, «Viperson.ru«. 5 марта, 2011 г. / www.viperson.ru.

[2] *С.Лесков*. Золотая клетка Академии. – Известия, 18 мая 2011 г., с. 6.

[3] *В.Бабкин.* Во всем виновато начальство. – Известия, 16 февраля 2011 г., с. 6.

Вместе с тем, С.Лесков справедливо замечает, что «Наши достижения на рынке наукоемкой продукции, куда с садовой головой не пробьешься, скромнее некуда. Лишь 0,3% этого рынка принадлежит России, хотя по числу ученых мы на 3-м месте в мире, а недавно вовсе лидерами были. Доля США составляет 36%. Япония взяла 30%, Германия - 16%. Крошечный Сингапур впереди России!»[1] Однако он делает весьма сомнительный вывод: «И ведь нельзя сказать, что наша наука сидит на голодном пайке. За 2000–2008 годы бюджетное финансирование Российской академии наук выросло в два раза. Но, похоже, не в коня корм»[2].

Рост в 2 раза расходов за 2000–2008 годы – притом обвале, который был в 90-ые годы в финансировании и при той инфляции, которая была – это не рост, а **сокращение** финансирования.

Еще сомнительнее его замечания: «**Ни в одном из исследований не установлено связи между ростом финансирования российской науки и благосостоянием российского общества**. Это противоречит мировому опыту: чем сильнее наука – тем богаче страна. Академия отбивается тем, что от фундаментальных исследований низменного практического толку ждать нельзя, но ведь и работ нобелевского уровня у нас уже 50 лет не видно. Если ученый хочет получить Нобелевскую премию, ему надо делать ноги из России»[3]. При этом парадокс нобелевского уровня: многие наши академики живут так, как не снилось яйцеголовым нобелевским лауреатам. **По этой причине и созданы** новые инновационные структуры – «Роснано», «Сколково», Курчатовский центр, которые за доступ к бюджету подвергаются академиками более непримиримой критике, чем известные открытия Петрика»[4].

Наши достижения на рынке наукоемкой продукции, куда с садовой головой не пробьешься, скромнее некуда. Лишь 0,3% этого рынка принадлежит России, хотя по числу ученых мы на 3-м месте в мире, а недавно вовсе лидерами были. Доля США составляет 36%. Япония взяла 30%, Германия – 16%. Крошечный Сингапур впереди России! И ведь нельзя сказать, что наша наука сидит на голодном пайке. За 2000–2008

[1] *С.Лесков*. Золотая клетка Академии. – Известия, 18 мая 2011 г., с. 6.
[2] *С.Лесков*. Золотая клетка Академии. – Известия, 18 мая 2011 г., с. 6.
[3] *С.Лесков*. Золотая клетка Академии. – Известия, 18 мая 2011 г., с. 6.
[4] *С.Лесков*. Золотая клетка Академии. – Известия, 18 мая 2011 г., с. 6.

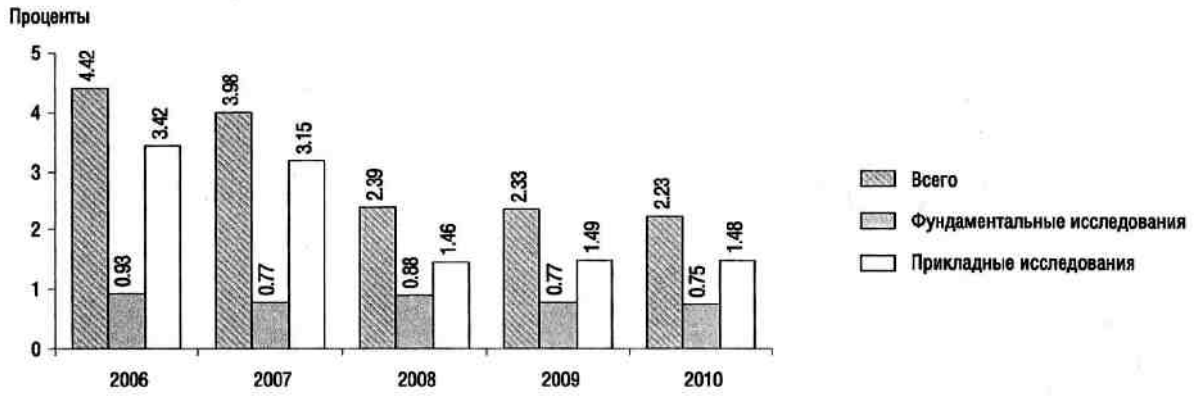
годы бюджетное финансирование Российской академии наук выросло в два раза. Но, похоже, не в коня корм. Ни в одном из исследований не установлено связи между ростом финансирования российской науки и благосостоянием российского общества. Это противоречит мировому опыту: чем сильнее наука – тем богаче страна. Академия отбивается тем, что от фундаментальных исследований низменного практического толку ждать нельзя, но ведь и работ нобелевского уровня у нас уже 50 лет не видно. Если ученый хочет получить Нобелевскую премию, ему надо делать ноги из России. При этом парадокс нобелевского уровня: многие наши академики живут так, как не снилось яйцеголовым нобелевским лауреатам. По этой причине и созданы новые инновационные структуры – «Роснано», «Сколково», Курчатовский центр, которые за доступ к бюджету подвергаются академиками более непримиримой критике, чем известные открытия Петрика.

Еще хуже ситуация в социальной области, где, по оценкам Р.Гринберга, «По поляризации доходов мы превосходим даже латиноамериканские и африканские страны. В Москве средние доходы 1-% самых богатых почти в 70 раз превышают доходы 10% самых бедных. Разрыв по стране – почти в сорок раз. Для сравнения: в странах Северной Европы показатель составляет 4–5 раз, в США доходит до 12, но надо учесть, что у них другой менталитет в отношении к богатству»[1].

По важнейшим показателям НЧП – также ухудшение ситуации, что видно, например, из ассигнований на науку[2], в процентном отношении к расходам федерального бюджета, который буквально «лопался» от шальных денег в 2001–2007 годах.

[1] *Р.Гринберг*. Экономика в руках политиков. – Известия, 25 февраля 2011 г., с. 4.
[2] Наука России в цифрах: 2010. Стат. сб. – М.: ЦИСН, 2010, с. 69.

Ассигнования на науку из средств федерального бюджета в процентах к расходам федерального бюджета



Как видно, в период, когда федеральные расходы выросли в десяток раз, пропорционального роста расходов не только не было, но эти расходы относительно сокращались. Причем существенно, с 4,42% в 2006 году до 2,23% – в 2010 году. Эти цифры однозначно показывают отношение власти к науке в эти годы. Примечательно, что провал Стратегии 2020 в эти же годы, как и всей программы модернизации, о которой начали говорить с 2005 года, почему-то до сих пор не связывают с этими разновекторными процессами. Действительно, трудно объяснить подобную шизофрению: говоря о развитии наукоемкой экономики, не увеличивать, а сокращать относительно всей экономики расходы на науку. При чем именно государству, которое является собственником 75% всех институтов и еще на 8% – совместным собственником.

По мере опережающего роста ВВП расходы на науку сокращались с 0,80% до 0,5% российского ВВП. Страна, заявляя об «удвоении» ВВП в те годы, почему-то не говорилось хотя бы об удвоении расходов на науку[1].

Как видно из официальных данных, расходы государства на науку за период «модернизации» и реализации инноваций сократились почти вдвое, причем на прикладную науку – что еще страннее, при заявленном курсе на инновации – в 2 раза!

В результате к 2010 году расходы федерального бюджета «стабилизировались» где-то на уровне 0,5% ВВП, что является абсолютно недопустимым показателем для развитой страны. И это цифра

[1] Наука России в цифрах: 2010. Стат. сб. – М.: ЦИСН, 2010, с. 67.

– лучшее свидетельство реального отношения власти к науке и национальному научному потенциалу.

Еще хуже обстоят дела с институтами развития науки и технологий, где наблюдалась в период «особого внимания к инновациям» откровенная деградация и разворовывание даже скромных ресурсов. Это был вынужден признать в марте 2011 года даже В.Путин, назвав его мягко «недостаточным». Это видно на примере одной из 24 особых экономических зон – томской, которую открыли еще в 2005 году, где планировалось инвестировать 14 млрд. рублей, а фактически вложили только 2,6 млрд.[1], т.е. менее 20%.

В масштабах России институты развития в науке не только качественно деградировали (что неизбежно при отставании в финансировании), но и количественно сокращались в период стремительного роста ВВП. Даже после обвального падения в 90-ые годы. Это видно даже из официальной статистики[2]. Что очень прискорбно, даже катастрофично для России, ведь вместе с этими институтами исчезали целые научные школы и направления, на создание которых требуются десятилетия.

[1] *Ю.Шестопёрова*. Зона льготного режима. – Известия, 15 марта 2011 г., с. 3.

[2] Научный потенциал и инновационная активность в России. Выпуск № 4. М.: Минобразование, РИЭПП, 2010 г. с. 19.

Организации, выполнявшие исследования и разработки

Организации, выполнявшие исследования и разработки, по типам организаций

Показатель	Детализация	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008
Число организаций, выполнявших исследования и разработки	число организаций – всего	4099	4037	3906	3797	3656	3566	3622	3957	3666
	научно-исследовательские организации	2686	2677	2630	2564	2464	2115	2049	2036	1926
	конструкторские бюро	318	289	257	228	194	489	482	497	418
	проектные и проектно-изыскательные организации	85	81	76	68	63	61	58	49	42
	опытные заводы	33	31	34	28	31	30	49	60	58
	высшие учебные заведения	390	388	390	393	402	406	417	500	503
	промышленные организации	284	288	255	248	244	231	255	265	239
	прочие	303	283	264	268	258	234	312	550	480

Как видно из официальных данных, на 10% сократилось общее число институтов социального потенциала в науке. Причем в самые «тучные» годы – с 2000 по 2008. Государство, по мере выхода из кризиса 90-х годов, сознательно ликвидировало тот социальный потенциал, который еще сохранился после развала. Ликвидировало, хотя, в соответствии с заявленными намерениями и логикой, должно было бы не только развивать эти институты, но и создавать новые.

Подобная необъяснимая логика может быть понята только в том случае, если предположить, что будущее страны, экономики, общества, наконец, модернизации, каким-то образом совершенно не связывается с будущим национальной науки и развитием НЧП.

Ситуация в научных институтах социального потенциала обстоит, на самом деле, еще хуже, ведь формальное их сокращение на 10% не учитывает то, что выросло число вузов (как правило, частных, дающих не качественное образование и не имеющее научной базы), неких «конструкторских бюро». Собственно же исследовательские и научные организации сократились за 2000–2008 «тучные» годы с 2686 до 1926, т.е. более, чем на 20%! Повторю, что это 20% сокращение происходило после коллапса 90-х годов и никак не может быть объяснено иначе, как абсолютным непонимание властной элитой роли науки в развитии человечества, либо не заинтересованностью элиты в таком развитии.

Обращает на себя внимание и другое обстоятельство. Лейтмотивом прежних и нынешних либералов всегда была идея о «коммерциализации» науки. И не только в 90-ые годы, но и сегодня, например, в стратегии «Инновационной России 2020» МЭРа. На самом же деле предпринимательский сектор все эти годы уходил из науки. Даже в том скромном виде, в котором он был там представлен (менее 15%). Что наглядно видно из следующих официальных данных.

Организации, выполнявшие исследования и разработки, по секторам деятельности

Показатель	Детализация	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008
Число организаций, выполнявших исследования и разработки	Всего	4099	4037	3906	3797	3656	3566	3622	3957	3666
	государственный	1247	1248	1218	1233	1230	1282	1341	1483	1429
	предпринимательский	2278	2213	2110	1990	1851	1703	1682	1742	1540
	высшего профессионального образования	526	529	531	526	533	539	540	616	603
	некоммерческих организаций	48	47	47	48	42	42	59	116	94

Ситуацию, по понятным причинам, пытаются исправить, создавая новые государственные и негосударственные институты. Так, привлекла, конечно, внимание инициатива В.Путина О создании Агентства стратегических инициатив (АСИ), руководителей которых даже обещали избрать на открытом конкурсе. Но, во-первых, зачем ломать старые институты, либо доводить их до деградации (как РАН или РФФИ), а, во-вторых, новые структуры политически, административно (и идеологически) подчиняются все тем же сторонникам либеральной традиции. В случае с АСИ – И.И.Шувалову и Э.Набиуллиной[1].

Таким образом на примере социального потенциала российской науки можно увидеть, что в 2000–2008 годы сложились своего рода «ножницы»: рост ВВП вел не к развитию, а **к стагнации российской экономики**. И, естественно, общества. Как справедливо заметил эксперт МГИМО(У) М.Гебеков, «Формально достаточно высокие макроэкономические показатели развития российской экономики за последние десять лет скрывают упущенные возможности использовать благоприятную внешнеэкономическую конъюнктуру для вывода

[1] *А.Савиных*. Требуются стратеги. – Известия, 18 мая 2011 г., с. 3.

российской экономики на траекторию быстрого и устойчивого социально-экономического роста, а главное перестройки этого роста из добывающих отраслей в отрасли перерабатывающие.

Этот рост сменился в 2009 году почти 9% падением ВВП вследствие зависимости российской экономики от мировой финансово-экономической ситуации, что отчетливо показало ущербность российской экономической модели. Восстановление мировой экономики путем впрыскивания почти всеми правительствами мира чрезмерной ликвидности повысило цены на основные группы сырьевых товаров, что привело к возобновлению роста российской экономики в 2010 году по прогнозам на 4%. Природная рента, формирующаяся за счет экспорта энергоносителей, металла, леса и других сырьевых товаров в объеме примерно в 60 млрд. дол. США в год, не была использована для структурной перестройки экономики на новой технологической основе, уйдя на погашение внешнего долга, накопление резервного фонда и фонда благосостояния будущих поколений и других форм вывоза капитала за рубеж. При этом российская экономика осталась недомонетизированной, объем инвестиций застыл на уровне одной трети от минимально необходимого для обеспечения простого воспроизводства уровня, социальные обязательства государства недофинансируются вдвое, а расходы на науку и стимулирование НТП на порядок ниже уровня развитых и некоторых развивающихся стран[1]. И это – одна проблема.

Проблема также и в том, что ситуация в последние годы изменилась и критерии развития личности и общества гораздо полнее, точнее и объективнее сегодня определяют темпы развития экономики и государства. Более того, эти же критерии более четко определяют состояние экономики и общества, наличие кризисных и антикризисных явлений.

Так или иначе, но к этому выводу к 2010 году пришли практически все, включая и правящую элиту и самих авторов Стратегии 2020.

---

[1] *М.Гебеков*. Денежно-кредитная политика, инфляция и конкуренция в экономике РФ / Эл. Ресурс «Рейтинг персональной страницы», 27.12.2010 / http://www.viperson.ru.

Понятно, что критики от оппозиции – политической и интеллектуальной – говорили об этом раньше. Но прелести ситуации в 2010–2011 годах заключалось в том, что ее ошибочность признали все. И.Д.Медведев, и В.Путин, и сами ее авторы.

Примечательно, что к такому же выводу пришли отечественные либералы. В ходе дискуссий 2010–2011 годов, они, прежде всего И.Юргенс и в целом ИНСОР, неоднократно выступали за общественно-политические реформы, которые должны стать обязательным условием экономических реформ. Во многом их концепция стала альтернативой возглавляемой Я.Кузьминовым и В.Мау группе экспертов, которые должны были по поручению В.Путина «скорректировать» Стратегия-2012». Их вариант стратегии предполагает «… в качестве условия модернизации кардинальные политические реформы: «перезапуск» механизмов политической конкуренции, упрощение доступа партий и кандидатов к выборам, реформу Совета Федерации и постепенны возврат к прямым выборам губернаторов»[1]. Фактически, это означали претензии на власть новых либералов, заявивших устами С.Алексашенко, что «… ни одного шанса на какую-то ни было экономическую реформу, пока правящим классом в стране является бюрократия, нет»[2]. Алгоритм стратегии, предложенной ИНСОРом выглядит следующим образом. Он, как представляется, олицетворяет собой новый неолиберальный образ будущей стратегии развития, претендуя, одновременно, уже не только на политико-идеологическое лидерство, но и на власть, хотя претензии эти при максимальной поддержке в 4–5% трудно объяснимы.

Первоочередные шаги из программы «120 шагов в будущее» Института современного развития

Шаги	Реформы
	Политическая часть. Перезапуск демократии: вперед, к Конституции
1.	Перезапуск механизмов политической конкуренции и создание институциональных механизмов диалога
2.	Отмена неформальных запретов на приход «мейнстримовских» фигур в оппозиционные партии

[1] *С.Куликов*. Две большие стратегические разницы. – Независимая газета, 23 марта 2011 г., с. 1.

[2] *С.Куликов*. Две большие стратегические разницы. – Независимая газета, 23 марта 2011 г., с. 3.

3. Упрощение доступа партий и кандидатов к регистрации на выборах
4. Реформа Совета Федерации
5. Постепенный возврат к прямым выборам губернатора

К новой экономической модели. Частный бизнес и собственность – главные действующие лица

6. Бюджетная реформа: переход к целевым программам и индикаторам
7. Формирование суверенного фонда «нового поколения», объемом не менее 60% ВВП
8. Постоянный структурный дефицит бюджета в 1–1,5% ВВП
9. Неувеличение налоговой нагрузки
10. Модернизация контроля за трансфертным ценообразованием
11. Унификация налоговых льгот
12. Опережающее развитие финансового сектора по сравнению с общеэкономической динамикой
13. Реальная конкуренция и обеспечивающая ее институциональная среда
14. Формирование целостной национальной инновационной системы
15. Политика укрепления собственности
16. Преодоление взаимного недоверия между властью, бизнесом и гражданским обществом

Дебюрократизация экономики

17. Ревизия и кардинальное сокращение полномочий и функций органов власти
18. Полное подчинение деятельности власти административным регламентам
19. Назначение высших должностных лиц под конкретную задачу и определенный срок
20. Проанализировать причины прошлых провалов институциональных преобразований
21. Программа перевода управления из ручного в системный режим Источник: Институт современного развития.

Таким образом, ключевая проблема, которая должна быть решена российской элитой при выборе стратегии (точнее – идеологии) опережающего развития, – это критерии и темпы развития ключевых отраслей и областей страны, экономики и общества, а не темпы роста ВВП, прежде всего отражающихся на развитии человека.

Прогнозирование ВВП

Номинальный и реальный ВВП, 1999–2020 гг.

	Реальный ВВП,	Номинальный	Индекс-	Индекс

	млрд. руб.	ВВП, млрд. руб.	дефлятор, в % к прошлому году	физического объема, в % к прошлому году
1999	10193,35617	4823,2335	172,4657302	106,3511
2000	11217,34579	7305,6463	137,6408819	110,0456572
2001	11788,43423	8943,5824	116,4895193	105,0911192
2002	12347,65189	10830,53511	115,6139262	104,7437823
2003	13243,23982	13243,23982	114,0077751	107,2531032
2004	14190,30939	17048,12166	120,1391797	107,1513458
2005	15096,72987	21625,37221	119,2328828	106,3875997
2006	16255,52243	26903,49381	115,538585	107,6757852
1007	17570,86186	33258,1425	113,8322297	108,0916466
2008	18552,47567	41444,6669	118,0355255	105,5866003
2009	17077,65787	39063,6079	102,3	92,05056066
2010*	117527,09765	42677,4997	106,4498168	102,6317413
2011*	17991,50834	47503,31193	108,4344681	102,6496725
2012*	18699,05402	53273,4787	107,903394	103,9326646
2013**	19639,5234	60958,47585	108,9461117	105,0295025
2014**	20556,5353	70217,69942	109,2932109	105,3948309
2015**	21674,61134	81175,18684	109,4815739	105,5931312
2016**	22843,47446	93501,71232	109,2912582	105,3927754
2017**	24037,31801	107374,0909	109,1329982	105,2261908
2018**	25173,24622	122183,324	108,6573782	104,7256862
2019**	26329,14158	138694,5941	108,5300796	104,5917612
2020**	27503,28459	157055,818	108,4043307	104,4594808

Источник: данные Федеральной службы государственной статистики РФ, прогнозы Министерства экономического развития http://www.economy.gov.ru/minec/activity/sections/macro/prognoz/, Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года..

Индекс физического объема, Стратегия-2020

	Индекс физического объема		
	Сценарии развития		
	Инновационный	Энергетический	Инерционный

2013**	105,9	105,4	103,8
2014**	106,5	105,7	104
2015**	106,9	105,9	104
2016**	106,8	105,6	103,8
2017**	106,7	105,3	103,7
2018**	106,3	104,7	103,2
2019**	106,3	104,4	103,1
2020**	106	104,4	103

Как видно, финансовые власти, ориентируясь на рост ВВП, прогнозируют:

1. Относительно медленные среднемировые темпы роста ВВП, которые обеспечиваются ростом цен на энергоносители и ростом объема экспорта;

2. Не учитывается доля НЧП в росте ВВП, которая в развитых странах достигает 15% от всего объема прироста;

3. Не учитывается развитие социального потенциала страны.

Не меняет принципиально и подход роста ВВП в зависимости от сценариев развития, которые, как показал кризис 2008–2010 годов, как правило развиваются по инерционному сценарию. Тем более. Если речь идет об инновациях. Это видно на следующих примерах.

Во-первых, на примере создания передовых технологий по видам, где доля принципиально новых технологий практически не увеличивается[1].

Создание передовых производственных технологий по видам

	Технологии						
	всего	**Новые в стране**	**Принци-пиально новые**	**обладающие**			
				патентами на изобретения	**патентами на полезные модели**	**патентами на промышленные образцы**	**патентной чистотой**

[1] Наука России в цифрах: 2010. Стат. сб. – М.: ЦИСН, 2010, с. 141.

	2008	2009	2008	2009	2008	2009	2008	2009	2008	2009	2008	2009	2008	2009
Передовые производственные технологии	854	897	738	757	**54**	**140**	299	382	121	133	29	35	523	499
Проектирование и инжиниринг	173	196	150	169	**7**	**27**	53	73	24	31	3	8	105	103
Производство, обработка и сборка	369	328	316	283	**24**	**45**	136	144	52	49	14	13	239	200
Автоматизированные погрузочно–разгрузочные операции; транспортировка материалов и деталей	14	21	12	17	**1**	**4**	8	13	3	5		1	7	13
Аппаратура автоматизированного наблюдения (контроля)	99	102	87	92	**8**	**10**	44	49	20	18	4	2	65	55
Связь и управление	68	67	65	61	**1**	**6**	13	10	2	9	4	5	43	29
Производственные информационные системы	23	26	20	22	**1**	**4**	3	4	4	4	2	3	5	11
Интегрированное управление и контроль	41	49	37	40	**3**	**9**	11	22	6	5	1	2	15	29
Нанотехнологии	67	108	51	73	**9**	**35**	31	67	10	12	1	1	44	59

Во-вторых, на балансе торговли технологиями, который составляет дефицит почти в 1 млрд. долл.[1]

[1] Наука России в цифрах: 2010. Стат. сб. – М.: ЦИСН, 2010, с. 140.

В-третьих, динамики поступления заявок и выдачи патентов на изобретения.[1]

Поступление заявок и выдача патентов на изобретения

	2000	2003	2005	2006	2007	2008	2009
Подано заявок на выдачу патентов Российской Федерации	28688	30651	32254	37691	39439	41849	38564
В том числе заявителями:							
отечественными	23377	24969	23644	27884	27505	27712	25598
иностранными	5311	5682	8610	9807	11934	14137	12966
Выдано патентов Российской Федерации	17592	24726	23390	23299	23028	28808	34824
из них заявителям:							
отечественным	14444	20621	19447	19138	18431	22260	26294
иностранным	3148	4105	3943	4161	4597	6548	8530
Действует патентов Российской Федерации	144325	106717	123089	123882	129910	147067	170264

Господствующий критерий – «удвоения ВВП» – требовал темпов роста порядка 7% ВВП, на даже он мало что значит. И мало утешает. Учитывая, что темпы роста ВВП должны быть не просто выше среднемировых, а выше, чем у Китая и Индии, необходимо сформулировать вполне частную и принципиальную задачу увеличения темпов роста ВВП до 12–15% понимая, что ее решение будет иметь незначительное отношение к решению ключевой задачи – опережающим темпам социально-экономического развития, которые могут быть обеспечены **только за счет развития человеческого потенциала**.

Несколько слов о пресловутых темпах роста ВВП, которые, как я уже показал, мало, что значат на современном этапе развития общества. Пока что все оценки вращаются вокруг 6–7%, что очевидно недостаточно. Как видно из сравнений последних лет, Россия, обгоняя Европу и Бразилию, по темпам роста ВВП, значительно отстает от Китая и Индии[2]. Учитывая же огромный масштаб американской экономики и ее качество, отрыв России от США отнюдь не равен разнице их ВВП, а

[1] Наука России в цифрах: 2010. Стат. сб. – М.: ЦИСН, 2010, с. 120.

[2] *Г.Лященко.* Светлое экономическое будущее // Газета, 2007 г., 7–9 декабря, с. 13.

составляет два порядка (известно, что американский экспорт наукоемкой продукции составляет 30% мирового, а российской – 0,3%). Это и есть реальный, а не придуманный современный критерий развития, который нельзя заменить никакими критериями роста ВВП.

Нынешнее правительство, рассматривая даже различные сценарии развития (с пониманием преимуществ инновационного сценария), по-прежнему оперирует устаревшими количественными показателями. Тем самым развитие заменяется ростом. Типичный пример – прогноз МЭРа, подготовленный в августе 2008 года, где в частности, говорится:

Макроэкономические особенности основных сценариев развития (на самом деле роста!) в целом за прогнозный период представлены в следующей таблице:

	Инерционный	**Энерго-сырьевой**	**Инновационный**
ВВП 2020 год к 2007 году	1,8 раза	2,0 раза	2,3 раза
Инвестиции 2020 год к 2007 году	2,4 раза	3,6 раза	4,0 раза
Доля инвестиций в экономику знаний и высоких технологий в 2020 году	13,8%	14,8%	16,5%
Производительность труда 2020 год к 2007 году	1,9 раза	2,2 раза	2,5 раза
Доля нефтегазового сектора в ВВП в 2020 году	13,2%	12,7%	11,1%
Доля сектора экономики знаний и высоких технологий в ВВП в 2020 году	13,3%	16,9%	17,2%
Реальные располагаемые денежные доходы населения 2020 год к 2007 году	1,9 раза	2,3 раза	2,6 раза
Бедность к 2020 году	7,9%	6,7%	6,2%
Средний класс к 2020 году	28%	47%	более половины населения

Как видно Правительство уже стало учитывать критерии развития. Последние четыре критерия можно вполне отнести к критериям развития. Но до сих пор в его планах эти критерии не стали главными. Судите

сами: рост сектора экономики знаний планируется увеличен с 13,3% до 17,2% за 12 лет! Напомню, что для развитых стран он превышает 50%. Это означает, что правительство в долгосрочном плане планирует дальнейшее отставание России в ее развитии.

За эти же годы практически на том же уровне остается число бедных в стране!

На самом деле, этот процент означает не долю бедных в российском обществе, а нищих, т.е. тех, кто находится **за гранью** бедности. Действительно бедных в России сегодня насчитывается более 50%, т.е. экономическая политика России, используя в термин Р.Гринберга, – «асоциальна»[1].

Не может воодушевить и планировавшийся рост доходов населения в 2,6 раза. Прежде всего потому, что этот рост пока что обеспечивается за счет роста доходов тех 10% населения, которые находятся на верхней ступени социальной лестницы. Кризис 2008–2010 годов показал, что даже в этих условиях количество миллиардеров в России может удвоиться, а по их числу Россия вышла на 2-е место в мире.

Таким образом так называемый инновационный сценарий с социальной точки зрения практически не отличается от инерционного. Это означает, что у Правительства вообще нет стратегии опережающего развития, которая отразила бы именно критерии развития измеряемые социальный потенциал, а не критерии роста.

Вот критерии роста ВВП четко ограничены во всех сценариях 2008 года и последующих сценариях, и их приоритетность – как по порядку расположения, так и объему – у меня лично не вызывает сомнения.

[1] *Р.Гринберг*. Экономика в руках политиков. – Известия, 25 февраля 2011 г., с. 4.

2.6. Институты развития социального потенциала и место России в мире

«Похоже, что будущее – за новыми формами политических объединений, в том числе, широкими политическими движениями, каким может стать Общероссийский народный фронт»[1].

Н.Злобин

«Последние революции продиктованы поисками справедливости, а не проблемами развития»[2].

А.Виноградов, профессор РИСИ

Теперь о более глобальном. А именно, о месте России, ее экономики в глобальной экономической системе, роли институтов социального потенциала. Кризис 2008–2010 годов показал, что наша страна чрезвычайно уязвима от внешних факторов. Поэтому наша политики и экономисты должны тщательно анализировать место России в мире, изменение в соотношении мировых сил. Нынешний анализ Правительства об этом, к сожалению, просто «забывает».

По сути, здесь нет главного – сопоставления с уровнем других стран мира, прежде всего, США, Евросоюза и Китая. Например, ВВП России в 2020 году будет равен 10% американского и 9% китайского, как в 2008 году. Притом, что качество НЧП и общества будет существенно ниже. В свое время «человек разумный», пришедший порядка 100 тысяч лет назад в Европу из Америки, вытеснил в течение короткого срока (2–3 тыс. лет) населявших Европу неандертальцев. Те попытались копировать навыки пришельцев, но не успели адаптироваться и были уничтожены или вытеснены. Не грозит ли такая же участь русским, населяющим огромные и богатые пространства?

Если будет реализован второй сценарий, то нетрудно увидеть, что России с ее огромными территориями и богатствами грозит фактическая колонизация передовыми государствами, которые будут диктовать ей условия развития. Внешняя экспансия передовых наций и цивилизаций неизбежна. И не только из-за ресурсов. Глобализация неизбежно будет ужимать национальный суверенитет, который может быть обеспечен только высоким уровнем НЧП.

---

[1] *Н.Злобин*. Золотой закон выборов. – Российская газета, 18 мая 2011 г., с. 3.

[2] *А.Виноградов*. Субъектность поневоле. – Независимая газета, НГ-сценарии, 22 марта 2011 г., с. 14.

При этом следует повторить, что темпы развития и темпы роста экономики при сопоставлении государств в будущем также означают отнюдь не одно и то же. Развитие передовых государств, прежде всего, будет характеризоваться качественными показателями, а рост – количественными. Так, 10% прироста ВВП за счет развития, это прирост наукоемкой продукции и услуг. Те же 10% прироста ВВП за счет экстенсивного развития (например, увеличения экспорта сырья) – означают, что экономика отнюдь не развивается, а деградирует, становится более энергоемкой и ресурсоемкой, менее экологичной.

Применительно к сравнению России и США–Китая это будет означать уже не просто качественное отставание, а отсталость. Даже архаичность. Отсталость технологическую, техническую, научную, производственную. Отсталость до такой степени, когда весь внутренний российский рынок, а не как сегодня 60%, будет определяться импортом ведущих государств. Преодолеть такую отсталость будет невозможно даже в долгосрочной перспективе. Это просто не дадут сделать. Это будет невозможно.

Это видно из сравнения индексов конкурентоспособности, за 2010–2011 годы в сравнении с 2009–2010 годами, подготовленными по заказу Всемирного форума[1].

Global Competitiveness Report 2010–2011 rankings and 2009–2010 comparisons

Country/ Economy	GCI 2010-2011 Rank	GCI 2010-2011 Score	GCI 2010-2011 rank among 2009 countries	GCI 2009-2010 rank *	Country/ Economy	GCI 2010-2011 Rank	GCI 2010-2011 Score	GCI 2010-2011 rank among 2009 countries	GCI 2009-2010 rank *
Switzerland	1	5.63	1	1	Kazakhstan	72	4.12	71	67
Sweden	2	5.56	2	4	Peru	73	4.11	72	78
Singapore	3	5.48	3	3	Namibia	74	4.09	73	74
United States	4	5.43	4	2	Morocco	75	4.08	74	73
Germany	5	5.39	5	7	Botswana	76	4.05	75	66
Japan	6	5.37	6	8	Croatia	77	4.04	76	72

[1] Global Competitiveness Report 2010–2011, World Economic Forum, 2010, Geneva, Switzevlaud 2010, стр. 11.

Finland	7	5.37	7	6	Guatemala	78	4.04	77	80
Netherlands	8	5.33	8	10	Macedonia, FYR	79	4.02	78	84
Denmark	9	5.32	9	5	Rwanda	80	4.00	n/a	n/a
Canada	10	5.30	10	9	Egypt	81	4.00	79	70
Hong Kong SAR	11	5.30	11	11	El Salvador	82	3.99	80	77
United Kingdom	12	5.25	12	13	Greece	83	3.99	81	71
Taiwan, China	13	5.21	13	12	Trinidad and Tobago	84	3.97	82	86
Norway	14	5.14	14	14	Philippines	85	3.96	83	87
France	15	5.13	15	16	Algeria	86	3.96	84	83
Australia	16	5.11	16	15	Argentina	87	3.95	85	85
Qatar	17	5.10	17	22	Albania	88	3.94	86	96
Austria	18	5.09	18	17	Ukraine	89	3.90	87	82
Belgium	19	5.07	19	18	Gambia, The	90	3.90	88	81
Luxembourg	20	5.05	20	21	Honduras	91	3.89	89	89
Saudi Arabia	21	4.95	21	28	Lebanon	92	3.89	n/a	n/a
Korea, Rep.	22	4.93	22	19	Georgia	93	3.86	90	90
New Zealand	23	4.92	23	20	Moldova	94	3.86	n/a	n/a
Israel	24	4.91	24	27	Jamaica	95	3.85	91	91
United Arab Emirates	25	4.89	25	23	Serbia	96	3.84	92	93
Malaysia	26	4.88	26	24	Syria	97	3.79	93	94
China	27	4.84	27	29	Armenia	98	3.76	94	97
Brunei Darussalam	28	4.75	28	32	Mongolia	99	3.75	95	117
Ireland	29	4.74	29	25	Libya	100	3.74	96	88
Chile	30	4.69	30	30	Dominican Republic	101	3.72	97	95
Iceland	31	4.68	31	26	Bosnia and Herzegovina	102	3.70	98	109
Tunisia	32	4.65	32	40	Benin	103	3.69	99	103
Estonia	33	4.61	33	35	Senegal	104	3.67	100	92
Oman	34	4.61	34	41	Ecuador	105	3.65	101	105
Kuwait	35	4.59	35	39	Kenya	106	3.65	102	98
Czech Republic	36	4.57	36	31	Bangladesh	107	3.64	103	106
Bahrain	37	4.54	37	38	Bolivia	108	3.64	104	120
Thailand	38	4.51	38	36	Cambodia	109	3.63	105	110

Poland	39	4.51	39	46
Cyprus	40	4.50	40	34
Puerto Rico	41	4.49	41	42
Spain	42	4.49	42	33
Barbados	43	4.45	43	44
Indonesia	44	4.43	44	54
Slovenia	45	4.42	45	37
Portugal	46	4.38	46	43
Lithuania	47	4.38	47	53
Italy	48	4.37	48	48
Montenegro	49	4.36	49	62
Malta	50	4.34	50	52
India	51	4.33	51	49
Hungary	52	4.33	52	58
Panama	53	4.33	53	59
South Africa	54	4.32	54	45
Mauritius	55	4.32	55	57
Costa Rica	56	4.31	56	55
Azerbaijan	57	4.29	57	51
Brazil	58	4.28	58	56
Vietnam	59	4.27	59	75
Slovak Republic	60	4.25	60	47
Turkey	61	4.25	61	61
Sri Lanka	62	4.25	62	79
Russian Federation	**63**	**4.24**	**63**	**63**
Uruguay	64	4.23	64	65
Jordan	65	4.21	65	50
Mexico	66	4.19	66	60
Romania	67	4.16	67	64
Colombia	68	4.14	68	69
Iran, Islamic Rep.	69	4.14	n/a	n/a
Latvia	70	4.14	69	68
Bulgaria	71	4.13	70	76

(Cont'd.)

Guyana	110	3.62	106	104
Cameroon	111	3.58	107	111
Nicaragua	112	3.57	108	115
Tanzania	113	3.56	109	100
Ghana	114	3.56	110	114
Zambia	115	3.55	111	112
Tajikistan	116	3.53	112	122
Cape Verde	117	3.51	n/a	n/a
Uganda	118	3.51	113	108
Ethiopia	119	3.51	114	118
Paraguay	120	3.49	115	124
Kyrgyz Republic	121	3.49	116	123
Venezuela	122	3.48	117	113
Pakistan	123	3.48	118	101
Madagascar	124	3.46	119	121
Malawi	125	3.45	120	119
Swaziland	126	3.40	n/a	n/a
Nigeria	127	3.38	121	99
Lesotho	128	3.36	122	107
Cote d'lvoire	129	3.35	123	116
Nepal	130	3.34	124	125
Mozambique	131	3.32	125	129
Mali	132	3.28	126	130
Timor-Leste	133	3.23	127	126
Burkina Faso	134	3.20	128	128
Mauritania	135	3.14	129	127
Zimbabwe	136	3.03	130	132
Burundi	137	2.96	131	133
Angola	138	2.93	n/a	n/a
Chad	139	2.73	132	131

* The 2009-2010 rank shown is the one published last year out of 133 countries. One country that was included last year, Suriname, has been excluded this year for lack of Survey data. Suriname's rank of 102 from last year is therefore not shown in the table.

Как видно из этих данных, Россия в 2009–2010 годы стабильно «зависла» на 63-ем месте, уступая Шри Ланке! При этом по критерию «инновационности» она находилась в 2010 году на 80-ом месте[1].

Таким образом, планы социально-экономического развития России до 2020 года **планами развития отнюдь не являются**. Они ведут к деградации НЧП и всей нации, потере его национальной идентичности. Они объективно, по сравнению с ведущими государствами, **ухудшают** положение России. Более того, ведут к превращению ее в зависимое и отсталое государство с ограниченным суверенитетом в краткосрочной перспективе и самоуничтожению – в долгосрочной.

Это позволяет некоторым экспертам использовать даже термин «Недогоняющее развитие», который предполагает, что рост душевого ВВП не сопровождается институционным развитием. Более того, по оценкам некоторых экспертов, значительный рост ВВП за 2000–2007 годы сопровождался отставанием в институциональном развитии[2]. Тем более такое «развитие» характерно для периода 2008–2011 годов.

В Правительстве в целом есть понимание всей сложности этой ситуации. Так, в уточненном варианте (август 2008 г.) концепции социально-экономического развития инновационный сценарий предполагает до 2020 года увеличение производительности труда в ведущих секторах в 3–5 раз и снижение энергоемкости в среднем в 1,6–1,8 раз. Доля высокотехнологической продукции в ВВП должна составить 17–20% (в 2007 г. – 10–11%). Затраты на НИОКР к 2020 году планировалось увеличить до 2,5–3% ВВП (в 2007 г. – 1,1% ВВП). Доля предприятий, осуществляющих инновации, должна вырасти до 40–60% (в 2007 г. – 8,5%), а инновационной продукции в объеме выпуска – до 25–35% (в 2007 г. – 5,5%)[3]. На это понимание быстро исчезло. В последующие три года ситуация по всем этим параметрам не улучшилась, а ухудшилась. Так, что можно говорить лишь о благих намерениях, о которых быстро забыли. И не только из-за кризиса, а,

---

[1] Global Competitiveness Report 2010–2011, World Economic Forum, 2010, Geneva, Switzevlaud 2010, стр. 11.

[2] *Л.Фрейнкман*. Недогоняющее развитие. – Ведомости, 2008 г., 4 февраля, А4.

[3] *А.Шаповалов.* Минэкономика пишет планы свободным стилем / Коммерсант, 2008 г., 6 августа, с. 2.

скорее, из-за того, что эти намерения **не стали политическим курсом, стратегией развития**.

В прогнозе к этой Концепции (но где-то глубоко в тексте) приводятся, наконец, и качественные характеристики ожидаемого развития: «Существенно сократится разрыв между Россией и ведущими странами мира по уровню благосостояния. Объем ВВП на душу населения к 2015 году составит не менее 23 тыс. долларов США (в ценах 2005 года), к 2020 году – более 30 тыс. долларов США, что приблизительно соответствует **современному уровню развития стран Еврозоны** (подч. *А.П.*). Разрыв в уровне ВВП на душу населения по сравнению с США сократится с трех до менее двух раз (отношение данного показателя возрастает с 32% до 57% от уровня США). В 2030 году уровень ВВП на душу населения достигнет 50 тыс. долларов США, что превысит средний уровень стран Еврозоны»[1].

Россия займет достойное место в мировой экономике, будет обеспечена ее интеграция в мировое хозяйство на основе использования научно-исследовательского, образовательного и производственно-технологического потенциалов, а не только энерго-сырьевого экспорта. Доля России в мировой экономике увеличится с 3,2% в 2007 году до 3,8% в 2015 году и 4,3% в 2020 году. По размеру экономики Россия переместится с восьмого места в 2007 году на пятое место в 2020 году»[2].

Вопрос заключается в том, что достаточны ли эти усилия, чтобы Россию к 2020 году можно было бы считать страной лидером, а не «догоняющей страной»? Так, признается, что к 2020 году Россия «перестанет быть сырьевой державой, а ее экономику будут двигать знания. Через 6–10 лет их вклад в ВВП превысит долю нефти и газа»[3]. Правда, не поясняется, как это может быть, если доля экономики знаний не превысит 20%?

В этой связи хотел бы напомнить, что еще в 1985 году в развитых странах стоимость информационных ресурсов **превысила** стоимость ресурсов топливно-энергетического комплекса. Это означает, что к 2020 году Россия по этому интегральному показателю только выйдет на

---

[1] Основные параметры прогноза …. С. 35.

[2] Основные параметры прогноза …. С. 35.

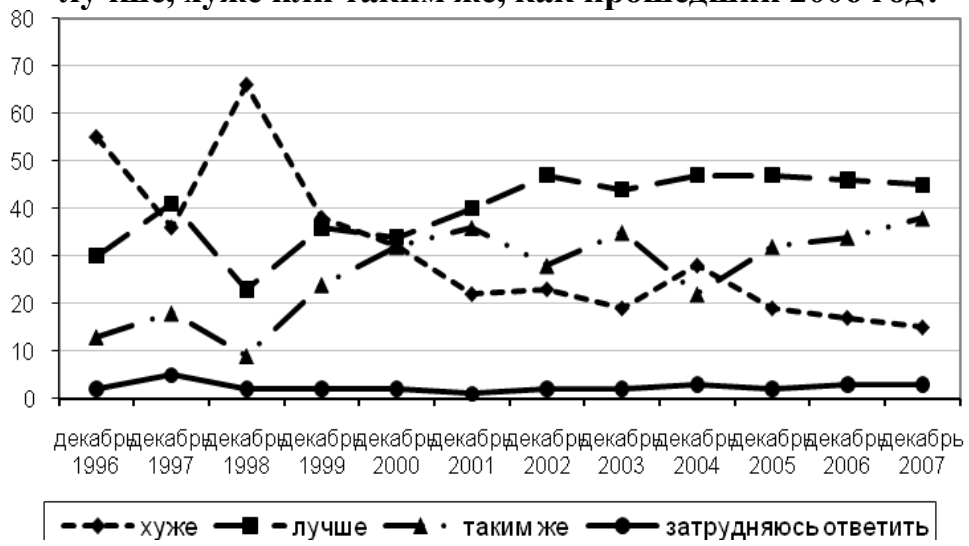
[3] В два прыжка. – Ведомости, 2008 г., 6 августа, с. 1.

уровень развитых стран 1985 года. Это, наверное, лучшее свидетельство реального положения России относительно ведущих стран мира.

Другая сторона проблемы заключается в росте социального оптимизма наших сограждан, с одной стороны, и медленным развитием общественных институтов, – с другой. На фоне преодоления глубокого психологического общенационального стресса, растущих ожиданий и улучшения общего климата в стране особенно заметен спад социальной активности, без которой в XXI веке все сложное экономическое развитие.

На графике отчетливо видно, что в 2007 году лучше или также себя чувствовали (38% + 45%) 83% наших сограждан, в то время как в 1996 году – только 43% (13% + 30%)[1].

Если говорить в целом, то каким для Вас лично был уходящий 2007 год – лучше, хуже или таким же, как прошедший 2006 год?



Таким образом, можно констатировать, что до кризиса заметный экономический рост и социальный оптимизм сопровождался очевидным запаздыванием в институционально-социальной области, которая стала превращаться в серьезный фактор ограничения развития экономики и общества. Этим элита не воспользовалась.

Так, из приведенной ниже таблицы видно, что по важнейшим макроэкономическим показателям за 2005–2009 годы (за исключением инфляции) Россия находится в группе стран-лидеров. Вместе с КНР.

Оценка темпов роста ВВП

Показатели	Страны	2005	2006	2007	2008	2009

[1] Социальная реальность, 2007 г., № 10, с. 47.

ВВП	Россия	6,4	6,7	7,3	6,5	6,0
	Китай	10,4	11,1	11,4	10,7	10,1
	Индия	9,2	9,4	8,8	8,6	8,4
	Бразилия	3,2	3,7	4,8	4,5	4,5
	США			2,2	2,0	2,2
	Япония			1.9	1,6	1,8
	Страны Европы			2,7	2,3	2,4
Инфляция	Россия	10,9	9,0	11,0	9,5	8,5
	Китай	4,1	3,1	4,4	4,5	4,6
	Индия	4,4	5,3	5,4	4,9	4,5
	Бразилия	5,7	3,1	3,9	4,0	4,0
	США			2,6	2,1	2,0
	Япония			-0,5	-0,3	0,3
	Страны Европы			2,2	2,2	2.3
Профицит / дефицит бюджета (% ВВП)	Россия	8,1	8,5	5,5	3,8	1,5
	Китай	0,2	1,0	2,0	1,8	1,7
	Индия	-6,7	-6,4	-5,6	-5,2	-5,2
	Бразилия	-3,0	-3,0	-1,9	-1,4	-1,0
	США			-3,0	-3,4	-3,4
	Япония			-3,4	-3,9	-3,6
	Страны Европы			-0,6	-0,6	-0,4
Сальдо платежного баланса (% ВВП)	Россия	10,9	9,8	6,0	4,7	2,0
	Китай	7,2	9,4	11,2	11,3	11,8
	Индия	-1,1	-1,1	-2,0	-2,1	-2,0
	Бразилия	1,6	1,3	0,6	-0,1	-0,4
	США			-5,6	-5,4	-5,3
	Япония			4,7	4,8	5,2
	Страны Европы			0,2	-0,1-	-0,2

Источник: ОЭСР

Однако на деле Россия все больше и больше отставала. В том числе и от Китая. За эти годы структура внешней торговли России с Китаем, например, изменилась радикально. Только за 2007 год импорт из КНР вырос на 80%, а положительное сальдо китайского торгового баланса впервые достигло 9 млрд. долл. При этом если доля экспорта российской машиностроительной продукции еще недавно превышала 25%, а сырья –

5%, то в 2008 году только 1,5% экспорта стало принадлежать машиностроению, а 2/3 – сырью[1].

Эти изменения сопровождаются и геополитическими изменениями. Прежде всего, в соотношении сил в мире.

В 2009 г. США впервые более чем за 100 лет утратят роль крупнейшей в мире промышленной державы. К таким выводам пришла американская консалтинговая компания Global Insight. В исследовании она оценила промышленный потенциал стран не по объемам продаж промышленных компаний, а по созданной ими добавочной стоимости: из выручки вычитаются расходы предприятий.

Место США займет Китай. Его компании произведут 17% мировой промышленной продукции, а американские – только 16%. По оценкам Global Insight, к этому моменту добавочная стоимость мировой промышленности будет «весить» $11,783 трлн.

В этом году доля США в мировом производстве составит 16,9%, а Китая – 15%. Еще в прошлом году экономисты Global Insight прогнозировали, что Китай вырвется в промышленные лидеры только в 2013 г., но расчеты были скорректированы из-за кризиса в американской экономике. По данным опроса экономистов, проведенного Bloomberg, во втором полугодии 2008 г. ВВП США вырастет в годовом выражении лишь на 0,7%, безработица к декабрю 2008 г. достигнет 6%[2].

Таким образом, соотношение сил в мире стремительно меняется. Быстрее, чем самые смелые предположения. Каким оно будет через 10–12 лет можно уже сейчас догадываться, опираясь на прогнозы. Но каким мы **хотим** его видеть, какое место **должна** занимать Россия зависит уже не от экономической экстраполяции, а от **воли и таланта** граждан России и ее правящей элиты.

Это, конечно же, понимают сегодня в Правительстве. Полагаю, что 2007 год стал рубежным в осознании необходимости именно качественного развития. К 2008 году дело дошло до принятия конкретных решений и постановки конкретных задач. Так, на одном из заседаний Правительства в январе 2008 года было сформулирована цель достигнуть к 2015 году 3% мировой доли наукоемкой продукции (т.е. примерно доли ВВП России в

---

[1] *И.Наумов.* Сальдо ушло в минус / Независимая газета, 2008 г., 28 января, с. 6.

[2] *Питер Марч.* Снова первый. – Ведомости, 2008 г., 13 августа, с. А03.

мире в 2015 году), что означает приблизительно десятикратный рост[3]. Напомню, что сегодня доля России составляет 0,3–0,5% от мировой.

Как признается в новом (август 2008 г.) варианте концепции социально-экономического развития, «это предъявляет высокие требования к темпам и качеству роста российской экономики, необходимым для увеличения ее экономического веса в мире, обеспечения регионального лидерства и сокращения отставания от развитых стран;

– превращение Китая и Индии в основные локомотивы мирового экономического роста, появление новых мировых центров экономического развития в Азии и Латинской Америке;

– преодоление энергетических барьеров роста за счет повышения энергоэффективности и расширения использования альтернативных видов энергии при сохранении тенденции к удорожанию энергоносителей;

– усиление ограничений роста, связанных с экологическими факторами, дефицитом пресной воды и изменением климата, что создает дополнительные возможности для России с ее огромными запасами пресной воды и экологически благополучных территорий;

– сохранение, и, вероятно, усиление дисбалансов в области мировой торговли, движении капиталов, что будет способствовать изменению курсов мировых валют и перестройке институтов мировой экономики (мирового экономического порядка);

– старение населения в развитых странах на фоне быстрого роста населения в развивающихся странах будет интенсифицировать мировые миграционные процессы и увеличивать нагрузку на социальные системы развитых стран.

Предстоящий период характеризуется структурной перестройкой мирового хозяйства, связанной с изменением баланса между ее экономическими центрами, возрастанием роли региональных экономических союзов. Дальнейшее развитие мировой **экономики будет определяться балансом между сложившейся тенденцией поступательной глобализации мировой экономики и тенденциями**

[3] *Л.Новикова.* Правительство готовит нанопрорыв. – РБК daily, 2008 г., 17 января, с. 2.

регионализации, как реакцией на рост напряженности между мировыми центрами силы …»[1].

Таким образом, десятикратный рост эффективности (т.е. на 10 000%!) равнозначен удвоению ВВП (100%). Напрашивается вывод о том, что каждый процент прироста ВВП должен сопровождаться десятикратным ростом эффективности ее экономики и институтов. Понятна разная масштабность этих задач. Так, если прирост ВВП в 2008 году составит 8%, т.е. на 1% больше, чем в 2007 году, то для сохранения пропорций эффективность развития должна составить более 80% только за один год. А эта эффективность может измеряться энергосберегающими технологиями, например, и наукоемкими вообще.

Таким образом, в 2008 году часть российской элиты осознала необходимость качественного роста и развития, и вышла на постановку конкретных задач и принятие конкретных решений, создание механизмов их реализации. Но в отсутствии идеологии и стратегии масштаб этих задач, очевидно, остался недооцененным. Сохранились прежние, инерционные макроэкономические мотивы, которые сдерживают темпы развития, ведь обоснования именно предлагаемых задач до сих пор нет.

В XXI веке экономическое развитие должно в обязательном порядке сопровождаться развитием общества, его институтов, повышением эффективности госуправления (которое в идеале должно наконец-то выйти на местный уровень) и, главное, развитием духовно-нравственным и культурным. Причем развитие социального потенциала и НЧП в целом, должно идти опережающими темпами.

Отставание в этих областях, безусловно, сдерживает не только экономическое развитие, но даже простой экономический рост. Взаимосвязь между этими сферами стала очевидной для российской политической элиты еще в 2007 году, но примечательно, что именно эта взаимосвязь была **политически** озвучена кандидатом в президенты Д.Медведевым в начале февраля 2008 года[2]. Очевиден начавшийся перелом в сознании большинства представителей российской элиты, хотя можно согласиться с Е.Федоровым, который считает, что трудно

---

[1] Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации. – М, август 2008 г., МЭР, с.9.

[2] Стратегия развития / Красная Звезда, 2008 г., 24 января, с. 3.

прогнозировать, когда завершиться (этот) перелом сознания большинства»[1]… К 2011 году этого не произошло.

Таким образом, ускоренное (опережающее) развитие это именно развитие, а не рост, которое охватывает не только экономическую область, но и сферы общественной, культурной и духовной жизни общества, а также совершенствование государственных институтов, эффективности управления.

Если, как мы видим, в 2007–2010 годах российская элита сосредоточила свое внимание именно на экономическом **росте** (что уже выгодно отличает ее от отношения элиты 90-х годов и начала десятилетия), то элементы экономического и особенно общественного долгосрочного социально-экономического развития до 2020 года, разработанные МЭРом к июлю 2008 года, отражали именно такой, экстенсивный подход. Который сохранился в принципе и позже, вплоть до 2011 года, когда В.Путин дал указание «корректировать» эту Концепцию.

С одной стороны, хорошо уже, что такая Концепция имела долгосрочный характер (рассчитана на 13 лет) и вполне амбициозна. Но, с другой стороны, это именно концепция роста, где элементы развития представлены весьма скромно: рост инновационного сектора ВВП с 10,5% в 2006 году до 18,1% в 2020 году, а доля высокотехнологической продукции – 10%. При этом доля России в мировом ВВП вырастет с 2,6% до 3% в 2015 и 3,4% – в 2020 году (Китая – 23,5%, США – 15,5%, Индии – 9,4%). Из этих сопоставлений видно, что экстенсивно, количественно мы будем продолжать отставать от наиболее динамично развивающихся стран, медленно «вползая» в группу развитых государств.

Между тем сложилась более совершенная система индикаторов[2].

Социально-экономические параметры. Источником данных по представленным ниже переменным является база данных Всемирного банка «World Development Indicators»[3], в которой в настоящее время насчитывается более 900 индикаторов с 1960 г., характеризующих

---

[1] *Е.Федоров.* Вне конкуренции / Стратегия России, 2007 г., № 12, с. 14.

[2] Динамика мирового политического развития и проблемы глобальной конкурентоспособности России. Отчет о НИР. Т. 1, этап 2., МГИМО (У), 2010 г.

[3] World Development Indicators (WDI) / World Bank, 2010. http://data.worldbank.org/data-catalog/world-development-indicators.

различные аспекты социально-экономического развития большинства стран мира.

Параметры, которые предполагается использовать для проведения исследования, могут быть разделены на пять групп (в логике классификации индикаторов, которой придерживаются создатели базы данных «World Development Indicators») – инфраструктура, наука и технологии, образование и здравоохранение, экономическая политика и внешний долг, государственные расходы, население. Важно отметить, что список используемых параметров является **открытым**, т.е. предполагается его дополнять или сокращать по мере необходимости.

Параметры, описывающие состояние **инфраструктуры**, призваны дать общую характеристику развития инфраструктуры, свойственной как индустриальному (например, дорожная сеть), так и постиндустриальному укладу. Они включают следующие: (1) пользователи сети Интернет на 100 человек населения (Internet users per 100 people); (2) подписчики мобильной и фиксированной телефонной связи на 100 человек населения (Mobile and fixed line telephone subscribers per 100 people); (3) телефонные линии на 100 человек населения (Telephone lines per 100 people); (4) персональные компьютеры на 100 человек населения (Personal computers per 100 people); (5) расходы на информационные и коммуникационные технологии в долларах США по текущему курсу (Information and communication technology expenditure, current US$); (6) расходы на информационные и коммуникационные технологии в процентах ВВП (Information and communication technology expenditure, % of GDP); (7) потребление электричества на душу населения в кВт/ч (Electric power consumption, kWh per capita); (8) плотность дорог в км дорог на 1 кв. км сухопутной территории (Road density, km of road per sq. Km of land area); (9) дороги с покрытием в процентах от общей протяженности дорог (Roads, paved, % of total roads); (10) общая протяженность дорожной сети в км (Roads, total network, km); (11) общая протяженность железнодорожных путей (Rail lines, total route-km).

Параметры, описывающие развитие сферы **науки и технологии**, включают в себя следующие: (1) расходы на НИОКР в процентах ВВП (RD expenditures, percent GDP); (2) исследователи в сфере НИОКР на 1 млн. человек населения (Researchers in RD per million people); (3)

технические работники в сфере НИОКР на 1 млн. человек (Technicians in RD per million people); (4) заявки на патенты, поданные нерезидентами (Patent applications, nonresidents); (5) заявки на патенты, поданные резидентами (Patent applications, residents). Следует обратить особое внимание на два последних параметра. Патенты (точнее, заявки на их получение) указывают, насколько интенсивно страна втянута в процессы НТР: патенты защищают интеллектуальную собственность, свидетельствуя об условиях развития страны. Большое число патентов резидентов говорит о благоприятных условиях для проведения научных изысканий и благоприятной экономической конъюнктуре. Преобладание заявок на патенты, поданных нерезидентами, говорит о том, что страна является по сути реципиентом экономических, технологических и научных достижений, будучи неспособной создать соответствующие условия для резидентов. Более подробное обоснование использования данных параметров (применительно к ограниченному числу стран) содержится в Разделе 2 «Группа быстроразвивающихся государств в структуре базы знаний «Мировая динамика и процессы развития». Однако отметим, что параметры, которым уделяется повышенное внимание при анализе данных второго уровня базы знаний, будут использованы для исследования более широкого круга государств и могут дать лучшее понимание процессов развития в мире.

Параметры, описывающие развития сфер образования и здравоохранения, включают в себя следующие: (1) общий размер государственных расходов на образование в процентах ВВП (Public spending on education, total, % of GDP); (2) общий размер государственных расходов на образование в процентах от общих расходов правительства (Public spending on education, total, % of government expenditure); (3) общий размер государственных расходов на здравоохранение в процентах ВВП (Health expenditure, public, % of GDP); (4) общий размер государственных расходов на образование в процентах от общих расходов правительства (Health expenditure, public, % of government expenditure).

Данные параметры характеризуют (довольно условно) уровень развития не только собственно сфер образования и здравоохранения, но и уровень развития человеческого потенциала. Ограничения, присущие

данным параметрам, вызваны тем, что они не учитывают размер населения страны, а также распределение расходов на образование и здравоохранение по разным социальным слоям.

Вместе с тем интересно сопоставить эти параметры, например, с ситуацией в финансировании государством образования в России.

Объем бюджетных ассигнований федерального бюджета на реализацию расходных обязательств по разделу «Образование» представлен в таблице:[1]

млрд. рублей

Наименование	2010 г.	2011 г.	2012 г.	2013 г.
Образование (без закрытых статей)	**386,4**	495,8	498,9	**501,2**
в том числе:				
Дошкольное образование	**4,0**	**4,6**	**5,0**	**4,8**
Общее образование	**5,0**	35,0	34,5	**29,7**
Начальное профессиональное образование	**3,2**	3,8	8,5	**8,5**
Среднее профессиональное образование	31,7	33,6	34,2	33,9
Профессиональная подготовка, переподготовка и повышение квалификации	4,9	5,8	5,8	5,6
Высшее и послевузовское профессиональное образование	**316,2**	365,4	364,1	**394,3**
Молодежная политика и оздоровление детей	0,6	0,8	1,0	0,8
Прикладные научные исследования в области образования	10,5	21,8	21,9	5,2
Другие вопросы в области образования	10,3	25,1	24,1	18,3

С 1 сентября 2011 г. предусмотрена индексация стипендиального фонда обучающихся в образовательных учреждениях на 6,5%. Объем бюджетных ассигнований на выплаты стипендий составит в 2011 году **42,1 млрд. рублей, в 2012–2013 годах – 43,9 млрд. рублей ежегодно**. Прорабатывается вопрос об индексации стипендиального фонда обучающихся в образовательных учреждениях на 9%.

Учитывая значимость подготовки высококвалифицированных специалистов с высшим профессиональным образованием для экономики страны, в 2011–2013 годах **предусматривается продолжение начатой в**

[1] Об итогах деятельности Министерства образования и науки Российской Федерации за 2010 года и задачах на 2011 г., с. 7, 20 марта 2011 г. / http://mon.gov.ru/press/news/8343/.

2010 году ежегодной дополнительной поддержки ведущих российских университетов в сумме 30,0 млрд. рублей, за счет которых предполагается осуществить поддержку инновационно активных вузов.

Подобное сопоставление интересно и в научной области

Объем средств федерального бюджета на науку гражданского назначения[1]

Наименование расходного обязательства	2010 г.	2011 го.		2012 г.		2013 г.	
		проект	% к предыдущ ему году	проект	% к предыдущ ему году	проект	% к предыдущ ему году
Всего	172,9	227,8	131,8	238,6	104,7	225,0	94,3
в том числе:							
Фундаментальные исследования	**78,2**	85,3	109,1	**82,7**	97,0	**82,8**	100,1
Прикладные научные исследования	**94,7**	142,5	150,5	**155,9**	109,4	**142,2**	91,2
кроме того:							
Имущественный взнос в государственную корпорацию «Российская корпорация нанотехнологий» и субсидии ЖКХ	1,3	25,3		40,7		0,3	

В целом институты развития науки и инновации финансируются весьма скромно, а их масштабы совершенно не соответствуют потребностям страны, хотя заметна и положительная динамика, о которой рапортует Минобрнауки: «Одним из эффективных инструментов реализации государственной научно-технической политики остаются федеральные целевые программы, которые реализуют полную инновационную цепочку: от ориентированных поисково-прикладных исследований через разработку технологий к коммерциализации инновационной продукции, включая формирование необходимой научной и инновационной инфраструктуры. ФЦП направлены на

[1] Об итогах деятельности Министерства образования и науки Российской Федерации за 2010 года и задачах на 2011 г., с. 7, 20 марта 2011 г. / http://mon.gov.ru/press/news/8343/.

проведение прорывных прикладных исследований и коммерциализацию их результатов.

Важнейшей из них, координируемой Минобрнауки России, является программа «Исследования и разработки по приоритетным направлениям развития научно-технологического комплекса России на 2007–2012 годы» (далее – ФЦП Исследования). **В 2010 году объем бюджетного финансирования НИОКР по ФЦП Исследования составил 6,62 млрд. рублей, выполнялось 490 контрактов, было привлечено средств внебюджетных источников в объеме более 3,5 млрд. рублей**.

По итогам реализации программы в 2010 году по ряду важнейших показателей программные значения **существенно превышены**:

– объем дополнительного производства новой и усовершенствованной высокотехнологичной продукции **за счет коммерциализации созданных передовых технологий составил 38,4 млрд. рублей при плане в 23–24 млрд. рублей**;

– дополнительный объем экспорта высокотехнологичной продукции соответственно **7,8 млрд. рублей против плановых 2–3,5 млрд. рублей**;

– количество разработанных конкурентоспособных технологий, предназначенных для коммерциализации соответственно **43 единицы против 20–21, предусмотренных программой»**[1].

[1] Об итогах деятельности Министерства образования и науки Российской Федерации за 2010 года и задачах на 2011 г., с. 7, 20 марта 2011 г. / http://mon.gov.ru/press/news/8343/.

Глава 3. Социальный человеческий потенциал: новая культурная революция?

«… глава государства … выступает со своей, конкурентной, концепцией развития страны. Смысл которой в том, что в этом деле должны участвовать все группы и слои»[1].

Г.Павловский

«… несостоятельность нынешней модели общества становится очевидной для самых различных слоев общества раньше, чем это можно было ожидать»[2].

К.Микульский, член-корр. РАН

Сходство России и Китая, их социальных систем и развития в новейшей истории, порой, поражает, а аналогии вызывают удивления. Так, китайские культурная революция 60-х годов прошлого века проходила через 20 лет после политической революции в Китае, в результате которой к власти пришла КПК. Эта же культурная революция выбрала своей главной целью образованный и культурный слой нации, «элиту знаний», которую частично уничтожила, а частично морально сломала[3].

Вот и в России, после политической революции 1991 года наступила «культурная революция», когда новая элита принялась уничтожать морально и экономически с оставшейся после социально-экономических потрясений «элитой знаний» – деятелями науки, культуры, образования, и их институтами, составляющими основу национального человеческого потенциала. И в России, как в свое время в Китае, появились хунвейбины (студенты) и цзаофани (новые пролетарии), которые стали преследовать «элиту знаний» и ее институты – академическую науку, искусство, образование, творческие союзы и т.п. Некоторые из этих революционеров даже стали видными чиновниками.

Напомню, что в свое время и первые, и вторые в Китае в конце концов передрались. Пришлось вмешаться армии, но до этого они нанесли страшный вред науке и образованию. Ожидает ли это Россию.

Удивительно, но противостояние «элиты знаний» правящей элите России стало отчетливо проявляться в 2011 году.

---

[1] *И.Родин*. Президент требует от правительства ускорения. – Независимая газета, 4 апреля 2011 г., с. 3.

[2] *К.И.Микульский*. Кризис российского авторитаризма. – Независимая газета, 6 апреля 2011 г., с. 5.

[3] См. подробнее: *Д.Косырев*. Китайский тридцать седьмой. – Известия, 16 мая 2011 г., с. 6.

Надо сказать, что под этими усилиями есть определенная фундаментальная основа – кризис либеральной идеологии и социального устройства. В том числе и в ведущих странах Европы. Как признает политолог П.Эскобар, «Необходимо переосмыслить общественное развитие в духе нового глобального общественного договора, что будет возможным после преодоления нынешней стадии позднего капитализма. И этот процесс должен включать в себя всех, каждой нации следует выделить место за столом в контексте нового механизма глобального регулирования»[1].

В связи с упразднением советской системы государственного управления, основанной на верховенстве партийных органов управления, **значительно возросла роль государственной службы в государственном управлении**. Однако в современных условиях эта роль выполняется неэффективно, так как государственный аппарат оказался не готов к осуществлению новых функций. Причинами неэффективности государственной службы чаще всего называют несовершенство законодательства, бюрократизм, коррупцию, обусловленную недостатками кадрового состава государственной службы, несоответствием норм и ценностей государственной службы новым требованиям. Сами государственные служащие указывают также на экономические проблемы, отсутствие должного финансирования, затянувшийся общий экономический кризис.

Однако «основной причиной неэффективности государственной службы является **ее неуправляемость, которая обусловлена отсутствием понимания сущности этого института, как в обществе, так и в научной среде. Государственная служба на протяжении всей своей истории не являлась самостоятельным субъектом управления, но в последние годы преобладающей становится та точка зрения, что именно этот институт является олицетворением государства, следовательно, именно государственные служащие должны осуществлять государственное управления**»[2].

---

[1] *П.Эскобар*. Европа – место гадкое. Специальное издание Русского института, 6 мая 2011 г. с. 7.

[2] *Е.А.Васильева*. Автореферат диссертации «Социальный потенциал государственной службы». С.-П., 2003, с. 1.

То, что Д.Медведев попытался включить общество в реализацию стратегии модернизации означает, что он, как минимум, понимает не просто важность этого ресурса развития, но и то, что без него стратегию не реализовать, что именно «невключенность» общества стала одной из основных причин провала Стратегии 2020. Другое дело, что только понимать это мало. Необходимо сделать эту стратегию понятной всему обществу, а не узкому кругу экспертов, уйти от абстракций и предложить мотивировку. Кроме того, создать или активно использовать те институты социального потенциала, которые могут провести подобную мобилизацию.

Сами по себе отдельные социальные слои и группы, не объединенные хотя бы отчасти организационно, мало, что могут позитивного. Любая работа – политическая, творческая, экономическая – требует организационного начала. Будь то партия, общественная организации или творческий союз или трудовой коллектив. Собственно они, активизация их деятельности, должны стать целью если, конечно, президент не только понимает значение отдельных социальных слоев, но и хочет их активности[1].

Принято считать, что средний класс и сконцентрированный преимущественно в нем социальный человеческий потенциал, работают исключительно на развитие и внутриполитическую стабильность. Этому расхожему заблуждению посвящено немало работ и заявлений публичных политиков в современной России.

С этим можно согласиться с существенной оговоркой: действительно, креатинвые слои являются современным двигателем социально-экономического развития (в развитых странах они обеспечивают до 85–90% прироста экономики знаний), но только в том случае, когда они находят возможности для самореализации. Тогда же, когда такой возможности у них нет, средний класс, креатиные слои становятся, как показывает международная практика, главным двигателем социальных революций. По двум основным причинам.

Во-первых, потому, что это наиболее дееспособная часть общества, обладающая реальным потенциалом влияния. Это позволило заявить некоторым экспертам: «… **можно констатировать, что общественное**

1

мнение существует, что оно заставляет нас действовать и ни одна разумная власть не откажется от сотрудничества с этим общественным мнением. В противном случае власть может просто прекратить свое существование. Недавний пример – это попытка ряда депутатов Государственной думы провести законопроект, позволяющий призывать студентов на военную службу. После шумихи, поднятой «партией Сети», злосчастные депутаты тут же покаялись, заявив, что они имели в виду совсем иное»[1].

Во-вторых, потому, что она в наибольшей степени способна освоить Интернет, современные системы коммуникаций и создать сетевые структуры. Как метко заметил один из руководителей «Единой России» депутат Госдумы О.Морозов, «В то же время нельзя не замечать усиление протестных настроений, которые сами по себе перерасти в охлореволюцию не могут, но создают для этого питательную среду. Также нельзя не замечать и активизацию сторонников уличной демократии. Они, по разным причинам, не видят себя в ряду системных оппозиционных сил, и поэтому ищут свой единственный политический шанс в реализации силового сценария смены власти в стране.

Отсюда ключевой вывод: **охлореволюция возможна в России только как продукт систематического и осознанного стимулирования общественного недовольства, информационного манипулирования людьми, подбрасывания им ложных целей и ориентиров, целенаправленного создания очагов социального напряжения в крупных городах и той социально-демографической среде, которая наиболее подвержена психологической и информационной обработке**.

Охлореволюция в России может также стать результатом дистанционного управления, но в отличие от арабского мира, где субъектом внешнего воздействия были преимущественно неорганизованные массы людей, у нас уже сформированы и активно действуют структуры, **готовые воспринять импульсы этого внешнего**

[1] *Д.Муратов*. Надежды на Медведева оправдались. – Специальное издание Русского института, 6 мая 2011 г., с. 4.

воздействия. И эту угрозу общественной стабильности нельзя не замечать»[2].

Эти обстоятельства ставят совершенно по-новому проблему эффективности использования социального потенциала НЧП, переводят ее из плоскости неумения использовать в плоскость **предотвращения негативных последствий** самореализации активных слоев населения. **Ресурс развития превращается в ресурс разрушения**. Причем стремительно, когда негативная динамика измеряется месяцами, а не годами. Здесь уже речь идет о реализации планов модернизации, возможно, в условиях социальной и внутриполитической нестабильности. Даже при вполне комфортных международных условиях и ценах на углеводороды.

Указанные выше обстоятельства в очередной раз доказывают ошибки власти, игнорирующей значение НЧК вообще и социального потенциала, в частности. Повторю эти ошибки снова:

1. Стратегия 2020 и идеи модернизации не могут быть идеологией, на чем настаивает фактически правящая элита. Они должны быть производными от такой идеологии. Поэтому необходимо сформулировать внятную и устойчивую идеологическую систему взглядов, когда давались бы конкретные ответы на вполне конкретные ответы на вполне конкретные политико-идеологические вопросы, а не избегать формулировок, а тем более ответов на такие вопросы.

2. Прежде всего необходимо четко определиться с объективными реалиями – национальными интересами и ценностями, – и не допускать их вольного и чрезвычайно широкого толкования. Осознание элитой этих реалий трансформируется в политические, экономические и иные цели и задачи, которые должны носить не абстрактный, а вполне конкретный характер.

3. Для достижения внятных целей необходимо еще раз вернуться к приоритетам в распределении национальных ресурсов. Как материальных (чем с удовольствием занимаются), так и не материальных (о которых забили напрочь).

---

[2] *О.Морозов*. Охлореволюция. Возможна ли она в России. – Российская газета, 25 марта 2011 г., с. 17.

Необходима мобилизация и эффективное использование всех национальных ресурсов, включая творческие, интеллектуальные, духовные и иные.

Соотношение целей и ресурсов, их взаимодействие и есть стратегия национального развития.

4. Стратегия модернизации – часть общей национальной стратегии развития, а не наоборот. Если модернизация и дальше будет навязываться нации в качестве национальной стратегии развития (а этот процесс сопровождается нередко бессмысленно – абстрактными целями или неоправданными технологизмами), то ножницы между пониманием стратегии элитой и обществом будут все больше, а в конечном счете приведут к окончательному отрыву элиты от нации.

Уже сегодня этот отрыв – идеологический, социальный, экономический и нравственный – колоссальный, недопустимый. Но он может вырасти еще больше, если не удастся привести к общему знаменателю цели и задачи элиты и общества. Вплоть до полного разрыва, который неминуемо будет означать революцию. Все это требует смены курса, достижения нового консенсуса на основе левых и патриотических идей. Как справедливо заметил профессор МГИМО(У) А.Богатуров, «**В конце 1990-х годов утверждение в России идеологии и политики правого центра было огромным шагом вперед, поскольку оно обеспечило широкий общественный консенсус по двум ключевым вопросам: укрепление территориального единства страны и упорядочение хода радикальных рыночных реформ за счет частичного расширения регулирующих функций государства.** Личность безоговорочно привлекательного в ту пору нового молодого лидера цементировала этот компромисс эмоционально и психологически. **Сегодня такой консенсус перестал существовать**. Положение дел свидетельствует об исчерпанности компромисса рубежа 2000-х годов и на элитном, и, что самое главное, на широком общественном уровне. **Налицо кризис политики и идеологии правого центра**»[1].

К сожалению, вопреки очевидным аргументам в деятельности правящей элиты усиливаются либеральные тенденции. Речь идет как об

[1] *А.Богатуров*. Кризис политики правого центра. – Независимая газета, 22 марта 2011 г., с. 11.

интеллектуальной, так и о политической консолидации либеральной элиты и ее влияния на стратегический. Эта проблема ставится в плоскость реальной ситуации в России, как требование «обновления элиты». «Причем не только в политике, но и в руководстве»[1].

[1] *Н.Костенко* и др. Игоря Шувалова ведут направо. – Ведомости, 25 марта 2011 г., с. 1.

3.1. «Скачок» как часть идеологии русского социализма

«Прения, вероятно, разъяснили бы многое, но тут, как пишут провинциальные репортеры, «Дамоклов меч рассек Гордеев узел». Оставалось взять шапки и пойти домой»[1].

П.Перцов, русский журналист

«Человеческий потенциал … – превратился в ведущий фактор развития, в решающей мере определяющий темпы экономического роста .., а в целом – будущее политическое, экономическое и военное могущество государств»[2].

А.Подберезкин

К 2011 году необходимость общенациональной дискуссии относительно развития России, ее стратегии, – стала очевидной. Но только не для всей правящей элиты, навязавшей обществу и науке свои представления о российской и международной действительности. И будущем страны. «**От правящей элиты в ее нынешнем составе было бы напрасно ожидать кардинальных реформ**. Для многих ее представителей критика в адрес системы (вплоть до признания факта криминализации государства) отражает прежде всего стремление в какой-то мере словесно отмежеваться от нее на случай политического кризиса, появления и усиления влиятельных реформаторских сил. **Дело в том, что в элите появляются сомнения в отношении способности нынешней власти предотвратить такое развитие. Но реформаторские настроения в элите очень слабы.** Ее сопротивление реформам будет скорее нарастать, чем ослабевать. Вероятность превентивных репрессивных мер со стороны государства достаточно велика. **Ведь элита может слишком много потерять даже от поверхностных реформ**. Правда, для нее возможности не реагировать ни на объективную необходимость реформирования системы, ни на тенденцию к усилению социальной напряженности не столь очевидны, как это было еще совсем недавно.

До сих пор главная черта ситуации в стране заключается не в сопротивлении общества системе, а в развертывающихся процессах ее саморазрушения, более того – процессах разложения всего общества вследствие пагубного влияния системы. Причем очевидно, что процесс разложения даже не тормозится властью, он **выходит из-под ее**

---

[1] *П.Перцов*. Из газетных отчетов. В кн.: Религиозно-философское общество в Санкт-Петербурге (Петергофе). М., Русский путь, т. I, 2009 г., с. 369.

[2] *А.Подберезкин*. Социалистический манифест. М., 2004 г., с. 4.

контроля, ускоряется и разрастается. Поведение подавляющего большинства правящей элиты, несмотря на появление у нее тревожных настроений, по-прежнему практически **полностью определяется ее всепоглощающей заинтересованностью в сохранении своей независимости от общества, продолжении произвола, подавлении любых посягательств на основы существующей общественной модели**»[1] – справедливо считает член-корреспондент РАН К.И.Микульский.

Долгосрочная национальная стратегия необходима при всех обстоятельствах и во всяких условиях. Причем в условиях кризиса, когда ресурсов становится меньше, а форс-мажорных обстоятельств больше, – особенно. Еще важнее иметь долгосрочную стратегию после кризиса, когда существенно изменились условия, в которых эту стратегию приходится реализовывать. Причем не только экономические, но и политические, социальные, научно-технические, международные. В 2011 году не только Россия, но и весь мир столкнулись с новыми, посткризисными реалиями. Эти обстоятельства стали объективной причиной для возникновения дискуссии о Стратегии 2020 в начале 2011 года, которая приобретала все более острые формы.

Есть и другие обстоятельства. Например, политические, приближающиеся выборы в Госдуму и президента России. Или социальные – очевидная нарастающая социальная несправедливость, сложившаяся в российском обществе, рост цен и падение уровня жизни. Все это привело к падению доверия к власти и ее лидерами, которое во многом определялось недоверием к политическому курсу элиты. В марте 2011 года, например, 40% против 23% граждан заявили, что «не верят в способность правительства добиться в ближайшее время позитивных изменений в стране», а в целом доля позитивных оценок, по мнению социологов, снизилась до рекордно низкого уровня за 5 лет.

Не верят в своем большинстве граждане и абстрактным идеалам модернизации, а значит политическому руководству, превозносившему модернизацию в качестве своей идеологии. Что крайне опасно. Власть стала стремительно терять социальную опору, которую сформировала в

[1] *К.И.Микульский*. Кризис российского авторитаризма. – Независимая газета, 6 апреля 2011 г., с. 5.

первом десятилетии нового столетия. В марте 2011 года 42% против 40% россиян полагало, что страна движется в неверном направлении[1].

Одобрение деятельности правительства в целом (в %)

	янв. 2010	февр. 2010	март 2010	апр. 2010	май 2010	июнь 2010	июль 2010	авг. 2010	сент. 2010	окт. 2010	нояб. 2010	дек. 2010	янв. 2011	февр. 2011	март 2011
Одобряю	54	54	54	53	56	53	52	52	51	55	52	54	50	49	48
Не одобряю	43	44	42	43	41	44	45	45	45	41	45	43	47	49	49

Источник: Левада-Центр

Сможет ли нынешнее правительство в ближайшее время добиться изменения положения в стране к лучшему (в %)

	июнь 2009	март 2010	авг. 2010	сент. 2010	окт. 2010	нояб. 2010	дек. 2010	янв. 2011	февр. 2011	март 2011
Сможет*	26	34	27	26	29	32	30	31	25	23
Не сможет**	36	27	33	31	29	32	27	34	34	40

* определенно да / скорее да;
** скорее нет / определенно нет.

Источник: Левада-Центр

Налицо, таким образом, очевидный кризис доверия, который создает реальные предпосылки для организованных социальных протестов и существенно дестабилизирует внутриполитическую ситуацию.

Но это еще и кризис доверия к программам модернизации, предложенным властью, и, конечно же, отсутствию значимых результатов в реализации таких программ.

Но, на мой взгляд, самые тревожные симптомы проявились в декабре 2010 года в связи с выступлениями молодежи на Манежной площади и в других городах России, которые продемонстрировали, что национальные чувства русских не просто ущемлены, но и готовы вырваться наружу. Во многом это стало следствием падения доверия к В.Путину и Д.Медведеву, которые перестали в глазах значительной части общества отражать национальные интересы страны. Примечательно, что общественное мнение редко разделилось в марте по вопросу о бомбардировке Ливии: абсолютное большинство, поддержало критику В.Путина и, наоборот, отказало в поддержке Д.Медведеву.

[1] *А.Башкатова, М,Сергеев*. Абстрактная модернизация не вызывает доверия. – Независимая газета, 25 марта 2011 г., с. 1, 4.

Провал в 2008–2011 годах Стратегии 2020, безусловно, добавил свою порцию негатива. Фактически была дискредитирована вся стратегия модернизации, провозглашенная В.Путиным еще в 2005 году. На мой взгляд, прежде всего из-за неверно выбранных в стратегии целей и приоритетов развития, не вполне адекватного понимания национальных интересов и ценностей, а также – что особенно важно – неправильного распределения национальных ресурсов.

В 90-ые и последующие годы я неоднократно подчеркивал, что идея опережающего развития, а тем более – скачка – России может основываться только на концепции развития человеческого потенциала[1]. А та, в свою очередь, на новой социальной идеологии, которая должна не просто сменить набор неолиберальных идей, но и выступать **базой для стратегии опережающего развития страны**. Но власти эта дискуссия была не нужна. Ей нужны были «конкретные» программы, которые в конечном счете заканчивались … конкретными негативными результатами. Обществу, как говорится, оставалось «взять шапку и пойти домой». Но удивительно, что стратегия модернизации не получила общественной поддержки, осталась формальным документом части элиты с абстрактными целями и в конечном итоге негативными результатами.

Без стратегии опережающего развития, естественно вытекающей из устойчивость системы взглядов, любая политика обречена на шараханье, смену ориентиров, принятые противоречивых решений и прочую сумятицу. Особенно, когда возникают непредвиденные обстоятельства. Такие, например, как мировой кризис 2008–2010 годов, который для России оказался самым тяжелым не только из-за ее отсталой экономической структуры, но и **из-за отсутствия внятной и обязательной к выполнению стратегии и идеологии развития**. Фактически в стратегии отсутствовали и другие важнейшие элементы – долгосрочный и качественный прогноз (который заменила экстраполяция) и стратегическое планирование. Как справедливо признает уже в 2011 году В.Н.Расторгуев, «Еще лет **20 назад в нашей стране долгосрочное планирование почти полностью отсутствовало как в сфере государственной политики, так и в области бизнеса, а**

[1] См., например: *А.Подберезкин*. Человеческий капитал. М., Европа, 2007 г.

сама идея планирования воспринималась многими политиками и экономистами как атавизм советской политической системы. Результаты – постоянно ускорявшаяся динамика распада страны и ставка на «короткие деньги». Разумеется, современная генерация ведущих политиков работает в режиме плотного и даже **сверхплотного графика планирования**: «политические часы» настроили, наконец, и они предсказывают не только ближайшие события, но и траектории передвижения звезд первой величины и прочих «политических тел» на годы и десятилетия вперед. Появился и первый опыт создания рукотворных сверхновых событий, способных изменить ход политического времени. **Однако сама сердцевина планирования – долгосрочная и сверхдолгосрочная стратегия развития, – пустует, как и прежде**»[1].

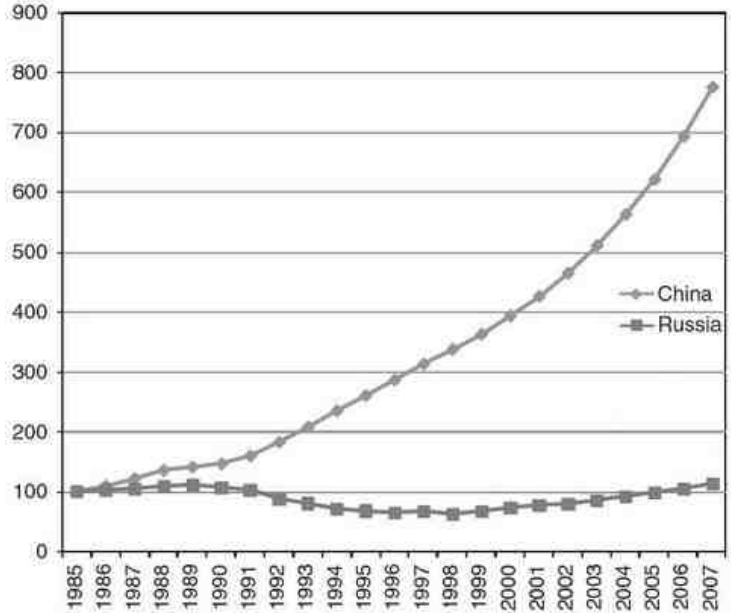
В определенном смысле Россия в 2011 году оказалась перед таким же выбором стратегии развития, как и СССР в конце 80-х годов. Сегодня, можно сказать, что выбор М.Горбачева был сделан крайне неудачно, хотя даже в наши дни, когда катастрофичный результат известен, сторонники «шоковой терапии» так не считают. Опыт китайских реформ, на мой взгляд, однозначно свидетельствует об этой ошибке, которую важно не повторить сегодня. Кстати, также считают и некоторые авторитетные западные экономисты «Постепенный переход от плановой системы к рыночной, успешно осуществленный в Китае, был в принципе возможен и в СССР, и только ошибки тогдашнего руководства привели к тому, что эта возможность осталась нереализованной, считает экономист ICSEAD Назрул Ислам (Nazrul Islam)».

«Результаты пост-реформенного развития России не могут не вызывать разочарования, – продолжает Н.Ислам, – особенно на фоне очевидных успехов Китая (см. рис.). Так что вопрос об общей оценке эффективности проведенной в России шоковой терапии требует дальнейшего изучения. Многие экономисты сегодня изменили свой взгляд на шоковую терапию и не склонны высоко оценивать возможности такой формы преобразований. Джеффри Сакс, один из основоположников так называемой гипотезы Сакса-Ву (Sachs-Woo

[1] *В.Н.Расторгуев*. Политическое планирование в условиях «водного голода». – Вестник МГИМО (У), № 1 (16), 2011 г., с. 7.

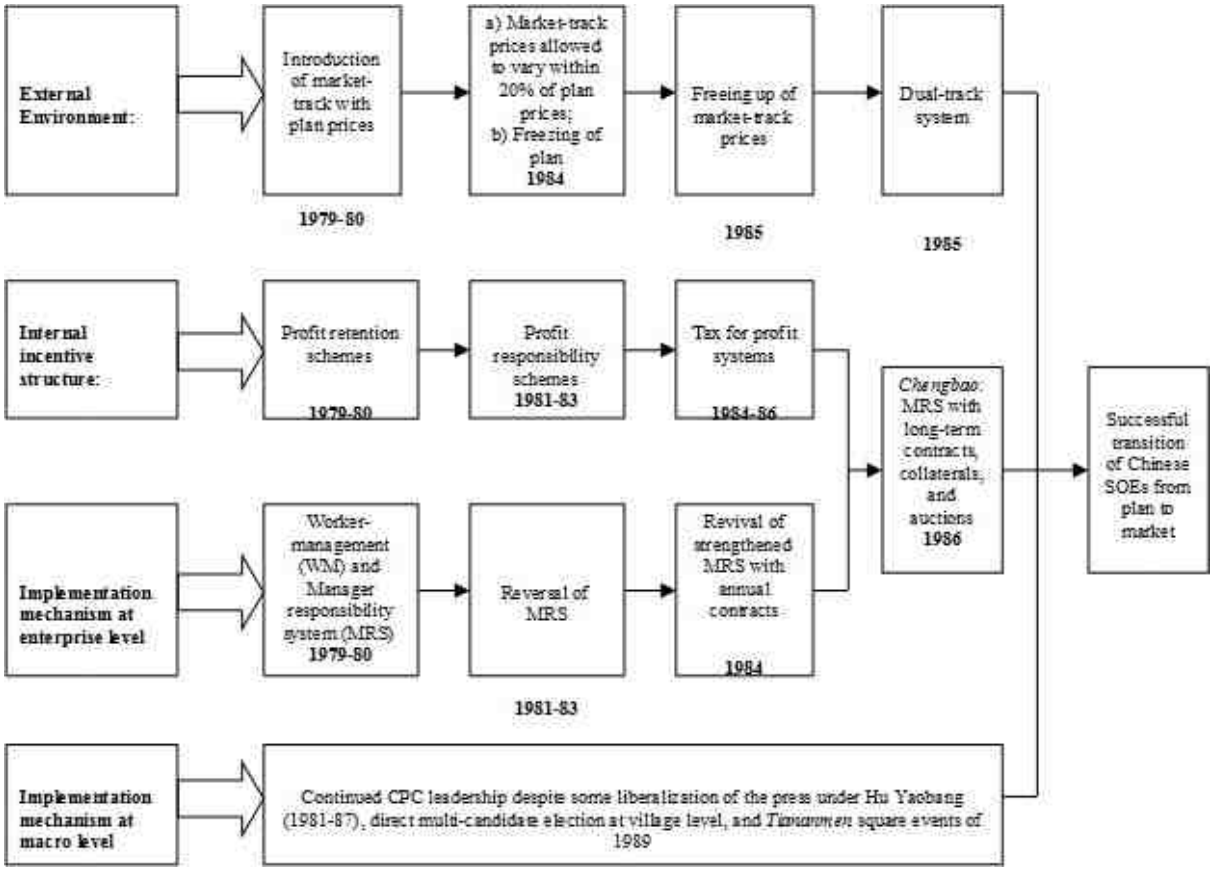
hypothesis), напротив, по-прежнему придерживается той же точки зрения. Сакс является одним из главных теоретиков Шоковой Терапии, принимавшем участие в ее разработке и внедрении в России»«[1].

Уровни ВВП России и Китая в 1985-2007 гг. (ВВП 1985 = 100)

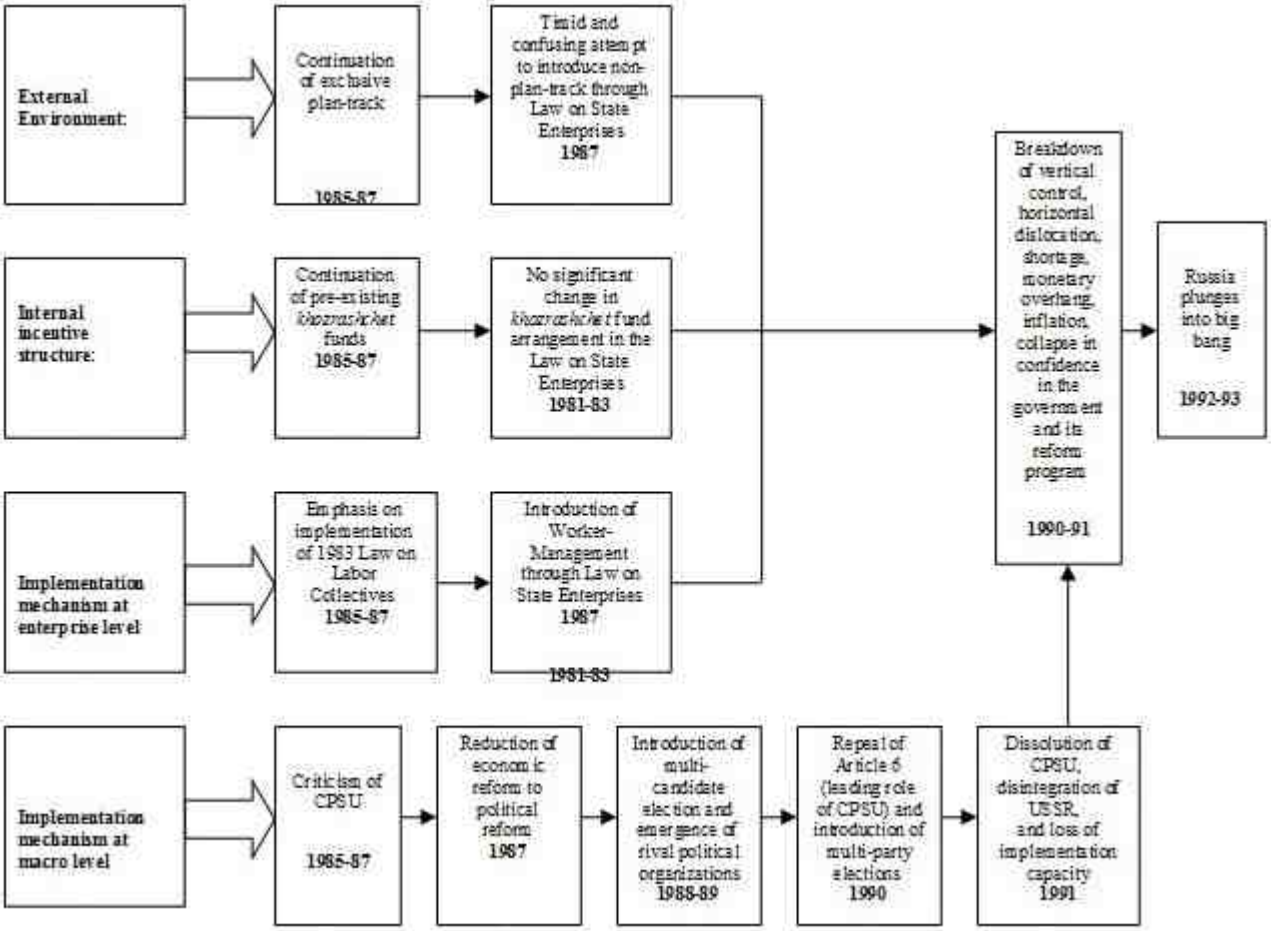


[1] *Назрул Ислам (Nazrul Islam)*. Возможен ли был китайский путь для СССР (The International Center for the Study of East Asian Development (ICSEAD, Kitakyushu, Japan)). Перевод Ан.Астаховой. Цит. по: http://www.opec.ru/1348593.

Реформа госпредприятий в Китае



Реформа госпредприятий в СССР



«То есть различные результаты преобразований связаны именно с различиями в проводимой политике, а не предопределены исходными объективными обстоятельствами. Иными словами, судьба преобразований определена позициями политических лидеров двух стран. Если Китай при Дэн Сяопине был осторожен и прагматичен в своих преобразованиях, то советский лидер Михаил Горбачев показал крайне поверхностное понимание экономики и политики»[1].

«Таким образом, нет никаких доказательств того, что китайский путь для СССР был в принципе невозможен. Нельзя исключать, что при взвешенном дальновидном руководстве СССР также мог пойти по пути постепенных реформ. Вопрос, почему КПСС, более старая и очевидно более искушенная партия проиграла, в то время как КПК, более молодая

[1] *Назрул Ислам (Nazrul Islam)*. Возможен ли был китайский путь для СССР (The International Center for the Study of East Asian Development (ICSEAD, Kitakyushu, Japan)). Перевод Ан.Астаховой. Цит. по: http://www.opec.ru/1348593.

партия, добилась успеха, требует дальнейшего изучения. Но собственно гипотеза Сакса-Ву, как показывают результаты сравнения – ошибочна»[1].

Опыт «китайского социализма» сегодня говорит в пользу принятия Россией модели «русского социализма» в качестве механизма проведения социальной и экономической модернизации, хотя дискуссии 2010–2011 годов показывают, что, похоже, мы опять повторяли горбачевскую ошибку, «наступая на те же грабли».

В итоге за 2008–2010 годы произошел не скачок, и даже не развитие, а глубокий провал в российской экономике, всей инновационной политике и, что еще хуже, – кризис социального потенциала – ослабление и ликвидация множества общественных, частных, научных и культурно-духовных институтов. Как справедливо признала О.Дмитриева, «Накануне кризиса в 2008 году мы достигли объема ВВП 1990 года, по прогнозу к середине 2012 года мы снова достигнем объема 2008 года, а, следовательно, и 1990 года. Мы не то, что США, Португалию или Бразилию не можем догнать. Мы самих себя двадцатилетней давности не можем догнать. Как известно, одна часть мира развивается по траектории рост – кризис – рост; другая (Индия, Китай) по траектории рост – рост; а мы – застой – кризис – застой. Такая траектория угрожает национальной безопасности нашей страны. **… у Правительства нет ни стратегии, ни тактики, ни системы мер по выходу из кризиса через модернизацию и инновационное развитие**»[2].

Хочу подчеркнуть три важных обстоятельства.

Первое. Если для развитых стран привычная система ценностей вполне может (и даже стала) основой развития человеческого потенциала, то для России возврат к либерализму означает только одно: выбор заведомо более длинного, сложного и ложного пути повторения опыта развитых стран, которые в последние полвека социализировали либерализм до неузнаваемости.

---

[1] *Назрул Ислам (Nazrul Islam)*. Возможен ли был китайский путь для СССР (The International Center for the Study of East Asian Development (ICSEAD, Kitakyushu, Japan)). Перевод Ан.Астаховой. Цит. по: http://www.opec.ru/1348593.

[2] *О.Дмитриева*. Из кризиса мы выходим еще более сырьевой страной, чем в него вошли. 27.12.2010. / Эл. СМИ / www.viperson.ru.

Но именно такой возврат к идеологии и стратегии либерализма произошел в России в последние годы. Те же идеи, те же люди, та же практика, естественно, – те же результаты.

Второе. Выбор новой социальной (по-существу, – социалистической) идеологии и модели означает для нынешней России появление стратегии развития, легитимизацию возвращения государства в экономику и общественно-политическую жизнь, из которых оно почему-то ушло в 90-ые годы, ставку на НЧП.

Кризис 2008–2010 годов показал развитым странам необходимость такого возвращения. Для России, сделавшей социалистический выбор, такое возвращение безболезненно, а стратегия – естественна. Более того, накопленный советский опыт, сделает такое возвращение более эффективным.

Против этого, естественно, выступают отечественные и зарубежные либералы. Так, например, С.Гуриев и О.Цывинский писали в марте 2011 года: «Стратегия развития, которая не делает ставку на слишком жесткое регулирование, действительно характеризуется более частыми системными кризисами – но и более высокими средними темпами роста»[1].

Этому была посвящена и специальная работа ИНСОРа «Обретение будущего», где, в частности, говорится: «отказ от неконституционных практик «управления» демократией; тотальное возвращение института выборов на всех этажах политической системы; отделение представительной и судебной власти от исполнительной; установление режима политической и коммуникативной свободы с помощью интенсивного развития институтов прямой демократии и гражданского общества»[2].

Третье. Выбор в качестве оптимальной модели развития социалистической модели означает не только появление реальной стратегии, но и возвращение к национальной традиции и ценностям отказ от которых в 90-е годы привел к дезорганизации общества как

---

[1] *С.Гуриев, О.Цывинский*. Без кризиса нет роста. – Ведомости, 15 марта 2011 г., с. 4.

[2] *А.Самарина*. Либеральный конспект – 2012. – Независимая газета, 16 марта 2011 г., с. 1.

потенциала развития, породил коррупцию и другие дикие явления, резко ослабил социальный потенциал.

В отличие от стабилизации или количественного роста ВВП развитие экономики и общества предполагает уже изначально **некую идеологию**, а также стратегию, опирающихся на более широкие категории. Кроме чисто экономических и макроэкономических аспектов идеология и стратегия развития включает в себя главное – **цель** развития, **стратегию** развития, а также **план** развития. Кроме того, стратегия выполняет еще одну функцию. Она распределяет ресурсы в соответствии с приоритетами. Как показал кризис 2008–2010 годов, именно этого России и не хватало: ресурсы распределялись субъективно, ситуационно. Это – прямое следствие отсутствия стратегии.

Причем стратегии политической, а не макроэкономической, стратегии, требующей **политических решений**. Как справедливо заметил директор Института экономики РАН Р.Гринберг, «Результаты наших реформ не заслуживают иного обозначения **кроме «позорных»** уже потому, что они породили огромное число бедных, но работающих россиян, – и это после того, как в XX веке Россия помогла Западу стать социальным и Китаю – промышленным, утратив при этом собственные социальность и промышленность. Вывод очевиден – необходим **новый механизм перераспределения доходов. Но это требует политического решения»**[1].

Перефразируя его статью, я бы сказал, что «Экономика находится в руках **не тех** политиков». Отсюда и многие беду: финансовые власти в России с начала 90-х годов стали политической властью. Более того, фактически отстранили ее от реальной власти, сделали ее декорацией. Это относится не только к Федеральному Собранию РФ, но и многим институтам исполнительной власти, региональным властям и даже президентской власти.

Действительно, в отсутствии внятной идеологии и стратегии, решения принимаются финансовыми властями и очень узкой группой финансистов и экспертов. Часто, почти всегда, во вред нации. Это относится прежде всего к НЧП и его важной составляющей –

[1] *Р.Гринберг*. Экономика в руках политиков. – Известия, 25 февраля 2011 г., с. 4.

социальному потенциалу, – который вообще «вышел» из внимания финансовых властей.

Следует оговориться, что формально может быть и план экономического и социального роста. Но этот план (как показывает Концепция социально-экономического развития 2020) – понятие условное: в нем нет ясных заданных политических параметров, исходящих из политических и идеологических установок. Он скорее представляет собой очередную макроэкономическую экстраполяцию, которая разваливается сразу же после принятия. Не более того.

Это, на самом деле, большая, даже принципиальная, ошибка политической власти. В XXI веке большинство проблем, в т.ч. социально-экономических, уже не могут быть решены только экономическими мерами. Огромное даже приоритетное значение приобретает человеческий фактор, моральный потенциал нации, без учета которого в развитых странах не принимаются финансовые решения. Так, по оценке Минобразования России, в ближайшие 10 лет около 80% используемых сегодня технологий устареет, а образование десятилетней давности будут иметь 80% работников[1]. Это же означает, что ситуация в мире через десть лет радикально изменится. Она потребует новых людей, знаний, технологий.

«Рывок», как социальный, так и экономический, должен предусматривать, даже исходить из этого неизбежного развития событий. Другими словами, сегодня, формируя стратегию развития, мы должны изначально формулировать задачу такого национального развития которое необходимо будет соответствовать новым требованиям 2020–25 годов: новой социальной структуре, новой экономике, новым технологиям, вероятно, новым политическим реалиям.

И кризис 2008–2010 годов это показал. Там, где правительства сохраняли свою социальную политику, им удавалось стабилизировать экономическую ситуацию. Там, где нет, как это было в Ирландии, Греции и Северной Африке – происходили смены правительств и революции. Это – ресурс развития, который нужно задействовать. Для того чтобы это произошло, нужна **идеологическая система**, лежащая в основе стратегии развития, где собственно экономические меры могут стать **лишь частью**

[1] *М.Григорьева*. Обучение non-stop. – Российская газета, 3 марта 2011 г., с. 14.

мер по реализации стратегии. Другими словами экономическая политика должна стать **элементом системы**, которой может быть только идеология. Причем эта идеологическая система должна основываться на нравственных началах, базовых национальных ценностях. На том, чего не было в 90-ые годы. Среди таких базовых ценностей – развитие НЧП и, прежде всего, его нравственно-духовной части социальной составляющей. Мы все чаще говорим о том, что в своем развитии человечество зашло в тупик. И Россия, выбирая модель развития, должна учитывать это. Нужны самоограничения, даже аскеза. «Человечество нужно менять парадигму развития. Сейчас идол всех правительств рост ВВП. В идеале он мыслится как крутая кривая, уходящая в бесконечность. Куда, зачем, нужно ли столько?[1] – справедливо задается вопросом Е.Арсюхин.

Действительно, а нужен ли нам вообще такой рост ВВП как цель Стратегии развития? Я, лично, уверен, что нет. Быстрый рост ВВП России в его нынешнем виде это разбазаривание природных богатств нации, которые далеко не безграничны. По разным оценкам их хватит на 40–60 лет, а что потом? Да и нужна ли русской нации такая модель развития, к которой нас толкает либеральная идеология и общество потребления, вообще? Сильно сомневаюсь, даже с учетом понимания реальности того, что сразу отказаться от этой модели, куда нас втянули, мы не сможем. «Общество потребления не имеет будущего. Вы можете удалить жажду морской водой? То-то. Не имеет будущего и общество, у особей которого хорошо развиты только челюсти и мышцы лица»[2], – пишет П.Демидов. И с этим выводом сегодня все больше и больше соглашаются. Тогда зачем нам изначально разрабатывать Стратегию развития нации (и даже ее укрепленную социально-экономическую модель), если мы знаем уже сегодня, что у этого общества нет будущего? Не разумнее будет ли предложить такую Стратегию нации, у которой будет будущее для общества?

Этот вывод предполагает необходимость совершения качественного скачка в понимании российской элитой того, **какое общество нам нужно**, а только потом, какая экономика нужна этому обществу. Только

[1] *Е.Арсюхин*. Зеленый тупик. – Известия, 23 марта 2011 г., с. 7.
[2] *П.Демидов*. Дух и брюхо. – Известия, 23 марта 2011 г., с. 6.

ответив на эти вопросы, мы можем разрабатывать стратегию социально-экономического развития. Ответы, заведомо упрощающие, даже вульгаризирующие эти представления, такие, как «технологическое общество», «экономика знаний» и т.д. – не принимаются, ибо это ответы на вопросы более низкого порядка, а именно – какая экономика нужна этому обществу. «С началом 2000-х годов страна вступила в новую эпоху. **Этот период характеризуется резким возрастанием уровня потребления. Средняя зарплата россиянина с 2000 года по 2010-й выросла с 82 до 711 долл.** (данные сайта www.ороссии.com), то есть почти на порядок. Это привело к качественным изменениям в сфере потребления. Резко развилась сфера торговли, появились супермаркеты с полными полками товаров. Понятие дефицита как таковое исчезло. После талонной системы 80-х и бедности 90-х обилие товаров стало настоящим психологическим шоком. Появились такие товары, каких никогда раньше не было, – микроволновки, импортные стиральные машины, мобильные телефоны, компьютеры, иностранные автомобили, качественные материалы для ремонта и т.д. Легко стало ездить на отдых за границу. Качественно и количественно развился шоу-бизнес, появилось множество увеселительных заведений. Жизнь неожиданно стала многомерной и интересной. В ней открылся новый смысл – стараться добыть побольше разных благ новой цивилизации. Существование снова стало осмысленным, народ все воспринял должным образом, общество на этой основе сплотилось и опять стало стабильным»[1].

[1] *С.Дзюба*. Особенности национальной идеи. – Независимая газета, 23 марта 2011 г., с. 5.

3.2. «Сбережение нации» как главная цель развития

«Вся история России – это история разных сменяющих друг друга авторитарных режимов»[1].

Д.Фурман

«… верность религиозному выбору … призвана была … обеспечить преемственность национальной идентичности русского народа, а вместе с этим и основу для его последующего самобытного исторического развития»[2].

Ан.Торкунов,
ректор МГИМО(У)

«Сбереженение нации» - не только узко демографическая задача. Ее нужно рассматривать шире - на уровне всего НЧП. При этом, принципиально важно, чтобы в процессе целеполагания была выделена главная цель, основной приоритет, которому так или иначе подчинены другие цели и задачи национального развития. Такой очевидный приоритет – сохранение национальной идентичности и развитие, в т.ч. рост любой нации. И первое, и второе возможно при обязательном условии: на определенной территории нация должна, как минимум, физически существовать, т.е. демографическое условие сохранения и развития НЧП выступает в качестве главного.

Базовой национальной ценностью является сбережение нации, в основе которого лежит позитивная демографическая динамика. Сегодня «забывают», что в самый обвальный период депопуляции – 1993–2000 годы – было приложено немало усилий, для того, чтобы обосновать «естественную» динамику катастрофы, т.е. у этого демографического феномена была вполне **определенная идеологическая составляющая**. Парадоксально, но существует совпадение по годам **ослабления идеологической составляющей и демографической**. На мой взгляд, есть закономерность, связанная с тем, что развитие **НЧП так или иначе прямо коррелирует с идеологической мотивацией**. Это видно, например, на рисунке, подготовленном экспертами ПРООН,

---

[1] *Д.Фурман*. Люди боятся демократии. – Специальное издание Русского института, 6 мая 2011 г., с. 8.

[2] *А.Торкунов*. Внешняя политика Александра Невского: цели, принципы, направления. В кн.: *Ан.Торкунов*. По дороге в будущее / ред.-сост. А.В.Мальгин, А.Л.Чечевишников. М.: Аспект-Пресс, 2010 г., с. 170.

описывающем нетто – коэффициент, на котором я отметил «идеологические» этапы[3].

Как видно из графика, оптимизм, связанный с приходом к власти М.Горбачева, креативность и энергия нации в 1986–1988 годы привели к росту надежд и рождаемости. Снижению смертности. Провал этих надежд, преступные реформы 90-х годов – к резкому снижению рождаемости и росту смертности. Стабилизация 2000-х тысячных, – к подъему рождаемости, который в 2010 году вылился в нулевой прирост населения. Это вряд ли можно назвать победой, но, безусловно, позитивной тенденцией отметить надо.

1 этап – «хрущевский энтузиазм».

2 этап – «брежневский застой».

3 этап – «горбачевский подъем».

4 этап – «либеральный обвал».

5 этап – «неуверенная надежда».

Как видно также из графики, социальные надежды и политика последних лет привели к некоторому изменению в негативной тенденции депопуляции, но стратегически ситуация не изменилась. В противном случае кривая, пусть медленно, но постепенно шла бы вверх. Это

[3] Доклад о развитии человеческого потенциала в Российской Федерации 2008. Россия перед лицом демографических вызовов. М., 2009 г., с. 19.

означает, что у политической власти нет стратегии, ведь главный результат ее работы – демографический – колеблется в зависимости от различных факторов.

Стратегия, основанная на идеологических ценностях и национальных интересах, прежде всего демографическом развитии, – отсутствует. Вместо таких ценностей обществу продолжают навязывать искусственно созданную систему либеральных ценностей, не замечая (или делая вид), что она раз за разом ведет к провалу. Как и придуманные на ее основе стратегии и концепции. Прежде всего потому, что они безнравственны, антинациональны и антиобщественны, что отражается на демографической ситуации непосредственно. Как совершенно справедливо признает С.А.Дзюба, говоря об ельцинском периоде, «в этой идеологии совершенно отсутствовали нравственные ориентиры»[1]. И действительно, вся идеология того периода сводилась к простому принципу: все, что связано с рынком и частной собственностью, хорошо, а что нет, – плохо. Но и сегодня эти ценности доминируют при формировании любой стратегии – социально-экономической, образовательной, научной, культурной. И прежде всего эти мнимые рыночные ценности бьют по НЧП и его социальной и демографической составляющей. Особенно больше – в период кризиса, когда финансовые власти сажают эти составляющие НЧП уже не на голодный паек, а обрекают на уничтожение.

Уверен, что нынешнюю стратегию опережающего социально-экономического развития, вырванную из демографического контекста, вырванную из демографического контекста необходимо формировать принципиально по-иному. Сегодня она является производной от разработок финансовых властей, тогда как сами эти разработки должны являться следствием, вытекать из идеологической доктрины правящей элиты, во-первых, и стратегической концепции национального развития, во-вторых. В качестве важнейшей идеологической цели, как уже говорилось, необходимо сформулировать демографическую цель – рост и расселение населения по всей территории России. Социально-

[1] *С.А.Дзюба.* Возвращение гаранта. – Независимая газета, 18 января 2008 г., с. 11.

экономическая концепция должна решать конкретные задачи, вытекающие из этой цели.

Результат провала Стратегии 2020, однако, ничему не научил. «Корректировка» этой провалившейся стратегии в 2011 году вновь была поручена тем же экономистам и финансистам, которые уже много раз доказывали несостоятельность своих идей. В этой связи обратил бы внимание на мысль профессора А.Виноградова: «Принято считать, **что движет мировой историей экономика. На деле все успешные преобразования начинались с захвата власти, которая уже потом проводила успешные или неудачные экономические реформы**. Потребность в революции возникает только тогда, **когда неэффективную власть невозможно реформировать**. Но революция, как мы хорошо знаем, не улучшает экономическое положение, а только дает надежду (которая редко оправдывается)[1]. Вот и сегодня, политическая власть должна либо реализовать демографическую цель, либо уйти. В противном случае она неизбежно будет сменена. Нация не будет спокойно наблюдать за своим вырождением.

Но этой идеологической системы, основанной на нравственных национальных ценностях, и соответствующей власти, нет и сегодня. Она только начала стихийно складываться в самые последние годы. Причем вопреки правящей элите. В самой гуще общественных институтов. По отдельным сегментам, иногда взаимоисключающим друг от друга, – сильная власть и демократия, рынок и госуправление, национальные ценности и западный образ жизни: процесс осознания демографической проблемы идет в обществе среди самых разных групп.

Отсутствие этой целостной идеологической системы направленной на реализацию демографической цели и вытекающих из нее политических, экономических и социальных задач, – неизбежно ведет к серьезным издержкам в других областях. Борьба с коррупцией, например бессмысленна вне этой системы. Повышение качества госуправления – вообще невозможно. Тем более невозможно долгосрочное социально-экономическое планирование, требующее прежде всего политических, а не финансовых решений.

---

[1] *А.Виноградов*. Субъектность поневоле. – Независимая газета, 22 марта 2011 г., с. 14.

Игнорирование главной цели – демографической – лучше всего видно на примере перехода с общего уровня на частный, который изображен на следующем рисунке.

Внешне, схематически, это может выглядеть следующим образом.

***1-ый уровень: самый важный*, идеологический**, ценностной, сформулированный в категориях национальных интересов и ценностей. Если на этом уровне, например, в качестве главной проблемы ставится демографическая, то и все остальные решения станут производными. Он обеспечивает национальную идеологию.

↓

2-ой уровень: производный от первого, – **стратегический**, сформулированный в терминах и представлениях правящего класса о том, **каким образом** обеспечить национальные интересы и ценности, **как** распределить национальные ресурсы. Этот уровень обеспечивает национальную стратегию.

↓

3-***ий уровень:*** **оперативный,** представляющий набор средств, методов, приемов, которые правящий класс предполагает использовать для реализации своей стратегии. Речь идет, в том числе и о региональных и отраслевых стратегиях, а также имеющихся в их распоряжении ресурсах. Собственно это уровень сегодня финансовые власти и сделали главным, первым уровнем, сформулировав концепцию социально-экономического развития.

↓

4-ый уровень: **тактический**, заключается в практических, реальных действиях власти по реализации задач, сформулированных на высших уровнях.

На предлагаемой схеме **1-ый уровень** (идеологический) прописан просто. Но именно этот уровень имеет самое важное значение. По большому счету он должен быть сформулирован в Концепции национальной безопасности России, имеющей **общенациональное значение** на многие (20–25 лет) годы. Более того, этот уровень должен отражать приоритеты, измеряемые веками, ценности – вечные.

2-ой уровень – уровень высшего государственного управления, где конкретизируется роль государства и его институтов в реализации общенациональной доктрины. Этот уровень имеет не только подчиненное значение, но и имеет ограниченный характер. Он относится к доктрине государственного управления, которая может и должна меняться вместе с

политической системой. И, что очень важно не претендовать на национальный уровень и общественные институты.

И лишь третий уровень – компетенция Правительства – МЭРа, Минфина и других ведомств. Другими словами – инструменты государства. Подчеркну – не нации, не общества, а всего лишь института государства.

В современной России, к сожалению, эта схема перевернута с ног на голову – министерства и ведомства (чаще всего Минфин и МЭР) претендуют на разработку стратегии 2-го уровня и (как это было в 90-ые гг.) даже на смену национальной системы ценностей. Национального уклада, системы общественных взаимоотношений, нравственных ценностей.

Из этой схемы становится понятно, что чиновники 3-го уровня не могут и не должны формулировать общегосударственные (2-ой уровень), а тем более общенациональные задачи. Что, однако, происходит сегодня.

Не трудно заметить, что действия власти за 2000–2011 годы происходили на 3-ем уровне, в режиме «ручного управления». По мере завершения периода стабилизации возникла потребность в формировании 2-го уровня управления. Что и наблюдалось в 2005–2011 годах. К сожалению, бессистемна, эмпирически, с оглядкой на финансовые власти, которые могли блокировать любое решение политических властей и общества. Все попытки создать систему мер сводились к финансово-бюрократическому управлению, ориентированному на ближайшую перспективу. «Концепция МЭРа» – наивысший результат подобных попыток объединить разрозненные отраслевые и региональные стратегии, которые появились в массовом порядке в 2005–2008 годы. Опять же без идеологии и без настоящей стратегии, вместо которых выступали оценки одного из департаментов МЭРа. Что и привело к провалу Стратегии 2020.

Кризис 2008–2010 годов показал все недостатки такой «стратегии»: недофинансирование производства и сознательное сокращение денежной массы под предлогом борьбы с инфляцией, отсутствие институциональных изменений, а, главное, – отсутствие полноценной идеологической и политической стратегии, способной сформулировать ясные общенациональные приоритеты и цели, предложить реальные

меры по решению самых актуальных проблем. Собственно в этом и заключается эффективное государственное управление.

Отмечу, например, что самые первые результаты реализации демографической политики оказались вполне осязаемые. Если демографическую проблему рассматривать как проблему № 1 (в т.ч. и с точки зрения увеличения НЧП), то даже в целом бессистемные попытки власти 2007–2010 годов решить эту проблему, дали положительный и даже неожиданный результат[1].

Фактическая и перспективная рождаемость реальных поколений в России, женщины 1950–1984 гг. рождения

Годы рождения женщин	Оценка на основе данных 1999 г.	Оценка на основе данных 2006 г.			
		Фактически рождено к 2007 г., детей на одну женщину	Ожидается рождений дополнительно к уже рожденным	Итоговое число рождений	Разница между оценками 1999 и 2006 гг.
1950–1954	1,88	1,88	0,00	1,88	0,00
1955–1959	1,88	1,88	0,00	1,88	0,00
1960–1964	1,75	1,76	0,00	1,76	0,01
1965–1969	1,58	1,60	0,03	1,63	0,05
1970–1974	1,40	1,39	0,13	1,52	0,12
1975–1979	1,23	1,05	0,38	1,43	0,20
1980–1984	1,16	0,55	0,78	1,33	0,16

Можно допустить, что реальные результаты к 2010 году были бы намного выше, если бы была сформулирована политико-идеологическая, стратегическая задача развития в условиях кризиса не только для узкого круга чиновников, но и для всей элиты, всей власти всех уровней. Этого сделана не было. Кризис 2008–2010 годов стал временем рефлекторной реакции власти на возникавшие проблемы. Причем, принимавшиеся решения, как правило, были не в пользу общества, его социально-экономического положения. Это видно прежде всего на динамике

[1] Доклад о развитии человеческого потенциала в Российской Федерации 2008. Россия перед лицом демографических вызовов. М., 2009 г., с. 33.

реальных денежных доходов населения Российской Федерации. Причем реальная инфляция, особенно в первом квартале 2011 года, сказала эти доходы, фактически «съев» даже номинальный прирост. Что видно из официального доклада Минрегионразвития по итогам 2010 года[1].

Примечательно, что в лидерах роста оказались небольшие регионы (за исключением Краснодарского края), а в аутсайдерах – бывшие лидеры.

Кризис 2008–2010 годов продемонстрировал главное – 3-ий уровень управления, созданный властью в самом первом приближении за 2005–2010 годы, **оказался неэффективным**. Принимаемые в сентябре–октябре политические решения удивительно медленно и неэффективно реализовывались, а их политико-информационное обеспечение осуществлялось только первыми лицами в форме «паркетной информации». Идеологии выхода из кризиса не было. Наоборот, все

[1] *Т.Смолякова.* Выздоровление. – Российская газета, 22 февраля 2011 г., с. 5.

время повторялся один и тот же тезис: у них «там» кризис, а у нас некоторые негативные явления. Таким образом, даже схема управления 3-го уровня оказалась недееспособной. Прежде всего, потому, что начинать надо было с 1-го и 2-го.

На мой взгляд, кризис 2008–2010 годов показал, что становится все более очевидным, необходимость выхода на 1-ый уровень. Даже в условиях кризиса. Тем более в этих условиях. Именно в условиях кризиса стало особенно заметно отсутствие долгосрочного (идеологического) курса, ведь набор немедленных мер по нейтрализации финансовых рисков носил запоздалый и бессистемный характер. В послекризисный период. Когда цены «скакнули» вверх, экономика заметно отстала от такой динамики.

В конечном счете России важно было не просто преодолеть кризис, а увидеть перспективу развития, цель. Так, задачи и результаты, сформулированные в «Концепции МЭРа», на 2020 год (например, 30 тыс. душевого ВВП или «пятая экономика» в мире), являются не политическими общенациональными приоритетами, а следствием **экономических, экспертных** оценок. На деле же в выступлениях В.Путина и Д.Медведева, а затем «уточненном» (мартовском) прогнозе МЭР, отчетливо звучали политические приоритеты 1-го уровня, которые, однако, так и не стали директивами для экономики, для действий правящего класса.

Между тем объективные условия для формирования такой политики, основанной на долгосрочных идеологических приоритетах, конечно же, были еще до кризиса. Прежде всего, потому, что период стабилизации, восстановления экономики завершился. Укрепилась и внутриполитическая стабильность.

Не было сделано главного: сформулировано общенациональной цели. Вполне обосновано, аргументировано и привлекательно было бы взять в качестве главной идеологической цели (с соответствующей конкретизацией) решить демографическую проблему. Круг конкретных задач и подзадач, вытекающих из решения этой проблемы, может быть легко формализован и конкретизирован для всех ветвей и уровней власти,

а также общества. Даже на примере острейшей демографической подзадачи – смертности в среднем возрасте[1].

Разница в среднем возрасте смерти между Россией и странами «западной модели» смертности

Классы причин смерти	Средний возраст смерти, лет		Разница
	Россия 2006	«Западная модель», 2005	
Мужчины			
Все причины	60,35	76,54	16,19
в том числе:			
Новообразования	65,13	75,37	10,24
Болезни системы кровообращения	67,93	79,79	11,87
Внешние причины смерти	43,60	56,88	13,28
Болезни органов пищеварения	54,99	73,33	18,34
Болезни органов дыхания	60,26	82,38	22,11
Прочие болезни	50,34	76,28	25,93
Инфекционные и паразитарные болезни	44,17	72,21	28,04
Женщины			
Все причины	73,23	82,47	9,24
в том числе:			
Болезни системы кровообращения	77,95	85,80	7,85
Новообразования	67,46	76,69	9,24
Прочие болезни	68,68	83,34	14,66
Болезни органов пищеварения	62,67	81,36	18,69
Внешние причины смерти	50,09	69,06	18,98
Болезни органов дыхания	66,13	85,49	19,37
Инфекционные и паразитарные болезни	43,07	79,28	36,21

[1] Доклад о развитии человеческого потенциала в Российской Федерации 2008. Россия перед лицом демографических вызовов. М., 2009 г., с. 67.

Более того, политический сезон выборов в Госдуму и президента 2007–2008 годов мог бы стать идеальным периодом для общенационального обсуждения такой стратегии. Чего не произошло. Удивительно, но даже немногие попытки власти озвучить эту стратегию остались без серьезного общественного обсуждения. Так, представленная на заседании Госсовета 8 февраля 2008 г. стратегия социально-экономического развития России до 2020 года (далее – Стратегия) по сути, **являлась политическим решением о переводе российской экономики с инерционного энергосырьевого на инновационный путь развития.** Реализация этой стратегии должна была основываться на концепции социально-экономического развития страны, разработанной Правительством.

Но этого-то и не произошло. Сроки переносились вплоть до августа 2008 года. Как раз того времени, когда разразился кризис и обсуждение Стратегии и Концепции потеряло всякий смысл для Правительства: война на Кавказе, обострение международной обстановки, текучка борьбы с финансовыми неурядицами – совсем отодвинули эту только-только ставшую нарождающейся дискуссию.

А жаль. В той февральской Стратегии 2008 года были обозначены вполне реальные и актуальные задачи. По мнению С.Глазьева, например, с которым трудно не согласиться, смысл заявленной президентом стратегии вполне соответствует объективным требованиям повышения конкурентоспособности российской экономики и конституционным целям социального государства. Эта стратегия исходила из содержательных задач развития экономики на основе развития НТП, кардинального повышения ее эффективности и социальной ориентированности.

Возникла надежда, что, получив **правильные идеологические ориентиры, приоритеты, государственная машина и деловое сообщество** смогут повернуть, наконец, экономику страны на инновационный путь развития, вывести ее на **траекторию быстрого и устойчивого роста** на передовой технологической основе. Не удалось. Не успели или не смогли?

Важно подчеркнуть, что, использовав **идеологический ресурс,** президенты В.Путин и Д.Медведев могли бы получить исключительный

инструмент управления не только огромной госмашиной, но и обществом его социальным потенциалом. Ресурсы общественного развития использовались очевидно недостаточно. Прежде всего, из-за неясности идеологии развития, оторванности огромных общественных масс от деятельности власти. Этот аспект постоянно игнорируется, хотя за 2006–2008 годы В.Путин и Д.Медведев не раз пытались давать «сигналы» общественности.

Есть смысл вновь вернуться к идеям февраля 2011 года. Даже в условиях кризиса, когда кажется не до идей и стратегий. Напомню, что в феврале 2008 года Президент в своем выступлении на Госсовете определил **основные ориентиры** социально-экономического развития России **до 2020 года:** возвращение России в число мировых технологических **лидеров, четырехкратное** повышение производительности труда в основных секторах российской экономики, увеличение д**оли среднего класса до 60%-70%** населения, сокращение смертности в полтора раза и увеличение средней продолжительности жизни населения **до 75 лет.** Именно эти приоритеты можно в полной мере отнести к приоритетам 2-го, более высокого уровня, чем все предыдущие попытки. Это был определенный прорыв в стратегическую, долгосрочную область. Который повторю, остался нереализованным и даже забытым уже осенью 2008 года. Хотя от этого он не перестал оставаться прорывом.

На мой взгляд, у этого печального финала было две основные причины. Во-первых, в команде В.Путина и Д.Медведева на ключевых постах так и не оказалось исполнителей, способных привести этот политический сигнал в конкретную практическую область. Точнее – те, кто по должности должны были это сделать, оказались не способны к этому. Или не захотели.

Во-вторых, инициатива февраля 2008 года уже, безусловно, стратегическая инициатива более высокого (2-го) уровня, чем все предыдущие шаги власти. Но и она должна была исходить изначально не из количественных параметров, о которых говорил В.Путин, а из идеологических и политических, упоминания которых он всячески избегал. То есть из концепций 1-го, идеологического уровня.

Но они не дают ответа, **в какой стране** мы будем жить, **какое общество строить**. Остались без ответа ключевые вопросы. Примечательно, что именно эти **идеологические** вопросы во многом стали российской спецификой финансового кризиса. В конечном счете, именно отсутствие властной идеологии стало первопричиной роста общественного недоверия к власти и, прежде всего, финансовым властям. Уверен, что в сентябре–октябре 2008 года многие финансовые вопросы на самом деле стали таковыми из-за отсутствия доверия к власти, по сути идеологического, а не финансового кризиса.

Удивительно, но в феврале 2008 года основа их решения В.Путиным была обозначена: он призвал «сконцентрировать усилия на решении трех ключевых проблем: создании равных возможностей для людей, формировании мотивации к инновационному поведению и **радикальном повышении эффективности экономики,** прежде всего на основе роста производительности труда». Что относиться к приоритетам второго и третьего уровня, а не вполне идеологическим, более высоким по рангу приоритетам.

Справедливости ради, следует заметить, что в отличие от прошлых стратегий, исходивших из наивного представления о чудодейственности механизмов рыночной самоорганизации, февральскую стратегию отличало трезвое понимание сложного положения российской экономики, теряющей конкурентоспособность и стремительно опускающуюся на сырьевую периферию мирового рынка, лишаясь внутреннего потенциала самостоятельного развития. Но, повторю, дальше этого в 2008 года дело не пошло.

Обвинения В.Путина в «увлеченности успехами» не вполне справедливы. В той же февральской стратегии он отмечал, что, несмотря на решение задач удвоения ВВП за последнее десятилетие тупиковость инерционного энергосырьевого сценария развития, низводящего Россию до роли сырьевого придатка мировой экономики. И, в соответствии с рекомендациями науки, **определял приоритеты государственной политики 2-го уровня:** инвестиции в человеческий капитал, подъем образования, науки, здравоохранения, построение национальной инновационной системы, развитие наших естественных преимуществ и модернизация экономики, развитие ее новых конкурентоспособных

секторов в высокотехнологических сферах экономики знаний, реконструкция и расширение производственной, социальной и финансовой инфраструктуры. Но все это так и осталось декларациями. Обращает на себя внимание, что президенту приходилось смешивать 2-ой и 3-ий уровень – государственной политики и методов управления, что не могло не сказаться на общем снижении уровня политической постановки задачи. Так, для перевода страны на инновационный путь развития ставилась задача кардинального повышения инновационной и инвестиционной активности, доведение уровня накопления до 30% от ВВП, перехода к стандартам развитых стран в сфере бюджетной политики. Это означает, что уровень финансирования образования должен достичь 7% от ВВП, здравоохранения – 6%, науки – 3%. Иными словами, расходы государства на эти отрасли должны были быть **удвоены**. То есть опять шло планирование от достигнутого, а не оттого, что должно быть сформулировано в общенациональной стратегии первого уровня. В этом случае цифры должны были бы быть, по меньшей мере, удвоены: образование и здравоохранение до 12–14%, а науки – до 10%. Именно такие параметры сегодня заложены в бюджетах наиболее передовых стран.

Другими словами политические приоритеты, объявляемые президентом, изначально не подкреплялись такими же финансово-бюджетными задачами. Что, естественно, и было реализовано в последующие месяцы Минфином и Минэконом развития в вариантах концепций социально-экономического развития.

Но даже с точки зрения постановки политико-идеологических задач в стратегии возникают естественные вопросы. У меня, например, возникает вопрос относительно того, почему наша экономика в 2020 году должна составлять треть индийской и одну седьмую от китайской? Только потому, что эксперты так спрогнозировали? Но ведь они часто (точнее, почти всегда) ошибаются даже на короткую перспективу! Простой, я бы сказал, рядовой пример, – очередной прогноз Минэкономразвития, сделанный в январе 2008 года[1].

---

[1] *Б.Гродовский и др.* Бюджету денег хватит, ВВП быстро растет. – Ведомости, 2008 г., 29 января, с.А3.

	2007 старый	новый	2008 старый	новый	2009 старый	новый	2010 старый	новый
ВВП, млрд. руб.	30690	32530	35000	38952	39690	44565	44800	50781
ВВП, прирост в %	6,5	7,6	6,1	6,7	6	6,3	6,2	6,4
Инфляция	7–8	11,9	6–7	7,5–8,5	5,5–6,5	5,8–7	5–6	5–6
Курс доллара, среднегодовой	26	25,5	25,9	24,1	26,2	24,9	26,8	25,9
Цена нефти Urals, $/барр.	55	69,3	53	74	52	66	50	62

Источник: Минэкономразвитие

На первый взгляд разница в прогнозе небольшая, но если посмотреть на среднесрочную перспективу до 2010 года, (т.е. всего на 3 года вперед!) то финальная разница в прогнозе ВВП до 2010 года составит более 5000 млрд. руб. или 250 млрд. долл. Или пяти четвертей всего ВВП 2008 г.

Если же этот «уточненный» прогноз (и его разницу) хотя бы экстраполировать до 2020 года, то окажется, что ВВП России может быть то ли 100000 млрд. руб., то ли 200000 млрд. руб. (4 трлн. долл. и 8 трлн. долл. соответственно). А между тем это означает, что в прогнозируемый период это будет означать либо увеличение душевого ВВП в 4, или даже в 8 раз! В первом случае сказанное позволяет сделать вывод, что душевой доход в России в 2020 году достигнет уровня душевого ВВП самых развитых стран от уровня 2008 года (но будет ниже, чем их уровень 2020 года), а во втором, – что он **превысить** душевой доход развитых стран 2020 года, т.е. будет соответствовать самым высоким стандартам.

Таким образом, даже разница в экстраполяции в долгосрочной перспективе ведет к качественным отличиям, имеющим огромные **политические последствия**. Что же говорить о том, если изначально прогноз имеет и идеологический характер? Получается, что за политические и идеологические последствия разработанные чиновниками прогнозов должны отвечать президент и премьер? Более того эти же чиновники должны фактически конструировать всю систему стратегического планирования и стратегического управления? Системы, ответственность за которые по определению несут политические институты. Прежде всего президент, правительство, а также Федеральное Собрание. Это – очевидное противоречие, которое, впрочем, присуще

всему периоду управления страной финансовыми, а не политическими властями.

Отчасти это признается фактическим автором прогноза и проекта концепции заместителем министра МЭР А.Клепачем: «Главная цель концепции 2020 – не только достижение амбициозных целей (например, пятого места по объему ВВП и $30 тысяч подушевого дохода), но и конструирование системы стратегического управления, основанной на упреждении глобальных катаклизмов. Система, по словам Клепача, заработает в полную силу, когда будет утверждена не только концепция-2020, но и ряд других прогнозных документов: долгосрочный прогноз до 2020-го, а по ряду направлений до 2030 года, ряд отраслевых стратегий, например энергетическая до 2030 года, транспортная (и отдельно от нее железнодорожная), внешнеэкономическая, финплан-2023, региональные стратегии.

Наконец, нужен закон о прогнозировании, проект которого, как сообщил Клепач, утрясается в правительственных кабинетах. Кроме того, как уже сообщала «Газета» (см. номер от 24 марта 2008 г.). В министерствах готовят план реализации амбициозной концепции-2020[1]. Но закон о прогнозировании (если такой и нужен) это уже «чистая» идеология. Какое общество, и какое государство мы хотим увидеть через 20–30 лет? Это вопросы идеологические и не компетенция макроэкономистов!

Действительно, представим себе архитектора, который начинает строить дом. Он выбирает эскизный проект, который может быть и одноэтажным бунгало и пирамидой Хеопса. От того какая идея его обуревает и сколько ресурсов (второе обязательное условие), он может рассчитывать истратить и будет его эскиз, из которого уже потом проектировщики сделают детальный план, включающий водо- и электроснабжение, другие коммуникации, ландшафт и т.д.

Такая же ситуация и с долгосрочным прогнозом в отношении нации. Какую нацию мы хотим увидеть через 20–30 лет?

Ответы могут быть самые разные, включая и противоречивые. Например:

– завоевавшую весь мир;

[1] *К.Смирнов.* Признак Госплана. – Газета, 2008 г., 27 марта, с. 11.

– имеющую самую мощную армию;

– самую образованную;

– самую социально защищенную и т.д.

В этой связи вновь необходимо вернуться к вопросу, относящемуся к приоритетам первого, высшего политико-идеологического уровня, ответ на который и может стать основополагающим для решения задач стратегического (второго) уровня, а именно: каковы **должны быть** темпы развития экономики и общества до 2020 года? Именно **должны быть,** а не «ожидаемые» от экстраполяции. Разница – принципиальная, ведь в первом случае элита и власть создают целевую установку (вспомним – «пятилетку в 4 года!»), а во втором – такая установка, а соответственно и меры по ее реализации – отсутствуют.

В первом случае ответ однозначен: очевидно, что темпы развития должны быть не инерционными, а «взрывными». Это задача уже идеологическая, а потом – политическая. Власть не ждет когда постепенно экономика страны выйдет на уровень процветающей, она ставит задачу быстрого выхода из последствий кризисного развития. Получения результатов итоговых, а не относительно последних лет. Результатов объективных, с точки зрения уже не послекризисного развития, а с точки зрения потребностей 2020 года, угроз и оценки положения России в мире в будущем.

Разница, как видно, принципиальная, а именно, – идеологическая и политическая. На идеологическом, а не макроэкономическом уровне, эта проблема и стоит именно сегодня. Как справедливо заметил С.Кургинян, «…если российское правительство дает какие-то деньги каким-то заводам, институтам и лабораториям, это уже хорошо. Если этих денег будет много, это замечательно. Если их не до конца разворуют, это прекрасно. Но, в самом лучшем случае, за этот счет удастся чуть дольше продержать на плаву индустриальное и технологическое советское наследство. Доколе?

Основные фонды существующего (а не нового) индустриального комплекса недополучили за позднесоветские и постсоветские годы 2,5 трлн. долл., т.е. 15 нынешних стабилизационных фондов, а восстановление престижа профессий обойдется, по самым скромным оценкам, в 100 млрд. долл.

Но, главное, дело не в этом, а в идеологии ухода от инерционных концепций. Элита к середине 2008 года подошла к очередному выбору. На первый взгляд это был выбор между макроэкономическим путем (экстенсивные) развития и инновационным. На самом деле, вопрос стоял о **политическом выборе:** мы (нация, политическая элита, граждане) определяем задачи и устанавливаем приоритеты долгосрочного развития, либо это делают за нас (Минфин и т.д.). В мае 2008 года, в споре МЭРа и Минфина это разногласие отчетливо обозначилось.

3.3. Нерешенные вопросы ускоренного национального и общественного развития

«… скромный масштаб задач (Стратегии 2020) свидетельствует о зияющих пустотах в стратегическом планировании проектировании и прогнозировании»[1].

В.Расторгуев

«… для значительной части экономической и управленческой элиты модернизация – это просто совокупность программ, позволяющих получить дешевое финансирование из государственного бюджета»[2].

С.Миронов

Нерешенных вопросов ускоренного развития к 2011 году оказалось больше, чем в начале этого процесса, декларированного В.Путиным и поддержанным Д.Медведевым еще в 2005 году. И первопричина этому не только интеллектуальное бессилие правящей элиты, которая полагается на вульгарный либерализм, но и не способность этой элиты привлечь национальный творческий потенциал к решению этих задач. Сама по себе элита выдумать или проанализировать ничего не может. Она вынуждена опираться на экспертный потенциал, чье качество определяется не только профессионализмом, но и нравственностью и патриотизмом. Таковых экспертов у правящей элиты практически нет. Все места давно оккупированы сторонниками вульгарной либеральной традиции. Как заметил О.Т.Богомолов, «Многие ученые-обществоведы не ощущали в прошлом и не ощущают до сих пор востребованность своей работы, своих исследований. **Не было, да и сейчас порой нет «социального заказа» со стороны властей или средств массовой информации на их знания и опыт**. Более того, критический анализ действительности, проводимой политики обычно вызывает отторжение со стороны властей и контролируемых ими СМИ. Повышенным спросом пользуется сервильная наука.

Тем не менее связь между объективной научной истиной, формулируемой добросовестными учеными, и эволюцией общества к лучшему существует, хотя она и не столь непосредственна и очевидна, и проявляется порой по прошествии лишь многих лет. К такому заключению привел меня мой жизненный опыт. **Ошибочные взгляды и теории могут долгое время торжествовать и владеть умами,**

[1] *В.Н.Расторгуев*. Политическое планирование в условиях «водного голода». – Вестник МГИМО (У), № 1(16), 2011 г., с. 7.

[2] *С.М.Миронов*. За нами Россия. М.: Ключ-С, 2010, с. 109.

направлять политику и формировать экономику, определять общественное устройство. Оппонентам затыкают рот, и им не удается отстоять свою правоту»[1].

Их условно можно разделить по приоритетности на две большие группы – общественно-политические проблемы, непосредственно связанные с перспективами развития нации, общества и политической системы, и экономические, проблемы, решение которых предполагает ускоренное научно-техническое, технологическое и экономическое развитие страны. Если первая группа проблем предполагает поиск эффективных решений для национального и общественно-политического развития, то вторая группа – правильное целеполагание и создание механизмов ускорения экономического развития. Именно в такой приоритетности.

Трудность однако заключается в том, что правящая элита фактически не признавала в 2005–2011 годы самого наличия общественно-политических и национальных проблем. Вся ее стратегия, как и в начале первого десятилетия XXI века, сводилась к внутриполитической стабилизации, и, как следствие, стремлению избежать постановки проблем. Любой ценой, любыми средствами, не зависимо от последствий. Между тем в 2011 году стало окончательно ясно, что эти проблемы существуют и их предстоит решать. Причем в приоритетном, даже по отношению к экономике, порядке. На мой взгляд, их краткий перечень можно свести к следующему:

– отсутствие консолидированного представления правящей элиты о национальных интересах и ценностях и, как следствие, о целях национального развития. По сути в элите и обществе сложились самые разные, порой полярные, представления о всем спектре национальных интересов и ценностей – от отношения к русскому и советскому периоду истории до современному отношению к Западу и Востоку, положению России в мире и т.д. Подобный разлад не позволяет внятно сформулировать долгосрочные национальные цели и, соответственно, распределить ресурсы;

---

[1] *О.Т.Богомолов*. Наши исследования не были напрасными. – Мир перемен, № 3, 2010, с. 14.

– отсутствию консолидированного представления о будущем месте России в мире, ее будущем, политическом и общественном устройстве, социальной политике. В 2011 году стал формироваться либеральный «образ будущего»[1], сохранился социально-консервативный «образ будущего» – размытый и противоречивый – «Единой России» В.Путина и Д.Медведева, левый «образ будущего» – «Справедливой России», ориентированный на социал-демократические ценности, «образ будущего», представляемый КПРФ и ЛДПР, а также националистический, православный, исламский, технократические и пр. «образы будущего» России. Каждый из них не просто противоречил остальным, но являлся их прямой противоположностью;

– существовали и существуют прямо противоположные представления о модели государства, его политической системе, социальном устройстве. Правящая элита по сути законсервировала политическую систему, которая сложилась в форс-мажорных и конкретных критических условиях Конституции 1993 года, ужесточив ее и без того авторитарные, построение под Б.Ельцина, элементы. Нерешенные общественно-политические проблемы 90-х годов, законсервировали в первом десятилетии в целях внутриполитической стабильности. Но опережающее экономическое и научно-техническое развитие **невозможно в принципе** в таком государстве, которое окончилось в условиях кризиса 90-х и начала 2000– годов именно для сохранения стабильность. В этом суть противоречия между понятиями «стабильность» и «развитие». Для того чтобы двигаться, нужно на время потерять стабильность. Чем быстрее движение, тем меньше стабильности. Максимальная стабильность – кладбище, ведь даже во сне человек (как система) может двигаться – переворачиваться, например.

Все внимание правящей элиты было сосредоточено на попытках решения частных – экономических, правовых, иногда социальных – проблем и создании неких частных механизмов развития. Это была сознательная политика 2005–2011 годов, когда некоторые частные решения, как. Например, приоритетные национальные проекты (ПНП), давали частные результаты, не меняя в принципе положения в экономике

[1] См., например: Обретение будущего: Стратегия 2020. Конспект. – М.: ИНСОР, Экон-информ, 2011 г.

и в обществе. Чаще – не давали никаких результатов, либо даже негативный эффект. Таким образом, не решив общих политических и стратегических вопросов правящая элита пыталась разработать и внедрить частные механизмы, которые, как правило, не срабатывали. Проблемы оставались не решенными и даже не сформулированными, а стратегии развития носили частный, прикладной и противоречивый характер.

Собственно с таким багажом правящая элита России вступила в 2011, первый послекризисный, год. Политические приоритеты, обозначенные в декларациях В.Путина и Д.Медведева в отношении перехода к инновационной экономике, так и остались политическими декларациями, которые окончательно девальвировал кризис 2008–2010 годов: ни по условиям кредитования наукоемкой промышленности, ни по поддержке со стороны властей Россия в 2008–2010 годах не походила на страну, которая собирается перейти от ресурсной экономики к инновационной. Не изменилась ситуация и в кризисный период: были сделаны сотни заявлений, озвучены десятки программ, но ситуация не менялась.

Особенно видно это на примере, казалось бы, самой приоритетной, технологической области: в 2005 году были приняты Основные направления политики России в области развития инновационной системы на период до 2010 года. В 2006 году – Стратегия развития науки и инноваций до 2015 года. В продолжение темы Минэкономразвития представило проект Стратегии инновационного развития до 2020 года. В министерстве подсчитали, что при переходе на инновационную социально ориентированную модель развития к 2020 году Россия займет 5–10% рынка высокотехнологичных и интеллектуальных услуг по пяти-семи позициям и в два раза повысит долю высокотехнологичного сектора в ВВП (с 10,9 до 17–20%). Ничего не произошло. Как справедливо заметили исследователи МГИМО(У), Период «тучных» лет, связанный с необычайно выгодной внешнеторговой конъюнктурой, не ознаменовал собой повышение инновационной активности в российской экономике.

Пожалуй, наиболее точным определение состояния «инновационной деятельности» на протяжении 2000-х гг. будет термин «стагфляция» – сочетание инфляции в финансах и стагнации в экономике. Кризис 2008–

2010 годов усугубил эту ситуацию, а начало послекризисного периода не внесло корректив.

В начале 2011 года цены на сырье вновь пошли резко вверх, превысив отметку в 100 долл. за баррель. В этих условиях объективно ослабла опасность роста дефицита бюджета, хотя удивительно, что страна, получающие такие огромные расходы, планирует бюджетный дефицит на годы вперед. Элита успокоилась, ведь когда цены на нефть превышают 100 долл. за баррель, элите, как сказал один финансист, стоит беспокоиться только «о количестве полей для гольфа» или покупке зарубежных клубов. Что и происходило, и происходит. Поле для гольфа строятся, а клубы – покупаются.

Между тем, Россия отнюдь не самая богатая страна с точки зрения разведанных запасов углеводородов, а тем более с точки зрения эффективности из добычи. Как видно из нижеприводимых данных, существующее богатство не гарантирует России бесконечно беспечного будущего. Более того, различные оценки говорят о том, что углеводороды будут исчерпаны через 40–60 лет. А, может быть, и ранее. Поэтому у России есть максимум 20 лет для переустройства общества, государства и экономики на условиях максимальной эффективности. Этот же срок совпадает и с периодом долгосрочной стратегии национального развития, которая должна заменить свой частный и среднесрочный вариант – стратегию социально-экономического развития до 2020 года (Стратегию 2020), заменить, а не скорректировать. За эти 20 лет ставка на природные ресурсы, которая сформулировалась в политике предыдущих десятилетий, должна быть заменена на политическую установку на развитие другой части национального богатства – НЧП.

Наиболее крупные разведанные запасы нефти и природного газа в мире

	Нефть (млрд барр.)	Природный газ (трлн куб. м)
Россия	79.00	47.57
Саудовская Аравия	264.60	7.46
Иран	137.60	29.61
Ирак	115.00	3.17
Ливия	47.00	1.54
Судан	6.80	0.15
Алжир	13.50	4.50
Тунис	0.50	0.01
США	19.10	6.93
Катар	25.40	25.47
Египет	4.30	1.66
Йемен	3.20	0.50
Казахстан	30.00	2.40
Азербайджан	7.00	0.85
Туркменистан	0.60	7.50
Узбекистан	0.60	1.84

Источник: BP; OPEC; OAPEC; национальная статистика, данные за 2010 г [1]

Кроме того, быстро развиваются энергосберегающие технологи, происходит замещение одних источников другими. В целом общая тенденция становится все яснее: Россия, как государство-рантье, сможет просуществовать недолго, если не сможет изменить существующий алгоритм своего развития. Похоже, что те в российской элите, кто еще связывает свои планы с нашей страной, также пришли к этому выводу в начале второго десятилетия XXI века. Наверное, это и явилось стимулом к поиску вариантов модернизации экономики страны, которые в разных формах сводились к простой формуле – «инновация + модернизация».

Между тем заклинания о модернизации 2008–2011 годов, как уже говорилось, не привели к позитивному результату. Сложилась парадоксальная ситуация: при декларациях власти об инновациях … продолжалась реализовываться стратегия стагфляции. Так, вклад инновационных товаров, работ и услуг в ВВП за 2002–2008 гг. увеличился с 1,9 до 2,6%. Однако этот рост выглядит более чем скромно, так как учитывает всего 3 компонента – производство принципиально новых товаров, работ, услуг; новых для предприятия и новых для рынка, на котором работает компания. Очевидно, что подлинно инновационный потенциал заложен лишь в первой позиции, и по ней как раз рост был

[1] Цит. по: Баррель и бюджет. – Российская газета, 25 февраля 2011 г.

наименьшим. В 2008 г. доля такой продукции едва превышала 0,1% ВВП (или около 0,4% от объема промышленного производства)[1].

Если проводить международные сопоставления удельного веса производства принципиально новых товаров, работ и услуг в общем объеме промышленного производства, то позиции России по этому показателю на фоне развитых стран выглядят удручающими. Для сравнения: в Германии он равен 12,9%, в Испании – 8,5%, в Румынии – 4,8%»[2]. Другими словами **вся инновационная активность в России в реальности была близкой к нулю**. Причем на протяжении длительного времени. Даже в условиях значительных финансовых излишков, которые копили в «мешки безопасности», и инвестиций в 2007–2010 годов. Таким образом возникает первая проблема – соотношение вертальной, декларативной «инновационной» стратегии и реальной стратегии «стагфляции».

Надо сказать, что само правительство было вынуждено достаточно критично оценить результаты этой деятельности. В конце 2010 года МЭР следующим образом подвел итоги трехлетней работы:

– на первом этапе (2006–2007) достигнуто лишь менее трети от запланированных показателей. При этом большинство показателей оказались ниже предусмотренных инерционным сценарием (т.е. ниже нижнего – *А.П.*), а некоторые демонстрировали негативную (! – *А.П.*) динамику …

– на втором этапе (2008–2010 гг.) … средний уровень достижений … составил около (интересно, насколько близко? – *А.П.*) 40%, а большинство (! – *А.П.*) показателей по-прежнему не достигают даже этого уровня, предусмотренного инерционным сценарием, по отдельным ключевым показателям сохраняется негативная динамика»[3].

К сожалению, анализируя недостатки, авторы новой Стратегии инновационного развития практически игнорировали значение

---

[1] Роль банковской системы в решении проблем модернизации российской экономики информировании внутреннего инвестиционного спроса. Отчет о НИР. МГИМО (У), 2010 г.

[2] Роль банковской системы в решении проблем модернизации российской экономики информировании внутреннего инвестиционного спроса. Отчет о НИР. МГИМО (У), 2010 г.

[3] Инновационная Россия-2020 (Стратегия инновационного развития Российской Федерации на период до 202 года). М.: МЭР, 2010 г.

национального человеческого потенциала и, в частности, социального потенциала, сведя всю проблему практически к качеству образования, где они были вынуждены признать его хроническое недофинансирования: «Эти негативные названные тенденции вызваны, в том числе, и хроническим недофинансированием сферы образования в 90-е годы и начале 2000-х. Сейчас ситуация улучшилась, но по относительным показателям государственного финансирования этой сферы Россия по-прежнему значительно уступает странам-лидерам и даже значительному числу «догоняющих» стран. (В 2007 году, например, Россия расходовала на образование 4,0% ВВП, тогда как Финляндия – 5.9%, США – 5,3%, Франция 5,6%, Бразилия – 5,2%, Южная Корея – 4,2%). Недостаток финансирования существенно усугубляется структурными проблемами, включая устаревшие модели управления учебным процессом, нехватку в, системе образования современных кадров, в том числе, управленческих. В целом, система образования недостаточно ориентирована на удовлетворение потребностей инновационного развития и экономики в целом. При этом оценка качества образования, которую дают российские работодатели, в целом невысокая. (Russian Innovation Survey 2009–2010, «Бауман Инновейшн», ОПОРА России)»[1].

Это говорит о том, что авторы инновационных стратегий пока даже **не способны увидеть** проблему. Они не понимают, в частности, что НЧП:

– является основной частью национального богатства и, следовательно, главным объектом модернизации и инноваций;

– что НЧП представляет собой сложный интегральный показатель, состоящий из:

– что результатом, конечным и абсолютным, является результат в демографии (об этом авторы инновационной стратегии даже не упоминают);

– что НЧП проявляется быстрее всего и полнее всего в образовании (о котором они признают очевидные недостатки);

– что основой модернизации является национальная наука (которую они выносят в самостоятельную область, предлагая в качестве позитива

[1] Инновационная Россия-2020 (Стратегия инновационного развития Российской Федерации на период до 202 года). М.: МЭР, 2010 г.

роста финансирования фундаментальной науки за 2006–2008 гг. в 1,6 раза), а не технологические заимствования;

– что базовые ценности – национальной культуры и духовности (которые даже не упоминаются, хотя и признается важность «формируемых у человека жизненных установок»[1], которые почему-то сводятся к количеству мобильных телефонов, лежат в основе национального развития;

– не понимают и не видят значения социального потенциала сводя все исключительно к «институтам развития» и исследовательским университетам, что принципиально неверно: инновационная среда не может быть создана в резервациях типа «Сколково» в отрыве от социальной части НЧП;

– наконец, они вообще не понимают – и в этом их главная ошибка, – что инновации и модернизации невозможны в отрыве от всей системы существующих у общества и элиты взглядов на национальное развитие.

Стабилизация начала 2000-х годов при В.Путине стала возможной только потому, что «… в глазах общества именно Путин оказался главным националистом, а новая власть – обладателем монополии на национализм …»[2]. Этот потенциал сначала В.Путин, а затем и Д.Медведев почти потеряли. Между тем, «нестыковка» в позициях президента и премьера по вопросу о бомбардировке Ливии показала, что этот потенциал поддержки у В.Путина огромен.

Отказываясь от национализма и национальной стратегии развития в пользу абстрактной модернизации, В.Путин и особенно Д.Медведев, не только уступают политическое пространство националистам и другим политическим силам, ослабляя свои политические позиции в угоду либералам и Западу, но и лишают стратегию развития смысла: если развивать не нацию, а некие «технологии», то зачем они?

Это, кстати, видно стало уже в марте 2011 года после региональных выборов в 12 регионах.

---

[1] Инновационная Россия-2020 (Стратегия инновационного развития Российской Федерации на период до 202 года). М.: МЭР, 2010 г.

[2] *Т.Соловей, В.Соловей*. Русский национализм при Путине – Медведеве. Кн.: Русский национализм между властью и оппозицией / под. Ред. В.Прибыловского. – М.: «Панорама», 2010 г., с. 53.

Результаты выборов депутатов законодательных (представительных) органов государственной власти субъектов Российской Федерации 13 марта 2011 года[3]

№ п/п	Наименование субъекта Российской Федерации	Наименование законодательного органа	Кол-во депу-татов	Срок полномочий	Барьер (%)	Явка (%)	Процент на ГД СР	Справедливая Россия (%)	Единая Россия (%)	КПРФ (%)	ЛДПР (%)	Патриоты России (%)	Правое Дело (%)	Яблоко (%)
1	Республика Адыгея	Государственный Совет – Хасэ Республики Адыгея	54	5	7	49,86%	5,23	9,53 (0/2)	58,04 (24/17)	18,76 (1/5)	10,45 (0/3)			
2	Республика Дагестан	Народное Собрание Республики Дагестан	90	5	7	84,68%	0,89	13,68 (0/13)	65,21 (0/62)	7,27 (0/6)	0,05 (0/0)	8,39 (0/8)	5,09 (0/1)	
3	Республика Коми	Государственный Совет Республики Коми	30	4	7	49,74%	8,41	12,62 (0/1)	50,53 (15/10)	16,06 (0/2)	14,83 (0/2)	1,67 (0/0)		
4	Калининградская область	Калининградская областная Дума	40	5	7	43,25%	8,17	10,09 (0/2)	40,78 (16/9)	21,40 (0/5)	12,58 (0/2)	8,49 (0/2)		2,44 (0/0)
5	Кировская область	Законодательное Собра-ние Кировской области	54	5	6	47,52%	8,16	21,06 (4/6)	36,69 (17/10)	22,35 (4/6)	17,14 (0/5)			
6	Курская область	Курская областная Дума	45	5	7	52,36%	10,87	14,75 (0/3)	44,75 (21/12)	21,54 (1/5)	12,32 (0/3)	1,82 (0/0)		1,51 (0/0)
7	Нижегородская область	Законодательное Собрание Нижегородской области	50	5	7	44,72%	10,55	12,74 (1/3)	42,98 (19/11)	28,79 (5/8)	12,81 (0/3)			
8	Оренбургская область	Законодательное Собрание Оренбургской области	47	5	7	47,63%	9,26	17,01 (0/4)	41,54 (21/11)	21,44 (1/5)	15,46 (1/4)	1,72 (0/0)		
9	Тамбовская область	Тамбовская областная Дума	50	5	7	53,25%	5,89	5,75 (1/1)	65,10 (23/19)	18,24 (0/4)	7,31 (0/1)			
10	Тверская область	Законодательное Собрание Тверской области	40	5	7	37,86%	8,41	21,27 (0/4)	39,79 (17/9)	24,65 (3/5)	11,01 (0/2)			
11	Ханты – Мансийский автономный округ	Дума Ханты-Мансийского авт. округа – Югры	35	5	7	44,76%	6,27	13,88 (1/2)	44,07 (16/9)	13,38 (0/2)	23,56 (0/5)			
12	Чукотский автономный округ	Дума Чукотского автономного округа	12	5	5	76,15%	2,77	7,52 (0/1)	71,19 (3/4)	4,83 (0/0)	11,90 (0/1)			
ИТОГО			**547**			**50,93 %**		**14,51 (7/42)**	**48,97 (192/183)**	**19,11 (15/53)**	**11,27 (1/31)**			

Результаты выборов марта 2011 года свидетельствуют о следующем:

1. Очевидное падение популярности «Единой России» и ее лидеров. Хотя формально процент голосов остался прежним, обращает внимание, что регионы, где ЕР получила высшие результаты (более 42–44%) очевидно хорошо управляемы и активно, даже беззастенчиво используют административный ресурс и прямую фальсификацию. Это – республики Адыгея, Дагестан, Коми, Чукотский автономный округ.

[3] По данным аппарата партии «Справедливая Россия».

2. Существует явная снижение рейтинга правящей элиты, ее лидеров и партии, что может привести к тому, что на декабрьских (2011 г.) выборах ЕР сможет рассчитывать не более, чем на 30% даже с учетом жесткого административного давления и прямой фальсификации.

3. Протестный электорат может составить большинство на выборах в декабре 2011 года, причем левые партии – «Справедливая Россия» и КПРФ могут рассчитывать в сумме на результат, превышающий результат правящей партии. Речь идет фактически о повороте общественного мнения в сторону левой и государственной идеологии. Вопрос заключается в том, как политически воспользоваться этими идеологическими сдвигами. Левый поворот – как показывают результаты выборов марта 2011 года – **произошел**.

4. Дискуссии и раскол правящей элиты по вопросам о стратегии развития страны, вероятно, приведет к активизации неолиберального крыла, которое на выборах в Дагестане («Правое дело») неожиданно получило более 5%. Если произойдет консолидация праволибералов, то, вероятно, что они смогут преодолеть 7%. Тем самым либеральная идея, не пользовавшая популярностью последние годы получит политическую поддержку, а финансовые власти – политический ресурс.

5. Количество депутатов, получивших мандаты на выборах в марте 2011 года, от оппозиционных партий свидетельствует о том, что фактически, даже, несмотря на существующую практику, они стали **альтернативным политическим центром в регионах**. В Карелии 12 – против 14; Ханты-Мансийский округ – 9 против 10.

Результаты выборов депутатов законодательных (представительных) органов административных центров (столиц) субъектов Российской Федерации 13 марта 2011 года[1]

£	Регион	Название законодательного органа	Кол-во избирателей	Срок полномочий (лет)	Барьер (%)	Кол-во мандатов	Справедливая Россия	Единая Россия	КПРФ	ЛДПР	Патриоты России	Яблоко	Самовыдвиженцы

[1] По данным аппарата партии «Справедливая Россия».

1	Республика Карелия (г. Петрозаводск)	Петрозаводский городской Совет	211 407	5	–	30 (30/0)	7/0	14/0	5/0	0/0	0/0	3/0	1
2	Республика Коми (г. Сыктывкар)	Совет муниципаль-ного образования городского округа «Сыктывкар»	187 074	4	7	30 (15/15)	13,07 % 0/1	39,29 % 10/8	19,81 % 3/3	19,57 % 2/3	2,65% 0/0	0/0	0
3	Пермский Край (г. Пермь)	Пермская городская Дума	780 519	5	–	36 (36/0)	1/0	23/0	1/0	1/0	0/0	0/0	9
4	Ставропольский Край (г. Ставрополь)	Ставропольская городская Дума	269 183	5	7	30 (15/15)	9,22% 0/1	38,80 % 13/6	23,94 % 0/4	23,41 % 0/1	0/0	0/0	1
5	Владимирская область (г. Владимир)	Совет народных депутатов города Владимира	282 976	5	7	35 (28/7)	16,17 % 1/1	34,82 % 21/3	28,97 % 6/2	12,67 % 0/1	2,34% 0/0	0/1	1
6	Калининградская область (г. Калининград)	Городской Совет депутатов города Калининграда	340 316	5	–	27 (27/0)	0/0	23/0	2/0	0/0	0/0	0/0	2
7	Кемеровская область (г. Кемерово)	Кемеровский городской Совет народных депутатов	395 005	4	–	35 (35/0)	2/0	31/0	0/0	0/0	2/0	0/0	0
8	Орловская область (г. Орел)	Орловский городской Совет народных депутатов	257 526	5	–	38 (38/0)	0/0	20/0	18/0	0/0	0/0	0/0	0
9	Саратовская область (г. Саратов)	Саратовская городская Дума	657 158	5	7	41 (20/21)	8,62% 0/1	62,08 % 20/17	15,22 % 0/3	6,86% 0/0	2,16% 0/0	2,53 % 0/0	0
10	Ханты-Мансийский автономный округ (г. Ханты-Мансийск)	Дума города Ханты-Мансийска	40 252	5	–	19 четыр.-4х4 трех.-1х3	2/0	10/0	3/0	3/0	0/0	0/0	2

Можно признать, что очевидное падение доверия к «ЕР», В.Путину и Д.Медведеву, которое будет только усиливаться, это еще и падение доверия к их политическому курсу и разрекламированной Стратегии 2020, которая так и не стала (да и не могла стать) стратегией национального развития. Ее абстрактность, непонятное для большинства нации содержание, фактически исключили нацию и общества из механизмов ее реализации, т.е. она стала концепцией лишь части правящей элиты.

Как совершенно справедливо полагает В.Н.Расторгуев (вынужден привести длинную цитату – *А.П.*), «Так называемая «Концепция – 2020» отстала от вызовов времени на годы еще до своего появления на свет, а глобальный кризис лишь сделал это отставание очевидным. Теперь поставлена новая цель – срочно переделать ее в антикризисную программу (ориентиры все те же: «2020»), Понятно, что **скромный масштаб задач свидетельствует о зияющих пустотах в стратегическом планировании, проектировании и прогнозировании**. Да и трудно требовать большей смелости от тех, кто прокладывает курс, постоянно находясь в «зоне политической турбулентности». **Как не было, так и нет ответа на главные вопросы: какое общество строим,**

какие угрозы приближаем своим бездействием, на какие риски готовы идти и ради чего? То же самое можно сказать и обо всех других документах доктринального характера – в частности, о «Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года», которая сама представляет собой скрытую угрозу. Причины ее несостоятельности – не в интеллектуальной немощи составителей и не в отсутствии созидательного опыта (его-то явно недостает), а в ином. Впрочем, они лежат на поверхности. Назовем основные факторы риска.

Во-первых, **система безопасности напрямую зависит от долгосрочных целей, которые не артикулированы и по сей день.** Одна система пригодна для модели «энергетического лидера» (если называть вещи своими именами – основного ресурсного донора развитых и быстро развивающихся стран). Иная – для «догоняющей модернизации», вполне приемлемой для потенциальных конкурентов, ибо она сохраняет дистанцию между «золотым миллиардом» и его окружением. И совершенно другая, на порядок более сложная и дорогая, **система безопасности потребуется для того, чтобы действительно «оседлать» новый технологический уклад и самим оторваться от догоняющих стран**, обделенных резервами. В этом случае кардинально изменяется все – от геополитического климата, который вряд ли будет благоприятным, до круга потенциальных союзников и противников, от оценки угроз до определения приоритетов. А в списке важнейших приоритетов появляется давно забытое:

– выявление и устранение так называемых технологических тупиков (технологической зависимости от реальных и возможных конкурентов);

– новый режим инвестиций в фундаментальную науку по всему спектру основных направлений;

– ставка на долгосрочные инновационные проекты в высокотехнологических областях производства и ВПК»[1].

Действительно, «стратегия инноваций» потому и остается (и останется!), «стратегией стагфляции», что она **не вписана** в широкую стратегию развития государства, в основе которой исходит ускоренное развитие НЧП. Как это сделали, например, в США в «Стратегии национальной безопасности», где развитие нации и ее национального

[1] The National Security Strategy, – The White House, 20 May 2010, p. 1.

человеческого потенциала построено в качестве самой приоритетной цели. В ней, в частности, говорится американским президентом: «Мы должны развивать науку и исследования, которые обеспечат открытия … Попросту говоря, мы должны видеть, что инновация Америки (а не технологий – *А.П.*) – основа американского могущества»[1]. Подчеркну – Америка, – имея в виду, что под этим термином понимается нация, ее НЧК, и, в частности, социальный капитал, а не просто абстрактные инновации.

[1] The National Security Strategy, – The White House, 20 May 2010, p. 1.

Часть II. Идеология русского социализма и новая стратегия социально-экономического развития

«Важнейший **идеологический вопрос**, вызывающий острые споры сегодня, – роль государства в развитии современной экономики, общества и человека»[1].

«В России медленно, но несомненно складывается собственная национально-своеобразная модель демократии. Объективно, независимо от воли правителей или зарубежных советников …»[2].

Ан.Торкунов,
ректор МГИМО(У)

Во II-ой части книги рассматривается взаимосвязь новой идеологии и новой стратегии социально-экономического развития, как альтернативы существующей Стратегии 2020. Логическая цепочка следующая: новая идеология как система взглядов – новая стратегия национального развития – новая социально-экономическая стратегия Россия.

---

[1] *А.Подберезкин*. Человеческий капитал и его роль в модернизации России. – Вестник МГИМО(У), № 5 (14), 2010, с. 77.

[2] *Ан.Торкунов*. Российская модель демократии и современное глобальное управление. В.кн.: По дороге в будущее / А.В.Торкунов, ред.-сост. А.В.Мальгин, А.Л.Чечевишников. – М.: Аспект Пресс, 2010 г., с. 47.

Глава 1. Новая идеология – новая стратегия

«… современную инновационную
экономику можно создать как в
авторитерном, так и в демократическом
государстве. Нет четкой зависимости между
авторитарным / демократическим
управлением и экономическим развитием»[1].

М.Мэлоун,
профессор университета Нью-Гемпшир

Новая идеология, в данном случае русского социализма, в отличие от различных вариантов доминирующих в российской элите идеологии «либеральных традиций, должна стать первым и главным условием изменения в стратегии национального развития России, которая сейчас скорее напоминает стратегию стагфляции. А затем уже, неизбежно и логично, и социально-экономической стратегии.

Именно поэтому идеологические положения, как часть идеологической системы, становятся принципиально важными при «корректировке» Стратегии 2020, которую, на самом деле, необходимо просто заменить **новой социально-экономической стратегией как частью стратегии национального развития**.

[1] *М.Мелоун*. Успех демократий – в качестве авторитаризма. Ярославль-2011. Специальное издание Русского института. М., 6 мая 2011 г.

1.1. Национальное развитие или модернизация?

Провал Стратегии 2020 объясняется, прежде всего тем, что в стратегии не было предложено решение принципиальных, общенационально значимых вопросов. Соответственно нация и элита ее просто проигнорировала. Она носила частный характер. Поэтому сегодня стоит прежде всего вопрос о создании и признании (это – отдельный процесс) стратегии национального развития, а затем уже, в качестве частной, – стратегии долгосрочного социально-экономического развития[1]. Как и всегда, нерешенность общих теоретических вопросов привела к невозможности решения частных.

Второе десятилетие XXI века станет для России переломным десятилетием в эволюции взглядов правящей элиты, которая медленно, с рецидивами, часто вопреки воле самой элиты, ведет к складыванию национально и социально ориентированной устойчивой системы взглядов большинства правящего класса на развитие нации, государства и общества. Рецидивы такой эволюции тоже есть, но они не меняют вектора. Как справедливо аметил С.Черняховский, «… политические взгляды граждан явно склоняются в сторону левых»[2]. При том, что ориентиры правящей элиты и большинства нации, как показывают социопросы, весной 2011 года, все больше расходятся. Так, по результатам опроса Левада-Центра в апреле 2011 года, левых сторонников оказалось порядка 40%, а вместе со сторонниками коммунистов, – почти 60%. Если же к ним добавить сторонников «твердой руки», то – почти 80%, т.е. абсолютное и неоспоримое большинство[3].

---

[1] Так или иначе это признается большинством экспертов но понимается, конечно, по-разному. Либералы полагают, что «… нужна широкая коалиция по вопросам стратегии», которой, по их мнению, должна стать «модернизация, объявлена Медведевым, которая «не имеет альтернативы» (Я.Гордеев. Мозговые штабы объединяют усилия – Независимая газета, 19 мая 2011 г., с. 1, 3.). Но есть и альтернативы для такой основы, среди которых я вижу, например, идеологию русского социализма.

[2] *С.Черняховский*. Россияне склоняются к левой идее. – Эл. ресурс «Новая политика 5 мая, 2011 г. / http://www.novopol.ru/

[3] Россияне о думских выборах. Левада-Центр. Архив. Пресс-выпуск. 28 апреля 2011 г. / http://www.levada.ru/press/2011042801.html.

Каких политических взглядов вы сейчас придерживаетесь?

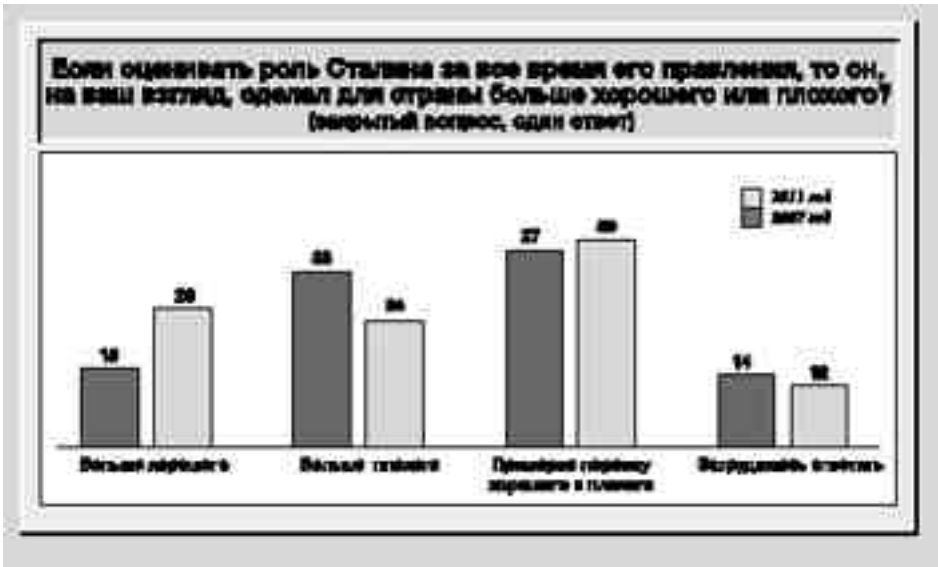
	апр.05	апр.11
Коммунистические взгляды (прежде всего необходимо соблюдать классовые интересы; за государственную собственность на средства производства)	17	18
Социалистические и социал-демократические взгляды (государство должно обеспечивать социальную защиту населения в условиях рыночной экономики)	**39**	**40**
Аграрные взгляды (прежде всего необходимо стимулировать развитие сельского хозяйства)	21	19
Русские национально-патриотические взгляды (прежде всего необходимо соблюдать интересы русского народа)	**14**	**12**
Либеральные взгляды (за укрепление частной собственности и развитие рыночной экономики)	12	12
Режим "твердой руки" (вся власть в стране должна находиться в руках сильного политического лидера)	**22**	**18**
другие ответы/нет ответа	14	13

Это абсолютное большинство резко контрастирует с меньшинством в 12%, придерживающимся либеральных взглядов и таким же числом неопределившихся.

Сказанное означает, что вектор общественного мнения весной 2011 года определился вполне четко: идеология либерализма это идеология абсолютного меньшинства, хотя сторонники этой идеологии управляют государством и разрабатывают стратегии долгосрочного развития.

Правящая либеральная элита откровенно игнорирует мнение большинства. Более того, вопреки мнению большинства, это меньшинство провоцирует общество, выдвигая не по времени неуместные концепции типа «десталинизации». Тем более на фоне неудач российской политики и беспомощности правящей элиты в управлении страной[1].

[1] *О.Каменчук*. Страну лишили исторической памяти. НГ-политика, 17 мая 2011 г., с. 10.



Этот затянувшийся процесс, к сожалению, занял у российской элиты слишком длительное время и привел к катастрофическим ошибкам в 90-ые годы, просчетам первой половины десятилетия и ошибкам последних лет. Важно, однако, что это объективный процесс эволюции взглядов элиты постепенно выводит вектор развития нации на правильный курс, если, конечно, рассматривать его в ретроспективе периода конца 80-х гг. – начала второго десятилетия.

В полной мере это относится и к стратегии социально-экономического развития страны, которая за эти годы прошла несколько этапов избавления от иллюзий и признания, казалось бы, очевидных вещей. В ретроспективе 25 лет эта эволюция представляется следующим образом:

– постепенно произошла переоценка роли государства от его полного отрицания, борьбы с ним и его институтами (период «антиэтатизма» А.Яковлева и «рыночного романтизма» А.Гайдара), до признания его роли в качестве важнейшего инструмента политики и экономики даже среди некоторых либералов (И.Шувалов, например, не ставит роль государства под сомнение[1];

– произошла переоценка представлений о национальных интересах – от их полного отрицания и негативного отношения к самому термину, до признания его в качестве основного критерия при формировании политики государства. В настоящее время ведутся споры о приоритетности, толковании национальных интересов, которые в целом

[1] Известия, 22 марта 2011 г., с. 1.

носят содержательный характер, уточняя, конкретизируя и меняя их приоритетность;

– за 25 лет произошел возврат к таким инструментам политического анализа, как стратегический прогноз стратегическое планирование, концепции и стратегии долгосрочного развития, необходимость которых долгое время отрицалась, критиковалась и даже осмеивалась. В настоящее время речь идет о совершенствовании этих инструментов, их дальнейшей эволюции от примитивной макроэкономической экстраполяции к содержательному и комплексному стратегическому прогнозу и планированию;

– происходит эволюция в отношении приоритетов и целей развития, когда пустые и бессодержательные цели, («перестройка», «демократия», «гласность», «рынок» и т.п.) меняется на реальные цели и задачи развития общества и государства. В этой эволюции еще не пройден последний этап, когда главной целью будет заявлено национальное развитие, конкретизированное в задачах развития НЧП, хзотя уже нередко это признается российскими лидерами. Так, выступая на Совете по развитию гражданского общества 1февраля 2011 года, Д.Медведев подчеркнул значение человека как цели развития[1];

– с конца 90-х годов российская элита медленно, но неуклонно приближалась к пониманию сути стратегии развития, проходя в этом понимании все этапы – от полного отрицания – частичного признания – построения макроэкономической, упрощенной стратегии – до формирования полноценной социально-экономической стратегии развития. В 2011 году российская элита находилась на этапе осознания очевидного факта: стратегия социально-экономического развития «образца 2008 года» не эффективна и не реализуема потому, что она упрощенно понимает цели и средства развития нации.

Дискуссия 2010–2011 годов, на мой взгляд, должна внести существенно корректировки, более того, изменить подход элиты к самой идее долгосрочного развития, который выражается **в замене долгосрочной социально-экономической концепции на стратегию национального развития**.

[1] Российская газета, 2 февраля 2011 г.

Таким образом за период конца с 90-х годов до начала второго десятилетия XXI века шел медленный, но в целом верный процесс эволюции взглядов правящей элиты страны на наиболее принципиальные вопросы – цели и задачи развития, национальные интересы к ценности, средства и способы развития и т.д., – который в 2010–2011 годах поставил российскую элиту в очередной раз перед выбором: либо продолжать либерально-консервативный курс, модернизировав его применительно к западноевропейской системе ценностей, выстроив соответственно стратегию развития общества и государства на основе заимствований (не только технологий, но и институтов и системы ценностей), либо, признав объективные реалии общественно-экономического развития, скорректировать его в сторону национального и социального развития, модернизации на основе синтеза национальных ценностей и современных реалий. Как это сделали в Китае, Индии и – в той или иной степени – в большинстве стран.

Этот выбор, «точка бифуркации», который может стоить нации нескольких лет, даже десятилетия в ее развитии. Это – выбор и стратегии национального развития. Это – политический выбор, который должна сделать российская элита в 2011–2012 годы. И из этого выбора следует в итоге выбор социально-экономической стратегии развития. Соответственно, на мой взгляд, стратегия инноваций должна естественно вытекать из такого выбора как выбора элитой **новой системы взглядов общества, т.е. идеологии, являться лишь ее важной, но частью**[1]. Она должна охватывать прежде всего НЧП, а только как следствие институционные и технологические изменения, т.е. она должна быть стратегией развития нации, и не стратегией отдельных инновационных проектов. Поэтому начинать надо с принципиальных, базовых вещей:

– оценки (и переоценки) национальных интересов и ценностей. Так, национальные интересы России во втором десятилетии XXI века иные, нежели они были у СССР, либо у России 90-х годов и даже России начали века. Их необходимо четкие сформулировать. В том числе и потому, что от этого зависит не только внешняя политика, но и цели

[1] «Люди хотят не столько лиц, сколько ясного курса», – справедливо сказала О. Крыштановская. – И.Резин, А.Самарина. Модернизация без потрясений. – Независимая газета, 17 марта 2011 г., с. 3.

политики внутренней и распределение ресурсов. Если мы полагаем, например, что угроза безопасности неотвратима, то запланированные 20 трлн. рублей на оборону (это, кстати, 15 годовых бюджетов), может и не хватить, ведь вопрос стоит о выживании. Но если угрозы в среднесрочной перспективы национальным интересам нет, то, может быть, есть смысл перераспределить расходы в пользу развития НЧП?

– четкой формулировки национальных целей внутренней и внешней политики на долгосрочную перспективу, приоритетность таких целей и задач. Если мы в качестве важнейшей цели формулируем цель развития НЧП, то, естественно, все дальнейшие действия становятся производными. И в действиях всех ветвей власти, причем на всех уровнях – от федерального до муниципального, – и в бюджетной и в военной, и в информационной, и в налоговой, и в таможенной политике;

– перераспределении национальных ресурсов в пользу сформулированных приоритетных целей, учете и полном использовании **всех** ресурсов, и не только финансовых средств (на что акцентируется все внимание).

Это означает, что нужна мобилизация национальных материальных и не материальных ресурсов, национальной воли, духовной мощи. Все это не может произойти на «национальной» и антисоциальной основе. Следовательно, тебуется пересмотреть национальную и социальную политику в интересах модернизации;

– радикальное изменение правящей элиты, которая, как оказалась, ни нравственно, ни профессионально не готова к реализации стратегии национального развития. Это невозможно сделать из Кремля или Белого дома. Это не просто реформа армии, либо МВД, – это реформа всей общественной и политической системы страны, сознательное стимулирование развития институтов НЧП.

Но начинать надо все-таки с переоценки интересов и целей национальной стратегии, решения принципиальных вопросов целеполагания и распределения всех национальных ресурсов. А это уже уровень национальной стратегии («National Stratery, как говорят в США), а не её – социально-экономической части.

На рисунке это можно было бы изобразить следующим образом.

Стратегия долгосрочного национального развития

Как видно из предложенного рисунка, начинать надо не с технологий, а с человека, его потенциала, превращая этот потенциал посредством социальных институтов в **инструмент модернизации**.

Сегодня такого инструмента фактически нет. Еще хуже – он сокращается. Поэтому нет и практического результата. И не будет. Потому, что любые программы делают люди, общество, нация и созданные ими институты, т.е. социальный потенциал, а не технологии или машины. И даже не деньги, что уже звучат кощунственно для разработчиков новой Стратегии.

В январе 2011 года была предпринята очередная попытка. Подготовленная Минэкономразвития Стратегия инновационного развития до 2020 года предполагает, что через десять лет страна сможет претендовать на 10% мирового рынка интеллектуальных услуг, а доля инновационного сектора в ВВП вырастет до 20%[1]. Эксперты настроены скептично, но их возражения носят опять же преимущественно технологический характер: «пока чиновники не научатся разумно тратить бюджет и не откажутся от лоббирования псевдонаучных интересов, Россия будет развиваться лишь инерционно». При этом как-то опускается главный вопрос: на какие цели будет тратиться этот бюджет?

По версии министерства, у России впереди три варианта инновационного будущего. **Первый – инерционное импортоориентированное технологическое развитие**. Согласно ему все внимание должно быть направлено на поддержание макроэкономической стабильности и **низких параметров бюджетных расходов на технологический прогресс**. Такая инновационная политика должна проводиться через общие меры по развитию институтов, формированию благоприятного делового климата, а также организационное содействие государства.

Однако такой вариант с большой вероятностью **ведет к дальнейшему ослаблению национальной инновационной системы. Поэтому второй вариант – «догоняющее развитие и локальная технологическая конкурентоспособность»** – ориентируется не только на перевооружение экономики на основе импортных технологий, но и на **точечное стимулирование отечественных разработок**. Что, собственно говоря, мы сегодня и наблюдаем: Сколково, технологические платформы и т.п.

[1] Инновационная Россия-2020 (Стратегия инновационного развития Российской Федерации на период до 202 года). М.: МЭР, 2010 г.

Для России этот вариант означает **массовое заимствование рядовых для мирового рынка**, но передовых по российским стандартам технологий в качестве первого этапа технологической модернизации. Этот вариант, будь он принят после 2-ой мировой войны Советским Союзом, никогда бы не привел ни к созданию комплекса технологий в области ракетостроения, ядерного оружия, систем управления и многих других. Закончилось бы это заимствование в итоге потерей суверенитета. Хотя у этого варианта есть немало сторонников. Так, главный экономист «Уралсиб Кэпитал» Алексей Девятов считает, что для России «вполне подойдет» второй рецепт. Однако в таком случае «русские особенности» могут сыграть дурную шутку. «Есть опасности, связанные с выбором технологий и приоритетов, – переживает г-н Девятов. – Всегда найдутся те или иные группировки, лоббирующие свои интересы, находящиеся в псевдонаучной плоскости. Нужны независимые эксперты, а таковых найти почти невозможно».

Главные опасности, на мой взгляд, совершенно иные: опираясь на зарубежные заимствования, **мы программируем свое технологическое отставание и зависимость**. И пример Японии для России не годится. Япония была оккупирована после 2-ой мировой войны, лишилась суверенитета и попала во внешнюю зависимость, от которой не избавилась до сих пор. Если мы пойдем по «японскому пути», то мы изначально должны признать, что отказываемся не только от технологической, но и политической самостоятельности и суверенитета. Это – политический, а не технологический выбор.

Этот выбор неизбежно ставит и проблему сохранения национальной идентичности и самой нации. Потеряв экономико-технологическую и политическую самодостаточность и суверенитет, Россия в эпоху глобализации ускорит процесс размывания и потери национальной идентичности.

Вариант номер **три наиболее амбициозен**, а поэтому и наименее реалистичен. В теории он предполагает достижение лидерства в ведущих научно-технических секторах и фундаментальных исследованиях. Это потребует значительных усилий государства по модернизации сектора

НИОКР и фундаментальной науки, концентрации на прорывных научно-технологических направлениях[1].

К сожалению, в этой стратегии минимальное внимание уделяется развитию социального потенциала и его институтов, хотя, следует признать, что в ней уже представлены некоторые критерии развития общества. Обращает на себе внимание стремление учесть мировой опыт (знание языков, образование за рубежом, дополнительное зарубежное образование), что, наверное, полезно. Но, вместе с тем, развитие социального потенциала, ориентированное на зарубежный опыт, почему-то **исключает собственное культурное, духовное и интеллектуальное наследие, развитие национальных институтов**. По существу ставится знак равенства между модернизацией и зарубежным опытом. Между тем, модернизация, это создание принципиально новых товаров и услуг, появление принципиально новых научных идей и инноваций, которые характеризуются **собственными, отечественными, достижениями**, оригинальными, не имеющими аналогов, наработками. Без этого, даже третий сценарий модернизации, неизбежно превратится в одну из разновидностей второго сценария.

Целевые индикаторы, таким образом, ориентируют нас на зарубежные заимствования, а не на развитие НЧП во всех его формах. Особенно в социальной. Что не может не вызывать беспокойства: никогда не может нация быть передовой, если она идет по чужим стопам. Тем более в области общественного устройства и институтов. По сути дела это означает перенос сначала чужих институтов, а затем и ценностей на российскую почву. Этот алгоритм развития – заведомо проигрышный. Уже сегодня можно сказать, что в случае его реализации не будет оригинальных результатов – продуктов, услуг, идей, – которые были бы мирового уровня. Будут повторения, которые изначально не станут конкурентоспособными, потому что из аналоги уже будут на мировом рынке. Даже хуже – национальная культура, наука и искусство будут деградировать. Именно такие первые признаки мы сегодня наблюдаем, когда внедрение ЕГЭ и других нормативов ведет к ликвидации национальных школ балета, хореографии, драматического театра,

[1] *Ан.Литвинова*. Эксперты раскритиковали Стратегию инновационного развития России до 2020 года. Эл. СМИ / http://www.rbcdaily.ru/2011/01/11/focus/.

художественного искусства и, конечно, национальных научных и инженерных школ.

Основные направления этой очередной инновационной стратегии видны из ожидаемых от неё результатов.

Целевые индикаторы реализации Инновационной стратегии[1]

Наименование индикатора	2010	2016	2020
Коэффициент изобретательской активности (число отечественных патентных заявок на изобретения, поданных в России, в расчете на 10 000 населения)	1,95 (2008 г.)	3	4
Число созданных передовых производственных технологий	854 (2008 г.)	1500	2500
Интенсивность затрат на технологические инновации (удельный вес затрат на технологические инновации в общем объеме отгруженных товаров, выполненных работ, услуг)	1,39 (2008 г.)	2	2,5
Доля уникальных, высокоточных, измерительных, аналитических, технологических приборов и оборудования не старше 8 лет (с учетом их модернизации), %	45	65	85
Удельный вес инновационных товаров, работ, услуг в общем объеме экспорта товаров, работ, услуг, %	7 (2008 г.)	12	15
Объем товаров, работ, услуг, связанных с нанотехнологиями, млрд руб.	119	350	600
Население, использующее Интернет для взаимодействия с органами власти, % от численности опрошенных в возрасте 16–74 лет	10	50	60
Доля лиц старше 50 лет, занимающих должности руководителей высшей и главной групп должностей госслужбы	48	40	30
Доля госслужащих, свободно владеющих иностранным языком	Нет данных	Нет данных	20
Доля госслужащих, получающих ежегодно дополнительное образование за рубежом	0,1	1	3
Доля лиц, занимающих должности руководителей высшей и главной групп должностей госслужбы, получивших высшее профессиональное образование за рубежом	>0,5%	4	12
Место России в рейтинге стран мира в области развития информационного общества (в соответствии с международными рейтингами)	59	30	18
Уровень соответствия международным стандартам нормативно-правовой базы в РФ в области инновационной деятельности, %	30	80	100

[1] Инновационная Россия-2020 (Стратегия инновационного развития Российской Федерации на период до 202 года). М.: МЭР, 2010 г.

Удельный вес России в общемировом числе публикаций, % к общему числу публикаций в журналах, индексируемых в Web of Science	2,48 (2008 г.)	4	5

Источник: Минэкономразвития

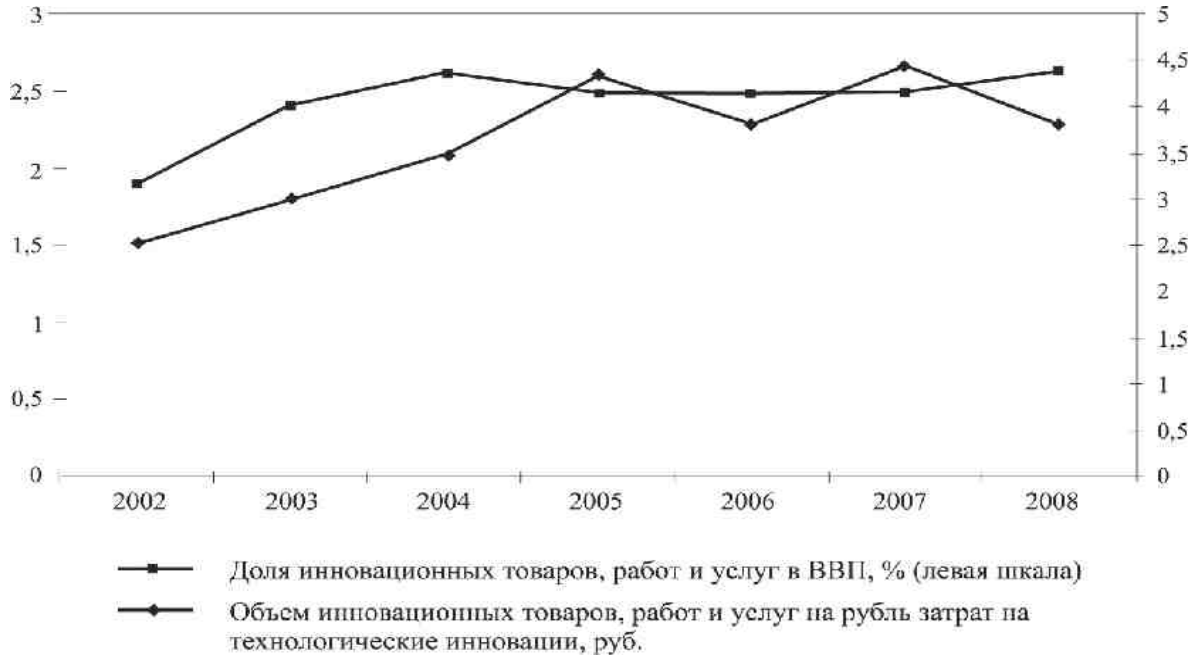
Не может не беспокоить и то, что подобная «инновационная модель» по сути не является не только инновационной (заимствования и инновации – разные понятия), но и антинациональна и антисоциальна.

Антинациональна потому, что лишает нацию установки на идеологическое, культурное, научно-техническое и технологическое лидерство, т.е. лишает нацию права на лидерство вообще, превращая ее уже не только в сырьевой, но и технологический придаток наций-лидеров. Можно ведь увеличить долю наукоемкой продукции в ВВП, но эта продукция будет вторичной, т.е. второсортной. Как, впрочем, и культура, и искусство, и образование. Именно сегодня это происходит в России, когда зарубежные заимствования становятся эталоном и неритмично переносятся на российскую почву. Так же, как это было в политике и в экономике в 90-ые годы: чужие и ложные заимствование идеи оказались разрушительными для нации.

Антисоциальна такая модель потому, что она лишает творческие слои граждан возможности развивать передовые рубежи науки, техники, культуры, образования и искусства, оставляя творчеству возможность компиляции. Но творчество и компиляция – суть антагонисты. Если вы не можете самореализоваться в творчестве, т.е. быть в чем-то первыми, то вы становитесь исполнителем. Либо просто уезжаете туда, где такое творчество возможно. Поддерживается государством и обществом посредством создания различных благоприятных условий. Как это сегодня сознательно делается в США, Израиле, Финляндии.

Странно, но правящая элита сознательно, в рамках министерской политики, формирует установки на ликвидацию … творчества, ориентируя его в долгосрочном плане на заимствования и компиляции, лишая общества креативного класса, который является **главным двигателем развития**. Этот класс творцов заменяют классом имитаторов.

Сегодня все усилия модернизировать страну сводятся к нулю именно из-за отсутствия стратегии национального развития. Модернизация и развитие нации фактически подменяется технологиями. Что хорошо видно на следующем графике и требует особенный комментарий, а именно: технологическая модернизация провалилась именно потому, что ее задачи не вытекали из национальной и социальной модернизации. И попытки в 2011 году разработать более совершенные механизмы технологической модернизации неизбежно приведут к такому же результату, а точнее его полному отсутствию. Начинать надо с модернизации национальной и социальной.

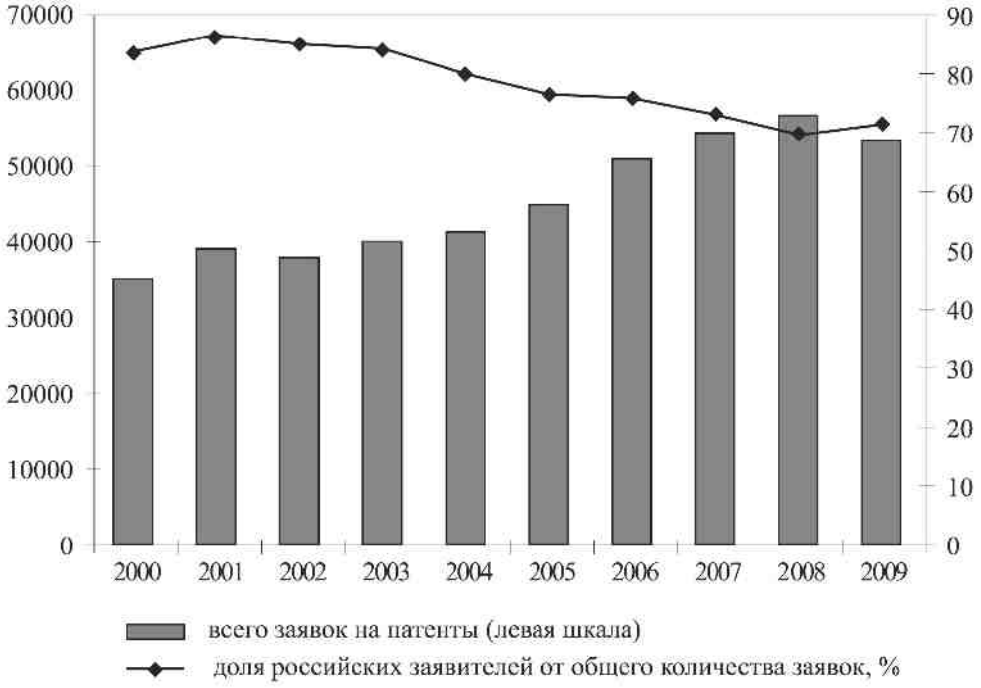


Упорство правящей элиты технологически модернизировать страну, абсолютизация его роли технологии формирует порочную логику и затратную систему: Более того, «точечные» технологические инвестиции даже не бесполезны, **а вредны**: стабильно низкая эффективность инвестиций в инновации за рассматриваемый период, противоречит положениям экономической теории, когда предельная и средняя отдача вроде бы должны устойчиво расти. Соответственно, можно предположить, что формирующаяся изначально неправильно национальная инновационная система, основанная не на НЧП, а на заимствованиях, практически не функционирует, поскольку экономика не в состоянии «переварить» даже не очень внушительный объем инвестиций в сферу инноваций. Экономики

просто игнорирует заимствования, рассматривая их всерьез только как экономическую прибыль.

Таковы реальные результаты инновационной деятельности в 2000-х гг. Хуже, что существующая тенденция в элите позволяет прогнозировать, что такая неверная логика будет продолжена. Изменить ее может только политическая воля. Похоже, что только под влиянием извне. Изнутри она инерционно нацелена на прежний алгоритм. С учетом снижения занятости в сфере научных исследований и разработок (со 133 чел. на 10 тыс. в 2002 г. населения до 111 в 2008 г.), а также динамики заявок на патенты в России (см. рис.), всплеска инновационной деятельности в ближайшие годы ожидать не приходится. Совсем, даже наоборот. Не смотря ни на какие новые «инновационные стратегии» и «задания». Хуже того – средства будут разворованы или использованы неэффективно, что окончательно политически дискредитирует линию В.Путина–Д.Медведева не модернизацию через заимствования.

Динамика заявок на выдачу патентов в России 2000–2009 гг.



Источник: рассчитано по данным Роспатента

Изменить ситуацию может только решительная переориентация планов модернизации на развитие НЧП, его институтов. Причем не только научно-технических и технологических, но и культурных, социальных, духовных.

Особенно беспокоит ситуация в области образования, где ставка на заимствования достигла абсурда. Удивляет, что продолжает сохраняться, например, очевидное заблуждение относительно преимущественного негосударственного развития НЧП, в частности, науки и образования, которое неолибералы усилению навязывают последние 20 лет. Хотя бы потому, что более 75% всех этих институтов принадлежит государству. Как считают эксперты, за счет кредитов коммерческих банков финансируется не более 3–4% инновационных проектов. В кризисном 2009 г. наблюдался фактически нулевой рост кредитного финансирования, – и лишь иногда – 1,5% по отдельным направлениям инноваций. Между тем кризисное поведение США показало, что именно в 2008–2010 годы государство не сократило (как в России), **а серьезно увеличило финансирование всех областей, связанных с развитием НЧП, прежде всего науки и образования**, более того, сделало их своими важнейшими приоритетами.

На практике это проявилось в тенденции сокращения национальных институтов социального потенциала. Даже после фактического их развала в 90-е годы они не стали восстанавливаться, а продолжали сокращаться. Фактически вымирать. Это видно по данным Росстата относительно таких институтов в области исследований и разработок.

Организации, выполняющие исследования и разработки, по формам собственности

	2000	**2003**	**2005**	**2007**	**2008**	**2009**
Всего	4099	3797	3566	3957	3666	3536
Российская собстенность	4035	3740	3513	3895	3613	3483
Государственная*	2938	2760	2632	2821	2716	2655
из нее:						
федеральная	2755	2599	2483	2650	2562	2503
субъектов Российской Федерации	181	161	149	166	148	146
Муниципальная	11	8	6	13	13	14
Частная	388	434	422	638	508	475
Потребительской кооперации	3	2	4	3	2	3
Общественных организаций (объединений)	60	28	27	36	30	26
Смешанная	635	508	422	384	344	310

Иностранная, совместная российская и иностранная собственность	64	57	53	62	53	53

* Расхождение итогов с суммой слагаемых объясняется наличием у ряда организаций долевой собственности.

Как видно, национальный социальный потенциал в 2000–2010 годах устойчиво сокращался с 4099 до 3536 единиц в 2009 году. Подчеркну, не восстанавливался после обвала 90-х годов, а сокращался. Сокращается и после 2009 года, и после 2010 года, и после 2011 года. Это – тенденция, причем устойчивая и динамичная.

За эти же годы резко сокращалась и численность институтов социального потенциала, которые относятся к национальной собственности – с 4035 до 3483, т.е. почти на 20%. И это после кризиса 90-х! В том числе государственная – федеральная и региональная.

На графике видно, что более 75% собственности научных организаций принадлежит государству и только чуть более 13% – частным лицам. Учитывая долю государства в других формах собственности можно предположить, что положение науки в России зависит более, чем на 85% от государства. Поэтому стратегия «инноваций», построенная на зарубежных заимствованиях, – прямая угроза национальной науке. Заимствования не нуждаются в собственных исследованиях, тем более в фундаментальных областях. Они их просто игнорируют, либо уничтожают как конкурентов.

Как видно из графика стратегия национальности развития, которая должна лежать в основе стратегии модернизации, неизбежно вынуждена основываться на развитии национальных (и прежде всего государственных) институтов социального потенциала, а также создании новых таких институтов. Не удушению и ликвидации, а, повторю, развитию. Всех и разных. От РАН до муниципальных. И естественно – научных и гуманитарных.

Иная «инновационная» стратегия, основанная, например, на технологических заимствованиях сначала сделает науку не конкурентоспособной (что уже достигнуто), уничтожит национальную науку, а затем сделает нацию зависимой в науке и образовании также как она сделала ее зависимой в продовольственной, автомобильной медицинской отраслях.

Провалилась и проводимая правительством финансовая политика накоплений, ради которой долгие годы недофинансировалась наука, образование и культура. Не удивительно, что финансовая политика накопления вместо инвестирования ощутила на себе удар кризиса 2008 года: старая структура экономики (даже худшая, чем при СССР) опиралась на накопленные резервы. Резервы, которые, как оказалось, не способные спасти ни от финансового кризиса, ни обеспечить бездефицитный бюджет.

Тем более не способны обеспечить опережающее развитие, как это предполагалось в президентской стратегии и Концепции долгосрочного социально-экономического развития. Результат оказался негативный. Прежде всего для социального потенциала НЧК. Это выразилось в деградации и сокращении численности, например, организаций, выполняющих исследования и разработки[1].

Организации, выполняющие исследования и разработки

	2000	**2003**	**2005***	**2007**	**2008**	**2009**
Всего	4099	3797	3566	3957	3666	3536
Научно-исследовательские организации	2686	2564	2115	2036	1926	1878
Конструкторские бюро	318	228	489	497	418	377
Проектные и проектно-изыскательские организации	85	68	61	49	42	36
Опытные предприятия	33	28	30	59	58	57
Высшие учебные заведения	390	393	406	500	503	506
Промышленные предприятия	284	248	231	265	239	228
Прочие	303	268	234	551	480	454

* Изменилась методология распределения организаций по типам.

Видно, что стремительно сокращается численность научно-исследовательских организаций, которые во многом были уже уничтожены в 90-ые годы: с 2686 до 1876 – в 2009 году, т.е. почти на 30%! Это происходило в годы подъема российской экономики и даже в годы провозглашенного курса на модернизацию!

[1] Наука в России в цифрах: 2010. Стат. сб. – М.: ЦИСИ, 2010 г., с. 18.

2009

Научно-исследовательские организации (53.1%)
Прочие (12.8%)
Промышленные предприятия (6.5%)
Высшие учебные заведения (14.3%)
Опытные предприятия (1.6%)
Проектные и проектно-изыскательские организации (1.0%)
Конструкторские бюро (10.7%)

1.2. Алгоритм формирования стратегии

«Движение вперед нашего познания природы происходит тогда, когда между теорией и опытом возникают противоречия … Чем крупнее эти противоречия, тем фундаментальнее перестройка тех законов, которыми мы объясняем процессы …»[1].

«Одно из важнейших сохраняющихся у России конкурентных преимуществ с точки зрения инновационного развития – человеческий капитал»[2].

«Инновационная Россия-2020»

Формировать стратегию модернизации и стратегию социально-экономического развития надо начинать с **переоценки правящей элитой либерального понимания национальных интересов, целей и ресурсов развития**, т.е. преодоления тех противоречий, которые возникли между идеологией фундаментального либерализма и реалиями, переход к новой идеологии, способной преодолеть эти противоречия. И уже на базе новой идеологии перейти к **формулированию национальной стратегии развития**.

Логика и порядок действий может быть обозначена изначально как задача формирования алгоритма стратегии. Национального развития и социально-экономической стратегии. На мой взгляд, он таков.

---

[1] *П.Л.Капица.* Эксперимент, теория, практика. М.: Изд-во «Наука», 1977, с. 352.

[2] «Инновационная Россия-2020 (Стратегия инновационного развития Российской Федерации на период до 2020 года). М., Минэконом развития, 2010 г., с. 8.

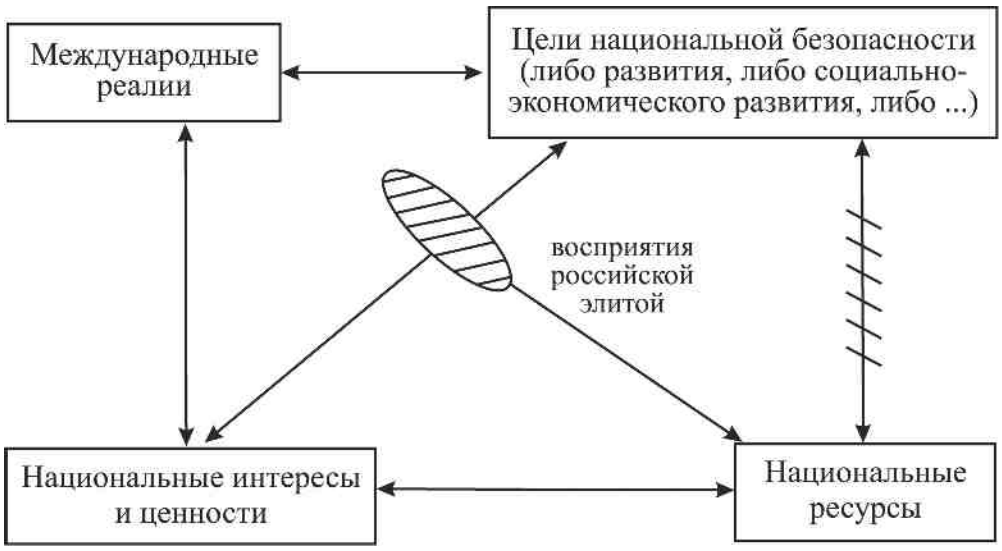
Таким образом нынешняя модернизация это (стратегия «б») не более, чем частная стратегия, описывающая частный процесс развития материальных активов.

При формировании каждой из стратегий особая роль принадлежит правящей элите, которая

а) формулирует долгосрочные цели, принимает прогноз, оценивает возможные угрозы и трактует национальные интересы, а также интерпретирует национальные ценности;

б) ведет учет, распределяет и с разной степенью эффективности использует национальные ресурсы.

На простом рисунке это взаимосвязь выглядит следующим образом:



Стратегия, собственно говоря, это искусство и наука правящей элиты достигать поставленных целей максимально эффективно используя имеющиеся (и, возможно, будущие) ресурсы. Это – универсальное определение, которое может быть конкретизировано применительно к:

Стратегии национальной безопасности как **искусство элиты** обеспечить сохранение и развитие нации, её национальных интересов и ценностей внутри страны и за рубежом;

Стратегии национального развития как **искусства элиты** обеспечить устойчивое и эффективное развитие нации в долгосрочной перспективе;

Стратегии социально-экономического развития как **искусства элиты** обеспечивать опережающее социальное и экономическое развитие нации;

Частные стратегии модернизации как искусство элиты эффективно осуществлять модернизацию:

а). НЧП;

б). Материальных активов;

в). Освоения природных ресурсов.

Прежде всего речь сегодня идет о **политических решениях** относительно превращения России из антисоциального (и, нередко, антинационального) **государства в социальное и национальное государство**. Это означает, что стратегия должна привести к превращению России в государство, где её правящая элита реализует национальные и социальные интересы, осознав и идентифицировав себя с нацией[1], ее

[1] Без процесса самоидентификации правящей элиты и нации адекватное осознание национальных интересов просто невозможно. См. подробнее о кризисе идентичности в российском обществе в кн.: 2000–2010 годы: эволюция и генезис

будущим. А не зарабатывает деньги, тратя их за рубежом. Способов такой идентификации может быть много, но основной – создание условий обществом, при которых элита прекращает ориентироваться только на материальные ценности. Под страхом, угрозой или идеологическими мерами, как в Китае.

Государство, как наиболее мощный и эффективный инструмент общества, должно выполнить на этом этапе присущую только ему функцию. И, прежде всего, речь идет о создании **модели социального государства** как эффективного инструмента нации и общества, и «образа будущего», о привлечении к этому процессу всей нации, которая пока что не только не вовлечена, но и в основном просто игнорирует усилия части правящей элиты.

Шаги в этом направлении известны. Так, например, В.И.Якунин, В.Д.Роик, С.С.Сулакшин справедливо полагают, что характеристиками и инструментами такой модели социального государства являются[1]:

– высокие расходы общества на заработную плату (40–60% ВВП);

– развитая система социальной защиты, расходы на которую составляют не менее 20–25% ВВП;

– высокая доля социальных расходов в государственном бюджете на здравоохранение (7–9% ВВП) и образование (4–6% ВВП);

– развитые системы профессиональной подготовки, переподготовки и трудоустройства, недопущение высокого уровня безработицы, системная государственная деятельность по созданию новых рабочих мест.

В число задач данного типа государства по их мнению входит:

– организация общественной жизни на основе гуманизма и права;

– определение стратегии социально-экономического развития общества;

– осуществление функций арбитра и контролера выполнения обязательств, имеющихся у других субъектов экономической и социальной жизни;

– разработка и реализация социального законодательства.

структуры социально-политических отношений в России и за рубежом. Т I / Под общ. ред. Д.П.Пискарёва и И.Е.Пискарёвой. – М., 2010, сс. 9–19.

[1] *В.И.Якунин, В.Д.Роик, С.С.Сулакшин*. Социальное измерение государственной экономической политики. – М.: Научный эксперт. Экономика, 2007 г., с. 37.

Как видно подходов к инновационной стратегии может быть три.

Первый – модернизация на основе зарубежных заимствований преимущественно одной из трех частей национального богатства – материальных активов, оставляя «за скобками» внимания НЧП и природные ресурсы. Этот вид находится в центре внимания современной правящей элиты, декларируется как основной.

Второй – модернизация добычи природных ресурсов и экспорт за рубеж. В отличие от декларируемого вида модернизации материальных активов, этот вид модернизации существует реально и подкреплен реальными ресурсами. Не случайно, что в 2008–2010 годы именно в этих отраслях (и смежных, как, например, транспорте) наблюдался более высокий процент инноваций, чем в обрабатывающей промышленности (10% и 5% соответственно)[1].

Третий – модернизация НЧП, которая **начинается** с модернизации институтов социального потенциала, аккумулирующих НЧП и способных стать реальным механизмом внедрения инноваций в экономическую и общественную жизнь страны.

Это отмечалось и отмечается многими независимыми экспертами, даже уже стало банальностью. Недостатка в предложениях не было и нет. Так, в своё время С.Глазьев предложил свои меры перехода к инновационной экономике. На мой взгляд, неполные и не бесспорные, но применимые, безусловно, в рамках новой идеологической парадигмы. Коротко они выглядят так:

Для реализации **инновационного сценария Концепция** должна была скорректирована следующим образом.

1. Перенести на первый этап прогнозного периода (2008–2010 годы) меры по **изменению денежно-кредитной и бюджетной политики**. Соответственно параметры монетизации российской экономики и доли государственных расходов на цели социально-экономического развития, планируемые в Концепции на **2020 год**, должны быть достигнуты к **2011 году.**

[1] В частности активизировались идеи концессий после принятия в 2005 году закона «О концессиях». По подсчетам экономистов, на основе концессий не только месторождений нефти и газа, но и леса, сельхозугодий, водных бассейнов наша страна способна освоить производственные технологии стоимостью 7–8 трлн. долл. См. подробнее: *В.Гусейнов*. Концессионная политика как фактор модернизации страны. – Независимая газета, 5 апреля 2011 г., с. 7.

Отметим, что именно эти проблемы стали основными в период кризиса. Очевидно, не хватало ресурсов для кредитования реального сектора экономики. Поэтому кредиты брались на Западе, на более выгодных условиях. Объем этих кредитов составил к середине 2008 года реальную угрозу финансовой системе России, а меры, предпринятые Правительством по перекредитованию, – недостаточными.

Другая сторона проблемы – искусственное сужение денежной массы. Понятно, что это делалось для борьбы с инфляцией, но, как известно, есть два основных способа такой борьбы: во-первых, увеличивать объем товаров и услуг, а, во-вторых, сокращать денежную массу. Финансовые власти почему-то все время выбирали второй.

Второе предложение С.Глазьева – ввести **тарифную паузу**, заморозив до 2010 года тарифы на газ, тепло и электроэнергию.

С ним также трудно спорить, Если основной двигатель инфляции в России тарифы монополий, то и борьба с инфляцией предполагает, прежде всего, замораживание тарифов. Глупо надеяться, что инфляция составит 11%, если тарифы растут на 15–20%.

Третье предложение С.Глазьева – кардинально повысить эффективность антимонопольной политики, создав здоровую конкурентную среду для управления госкорпорациями. И здесь трудно возразить С.Глазьву, хотя бы из-за вопиющего примера с ценами на бензин, когда цена за баррель сократилась со 140 до 60 долл., а литр бензина в России стоит столько же.

Четвертое предложение – обеспечить соответствие политики госзакупок, включая закупки госкорпораций, **приоритетам развития отечественной промышленности**.

Наконец, в-пятых, – отменить до 2010 года НДС, провести инвентаризацию и переоценку основных фондов, **освободить от налогообложения все расходы на НИОКР и освоение новой техники**.

Именно так и поступают во многих странах, когда проводят реальную инновационную политику. Примеров множество, но даже простой здравий смысл подсказывает, что затраты на науку и НИОКР должны поощряться государством, либо прямо финансироваться из казны.

Исторические часы тикают. Мы не в уютном доме, а на пороховой бочке. Тикающие часы – не «Роллекс» на руке «нового русского». Это адский часовой механизм.

Технологический прорыв – одна из возможностей этот механизм обезвредить. Издержки – понятны. Риски – тоже. Но есть ли другие возможности. Если кто-то их знает – пусть не скрывает от общества эту тайну. А если … «Если других возможностей нет?»[1]

В этой связи, становится вполне конкретным вопрос: каковы условия опережающего развития России? Попробую их сформулировать ниже. Но одно важное, принципиальное замечание при спорах о путях развития России, должно обязательно находиться в центре общественного внимания, а именно: нации, государства в те или иные периоды времени оказываются в условиях, когда их дальнейшее существование **прямо зависит от того, как они развивались предыдущие десятилетия**. Было ли у них накоплено достаточно ресурсов – идеологических, материальных, военных – или они оказывались предметом воздействия сторонних сил, объектом чужой внешней политики.

Не трудно предположить, что к 2020 году вокруг России объективно сложиться именно такая ситуация. Огромная мощь Европы, объединенная в военно-политический союз с США, с одной стороны, и еще большая мощь Китая, с другой. По сути, эти две державы будут требовать «равного доступа» уже не только к энергорёсурсам, но и к земле, воде, природным ископаемым.

Простой пример. Только за последний год стремительно взлетели цены на продовольствие и стали уже говорить о «геополитической угрозе». Не трудно себе представить, что если цены на эти ресурсы за 2–3 года вырастут также как до этого на энергоносители (т.е. в 4–5 раз), то может появиться соблазн **потребовать** от стран, которые способны, но не производят достаточно ресурсов продовольственного характера.

Но если все сохраниться как в сегодняшних прогнозах, то соотношение сил будет приблизительно 1:10 как с одной, так и другой стороны. Как в этих условиях сможет повести себя Россия? Уповать на устаревший ядерный потенциал или быть готовой к интервенции в форме «мягкой силы» или прямой военной агрессии? Напомним, что у всех

[1] *С.Кургинян.* Условия прорыва-3. – Завтра. 2007 г.. № 30, с. 3.

пограничных с Россией стран есть еще и территориальные претензии, которые быстро могут быть добавлены иными.

Примеры, когда крупные государства становились предметом дележа, банальны. Они – норма международных отношений. Тем более, когда международное право само стало «инструментом политической целесообразности».

Поэтому, разрабатывая концепции долгосрочного развития, мы должны исходить не из макроэкономических показателей (которые, кстати, всегда оказываются заниженными), а из последствий реализации таких концепций для национальной безопасности. В данном случае это означает следующее:

Во-первых, Россия должна быть адекватна по своему потенциалу, как Европе, так и США. И по экономическому, и военному, а, главное, интеллектуальному и духовному.

Во-вторых, так как численность населения европейских стран и Китая будет превосходить численность граждан России в 6–10 раз, то нужна как эффективная демографическая политика, так и продуманное размещение граждан по всей территории страны. На сегодня ситуация в этой области катастрофична. Вот уже почти 20 лет численность городского и сельского населения стабилизировалась, а в регионах Дальнего Востока и Сибири есть только два города-миллионщика. Напомню, что развитие высокотехнологичных производств и быстрое воспроизведение потенциала личности концентрируется вокруг мегаполюсов. Нам также нужны, особенно в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке, такие «точки роста»[1].

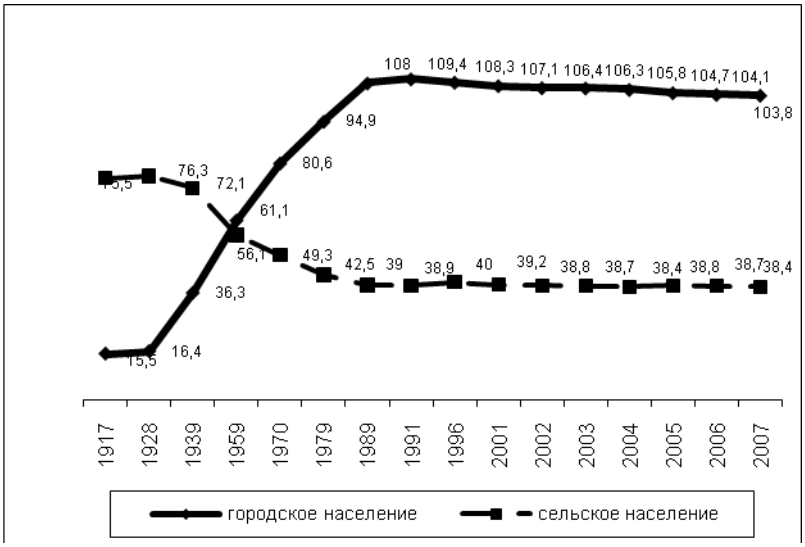
Надо особо подчеркнуть, что современная экономика в развитых странах растет отнюдь не равномерно. Это одно из закономерностей глобализации. Не случайно в США, например, такой «точкой роста» является Нью-Йорк, чей ВВП (более 1 трлн. долл.) равен российскому. Но и в России такие «точки роста» очевидны. Это Москва и С.-Петербург, но в перспективе это должны быть искусственно созданные Новосибирск, Хабаровск, Иркутск, Н.-Новгород, Ростов-на-Дону. Именно эти города дадут в будущем максимальный прирост новой экономики.

---

[1] Сила притяжения асфальта. – Российская газета, 2008 г., 10 апреля, с. 11.

Понятно, что Россия это не только мегаполисы, но и тысячи других городов, но стратегия опережающего развития может базироваться, прежде всего, на искусственном стимулировании роста российских городов-миллионщиков, превращении их в «точки» и «центры» развития новой экономики.

Сколько в России горожан
(млн. человек)



По данным Росстата

Российские города-»миллионеры»

Город	Число жителей (млн.)
Москва	10,425
Санкт-Петербург	4,58
Новосибирск	1,397
Екатеринбург	1,308
Нижний Новгород	1,283
Самара	1,143
Омск	1,138
Казань	1,112
Челябинск	1,093
Ростов-на-Дону	1,054
Уфа	1,029
Пермь	0,993
Волгоград	0,991

По данным Росстата на 1 января 2006 года.

Наконец, в-третьих, главное: экономика и мощь могут многократно усилиться сегодня только за счет роста потенциала человеческой личности во всех его составляющих интеллектуальном, информационном, духовном, социально-экономическом. Именно поэтому и на этом направлении мы можем совершить мощнейший рывок в развитии. Такой рывок, который нам не спрогнозируют никакие макроэкономисты.

Тем более что другого выхода у нас попросту нет. У нас – это у нации, у государства, у народа.

Поэтому предлагаемые условия, как кажется, должны лечь в качестве **обязательных условий** стратегического планирования России до 2020–2030 годов.

Простой пример из, казалось бы, самой «спокойной» области.

В настоящее время сформировались две устойчивые и долгосрочные негативные тенденции в области обеспечения продовольствия, очевидно угрожающие не только реализации стратегии социально-экономического развития России, но и национальной безопасности страны в целом. Более того, международные эксперты полагают, что углубляющийся продовольственный кризис приведет к «геополитической нестабильности в мире и особенно остро отразится на внутриполитической и социальной стабильности стран-импортеров продовольствия». Действительно, в ряде развивающихся стран уже прокатилась волна беспорядков, вызванная ростом цен на продовольствие в последнее время.

На мой взгляд, эти тенденции объективны и вряд ли преодолимы в целом в геополитическом плане. За последние 12 месяцев рост цен на продовольственную группу товаров в мире превысил 40%! Вероятность того, что ситуация будет усугубляться и повлечет за собой серьезные социально-экономические и, возможно, международные последствия, – очень высока.

Во-первых, будет стремительно расти спрос в мире на продовольственные товары, в основе которого находится множество факторов (растущее потребление Китая, Индии, других стран, спрос на биотопливо и т.д.).

Во-вторых, будет продолжаться рост себестоимости сельхозпродукции, который вызван также целым рядом долгосрочных

факторов, включая рост цен на энергоносители, удобрения и оплату труда в странах-экспортерах (которыми, как правило, являются развитые государства).

Можно уверенно сказать, что **в ближайшем будущем** от такого развития событий особенно пострадают те государства, которые в значительных объемах закупают продовольствие. Последствия будут уже не только финансовые и социально-экономические, но и **политические**.

Для России это означает также, что планы по повышению качества жизни большинства населения, в особенности с низкими доходами, становятся в непосредственную зависимость, прежде всего от **доступности качественного продовольствия**. Это является не только социально-экономической проблемой, но и проблемой внутриполитической стабильности: социально значимые продукты **становятся дороже и недоступнее**, а рост цен на хлеб, масло, мясомолочные продукты в последние годы **значительно превышал темпы инфляции и рост реальных доходов населения** (по некоторым оценкам – выше 60%).

Кроме того эта ситуация крайне негативно сказывается на тенденции формирования среднего класса. В последние годы в России наблюдается положение, когда увеличение реальных доходов населения объективно обуславливает потребность в качественных продовольственных товарах, которые, однако, дорожают **быстрее, чем растут доходы среднего класса.** Так, рост расходов на питание в России ведет к тому, что в отличие от развитых стран (где их доля составляет 20%) практически все доходы тратятся на продовольствие. Это означает, что на покупку товаров длительного пользования, а значит и расширение спроса, внутреннего рынка денег остается меньше. Учитывая же, что продовольственные товары в значительной степени импортные, получается, что растущие **доходы большинства граждан страны идут на оплату быстро воспроизводимых** в развитых странах продовольственных ресурсов.

По данным различных источников, доля импорта продовольствия в Российской Федерации значительно превышает собственное производство. В 2007 году Российская Федерации **перешла порог продовольственной безопасности** (по международным нормам ФАО

при ООН) по птице (62%), мясу говяжьему (57%), молоку и маслу (55%), некоторым видам кондитерских, колбасных изделий (более 60%) и т.д. Животноводческий комплекс находится на грани кризиса. Значительную долю продовольствия составляют генномодифицированные продукты. Более того, доля импорта в потреблении продовольствия **продолжает постоянно расти**.

Полагаю, что в ближайшие 4 года проблема обеспечения России продукцией сельского хозяйства **перейдет из стадии отраслевой в комплексную – социально-экономическую, внутриполитическую, а, может быть, даже внешнеполитическую.** Достаточно вспомнить, что США активно использовали ограничения на экспорт в качестве инструмента своей внешней политики.

Наконец, огромные сельскохозяйственные угодья – очевидно конкурентное преимущество России по сравнению с другими странами, которое не только не используется, но и превращено в проблему. В условиях продовольственного кризиса это преимущество России – если оно будет использовано – может дать не только избавление от импортной зависимости, но, и превратится в высокодоходную и экспортно-ориентированную отрасль.

Таким образом, проблемы развития сельского хозяйства выходят **далеко за пределы компетенции Минсельхоза или Минфина**. Думается, что они станут уже в ближайшие месяцы **крупными** внутриполитическими и экономическими проблемами, которыми неизбежно будут вынуждено заниматься не только другие министерства, но и высшее руководство страны. Особенно в условиях кризиса.

Глава 2. Условие № 1: Необходимость принятия адекватной стратегии долгосрочного социально-экономического развития

«… где долгосрочная программа
и всем понятная стратегия ..?
Одними горячими призывами
жить дружно дело не решить»[1].

Э.Баталов,
главный научный сотрудник
ИСК РАН

««Концепция-2020» отстала
от вызовов времени на годы еще
до своего появления …»[2].

В.Расторгуев

После кризиса 2008–2010 годов стало ясно, что разработанные в докризисный период стратегии и концепции долгосрочного развития, как минимум, бесполезны, а, как максимум, – вредны. Это привело к тому, что руководство страны призвало экспертное сообщество к широкой дискуссии и «корректировке» Стратегии-2020, для чего были созданы 21 экспертная группа и дан достаточно большой период времени – до конца 2011 года. Учитывая, что бюрократия всегда «занимает центральное место в историческом процессе модернизации»[3], действия по формированию стратегии развития России имеют решающее значение. По сути дела влияние других факторов, в том числе политических и социальных институтов нации, – ничтожно мало. Поэтому приходится апеллировать к мудрости российской правящей элиты, что, конечно, наивно, но неизбежно. Как совершенно справедливо заметил академик РАН О.Т.Богомолов, «… развитие экономики той или иной страны во многом находится под влиянием политики, т.е. зависит от целей, поставленных правящей элитой»[4].

Это – формальная сторона проблемы. Неформальная же заключается в том, что:

– Стратегия-2020 оказалась бесполезной. И не только из-за кризиса, но и из-за крайне низких, если ни сказать нулевых практических результатов ее реализации в 2008–2010 годы. Это означает, что нужна не

---

[1] *Э.Я.Баталов*. Революция. Бунт. Переворот. – Независимая газета, 22 марта 2011 г., с. 15.

[2] *В.Н.Расторгуев*. Политическое планирование в условиях «водного голода». – Вестник МГИМО (У), № 1 (16), 2011 г., с. 7.

[3] *В.Д.Андрианов*. Бюрократия, коррупция и эффективность государственного управления: история и современность. – М.: Волтерс Клувер, 2009, с. 9.

[4] *О.Т.Богомолов*. Наши исследования не были напрасными. – Мир перемен, № 3, 2010, с. 10.

модернизация старой, а создание новой Стратегии. Причем стратегии развития нации, а не модернизации технологий.

– В послекризисный период Россия оказалась отброшенной назад значительно дальше, чем любая из развитых стран, не говоря уже о Китае и Индии, которые сравнительно безболезненно пережили кризис, т.е. стратегия оказалась пригодной только при стабильном развитии. Собственно, положительная в ее основу экстраполяция, это и предполагала.

Вместе с тем уже в начале 2011 года было ясно, что проваленная стратегия оказалась результатом интеллектуальной деятельности той группы элиты, точнее – ее финансовой части, – которая не собиралась что-то принципиально менять или пересматривать свои взгляды. Собственно им же В.Путин и поручил переработать стратегию внеся в нее «коррективы», а не создать новую стратегию. Это, на мой взгляд, изначально обрекает новую стратегию на провал. И не потому, что эти (как говорят, более 1100 человек) эксперты столь уж плохи, а потому, что они находятся в плену макроэкономической логики, не понимая значения главных движущих сил развития – активных социальных групп.

В то же время у всей российской творческой элиты, безусловно, есть потенциал для решений задач любой сложности. Важно, чтобы политическая элита привлекла ее к решению этих задач.

Характеризуя качество культурно-интеллектуальной российской элиты, российские социологи, например, отмечают[1]:

– «слабость влияния на социальные процессы и на национальное самосознание;

– «интеллектуально-креативная» сущность;

– «эмоционально-волевая», включающая чувство справедливости, совестливости, смелости, честности;

– «способность обеспечить баланс культурных традиций и новаций…»;

– потребность представителей в самоактуализации, в расширении интеллектуальной и информационной базы».

---

[1] *Н.Б.Карабущенко, А.В.Иващенко*. Элита: психологическая сущность, критерии, типологические особенности. – Вестник РГНФ, № 4 (61), 2010, сс. 101–103.

Другими словами, российские социологи отмечают в целом высокое качество российской культурно-интеллектуальной элиты, безусловно способной разработать и реализовать как национальную стратегию развития, так и ее социально-экономическую часть.

И наоборот. Анализ социологов показывает, что политическая элита в целом не соответствует очень многим критериям. Прежде всего профессиональным, нравственным, деловым[1].

Таким образом возник **конфликт элит** – политической и интеллектуальной, который многое объясняет. Прежде всего, то, что политическая элита **не способна адекватно сформулировать стратегию, а тем более ее реализовать**. Просто в силу низкого качества российской политической элиты.

[1] *Н.Б.Карабущенко, А.В.Иващенко*. Элита: психологическая сущность, критерии, типологические особенности. – Вестник РГНФ, № 4 (61), 2010, сс. 101–103.

2.1. Кризис как констатация неадекватности российской элиты. Необходимость ее смены

«Налицо кризис политики
и идеологии правого центра»[1].

А.Богатуров,
профессор МГИМО(У)

«… версия о том, что мы будем
двигаться медленно, но качественно –
это дурацкая фантазия непрофессионалов
… для модернизации нам нужны
высокие темпы»[2].

В.Швантер

Характеристику типов современных российских элит, их особенностей, очень хорошо дали российские исследователи Н.Б.Карабущенко и А.В.Иващенко[3]. В частности, говоря о политической элите, авторы отмечают мнение ведущих социологов об элите: «**недостаток знаний и умений**, отсутствие нового мышления…, доминирование кланово-эгоистических ориентаций, определяющих стратегию удержания власти и сохранения политического статус-кво **в ущерб ценностям развития и созидания** (подч. *А.П.*), а также преобладание частных мотивов над гражданскими».

Кроме того, в политической элите «отражается низкий уровень политической и правовой культуры».., а также «ориентация на ближнюю и среднюю перспективу, опору на административные методы и ресурсы».

Кроме того, ряд социологов отмечают, что вхождение в элиту происходит, за счет протекционизма и «трайбализма» и «конверсии … различных видов капитала».

Адекватность политической элиты – во многом осознание тех объективных перемен в общественных настроениях, которые произошли во время кризиса и сразу же после него, прежде всего в политической идеологии. Как справедливо пишет К.Рогов, «**Политическая идеология нулевых формировалась в отталкивании от них: «стабильность» и «рецентрализация» стали основными лозунгами эпохи**. Стабильность в системе ценностей приобрела безусловный приоритет в сравнении с

---

[1] *А.Богатуров*. Кризис политики правого центра. – Независимая газета, 22 марта 2011 г., с. 11.

[2] *В.Швантер.* Мы равны самим себе. Эксперт, 26 июля–1 августа 2010 г., с. 38.

[3] *Н.Б.Карабущенко, А.В.Иващенко*. Элита: психологическая сущность, критерии, типологические особенности. – Вестник РГНФ, № 4 (61), 2010, сс. 93–104.

идеей изменений и реформ. Именно поэтому, например, констатация населением чрезвычайно низкого качества государственных институтов **не сопровождалась спросом на их реформирование**. Тенденции рецентрализации (возвращения полномочий и функций от более низких этажей управления к более высоким) вызывали одобрительное или нейтральное отношение общества. А высокие темпы роста экономики и доходов, казалось, воочию демонстрировали благотворность этого процесса.

Кризис 2008–2010 гг. и здесь выступает в роли переключателя. Лихие 1990-е как естественный фон, «политический задник» эпохи, **задававший иерархию ценностей, становятся все менее актуальны для общественного сознания**. Новый кризис стирает память о предыдущем, под влиянием которого **формировались эти ценности, а, кроме того – подрывает веру в то, что централизация (вертикализация) власти является сама по себе двигателем роста** экономики и доходов. В условиях низкого роста понятие «стабильность» будет скорее всего утрачивать свои исключительно позитивные коннотации, менять окраску и восприниматься уже в значительной степени как «застой», «стагнация»[1].

Примечательно, что либералы в 2010–2011 годы предприняли мощную идеологическую контратаку «по всем фронтам» – от экономики («модернизация» Стратегии 2020) до идеологии, где рабочая группа Совета при Президенте РФ по развитию Гражданского общества во главе с М.Федотовым потребовала от элиты «досталинизации», предложила даже «ограничить свободу слова» защитникам Сталина[2].

Неадекватность Стратегии-2020 означает, что правящая финансовая элита изначально неверно обозначила:

Во-первых, не точные цели, и приоритеты, которые не объективно отражали **национальные интересы**. Да и дискуссии относительно национальных интересов до принятия Стратегии не было.

При этом недооценка сформулированных задач и возможностей также опасна, как и их переоценка. А российская финансовая элита все

---

[1] *К.Рогов.* Третий цикл. – Ведомости, 30 марта 2011 г., с. 4.

[2] *А.Самарина*. Михаил Федотов и признак сталинизма. – Независимая газета, 5 апреля 2011 г., с. 3.

время боялась быть оптимистичной. Но даже при такой боязни результаты реализации за 2008–2010 годы оказались хуже самых пессимистических сценариев.

Во-вторых, не была правильно и точно оценена соотношение сил в мире и основные тенденции мирового развития, включая, политические и иные риски. Кризис не просто проморгали. Даже, когда он наступил, его «не замечали». В этой области важно увидеть реальные перспективы, степень «современности», «модернизированности» экономики. Как справедливо считают исследователи МГИМО(У), «Доступным способом оценки степени развитости («модернизированности», «Современности» и т.п.) экономики и шире – социально-экономической (и политико-экономической) сферы, России, как и любой другой страны, является ее сопоставление с экономиками других стран… Важным показателем, отражающим успешность функционирования экономики (при сопоставлении с другими) и степень ее «модернизированности» («современности»), можно считать **конкурентоспособность** и в особенности **то, как она обеспечивается**»[1].

Как отмечает ведущий американский экономист М.Портер, «за последние десятилетия усиление конкуренции отмечено фактически во всем мире. Еще не так давно она отсутствовала во многих странах и отраслях… Очень немногие отрасли экономики сегодня в состоянии противостоять влиянию конкуренции и рынка. Ни одна страна и ни одна компания не могут позволить себе игнорировать объективную необходимость конкуренции. Они должны постараться понять и освоить искусство конкурентной борьбы»[2].

В-третьих, точно оценила собственные возможности и ресурсы, не переоценивая, но и не недооценивая их. Так, доля экономически – активность населения в России почти в 2 раза больше, чем в Германии, а ВВП – в 2 раза меньше, что свидетельствует о крайне низкой производительности труда. Но и зарплата пропорциональна производительности труда. Что здесь первично, а что вторично?

---

[1] Динамика мирового политического развития и проблемы глобальной конкурентоспособности России. Отчет о НИР. Т. 1, этап 2., МГИМО (У), 2010 г., с. 9.

[2] *М.Портер*. Конкуренция, обновленное и расширенное издание: Пер. с англ. М.: ООО «И.Д.Вильямс», 2010 г., с. 17.

Казалось бы, ответ ясен – рост производительности труда ведет к росту зарплаты. Но если сделать труд дорогим (т.е. повысить минимальную зарплату), то это неизбежно приведет к росту производительности труда и снижению издержек, что сегодня не является главным для российского бизнеса.

Экономически активное население крупнейших по населению стран мира

Страна	Население, млн. человек		
	Население, всего, млн. человек	Экономически активное население, млн. человек	Доля женщин в экономически активном населении, %
	2005 г.	2005 г.	2004 г.
Россия	**142**	**78**	**49**
США	294	110	46
Китай	1305	726	45
Индия	1072	416	29
Бразилия	182	74	42
Нигерия	123	47	35
Пакистан	154	49	27
Мексика	105	38	35
Германия	**83**	**41**	**45**
Франция	62	26	46
Великобритания	59	29	46

В основе качества рабочей силы (а, в конечном счете – производительности труда и объема ВВП) лежит образование, здоровье, профессиональный опыт и психологические (а также психические) особенности.

В-четвертых, после кризиса для многих в мире стало очевидным, что прежняя архитектура безопасности, финансовая и экономические системы себя изжили. Некоторые (как М.Ходорковский в своей статье «Левый поворот–3»)[1] считают, что эти изменения должны привести к отказу от идей неолиберализма и либертариантства на какой-то период. Другие – полагают, что усиление роли государства и социальной

[1] *М.Ходорковский*. «Левый поворот–3» / Ведомости, 8 ноября 2008 г., с. 3.

составляющей имеет более фундаментальные причины и более долгосрочные последствия.

Наконец, третьи полагают, что трансформацию управления государством необходимо вести в ультралиберальном направлении – передачи всей полноты политической власти в руки собственников. Так, публицист Ю.Латынина предлагает дать право голоса только налогоплательщикам, а «социально активные люди могли бы сдавать свои голоса в обмен на денежное вознаграждение»[1]. Остается только уточнить, какая будет граница для налогоплательщиков – 1 рубль или 1 млн. рублей?

На семинаре в Институте современного развития 5 ноября 2008 года я высказал несколько тезисов, имеющих, на мой взгляд, принципиальное значение.

Я полагаю, что **кризис показал, что появились явные признаки изменения экономической, политической и социальной системы в мире**, т.е. меняется вся система ценностей, сформированная во второй половине XX века. Система, которая казалась многим не только эффективной, но и вечной. В этих условиях вопрос о ценностях и приоритетах имеет огромное **практическое значение**. Все современные планы и стратегии должны **вытекать, являться следствием стратегии**, а та, в свою очередь, следствием идеологии (как системы приоритетов и ценностей). Так, концепция социально-экономического развития до 2020 года должна была бы быть **следствием формализованной стратегии** (которой до 5 ноября, т.е. послания Д.Медведева не было). Тем более не было идеологии. Поэтому Концепция 2020 (а также Концепции внешней политики, военная доктрина и многие другие) стала выполнять (точнее претендовать на это) эту функцию.

Концепция долгосрочного социально-экономического развития будет адекватна, если она будет **следствием новой стратегии, идеологии, и четко сформулированной системы ценностей**. Это реальный и единственно эффективный механизм управления в долгосрочной перспективе. Причем, повторю, в условиях мирового кризиса потребуется переоценка всей системы ценностей.

---

[1] Встреча с Юлией Латыниной. – Эл. СМИ: портал МГИМО (У), 04.04.2011 / http://www.mgimo.ru.

Послание Д.Медведева от 5 ноября 2008 года, по сути, первая попытка на высшем уровне сформулировать такую стратегию и систему ценностей. Это необходимо и неизбежно, особенно в современных условиях, а именно:

– в условиях глобального **кризиса**;

– когда в России сформулирована цель **опережающего развития**;

– когда достигнута **внутренняя стабильность**, но обществу этого мало: ему нужны явные ориентиры, будущие перспективы и понимание целей развития. Предложенная МЭРом Концепция социально экономического развития, очевидно, не базируется на этих важнейших условиях. Она не учитывала ни возможность глобального кризиса (и внешних факторов вообще, ни задач опережающего развития, ни общенациональных и долгосрочных целей развития. То есть Концепция не адекватна. Что и стало ясно еще до 2010 года, когда старая, инерционная экономика, основанная на устаревшем промышленном производстве, доказала свою неэффективность: падение ВВП России за 2008–2010 годы было самым глубоким среди развитых стран, а обрабатывающей промышленность – еще глубже.

Индексы производства по видам экономической деятельности промышленности в I квартале 2007–2009 гг., в % к соответствующему периоду предыдущего года[1]

	2007	2008	2009	2010
Промышленность	107,2	106,2	85,7	105,8
Добыча полезных ископаемых	104,0	100,7	96,2	106,7
Добыча топливно-энергетических полезных ископаемых	103,8	102,7	100,4	106,3
Добыча полезных ископаемых, кроме топливно-энергетических	107,9	92,2	96,2	111,1
Обрабатывающие производства	114,5	108,7	79,2	105,2
Производство пищевых продуктов, включая напитки, и табака	113,7	106,4	96,7	103,8
Текстильное и швейное производство	110,8	102,6	78,8	110,0
Производство кожи, изделий из кожи и производство обуви	118,7	106,6	83,0	125,6
Обработка древесины и производство изделий из дерева	111,0	115,6	70,8	112,1

[1] Российская экономика: тенденции и перспективы. 04.2010 г., с. 20.111,1

целлюлозно-бумажное производство; издательская и полиграфическая деятельность	110,8	107,8	82,0	106,8
Производство кокса и нефтепродуктов	106,0	105,0	96,3	105,2
Химическое производство	110,6	103,7	77,6	127,6
Производство резиновых и пластмассовых изделий	124,1	130,4	82,7	119,6
Производство прочих неметаллических минеральных продуктов	125,8	108,6	67,8	108,3
Металлургическое производство и производство готовых металлических изделий	108,2	108,6	72,3	107,9
Производство машин и оборудования	126,0	116,4	74,3	100,4
Производство электрооборудования, электронного и оптического оборудования	123,7	93,3	56,6	131,2
Производство транспортных средств и оборудования	116,4	114,4	64,5	109,0
Прочие производства	112,9	118,6	79,3	114,6
Производство и распределение электроэнергии, газа и воды	93,3	105,6	94,9	107,1

Ситуацию в очередной раз спасли высокие цены на сырье, которые превысили уровень цен 1999 года в несколько раз!

Среднемесячные мировые цены в феврале соответствующего года[1]

	1999	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010
Нефть (Brent), USD/барр.	10,8	26,9	27,2	20,3	32,1	30,9	44,8	59,7	58,26	92,66	43,87	74,79
Натуральный газ, USD/1 млн. БТЕ	2,036	2,828	5,642	2,260	6,367	5,407	6,242	6,128	7,606	8,58	4,414	5,35
Бензин, USD/галлон	0,524	0,934	0,882	0,616	1,045	1,045	1,37	1,734	1,662	2,48	1,262	2,16
Медь, USD/т	1414,8	1779,1	1811,4	1601,5	1705,9	2759,0	3254	4982	5671,1	7887,7	3314,7	6848,18
Алюминий, USD/т	1188,1	1584,2	1602,1	1370,8	1428,04	1685,6	1883	2455	2759,14	2776,9	1330,2	2048,93
Никель, USD/т	4629,4	10269,6	6544,6	6042,7	8619,64	15178,3	15350	14979	41154,5	27955,5	10409	18976

Задача сознательного **формирования системы** ценностей, безусловно, стоит. Везде и всегда элиты этим **последовательно занимались** и **это – процесс контролировали**. Вопрос в том, **как** это сделать и **что** за система ценностей должна быть. На мой взгляд, мы должны решить (договориться) следующие задачи:

[1] Российская экономика: тенденции и перспективы. 04.2010 г., с. 22.

– система ценностей должна **основываться на национальных культурных и духовных ценностях**;

– система ценностей должна отражать **современные реалии**, быть совмещена с новым этапом развития человечества;

– система ценностей должна быть **нравственной**, `идеалистичной`, обладать самостоятельной ценностью. Не все можно заставить сделать силой или купить. Многое, – ресурс воли нации;

– система ценностей должна быть **прагматичной**, реалистичной, т.е. достижимой, реализуемой, способной к правовой формализации.

Есть целый спектр проблем (коррупция, например), которые **в принципе не решаемы** без утверждения общенациональной ценностной системы, где есть ясное доминирование общенациональной идеологии. К числу этих проблем относятся:

– коррупция – система управления, альтернативное праву.

– развитие культуры, науки, образования;

– реформа сельского хозяйства;

– инновационное развитие экономики;

– судебная реформа и т.д.

Не трудно увидеть, что эффективное решение большинства проблем невозможно без определения приоритетов и целей стратегии развития страны, которые должны **ставить** задачу перед Концепцией долгосрочного развития.

При переходе от периода стабилизации (2000–2007 гг.) **к периоду опережающего развития** (2008-?) приоритеты не просто желательны, а обязательны, ибо они выступают в качестве **целей развития**. Стабилизировать без системы ценностей можно (хотя укрепление государства – уже ценность), но быстро, опережающие развиваться – нет. Ошибка в выборе целей при быстром развитии катастрофична. Вот почему определение долгосрочных целей должно вытекать из общенациональной дискуссии.

Некоторые затруднения при прогнозировании вызваны тем, что Стратегия 2020, являющаяся основным источником, на который опирается прогноз, была разработана и опубликована в первой половине 2008 года, то есть **до начала мирового финансового кризиса**. Поэтому, чтобы нивелировать краткосрочное влияние кризиса, был использован

краткосрочный прогноз Министерства экономического развития России. Стратегия 2020 и прогнозы Минэкономразвития подразумевают сценарный подход (в частности деление на инновационный, инерционный и энергетический сценарии в Стратегии 2020). Поэтому для прогнозирования объемов НВВП и РВВП взяты средние геометрические значения приводимых в этих документах индексов физического объема или индексов-дефляторов. Принципиально схема прогнозирования ВВП такова:

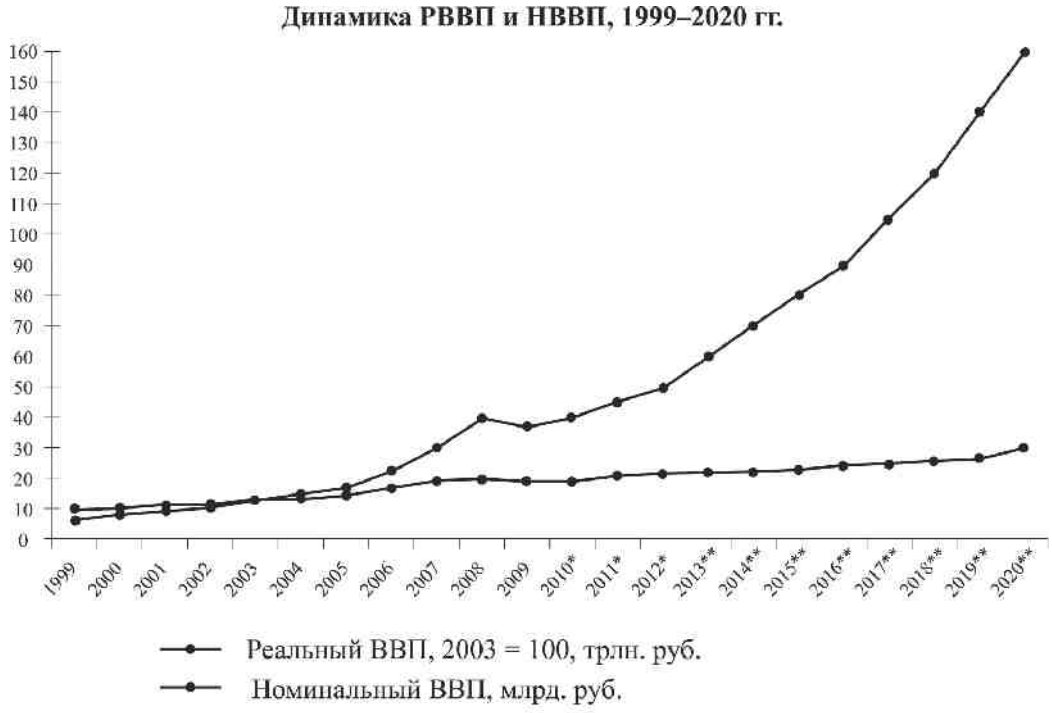
1. Прогнозирование с помощью среднего геометрического из значений индекса физического объема и дефлятора с 2010 по 2012 год, взятых из прогноза Минэкономразвития.

2. Прогнозирование объема реального ВВВП с помощью темпов прироста, указанных в Стратегии (2013–2020 гг.).

3. Оценочный расчет НВВП с помощью вспомогательной регрессии.

С 2010 по 2020 г. РВВП вырастет на 57% по сравнению с темпом прироста РВВП в 56% с 2000 по 2010 год. Средний темп роста (индекс физического объема) с 2000 по 2008 г. составил 6,9%. В 2009 г. имело место сокращение примерно на 8%. В 2010–2012 гг. ожидается темп прироста на уровне 3%. С 2013 по 2020 г. ежегодный темп прироста составит примерно 5%. (см. рис.)[1].

[1] Роль банковской системы в решении проблем модернизации российской экономики информировании внутреннего инвестиционного спроса. Отчет о НИР. МГИМО (У), 2010 г.



Источник: рассчитано по данным Федеральной службы государственной статистики РФ.

Прогнозирование задолженности индивидуальных предпринимателей и юрлиц по кредитам в рублях и в иностранной валюте

Так, например, если мы в качестве ценности сегодня не обозначим развитие **творческого потенциала** (и, соответственно, задачу его развития), то никакого опережающего развития такого потенциала просто **не будет**. Что, собственно, мы и наблюдаем сегодня.

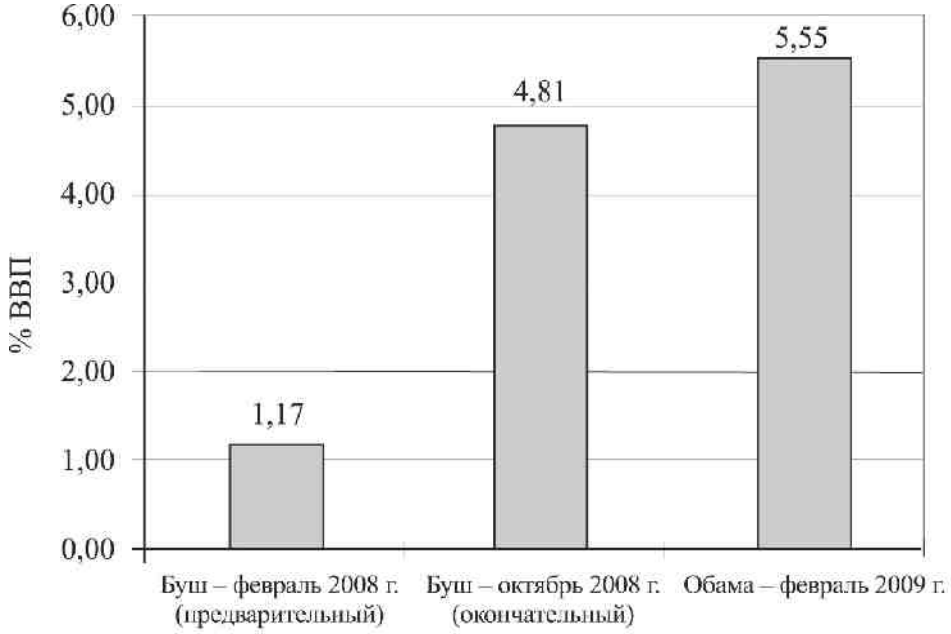
Кризис 2010 года заставил вновь вернуться к фундаментальным вопросам развития России. К 2008 году российское общество созрело не только для осознания, но и принятия долгосрочных, стратегических концепций и стратегий, но сделать их эффективными так и не смогло: решения принимались в целом запоздалые, но, главное, в русле прежней монетаристской логики. Некоторые исключения (как, например, стимулирование продаж старых автолюбителей) доказали свою эффективность, но даже эти апробированные шаги не получили своего развития.

Прежняя логика не позволила сделать двух крупных корректив: простимулировать в условиях кризиса рост доходов и, соответственно, поступательной способности, а, во-вторых, увеличить финансирование

отраслей, определяющих уровень НЧП. Что, кстати, не побоялись сделать в США ни республиканцы, ни демократы[1].

Реакция американских денежных властей на происходящее, – по мнению экспертов ИЭПП, – была быстрой и энергичной. Базовая процентная ставка была резко снижена. Однако возможности ослабления денежной политики в условиях кризиса не безграничны. К январю 2009 г. они были исчерпаны.

Это заставило американские власти вовсе больших объемах использовать бюджетные стимулы увеличения совокупного спроса (см. рис.)



* Ввиду отсутствия данных об объеме ВВА в месячном выражении февралю 2008 г. соответствует ВВП в 1 квартале 2008 г., октябрю 2008 и 2009 гг. ВВП в III квартале соответственно.

Примечание. Пакет бюджетных и финансовых стимулов, предложенный администрацией Дж.Буша в феврале 2008 г., составил 168 млрд. долл. США, его размер в октябре был увеличен до 700 млрд. долл. США, администрацией Б.Обамы в феврале 2009 г. до 787 млрд. долл. США.

Источники: http://www.rian.ru:80/us_news/20081124/155800218.html; http://top.rbc.ru/economics/14/02/2009/280613.shtml

Естественным развитием этой тенденции стало первое послание Д.Медведева Федеральному Собранию страны, которое можно назвать и первой озвученной стратегией. Действительно, в этом послании впервые обозначены не только сиюминутные приоритеты, но и общенациональные ценности – как внутри-, так и внешнеполитические.

[1] Российская экономика: тенденции и перспективы. 04.2010 г., с. 17.

Этому предшествовал период, когда руководители отраслей и регионов не только поняли необходимость, но и разработали целую серию таких долгосрочных концепций и стратегий. Наступила естественная очередь для общенациональной стратегии и долгосрочной концепции социально-экономического развития.

К сожалению, полноценной, общенациональной дискуссии по этому поводу развернуто не было, хотя отдельные попытки предпринимались. И не только в экспертном сообществе, но и среди политической элиты. Я полагаю, что такая дискуссия крайне необходима. Несмотря на то, что целый ряд документов на этот счет и был принят в 2008 году. И, прежде всего, речь идет о долгосрочной концепции социально-экономического развития. России. Выскажу несколько соображений на этот счет.

Для первой части выборки получены следующие результаты. От региона к региону при изменении следующих независимых переменных на **1% происходит следующее изменение зависимой переменной**[1].

1. При увеличении задолженности промышленности на 1% (C+D+E) – **увеличение** объема инновационной продукции на 0,18%.

2. При увеличении задолженности строительной отрасли (F) на 1% – **увеличение** на 0,021%.

3. При увеличении задолженности предприятий отрасли G (торговля) на 1% – **увеличение** на 0,17%.

4. Переменная, отвечающая за влияние задолженности отрасли I (транспорт и связь) **незначима**.

5. При увеличении задолженности сельского хозяйства (A) на 1% – **уменьшение** на 0,03%.

6. При увеличении капитализации на 1% – **увеличение** на 0,15%.

7. При увеличении количества заявок на выдачу патентов российскими **заявителями на 1% – увеличение в 3,82 раза**.

[1] Роль банковской системы в решении проблем модернизации российской экономики информировании внутреннего инвестиционного спроса. Отчет о НИР. МГИМО (У), 2010 г., с. 41–42.

2.2. Стратегия 2020 как неадекватность восприятия современных реалий российской элитой

«Бедность – худшее из рабств»[1].

П.Столыпин

«Хотелось бы иметь определение модернизации, включая его философскую составляющую, это крайне важно для положительного конечного результата»[2].

С.Миронов

Российская элита боится масштабных и стратегических задач, имеющих общенациональное значение. Не только решать, но даже ставить такие задачи. И в этом проявляется ее несоответствие современным требованиям, стоящим перед нацией. Недостаток амбициозности отчетливо проявился еще в период выдвижения В.Путиным идеи «удвоения ВВП» – в общем-то вполне рядовой (на фоне кризиса 90-х гг.) и совершенно не амбициозной задачи. В результате, даже в «тучные годы», темпы роста экономики России были весьма скромными (158,9% в 2009 году по сравнению с 2000 годом), если их сравнивать, например, с темпами роста ВВП в Азербайджане (346% в 2009 г. по сравнению с 2000 годом), Казахстане (193%), даже Киргизии (136%) и Польши (141%).[3]

Темпы роста валового внутреннего продукта
(в постоянных ценах; 2000=100)

	Всего								**На душу населения**							
	2002	**2003**	**2004**	**2005**	**2006**	**2007**	**2008**	**2009**	**2002**	**2003**	**2004**	**2005**	**2006**	**2007**	**2008**	**2009**
Россия	**110,1**	**118,1**	**126,6**	**134,7**	**145,6**	**158,1**	**166,3**	**153,2**	**111,1**	**119,8**	**129,0**	**137,9**	**149,8**	**163,0**	**171,8**	**158,3**
Австралия	106	110	114	117	120	125	128	129	104	105	108	110	111	114	114	…
Австрия	102	103	105	109	112	116	118	114	101	102	103	106	109	112	113	…
Азербайджан	**122**	**135**	**149**	**188**	**253**	**317**	**351**	**383**	**119**	**131**	**143**	**179**	**237**	**293**	**320**	**346**
Аргентина	85	93	101	110	120	130	139	…	84	90	97	105	113	122	129	…
Армения	124	141	156	178	202	229	245	210	124	142	157	178	202	229	244	209
Беларусь	110	118	131	143	158	171	189	189	111	119	133	147	162	177	195	196
Бельгия	102	103	106	108	111	115	116	113	102	102	105	106	109	111	111	…
Болгария	109	115	122	130	138	147	155	148	113	120	128	137	147	156	167	…
Бразилия	104	105	111	115	119	127	133	133	101	101	105	107	110	116	119	…
Венгрия	109	113	119	123	128	130	131	122	107	112	118	123	128	129	131	…
Германия	101	101	102	103	106	109	110	105	101	101	102	103	106	109	110	105
Дания	101	102	104	106	110	112	110	105	101	101	103	105	108	109	107	…

[1] *И.Н.Буздалов*. Социальное рыночное хозяйство: проблемы становления в агропродовольственном секторе России. – Вестник РГНФ, № 4, 2010 г., с. 39.

[2] *С.М.Миронов*. За нами Россия. М.: Ключ-С, 2010, с. 109.

[3] Российский статистический ежегодник. 2010. – М.: Росстат, 2010 г., с. 766.

Индия	110	119	128	140	154	168	179	192	106	113	120	129	140	150	158	…
Италия	102	102	104	105	107	108	107	102	102	101	102	102	103	104	102	…
Казахстан	**125**	**136**	**149**	**164**	**181**	**197**	**204**	**206**	**125**	**136**	**148**	**161**	**176**	**190**	**194**	**193**
Канада	105	107	110	113	117	120	120	117	103	103	106	108	110	111	111	…
Киргизия	**105**	**113**	**121**	**120**	**124**	**135**	**146**	**149**	**103**	**109**	**116**	**114**	**116**	**125**	**134**	**136**
Китай	118	130	143	158	176	199	219	238	117	127	139	153	170	190	…	…
Мексика	101	102	106	110	115	119	121	113	98	99	102	104	108	111	111	…
Нидерланды	102	102	105	107	110	114	117	112	101	100,5	102	104	108	111	113	…
Норвегия	104	105	109	112	114	117	119	117	102	103	106	108	110	112	112	…
Польша	**103**	**107**	**112**	**116**	**124**	**132**	**138**	**141**	**103**	**107**	**113**	**117**	**124**	**132**	**139**	**141**
Республика Корея	111	115	120	125	131	138	141	…	110	113	117	122	128	134	134	…
Республика Молдова	114	122	131	141	148	152	164	153	115	123	132	143	150	155	167	156
Румыния	111	117	127	132	142	151	162	150	114	121	131	137	148	157	169	…
Соединенное Королевство (Великобритания)	**105**	**107**	**111**	**113**	**116**	**119**	**120**	**114**	**104**	**106**	**109**	**110**	**113**	**115**	**115**	**…**
США	102	105	109	112	115	117	118	115	100,4	102	105	107	109	110	109	…
Таджикистан	121	135	149	159	170	183	197	204	117	127	137	143	150	158	167	169
Турция	100,1	106	115	125	134	140	141	134	97	101	109	117	124	128	133	…
Узбекистан	108	113	121	130	139	153	166	180	106	109	116	122	130	140	150	160
Украина	115	126	141	145	156	168	172	146	117	129	146	151	163	177	182	155
Финляндия	**104**	**106**	**110**	**113**	**119**	**124**	**125**	**115**	**104**	**106**	**109**	**112**	**117**	**121**	**122**	**…**
Франция	**103**	**104**	**107**	**109**	**111**	**113**	**114**	**111**	**102**	**102**	**104**	**105**	**107**	**109**	**108**	**…**
Швеция	**104**	**106**	**110**	**114**	**118**	**121**	**121**	**115**	**103**	**105**	**108**	**112**	**116**	**118**	**116**	**…**
Япония	**100,4**	**102**	**105**	**107**	**109**	**111**	**110**	**104**	**99,9**	**101**	**104**	**106**	**108**	**111**	**109**	**…**

Даже простой количественный рост экономики страны мог бы быть существенно больше, если бы изначально была сформулирована амбициозная промышленная цель развития, подкрепленная кредитной и финансовой политикой. Очевидно, что не хватает идеологической и политической мотивации. Это отражается очень заметно, например, на мотивации российских предпринимателей, абсолютное меньшинство у которых носит добровольный (!) характер[1].

[1] *Э.Шейнин*. Предпринимательская активность россиян в условиях кризиса. – Мир перемен, № 3, 2010, с. 155.

Мотивационная структура российских предпринимателей в 2009 г.

Тип мотивации	Предпринимательские группы							
	Нарождающиеся		Владельцы нового бизнеса		Владельцы устоявшегося бизнеса		Всего	
	чел.	%	чел.	%	чел.	%	чел.	%
Добровольная	11	36,7	17	53,1	8	29,6	33	39,3
Вынужденная	10	33,3	8	25,0	10	37,0	26	31,0
Смешанная	9	30,0	6	18,8	9	33,3	24	28,6
Затруднились	–	–	1	3,1	–	–	1	1,2
Всего	**30**	**100,0**	**32**	**100,0**	**27**	**100,0**	**84**	**100,0**

Амбиций у российской элиты для перестройки структуры экономики и общества, как оказалось, в 2000–2010 годы вообще не было. Поэтому трудно было ожидать существенного результата. «Либеральная традиция» проявилась не только в инерции, но и новых социальных атаках – попытках А.Дворковича отменить студенческую стипендию, повысить пенсионный возраст (хотя эксперты и считают, что до него не доживают 60% мужчин)[1] и пр.

Индексы промышленного производства[2]
(2000=100)

	2001	**2002**	**2003**	**2004**	**2005**	**2006**	**2007**	**2008**	**2009**
Россия*	102,9	106,1	115,5	124,8	131,1	139,4	148,9	149,8	**135,8**
Австралия	104	105	107	106	107	107	111	114	…
Австрия	103	104	106	114	118	126	134	137	120
Азербайджан	105	109	116	122	163	223	276	293	**318**
Армения	105	121	139	142	153	152	156	158	**146**
Беларусь	106	111	119	137	152	169	184	205	**201**
Бельгия	99,6	101	102	105	105	110	113	112	…
Болгария	102	107	121	137	146	155	170	171	…
Бразилия	102	104	104	113	117	120	127	131	121
Венгрия	104	107	114	123	132	145	156	156	129
Германия	100,3	99	99,7	104	107	113	119	120	99,6
Дания	102	102	103	101	104	108	106	105	…
Индия	103	109	116	126	136	152	165	169	…
Италия	99	98	97	98	96	99	102	99	81

[1] *А.Башкатова*. Партийный раскол пенсионной реформы. – Независимая газета, 5 апреля 2011 г., с. 1.

[2] Российский статистический ежегодник 2010. – М.: Росстат, 2010 г., с. 781.

Казахстан	114	126	137	151	159	170	179	182	**187**
Канада	96	98	98	99,9	102	101	101	96	85
Киргизия	105	94	110	115	101	91	97	112	105
Литва	112	120	136	151	162	172	176	186	**159**
Мексика**	96	96	94	98	102	107	110	113	…
Нидерланды	101	102	101	106	106	108	110	112	103
Норвегия	99	98	96	96	96	94	93	93	…
Польша	101	103	112	126	130	146	160	164	158
Республика Корея	101	109	115	127	135	146	156	161	…
Республика Молдова	114	126	146	158	169	161	158	161	127
Румыния	104	104	103	106	102	112	123	126	120
Соединенное Королевство (Великобритания)	99	97	97	98	96	97	97	94	84
США	96	96	98	99,9	103	106	107	105	95
Таджикистан	115	125	137	158	173	182	201	194	**182**
Турция	91	100	109	119	126	136	145	144	…
Узбекистан	108	117	124	135	145	161	180	203	**221**
Украина	114	122	142	159	164	174	192	186	**145**
Финляндия	100,1	102	103	109	109	119	125	124	…
Франция	101	99,4	98	100,2	100,2	103	102	100,1	88
Швеция	99	99	100,5	106	109	112	116	113	93
Япония	94	93	95	99,9	101	106	109	105	…

*Агрегированный индекс производства по видам экономической деятельности «Добыча полезных ископаемых», «Обрабатывающие производства», «Производство и распределение электроэнергии, газа и воды». С учетом поправки на неформальную деятельность.

**Обрабатывающая промышленность.

Другими словами, перед нацией даже не было сформулировано сверхзадачи общенационального развития. Инерция в экономике была следствием инерции политической мысли и политической воли.

Именно **конечного результата** не предусматривается в Стратегии–2020. Изменение показателей относительно других стран не могут быть таковым. Что, собственно, видно из прогноза инновационной деятельности, подготовленного исследователями МГИМО(У).

Прогнозирование динамики объема инновационных товаров, работ и услуг[1]

Сценарный прогноз динамики объема инновационных товаров, работ и услуг

	Объем инновационной продукции, млн. рублей, значение показателя за год	Сценарии			
	Данные Федеральной службы государственной статистики	1	2	3	4
1999	84379,20	–	–	–	–
2000	154135,00	–	–	–	–
2001	183000,88	–	–	–	–
2002	206613,20	–	–	–	–
2003	312692,00	–	–	–	–
2004	433003,5	–	–	–	–
2005	545540,02	–	–	–	–
2006	714024,60	–	–	–	–
2007	916131,60	–	–	–	–
2008	–	1025094,70	1025094,70	–	–
2009	–	1020614,71	746847,24	–	–
2010*	–	1134521,36	833190,37	–	–
2011*	–	1289577,81	930199,78	1245535,81	1293824,37
2012*	–	1479052,00	1094276,16	1352473,48	1565357,05
2013**	–	1737663,85	1345484,64	1454426,34	1892587,80
2014**	–	2057800,75	1620594,81	1550745,38	2169471,06
2015**	–	2447436,11	2038051,75	1641013,42	2704917,93
2016**	–	2898207,74	2542624,61	1725012,61	3186530,24
2017**	–	3419586,38	3151055,41	1802690,57	3743558,35
2018**	–	3990922,36	3827449,16	1874127,28	4312462,73
2019**	–	4644079,41	4624048,17	1939504,79	5000724,33
2020**	–	5388485,10	5556746,59	1999080,24	5782263,81

Источник: расчеты авторов на основе данных Федеральной службы государственной статистики РФ и Банка России.

[1] Роль банковской системы в решении проблем модернизации российской экономики информировании внутреннего инвестиционного спроса. Отчет о НИР. МГИМО (У), 2010 г., с. 61–62.

Доля инновационной продукции в НВВП

	Доля инновационной продукции в НВВП, в %			
	1	**2**	**3**	**4**
1999	1,76			
2000	2,12			
2001	2,05			
2002	1,91			
2003	2,38			
2004	2,55			
2005	2,52			
2006	2,51			
2007	2,53			
2008	2,64			2,55
2009	2,61			1,91
2010*	2,66			1,95
2011*	2,71	2,62	2,72	1,96
2012*	2,78	2,54	2,94	2,05
2013**	2,85	2,39	3,10	2,21
2014**	2,93	2,21	3,09	2,31
2015**	3,02	2,02	3,33	2,51
2016**	3,10	1,84	3,41	2,72
2017**	3,18	1,68	3,49	2,93
2018**	3,27	1,53	3,53	3,13
2019**	3,35	1,40	3,61	3,33
2020**	3,43	1,27	3,68	3,54

Но главное (а это уже задача не МЭРа, а идеологов) определить, что же является этим конечным результатом. Я категорически настаиваю, что важнейшим таким результатом может стать НЧП, а в более узком смысле – **количество граждан России**.

В узком смысле «конкретного результата» понятия «модернизация» следует иметь в виду изменения демографической ситуации в России. Сегодня она характеризуется **катастрофическими количественными и качественными параметрами**.

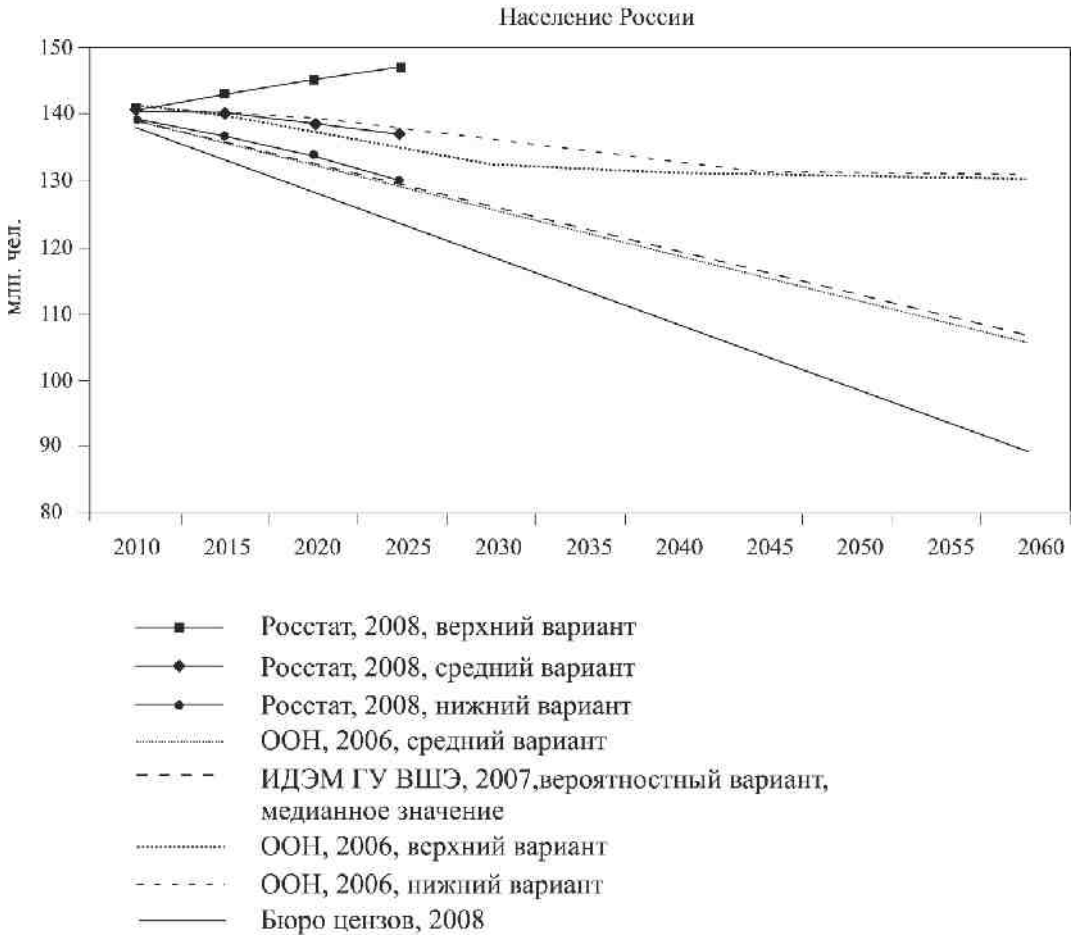
С количественной точки зрения за 2006–2010 годы удалось смягчить негативную динамику, но отнюдь не исправить. По различным

прогнозам, нация сможет составлять к 2050 году от 90 до 130 млн. человек[1]. И этому уже перестали удивляться. И надеяться на миграцию бесполезно. Как признают эксперты ООН, после 2000 г. миграционный прирост компенсировал всего около пятой части естественной убыли.

Учитывая имеющийся опыт, прогнозисты с большой осторожностью оценивают возможность компенсации естественной убыли населения России его миграционным приростом, вследствие чего большинство прогнозов предсказывает дальнейшее сокращение населения страны. Так, согласно средним вариантам некоторых имеющихся прогнозов, население России на 2025 г. оценивается в 128,2 млн. человек (прогнозы ООН и Бюро цензов США), 137,0 (Росстат, 2008), 138,1 млн. (ИДЕМ ГУ ВШЭ, медианное значение вероятностного прогноза). Это означает сокращение населения страны по сравнению с максимумом, достигнутым к началу 1993 г., на 10–20 млн. человек, или примерно на 7–10%. Так как прогнозы обычно выполняются в нескольких вариантах, границы возможных оценок численности населения России в 2025 г. расширяются. С учетом всех вариантов указанных прогнозов, оно может составить от 120,6 млн. (нижний вариант прогноза ООН) до 144 млн. (верхний вариант прогноза Росстата).

[1] Доклад о развитии человеческого потенциала в Российской Федерации 2008. Россия перед лицом демографических вызовов. М., 2009 г., с. 25.

Большинство прогнозов предсказывают дальнейшее сокращение населения России



С качественной точки зрения, НЧП зависит от тех мер, которые примет в этой области прежде всего государство. Ну, и общество. Зарубежные инвесторы и российский бизнес не способны повлиять существенно.

В этой связи важно вновь вернуться к докризисному образу мышления элиты. Хотя бы для того, чтобы понять, что Россия – психологически, финансово и экономически – могла бы легче перенести его последствия. Вот почему вновь привлекает концепция долгосрочного социально-экономического развития, первый вариант, которой был разработан МЭРом еще в марте 2008 года. Необходимо, прежде всего, отметить, что предложенный в марте 2008 года проект Концепции рассматривается как **инструмент** реализации стратегии развития России до 2020 гг., озвученной Президентом России на заседании Госсовета 8 февраля 2008 года (хотя разработчики и ссылаются на поручение Президента от 21 июля 2006 года). Это противоречие не случайно. На мой

взгляд, именно за эти 6–9 месяцев 2008 года в принципиальных подходах руководства страны относительно приоритетов развития произошли качественные изменения, которые сделали возможным изменения в стратегии и проекте концепции развития России на долгосрочную перспективу.

К сожалению, эти изменения непоследовательны и отражают прежнюю инерционность макроэкономического подхода последних 15 лет. Авторы концепции вынуждены признать смену приоритетов на высшем уровне, что не нашло однако практического отражения в Концепции и других документах МЭР и Минфина.

Внесенные в мартовский вариант Концепции коррективы, привели к тому, что в августе 2008 года появился новый, скорректированный вариант МЭРа, который принципиально, качественно не отличается от мартовского.

Справедливости ради следует отметить, что в новом варианте Концепции делается важное признание: «Особенность перехода к инновационному социально-ориентированному типу развития состоит в том, что России предстоит **одновременно решать задачи и догоняющего, и опережающего развития.** В условиях глобальной конкуренции и открытой экономики невозможно догнать развитые страны мира по уровню благосостояния и эффективности, не **обеспечивая опережающего прорывного развития в тех секторах российской экономики, которые определяют ее специализацию в мировом хозяйстве** и позволяют в максимальной степени реализовать национальные конкурентные преимущества»[1].

На опережающее развитие остается тем сектором российской экономики, который «определяют ее специализацию в мировом хозяйстве». Здесь возникают сразу две проблемы. Действительно нам предстоит решать одновременно две задачи – догоняющего и опережающего развития. Но если вы ориентируетесь только на конкурентоспособные («догоняющие») отрасли, то, как быть с «опережающими»?

Ответ на этот вопрос достаточно прост: совсем не обязательно развиваться «по этапам». На Западе существует третье пополнение

[1] Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации. М.: август, 2008 г., с. 16.

технологии, например, ЭВМ, но нам совсем не обязательно идти по их следам. Мы можем и должны готовиться к созданию компьютеров пятого (шестого?) поколения, быть готовым к «перескакиванию» через этапы. В технике и технологии это возможно. При условии политической воли и кадров.

Вместе с тем, как и в первом варианте, МЭР (а, точнее, один из его департаментов) берет на себя отнюдь не свойственные для подготовки общенациональной концепции функции. В частности, в соответствии с этой Концепцией, предполагается: «Цель разработки Концепции – **определение путей и способов обеспечения устойчивого повышения благосостояния российских граждан, укрепления национальной безопасности и динамичного развития экономики в долгосрочной перспективе (2008–2020 годах), укрепления позиций России в мировом сообществе».**

Другими словами Концепция социально-экономического развития берет на себя функции, свойственные как военной доктрине, доктрине внешней политики, так и идеологии. «В одном флаконе» перемешаны и вопросы благосостояния. И национальной безопасности, и внешней политики. Но так не бывает! И тем более не бывает так, чтобы такие задачи пытался решать экономический блок правительства. Отсюда – путаница и декларативность, а, главное, остаются так и не решенные (и даже не ставятся) принципиальные вопросы.

Путаность в принципиальных вопросах ведет к дезориентации элиты. Так, в учебнике по мировой экономике МГИМО(У) отдельный раздел посвящен «стратегическим задачам России», среди которых (в порядке приоритетности) выступают:

– … задача выхода на уровень социально-экономического развития передовых стран …

– освоения восточных и северных территорий …

– решение демографической проблемы …

– … решение проблемы бедности и сильной дифференциальности доходов …

– … проблема реинтеграции России …

– … этическая проблема …[1]

Не отрицая приоритетности всех этих проблем, должен сказать, что Стратегия не может одновременно решать все или **много** задач. Она должна быть нацелена на решение 1 главной проблемы и вытекающих из нее задач. Так, на мой взгляд, в Стратегии 2020 должна была бы быть выстроена следующая иерархия или «дерево целей», включающего **не более 7 основных задач**.

В соответствии с этой целью в Концепции, например, сформулированы:

– **характеристика целей** долгосрочного социально-экономического развития страны с учетом основных вызовов предстоящего периода;

– **стратегия** – способы, направления и этапы – достижения поставленных целей, а также формы и механизмы стратегического партнерства государства, бизнеса и общества в достижении целей Концепции;

– **цели**, целевые индикаторы, приоритеты и основные задачи долгосрочной политики **в развитии социальной сферы, науки и технологий, структурных преобразований в экономике**;

– цели и приоритеты внешнеэкономической политики;

– **параметры** пространственного развития российской экономики, цели и задачи территориального развития в долгосрочной перспективе»[2].

---

[1] Мировая экономика: учебник / под ред. А.С.Булатова. 2-е изд., перераб. И доп. М.: Экономист, 2007 г., с. 784–787.

[2] Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации. МЭР, Москва, август 2008 г., с. 4.

Другими словами в Концепции сформулированы цели и задачи, характерные для Концепции национальной безопасности, Концепции внешней политики и даже вопросы, обычно относящиеся к военной доктрине государства. К сожалению, это далеко не единственное противоречие, содержащееся в документе. Не рассматривая его излишне детально, хотелось бы отметить следующие, на мой взгляд, принципиальные **политические аспекты.**

2.3. Основные ошибки Стратегии долгосрочного развития

«Россия все более отчетливо делится на партию телевизора и партию интернета…»[1].

Б.Макаренко

«… Россия проскочила развилку, связанную с модернизацией»[2].

А.Аузан

Политические и идеологические ошибки Стратегии 2020 привели к тому, что в социально-политическом плане в России в 2011 году возникли проблемы, которых прежде в политической жизни страны не было. Провал Стратегии оказался не просто провалом очередной программы, но провалом политического курса, который формировали и реализовывали сторонники либеральной вульгарной экономической традиции. Отвечать за такие провалы придется правящей элите, которая делегировала либеральным экономистам «право» на формирование национальной стратегии. Приведу в этой связи мысль патриарха российской экономической школы О.Т.Богомолова: «… **развитие экономики той или иной страны во многом находится под влиянием политики, т.е. зависит от целей, поставленных правящей элитой**. Не менее важно и обратное влияние экономики, ее важнейших агентов на политику. В процессе наших исследований мы неоднократно убеждались, что политические интересы, **идеология власть имущих надолго деформируют экономические законы**. Это рано или поздно приводит к взрыву, если вовремя не вскрывать и не исправлять деформации, не корректировать политику»[3].

Кроме того, огромная масса экспертов, ученых, просто креативных личностей неожиданно откликнулась на призыв В.Путина «скорректировать» стратегию и начала бурную дискуссию. В эту дискуссию так или иначе оказались вовлечены сотни, даже тысячи институтов социального потенциала нации: кроме заявленных В.Мау «1100 экспертов», в подготовке своего видения выступили ИНСОР,

---

[1] *Б.Макаренко*. Политическая воля ушла в Интернет. – Известия, 5 апреля 2011 г., с. 3.

[2] Цит. по: *А.Аузан*. Национальная формула модернизации. Лекция. Полит.ру. 16.10.2009 / http://www.polit.ru/lectures/auzan

[3] *О.Т.Богомолов*. Наши исследования не были напрасными. – Мир перемен, № 3, 2010, с. 10.

ЦСКП, Партиархия, «Деловая Россия» и многие другие институты гражданского общества.

Как справедливо заметили исследователи МГИМО(У) – динамика инновационной активности предприятий подтверждает генеральный вывод о **стагнации в сфере инноваций в 2002–2008 гг.** Удельный вес фирм, осуществлявших технологические инновации, в общем числе предприятий промышленного производства в исследуемый промежуток времени находился **в пределах 9–10%**, а по данным Росстата за 2010 г. – 4,9%. Если вновь обратиться к международным сопоставлениям, то в Германии этот индикатор по состоянию на 2006 г. составил 69,7%; в Испании – 37%; в Румынии – 21,9%. При этом среднее значение данного показателя по странам ЕС – 27 вплотную приблизилось к 40%.

Доля организаций, осуществлявших технологические инновации, в добыче полезных ископаемых сократилась в России с 5,7% в 2003 г. до 5,1% в 2008 г. В обрабатывающих производствах за этот период был отмечен рост – с 10,9 до 11,9%. В производстве и распределении электроэнергии, газа и воды было зарегистрировано чувствительное сокращение удельного веса организаций, которые осуществляли технологические инновации, – с 6,4 до 4,2%[1]. В целом же показатели инновационной активности до кризиса 2008–2010 годов были удручающими, а после кризиса – еще хуже[2]. О чем наглядно свидетельствуют и данные ВЦИОМ[3].

---

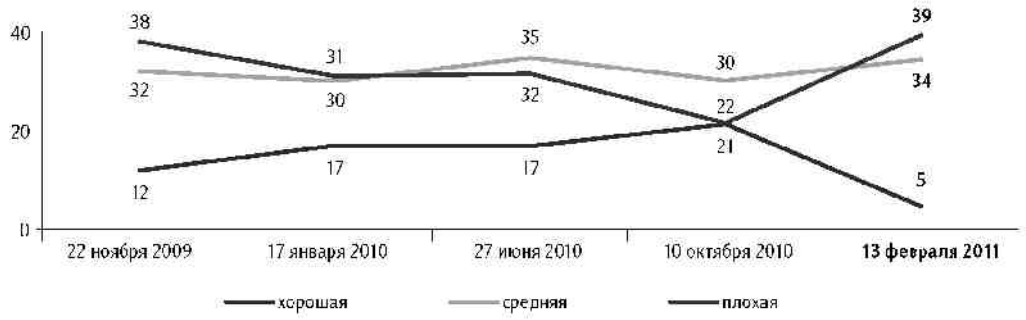
[1] Роль банковской системы в решении проблем модернизации российской экономики информировании внутреннего инвестиционного спроса. Отчет о НИР. МГИМО (У), 2010 г.

[2] Научный потенциал и инновационная активность в России. Выпуск 4. Статсборник. М.: Минобрнауки, РИЭПП, 2010 г., с. 130, 131.

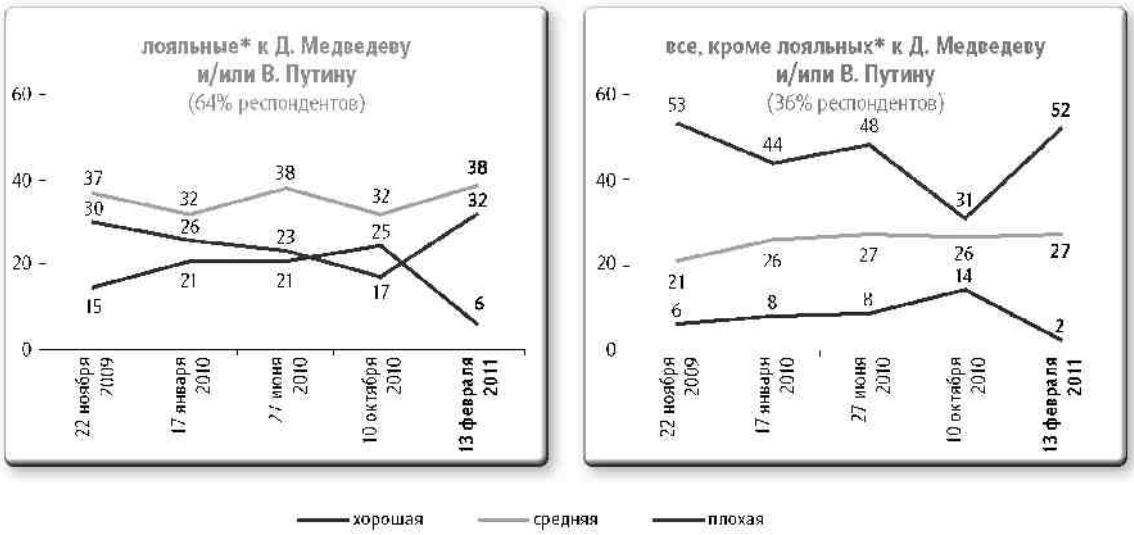
[3] Фонд «общественное мнение». Доминанты № 08. 24.02.2011.

Как Вы считаете, сегодня ситуация с модернизацией и технологическим обновлением в России хорошая или плохая?

данные в % от всех опрошенных

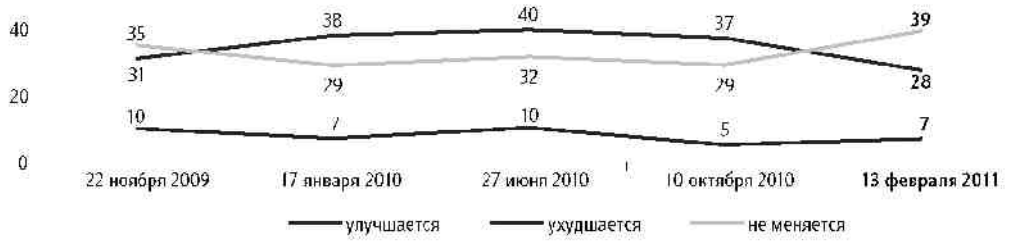


данные в % от групп

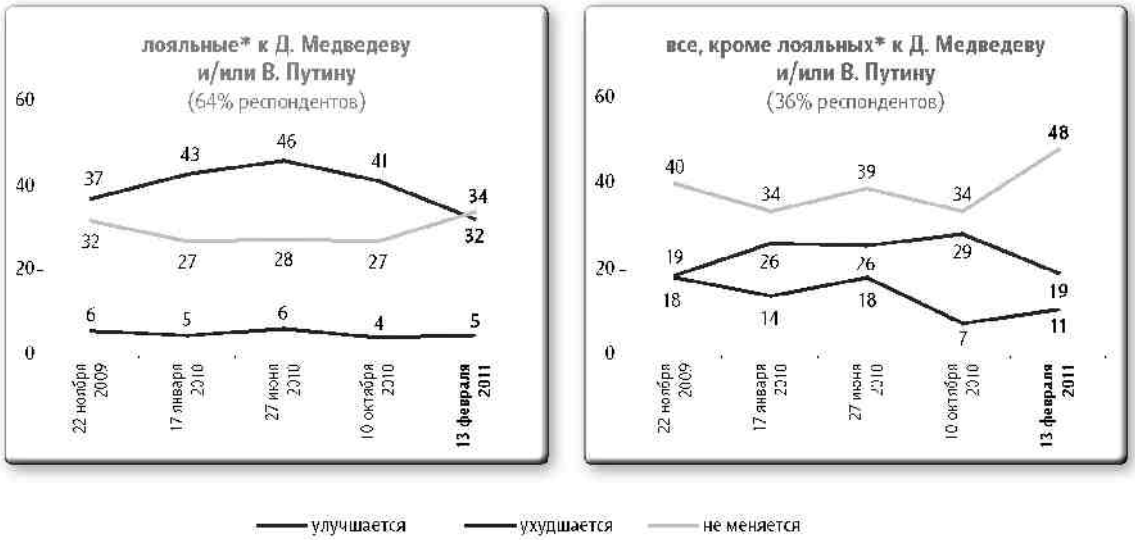


По Вашему мнению, в настоящее время ситуация с модернизацией и технологическим обновлением в России улучшается или ухудшается?

данные в % от всех опрошенных

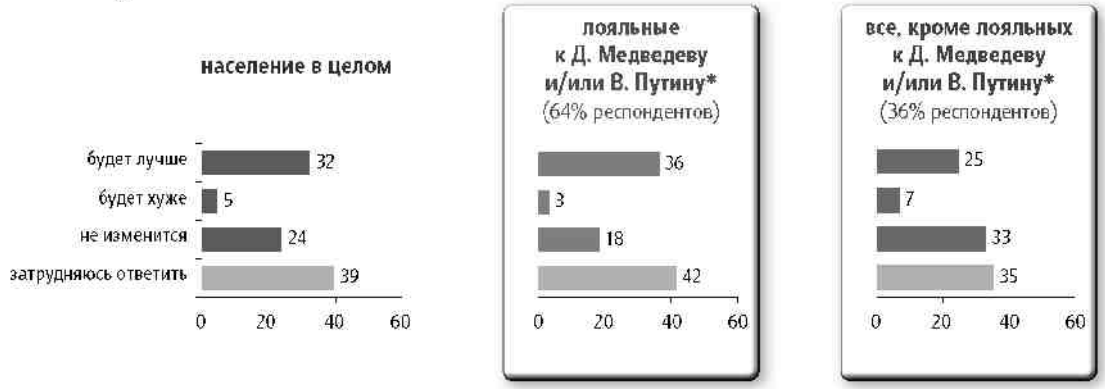


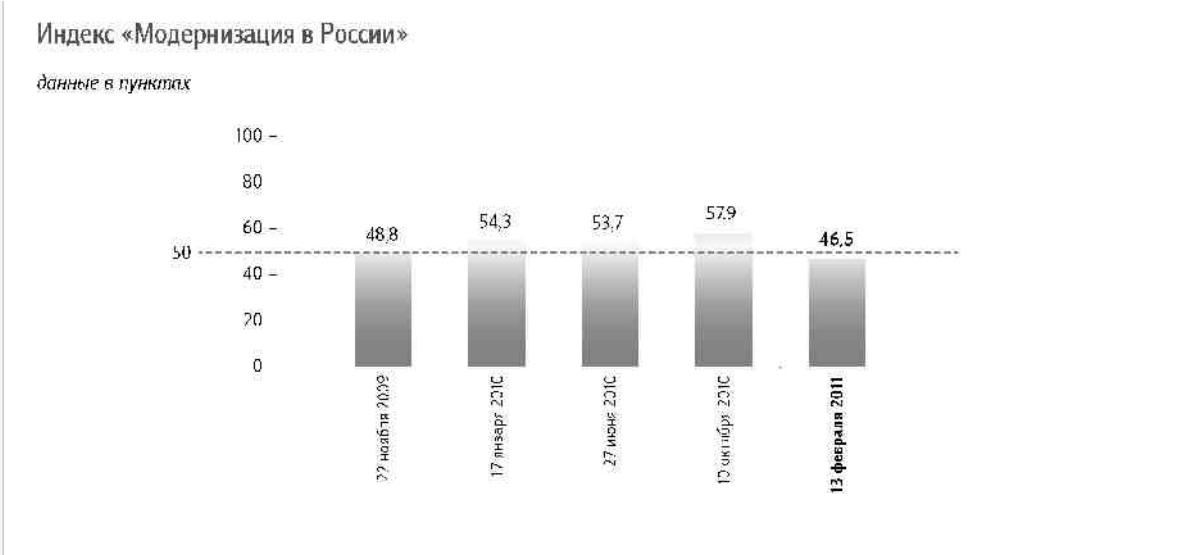
данные в % от групп



Как Вы думаете, через год ситуация с модернизацией и технологическим обновлением в России будет лучше или хуже, чем сегодня?

данные в % от групп





Индекс измеряется в пунктах и может колебаться в пределах от 0 до 100 п. Значение индекса меньше 50 п. указывает на преобладание негативных оценок, а больше 50 п. — позитивных. Значение 50 п. показывает баланс положительных и отрицательных оценок.

Индекс «Модернизация в России» строится на основе двух вопросов:

«Как Вы считаете, сегодня ситуация с модернизацией и технологическим обновлением в России хорошая или плохая?»

«По Вашему мнению, в настоящее время ситуация с модернизацией и технологическим обновлением в России улучшается или ухудшается?»

По каждому из вопросов строится диффузный индекс, равный половине разности между долями положительных («хорошая» / «улучшается») и отрицательных («плохая» / «ухудшается») ответов, увеличенной на 50 пунктов.

Итоговый индекс «Модернизация в России» является составным и получается сложением индексов по каждому вопросу и делением этой суммы на два.

Негативные тенденции наблюдались и в области торговли технологиями, баланс, который был в 2008–2009 гг. очевидно не в пользу России. Вот лишь некоторые примеры[1].

Показатели инновационной активности

Показатель	Детализация	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008
Число организаций, выполнявших исследования и разработки		4099	4037	3906	3797	3656	3566	3622	3957	3666
Численность персонала, занятого исследования и разработками		887729	885568	870878	858470	839338	813207	807066	801135	761252
Внутренние затраты на исследования и разработки, тыс. руб.		76697101	105260732	135004492	169862369	196039870	230785150	288805232	371080327	431073185
Удельный вес организаций, осуществлявших технологические инновации, %		8,8	8,5	9,0	9,5	9,6	9,7	8,6	10,0	9,4
Удельный вес отгруженной инновационной продукции организаций, %		4,4	4,1	4,2	4,6	5,3	5,0	4,5	4,6	5,0
Число созданных передовых производственных технологий		688	637	727	821	676	637	735	780	854
Число использованных передовых производственных технологий		70069	80012	93412	107015	119639	140983	168311	180324	184568

[1] Наука в России в цифрах: 2010. Стат. сб. – М.: ЦИСН. 2010 г., с. 133–135.

Затраты на технологические инновации, тыс. руб.		62115199	68530142	94046209	121606108	146015666	143222567	211392667	234057743	307186900
Количество поданных заявок на выдачу патентов на изобретения отечественными заявителями		27926	30640	30223	32369	50697	32726	39776	27505	27712
Количество выданных патентов на изобретения отечественным заявителям		18453	18515	20588	28674	41383	26405	30086	18431	22260
Затраты на информационные и коммуникационные технологии, млн.руб.						168373,3	215301,6	252029,7	299389,4	372733,4

Показатель	**Детализация**	**2000**	**2001**	**2002**	**2003**	**2004**	**2005**	**2006**	**2007**	**2008**
Число организаций, использовавших специальные программные средства	Число организаций, использовавших специальные программные средства – всего	...	...		...	91169	119329	137191	147215	150297
	для научных исследований	...	...	...	...	4259	4731	5024	5355	5315
	для проектирования		...	...	...	12163	14608	15517	16763	18164
	для управления автоматизированным произ-водством или отдельными техническими средствами и технологическими процессами	...	...		...	16676	21160	21084	23311	24422
	для решения организационных, управленческих и экономических задач		...			72013	87577	97985	100245	103340
	для осуществления электронных расчетов			...		39964	68927	78055	90833	97323
	для предоставления доступа к базам данных через глобальные информационные сети, включая Интернет					18571	25431	25603	32792	36139
	редакционно-издательские системы	...	...			41346	8460	7610	8304	8979
	обучающие программы	...		...		6267	17890	22646	27508	28310
	антивирусные программы	...		...		...	...	88157	107185	121612
	CRM-Программы	...		...				3101	6029	5346
	ERP-Программы	...	...	...	...	...	...	3946	4970	6081
	SCM-Программы			...				1343	1606	1793
	прочие программные средства	...	...	...	...	14698	45327	57929	64835	69094

Торговля технологиями с некоторыми зарубежными странами

	Экспорт				Импорт			
	Число соглашений		Чистая стоимость предмента соглашения, млн. руб.		Число соглашений		Чистая стоимость предмента соглашения, млн. руб.	
	2008	2009	2008	2009	2008	2009	2008	2009
Всего	1861	1767	61028,6	60775,4	1735	1554	93731,0	83181,8
Страны СНГ	490	487	4100,1	4718,9	236	228	6301,8	2121,6
…								
Страны ОЭСР	950	903	20498,7	17613,8	1321	1152	70152,3	68017,2
…								
Австралия	5	4	3,9	3,1	2	2	26,4	0,8
Австрия	14	16	58,6	52,2	68	62	8526,5	10356,8

Германия	172	167	3192,3	3308,2	331	262	11380,4	11222,7
…								
Корея	58	52	3535,5	3606,8	9	10	401,9	242,4
Нидерланды	64	52	2208,1	878,5	71	61	6565,5	3558,8
США	147	128	4103,9	2900,4	153	146	10379,1	10686,6
Турция	18	16	184,6	296,7	11	9	4289,9	4262,2
Финляндия	47	40	315,2	194,2	72	88	1783,1	1429,9
Франция	91	71	1191,6	2220,6	53	33	3325,6	492,7
…								
Другие страны	421	377	36429,8	38442,7	178	174	17276,9	13043,0

Таким образом можно сделать вывод, что принятая в марте 2008 года Стратегия, как и предыдущие усилия, **не дали практических сколько-нибудь заметных результатов в области модернизации и внедрения инноваций**. И отнюдь не только из-за кризиса, который мог бы стать на самом деле эффективным лекарством для сырьевой экономики, **а совершенно по иным причинам**. Которые, на мой взгляд, надо знать. Тем более, если заявленное в начале 2011 года В.Путиным намерения «скорректировать» Стратегию 2020, приведет к действительным изменениям. На мой взгляд, ошибки Стратегии 202 таковы:

1. Стратегия разрабатывалась и принималась как общенациональная стратегия развития, хотя по сути являлась частной, социально-экономической концепцией, разработанной МЭРом. Она не выходила за рамки этой частной концепции ни по масштабу оценки национальных интересов, ни целей, ни распределения ресурсов. Не было и общественной поддержки. О чем свидетельствуют данные соцопросов, проведенных ВЦИОМ, о реальных действиях в этом направлении[1].

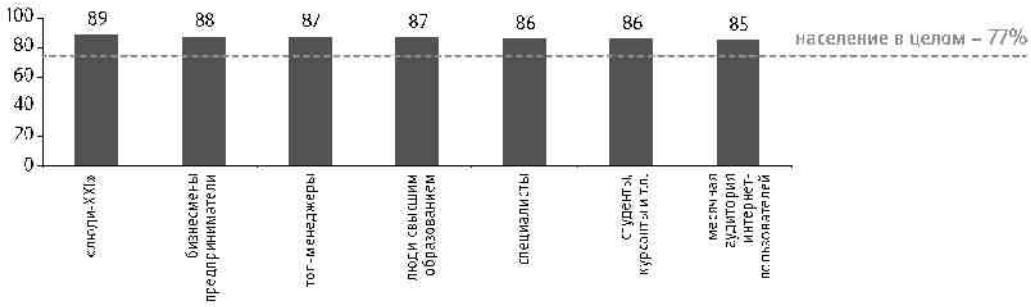
[1] Фонд «общественное мнение». Доминанты № 49. 16.12.2010, с.16, 18.

Как Вы думаете, в России нужна или не нужна модернизация?

данные в % от всех опрошенных

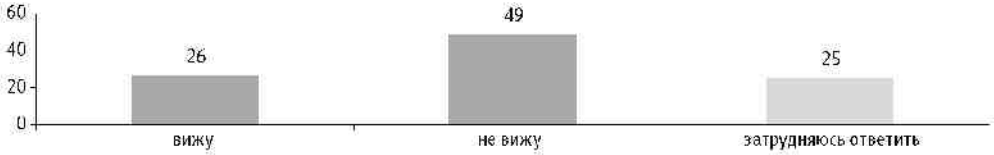
Группы в которых чаще говорят, что модернизация в России нужна

данные в % от групп



Вы видите или не видите какие-либо признаки модернизации в России?

данные в % от всех опрошенных



Типология регионов

Тип 1: «говорят, что нужна – чаще, видят признаки – чаще»

данные в % от опрошенных в субъекте	нужна модернизация в России	вижу признаки модернизации в России
Оренбургская область	85	48
Еврейская автономная область	86	46
Республика Татарстан	87	45
Республика Коми	81	38
Республика Марий Эл	87	38
Республика Башкортостан	82	37
Ханты-Мансийский автономный округ	84	37
Магаданская область	81	36
Астраханская область	83	35
Брянская область	85	34
Удмуртская Республика	88	32
Челябинская область	82	32
Кемеровская область	79	30
Вологодская область	80	30
Липецкая область	80	30
Пермский край	82	30
Новгородская область	78	29
Республика Хакасия	78	29
Хабаровский край	78	28
Среднее значение по типу 1	**83**	**35**

Тип 2: «говорят, что нужна – чаще, видят признаки – реже»

данные в % от опрошенных в субъекте	нужна модернизация в России	вижу признаки модернизации в России
Алтайский край	80	21
Ленинградская область	79	15
город Москва	84	23
Московская область	81	25
Орловская область	87	16
Пензенская область	84	17
Ростовская область	83	26
Рязанская область	79	23
Самарская область	79	20
город Санкт-Петербург	79	19
Смоленская область	82	25
Тульская область	80	22
Тюменская область	81	24
Ульяновская область	79	23
Среднее значение по типу 2	**81**	**21**

Тип 3: «говорят, что нужна – реже, видят признаки –чаще»

данные в % от опрошенных в субъекте	нужна модернизация в России	вижу признаки модернизации в России
Амурская область	77	30
Архангельская область	77	34
Воронежская область	75	26
Забайкальский край	74	31
Калужская область	76	28
Кировская область	72	29
Краснодарский край	68	36
Красноярский край	77	28
Мурманская область	67	35
Сахалинская область	76	30
Свердловская область	75	27
Томская область	64	33
Среднее значение по типу 3	**73**	**31**

Тип 4: «говорят, что нужна – реже, видят признаки – реже»

данные в % от опрошенных в субъекте	нужна модернизация в России	вижу признаки модернизации в России
Белгородская область	67	21
Владимирская область	71	19
Волгоградская область	72	17
Ивановская область	74	26
Иркутская область	69	15
Калининградская область	69	16
Камчатский край	60	17
Республика Карелия	76	26
Костромская область	69	19
Курганская область	69	17
Курская область	76	25
Республика Мордовия	71	22
Нижегородская область	71	17
Новосибирская область	71	25
Омская область	74	26
Приморский край	57	20
Псковская область	71	24
Саратовская область	75	21
Ставропольский край	75	23
Тамбовская область	54	17
Тверская область	74	14
Чувашская Республика	77	25
Ярославская область	74	26
Среднее значение по типу 4	**70**	**21**

	нужна модернизация в России	вижу признаки модернизации в России
РФ в целом	**77**	**26**

Поэтому сегодня нужна не корректировка, а новая Стратегия общенационального развития, формулирующая цели, трактующая национальные интересы и мобилизующая элиту и общество, в том числе на комплексное и полное использование ресурсов.

Стратегия развития должна быть идеологией. Как справедливо заметил С.А.Емельянов, «Для соединения передовых социальных идей с тем

социальным слоем, на который власть опирается, необходимо, очевидно, чтобы сами эти идеи (по крайней мере, косвенно) были связаны с научными достижениями эпохи и еще более тесно связаны **с идеологией**. Наука позволяет познать объективные законы общественного развития (и в определенной мере их национальную специфику) и в тесной связи с идеологией сформировать и внедрить в общественное сознание те или иные **социальные идеалы**, соединяя их с обыденными **целями** и социальными «геномами» людей. Таким образом, «инстинктам масс» дается теоретическое обоснование, и обыденный уровень общественного сознания поднимается до теоретического, что и позволяет субъектам истории делать правильный исторический выбор на «развилках» истории (в точках «бифуркации»)»[1].

Нации нужна общенациональная идеология, сочетающая традиции и предыдущие лучшие достижения с новейшими реалиями.

В 2011 году «корректировка» Стратегии 2020 основывалась, как и в 2008 году, на неолиберальной идеологии. Более того, Д.Медведев попытался не только сохранить, но и зафиксировать идеологически такую приверженность, заявив, например, 3 марта 2011 года о свободе, как главной ценности развития.

На самом деле при разработке новой Стратегии необходимо было бы переосмыслить прежде всего цели развития нации, заявить о ей фундаментальных ценностях, а не ограничиваться фиксированной приверженностью «общеевропейским ценностям». Так, прежде всего – и это самое главное – нужно сформулировать в качестве главной цели развитие НЧП, – как в его количественном (демографическом), так и в качественном измерении. Сделать эту цель целью модернизации.

Кроме того, необходимо перераспределить имеющиеся ресурсы в пользу этой цели и мобилизовать неиспользуемые ресурсы и резервы нации, прежде всего ее социальный потенциал.

2. Важно отметить, что впервые авторами Концепции 2020 в 2008 году была предпринята попытка создания концептуального документа, а не простой макроэкономической и инерционной

---

[1] *С.А.Емельянов*. Альтернативность социально-экономического развития и социалистическая модернизация России. – Философия и общество, № 2, апрель–июнь 2008 г., с. 2.

экстраполяции, хотя избавиться от прежних ошибок полностью, и не удалось. Проект в итоге получился хотя и противоречивым, «гибридным», но уже не таким искусственным, инерционным, псевдотехнологичным, как прежние варианты. Главное – предпринята ясная попытка, обосновать способы реализации политических приоритетов, сформулированных высшим политическим руководством. Пусть эти цели не вполне корректны, а методы неэффективны.

В течение многих лет я выступал за то, чтобы элита выбрала интенсивный вариант развития. Это должно быть именно **политическое решение**. Так, в одной из своих забот – «XXI век: стратегия для России», написанной в 2004 году», я писал: «Эта книга посвящена **будущему** России. Мы спорим о настоящем, переписываем историю, но при этом мало говорим о будущем. А между тем, такой разговор очень нужен. Мы должны представлять себе более или менее ясно **каким** будет мир через 15–20 лет. **Какое место** будут занимать в нем те или иные страны и, конечно же, Россия.

И эти политические вопросы должны быть не только поставлены. На них должны быть даны внятные ответы. Что делается неплохо в США и отлично в Китае.

Как признают, например, авторы одного из американских прогнозов, «К 2020 году карта мира может радикально измениться». Действительно, по их оценкам, кроме, безусловно, мирового лидера США, на мировую арену выйдут еще три ведущих «игрока» – Китай, Индия и страны Евросоюза. Численность их населения будет приближаться к 1,5 млрд. человек, а экономические потенциалы – сопоставимы с США.

Россия к тому времени – если сохранятся нынешние тенденции – отойдет на второй, даже третий план. Численность населения может сократиться до 110 млн. человек (менее 10% от Китая, Индии, 20% – Европы и 25% от предполагаемой в США), а экономический потенциал – на 5–10%. Россия, малонаселенная, но богатая природными ресурсами, окажется зажатой между гигантами. Не грозит ли ей участь Польши, поделенной в XVIII веке крупными европейскими державами?»[1]

---

[1] *А.И.Подберезуин, М.П.Карпенко*. XXI век: стратегия для России. М.: СГА, 2005 г., с. 3.

Авторы Стратегии 2020 не дали ответа на эти вопросы. Боюсь, что не дадут они таких ответов и в модернизированном варианте, который опять будет выглядеть вполне технологично, избегать политико-идеологических оценок, но, в конечном счете, в качестве стратегии окажется бесполезны и именно по этим причинам.

3. Нации нужен привлекательный образ будущего. Особенно после кризиса 2008–2010 годов, когда у значительной части элиты и общества сформировалась установка на то, чтобы любыми способами уехать из страны. «Отток» – уже не богатых, наворовавших и криминалитета, а профессионально подготовленных представителей различных социальных групп принял в 2010–2011 годах характер эпидемии. Граждане не верят, что у России есть лучшее будущее, что у нее есть будущее вообще. Поэтому спешат учить детей, покупать собственность на Западе (где она, кстати, дешевле, чем в России), в конечном счете уезжают из страны ежегодно сотнями тысяч. Россия теряет уже не только капиталы, но и свои лучшие мозги. В этой связи мы должны ясно ответить на вопрос: готовы ли мы принять **такое будущее**? Согласны ли мы с тем, что внутренняя нестабильность, отсталость и потеря контроля над огромными ресурсами станут нашей участью в ближайшие десятилетия? Мы должны ясно, консолидировано сформировать позицию нации по этому вопросу. Наверняка найдутся те, кто согласится с такой перспективой. Но, уверен, большинство нации не смирится с потерей суверенитета и национальной идентичности. И это должно стать **главной** реальной целью долгосрочного развития.

Не смирится большинство нации и с растущим отставанием России по ключевым критериям национального человеческого потенциала, например, в здравоохранении, где подобное отставание ежегодно выражается в конкретных причинах смерти миллионов граждан. Что видно, например, из следующих данных[1].

[1] Доклад о развитии человеческого потенциала в Российской Федерации 2008. Россия перед лицом демографических вызовов. М., 2009 г., с. 69.

Вероятность умереть на протяжении жизни от основных классов причин смерти в России и на Западе

	Мужчины		Женщины	
	Россия, 2006	**Запад, 2005**	**Россия, 2006**	**Запад, 2005**
Все причины	1000	1000	1000	1000
в том числе:				
Инфекционные и паразитарные болезни	23	21	7	20
Новообразования	132	273	122	208
Болезни системы кровообращения	496	337	671	382
Болезни органов дыхания	51	127	23	117
Болезни органов пищеварения	43	37	35	38
Прочие болезни	74	140	85	198
Внешние причины смерти	182	65	58	37

Нужен внятный стратегический (идеологический) прогноз и убедительное стратегическое планирование, способные показать национальную перспективу. Экстраполяции, тем более консервирующие на десятилетия отсталость России, скорее вредны, чем полезны.

4. Без ясного представления о **желаемом**, о цели, результате невозможен прогноз. Без прогноза невозможен план действий. Без плана нет **механизмов** его выполнения. А без всего этого нет **стратегии** развития нации, общества и государства. Идти от обратного нелепо, нелогично и неправильно. «И такой стратегии сегодня **действительно нет**. Нет ни анализа перспектив мирового развития, ни внятно сформулированного собственного курса»[1]. Так я писал в 2004 году.

К 2008 году многое изменилось. Уверен в том, что если бы ни кризис, то (пусть с опозданием), но мы вышли бы на постановку этих задач неизбежно уже в 2008 году. Кризис заставил вновь вернуться к «ручному управлению», характерному для 2000–2007 годов. И к такому же уровню понимания проблем в 2011 году каким он был в 2008 г. От которого только-только начали уходить. Развитие, тем более опережающее, ускоренное, невозможно на «ручном управлении» и при старой либеральной модели. Требуется не только управлять

[1] *А.И.Подберезкин, М.П.Карпенко*. XXIвек: стратегия для России. М.: СГА, 2005 г., с. 3.

одновременно миллионами человек и воль, но и действовать максимально слаженно и быстро. Это возможно только в том случае, если в основе всех механизмов управления находится идеология, прежде всего, общность интересов управляющей элиты, единство в понимании общих целей, перспектив развития и механизмов достижения поставленных целей.

5. При разработке новой Стратегии необходимо наконец-то сменить команду экспертов, которая с начала 90-х годов остается прежней. Эти люди доказали свою несостоятельность. Их ошибки, многократно повторены, но никто из них не несет за них ответственность. Ни моральную, ни политическую, ни нравственную, ни научную.

Эти же люди в лучшем случае смогут выдать те же идеи. Не надо на этот счет заблуждаться. Нужны новые люди, прежде всего идеологи, философы, а потом уже экономисты.

6. Сегодня существует еще значительная **разница** между стратегией развития России до 2020 года, сформулированной политическим руководством страны, и проектом концепции социально-экономического развития, которая разработана в качестве детализации этой стратегии МЭРом. Это различие **политическое,** хотя оно и выражается, прежде всего, в терминологической путанице, которая отражена в тексте. Так, если цель Концепции сформулирована вполне корректно, то задачи, конкретизирующие эту цель, – очень сомнительны. Под такими задачами, например, понимается «определение стратегии – способов, направлений и этапов», «определение целей..., приоритетов и основных задач», «определение приоритетов ... внешнеэкономической деятельности» и т.д., т.е. всё то, что относится к стратегии и политике, а не к концепции.

Напомним, что стратегия – **политический документ,** формулирующий прежде всего приоритеты национальной политики, её цели и конкретные задачи. Стратегия основывается на базовых принципах и приоритетах, имеющих общенациональное значение, т.е. **на идеологии**. Идеологические и политические аспекты в первой половине 2008 года уже были сформулированы В.Путиным и Д.Медведевым, а потом – в 2009–2011 годах многократно подтверждены. Но не в ясной форме, не в форме идеологии как совокупности идей и приоритетов, а в форме публичных выступлений, пиара.

Таким образом, получилось, что формулировать концепцию развития начали без прочного и ясного фундамента (идеологии) и без основных несущих конструкций (стратегии). И кризис 2008 года это наглядно показал: Концепция устарела **до ее утверждения**. Таким образом, данная концепция – всего лишь попытка социально-экономической экстраполяции некоторых идей стратегии, имеющая очень субъективное (как часто показывает, к сожалению, практика, неверное) представление экспертов МЭР. Смешивать две области – политическую и социально-экономическую – стратегию и тактику, две компетенции – неверно.

Но и после кризиса, в 2011 году, мы остались на уровне понимания 2008 года.

7. Это противоречие в современных российских условиях подготовки и принятия подобных решений, на мой взгляд, пока оказывается непреодолимым. В лучшем случае в ближайшем будущем оно приведет к тому, что политические идеи стратегии останутся декларациями, а в худшем – что такая концепция может стать реальной основой для фактической корректировки политических приоритетов и выбора неверного вектора социально-экономического развития.

Так, в проекте Концепции МЭР констатирует, что «в 2007 году объем ВВП составил к уровню 1991 года 110%», что расходится с логикой, прежними официальными заявлениями и здравым смыслом. Действительно, если до 2000 года ВВП снижался, а затем вырос примерно на 80%, то это утверждение равносильно политическому признанию полного восстановления экономического потенциала страны. И действительно, ниже МЭР признает, что «Россия **восстановила** статус мощной экономической державы». Притом, что далее в Концепции пишется, что душевой ВВП в России составляет (по ПСС) «13,7 тысяч долларов или 42% от среднего уровня стран ОЭСР».

Но этот показатель никак не соответствует показателю «мощной экономической державы», как впрочем, и другим показателям! Вряд ли целесообразно в Концепции брать на себя политические оценки. Тем более что они весьма спорные. Думается, что приоритеты, оценки и установки должны остаться за Стратегией и политическим руководством страны.

8. Целесообразно, на мой взгляд, в Стратегии развития еще раз «развести» политические идеи и стратегические установки, с одной стороны, с социально-экономическим содержанием, которое должно **конкретизировать эти установки**. А не существовать сами по себе. Так, в выступлении на расширенном заседании Госсовета 08.02.08 г. (а до этого, в феврале 2007 года в статье Д.Медведева) В.Путин подчеркнул несколько идей, связанных с такой стратегией, но требующих конкретизации именно в Концепции. Идей, безусловно, **политических,** а не экономических или социально-экономических:

Во-первых, эта стратегия будет означать «качественно иной этап в развитии страны». Сказанное означает, что Россия переходит именно на новый, причем **качественно новый, этап своего** развития. Причем в Стратегии говорится без конкретизации этих важнейших качественных особенностей. Например, приоритета в развитии НЧП.

Ясно, однако, что выделение качества этого этапа **предполагает неизбежный отказ** от сложившихся в период кризиса представлений, существующих норм, правил и тенденций. Но этого-то, как раз, и не произошло. Как справедливо заметил Р.Гринберг, «Зато вопреки всякой логике в **самом плачевном состоянии** оказались у нас как раз те сферы, которые в развитых странах являются барометром общественного и экономического «здоровья»: наука, образование, культура, здравоохранение – те самые четыре основные позиции, которые ради собственного блага должно систематически поддерживать государство. Как это ни парадоксально, **недооценка значимости этого фактора многократно возросла в постсоветский период**, после воцарения идеологии пришедших к власти рыночных волюнтаристов. Между тем положение дел обстоит просто и понятно: если не будет культуры, образования, науки, здравоохранения – не будет в стране здоровья ни в чем, в том числе и в экономике. Расходы на эти четыре сферы надо повысить хотя бы до среднего уровня в Евросоюзе. Но это тоже проблема политического решения»[1].

Во-вторых, отказаться от вариантов «догоняющего» развития. Будь то «экстенсивный» или «интенсивный» сценарий[2]. Сегодня нужен (и

[1] *Р.Гринберг*. Экономика в руках политиков. – Известия, 25 февраля 2011 г., с. 4.

возможен) качественный скачок в развитии общества, экономики. Но прежде всего НЧП.

В-третьих, нужна мобилизация и наиболее эффективное использование всех национальных ресурсов, а не только финансов, на чем сосредоточено внимание нынешней элиты.

В-четвертых, нужен эффективный политико-идеологический прогноз и соответствующее стратегическое планирование.

В-пятых, нужна национальная консолидация и мобилизация.

Все вместе взятое это и будет действительной Стратегией развития нации, а не Стратегией социально-экономических программ.

[2] В свое время, в начале 2000-х годов, я сам неоднократно предлагал такие сценарии. Но время ушло. Теперь нужен только качественный скачок.

2.4. Основные особенности новой социально-экономической стратегии развития России

«Одна из центральных ошибок в преобладающем у нас подходе к осуществлению модернизации – желание решать проблему частями поэтапно, а не комплексно»[1].

Р.Гринберг

«В прошлом году (2010 г.) впервые за последние **15 лет население страны выросло на 10,5 тыс. человек**»[2].

Правительство России

В отличие от естественных наук, общественные науки, идеологии и действия элиты могут не носить объективный характер и не отражать потребности общества и нации. Именно так и было в истории России последние годы, когда субъективные ошибки либералов год за годом заставляли действовать вопреки объективным общественным и экономическим законом. Как заметил академии РАН О.Т.Богомолов, «… **В обществе дело обстоит иначе. Законы общественного развития, формулируемые учеными, даже тогда, когда их знание ложно, могут быть взяты на вооружение государственной политикой, растиражированы СМИ, стать официальной идеологией, подчинить себе поведение миллионов людей и изменить саму природу общества, по крайне мере, на какое-то время**. Объект исследования оказывается в **зависимости от господствующей идеологии и теоретических воззрений.** Этим общественные науки отличаются от естественных, и поэтому их иногда называют в шутку «противоестественными».

История знает немало общественных деформаций. Думаю, что мы являемся свидетелями очередной из них. Но рано или поздно ошибочность господствующего общественного мышления и поведения обнаруживает себя, нередко через кризисы, катаклизмы, революционные взрывы, и научная истина, остававшаяся непризнанной, **берет верх в сознании политической элиты и общественности**»[3].

Основной политической особенностью формирования новой стратегии социально-экономического развития в 2011 году стала активизация либералов, заявивших новые претензии на политическую

---

[1] *Р.Гринберг*. Экономика в руках политиков. – Известия, 25 февраля 2011 г., с. 4.

[2] *К.Латухина*. Не хуже Европы. – Российская газета. 17 февраля 2011 г., с. 3.

[3] *О.Т.Богомолов*. Наши исследования не были напрасными. – Мир перемен, № 3, 2010, с. 14–15.

власть. Эта тенденция настойчиво связывалась с именим Д.Медведева, но на самом деле ее главными моторами стали представители финансово-экономической правящей элиты в администрации и правительстве – А.Кудрин, И.Шувалов, А.Дворкович.

В интеллектуальной области также произошла активизация либералов. Часть из них, во главе с В.Мау и Я.Кузьминовым, формально возглавили группу из более 1000 экспертов по доработке Стратегии 2020, другая часть – во главе с И.Юргенсом – представляли независимые центры, наконец, третья – партийные структуры «Единой России» и аффилированные с партией клубы.

Объединяло эти достаточно разрозненные силы два обстоятельства. Во-первых, как говорил И.Юргенс, «совпадение на 70%» основных рекомендаций, а, во-вторых, некритичное отношение к результатам собственных рекомендаций и последствиям реализации в социальной политики «либеральной традиции». Как справедливо заметил А.Цинко, «**Доклады ИнСоРа, посвященные демократии в России, что я попытался выше доказать, прежде всего отражают отсутствие у нашей элиты серьезной заинтересованности в оздоровлении политической и морально-психологической ситуации в России**. Пока что мы являемся свидетелями **откровенной борьбы за власть между различными отрядами нашей политической элиты. В начале нулевых была борьба между либеральными и силовыми отрядами команды Путина**, сейчас дифференциация носит куда более сложный характер. Но я не могу не обратить внимания на то, что из-за корпоративных партийных интересов этих группировок никто всерьез не анализирует то, от чего страдает население и что на самом деле угрожает будущему России. Медицинский факт. В докладах ИнСоРа **никогда всерьез не анализируются причины углубляющегося раскола между теми, у кого и деньги, и дома, и дети за границей**, и теми, кто вынужден соприкасаться ежедневно с уродствами нашей новой русской жизни. Авторы ИнСоРа в силу своих политических привязанностей никогда не исследуют драматические ошибки команды Ельцина и никогда всерьез не анализируют причины социального недовольства тех, кто оказался внизу. Ничего не говорится в этих докладах всерьез о

состоянии преступности, о галопирующем росте наркозависимых, о моральном разложении, деградации целого ряда слоев населения»[1].

На совещании с руководителями экспертных групп по доработке Стратегии 2020 16 февраля 2011 года В.Путин заявил: «… 2012 год – это новый этап в развитии экономики, социальной сферы России. К этому времени должны быть приняты основные законопроекты. При этом нужно совершенствовать основные механизмы достижения целей …»[2]. Как видно, цели, приоритеты Стратегии **не ставятся** под сомнение[3], не считается нужным пересмотреть отношение элиты и к национальным интересам и ценностям. Что, к сожалению, обесценивает изначально все усилия по «доработке» Стратегии.

Не ставится под сомнение и идеология политических и экономических реформ, хотя кризис 2008–2010 годов в очередной раз показал ее несостоятельность.

Не ставятся под сомнение и ее разработчики, хотя они также не раз за последние 20 лет доказывали свои несостоятельность.

Речь идет в конечном счете только о совершенствовании «механизмов» – законов и других инструментов, хотя вопрос об их возможной модернизации, на мой взгляд, остается открытым: тюнинг «Жигулей» не превратит их в «Мерседес».

В этой связи в Концепции было бы необходимо выделить социальные и экономические **особенности** этого нового этапа послекризисного развития России.

Во-первых, Стратегия 2020 доказала свою бесполезность, даже вредность. Результаты 2008–2010 годов – плачевны. Общество и экономика в России развивались не «по стратегии», а сами по себе. Нередко даже вопреки стратегии. Так, например, при общем сокращении доходов граждан за 2008–2010 годы и в целом за весь период с 1990 года, численность собственных автомобилей выросла почти в 4 раза. Такими же темпами росла и численность находящихся в домашних хозяйствах

---

[1] *АЦипко*. Страшилки для модернизации. – Независимая газета. НГ-сценарии, 5 апреля 2011 г., с. 13.

[2] *К.Латухина*. Теория «Маусианства». – Российская газета, 17 февраля 2011 г., с. 3.

[3] «Программные цели документа остаются неизменными». – Независимая газета, 17.02.2011.

компьютеров (в 9 раз), в целом товаров длительного пользования. Причем даже в бедных слоях населения был замечен рост.

Наличие предметов длительного пользования в домашних хозяйствах
(по материалам выборочного обследования бюджетов домашних хозяйств; на конец года; на 100 домохозяйств; штук)

	1995	**2000**	**2001**	**2002**	**2003**	**2004**	**2005**	**2006**	**2007**	**2008**	**2009**
Телевизоры	134	124	126	129	133	135	138	144	149	154	160
Видеомагнитофоны, видеокамеры	15	48	50	54	57	62	66	67	62	60	58
Магнитофоны, плееры	77	66	58	58	57	54	53	54	50	45	44
Персональные компьютеры	…	**6**	7	10	13	20	26	33	40	47	54
Музыкальные центры	2	12	16	21	24	28	34	36	38	38	39
Холодильники, морозильники	116	**113**	113	114	114	114	117	118	119	121	123
Стиральные машины	100	98	93	93	93	94	97	99	100	100	101
Электропылесосы	77	82	75	77	78	80	84	87	88	89	92
Швейные, вязальные машины	74	73	63	62	60	58	60	58	57	54	53

Наличие предметов длительного пользования по группам населения с различным уровнем располагаемых ресурсов в 2009 г.
(по материалам выборочного обследования бюджетов домашних хозяйств; на конец года; на 100 домохозяйств; штук)

	Группы населения в зависимости от уровня располагаемых ресурсов				
	первая (с наименьшими располагаемыми ресурсами)	**вторая**	**третья**	**четвертая**	**пятая (с наибольшими располагаемыми ресурсами)**
Телевизоры	**135**	145	158	179	171
Видеомагнитофоны, видеокамеры	43	51	56	69	67
Магнитофоны, плееры	39	43	45	49	45
Персональные компьютеры	**33**	43	54	70	62
Музыкальные центры	29	34	39	50	40
Холодильники, морозильники	111	117	124	130	128
Стиральные машины	96	98	102	104	105
Электропылесосы	80	88	94	99	97

Швейные, вязальные машины	46	49	53	58	53

Число собственных легковых автомобилей на 1000 человек населения по субъектам Российской Федерации*

(на конец года; штук)

	1970	1980	1990	1995	2000	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009
Российская Федерация	5,5	30,2	**58,5**	92,3	130,5	145,8	153,2	159,3	169,0	177,8	195,4	213,5	**220,8**
Центральный федеральный округ		**28,2**	**56,1**	**95,3**	**140,4**	**162,7**	**168,2**	**175,1**	**188,8**	**199,4**	**215,4**	**236,5**	**243,1**
Белгородская область	3,5	28,3	66,5	99,1	136,5	157,3	145,3	152,7	160,4	169,6	184,6	203,2	208,7
Брянская область	1,7	16,5	32,0	37,7	58,3	66,9	70,8	77,2	82,2	89,3	98,8	115,0	119,8
Владимирская область	3,1	25,5	45,2	69,3	104,6	118,0	124,0	129,7	138,8	147,0	165,3	184,2	194,0
Воронежская область	5,3	34,1	77,8	106,9	166,8	175,8	175,9	183,7	185,1	185,5	205,4	224,7	229,4
Ивановская область	3,8	20,5	40,7	58,1	97,5	92,9	101,6	106,4	117,1	124,7	140,2	151,3	154,7
Калужская область	4,7	27,7	55,6	80,7	114,9	126,7	136,2	145,4	162,7	176,5	189,1	215,8	227,5
Костромская область	2,1	20,5	47,6	64,4	97,9	114,7	117,5	123,7	134,1	149,1	164,4	192,1	192,9
Курская область	2,6	16,4	34,6	48,7	110,3	121,9	126,5	133,0	140,7	150,1	165,7	183,0	191,2
Липецкая область	3,4	24,7	53,8	77,6	132,3	142,6	153,6	162,8	172,9	189,1	202,5	224,6	237,5
Московская область	8,6	31,1	57,6	100,1	144,5	196,4	200,5	206,9	232,3	241,0	261,1	284,0	289,8
Орловская область	3,0	24,2	51,1	76,2	114,5	131,0	133,4	145,2	161,7	178,6	179,1	185,7	180,0
Рязанская область	3,4	24,3	47,6	72,2	112,8	133,1	141,6	150,6	160,0	176,5	193,4	254,3	265,2
Смоленская область	3,1	25,7	50,7	79,7	102,8	112,6	116,7	119,0	174,5	183,8	203,3	228,6	238,2
Тамбовская область	2,5	21,3	46,9	74,8	127,1	145,0	148,5	151,5	153,7	159,7	174,5	193,2	202,4
Тверская область	3,0	21,6	42,6	67,7	117,7	135,8	137,9	145,3	158,0	168,9	183,1	195,6	208,1
Тульская область	4,7	26,0	49,6	81,0	115,8	127,9	138,9	148,6	171,9	175,7	195,1	226,7	234,6
Ярославская область	3,2	20,8	42,4	67,1	98,6	103,7	107,7	119,0	130,1	140,4	149,7	172,0	176,1
г. Москва	14,3	37,2	69,8	142,3	189,1	210,4	218,9	224,2	232,8	246,5	261,4	278,7	284,1
Северо-Западный федеральный округ		**25,9**	**50,5**	**97,7**	**146,4**	**159,2**	**165,0**	**172,8**	**183,4**	**201,2**	**220,5**	**239,1**	**245,7**
Республика Карелия	2,5	24,1	56,4	112,4	155,2	172,7	189,6	191,7	192,7	200,6	218,9	235,2	242,7
Республика Коми	3,1	23,7	46,0	78,2	110,5	125,8	131,4	136,6	151,2	163,5	175,3	188,3	196,4
Архангельская область	1,7	16,9	37,5	63,6	90,4	105,7	106,0	115,3	123,0	134,5	150,5	170,1	174,9
в том числе Ненецкий автономный округ	0,8	6,6	27,8	47,6	59,4	88,9	96,7	104,9	114,4	128,0	143,2	152,2	173,1
Вологодская область	2,1	18,6	39,0	62,2	114,9	130,1	135,6	151,0	163,2	178,5	202,2	221,1	224,2
Калининградская область	5,8	32,0	60,8	136,6	205,7	217,6	221,0	227,4	235,0	259,4	269,4	278,8	285,1
Ленинградская область	4,5	21,6	44,4	88,4	138,1	154,9	160,5	167,2	179,3	197,6	221,3	245,6	255,8
Мурманская область	5,1	33,4	59,5	117,4	143,8	153,3	141,5	147,2	153,2	160,9	173,4	185,3	186,6

Новгородская область	3,8	23,4	42,6	71,8	101,8	111,2	119,7	126,1	139,8	155,0	168,5	196,7	202,4
Псковская область	3,1	28,6	56,3	84,0	120,5	126,8	121,9	130,9	148,7	175,5	185,3	202,4	210,9
г. Санкт-Петербург	10,4	30,3	56,1	118,0	180,3	190,6	201,5	209,1	219,9	241,6	266,0	285,1	291,8

Во-вторых, новая Стратегия (и, как следствие, – концепция) будет фактически означать «выбор дальнейшего пути развития России». Очевидно, что «выбор пути» развития страны это уже не экономический выбор, **а выбор политический, даже цивилизационный.** Соответственно и концепция долгосрочного развития имеет уже не столько социально-экономическое, сколько политическое и цивилизационное значение. В состоянии ли МЭР или даже несколько министерств ответить на этот вызов?

В-третьих, В.Путин признал, что «мы пока что лишь фрагментарно занимаемся модернизацией экономики». Это весьма критическое по отношению к себе признание несет совершенно определенный политический контекст: не только констатацию факта, но и скрытое обязательство перейти от фрагментарности **к системной** модернизации.

В-четвертых, в ней подчеркивается неизбежность, объективность изменения алгоритма уже не только экономического, но и государственного развития: «следуя нынешнему, инерционному сценарию, мы не сможем ни решить социальных задач, ни задач развития, ни обеспечить безопасность страны».

Сказанное означает, что не только социальные вопросы, но и вопросы безопасности, даже **выживания нации поставлены им в зависимость от того, как быстро страна перейдет от инерционного к инновационному сценарию.**

В-пятых, темпы инновационного развития должны быть «кардинально выше тех, что мы имеем сегодня». Это признание означает, что даже относительно высокие темпы роста ВВП (включая рост в 8,1% в 2007 г.) уже не устраивают. Политическое руководство видит возможность, более того необходимость, их «кардинального увеличения». Речь видимо идет о темпах, как минимум, выше 8,1%.

С политической точки зрения, сказанное означает как понимание того, что страна подошла к принципиально новому этапу своего развития,

так и необходимости ещё более, «радикально» ускорить темпы этого развития и – главное – его качество.

На практике это признание **пока не получило своей** дальнейшей конкретизации. В частности в концепции социально-экономического развития. Из сказанного в Стратегии пока лишь вытекает, что предполагается достижение следующих количественных показателей к 2020 году:

– снижение уровня смертности в 1,5 раза и увеличение продолжительности жизни до 75 лет;

– увеличение доли среднего класса до 60–70%;

– увеличение производительности труда «в основных секторах экономики» как минимум в 4 раза.

При этом В. Путин подчеркнул, что в результате широкого обсуждения планов развития страны «Правительством должна быть принята концепция социально-экономического развития до 2020 года», а также «конкретный план действий» («пошаговый план») по всем направлениям, в которых, следуя логике, социальные и экономические цели Стратегии будут уточнены.

Таким образом – следуя логике политического руководства – именно концепция Правительства и «пошаговый план» должны не только экономически, но и (что главное) **политически конкретизировать стратегию** развития России до 2020 года. Причем именно с такими масштабными заявками, на которые обратил внимание В.Путин. Простая экстраполяция, макроэкономический сценарий, инерционные подходы, сохраняющиеся в Концепции МЭРа, уже не могут устроить общество. В нем уже чувствуется, что есть политическая воля по-иному расставить экономические и финансовые приоритеты, а именно – в зависимость от политической воли, но практическая реализация этой установки происходит лишь отчасти.

Простой пример. Основной критерий оценки уровня развития страны сегодня это показатель душевого ВВП. Какой показатель мы хотим иметь к 2020 году в России? Пока что говорится о том, что «мы опередили Италию и Францию по объему ВВП в пересчете на ППС». Но ведь численность населения и душевой ВВП у нас почти в три раза больше! И какой ВВП – душевой, страновой, региональный – нам

нужен? Который есть **сегодня** в развитых странах? Или который будет в этих странах к 2020 году? Пока что в прогнозе МЭР фигурирует цифра 30 тыс. долл., которая соответствует примерно уровню развитых стран ... на 2007 год (хотя прогноз роста ВВП страны до 2020 г. МЭРа лишь удваивает его). Означает ли это, что МЭР «ставит задачу», чтобы в 2020 году граждане России жили также как испанцы в 2007 г.? Но ведь это программирование отставания на десятилетия!

Принципиально другой подход – формулирование задачи достичь, например, уровня Германии 2020 года, т.е. всего лишь «стать как все европейцы». Но тогда эта политическая задача должна стать **целью,** сформулированной в концепции социально-экономического развития. Если в качестве ориентира поставить душевой ВВП Германии, то можно предположить, что он будет расти на 2,5–3% в год и увеличится на 40–60% к 2020 году. То есть нынешняя разница по душевому ВВП с Германией в 3 раза должна быть ликвидирована с учетом **будущего роста немецкой экономики.** Кроме того, учитывая возможную численность населения в России, Германии, Франции и Японии к 2020 году, можно предположить, что наиболее объективно было бы сравнение России и Японии. В этом случае страновой ВВП и душевой ВВП в 2020 году отражали бы реальную мощь экономик этих государств. Можно ли это сформулировать в качестве **реальной политической цели, национальной идеи?** Ответы на эти вопросы должны быть ясно сформулированы в концепции социально-экономического развития, проект которой готовится в МЭР.

Тем более что основания для этого есть. Специалисты Института народнохозяйственного прогнозирования оценивают возможные темпы роста ВВП за 2008–2020 годы в 7,9–8,3%. Есть и еще более **оптимистические оценки, принятие или отрицание которых означает политический выбор** – между сохранением отставания или выравниванием уровней развития. Может ли этот выбор делать МЭР, либо даже несколько министерств?

Другими известными критериями (и задачами) могли бы стать рост доли наукоемкой продукции в мире и в собственной экономике. При том понимании, что сегодня она в России ничтожно мала (0,2–0,3%), но может и должна расти уже не в разы, **а десятки** раз, опережающими

темпами по сравнению с развитыми странами. Нынешние темпы роста можно было бы назвать впечатляющими, если бы речь шла о 80-х годах. Рост практически с нуля не должен программироваться в разы на 12 лет. Он может и должен расти в десятки раз.

Или рост расходов на образование, здравоохранение, науку, которые также должны расти опережающими темпами. Но ни первое, ни второе пока еще в качестве реального политического и бюджетного приоритета не сформулировано. В концепции МЭР планируется лишь **сокращение** отставания. Между тем опыт развития России последних лет показывает, что за эти годы некоторые показатели выросли в 10 и даже 20 раз. Причем без видимых усилий со стороны государства.

2.5. Опережающее развитие и личность

«Величие науки должно уместиться в каждом ее представителе»[1].

С.Лец

«Напряжение, которое рвало жилы и истощало ресурсы, принимали за работу модернизации …»[2].

А.Аузан

Уже говорилось, что темпы развития личности, общества и его институтов стали главными факторами, определяющими не только темпы социально-экономического развития, но и уровень обороноспособности и безопасности государств.

Но эта зависимость ясно прослеживается на моделях, разработанных, например, исследователями МГИМО(У). Из них, в частности, видно, что трудности в отдельных промышленных отраслях и сельском хозяйстве ведут к росту инноваций. И, наоборот, увеличение патентных заявок ведет к стремительному увеличению доли инноваций.

Вместе с тем достаточно широко эти понятия были использованы уже в Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года, утвержденной распоряжением Правительства Российской Федерации от 17 ноября 2008 г. № 1662-р[3]. Одной из главных целей был провозглашен переход к инновационному социально-ориентированному типу экономического развития, специфика которого «состоит в том, что России предстоит одновременно решать задачи и догоняющего, и опережающего развития», ответить на «долговременные системные вызовы, отражающие как мировые тенденции, так и внутренние барьеры развития». К числу вызовов относятся: (1) «усиление глобальной конкуренции, охватывающей не только традиционные рынки товаров, капиталов, технологий и рабочей силы, но и системы национально управления, поддержки инноваций, развития человеческого потенциала», причем «развитие глобальной экономической конкуренции сопровождается усилением геополитического соперничества, в том

---

[1] В кн.: Кодекс вождей и политиков всех времен и народов / Сост. И.Н.Кузнецов. – Ростов н/Д: Феникс, 2008 г., с. 224.

[2] *А.Аузан*. Национальная формула модернизации. Лекция. Полит.ру. 16.10.2009 / http://www.polit.ru/lectures/auzan.

[3] Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года. http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.

числе за контроль над сырьевыми, энергетическими, водными и продовольственными ресурсами»; (2) «ожидаемая новая волна технологических изменений, усиливающая роль инноваций в социально-экономическом развитии и снижающая влияние многих традиционных факторов роста»; (3) «возрастание роли человеческого капитала как основного фактора экономического развития»; (4) «исчерпание потенциала экспортно-сырьевой модели экономического развития, базирующейся на форсированном наращивании топливного и сырьевого экспорта, выпуске товаров для внутреннего потребления за счет дозагрузки производственных мощностей в условиях заниженного обменного курса рубля, низкой стоимости производственных факторов – рабочей силы, топлива, электроэнергии». Соответственно, успешная модернизация позволит «достичь уровня экономического и социального развития, соответствующего статусу России как ведущей мировой державы XXI века, занимающей передовые позиции в глобальной экономической конкуренции и надежно обеспечивающей национальную безопасность и реализацию конституционных прав граждан»[1].

Вот почему принципиально важно, чтобы роль этих факторов, их приоритетное значение должны в полной мере отражаться как в документах высшего порядка – политических и идеологических, – но и в концепциях более низкого (например, социально-экономического) уровня. Тех, которые призваны реализовать политико-идеологические установки.

Таким образом, важнейшим условием опережающего развития является **последовательное принятие идеологии, стратегии и концепции опережающего развития, в которых приоритеты развития потенциала личности** становятся на ведущее место. Именно они идеологически, политически и концептуально должны формировать **всю систему** действий государства, власти и общества.

Идеологической, политической доктрины и стратегии развития России в 2008 году (вплоть до послания Д.Медведева) выдвинуто так и не было. Что, естественно, ощущалось. Их место заняла разработанная МЭРом Концепция социально-экономического развития, которая по

[1] Динамика мирового политического развития и проблемы глобальной конкурентоспособности России. Отчет о НИР. Этап 2., МГИМО (У), 2010 г.

понятным причинам не могла претендовать на идеологическую доктрину или стратегию развития. Не отвечала она в полной мере и на вопрос о стратегии социально-экономического развития России, хотя в обществе этот вопрос стоял достаточно остро. То есть она была не адекватна существовавшим вызовам. Еще в 2004 году я писал[1]: У России существует в реальности два сценария стратегического развития на ближайшие 10–15 лет в условиях глобализации. Причем разница между ними была принципиальной:

Первый сценарий – нынешний, внешне благоприятный, но инерционный. Он предполагает, что тенденции мирового развития и процессы в России будут продолжать развиваться так, как они проходили в последние годы. Это означает высокую вероятность того, что повторения провалов в экономике и других областях, происходивших в 1990–1998 годы, **не будет**. Не будет ни развала страны, ни ее дезинтеграции. Но **не будет и существенного подъема**, заметного улучшения, так как демонстрируемые темпы роста ВВП, структура экономики, состояние общества автоматически будут воспроизводиться и в последующие годы. Это приведет, как считают американские эксперты и специалисты многих других стран, «к дальнейшей маргинализации» России, к превращению ее в своеобразную «большую Португалию».

Надо понимать, что страна, обладающая такими показателями развития, **не сможет обеспечивать свой суверенитет над территорией и ресурсами**. Вероятный исход этого процесса очевиден – дальнейшая потеря суверенитета, регионализация и распад России по примеру СССР.

Разновидностью первого сценария является «амбициозный» вариант развития, предусматривающий увеличение темпов роста ВВП до 7–8% и улучшения других характеристик экономики и социальной жизни России. Можно с уверенностью констатировать, что руководства страны в 2005–2008 годы стремилось реализовать именно этот, «амбициозный» вариант. Во всяком случае все призывы В.Путина к «большей амбициозности» находили вынужденный отклик у управленческой элиты.

Кризис 2008 года подтвердил как тот факт, что «амбициозный» сценарий лишь вариант инерционного, так и то, что без стратегии,

---

[1] *А.И.Подберезкин, М.П.Карпенко*. XXI век: стратегия для России. М.: СГА, 2005 г., с. 165–166.

идеологии и адекватной концепции развития страна уверенно развиваться не может. Ни в периоды стабильности, ни, тем более, в периоды кризисов, когда особенно важно видеть за решением сиюминутных, тактических задач конкретную стратегическую цель. Так, устойчивое недофинансирование реального сектора экономики привело в период кризиса 2008 года к положению, когда опираться пришлось уже не на кризисный финансовый сектор, а на чудом уцелевшей реальный сектор экономики.

Возвращаясь к «амбициозному» сценарию, еще в 2005–2008 годы было видно, что в случае его реализации:

– **в экономической области** Россия к 2025–2030 годам войдет в **замыкающую группу развитых государств**, возможно, заняв 25–30 место по величине ВВП на душу населения при сохранении в целом отстающей структуры экономики и главное, качества жизни. Ее удельный вес в производстве наукоемкой продукции в мире может несущественно вырасти (с 0,3% до 1–2%), но научно-техническое лидерство будет окончательно утрачено;

– **в политической области** Россия может сохранить ограниченный суверенитет и региональное влияние, окончательно расставшись со статусом одной из великих держав. При этом контроль над всей территорией страны и бывшим постсоветским пространством станет проблематичным. Конфликт на Кавказе в августе 2008 года подтвердил, что у России осталось ограниченное международное влияние и практически не было глобальных механизмов и ресурсов воздействия на мировое сообщество. Во многом это стало следствием экстенсивности развития;

– **в идеологической, культурной и духовной областях** влияние России в мире значительно ослабнет. Более того, традиционная система ценностей нации будет подвержена серьезным угрозам на собственной территории, прежде всего за счет экспансии неолиберализма и ислама. Все тот же конфликт на Кавказе высветил особенно ярко, что, отстаивая свои ценности и интересы России придется противостоять огромному влиянию в информационно-культурной области Запада. Причем не только за рубежом, но и внутри страны.

Уже с 2005 года объективно существовал и другой выбор, другой сценарий. **Второй сценарий** предполагал инновационное развитие, когда удается радикально изменить тенденцию развития России. Речь шла о том, чтобы направить ее потенциал на **всемерное развитие потенциала личности во всех его формах**, сделав ставку на ускоренное прохождение информационно-технологической стадии развития и переход на интеллектуально-духовную.

Соответственно, в элите должны быть существенно изменены **критерии оценки общественного прогресса,** которые должны отражать качественное содержание интеллектуального, технологического, культурного и духовного потенциала общества. По существующей, традиционной шкале это может выразиться в:

– существенном изменении **качества жизни и переоценке роли человека** в экономике и политической жизни страны;

– ускорении темпов роста душевого ВВП до 15–25% и более процентов в год;

– изменении структуры экономики, а также обеспечении опережающего роста наукоемких технологий, переход к экономике знаний;

Надо признать, что с 2005 года наблюдалась эволюция во взглядах российской элиты в пользу второго (как его в 2008 году, стали называть «инновационного») сценария. Но – надо также признать – к середине 2008 года идеология элиты еще не прошла до конца весь этот естественный путь, остановившись где-то между «амбициозным» и «инновационным» вариантами. Кризис 2008 года застал Россию именно на этапе переосмысления обществом и элитой приоритетов и ценностей развития. Можно сказать даже на этапе попыток реализации инновационного сценария. Что в полной мере отражалось как на реализации Концепции долгосрочного развития, так и на попытках внесистемной нейтрализации последствий мирового кризиса.

2.6. Основные выводы

«**Постперестроечные российские руководители оказались во власти отсталой, инфантильно-провинциальной философии: «рынок всё отрегулирует сам»**. Он и отрегулировал: всё, что **не обещало немедленного обогащения, было закрыто или заброшено**»[1].

Р.Гринберг

Основной вывод, который можно сделать по итогам разработки и реализации Стратегии-2020 и, в целом всей экономической политики последних десятилетий, заключается в том, что экономика оказалась в руках не тех политиков. И дело не только в либеральной идеологии и в качестве нашей финансово-экономической элиты. Дело в том, что сама российская элита оказалась не восприимчива к тем глобальным изменениям, которые происходят в мире. Она оказалась не способна создать что-то своё, принципиально новое, национальное. Все ее способности сводились к некритическому повторению не самых лучших западных идей и авторов.

Для того, чтобы создать что-то свое, качественно новое – продукт, услугу или идею – нужны способности и новая элита. Ее представители, конечно же, есть. Проблема в том, чтобы их допустили к власти.

1. Эти и другие примеры иллюстрируют, что основополагающие **политические приоритеты** стратегии развития России до 2020 года должны быть ясно сформулированы и в концепции и в прогнозе социально-экономического развития России, а также в том самом «пошаговом плане», о котором говорил В. Путин. При этом они могут и должны формулироваться обязательно **на политическом уровне, а не на уровне макроэкономической экстраполяции,** как это сегодня делает МЭР. Поэтому они должны быть разработаны (группой советников, экспертов) и предложены высшему политическому руководству страны, за которым будет принятие окончательного решения.

Пример тому – оценки, сведенные в таблицу в прогнозе МЭРа[2]:

---

[1] *Р.Гринберг*. Экономика в руках политиков. – Известия, 25 февраля 2011 г., с. 4.

[2] Основные параметры прогноза … с. 36–37.

Основные характеристики сценариев экономического развития

	Инерционный	Энергосырьевой	Инновационный
Инфраструктурные ограничения	Не преодолеваются	Преодоление энергетических барьеров роста и ограничений, связанных с транспортной инфраструктурой	
Конкурентные преимущества	Утрата ценовых преимуществ	Утрата ценовых преимуществ Используется потенциал нефтегазового сектора и транзитный	Рост технологической конкурентоспособности и снижение энергоемкости
Изменение структуры экономики	Сохранение доминирования сырьевого сектора Опережающий рост импорта	Закрепление доминирования сырьевого сектора Развитие энергоемких производств Рост импорта товаров и технологий	Диверсификация экономики Рост доли высокотехнологичных отраслей и экономики знаний
Социальное развитие	Стагнация социальной сферы Сохранение высокого уровня дифференциации по доходам Доля среднего класса менее трети	Частичная модернизация социальной сферы Усиление дифференциации по доходам, низкая доступность социальных услуг Доля среднего класса менее половины	Рост инвестиций в человека и НИОКР Снижение дифференциации Доля среднего класса превысит половину населения
Региональный аспект	Сохранение региональной дифференциации	Рост регионального неравенства при формировании новых энерго-сырьевых кластеров на Урале, в Восточной Сибири и на дальнем Востоке	Сокращение регионального неравенства Формирование новых центров инновационного развития, в т.ч. в Поволжье, на Урале
Место в мировой экономике	Зависимость от импорта товаров и технологий Периферийная экономика	Усиление зависимости от конъюнктуры сырьевых рынков и импорта товаров и технологий. Энергетическая сверхдержава. Развитие преимущественно двусторонних отношений и дистанцирование от глубоких форм интеграции	Специализация на рынках высокотехнологичной продукции Реализация потенциала многосторонней интеграции и создание сильного евразийского регионального объединения

Заменить этот качественный анализ количественными моделями, как показывает весь опыт, нельзя. Это может быть сделано в предварительном порядке, например, в рамках **межведомственной** группы, ориентированной непосредственно на политическое руководство, которая может и должна привлекать как правительственных, так и независимых экспертов.

2. Кроме того, такая концепция социально-экономического развития в минимальной степени должна зависеть от инерционных макроэкономических прогнозов, которые, как показывает практика последних лет, **гораздо менее достоверны,** чем экспертные (качественные) оценки экспертов и политиков. Подобные прогнозы не просто инерционны, но и изначально ошибочны потому, что экстраполируют существующие тенденции, а **не формулируют политическую и экономическую задачу.** Более того, они изначально **сдерживают** потенциал развития.

Политические цели, тем более общенациональные сверхзадачи, **сначала** превращаются в прогноз, который затем становится стратегическим планом, конкретизирующим социально-экономические задачи, сознательно **формируя тенденции** развития, а не наоборот. Так, в Китае, например, сознательно устанавливают политическую задачу по темпам роста ВВП, корректируя её в ту, либо иную сторону.

3. Наконец, реализация намеченных целей предполагает изначально ответ на вопрос, **как** это сделать, который также лежит в **политической плоскости.** Наиболее эффективные меры (изменение денежно-кредитной и бюджетной политики, замораживание тарифов, отмена налогов, стимулирование производства и экспорта наукоемкой продукции, антимонопольная политика и др.) – это **политические решения высшего уровня,** требующие согласованных действий и плана всех ветвей власти. Без этого политическая стратегия и концепция социально-экономического развития будут неизбежно «расстыкованы».

4. И последнее. Долгосрочная стратегия и концепция социально-экономического развития не могут существовать **вне идеологии** и без информационной поддержки, которые становятся важнейшими политическими **элементами управления** всеми государственными институтами, структурами и обществом, а также инструментом

мобилизации общества. Реализация сколько-нибудь масштабной и долгосрочной стратегии без идеологической составляющей невозможна. Речь идет не только о пропаганде, но об общественной мобилизации, согласовании воль сотен тысяч управленцев, т.е. эффективном государственном управлении.

Иными словами Концепция должна стать, во-первых, политическим документом, во-вторых, идеологическим, а, в-третьих, – правовым, обязательным для исполнения (может быть, как и бюджет, Федеральным законом).

5. Важно понимать, что организационные и институциональные изменения несут в себе инерцию, которую необходимо учитывать. Если слишком часто и резко менять стратегические установки, государственное управление перестает на них реагировать. Это произошло в современной России, где уже привыкли к резким и частым, но не обязательным изменениям. Как заметил А.Кокошин, «При произведении изменений в системах управления, направленных на повышение их эффективности, необходимо постоянно иметь в виду и возможные негативные последствия таких изменений. Одним из важнейших, практически невидимых извне параметров системы управления является институционная память организации. Для нашей страны с ее специфическими историческими традициями она является особо ценной. Во-первых, значительно меньшая часть вопросов деятельности организации отражается в нормативных документах, памятных записках, протоколах и т.п.; во-вторых, доля секретных и совершенно секретных документов (с далеко не всегда обоснованной засекреченностью) в отечественной системе стратегического управления традиционно намного выше, чем в подавляющем большинстве стран Запада, а документы с грифом имеют ограниченное хождение даже и внутри организации, существенно сужая число носителей институционной памяти»[1].

[1] *А.А.Кокошин*. Политология и социология военной стратегии. М.: КомКнига, 2005, с. 191–192.

Глава 3. Условие № 2: Изменение горизонтов планирования и ускоренное развитие: роль развития институтов социального потенциала

«Наши ценности формируют и наше представление о будущем»[1].

Д.Медведев

«…элиты всех стран управляют желаниями людей…, опираясь сознательно или неосознанно на идеологию и религию, рекламу и другие средства воздействия»[2].

Э.Тоффлер

Социальные изменения в обществе в начале XXI века поставили совершенно по-новому ряд проблем перед человечеством. И прежде всего прежнюю установку на создание социальной однородности общества, которая доминировала всю вторую половину XX века. Оказалось, что расширение наемного труда прекратилось, качественные различия между городом и деревней исчезли, мелкий бизнес не вымер, а на рынках труда появляются ниши для эмигрантов, детей и женщин, а также лиц, работающих на дому и занятых неполный рабочий день[3].

Очевидно, что современный стратегический прогноз и стратегическое планирование должны охватывать более продолжительный период времени и исходить из происходящих и будущих изменений в социальной структуре общества. Как минимум, 25–30 лет. Существующая практика в других странах, например, Китае, это полностью подтверждает. Да и в России, разрабатывая, например, генеральный план крупного города, а тем более мегаполиса, необходимо «заглядывать» вперед не менее, чем на 25–30 лет. Строительство дорог, другой инфраструктуры в противном случае станет невозможным. Но Россия значительно крупнее, а проблемы сложнее, чем в той же Москве!

Опережающее развитие, тем более, скачок, невозможны, без расширения рамок существующих концепций как «вглубь», на перспективу, так и «вширь», охватывая другие области. Существующая Концепция социально-экономического развития не выполняет этих

---

[1] *Д.Медведев.* Послание Президента РФ Федеральному Собранию / Российская газета, 6 ноября 2008 г., с. 2.

[2] *Э.Тоффлер, Х.Тоффлер*. Революционное богатство. Как оно будет создано и как оно изменит нашу жизнь. М.: Профиздат, 2008 г., с. 31.

[3] *А.Зудин*. Утопии и рефлексии. – Независимая газета, НГ-сценарии, 27 апреля, 2011, с. 11.

функций: с точки зрения временного фактора ее можно назвать среднесрочной (т.е. на 10–12 лет), а с точки зрения охвата – частной, тактической.

Только идеология, опирающаяся на национальные интересы и ценности, может дать по-настоящему долгосрочную стратегию (соответственно, долгосрочный прогноз и планирование), которая учитывала бы и другие важные аспекты.

Это стало очевидно после кризиса 2008–2010 годов, когда провалилась не только Стратегия 2020, но и вся социальная политика правящей элиты России. «Правоцентристская власть стремилась сохранить свою социальную базу, – пишет профессор МГИМО(У) А.Богатуров, – и отчасти (!) в этом преуспела»[1]. Но именно отчасти. Причем эта социальная база стала сокращаться сразу по выходу России из кризиса потому, что улучшение экономической ситуации и даже рост цен более чем 100 долл. за баррель в 2011 году сопровождались быстрым ростом цен, инфляцией и социальной напряженностью.

В этих условиях началась «корректировка» Стратегии 2020, которая не предусматривала ни ревизию ее целей, ни превращения ее из абстракции в реальную национальную программу, ни формулирование внятного и понятного не только макроэкономистам будущего облика России. В том числе и стратегию социально-экономического развития. Но именно в том числе. Идеологические доктрины рассчитаны на столетия, и даже тысячелетия. Типичные примеры тому современные религии. Но не только. Конфуцианство и сегодня лежит в основе современной идеологии модернизации Китая, буддизм – в Индии, мусульманство – в арабских странах. В их основе лежит национальная система ценностей, традиция – культурная, духовная, этническая.

Таким образом стратегия социально-экономического развития должна быть частью идеологии и ее следствием. В противном случае она становится частной концепцией, которая может быть в лучшем случае механизмом для реализации отдельных программ. Не более того.

В худшем же случае она может противоречить не только объективным национальным интересам и ценностям, но и вести к

[1] *А.Богатуров*. Кризис политики правого центра. – Независимая газета. НГ-сценарии, 22 марта 2011 г., с. 1.

неэффективному расходованию национальных ресурсов, наносит прямой ущерб нации. Так, концепция приватизации привела к разворовыванию национального богатства страны и созданию в конечном счете неэффективной, ресурсоемкой экономики.

3.1. Система ценностей как основа: либеральной фундаментализм или русский социализм?

«Каждая исторически конкретная общественная форма может характеризоваться специфическим набором и иерархией ценностей, система которых выступает в качестве наиболее высокого уровня социальной регуляции»[1].

БСЭ, 1969–1978

«Россия тоже должна была измениться, стать передовой страной, которую объединяют с Европой единые ценности»[2].

Д.Медведев

Соответственно то общество и государство, которые мы хотим в будущем, будет определяться системой ценностей и их иерархией, выступающими в качестве социальных регуляторов высшего уровня. Как сказал А.Зудин, «… ценности – вообще вещь безальтернативная, они синоним человека»[3]. Им соответствовать будут правовые, идеологические, этические нормы поведения, которые будут конкретизировать наши представления о будущей системе и иерархии ценностей. Как справедливо заметил в мае 2011 года Л.Радзиховский, «главные проблемы российской политики в любом случае лежат вообще в другой плоскости. Какие бы слова ни произносились, организации ни создавались, но глубокое, традиционное и еще углубившееся за последние годы отчуждение общества от власти и политики - вот капитальный факт. Цветущий сад бумажных растений, запах долгой скуки, гулкий звук многомерной пустоты... Таково наше реальное политическое поле»[4].

Представленная общества о системе ценностей решительно разделились на большинство (порядка 80% сторонников левой идеи и «твердой руки») и меньшинство (10–11%) либерального толка, остававшегося по сути не смотря ни на что либеральными фундаменталистами, но управляющими от имени абсолютного большинства государством.

---

[1] *БСЭ, 1969–1978*

[2] *Д.Медведев*. Дмитрий Медведев выступил на конференции «Великие реформы и модернизация России». 3 марта 2011 г. / www.kremlin.ru.

[3] *А.Зудин*. Утопии и рефлексии. – Независимая газета, НГ-сценарии, 27 апреля, 2011, с. 11.

[4] *Л.Радзиховский*. Фронт без линии фронта. – Российская газета, 17 мая 2011 г., с. 3.

Эта проблема тщательно обходилась правящей российской элитой последние десятилетия вплоть до фактического старта избирательной кампании в начале 2011 года, когда И.Шувалов «политизировал» модный в правительстве тренд по разработке новых институтов развития: «Первый вице-премьер и раскрыл смысл своих политических размышлений: «А где же все остальное, что **является продвижением этого ценностного начала**? И далее, он предрек: «задача на ближайшее время – добиться «значительной трансформации общества без каких-либо потрясений»[1]. Без потрясений, это без смены ценностей, но и без четкого, по-Шувалову, их определения. Между тем не существует наций и обществ **вне системы и иерархии ценностей**, норм их представляющих. Вопрос в том, что когда нация отказывается от своих ценностей, перенимая чужие, то трансформируются и нормы – права, поведения, нравственности. Именно это и произошло в России.

История развала СССР и деградации России – это прежде всего история разрушения системы ценностей и норм, в конечном счете **социальной регуляции общества**. Дикий капитализм в постперестроечной России сформировал свою систему ценностей, в основу которой был положен материальный успех, прибыль, занявший верхнюю ступень в иерархии ценностной системы. Как признает (в позитивном плане – !) И.Юргенс, «За два десятилетия рыночных преобразований в России уже укоренился критерий оценки перемен и устойчивого к ним личного отношения. Это повышение благосостояния, которое выражается в улучшении материального и имущественного положения людей»[2].

Но, если быть логичным до конца, то и представление о будущем, формируемое на основе этой системы ценностей, должно быть таким же, т.е. будущий идеал – это максимально высокий уровень благосостояния, которое выражается в материальном и имущественном положении. Справедливо ли это будущее для нации? В особенности, если не стоит вопрос о том, **каким путем** это достигается?

---

[1] *И.Родин, А.Самарина*. Модернизация без потрясений. – Независимая газета, 17 марта 2011 г., с. 1.

[2] *И.Юргенс*. Выйти навстречу. – Российская газета, 28 февраля 2011 г., с. 1.

В современных развитых странах Запада, формально дистанцирующихся от господствующей идеологии, насаждающих секуляризм, влияние иудейско-протестанской идеологии и созданной системы ценностей продолжает оставаться огромным. На ее основе с учетом национальной специфики США, например, разработаны и реализуются долгосрочные стратегии, концепции и доктрины, Некоторым из которых десятки, даже сотни лет. И, надо признать, эффективность многих из них достаточно высока потому, что они могут обеспечить не только общие рамки для национальной политики, но и преемственность политического курса, последовательность и строги рамки для любой политической стратегии. Но хорошо ли для России то, что хорошо для США? Уверен, что не все и не всегда (хотя американцы искренне считают, что их система ценностей не просто лучшая, но и универсальна). Россия, если она хочет сохранить национальную идентичность, должна не только сохранить и развить собственную систему ценностей, но и выстраивать свою стратегию **на ее основе**.

Сегодня строгое соблюдение, системы ценностей лежит в основе реальной политики США даже в ее частных проявлениях. Примечательный пример можно привести в связи с событиями 11 сентября 2001 года и теми мерами, которые были разработаны администрацией Дж.Буша. По признанию бывшего директора ЦРУ Джорджа Тенета, после теракта была произведена переоценка характера угроз. Были специально выделены потенциальные цели, уничтожение которых имело бы катастрофические последствия для США. Примечательно, что, как признает Дж.Тенет, «на первых местах в этом списке стояли символы американской культуры – киностудии, парки развлечений, спортивные сооружения…»[1]. Директор ЦРУ лично звонил руководителям киноассоциаций, баскетбольных клубов, музеев, предупреждая их о возможной опасности. Другими словами в системе американских ценностей эти объекты были не менее важны, чем военные базы и центры управления.

Другой пример с теми же США из этой области. Когда перед Б.Обамой возникла проблема огромного госдолга страны, то он принял решение пойти на сокращение военного бюджета на 78 млрд. долл.,

[1] *Дж.Тенет.* В центре шторма. – М.: Библиотека Коммерсант, 2008 г., с. 231.

причем параллельно он на 60% увеличил расходы на пенсии и здравоохранение, т.е. расходы на НЧК, в конечном счете на сохранность системы ценностей[1]. Другими словами в современных условиях сохранение национального человеческого капитала, американской системы и иерархии ценностей рассматривается правящей элитой США даже более приоритетной задачей, чем наращивание военной мощи.

Соответственно и разработанная Дж.Бушем в свое время стратегия борьбы с мировым терроризмом, **вытекающая из этой системы ценностей**, имела глобальный, стратегический (в нее было вовлечено около 100 государств), но одновременно и системно-ценностной характер. Воевали и воюют с террористами не просто вооруженные силы США, а политико-идеологическая система США, американская иерархия ценностей, навязываемая арабскому миру под лозунгами демократии.

В России пока что иначе. Отказавших от православия и коммунизма, она вообще на какое-то время оказалась в идеологическом вакууме. Произошло, как сказал «архитектор перестройки» А.Н.Яковлев, «деидеологизация идеологии». На самом деле вакуум быстро заполнялся второкачественными и даже опасными шаблонами и идеями. В основном либеральными. Была не только разрушена иерархия и вся система ценностей, но и нормы – правовые, нравственные, этические. В результате мы получили разгул коррупции и неэффективную экономику, которые вне национальной системы ценностей и норм вообще не могут существовать. Масштабы этой трагедии невозможно адекватно оценить. Так, только в 2009–2010 годы в Башкирии «пропало» четверть бюджета или 22,6 млрд. рублей, из которых почти 3 млрд. недополучило республиканское образование[2]. В национальном масштабе прямая коррупция оценивается ежегодно в 1 000 млрд. рублей, т.е. сопоставима со всей расходной частью федерального бюджета.

Но без единой системы ценностей, идеологии и общего образа нация, государство и общество долго жить не могут. Просто потому, что реальная политика и реальная экономика этого не позволяют. Поэтому, отказываясь от идеологии как единой системы взглядов и действительно

---

[1] *Д.Косырев*. Сколько стоит сверхдержавность. – Известия, 28 февраля 2011 г., с. 6.

[2] *А.Морозов, Ю.Кривошапко*. Пропало четверть бюджета Башкирии. – Известия, 3 марта 2011 г., с. 1.

долгосрочной стратегии, общество и власть стали неизбежно выходить на «прикладные» долгосрочные стратегии, которые, конечно же, не могут заменить единую стратегию, базирующуюся на единой системе ценностей. К концу 2008 года это стало вполне ясно и в России. К тому времени в стране насчитывалось более 100 региональных и отраслевых стратегий и концепций развития, которые были практически не взаимосвязаны между собой, не имели, прежде всего, единой национальной ценностной системы, единой стратегической системы целеполагания, единого образа будущего. Хуже того, каждый регион, каждая отрасль «рисовали» себе различные образы будущего. Некоторые регионы, например, даже вне рамок России, а некоторые отрасли – вне связи с единым комплексом страны. Более того, уже в марте 2011 года в ряде областей … началось новое обсуждение Стратегии 2020. К частности, в Н.Новгороде 4 марта 2011 года состоялся Форум «Стратегия 2020. Региональная проекция»[1].

Роль национальной стратегии (вплоть до Послания Д.Медведева от 5 ноября 2008 г.) фактически была возложена на долгосрочную концепцию социально-экономического развития 2020. Что, конечно же, не отражало объективных потребностей. Специальный акцент на системе ценностей, сделанный Д.Медведевым в Послании, заслуживает особого внимания потому, что впервые эти ценности были озвучены президентом России. Из этих ценностей, ориентиров вытекали долгосрочные цели развития, «представление о будущем». Полагаю, что необходимо и уместно дать полное изложение этого документа, отражающего представления и логику Президента РФ[2]:

«**Справедливость**, понимаемая как политическое равноправие, как честность судов, ответственность руководителей. Реализуемая как социальные гарантии, требующая преодоления бедности и коррупции. Добивающаяся достойного места для каждого человека в обществе и для всей российской нации – в системе международных отношений».

Справедливость, как политическая гарантия равноправия и социальной политики, – очень абстрактное и, на самом деле,

[1] Форум «Стратегия 2020. Региональная проекция». Откроется в Нижнем Новгороде. 3 марта 2011 / http://www.r52.ru.

[2] *Д.Медведев.* Послание Президента РФ Федеральному Собранию / Российская газета, 6 ноября 2008 г., с. 2.

бессмысленное понятие. Никто в мире сегодня не выступает **за политическое неравноправие и против социальных гарантий**. Может ли такая бессмыслица стать главной в иерархии национальных ценностей? Конечно же, нет. Поэтому эта искусственно придуманная «ценность» забылась уже на следующий день.

Тем более «идеал равноправия» не может стать идеалом при построении общества будущего. Формальное равноправие существует. Делать из него идеал – равнозначно постановке задачи повторить обучение за позапрошлый год.

Другая «ценность» и «идеал» сформулированы следующим образом: **Это свобода – личная, индивидуальная свобода»**. Д.Медведев конкретизирует эту мысль: «Свобода предпринимательства, слова, вероисповедания, выбора места жительства и рода занятий. И свобода общая, национальная. Самостоятельность и независимость Российского государства».

Честно сказать, не знаю, как комментировать эту банальность, ведь никто в мире и в России не посягает на индивидуальную свободу и свободу вероисповедания. Разве, что гипотетически предположить, что Россия будет оккупирована воинствующими исламистами.

Складывается впечатление, что этот текст писался 150 лет назад для Александра II, а не в 2008 году!

Может ли эта «ценность» стать частью идеального образа? Да, если допустить, что идеально образ женщины должен быть … с ушами.

Другая мысль и «ценность» Президента РФ: «**Жизнь человека, его благосостояние и достоинство**, межнациональный мир, единство разнообразных культур, защита малых народов и признание независимости Южной Осетии и Абхазии – это, кстати, пример такой защиты»[1].

Это положение, слишком абстрактное и банальное, не требует доказательств. Даже для Абхазии. Но, что требуется, так это пояснить, что человек, его личность становится главной целью политики власти, что игнорирование его социальных, культурных и национальных

[1] Форум «Стратегия 2020. Региональная проекция». Откроется в Нижнем Новгороде. 3 марта 2011 / http://www.r52.ru.

потребностей перестало быть такой, что в бюджетной и всякой другой политике, этот приоритет найдет достойное отражение.

Семейные традиции. Любовь и верность. Забота о младших и старших.

Патриотизм. При самом трезвом, критическом взгляде на отечественную историю и на наше далеко не идеальное настоящее. В любых обстоятельствах, всегда – вера в Россию, глубокая привязанность к родному краю, к нашей великой культуре.

Таковы наши ценности, таковы устои нашего общества, наши нравственные ориентиры. А, говоря проще – таковы очевидные, всем понятные вещи, общее представление о которых и делает нас единым народом, Россией.

Это то, от чего мы не откажемся ни при каких обстоятельствах».

Д.Медеведев особо подчеркнул их фундаментальный характер («не откажемся ни при каких обстоятельствах»), а также долгосрочную, стратегическую перспективу («наши цели неизменны») целеполагания, основанного на этих ценностей: «Наши ценности формируют и наше представление **о будущем**. Мы стремимся к справедливому обществу свободных людей. Мы знаем, Россия будет процветающей, демократической страной. Сильной и в то же время комфортной для жизни. Лучшей в мире для самых талантливых, требовательных, самостоятельных и критически настроенных граждан.

Хочу, чтобы все знали: наши цели неизменны».

В «представлении о будущем», т.е. долгосрочных целях, сформулированных Д.Медведевым, отчетливо просматриваются четыре блока:

– **во-первых**, «справедливое общество свободных людей», которую можно рассматривать как главную политическую и социальную цель;

– **во-вторых**, «процветающее и демократическое государство» – как задача для госстроительства и экономики;

– **в-третьих**, «сильное государство»;

– **в-четвертых**, – главное, – лучшей страной для «талантливых граждан».

В формализованном, схематическом (и упрощенном) представлении это выглядит следующим образом:

Базовые ценности (имеющие общенациональные и долгосрочный характер):

– справедливость;

– свобода;

– жизнь человека;

– семейные традиции;

– патриотизм.

На их основе происходит целеполагание, («формирование представления о будущем»).

Цели:

– создание справедливого общества свободных людей;

– сильного и процветающего государства;

– «Лучших в мире» условий для развития творческого потенциала личностей («для самых талантливых, требовательных, самостоятельных и критически настроенных граждан»).

Из этой схемы вполне понятны «представления о будущем» Президента России, т.е. **долгосрочна стратегия развития страны**: совершенного общества, сильного государства, условий для творческой самореализации.

Понятно, что Концепция долгосрочного социально-экономического развития 2020 года, принятая в 2008 году и модернизированная в 2011 году не может стать стратегией для достижения этих целей. Она их вообще не учитывает. Кроме того, она не учитывает в полной мере и внешних факторов, которые могут повлиять серьезно на реализацию любой стратегии и достижение обозначенных целей. Приведу два примера для иллюстрации этой мысли.

Кризис 2008–2010 годов совершенно по-разному сказался как на глубине падения объемов производства отдельных отраслей, так и на скорости выхода этих отраслей из кризиса. Учитывая большую экспортную ориентированность экономики России, даже ее зависимость от мировой конъюнктуры, ситуация в отдельных отраслях экономики выглядела следующим образом[1].

[1] *С.Куликов*. Что спасло Россию от еще более глубокого кризиса. – Независимая газета, 2 марта 2011 г., с. 4.

Посткризисное восстановление российской промышленности

Вид деятельности	Рост производства (октябрь 2008 г. к декабрю 2010 г.), %
Добыча полезных ископаемых, кроме топливно-энергетических	129,3
Производство кожи, изделий из кожи и производство обуви	125,3
Химическое производство	110,1
Производство кокса, нефтепродуктов и ядерных материалов	107,5
Производство пищевых продуктов, включая напитки, и табака	106,1
Добыча топливно-энергетических полезных ископаемых	103,2
Производство резиновых и пластмассовых изделий	101,9
Металлургическое производство и производство готовых металлических изделий	97,8
Текстильное и швейное производство	97,7
Производство и распределение электроэнергии, газа и воды	96,0
Целлюлозно-бумажное производство; издательская и полиграфическая деятельность	94,2
Производство электрооборудования, электронного и оптического оборудования	91,4
Обработка древесины и производство изделий из дерева	89,7
Производство машин и оборудования	88,5
Производство транспортных средств и оборудования	88,0
Производство прочих неметаллических минеральных продуктов	78,9

Источник: расчеты ФБК.

Как видно, быстрее всего восстанавливались добывающие отрасли, а также производство кожи и химическая промышленность и медленнее всего машиностроение. Это прежде всего влияние внешних факторов, которые не учитывались в Стратегии 2020 вообще.

Внутренний рынок, не обеспеченный спросом и неконкурентоспособный, обладает однако весьма ценным преимуществом. Его развитие можно прогнозировать, стимулировать. Им можно управлять. Но именно этого и не делается. Он искусственно суживается, даже уничтожается.

Таким образом реализация Стратегии 2020, зависящая от внешних причин, не подлежит контролю и управлению, а та часть Стратегии, которая зависит от внутренних причин, – не учитывается.

Другой пример влияния внешних факторов – подлинные, а не декларируемые цели Запада в отношении России. Так, грузино-осетинский конфликт в августе 2008 года многое сделал отчетливо ясным даже для заведомых западников. Сегодня, когда информационная пыль после нападения Грузии постепенно оседает, видны истинные цели Большой политики Запада по отношению к России на Кавказе и в Черноморском регионе, вытекающая из их представлений об их системе ценностей. Конкретно она выглядит следующим образом:

Первый этап. По взаимной договоренности Саакашвили с США и другими странами, грузинская армия, отмобилизованная в несколько дееспособных бригад, уничтожает ополченцев Южной Осетии и занимает всю территорию.

Второй этап. Через день-два тоже самое происходит с Абхазией. Все это происходит на фоне «паузы» Запада, который упорно не замечает этих заранее спланированных беспощадных действий.

Третий этап. Грузия и Украина вступают в НАТО в ближайшее время, а Россия остается с узким выходом к Черному морю.

Четвертый этап. Денонсируется Договор о базе в Севастополе, и Черноморский флот запирается в базе Новороссийска.

Пятый этап. В Черном море на постоянной основе размещается один из флотов США. По аналогии со Средиземноморьем.

Шестой этап. Россия отрезана от Закавказья, а Черное море превращается в контролируемый США залив Средиземного моря, где возможная активность России сведена к минимуму.

Седьмой этап. В Грузии размещаются войска и базы НАТО, а на Украине (ставшей к тому времени членом НАТО) – совместные подразделения Украины и НАТО.

Таким образом, Россия фактически запирается на континенте, где с юга она отрезана от Закавказья, с запада от Балтийского моря. Реализуется давняя мечта – изоляция России.

Восьмой этап. С этих плацдармов начинается дезинтеграция России. Прежде всего, с юга и юго-востока. Готовится ее распад и раздел на «суверенные» государства, которые «самостоятельно» будут распоряжаться необходимыми Западу ресурсами.

Это отнюдь не новая стратегия. Еще в 80-ые годы она была разработана в Концепции национальной безопасности США, где предусматривалась ее реализация в несколько этапов: 1-ый – развал Организации Варшавского договора и СЭВа; второй – «откол» Прибалтика; третий – остальных республик СССР; наконец, четвертый – раздел оставшейся России на 7–12 регионов.

История показала, что эта стратегия реализуется. В том числе и через расширение НАТО. Как признает Т.Фридман, который после распада СССР относился к группе, возглавляемой автором концепции «сдерживания» Джорджем Кеннаном, сенатором Сэмом Нанном (Sam Nunn) и экспертом по внешнеполитическим вопросам Майклом Мэнделбаумом (Michael Mandelbaum) – что уже тогда выступала против расширения НАТО, – администрация США продолжала придерживаться этой стратегии и после развала СССР: «Нет, возражала внешнеполитическая команда Клинтона, мы навяжем русским расширение НАТО, поскольку Москва слаба: она поворчит, а потом привыкнет. По сути они говорили русским: вы должны вести себя как западная демократическая страна, а мы будем относиться к вам, как будто вы остаетесь Советским Союзом. «Холодная война» закончилась для вас – но не для нас»[1].

Понятно, что четкие сроки реализации этой стратегии вряд ли обозначались, но опыт ее реализации показывает, что она не рассчитана на слишком далекую перспективу. Думаю, что 7–10 лет – максимальный срок, отводимый для ее завершающего этапа.

Я, кстати, неоднократно писал о таком сценарии. Еще во времена «позднего» М.Горбачева, но воспринимались мои предупреждения с трудом. В том числе и в ЦК КПСС, не говоря уже о периоде демократической эйфории 90-ых годов.

Д.Медведеву хватило ума и характера вмешаться в этот процесс. Впервые за 17 лет явно защитить суверенитет России. Но насколько эти планы могут помешать достижению сформулированных Д.Медведевым целей?

Он в Послании ясно подчеркнул, что эти цели и стратегия не имеют конъюнктурного характера, т.е. не зависят от внешних угроз. Наверное,

[1] *Th. L. Friedman.* The New York Times, 20 august, 2008.

так оно и есть, хотя очевидно, что не учитывать их при формировании долгосрочной стратегии развития невозможно.

Кризис 2008–2010 годов подтверждает это предположение. Вся история современного экономического развития России свидетельствует, что мы стали чрезмерно зависимы от мировых рынков и стран-лидеров глобализации. От этого не спасут никакие «подушки безопасности». Особенно если наши финансовые власти многие годы не уделяли внимания развитию реального сектора нашей экономики, когда зависимость от импорта превратила наше общество в общество, **зависимое от поставок** продовольствия, техники, услуг и идей из развитых стран. И это тоже из области формирования системы ценностей.

Военный конфликт в Грузии, на самом деле, высветил политический кризис в отношениях России с Западом. Российская элита стала перед выбором: либо потерять уважение собственного народа и международный престиж, уступив нажиму США, либо вывести отношения с Западом (США, НАТО, ЕЭС, ВТО) на новый, а именно равноправный уровень. То, что эти отношения были долго неравноправными, никто не сомневался. За годы президентства В. Путина внешняя политика России перестала быть сателитской, несамостоятельной, но осталась по целому ряду направлений зависимой от ельцинского наследия.

К чести Д.Медведева и В.Путина они сделали тяжелый, но верный выбор: уважение собственного народа важнее, чем любые угрозы. Россия доказала, что она стала полностью суверенной страной. Это доказать иначе, чем независимой внешней политикой было невозможно.

В этой связи встает принципиально важный вопрос. Все последнее время разрабатывались планы долгосрочного развития, включая прогнозы и концепции социально-экономического развития до 2020 года. Но – я уже не раз писал об этом – они не учитывали некоторых важных обстоятельств.

Во-первых, эти планы основывались не на идеологии, системе ценностей и политической воле, и возможных внешних угрозах, а на макроэкономической экстраполяции. Соответственно, их авторы (преимущественно сотрудники департамента МЭР) исходили из собственных, достаточно узковедомственных представлений о

необходимых темпах развития страны. Дискуссия, в конечном счете, привела к тому, что удалось уйти от инерционного к «полуинновационному» сценарию, предусматривающему рост ВВП в 7% в год. Вопрос в том, а почему не в 10–12% – остался открытым. Лично я не раз говорил, что эти темпы вполне посильны, если «загрузить» таким заданием наших начальников.

Во-вторых, все планы МЭРа не учитывали внешних факторов (за исключением немногих), да и многих других (военных, психологических, идеологических и т.д.) тоже. Почему-то в них считалось, что внешние условия будут благоприятствовать их реализации, что у нас нет не только возможных противников, но и оппонентов.

На самом же деле, в реальности, все соседние государства (за исключением Белоруссии) имеют территориальные и иные претензии, растут военные базы, усиливается активность, враждебность по отношению к нашей стране. Лично я полагаю, что внешние условия для России не будут комфортными и нам придется развиваться в сложной ситуации.

Это означает неизбежный раскол в правящей элите: та часть, которая предпочтет свои деньги и интересы за рубежом, будет добиваться возвращения зависимого от США внешнеполитического курса.

В-третьих, в этих условиях, я полагаю, неизбежным, чтобы нация (а не бюрократия) сделала сверхусилия по укреплению своей экономической, политической и военной безопасности. Наша страна вполне может компенсировать «провал» 90-х годов ускоренным научно-техническим развитием. Опираясь, прежде всего, на развитие национального человеческого потенциала, прежде всего той части, которая относится к социальному потенциалу и его институтам.

Суть проста. Россия в последние два года выходит на правильный вектор развития. В политике и экономике она перешла от стабилизации к развитию. Неуверенному, не твердому, но развитию, которое сдерживается прежде всего либеральным фундаментализмом правящей элиты. Но даже у нее все чаще проявляются проблемы сознания. Об этом, кстати, еще в феврале 2007 года писал Д.Медведев. Теперь важно, чтобы это развитие было опережающим, т.е. заметно превышало темпы

развития других стран и предусматриваемые МЭРом. Только тогда мы обеспечим себе национальную безопасность.

С точки зрения идеологии русского социализма, наступило время **сознательно** формирования новой системы ценности, направленной в будущее. Не отметая традицию и принципы социализма, а развивая их. Ценность – это особый вид реальности, что явно не????. Сама по себе она не существует, хотя и связана не только с человеком, но и с объективным миром. Мир состоит из ценностей – материальных (вещи, деньги, собственность…), художественных (произведения искусства и литературы…), природных (солнечный восход, моря, цветы, ландшафты…), собственно человеческих и гуманистических.

Ценность одновременно ценность чего-то (кого-то), и ценность для кого-то. Ценность обязательно антропогенна, поскольку возникает в процессе оценки человеком людей, общества, идей, предметов культуры или природы.

Ценности бывают материальными и духовными, однако, в любом случае они устанавливаются (т.е. конституируются) человеком, поэтому в них заложена определенная виртуальность, связанная с тем, что сама оценка – это дело разума человека, его вкуса, предпочтений, симпатий, потребностей, целей, идеалов и т.д.

Необходимо отличать ценное как просто полезное, выгодное или нужное, от ценности в высшем, человеческом смысле слова. Ценность-пользу всегда можно измерить и соответственно возместить другой ценностью, но любая высшая ценность по-своему абсолютна и утрата ее невосполнима; такая ценность – то, что часто называют «бесценным». Грубо говоря, нельзя указать ее цены или денежной стоимости (ведь деньги воплощают идею меры и обмена).

Высшие ценности как бы самоценны для человека, ему претит сама мысль использовать их только как средства к достижению своих целей. Это роднит понятие высшей ценности с таким понятием, как святыня (видимо, на заре человечества высшие ценности человека были еще только религиозными). Подчеркивая исключительный характер какой-либо ценности, мы нередко метафорически употребляем именно этот термин.

Ценности играют колоссальную, больше того – определяющую роль в жизни людей. Они обладают функциями ориентиров, образуют сложный мир смыслов и символов, составляют основу индивидуальных или коллективных суждений и поступков. В них есть регулятивные и нормативные компоненты.

Область бытования ценностей универсальна и практически безгранична. Существует множество систем ценностей и видов их классификации. Различают моральные, научные, эстетические, юридические, философские, религиозные, социальные, политические, экономические, финансовые, экологические и другие ценности. Их разделяют на материальные и духовные, личные и коллективные.

3.2. От целеполагания к эффективной стратегии

««Российская идентичность» требует … – изучения этнических, религиозных, культурологических, общественных и политических особенностей русского народа и других народов многонациональной России»[1].

В.Третьяков

«Обстоятельства могут благоприятствовать тогда, когда деятельность целенаправлена (осознание цели должно предшествовать любой деятельности)».

А.Вельков, психолог

Ключевой общественной и политической проблемой современной России при разработке стратегии национального развития является **долгосрочное целеполагание**[2]. При этом точность в определении долгосрочных целей имеет фундаментальное значение. В полной аналогии с выбором курса движения по азимуту, где ошибка на несколько градусов может привести к совершенно другому пункту.

Целеполагание должно максимально соответствовать пониманию национальных интересов правящей элитой – чем точнее, тем лучше, – а не каким-то внешним представлениям. Как справедливо заметил А.В.Рубцов, «Для начала надо уметь соответствовать своему же собственному проекту современности. Преодоление такого «отставания от себя», сейчас важнее, чем то, что мы отстаем от чужих идей или их завидных воплощений»[3].

Если речь идет, как сегодня, о «догоняющей» модернизации, то мы изначально формулируем цель не для себя, а «как у них», хотя не факт, что это, во-первых, нам нужно, а, во-вторых, что это правильно.

Этот процесс состоит, как минимум, из следующих элементов:

– во-первых, формирование образа «желаемого завтра» элитой как идеального представления о будущем нации и государства. Этот процесс должен происходить на основе национальных интересов и ценностей, среди которых главной является сохранение национальной идентичности и суверенитета. Этот приоритет, однако, сегодня «не замечается» при разработке долгосрочной стратегии. Очевидно, что социальный

---

[1] *В.Третьяков*. Политграмота наших дней. – Известия, 3 марта 2011 г., с. 8.

[2] **Долгосрочное целеполагание** – зд. процесс практического осмысления национальной элитой своей деятельности с точки зрения формирования долгосрочных целей и поиска наиболее эффективных средств их достижения.

[3] *А.В.Рубцов*. Приведение к современности. – Независимая газета, 14 апреля 2010 г., с. 5.

потенциал, как и НЧП в целом, являются главным критерием такой идентичности и главной целью;

– во-вторых, стратегического прогноза, который корректирует «идеальный образ» в соответствии с вероятными возможностями и ресурсами, с одной стороны, но и стимулирует поиск новых возможностей и ресурсов ,с другой. Простая макроэкономическая экстраполяция, к которой прибегают наши экономисты, для этого не пригодна;

– в-третьих, соотнесение формулируемых целей с возможными и вероятными ресурсами, которые могут быть использованы для их достижения.

Если формулируемая элитой и обществом система современных ценностей утвердилась в общественном сознании (а она должна основываться на национальной системе ценностей), то на ее основе уже происходит формирование, как сказал Д.Медведев, «наших представлений о будущем». Точнее, – о долгосрочных представлений о будущем. В долгосрочной социально-экономической стратегии не должно быть сиюминутных, конъюнктурных целей. А тем более – чем отличается период В.Путина – Д.Медведева – целей «паркетного пиара».– Другими словами через элиту, как через призму, происходит преломление объективных факторов – национальных интересов и ценностей – в долгосрочные цели.

Это – процесс осознания элитой, который может быть **в разной степени адекватен** объективным реалиям – национальным интересам и ценностям. Или вообще не адекватен. Так, «паркетный пиар», лежащий в основе многих публичных выступлений лидеров, имеет мало общего с реальными долгосрочными национальными целями.

В зависимости от такой степени адекватности представлений элиты формулируются и цели, т.е. происходит процесс целеполагания и формирования стратегии. Ложные, или неадекватные цели, как известно, неизбежно ведут к неправильной стратегии, а та, в свою очередь, к неправильным механизмам ее реализации, бесполезной растрате ресурсов.

В начале 2008 года, накануне кризиса, стало видно, что «по сумме признаков Россия входит в очередной мегапроект»[1]. Но без ясного долгосрочного политико-идеологического плана и стратегии. Хуже всего дело обстояло с долгосрочным целеполаганием. Среднесрочное (трехлетнее) планирование, – тот максимум, на который опиралась правящая элита, был очевидно недостаточен для эффективного управления. Трудно, даже невозможно, планировать, например, развитие города менее чем на 20–25 лет вперед. Коммуникации, энергетика, людские ресурсы и многое другое развиваются десятилетиями. Транспортные пробки в Москве – типичный пример отсутствия долгосрочного прогноза и планирования. Но прежде всего представления о том, каким должен быть мегаполис через 25–30 лет.

Подобный подход не совместим и с идеей ускоренного развития, тем более скачки, когда прогнозы и планы должны быть амбициозными, даже сверхамбициозными. Это сугубо политико-идеологическая задача, а отнюдь не макроэкономические расчеты. И в этом кроется главная политическая проблема: Макроэкономика вообще инерционна. Так, если посмотреть на основные параметры, то они просто экстраполируются на 15–20 лет. Причем механически, без учета международных, социальных и других факторов, а, главное, национальных интересов и ценностей, которые вообще остаются «за скобками» таких стратегических прогнозов. Даже при отраслевом прогнозе, не говоря уже о национальном, это недопустимо. Пример – оценка структуры потребления энергоресурсов[2].

Структура мирового потребления энергоресурсов по видам топлива
(по данным МЭА), %

Виды топлива	2010	2030
Уголь	26	26
Нефть	34	33
Природный газ	21	23
Ядерное топливо	6	5
Прочие	13	14
Всего	100	100

[1] *А.В.Рубцов, С.А.Богословский.* Между нефтью и хай-теком / Независимая газета, 2008 г., 16 января, с. 11.

[2] Основные параметры прогноза … М.: МЭР, август 2008 г., с. 25.

Согласно базовым прогнозам мировых агентств, к 2030 году в структуре мирового потребления энергоресурсов очень незначительно снизится доля нефти и ядерного топлива (до 33% и 5% соответственно). Прогнозируется некоторое увеличение доли природного газа (до 23%) и альтернативных источников энергии. Ожидается рост новых мировых рынков энергоносителей, в частности, сжиженного газа, который быстрым также назвать нельзя. Как видно, стратегический прогноз инерционен. Он даже не предполагает учет таких факторов, как появление эффективных энергосберегающих технологий, альтернативных источников энергии. замещение одних видов топлива другими и т.д.

Такой прогноз не учитывает влияние «технологических прорывов», которые неизбежно произойдут до 2030 года, массового внедрения новых видов топлива (например, сланцев) и т.д.

Такой прогноз не предполагает влияния крупных международных факторов, как, например, нефтяной кризис начала 70-х годов, или нестабильность в арабском мире в 2011 году, или стремительный рост экономики Китая и Индии.

Главной долгосрочной целью национальной стратегии является количественное и качественное увеличение НЧП, которое во многом предопределяется эффективностью демографической политики. Тенденция к вымиранию нации свидетельствует о том, что в долгосрочной перспективе у нации нет будущего. В истории таких примеров немало.

Надо сказать, что к 2005 году в российской элите пришло некоторое осознание этой угрозы, что заставило принять ее хотя и недостаточные, но меры для решения проблемы депопуляции. Как справедливо отмечает профессор Б.Искаков[1], «К концу 2008 г. по сравнению с 2000 г. поднялась рождаемость (с 8,7 до 12,1‰), сократилась смертность (с 15,3 до 14,7‰), депопуляция (с 6,6 до 2,6‰) и детская смертность в возрасте до года (с 15,3 до 8,6‰). Но остаётся сверхмалым срок жизни россиян, в т.ч. мужчин, особенно в сёлах. За 2000–2008 гг. **улучшился прогноз динамики** численности населения к концу XXI в. (рис.). «Реформы 90-х»

[1] *Б.И.Искаков*. Оценка экономического ущерба от депопуляции. Эл. ресурс «Viperson». 02.03.2011 / www.viperson.ru.

низвели прогнозируемую к концу XXI в. до 23–25 млн. чел. **Итоги за 2000–2008 гг. поднимают прогноз до 61 млн.чел., почти в 3 раза**. Это большое улучшение. Оно создаёт предпосылки для спасения, но ещё не гарантирует спасение России от демогеноцида и вымирания, раздела и гибели государства и этноса. **Для выживаемости РФ нужно полностью одолеть депопуляцию, оптимизировать реформы и социоэкономическую модель общественного строя, реинтегрировать СЕС в доступной степени и т.д**.

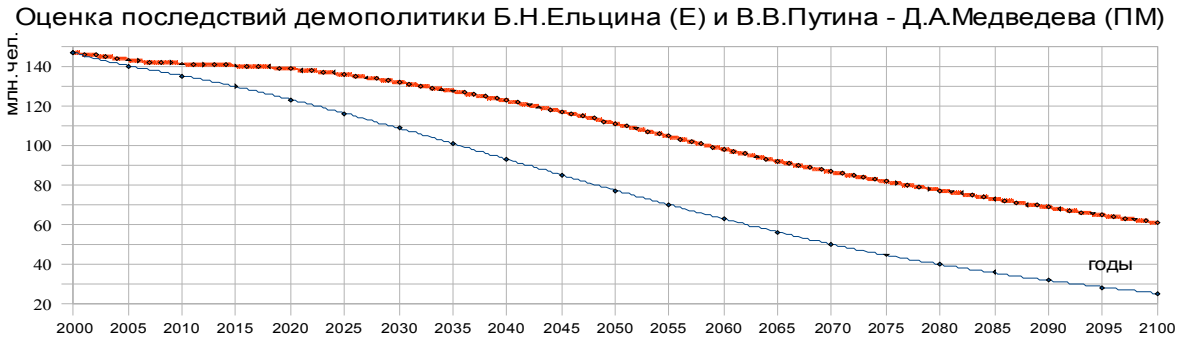


Рис. Прогнозы ЧНРФ в XXI в. по ДМ-1
(нижний – по итогам президентства Б.Н.Ельцина 1992–1999 гг., ПВП2001, РС2000; верхний – по итогам президентства В.В.Путина и Д.А.Медведева – 2000–2008 гг., ПВПиРС2008.).

Кроме того, некоторые ученые заметили важную особенность. Я бы сказал, имеющую принципиальное значение для **качества** будущей российской экономики, а именно: инновации (т.е. внедрение в экономику научных достижений) становятся оправданными **только** когда **темпы развития экономики превосходят некоторую критическую величину**. Так, в принципиально важном докладе «Экономический рост как фактор инноваций», который сделал доктор экономический наук Евгений Балацкий на научной конференции в марте 2007 года. Вряд ли кого-то сегодня можно удивить констатацией трех очевидных макроэкономических и макросоциальных тенденций: 1) ускорение темпов роста экономики; 2) возникновение экономики инноваций (знаний); 3) **потеря предсказуемости** будущего. Весь вопрос в том, **как** эти факторы связаны между собой. Балацкий попытался не просто предложить очередной умозрительный вариант ответа, но обосновал его с помощью математической конструкции.

«Как только темпы роста экономики становятся больше некоторой критической величины, инновации становятся оправданными, – отметил Евгений Балацкий. – То есть темп роста экономики – компенсатор снижения горизонта планирования. Короткие горизонты можно компенсировать только бешеными темпами роста. А в горизонт планирования включены факторы и субъективные, и социальные – политическая стабильность, например»[1].

Этот вывод, кстати, подтверждает современная практика в России. Так, первая половина 2007 года охарактеризовалась не только самыми высокими темпами роста ВВП в промышленной продукции, но и самыми высокими темпами роста инвестиций (более 27% за год), которые превысили китайский уровень. Напомним, что к инвестициям в основной капитал Росстат относит затраты на новое строительство, расширение, реконструкцию и модернизацию, приобретение машин, оборудования, транспортных средств, затраты на формирование основного стада, выращивание многолетних насаждений и др.

Примечательно, что ни МЭР, ни Минфин даже близко не прогнозировали на краткосрочную перспективу ни тепы роста ВВП, ни, тем более, такой взрывной характер роста инвестиций. Это еще раз свидетельствует об условности и профессионализме таких прогнозов.

Получается, что «неидеологические», профессиональные прогнозы – и об этом свидетельствует вся практика таких прогнозов в 2000–2007 годы – заведомо занижают возможные результаты. Они не нацеливают на достижение максимальных результатов, не стимулируют ожидания и не мобилизуют элиту, а сдерживают их. Внешний «профессионализм» таких прогнозов оказывается совсем не профессионализмом, а вредным качеством.

У этой проблемы есть серьезные политические и психологические последствия. Человек устроен в основном так, чтобы планировать свою жизнь, жизнь своей семьи на перспективу. Экономическая и внутри политическая стабильность во многом зависят от того, какая часть общества планирует свою жизнь на долгосрочную перспективу – строит дома, рожает детей, учится. Как справедливо отмечает А.Ослон,

[1] *А.Ваганов.* Старт с низкой базы / Независимая газета. Наука. 28 марта 2007 г., с. 13.

«**Владелец дома не может не думать, что он оставит детям и внукам, поэтому жилище как бы принуждает его проектировать** свою жизнь, оберегать стабильность своего проекта и с подозрением относиться ко всему, что может эту стабильность нарушить. Отсюда – два фундаментальных следствия. Первое: длинная перспектива жизненного планирования, включающая планы относительно жизни детей и внуков, создает умонастроение «связи времен», придает быстротечному существованию исторический смысл. Второе: она переводит на более высокие позиции в иерархии ценностей такие понятия, как порядок, стабильность, преемственность, законность, ответственность, без которых невозможно «проектное» мышление. И то, и другое вместе – фундамент более спокойного и рационального отношения к происходящему как в личностном жизненном мире, так и в «большом мире», представления о котором складываются прежде всего благодаря каналам массовых коммуникаций.

Но такое личное планирование невозможно без понимания идеологии развития государства, его стратегии, промежуточных этапов, потребностей и много другого. Человек должен не только знать, но и быть уверенным в уровне инфляции, процентных ставках по ипотеке, но, главное, что социальная политика государства будет усиливаться, а не ослабевать.

Напомню в этой связи, что нынешний ВВП России сопоставим с уровнем Кореи и Мексики, что абсолютно недопустимо[1]. Он меньше французского и английского, в – 2 раза меньше немецкого, в 4 раза японского и в 13 раз американского. Для того чтобы качественно изменить ситуацию необходимо в короткие сроки – 5–7 лет – добиться того, чтобы ВВП России, как минимум, превысил ВВП Японии, а в целом можно ориентироваться на стратегическое целеполагание в Китае, где элита поставила задачу выйти на уровень развитых стран по душевому доходу. Сегодня ситуация выглядит следующим образом[2].

[1] Коммерсант. 25 июля 2007 г., с. 2.

[2] Российский статистический ежегодник 2010. – М.: Росстат, 2010 г., с. 768.

Валовой внутренний продукт стран мира по паритету покупательной способности по результатам международных сопоставлений за 2005 г.*

	ВВП на душу населения		ВВП, млрд. долл. США
	долл. США	индекс физического объема (США=100)	
ОЭСР – Евростат	**26404**	**63,4**	**36469,0**
Австралия	**32798**	**78,7**	671,5
Австрия	**34108**	**81,8**	280,8
Албания	5369	12,9	16,8
Бельгия	32077	77,0	336,0
Болгария	9353	22,4	72,2
Босния и Герцеговина	6506	15,6	25,0
Венгрия	17014	40,8	171,6
Германия	**30496**	**73,2**	2514,8
Греция	25520	61,2	282,8
Дания	33626	80,7	182,2
Израиль	23845	57,2	156,7
Ирландия	38058	91,3	157,9
Исландия	35630	85,5	10,5
Испания	27270	65,4	1183,5
Италия	27750	66,6	1626,3
Канада	**35078**	**84,2**	1133,0
Кипр	24473	58,7	18,6
Латвия	13218	31,7	30,4
Литва	14085	33,8	48,1
Люксембург	**70014**	**168,0**	32,6
Мальта	20410	49,0	8,2
Мексика	11317	27,2	1175,0
Нидерланды	34724	83,3	566,6
Новая Зеландия	24554	58,9	100,7
Норвегия	**47551**	**114,1**	219,8
Польша	13573	32,6	518,0
Португалия	20006	48,0	211,0
Республика Корея	21342	51,2	1027,4
Республика Македония	7393	17,7	15,0
Россия	**11861**	**28,5**	1697,5
Румыния	9374	22,5	202,7
Сербия	8609	20,7	64,1

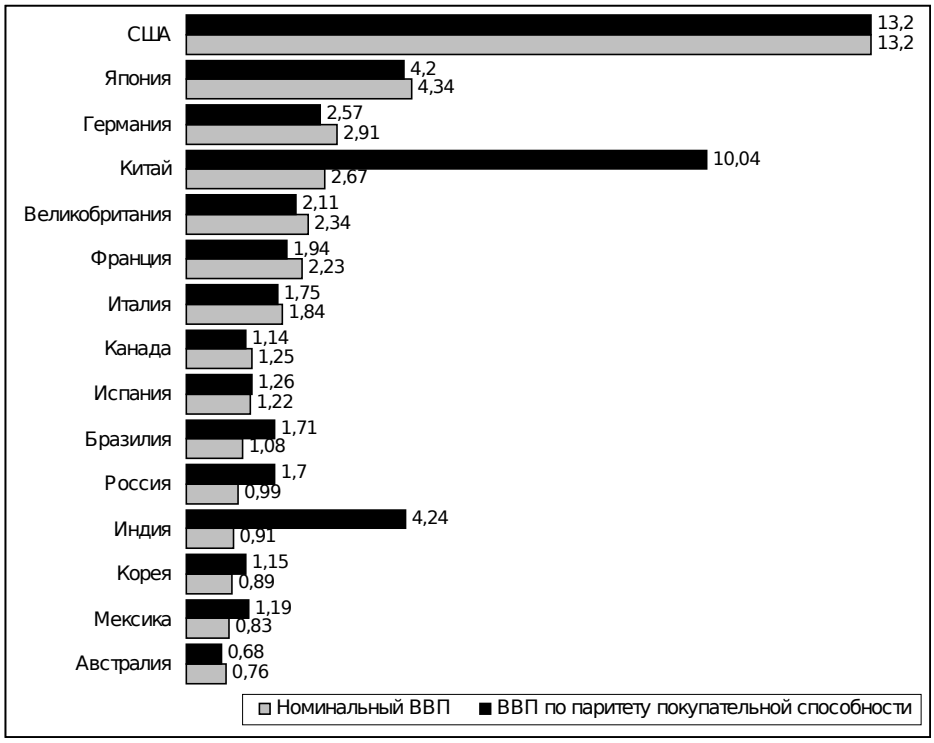
Как видно из данных Росстата, ВВП на душу населения в России (11861 долл.) меньше чем в Люксембурге (70014) – более, чем в 6 раз, более чем в 4 раза – в Норвегии (47551 долл.) и более чем в 3 раза – в Канаде (35078). Даже в Греции (25520) душевой доход выше в 2,5 раза, чем в России. И это главная проблема сегодня, которая не может быть решена быстро, но решать которую все равно придется.

Мне представляется, что в России, как и в Китае, необходимо сформулировать внятно задачу сделать душевой доход сопоставимым с развитыми странами. Такими крупными, например, как Германия (30496 долл.). Эта же цель, применительно к ВВП всей страны, будет означать, как минимум, **утроение** ВВП России.

Теперь о сроках и темпах развития. На мой взгляд, они должны быть сверхамбициозными и различаться для отдельных российских регионов, где региональный ВВП отличается на порядок. Для Москвы это срок может быть очень коротким, 3–5 лет, а для Калмыкии – 20–30 лет. Это – политическая и идеологическая задача.

Сегодня же, благодаря инерционным сценариям и прогнозам, обещается к 2025 году обогнать Великобританию. Таким образом, **во-первых**, высокие темпы роста обеспечивают инновации ставки на человека, а, **во-вторых**, стратегический прогноз и планирование – как важнейшие условия устойчивых и высоких темпов роста экономики, отсутствие которых компенсируется лишь «бешенными» темпами экономического роста. Оба эти условия сегодня находятся только в стадии становления в России, очевидно запаздывая от потребностей. Иными словами **идеологическая установка**, лежащая в основе стратегического прогноза и планирования, и установка на высокие темпы роста человеческого потенциала являются **обязательными** для опережающего экономического и социального развития страны.

ВВП крупнейших экономик мира ($ трлн.)



Источник: Всемирный банк

Если прогнозы и планы будут в достаточной мере амбициозными, то даже их частичное невыполнение лучше, чем регулярное перевыполнение заниженных планов. Так, в 2006 году нацпроект «Доступное жилье» был выполнен на 97%, что на самом деле, – хороший результат. Во-первых, потому, что первый год выполнения любого федерального проекта всегда самый тяжелый. Всплывает много административных и организационных моментов. А, во-вторых, даже такие объема на 10,3%[1] превышают показатели 2005 года (для сравнения – темпы роста ВВП в прошлом году были 6,9%, а промышленности в целом – порядка четырех процентов) по вводу жилья в физических, а не денежных величинах. При этом темпы роста строительной отрасли превысили 15%. В 2007 году уже ясно, что эти темпы превысят 30%!

Иными словами, идея опережающего развития для России предполагает изначально рост ВВП не менее 12–15% в год при том понимании, что у наукоемких отраслей он должен превышать 30–40% ежегодно. Ничего сверхъестественного в таких темпах нет. В 2006 году

[1] *В.Долгов.* Правительство не справилось с жилищной программой / Независимая газета. 22 января 2007 г., с. 4.

прирост в строительной отрасли превысил 15% а в 2007 году – более 30%, некоторые регионы дают устойчивый рост, превышающий 10%. Да и пример Китая, чей ежегодный прирост превышает 10% вот уже 30 лет, – показателен.

Еще более быстрыми темпами растут новые отрасли – связь, информатика. Для этих отраслей и подотраслей, чья доля в ВВП пока что всего лишь около 5%, темпы роста в 30–40% совершенно нормальны. Пример с российскими информационными технологиями подтверждает этот вывод. Объем российского ИТ-рынка в мировом масштабе пока невелик. Заместитель министра информтехнологий и связи РФ Дмитрий Милованцев говорит: «В 2006 г. объем отечественного ИТ-рынка составил $13,5–13,7 млрд. (по сравнению с $10,7 млрд. в 2005 г.). **Это чуть больше 1% общемирового объема ИТ-рынка, составляющего $915 млрд.»**. При этом он подчеркивает, что за последние четыре года объем ИТ-рынка России вырос более чем в два раза. Аналитическая компания IDC приводит схожие данные: по ее оценкам, в 2003 г. объем российского ИТ-рынка был около $7,1 млрд., а по итогам 2006 г. достиг $12,6 млрд. (что означает прирост за четыре года почти в 1,8 раза)[1].

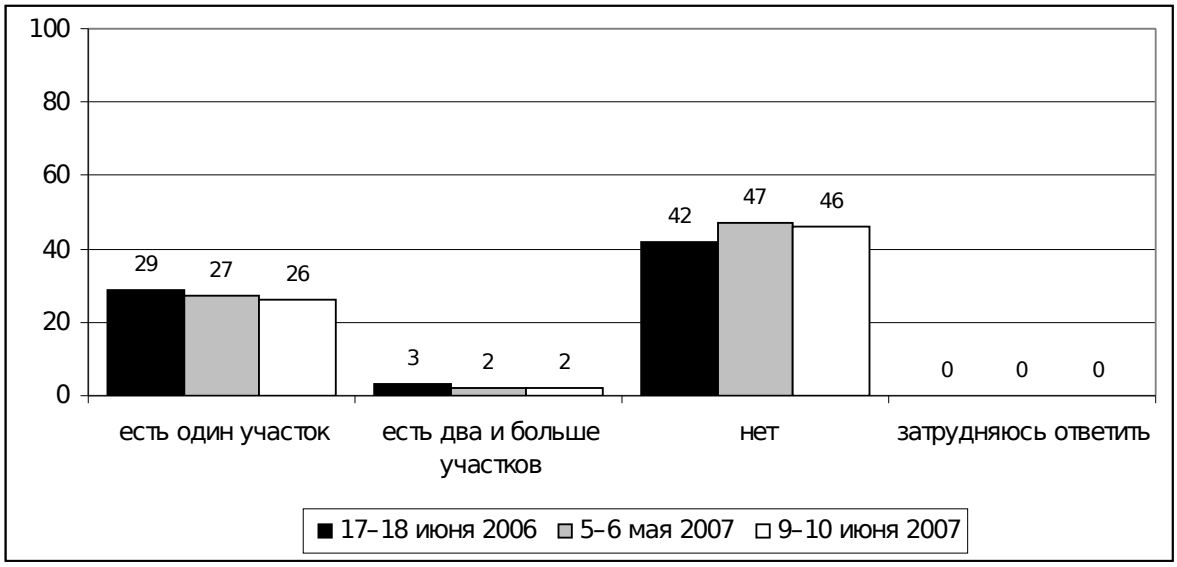
Существует немало нетрадиционных способов ускорить темпы роста ВВП. Так, подсчитано, что если всем гражданам России выделить приусадебные участки, то хватит одной Московской области. Сегодня, по оценкам социологов, положение в этой сфере выглядит следующим образом[2].

---

[1] Информационные технологии вместо нефти / Ведомости Форум. Февраль 2007 г., с.4.

[2] Социологический бюллетень Доминанты. Поле мнений. ФОМ, 2007 г., № 24, с. 3.

Есть ли у Вас, у Вашей семьи садовый, дачный участок или участки?
(Ответы горожан – 74% от всех опрошенных)



Возникает вопрос: что мешает массированному выделению земель на льготных условиях гражданам России, которые могли бы не только решать жилищную проблему, но и проблему здоровья, воспитания детей, насыщения внутреннего рынка с/х продуктами и т.д.?

Россия занимает 75-е место в мире в рейтинге конкурентоспособности Всемирного экономического форума, потеряв за год пять позиций. Мировой экономический форум (WEF) опубликовал рейтинг конкурентоспособности мировых экономик на 2005–2006 годы. Первые места достались представителям Скандинавии, США и Азиатским развивающимся странам.

В рамках проводимого ежегодно исследования были проанализированы экономики 117 стран и примерно 11 тыс. ведущих предприятий. Составители рейтинга постарались учесть все наиболее значимые факторы, влияющие на общие экономические показатели, начиная от функционирования общественных институтов и до развития технологий и инноваций.

Согласно рейтингу, самой конкурентоспособной страной в мире стала Финляндия. За ней следуют США, Швеция и Дания. На пятом месте Тайвань, Сингапур шестой. Далее идут Исландия, Швейцария, Норвегия и Австралия. Таким образом, пять мест в десятке лучших принадлежат скандинавам. Состав тройки лидеров с прошлого года не изменился.

Страны Западной Европы, ведомые Голландией, уверяют авторы рейтинга, нуждаются в реформах для стимулирования экономического роста.

Один из самых больших рывков вверх у южнокорейской экономики – за год **она поднялась на 12 позиций**. Самый большой провал – на 30 позиций – у Доминиканской республики, оказавшейся на 102-м месте. Из бывших соцстран лидирует Эстония – **она на 20-м месте**, как и в прошлом году. Речь идет о том, что если эффективность развития на информационно-технологическом этапе во многом предопределяется **созданием или заимствованием** новейших технологий, их **быстрым внедрением**, то это и должно стать главным приоритетом в планах развития.

Настоящие горизонты планирования может дать только идеология. Идеология, которая ляжет в основу долгосрочной стратегии.

3.3. Несостоятельность идей «заимствования» модернизации

«Любая отрасль может и должна быть ячейкой модернизации и инновации»[1].

«… каждая страна вынуждена внедрять уникальную систему инноваций (подч. Авт.) с учетом своих собственных сильных и слабых сторон»[2].

Доклад нью-йоркской академии наук

Этот вывод американские эксперты сделали на основе анализа наиболее успешных инновационных систем в странах, которые серьезно, даже радикально отличаются друг от друга по большинству параметров– истории, геополитическому положению, масштабам экономики и т.д. Единственно, что их объединяет, это успех в модернизации и инновациях. Это – Израиль, Финляндия, Тайвань, Индия, США.

Эта рекомендация требует особенного внимания потому, что российская правящая элита в очередной раз пытается механически использовать тот опыт и те результаты, которые получены на чужой национальной и культурной почве. Повторяется ошибка 90-х годов. Причем уже в больших масштабах.

Но сначала о главном, а главное – предмет модернизации. Об этом спорят мало, сводя по существу всю модернизацию к модернизации материальных активов-техники, оборудования. Технологиям.

Несостоятельность идеи «технологической модернизации» сводится к следующим основным аргументам.

Первое. Модернизация – часть, причем не самая главная, в общем процессе национального, общественного и государственного развития, которые предполагают качественные изменения в общественно-политическом, государственном устройстве, а, главное, национальном развитии. Другими словами, с точки зрения иерархии, модернизировать надо:

– нацию;

– общество;

– политическую систему;

– государство.

---

[1] Бизнес и модернизация. – Известия, 13 мая 2010 г., с. 3.

[2] Ярославский план 10-15-20. – The New York Academy of Science, August 20, 2010. p. 2.

Оставив все эти уровни вне модернизации, нельзя говорить о модернизации страны, но только о ее технологической основе.

Второе. Модернизация предполагает некую систему взглядов правящей элиты, т.е. идеологию. Сегодня нет ни такой системы, ни соответствующей требованиям элиты. Есть лишь элитный набор представлений, сформированный в рамках некой «либеральной традиции», но даже в этом наборе, как показали дискуссия 2010–2011 годов, существуют различные взгляды и подходы. Это не меняет даже то обстоятельство, что различные сегменты взглядов либеральной элиты, как сказал И.Юргенс, «совпадают на 70%»)[1].

Отсюда следует неизбежный вывод: нужна, как минимум, **единая система взглядов** правящей элиты на развитие нации, т.е. идеология, которая аккумулировала бы в себе достоинства разных подходов, а не только «либеральной традиции», которая, замечу, не пользуется политической поддержкой большинства нации и которая пока что доказала только свою способность совершать ошибки.

Это же означает необходимость совершенствования институтов социального потенциала, прежде всего политических – партий и организаций, – которые должны сформировать для нации новую политическую повестку дня, а также тех институтов, которые смогли бы сохранить и развить НЧК, мобилизовать и сделать его инструментом модернизации. Речь идет прежде всего о творческих, профессиональных и иных союзах и объединениях.

Третье. Главный объект модернизации НЧП и институты его социального потенциала, с которых необходимо **начинать модернизации**. Это требует не столько финансовых, сколько политических и волевых усилий.

Насколько российская элита готова к этому? Для меня – большой вопрос. Такой же вопрос для меня, захочет ли она этого, ведь вопрос, на самом деле, стоит о власти и собственности.

Четвертое Социальная политика государства и всего общества должны быть радикально пересмотрены. И не только с финансово-экономической, но и нравственно, и политической точек зрения.

---

[1] *И.Юргенс*. «Я за Медведева, потому что вижу в нем ряд качеств». – Независимая газета, 5 апреля 2011 г., с. 1.

Глава 4. Условие № 3: Необходимость радикального изменения социальной политики: резкий рост заработной платы, стипендий, пособий и пенсий

« Наш дух сильнее гнетущего бытия».

А.Солженицын

«Идеология всегда идет впереди, это как общая команда для всех. Невозможно же 100000 чиновникам одновременно что-то приказать …»[1].

А.Подберезкин

Современная социальная политика правящей элиты характеризуется **нарастанием негативных** тенденций, их накапливанием, превращением возможного количественного перехода в качественное. Во всех своих измерениях – нравственном, экономическом, финансовом, демографическом. Так, иллюстрацией может послужить динамика роста ветхого и аварийного жилищного фонда, как показателя, **абсолютно** не приемлемого для развитых государств.

Ветхий и аварийный жилищный фонд[2]
(на конец года; общая площадь жилых помещений)

	2003 г.	2004 г.	2005 г.	2006 г.	2007 г.	2008 г.
Ветхий и аварийный жилищный фонд, млн.м^2	**91,6**	93,0	94,6	95,9	99,1	**99,5**
в том числе:						
ветхий	78,4	81,8	83,4	83,2	84,0	83,0
аварийный	13,2	11,2	11,2	12,7	15,1	16,5
Удельный вес ветхого и аварийного жилищного фонда в общей площади всего жилищного фонда, %	3,2	3,2	3,2	3,2	3,2	3,2

Как видно, только за 5 лет аварийный фонд вырос почти на 10%. Этот маленький пример – иллюстрация всей социальной политики, которую сегодня ежедневно пытаются исправить косметическими подачками. Между тем, что надо менять всю политику, весь социальный курс правящей элиты.

[1] *А.Подберезкин.* Мы не работали под президента / Независимая газета, 2008 г. 10 июля, с. 4.

[2] Социальное положение и уровень жизни населения России. 2009. Стат. сб. / Росстат. – М., 2009, с. 300.

И начинать надо с приоритетов, а именно: формировать бюджет и всю политику под решения социальных задач, а не наоборот.

Резкий рост зарплаты, стипендий, пособий и пенсий должен привести как к росту душевых доходов (одного из ведущих показателей НЧП), так и в конечном счете производительности труда и в целом ВВП. Это также приведет неизбежно к ускорению модернизации – дорогой труд требует высокой эффективности, снижения издержек и роста производительности труда, а в конечном счете – к росту объема ВВП[1].

«Идеология, в центре которой находится человек» это, на мой взгляд, главный рефрен и принципиальный вывод, сделанный Д.Медведевым в своем первом послании Федеральному Собранию. Это – объявленная цель, которая имеет для России принципиальный, долгосрочный характер. Эта же цель сформулирована в качестве основной и в «Инновационной России-2020»[2].

Но именно декларируема цель, а не нынешняя политическая реальность. Современная социальная политика – прямо противоположна декларируемым целям, что стало особенно заметно в период кризиса 2008–201 годов: высокая инфляция сопровождалась ростом цен на основные продукты и услуги. Особенно ЖКХ, что в целом привело к падению уровня жизни основной части нации. Для семи из десяти групп граждан расходы на питание составляют от 37% до 53,3% в 2009 году. В этом же году для этих групп расходы на непродовольственные товары составляли соответственно от 33,9% до 19,8%, т.е. более 70% всех доходов уходило на поддержание жизни[3].

---

[1] *В.Ивантер*. Мы равны сами себе. Эксперт, 26 июля–1 августа, 2010 г., с. 39.

[2] Инновационная Россия-2020 (Стратегия инновационного развития Российской Федерации до 2020 года). – М.: МЭР, 2010 г.

[3] Российский статистический ежегодник 2010. – М.: Росстат, 2010 г., с. 201.

Структура расходов на конечное потребление домашних хозяйств различных социально-экономических категорий в 2009 г.

(по материалам выборочного обследования бюджетов домашних хозяйств)

	Расходы на конечное потребление (в среднем на одного члена домашнего хозяйства в месяц), руб.	В процентах от общего объема расходов на конечное потребление								
		расходы на питание	в том числе				расходы			стоимость услуг, предоставленных работодателем бесплатно или по льготным ценам
			денежные расходы на покупку продуктов питания	стоимость натуральных поступлений продуктов питания	из нее		на непродовольственные товары	на алкогольные напитки	на оплату услуг	
					поступлений из личного подсобного хозяйства	полученных подарков и других поступлений				
Все домашние хозяйства	9054,1	**36,2**	32,0	4,1	3,3	0,8	**36,3**	1,6	25,7	0,2
Домашние хозяйства, проживающие:										
в городской местности	10133,5	33,7	31,5	2,3	1,5	0,7	36,9	1,6	27,6	0,2
в сельской местности	6074,9	47,4	34,6	12,8	11,2	1,4	33,8	1,7	17,0	0,1
Домашние хозяйства состоящие:										
из 1 человека	12748,3	42,5	38,0	4,6	3,2	1,4	28,5	1,7	27,2	0,1
из 2 человек	11089,4	36,4	32,2	4,1	3,3	0,8	37,2	1,9	24,4	0,1
из 3 человек	10162,7	33,8	30,6	3,2	2,4	0,8	37,9	1,6	26,5	0,2
из 4 человек	8203,5	34,2	30,2	3,9	3,1	0,8	37,7	1,5	26,4	0,2
из 5 и более человек	5955,6	40,7	34,5	6,3	5,3	0,8	33,7	1,4	24,0	0,2
Домашние хозяйства, имеющие детей в возрасте до 16 лет:										
1 ребенка	8316,7	34,9	30,9	3,9	2,9	0,9	36,8	1,6	26,5	0,2
2 детей	6856,3	35,4	30,3	5,1	3,7	1,3	38,1	1,4	24,8	0,3
3 детей	5999,0	42,3	35,5	6,8	5,4	1,2	33,6	1,1	23,0	0,0
4 и более детей	3286,6	52,7	38,2	14,6	11,0	3,1	32,0	1,2	13,7	0,4
Домашние хозяйства по 10-процентным группам населения:										
первая (с наименьшими располагаемыми ресурсами)	2927,2	**53,3**	44,9	8,4	6,6	1,6	**19,8**	1,2	25,6	0,1
вторая	4066,4	**50,4**	43,0	7,3	5,8	1,4	**22,2**	1,3	26,0	0,1
третья	4920,9	**48,2**	41,6	6,7	5,3	1,3	**24,3**	1,4	26,0	0,1
четвертая	5767,6	**46,4**	40,2	6,2	4,9	1,2	**25,9**	1,5	26,1	0,1

пятая	6702,7	**44,1**	38,5	5,6	4,5	1,1	**28,4**	1,6	25,8	0,1
шестая	8123,3	**40,2**	35,4	4,8	3,8	1,0	**31,2**	1,8	26,7	0,1
седьмая	9856,8	**37,1**	33,0	4,1	3,3	0,8	**33,9**	1,6	27,3	0,1
восьмая	11954,4	33,4	30,1	3,3	2,6	0,7	37,5	1,6	27,4	0,1
девятая	14256,3	32,2	29,0	3,2	2,5	0,7	40,1	1,8	25,6	0,3
десятая (с наибольшими располагаемыми ресурсами)	21965,2	**25,6**	23,4	2,3	1,7	0,5	**49,0**	1,6	23,6	0,2

Эта статистика свидетельствует, что на развитие НЧП – образование, культуру, информатизацию и т.п. – могла претендовать только одна из 10 социальных групп, где душевые доходы равнялись примерно 22 тыс. рублей. Эта же статистика свидетельствует об огромной социальной дифференциации населения, когда абсолютное большинство граждан не могут активно участвовать в экономической и политической жизни страны. Они заняты решением проблемы выживания, а не развития.

Об этом же свидетельствует и огромная разница в начисленной зарплате работникам по отдельным отраслям, составляющая 35–42 тыс. рублей в добывающей промышленности и финансовой деятельности 13–14 тыс. рублей в образовании и науке.

Среднемесячная номинальная начисленная заработная плата работников организаций по видам экономической деятельности

(рублей; 1995 г. – тыс.руб.)

	1995	**2000**	**2002**	**2003**	**2004**	**2005**	**2006**	**2007**	**2008**	**2009**
Вся экономика	**472,4**	**2223,4**	**4360,3**	**5498,5**	**6739,5**	**8554,9**	**10633,9**	**13593,4**	**17290,1**	**18637,5**
Сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство	259,4	985,1	1876,4	2339,8	3015,4	3646,2	4568,7	6143,8	8474,8	9619,2
Рыболовство, рыбоводство	746,2	2845,6	5031,3	5444,5	7084,9	10233,5	12310,8	14797,0	19498,9	22913,5
Добыча полезных ископаемых	1067,2	5940,2	11080,9	13912,4	16841,7	19726,9	23145,2	28107,5	33206,1	**35363,4**
из нее:										
добыча топливно-энергетических полезных ископаемых	1211,9	6985,1	13080,3	16135,5	19903,3	23455,9	27614,5	33275,5	39051,3	**41568,3**
добыча полезных ископаемых, кроме топливно-энергетических	752,6	3999,5	7035,0	9395,7	10876,6	13176,0	15363,7	19092,7	22937,4	24064,1
Обрабатывающие производства	453,8	2365,2	4439,1	5603,4	6848,9	8420,9	10198,5	12878,7	16049,9	16583,1

из низ:										
производство пищевых продуктов, включая напитки, и табака	492,6	2183,4	4065,9	5026,7	6065,8	7303,8	8806,7	11069,2	13930,4	15653,1
текстильное и швейное производство	240,8	1214,8	2241,7	2803,0	3356,5	3986,0	4964,3	6589,5	8453,6	9020,5
производство кожи, изделий из кожи и производство обуви	277,1	1347,8	2621,1	3230,0	3774,7	4695,3	5649,1	7537,0	9522,3	10073,2
обработка древесины и производство изделий из дерева	390,9	1739,1	2980,2	3754,8	4614,6	5895,4	6950,4	8815,6	11301,1	10947,2
целлюлозно-бумажное производство; издательская и полиграфическая деятельность	569,7	2736,6	5480,2	6848,4	7892,0	9418,6	10923,6	13792,0	17631,7	17707,1
производство кокса и нефтепродуктов	810,9	4916,3	9625,3	11879,0	13729,3	19397,1	22319,6	28565,0	34912,5	37963,7
химическое производство	517,6	2754,6	4899,5	6154,8	7682,7	9928,3	11599,3	14615,9	18219,9	19428,7
производство резиновых и пластмассовых изделий	424,6	2140,4	3957,1	4950,7	5956,8	6879,2	8767,7	11082,6	13464,0	13850,6
производство прочих неметаллических минеральных продуктов	489,7	2182,0	4134,2	5207,8	6422,4	7921,8	9983,8	13193,3	16371,8	16053,7
металлургическое производство и производство готовых металлических изделий	687,9	3854,9	6285,2	7731,2	9196,8	10260,7	12001,5	14990,7	18171,1	17946,3
производство машин и оборудования	377,9	1975,3	4066,6	5169,7	6514,2	8379,8	10418,0	13479,8	16940,0	17009,6
производство электрооборудования, электронного и оптического оборудования	370,7	2003,6	3815,7	5108,5	6431,7	8218,8	10289,8	13114,4	16608,9	17360,4

производство транспортных средств и оборудования	493,6	2454,1	5099,9	6365,0	7828,0	9377,4	11431,2	14013,6	17330,9	17367,8
прочие производства	373,8	2053,2	3279,3	4045,2	5182,0	6386,8	8278,0	10114,1	12593,4	12543,1
Производство и распределение электроэнергии, газа и воды	786,9	3156,5	5869,4	7235,3	8641,8	10637,3	12827,5	15587,3	19057,4	21554,2
Строительство	587,3	2639,8	4806,9	6176,7	7304,7	9042,8	10869,2	14333,4	18574,0	18122,2
Оптовая и розничная торговля; ремонт автотранспортных средств, мотоциклов, бытовых изделий и предметов личного пользования	357,6	1584,5	3068,9	3974,2	4906,2	6552,1	8234,9	11476,3	14927,4	15958,6
Гостиницы и рестораны	325,3	1640,0	3039,3	3966,7	4737,3	6033,4	7521,7	9339,0	11536,2	12469,6
Транспорт и связь	702,9	3220,2	5851,5	7471,3	9319,9	11351,1	13389,9	16452,3	20760,8	22400,5
из них связь	586,2	2879,2	5661,5	7304,2	8974,2	11389,1	13220,3	16042,6	19918,1	20923,1
Финансовая деятельность	755,2	5232,2	13245,9	15561,2	17383,8	22463,5	27885,5	34879,8	41871,8	**42372,9**
Операции с недвижимым имуществом, аренда и предоставление услуг	416,2	2456,7	4677,1	6196,3	7795,4	10236,8	12763,2	16641,6	21275,0	22609,7
из них научные исследования и разработки	365,8	2700,7	5565,8	7148,0	8835,4	11000,7	14010,7	19516,7	24916,0	**28167,2**
Государственное управление и обеспечение военной безопасности; обязательное социальное обеспечение	517,0	2712,1	5200,4	6913,8	7898,6	10958,5	13477,3	16896,3	21344,1	23960,0
Образование	309,3	1240,2	2927,3	3386,6	4203,4	5429,7	6983,3	8778,3	11316,8	**13293,6**
Здравоохранение и предоставление социальных услуг	345,0	1333,3	3141,3	3662,6	4612,0	5905,6	8059,9	10036,6	13048,6	**14819,5**

Предоставление прочих коммунальных, социальных и персональных услуг	470,7	1548,0	3183,1	3920,3	4822,7	6291,0	7996,4	10392,2	13538,6	15070,0

Требуется очевидная **смена политического курса**, которая выражается прежде всего в росте доходов всех слоев населения. Необходимо заметить, что важнейшим условием этого является **смена идеологической парадигмы** относительно всей социальной политики, ведь сегодня эта политика строится от представлений о бюджетном дефиците и необходимости борьбы с инфляцией.

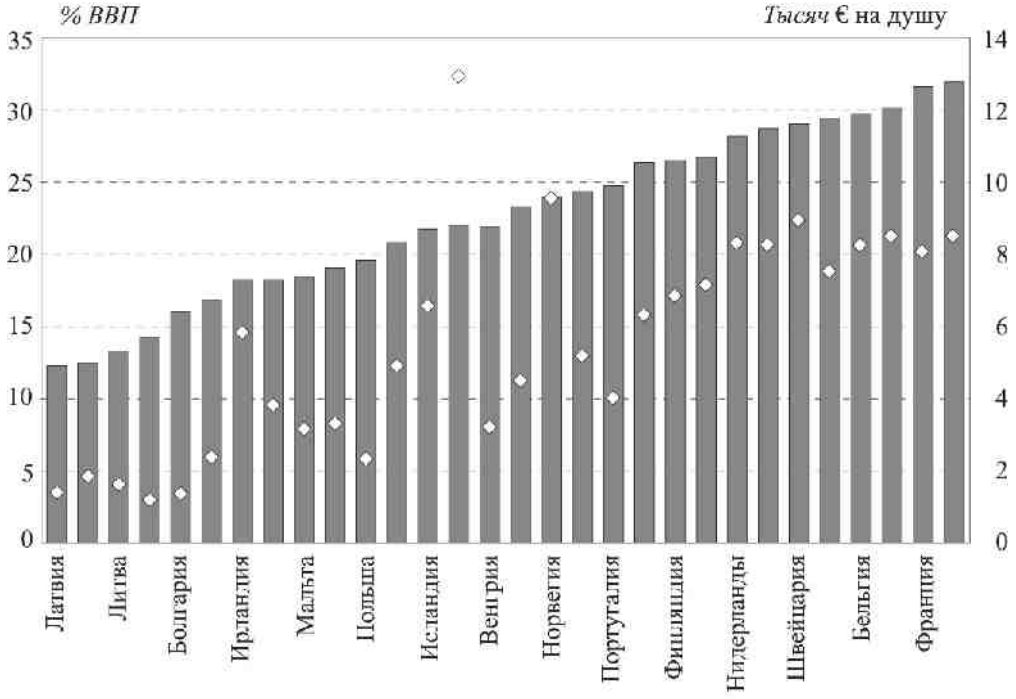
Напомню, что в 2005 году общие расходы на социальную защиту в Европейском Союзе (ЕС-27) составили **27,2% к объему ВВП** при значительной дифференциации между странами. В странах, где этот показатель соответствует среднему уровню или превышает его (то есть составляет 27,2% ВВП и более), проживает 39,6% совокупного населения ЕС; в странах, где его значение составляет от 22,3% до 27,2% ВВП, – 30% населения; в странах, тратящих на социальную защиту от 17,4% до 22,3% своего ВВП, – 21,9% жителей ЕС, а в странах, тратящих на эти цели менее 17,4% ВВП, – 8,5% населения ЕС.

Страны с наиболее высоким соотношением расходов на социальную защиту и ВВП – Швеция (32,0%), Франция (31,5), Дания (30,1), Бельгия (29,7), Германия (29,4), Австрия (28,8) и Нидерланды (28,2%) – тратят на социальные цели в 2 с лишним раза больше (по отношению к ВВП), чем три государства с самыми низкими значениями этого соотношения: Латвия (12,4%), Эстония (12,5%) и Литва (13,2%).

Еще больше различия между странами-членами ЕС по абсолютным показателям величины социальных расходов в расчете на душу населения. Их величина в 2005 году варьировалась от 1088 стандартов покупательной силы (пересчитанная в евро с учетом паритетов покупательной способности) в Румынии, до 12948 – в Люксембурге, 8529 – в Швеции и 8498 – в Дании. За пределами ЕС социальные расходы в расчете на душу населения особенно высоки в Норвегии (9525) и в Швейцарии (8891). Если в пересчете на евро без учета ППС социальные расходы за 2005 год в Люксембурге и Норвегии превысили 1000 евро в

среднем на человека в месяц, то в Латвии, Литве, Болгарии и Румынии не достигли и 70 евро (38-67)[1].

Объем социальных расходов в странах Европейского Союза, Исландии, Норвегии и Швейцарии, 2005 год, % от ВВП и стандартов покупательной силы на душу населения (пересчитанные в евро с учетом паритетов покупательной силы)



* Португалия – 2004 год.

Требуются политические решения, которые должны изменить саму логику социальной политики. На мой взгляд, новая логика должна исходить из простых положений:

1. Борьба с инфляцией посредством ограничения денежной массы и сдерживания доходов ни к чему не привела. Следовательно продолжение такой политики – бесперспективно.

2. Рос доходов ведет к росту внутреннего рынка, стимулированию покупательного спроса, развитию ипотеки и т.д.

3. Рос доходов ведет к вовлечению в процесс производства товаров и услуг всех слоев населения, которые видят реальную возможность улучшения своей жизни.

[1] Доклад о развитии человеческого потенциала в Российской Федерации 2008. Россия перед лицом демографических вызовов. М., 2009 г., с. 147–148.

4. Рост доходов ведет к формированию среднего класса и развитию НЧП, появлению новых возможностей в образовании и культуре.

5. Рост доходов ведет к росту производительности труда, когда вытесняется труд с символической заработной платой.

Социальная политика долгое время рассматривалась за рубежом, в СССР и особенно в России как неизбежный «довесок», «дополнение» экономической политики, которая вела к снижению темпов роста экономики, ухудшению экономических показателей, а иногда и экономическому кризису. Кризис 2008–2010 годов показал критикам такой политики новые аргументы – бюджетный дефицит, внешние займы.

К 2008 году в России наметилась тенденция изменения отношения элиты к социальной политике, что было вызвано притоком экспортной выручки. Вплоть до кризиса 2008 года эта тенденция усиливалась, но (что примечательно) именно в условиях кризиса руководство страны заявило, что оно не будет пересматривать своих социальных приоритетов. Более того, в своем первом послании Федеральному Собранию 5 ноября 2008 года Д.Медведев подчеркнул, что «все социальные гарантии должны быть предметом повседневной заботы Правительства», а «действия, ущемляющие социальные гарантии, не просто аморальны, но и незаконны».

На самом деле этого не произошло. В 2008–2010 годах отчетливо проявился процесс стагфляции, который привел к падению уровня жизни большинства населения. Символические индексации и прибавки не компенсировали стремительного роста цен на широкий круг продовольственных и промышленных товаров и особенно услуг ЖКХ, стоимость которых (как, впрочем, и многих товаров) **превысила общеевропейские показатели**.

Эта позиция в целом отражает генеральную тенденцию в развитии человечества в XXI веке. С превращением в конце XX века человеческого потенциала в главный фактор развития изменилась и роль социальной сферы в экономике. Она стала **определяющим фактором экономического развития**, может быть, в еще большей степени, чем финансовая или экономическая политика. Можно признать, что в начале XXI века социальная политика в ведущих странах мира стала приоритетной по отношению к финансово-экономическому блоку. И это только начало. Уверен, что уже в ближайшие годы политический курс

развития страны будет определяться, прежде всего, ее социальной политикой.

4.1. Социальная политика XXI века

«…нет потенциала для, например, мобилизационной модели, стадия инерции уже пройдена …»[1].

И.Юргенс

«В социальной области термин **«потенциал»** используется для обозначения имеющихся **возможностей *к осуществлению определенного вида и качества* деятельности**. Эти возможности создаются обществом в ходе его исторического развития. **Человеческая деятельность есть процесс реализации потенциала**. Если потенциал отсутствует, деятельность становится невозможной»[2].

В.Ж.Калле

И далее В.Ж.Келле справедливо подчеркивает: «Производство в широком смысле слова включает в **себя также физическое и социальное воспроизводство** самого человека: семью, школу, всю систему обучения и воспитания, образования подрастающего поколения.

В конечном счете «социальное воспроизводство» выражается в главном количественном показателе НЧП – демографии. Этот показатель для России – один из самых низких не только среди развитых, но и развивающихся государств. Хотя, следует признать, имеет тенденцию к улучшению. В 2010 году впервые абсолютный прирост населения имел положительный (хотя и символический) результат. Что, конечно, свидетельствует прежде всего о возможности влиять на этот процесс со стороны правящей элиты[3].

Основные демографические показатели

	1990	1996	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010
Численность населения* – всего, тыс. человек	**147665**	**148292**	**146304**	**145649**	**144964**	**144168**	**143474**	**142754**	**142221**	**142009**	**141904**	**141914**
в том числе:												
городское	108736	108311	107072	106725	106321	105818	104719	104105	103778	103773	103690	103705
сельское	38929	39981	39232	38924	38643	38350	38755	38649	38443	38236	38214	38209
Из общей численности населения – население в возрасте, тыс. человек:												

[1] И.Юргенс. Я за Медведева потому, что вижу в нем ряд качеств». – Независимая газета, НГ-политика, 5 апреля 2011 г., с. 1.

[2] *В.Ж.Калле*. Духовность и интеллектуальный потенциал. Библиотека креативной экономики. 16.02.2010 / URL: http://creatirecanomy.ru/library/.

[3] Российский статистический ежегодник 2010. – М.: Росстат, 2010 г., с. 77.

	1990	1996	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010
моложе трудоспособного	36101	33615	28387	27274	26115	25014	24095	23317	22718	22497	22541	22854
трудоспособном**	83943	84540	88040	88515	89206	89896	90218	90328	90152	89752	89266	88360
старше трудоспособного	27621	30137	29877	29860	29643	29258	29161	29109	29351	29760	30097	30700
Ожидаемая продолжительность жизни при рождении, число лет:												
все население	69,2	65,8	65,2	65,0	64,9	65,3	65,3	66,6	67,5	67,9	68,7	
мужчины	63,7	59,6	58,9	58,7	58,6	58,9	58,9	60,4	61,4	61,8	**62,8**	
женщины	74,3	72,4	72,2	71,9	71,8	72,3	72,4	73,2	73,9	74,2	**74,7**	
На 1000 человек населения												
Родившихся	13,4	8,9	9,0	9,7	10,2	10,4	10,2	10,4	11,3	12,1	12,4	
Умерших – всего	11,2	14,2	15,6	16,2	16,4	16,0	16,1	15,2	14,6	14,6	14,2	
из них детей в возрасте до 1 года***	17,4	17,4	14,6	13,3	12,4	11,6	11,0	10,2	9,4	8,5	8,1	
Естественный прирост, убыль (-) населения	2,2	-5,3	-6,6	-6,5	-6,2	-5,6	-5,9	-4,8	-3,3	-2,5	-1,8	
Число браков	8,9	5,9	6,9	7,1	7,6	6,8	7,5	7,8	8,9	8,3	8,5	
Число разводов	3,8	3,8	5,3	5,9	5,5	4,4	4,2	4,5	4,8	5,0	4,9	
Миграционный прирост, убыль (-) населения	1,9	3,5	1,9	1,6	0,6	0,7	0,9	1,1	1,8	1,8	1,8	

* Оценка на 1 января соответствующего года.

** Мужчины 16–59 лет, женщины 16–54 года.

*** На 1000 родившихся живыми.

Между тем остаются вопросы, среди которых самые важные, на мой взгляд, следующие:

1. За счет каких национальностей произошла стабилизация численности населения в России?

2. Каков прирост качества (НЧП) населения?

Как видно из следующих данных, за 1989–2002 годы шел процесс сокращения коренного (русского и в целом славянского) населения страны. За эти же годы наблюдался прирост населения за счет граждан бывших советских республик и некоторых регионов страны, прежде всего северокавказких, закавказских и среднеазиатских[1].

[1] Российский статистический ежегодник 2010. – М.: Росстат, 2010 г., с. 87.

Национальная структура населения
(по данным переписей населения; на 100 000 человек населения)

	1989	2002		1989	2002
Русские	**81529**	**79832**	Азербайджанцы	228	428
Татары*	3756	3826	Марийцы	438	416
Украинцы	2967	2027	Немцы	573	411
Башкиры	915	1153	Кабардинцы	263	358
Чуваши	1206	1128	Осетины	274	355
Чеченцы	611	937	Даргинцы	240	351
Армяне	362	779	Буряты	284	307
Мордва	730	581	Якуты	259	306
Аварцы	370	561	Кумыки	189	291
Белорусы	820	557	Ингуши	146	285
Казахи	432	450	Лезгины	175	283
Удмурты	486	439			

* При переписи 1989 г. в численность татар входили нагайбаки и чулымцы, учтенные при переписи 2002 г. отдельно.

Нельзя забывать и о системе здравоохранения, о сохранении здоровья и жизни людей. Удельный вес интеллектуального труда в этих сферах также весьма высок. В **«производстве человека» занято большое** количество людей. Учителя и врачи являются, массовыми профессиями. В России 90-х годов большинство из них (как и ученых) стало «новыми бедными» – самыми низкооплачиваемыми «бюджетниками». Это лишь одно из многих свидетельств близорукой политики недооценки значимости интеллектуального труда, которая уже привела к ослаблению интеллектуального потенциала страны.

В общественном сознании и особенно среди молодежи понижается престиж научной деятельности. Это весьма опасная тенденция. В постиндустриальном мире ведущую роль играют страны с высоким интеллектуальным потенциалом. Последний востребован именно как некая интегративная целостность составляющих его компонентов.

Между тем все более важную роль в определении статуса и дохода граждан играет индекс стоимости жизни[1], который в мире рассчитывается для нижней части среднего класса (в России – интеллигенции).

[1] **Индекс стоимости жизни** (ИСЖ) – зд. показывает как отличается уровень цен на товары и услуги нижней части среднего класса в зависимости от региона проживания.

«Структура потребительских расходов для измерения ИСЖ рассчитывается исходя из потребления среднего россиянина, но с учетом региональных различий, говорит начальник отдела Росстата Ирина Горячева. Например, житель Пензы покупает больше сахара и меньше бензина, чем житель Белгорода. «ИСЖ показывает, не сколько стоит набор, а, к примеру, на сколько жить в Перми дороже, чем в Курске», – поясняет Горячева. Методика для расчета ИСЖ аналогична американскому cost of living index, который измеряет стоимость жизни самой высокодоходной группы населения 337 городов. Разрыв в стоимости жизни в США в 2010 г. – 2,4 раза»[1].

Очень важное значение имеет в наши дни такой показатель как структура использования денежных доходов. Чем более развита страна, тем больше денег тратится на развитие личности, а не на физическое выживание. В России практически все доходы населения уходят «на жизнь» - покупку продовольствия, товаров и оплату обязательных платежей, особенно ЖКХ. На развитие – образования, культуру, информацию и т.п. – тратится совсем мало, можно сказать, остатки доходов. Что видно, например, из официальной статистики[2].

Ошибка! Ошибка связи.

1) Сбережения включают прирост (уменьшение) вкладов, приобретение ценных бумаг, изменение средств на счетах индивидуальных предпринимателей, изменение задолженности по кредитам, приобретение недвижимости.

Фактически это означает, что кое-как обеспечивается материальное потребление при минимальных возможностях для развития НЧП.

Планка потребления для расчета ИСЖ тоже сильно сдвинута в сторону среднего класса, сравнивает Игорь Поляков из ЦМАКП. В наборе для расчета ИСЖ – 275 наименований товаров и услуг, доля продовольствия – 29,5%, непродовольственных товаров – 63,6%. В структуре потребкорзины для измерения инфляции, ориентированной на потребление людей со средним и ниже среднего доходом, доля продуктов

[1] *О.Кувшинова*. Цена жизни. – Ведомости, 5 апреля 2011 г., с. 3.

[2] Социально-экономическое положение России. Январь, 2010. М., Росстат, 2010, с. 276.

намного выше (38,5%) и превышает непродовольственные товары (35,6%)»[3].

Люди интеллектуального труда принадлежат к различным социальным и профессиональным группам. Общим объединяющим их началом является интеллектуальная составляющая их профессиональной деятельности. Но сам этот слой неоднороден. В нем выделяется интеллектуальная элита. Ее представители, как правило, не только носители профессиональных знаний, но люди способные творчески их развивать, вносить в них нечто новое. Их на Западе называют интеллектуалами. В теориях постиндустриализма интеллектуалам, профессионалам отводится важная роль в «обществе знаний». Иногда их изображают в неприглядном свете, как носителей технократических и тоталитарных тенденций, стремящихся к созданию системы управления по модели платоновского государства. Такой вариант в принципе не исключен, но само стремление к тоталитаризму зависит не от характера их профессиональной деятельности, а от ценностных ориентаций, и порождается социальными условиями»[1].

В силу ряда причин в центре общественно-политического и научного внимания в России в последние годы находились проблемы

[3] *О.Кувшинова*. Цена жизни. – Ведомости, 5 апреля 2011 г., с. 3.
[1] *Е.Кукол*. Кризис по-гречески. – Российская газета, 6 мая 2010 г., с. 4.

преимущественно экономического и финансового характера. Именно с этих позиций нередко (а, точнее, почти всегда) рассматривались и остальные проблемы социального развития. В том числе и прежде всего социальные, политические и даже философские. И уж точно такой подход и такая логика превалировали во власти. Особенно исполнительной, но – что удивительно – и в законодательной, представительной, где казалось бы должны были превалировать политико-идеологические мотивы.

Но и с экономической точки зрения произошло то, что, может быть, не ожидалось. Духовность, интеллект; креативность не могут быть отчуждены, приватизированы. Как справедливо заметил, бывает легко обмануть и ограбить в жизни, но настолько же трудно его ограбить в духовном отношении»[1].

Действительно, до недавнего времени социальная политика были производной от экономики и даже финансов. Да и сегодня 30% от ВВП, затрачиваемых в развитых странах на социальные нужды, являются, в конечном счете долей от общеэкономической деятельности. Так, в 2010 году, как видно из данных Всемирного банка. Россия могла бы потратить те же 30% от ВВП, что составило лишь в 2 раза больше, чем в Южной Корее, и в 2 раза меньше, чем в Германии.

Основные данные по крупнейшим мировым экономикам

Страна	**ВВП 2009 в млрд.**	**Рост ВВП г/г**	**Текущий платежный баланс/ ВВП (2009)**	**Инфляция г/г**	**Безрабо-тица**
США	$14256	3,2%£	-2,9%	2,1%	9,7%
Еврозона	13625	-2,2	-0,8	1,5	10,0
Япония	5068	3,8£	2,8	-1,1	5,0
Китай	4520*	11,9	9,4*	2,4	4,2§
Германия	3353	-1,7	4,8	1,0†	7,8
Франция	2676	-2,2	-1,5	1,7†	10,0
Британия	2184	-0,3	-1,3	3,4	8,0
Италия	2118	-3,0	-3,4	1,6†	8,8
Россия	**1660***	**4,9**	**6,2***	**6,5**	**8,6**

[1] *Л.Графова*. Душно жить без совести. – Российская газета, 4 марта 2011 г., с. 8.

Бразилия	1574	4,3	-1,5	5,2	7,6
Канада	1336	5,0£	-2,7	1,4	8,2
Индия	1207*	6,0	-2,2*	9,9	нет данных
Мексика	875	-2,3	-0,6	4,4	4,8
Юж.Корея	833	7,8	5,1	2,3	3,8

* Фактические данные на 2008 г.
† Гармонизированные данные
£ В пересчете на квартал
§ В городе на конец марта

Источник: Govemments, IMF, Worild Bank

Мне кажется не случайным тот факт, что к 2010 году этот подход стал меняться. Элита – правящая и экспертная – осознала, что экономические и финансовые тенденции являются лишь частью более общего социально-политического процесса, что экономика и финансы «социализировались», а макроэкономический подход к управлению страной не эффективен. Как справедливо признает К.Юдаева, «Сейчас в политологической литературе появились работы, в которых более тщательно исследуется взаимосвязь между экономическим развитием, социальным развитием, изменением ценностей в обществе, и изменением структуры»[1].

Мне представляется, что эта тенденция не случайное, а вполне объективное явление. После неолиберализма 90-х годов в политике, финансах, экономике и идеологии неолиберализм сохранился в экономической и финансовой политике последнего десятилетия. Элита, экспертов сообщество стали осознавать, что финансово-экономические тренды не только не единственные, но в ряде случаев и не определяющие. В целом же это вынужденное признание является лишь отголоском той мощной тенденции социализации всей экономической и общественной жизни, которая стала фактом на Западе.

Суть ее отнюдь не проста. Она не сводится просто к улучшению социально-экономических условий жизни граждан или росту расходов «на социалку». Проблема заключается в том, чтобы понять зависимость политики, экономики и финансов от социальной политики вообще. В ее

[1] *К.Юдаева.* Не последнюю роль в торможении реформ играет ценностная ориентация общества / www.opec.ru, 26.06.2006.

самом широком понимании. В том числе и с точки зрения ценностной ориентации общества, взаимоотношений в обществе отдельных социальных групп. И прежде всего стремительного роста с конца XX века человеческого фактора во всех областях жизнедеятельности общества.

Все это привело к тому, что в развитых странах уже в последней четверти XX века именно социальная политика стала доминировать над политикой экономической, финансовой, военной и любой иной. К России осознание этого вывода еще только приходит. Как мы видим с большим опозданием. Еще большим даже чем осознание особенностей нового этапа научно-технической революции. Ликвидировать это отставание эволюционно невозможно – слишком оно велико. Вот почему для нынешней России, важнейшим условием достижения опережающего развития, является радикальное изменение социальной политики. Повторю, это одно из обязательных условий опережающего развития. Не пожелание и не прихоть власти, а **экономическое условие**. Для объяснения этого приведу несколько аргументов.

Во-первых, в постиндустриальном обществе справедливая социальная политика становится синонимом внутриполитической стабильности и быстрых темпов экономического роста. Прежние либеральные подходы фактически себя изжили, уступив место общему пониманию заботы государства и общества о человеке. Эта забота стала нормой, естеством в развитых странах, а не одной из идеологических концепций.

Но у власти в СССР и либеральной России господствовал совершенно иной подход – игнорирование социальной политики (но отнюдь не у большинства граждан и интеллигенции, образованного класса в особенности). Сложились «ножницы» в понимании властью и общественным мнением актуальности этой проблемы. Как показывают соцопросы, число российских граждан, которые придерживаются иной точки зрения, составляют абсолютное меньшинство[1]. Как видно, общественное мнение в России находится в русле современных тенденций, а власть – нет.

[1] *Н.Кириллов.* Пока есть Путин, клон Путина не нужен. – Политический журнал, 2008 г. № 5, с. 21.

С какой из следующих точек зрения по поводу социальной защиты населения вы могли бы скорее согласиться?

	Сентябрь 1999	**Апрель 2000**	**Декабрь 2005**	**Февраль 2008**
Государство должно обеспечивать нормальный уровень благосостояния всем своим гражданам	52	61	53	61
Государство должно обеспечивать помощь всем своим гражданам, попавшим в трудное жизненное положение, например, лишившимся работы и т.п.	25	20	23	18
Государство должно обеспечивать социальную защиту только тем, кто не в состоянии позаботиться о себе сам: пенсионерам, инвалидам, сиротам	17	16	18	17

Для России этот фактор имеет особое значение, ведь последние десятилетия в СССР и России проводилась, по сути, **антисоциальная политика**, когда инвестиции в человека неуклонно сокращались. Особенно это было заметно в 90-ые годы. Примечательно, что в развитых странах все было как раз наоборот: инвестиции в социальную область росли стремительными темпами. Так, в США за последние 20 лет расходы на социальные нужды выросли с 25 % до 51% федерального бюджета!

Фантастический рейтинг В.Путина, на мой взгляд, объясняется тем, что первый срок его президентства был посвящен укреплению государства и внутриполитической стабильности, а второй – развитию социальных программ. Этот вывод подтверждает и рейтинг нового президента Д.Медведева, который предыдущие два года занимался исключительно приоритетными национальными проектами, после избрания расширил, «социализировал» внутреннюю политику заявлениями об укреплении кадров и борьбой с коррупцией. Безусловно, твердая позиция в кавказском конфликте по отношению к Западу была воспринята не только как внешнеполитическая акция, но и как окончательный отказ от антисоциальной, либеральной политики, которой последние годы Запад требовал от России. Начиная от условий членства в ВТО и кредитования и заканчивая позицией роста доходов населения.

12–15 сентября 2008 года Аналитический Центр Юрия Левады (Левада-Центр) провел репрезантативный для взрослого населения страны опрос 1600 россиян в 128 населенных пунктах 46 регионов. Распределение ответов на некоторые вопросы этого исследования приводятся в процентах вместе с данными предыдущих опросов. Статистическая погрешность подобных опросов не превышает 3%. Сначала социологи задали респондентам следующий вопрос, напрямую касающийся Президента России Дмитрия Медведева: «Вы в целом одобряете или не одобряете деятельность Дмитрия Медведева на посту Президента России»[1]?

2008	**Май**	**Июнь**	**Июль**	**Август**	**Сентябрь**
одобряю	70	73	70	73	83
не одобряю	20	18	23	22	14
затрудняюсь ответить	10	9	8	5	3

Во-вторых, в XXI веке сама современная социальная политика должна соответствовать совершенно **новым стандартам**, ставшими нормой для развитых государств. Проще говоря, если хочешь, чтобы тебя считали развитой страной, ты **обязан** обеспечить соответствующие социальные стандарты (например, минимальную пенсию в 1000 евро, а не в 50). Россия в 90-ые годы, как справедливо отметил академик Р.Гринберг, не приблизилась, а **отдалилась от этих стандартов**, подойдя к стандартам стран третьего мира[2]. Надо ясно сказать, что без преодоления этого колоссального разрыва (какой бы не был ВВП России) она просто не станет развитой страной.

Изменение социальных стандартов, которое произошло в развитых странах, нельзя сводить только к социально-экономическим стандартам. Огромное значение стали играть новые стандарты информации, демократии, степень развития государственных и общественных институтов, ценностные категории. В целом социальная политика стала наполняться совершенно новым политическим и

[1] www.viperson.ru, 20 сентября, 2008 г.

[2] *Р.Гринберг.* Наши беды в экономике…. – Политический журнал, 2008 г. № 5, с. 30.

философским содержанием, т.е. социальная политика перестала быть следствием экономической и превратилась в самостоятельную ценностную категорию, новый стандарт.

В-третьих, стало понятно, что развитие потенциала человеческой личности невозможно даже теоретически при старой либеральной социальной политике. Что хорошо понимают на Западе. В развитых странах государство и общество сознательно инвестируют в человека вот уже несколько десятилетий. И эти инвестиции приобретают все более глобальный характер, радикально изменили всю структуру расходов. Так, в развитых странах расходы на медицинское обслуживание уже в несколько раз превысили расходы на оборону (среднее соотношение 1:3 в пользу здравоохранения в наиболее передовых странах).

Причем эта политика имеет, очевидно, р**асширительное толкование**, не связанное исключительно с величиной душевого дохода. Эта группа показателей становится ведущей. Как отмечает ряд авторов, «Ключевая группа результативных целей связана с повышением уровня и качества жизни людей, что выражается в реализации следующих наиболее важных приоритетов:

– приближение доходов населения к уровню выше «Новой Европы», Латинской Америки или к среднему по ЕС показателю к 2020 г.;

– переход от эмиграции интеллектуалов к их иммиграции;

– расширение каналов вертикальной мобильности;

– снижение дифференциации доходов, с тем чтобы соотношение среднего дохода 10% самых богатых и 10% самых бедных не превышало 10 к 1;

– обеспечение личной безопасности (сокращение преступности и уменьшение числа охранников);

– наличие гарантий защиты гражданских прав и свобод;

– поддержание высоких стандартов образования и здравоохранения для всех граждан;

– формирование совокупности общественно приемлемых образов жизни для различных слоев российского общества, включая трудовых мигрантов;

– создание благоприятного морально-психологического климата в обществе»[1].

Иными словами складывается широкий спектр задач как по созданию среднего класса, так и, еще более широких, для формирования класса интеллигенции (которые сегодня недостаточно обсуждаются и не являются приоритетными), а также задач, которые вообще не стоят в российской повестке дня – **создания условий для формирования креативных социальных групп**, а в более широком плане – для превращения большинства граждан в социально активный, высоко эффективный фактор экономической жизни. В России пока что речь идет лишь об увеличении среднего класса до 60–70%, имея в виду лишь рост душевого ВВП.

В-четвертых, радикальное изменение социальной политики предполагает, что весь комплекс этих задач (социально-экономических, культурно-духовных, креативных и нравственных) должен решаться **не последовательно, а параллельно**. «На выходе», через 15–20 лет, мы должны иметь качественно иное общество, а не просто группу граждан с доходами «как в Европе».

Сделаем одну оговорку. Социально-экономическое положение имеет огромное значение для формирования класса интеллигенции. Но не единственное. Как уже говорилось выше, чем лучше будут созданы условия (не только экономические, но и творческие), тем выше будет процент граждан наиболее эффективно участвующих в экономической жизни страны. Для этого необходимо радикально изменить социальную политику. Нам нужен не просто быстрый рост душевого ВВП (это, наконец-то все уже поняли), а условия, когда абсолютное большинство граждан становятся активной частью общества.

К сожалению, здесь делается далеко не все. Точнее просто мало. А иногда и против общей тенденции. Так, например, на мой взгляд, очевидно, что необходимо провозгласить курс на **всеобщее высшее образование** к 2025 году. У нас уже сейчас, борясь за качество высшей школы, идет сокращение ВУЗов.

---

[1] *Л.Григорьев, В.Тамбовцев.* Модернизация через коалиции. – Вопросы экономики, 2008 г., № 1, с. 67

А между тем одинаковых по качеству вузов просто не может быть. Они были и будут разные. Примечательно, что человек, получивший ВУЗовский диплом (даже не первоклассного ВУЗа), приносит в казну доходов в 3–5 больше, чем не имеющий такого диплома.

В-пятых, в любом случае радикальное изменение социальной политики должно быть направлено на 4 социальные группы населения:

– нетрудоспособное меньшинство;

– средний класс (который должен составлять большинство);

– интеллигенцию, как фундамент развития человеческого потенциала;

– креативную группу, то меньшинство, которое, однако, в будущем и будет определять темпы развития экономики, общества и государства. **Графически это можно представить себе следующим образом.**

Можно предположить эмпирически, что креативная социальная группа составляет (в разные периоды) от 5 до 15% класса интеллигенции. Соответственно чем большая часть общества принадлежит к среднему классу, тем более значителен класс интеллигенции и тем выше процент креативной социальной группы. Конечно же, бывают и исключения – талантливые люди могут появиться как среди бедных, так и необразованных. Только вот реализовать свои возможности им, как правило, не удается.

Таким образом, в основе быстрого развития общества, экономики и государства лежит средний класс – фундамент появления творческих

социальных групп: интеллигенции и креативной группы. Средний класс – общее понятие по отношению к интеллигенции, а та, в свою очередь, к креативной группе. Действительно, если принадлежность к среднему классу определяется уровнем душевого ВВП и, как правило, высшим образованием, то интеллигенция предполагает в дополнение к этому «набору» еще и работу по специальности в интеллектуальной области, социальные связи, воспитание, расширенный кругозор и т.д. Те же из интеллигентов, кто обладают **креативными способностями** и волей для их реализации могут быть отнесены к креативному классу.

Очевидно, что новая социальная стратегия должна быть дифференцирована по отношению ко всем социальным группам. Так, социально необеспеченным она должна дать достойные условия жизни, среднему классу – доход и образование, интеллигенции – расширение творческих возможностей. Но наибольшее внимание такая стратегия должна уделить креативной социальной группе. Ведь именно ее представители и будут создавать то **новое качество** в науке, образовании, культуре, экономике, которое будет определять мощь нации и государства.

Сегодня стало уже аксиомой говорить о радикальном изменении экономической политики, все чаще говорят (справедливо) о коренных изменениях в финансовой и социально-экономической политике. Но за скобками остается пока что крайняя необходимость коренной революционной ломки политики **социальной.** Речь идет не столько о ее социально-экономической составляющей (это уже все понимают). А именно о социальной политике создания передового, (образованного, информированного, культурного и, конечно же, материально обеспеченного) класса – **класса интеллигенции**. Этот класс должен, очевидно, доминировать в экономике знаний составлять абсолютное большинство граждан и формировать основу, из которой будут рождаться креативные социальные группы. Причем в массовом порядке.

Можно много спорить о самом термине «интеллигенция», но проще взять за основу ее классическое определение.

В широкое употребление понятие «интеллигенция» ввел в 60-х годах XIX века П.Боборыкин. Знаменитый журналист заимствовал этот термин из немецкой культуры; но если там он обозначал социальный слой,

занимающийся интеллектуальной деятельностью, то Боборыкин определял интеллигенцию как лиц **«высокой умственной и этической культуры» с общей духовно-нравственной основой и считал, что это чисто русский морально-этический феномен**.

Именно этот смысл придают слову на Западе, где теперь оно считается специфически русским.

Нельзя ставить знак равенства между понятиями «средний класс» и «интеллигенция». Если к 2020 году мы планируем, что средний класс будет достигать 50 и даже 60% наших сограждан, то значит ли это, что у нас будет такое же количество интеллигентов? Конечно же, нет! Хотя бы потому, что сегодня для этого ничего не делается. Рост душевого дохода сам по себе не создает интеллигента. Более того, в ряде исторических периодов он уменьшает их число, стимулируя ценности «общества потребления».

В данном разделе, однако, мы рассмотрим только социально-экономическую составляющую, характеризующую для определения среднего класса. Не более того. То есть тот реальный, а не должный социальный курс руководства страны. Между необходимой социальной политикой и существующей есть огромная разница. Существующая социальная политика сводится только к обеспечению экономических условий и минимальных социальных потребностей. Не более того. Но пока и она находится в зачаточном состоянии.

На уровне политической риторики изменения есть, и они похоже, необратимы. Уже стареющий коммунизм распинался перед Человеком, его именем и благом (формула, немыслимая для предыдущей советской, да и российской истории). Теперь приходится заниматься «сбережением народа», плавно перетекающим в идеи «вложений в человека», «человеческого капитала» как основного достояния[1]. Это уже прогресс, достигнутый за 2005–2008 годы, если вспомнить десятилетия бездействия.

Когда эта книга писалась, то я посчитал, что «вторая политико-идеологическая установка, которая должна быть пересмотрена, это социальная политика вообще. В ее широком контексте». События, однако, развивались быстрее, чем книга редактировалась. В декабре 2007

[1] *А.В.Рубцов, С.А.Богословский.* Между нефтью и хай-теком. – Независимая газета, 2008 г., 16 января, с. 11.

года – январе 2008 года В.Путин и Д.Медведев отчетливо сформулировали задачу создания новой социальной политики (доктрины), имеющей абсолютно приоритетный характер. Таким образом, идеологически за 2005–2007 годы был пройден огромный путь от провозглашения «пилотных» нацпроектов, до их реализации и трансформации в новую (пусть упрощенную) социальную доктрину.

4.2. Социальная политика и доходы: доходы как условие создания социальных институтов развития

«По дошедшим до нас сведениям о недостающих суммах и о прочих недостатках за Персидский поход под началом отставного генерала графа Зубова, повелеваем Сенату взять под секвестр все его имения и держать под оным до тех пор, пока во всей точности все оное совершенно заплачено будет»[1].

Император Павел I

«Простые люди привыкли к безнадежности, отчаялись. И народ подлечивался водной. Знаете, вся Россия – это пьющий Гамлет»[2].

Ф.Искандер

Следует признать, что современная социальная политика правящей элиты России **не имеет под собой нравственных и политических оснований**. Множество деклараций не могут скрыть того простого факта, что проводимая социальная политика остается не осмысленным политическим курсом направленным на развитие нации, а политикой распределения «остатков» национального богатства среди большинства обездоленной части населения. Все эти «прибавки», «индексации» и т.п. носят популистский характер и не выражают сколько-нибудь осмысленного понимания того, что социальная политика является стратегией увеличения национального человеческого потенциала.

Никогда еще в истории России не было такого циничного пренебрежения национальными интересами большинства народа. Никогда элита так беззастенчиво не грабила страну. Можно ли сегодня представить, например, что Д.Медведев, как в свое время Павел I и Петр I, отнимет наворованное у одного из ближайших своих соратников? Что отношение к М.Ходорковскому будет распространено на всех тех сотен тысяч миллионеров, которые разграбили страну, а теперь накупив собственности за рубежом, продолжают ее грабить и препятствуют развитию?

Низкий уровень душевых доходов в современном обществе имеет крайне негативное значение, которое выражается в следующем:

– в отсталости социальной структуры и ее институтов, замедлении темпов формирования креативного класса;

---

[1] А.Гено и Томич. Павел I. С.-П., Синодальная типография, 1901, с. 231.

[2] *Л.Графова*. Душно жить без совести. – Российская газета, 4 марта 2011 г., с. 8.

– невозможности создания «креативной экономики»;

– невозможности опережающих темпов развития нации;

– снижение темпов развития НЧП;

– размывание государственного суверенитета.

О реальном положении свидетельствуют данные ВЦИОМ, который провел репрезентативный опрос (34 000 респондентов в 1930 населенных пунктах) населения в июне 2010 года[1].

Скажите, пожалуйста, какие социальные и экономические проблемы волнуют в последнее время лично Вас больше всего? (Карточка. Не более пяти ответов.)

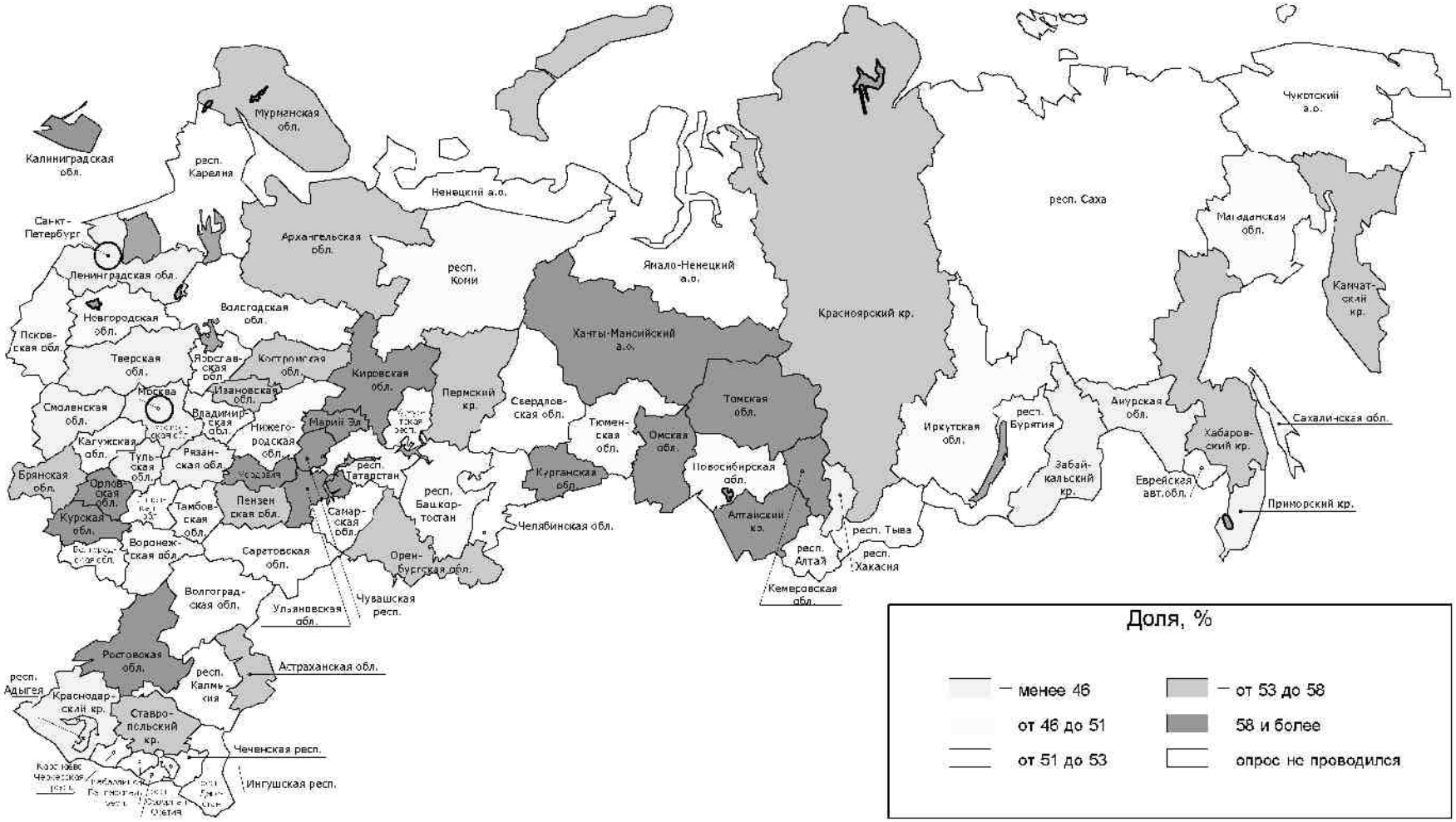
данные в % от всех опрошенных

	2-28 июня 2010	3-18 ноября 2009	6-30 августа 2009	3-17 июня 2009	27 февраля – 18 марта 2009	11-25 ноября 2008	18 сентября – 1 октября 2008	3-18 июля 2008
низкий уровень зарплат	**49**	50	49	49	48	49	50	50
рост цен на товары и услуги	**40**	68	69	71	77	75	75	78
алкоголизм	**40**	30	32	27	24	24	25	27
неудовлетворительное состояние жилищно-коммунального хозяйства, высокие цены на услуги ЖКХ	**37**	33	32	31	38	31	26	29
наркомания	**32**	28	30	25	23	25	27	28
недоступность, дороговизна жилья	**28**	23	21	22	24	27	25	28
низкий уровень пенсий, стипендий, пособий	**26**	34	35	34	36	38	39	38
ситуация с занятостью населения, с безработицей	**22**	28	26	26	28	20	16	16
коррупция, взяточничество в органах власти	**22**	24	23	23	19	22	20	23
ситуация в сфере здравоохранения	**19**	27	24	26	23	26	24	25
качество социального обеспечения, социальной защиты населения	**17**	10	9	10	10	11	11	10
коррупция, взяточничество в правоохранительных органах, в судебной системе	**15**	14	12	13	10	11	11	12
состояние дорог, ситуация на дорогах	**14**	21	17	20	15	17	19	20
преступность	**14**	23	24	21	22	23	22	22
положение дел в сельском хозяйстве	**13**	12	11	13	10	11	11	11
ситуация в сфере образования	**10**	10	9	10	9	9	9	10
экологическая ситуация, состояние окружающей среды	**8**	8	9	8	7	7	8	9
положение дел в сфере промышленного производства	**8**	6	5	6	5	4	3	3

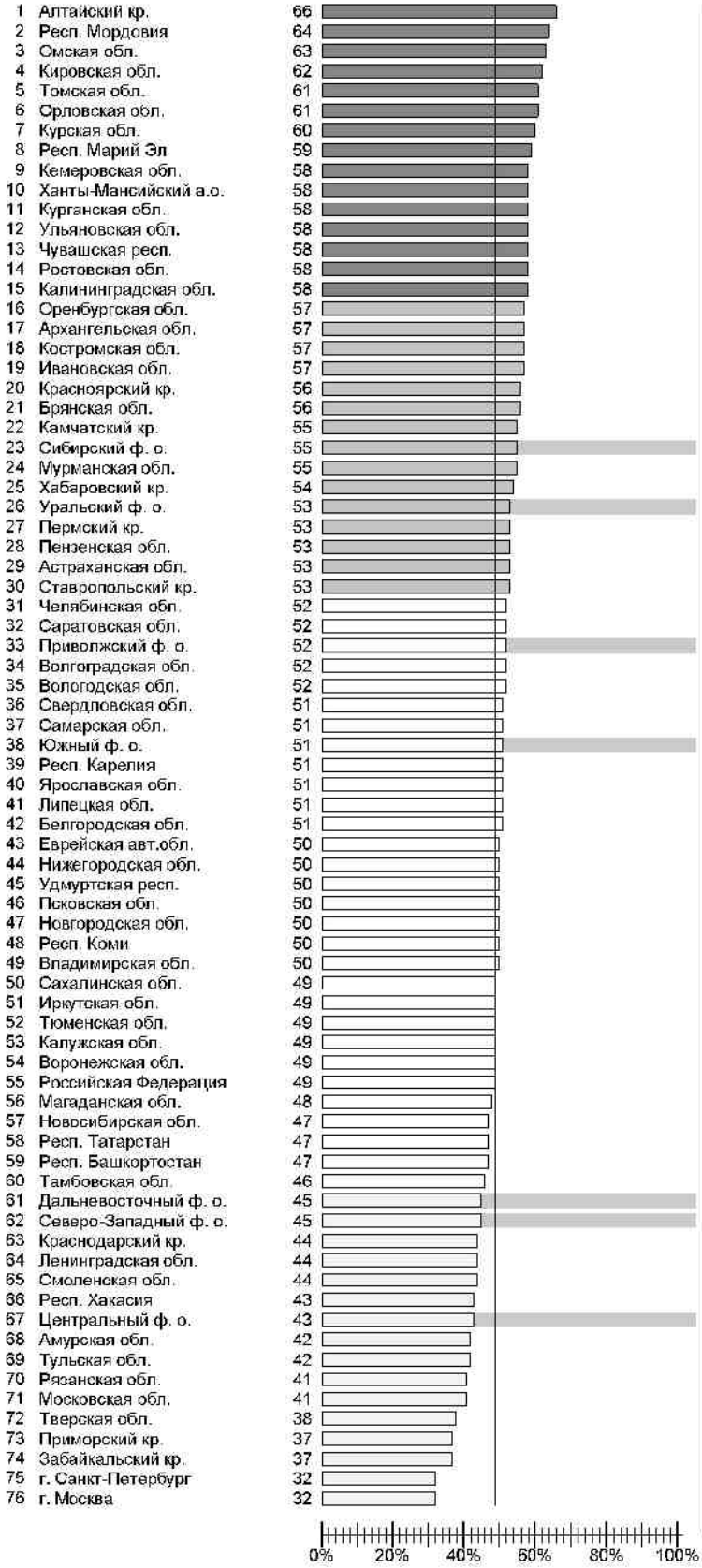
[1] Фонд «общественное мнение». Доминанты № 32. 19.08.2010, сс. 15–17.

ситуация с приезжими, мигрантами	**6**	7	6	6	5	5	5	6
другая (другие)	**1**	1	1	1	1	1	1	1
ни одна из перечисленных	**2**	1	1	1	1	1	1	1
затрудняюсь ответить	**2**	1	1	1	1	1	1	1

Наиболее острая проблема в регионе – **низкий уровень зарплат**



Наиболее острая проблема в регионе – **низкий уровень зарплат**



Номер на графике

Алтайский кр.	1
Амурская обл.	68
Архангельская обл.	17
Астраханская обл.	29
Респ. Башкортостан	59
Белгородская обл.	42
Брянская обл.	21
Владимирская обл.	49
Волгоградская обл.	34
Вологодская обл.	35
Воронежская обл.	54
Еврейская авт.обл.	43
Забайкальский кр.	74
Ивановская обл.	19
Иркутская обл.	51
Калининградская обл.	15
Калужская обл.	53
Камчатский кр.	22
Респ. Карелия	39
Кировская обл.	4
Кемеровская обл.	9
Респ. Коми	48
Костромская обл.	18
Краснодарский кр.	63
Красноярский кр.	20
Курганская обл.	11
Курская обл.	7
Ленинградская обл.	64
Липецкая обл.	41
Магаданская обл.	56
Респ. Марий Эл	8
Респ. Мордовия	2
г. Москва	76
Московская обл.	71
Мурманская обл.	24
Нижегородская обл.	44
Новгородская обл.	47
Новосибирская обл.	57
Омская обл.	3
Оренбургская обл.	16
Орловская обл.	6
Пензенская обл.	28
Пермский кр.	27
Приморский кр.	73
Псковская обл.	46
Ростовская обл.	14
Рязанская обл.	70
Самарская обл.	37
г. Санкт-Петербург	75
Саратовская обл.	32
Сахалинская обл.	50
Свердловская обл.	36
Смоленская обл.	65
Ставропольский кр.	30
Тамбовская обл.	60
Респ. Татарстан	58
Тверская обл.	72
Томская обл.	5
Тульская обл.	69
Тюменская обл.	52
Удмуртская респ.	45
Ульяновская обл.	12
Хабаровский кр.	25
Респ. Хакасия	66
Ханты-Мансийский а.о.	10
Челябинская обл.	31
Чувашская респ.	13
Ярославская обл.	40
Российская Федерация	55
Центральный ф. о.	67
Северо-Западный ф. о.	62
Южный ф. о.	38
Приволжский ф. о.	33
Уральский ф. о.	26
Сибирский ф. о.	23
Дальневосточный ф. о.	61

Доходы граждан – один из важнейших показателей НЧП. Хочу подчеркнуть, что этот вывод относится **ко всем** категориям граждан. А не только активному населению, занятому в производственной деятельности. Что видно из официальных данных[1].

Основные социально-экономические показатели уровня жизни населения

	1995	**2000**	**2001**	**2002**	**2003**	**2004**	**2005**	**2006**	**2007**	**2008**	**2009**
Фактическое конечное потребление домашних хозяйств (в текущих ценах), млрд. руб. (1995 г. – трлн. руб.)	872	3813	5014	6400	7708	9848	12455	15284	18928	23695	25151
на душу населения, руб. (1995 г. – тыс. руб.)	5874	26014	34347	44044	53317	68477	87030	107263	133185	166918	177233
в процентах к предыдущему году (в сопоставимых ценах)		105,9	108,2	107,7	106,7	110,5	110,8	110,5	112,5	109,5	93,6
Среднедушевые денежные доходы населения (в месяц), руб. (1995 г. – тыс. руб.)	515,9	**2281,1**	3062,0	3947,2	5170,4	6410,3	8111,9	10196,0	12602,7	14940,6	**16856,9**
Реальные располагаемые денежные доходы населения, в процентах к предыдущему году	85,0	112,0	108,7	111,1	115,0	110,4	112,4	113,5	112,1	**102,3**	**102,1**
Среднемесячная номинальная начисленная заработная плата работающих в экономике, руб. (1995 г. – тыс. руб.)	472,4	2223,4	3240,4	4360,3	5498,5	6739,5	8554,9	10633,9	13593,4	17290,1	18637,5
Реальная начисленная заработная плата, в процентах к предыдущему году	72,0	120,9	119,9	116,2	110,9	110,6	112,6	113,3	**117,2**	**111,5**	**96,5**
Средний размер назначенных пенсий[1], руб. (1995 г. – тыс. руб.)	188,1	694,3	1023,5	1378,5	1637,0	1914,5	2364,0	2726,1	3115,5	4198,6	5191,1
Реальный размер назначенных пенсий[1], в процентах к предыдущему году	80,5	128,0	121,4	116,3	104,5	105,5	109,6	105,1	104,8	118,1	110,7
Величина прожиточного минимума[2] (в среднем на душу населения):											
руб. в месяц (1995 г. – тыс. руб.)	264,1	1210	1500	1808	2112	2376	3018[3]	3422	3847	**4593**	**5153**
в процентах к предыдущему году	в 3,1 р.	120,0[4]	124,0	120,5	116,8	112,5	118,6[4]	113,4	112,4	119,4	112,2
Численность населения с денежными доходами **ниже величины прожиточного минимума:**											
млн. человек	36,5	42,3	40,0	35,6	29,3	25,2	25,2	21,5	**18,7**	**18,9**	**18,5**
в процентах от общей численности населения	24,8	29,0	27,5	24,6	20,3	17,6	17,7	15,2	13,3	13,4	13,2
в процентах к предыдущему году	110,9	84,9[4]	94,6	89,0	82,3	86,0	87,7[4]	85,3	87,0	101,1	97,9
Соотношение с величиной прожиточного минимума, процентов:											
среднедушевых денежных доходов	195	189	204	218	245	270	269	298	328	325	327
среднемесячной номинальной начисленной заработной платы	159	168	199	222	239	259	263	288	327	348	334
среднего размера назначенных пенсий	101	76	90	100	102	106	98	100	102	115	127

[1] Российкий статистический ежегодник 2010. М.: Ростат, 2010 г., с. 171

Коэффициент фондов (коэффициент дифференциации доходов), в разах	13,5	13,9	13,9	14,0	14,5	15,2	15,2	16,0	16,8	16,8	**16,7**
Коэффициент Джини (индекс концентрации доходов)	0,387	0,395	0,397	0,397	0,403	0,409	0,409	0,416	0,423	0,422	0,422

[1] 1995–2001 гг. – с учетом компенсации.

[2] С 2000 г. изменена методология расчета величины прожиточного минимума; приводится оценка на основе данных, установленных Правительством Российской Федерации за I-IV кварталы соответствующего года.

[3] На основании Федерального закона от 24 октября 1997 г. № 134-ФЗ «О прожиточном минимуме в Российской Федерации» с 2005 г. изменен состав потребительской корзины для определения величины прожиточного минимума.

[4] В сопоставимой методологии исчисления величины прожиточного минимума.

Мировой кризис 2008 года по-новому высветил проблему не только социальной политики, но и проблему справедливого распределения доходов. Внешне кризис выглядел как частный, финансовый, но актуальность изменения социальной политики была подчеркнута новыми кризисными явлениями. Так, финансовые услуги и доходы топ-менеджеров и некоторых акционеров оказались неадекватными их реальной деятельности. Особенно на фоне плохой деятельности и показателей их финансовых структур и корпораций.

Другая проблема – соотношения финансовых спекуляций и реального сектора экономики. Модель, при которой финансовые спекулянты имитировали развитие экономики, оказалась, очевидно, несостоятельной. Как и методы их финансовой деятельности, которые отражали низкую прозрачность, а иногда и откровенный авантюризм.

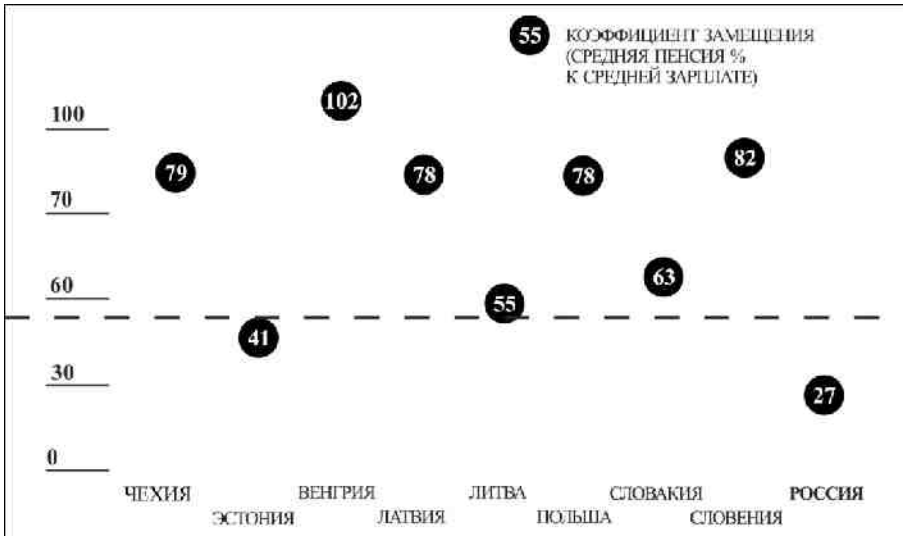
Примечательно, что в развитых странах в условиях кризиса не только традиционные защитники социальной политики – левые, профсоюзы, общественные организации, – но и либеральные партии стали сторонниками активной социальной политики. Это стало характерно как для республиканцев в США, так и сторонников ХДС в Германии и консерваторов в Великобритании. Во Франции, например, президент Ж.Саркози специально занялся в условиях кризиса разработкой активной социальной политики как «программы на XXI век».

Естественно это не могло не остаться не замеченным в России, где власть открыто признала, что сегодня социальная политика фундаментально неправильна, не соответствует мировым показателям.

Причем во всех областях. Так, если взять, например, пенсионную систему, то оказывается, что даже по сравнению с бывшими странами соцлагеря ситуация в России недопустимая – средняя пенсия составляет самый низкий, не поддающийся сравнению, показатель.

Если допустить, что средняя зарплата в России приблизилось в 2008 году к восточно-европейскому уровню (порядка 500$, хотя оговорюсь, что это средняя зарплата), то пенсии **абсолютно не** соответствуют общеевропейской тенденции. Они в 3, даже 4 раза ниже европейских. Если в советские времена коэффициент замещения достигал 50%, то после 90-го года он постоянно снижался, достигнув к 2008 году 25%. Еще хуже то, что сохранение такой политики приведет к снижению этого коэффициента до 10% в 2020 году[1].

Параметры пенсионных систем стран Восточной Европы (% от фонда оплаты труда)



Источник: Allianz Global Investors Ag. РОССТАТ

Совершенно другая ситуация в развитых странах, где на протяжении уже более 50 лет коэффициент замещения сохраняется на высоком уровне. Эта задача считается стратегической для власти в развитых странах и в условиях кризиса. Но не для России, где подобная задача даже **не ставится**. И понятно почему: логика макроэкономической экстраполяции социально-экономического развития, которой

[1] *В.Д.Роик.* Пенсионная система России: история, проблемы и пути совершенствования. М., 2007 г., с. 416.

руководствуется Минфин, идет «от достигнутого», а не от стратегии развития.

Более того, в 2010–2011 годах в правящей элите возникли разговоры о повышении возраста граждан, выходящих на пенсию. При этом апеллирую к мировому опыту развитых стран, где этап предел действительно выше, чем в России[1].

Страна	Пенсионный возраст, лет	
	Мужчины	**Женщины**
Австрия	65	60 (65)
Великобритания	65	65
Германия	65 (67)	65 (67)
Испания	65	65
Италия	65	60
Казахстан	63	58
Латвия	62	59,5
Литва	62,5	60
Нидерланды	65	65
Норвегия	67	67
Польша	65	60
Россия	**60**	**55**
Словакия	62	53-57 (62)
США	65	65
Турция	49	44
Финляндия	65	65
Франция	60	60
Чехия	61,5 (63)	56-60 (59-63)
Швейцария	65	64
Швеция	65	65
Эстония	63	59 (63)
Япония	65	65

Источник: www.finansmag.ru

Вместе с тем не говорится о том, что продолжительность жизни, особенно мужчин, в России значительно ниже. Как следует из официальной статистики, ожидаемая в 2009 году продолжительность

[1] *М.Грицюк*. Полный пенсион. – Российская газета, 16 сентября 2010 г., с. 4.

жизни «не дотягивает» до уровня 1990 года и составляет 68,77 лет. При этом для мужчин он составляет 62,77 года[1].

Ожидаемая продолжительность жизни при рождении
(число лет)

Годы	Все население			Городское население			Сельское население		
	всего	**мужчины**	**женщины**	**всего**	**мужчины**	**женщины**	**всего**	**мужчины**	**женщины**
1896-1897 (по 50 губерниям Европейской России)	30,54	29,43	31,69	29,77	27,62	32,24	30,63	29,66	31,66
1926-1927 (по Европейской части РСФСР)	42,93	40,23	45,61	43,92	40,37	47,50	42,86	40,39	45,30
1958-1959	67,91	62,99	71,45	67,92	63,03	71,48	67,84	62,86	71,30
1961-1962	68,75	63,78	72,38	68,69	63,86	72,48	68,62	63,40	72,33
1970-1971	68,93	63,21	73,55	68,51	63,76	73,47	68,13	61,78	73,39
1980-1981	67,61	61,53	73,09	68,09	62,39	73,18	66,02	59,30	72,47
1990	**69,19**	63,73	74,30	69,55	64,31	74,34	67,97	62,03	73,95
1995	64,52	58,12	71,59	64,70	58,30	71,64	63,99	57,64	71,40
2000	65,34	59,03	72,26	65,69	59,35	72,46	64,34	58,14	71,66
2001	65,23	58,92	72,17	65,57	59,23	72,37	64,25	58,07	71,57
2002	64,95	58,68	71,90	65,40	59,09	72,18	63,68	57,54	71,09
2003	64,85	58,55	71,84	65,35	59,00	72,18	63,42	57,29	70,86
2004	65,27	58,89	72,30	65,81	59,38	72,65	63,76	57,55	71,27
2005	65,30	58,87	72,39	65,99	59,52	72,86	63,44	57,19	71,07
2006	66,60	60,37	73,23	67,29	61,03	73,70	64,73	58,67	71,89
2007	67,51	61,39	73,90	68,21	62,09	74,34	65,60	59,57	72,62
2008	67,88	61,83	74,16	68,59	62,53	74,62	65,96	60,00	72,86
2009	**68,67**	62,77	74,67	69,38	63,50	75,13	66,72	60,87	73,38

Не случайно в 2007–2011 годах В.Путиным и Д.Медведевым были предприняты попытки по исправлению ситуации. В частности было заявлено об увеличении пенсий в 2 раза к 2010 году. Что, конечно же, совершенно недостаточно. К этому времени пенсии лишь сравняются с прожиточным минимумом и минимальной зарплатой, т.е. все пенсионеры автоматически остаются в категории нищих. Следовательно, мы сегодня,

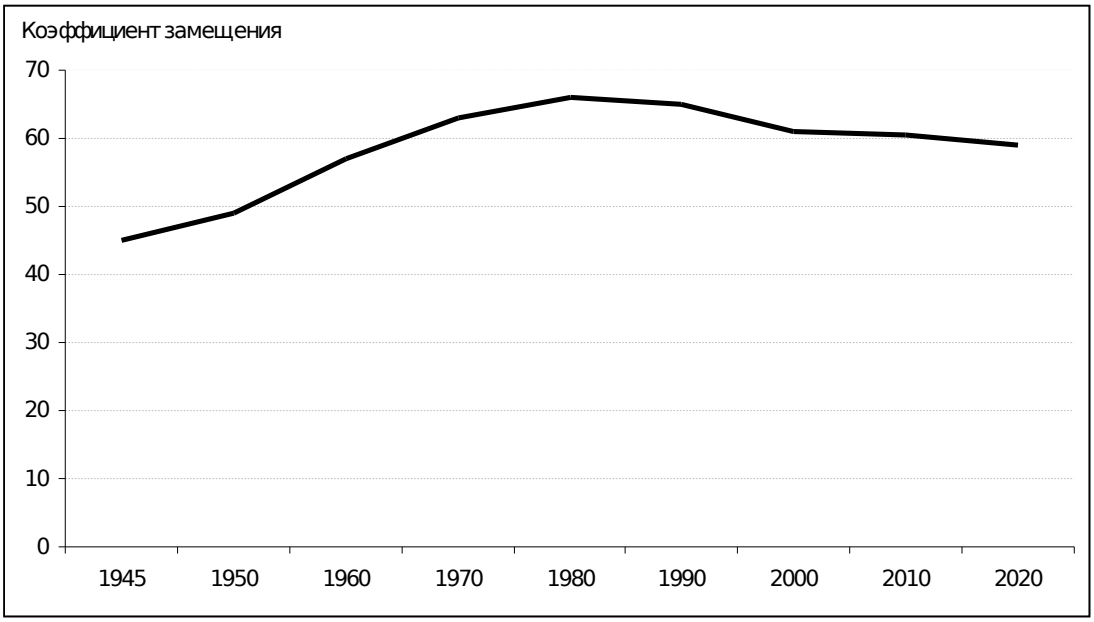
[1] Российский статистический ежегодник. 2010. – М.: Росстат, 2010 г., с. 109.

изначально, планируем, что через 2–3 года все пенсионеры будут находиться где-то между бедностью и нищетой.

Примечательно, что соцопросы показывают, что сегодня к среднему классу себя причисляют те граждане, чьи доходы на каждого члена семьи превышают 1500 долларов, а это, как минимум, в 3 раза выше имеющих среднероссийских доходов в 2008 году. Если же пенсии «образца 2010 года» будут лишь удвоены, т.е. будут равняться 6500–7000 рублей, то, очевидно, что почти половина населения страны будет вынуждена смириться (экономически и социально) со статусом не просто бедных, а нищих.

Эта тенденция, очевидно, противоречит общемировой, но как ее исправить, – такая задача не ставится.

Динамика коэффициента замещения пенсий в системе обязательного пенсионного страхования в странах Западной Европы 1950–2010 годы и прогнозные оценки его изменения



Как видно из приведенного графика, в развитых странах коэффициент замещения стабильно составляет порядка 70–75%. При постоянном росте средней заработной платы. Это позволяет пенсионерам также стабильно относить себя не только к среднему классу, но и вести активный образ жизни, включая и участие в экономической деятельности. Учитывая рост средней продолжительности жизни, это означает, что

пенсионеры составляют значительную часть общества, продолжающую активную общественную и экономическую деятельность.

В России, учитывая среднюю продолжительность жизни и низкие пенсии, пенсионеры фактически вычеркиваются из общественной и экономической деятельности, становятся, как правило, «довеском» (иногда обременительным) для государства и общества. Их опыт, знания и навыки обществом используются мало и неэффективно.

«Прожиточный минимум – условная категория. По данным статистиков, пенсионер в Татарстане в прошлом году мог прожить на 2965 руб., в Москве – на 5057 руб., на Чукотке пожилому человеку требовалось 9219 руб. В Евросоюзе находящимися под угрозой бедности принято считать тех, чей ежемесячный доход ниже 60% среднемесячной заработной платы, бедными – получающими менее 50%. По этой методике в «зоне риска» во Франции находится около 14% населения, в Испании – 20%, в Литве – четверть. Бедными считаются 7%, 11% и 13% соответственно. Российские пенсионеры, получающие сейчас около 40% средней зарплаты по стране (20158 руб.), вышли из нищеты, но по европейским меркам они остались бедными. Как, впрочем, и почти 30% работающих россиян. В некоторых регионах пенсии могут оказаться выше зарплат бюджетников»[1].

Представляется, что власть должна разработать специальную стратегию в отношении пенсионеров, которая бы не зацикливалась как сегодня на решении задач Пенсионного фонда, а ставила бы задачу максимально полного использования потенциала пожилых людей в интересах общества и государства. Особенно в условиях неблагоприятных для России демографических тенденций. То есть необходимо переформатировать задачу от экстраполяции возможных пенсионных обязательств к максимально полному использованию и сохранению человеческого потенциала. В данном случае в лице пенсионеров.

Необходимо понимать, что доходы это не просто показатель получения финансовых средств, но и ресурс, обеспечивающий существование и развитие человеческого потенциала.

---

[1] Засыпать ассигнациями. «Ведомости», 21 апреля 2010 г., с. 1, 4.

Доходы населения следует рассматривать как **выгодные** для государства и его экономики **инвестиции в человека**. В этом смысле доходы пенсионеров не являются исключением. Если пенсии рассматривать под этим углом зрения, то пенсионеры становятся важным ресурсом развития страны и экономики, а не обузой для «трудоспособного населения». Кстати, деление граждан на эти категории следует пересмотреть потому, что пенсионеры могут и должны стать трудовым ресурсом. Если, конечно, проводить по отношению к ним правильную политику.

Социальная политика, если она современна, предполагает изменение самого подхода государства к политике доходов. В XXI веке, когда богатство общества измеряется суммой потенциалов его личностей, каждый человек, включая инвалидов и пенсионеров, становится потенциалом и ресурсом нации, который **следует развивать**, а не игнорировать.

На мой взгляд, следует по-новому пересмотреть не только приоритеты социальной политики, но и само ее понимание, которое сегодня выходит далеко за рамки политики доходов или соцподдержки. Социальная политика стремительно становится приоритетной по отношению к политике экономической и финансовой, превращаясь из **следствия** их развития в **условие**.

Новое понимание социальной политики должно не только утвердиться в элите, но и стать импульсом для политико-философского анализа.

Еще острее проблема с социальной дифференциацией, которая выходит далеко за рамки только социальной политики, но и политики вообще. И не только с точки зрения социальной стабильности или справедливости, но и с позиции опережающего экономического развития. Общество, как уже говорилось должно преимущественно состоять не только из состоятельных, но и интеллектуальных людей. Их позиция должна превалировать и отражаться в политике, СМИ и т.д.

Сегодня в России эта ситуация не выдерживает критики[1].

---

[1] *Григорьева Л.М.* Конфликты интересов и коалиции / Pro et Contra/ 2007. № 4–5, с. 106.

Уровень неравенства в странах мира (2005 г.)

	Россия	США	Германия	Польша	Бразилия
ВВП на душу, тыс. долл. (ППС)	12,1	43,4	31,1	14,9	9,1
Первая группа (min доходы)	5,4*	5,4	8,5	7,5	2,6
Вторая группа	10,1*	10,7	11,4	13,7	11,9
Пятая группа (max доходы)	46,8*	45,8	36,9	42,2	62,1
Коэффициент Джини	0,410*	0,408	0,283	0,345	0,58

* Данные. Росстата за 2006 г.

Но если доля группы «средний класс» – интеллигенция» – «креативные слои» мала, то она становится из ведущей в ведомую. Здесь возможны разные варианты развития событий, известные, в том числе и из истории.

Вариант 1. Государство приспосабливается к перераспределению госдоходов, предоставляя народу «хлеба и зрелищ» (Римская империя).

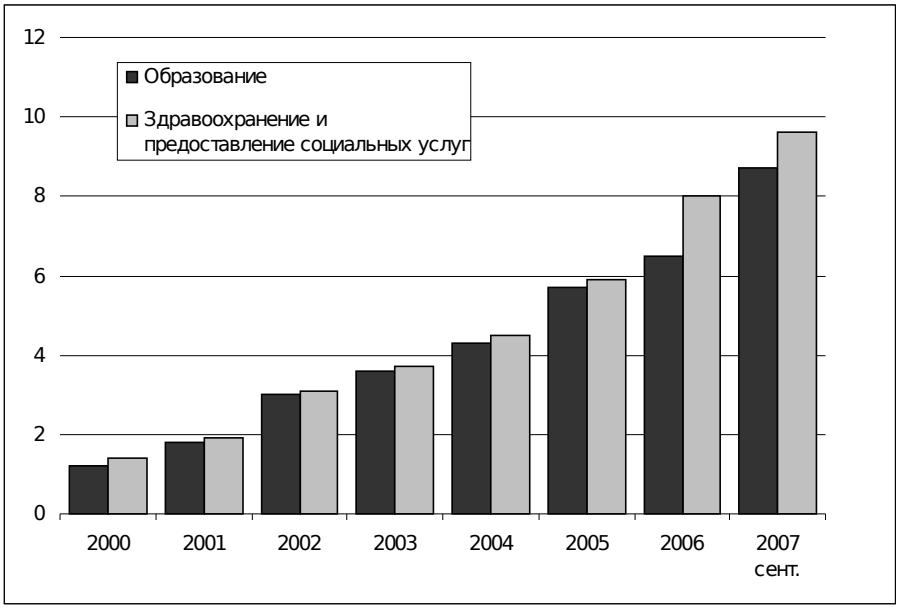
Вариант 2. Нация деградирует, вымирает, оставляя все природные богатства и ресурсы отечественным (но чаще зарубежным) владельцам, способным заплатить за это минимальную цену (залоговые аукционы).

Вариант 3. Страна и нация смиряются с превращением во второстепенное, управляемое государство, где уровень жизни обеспечивается за счет распродажи природных ресурсов, а элита превращается в компрадорскую (Колониализм XX века).

Хотя темпы роста доходов заметны, они все еще отстают от того, что необходимо стране, нации для опережающего развития. Они, может быть, соответствуют тенденции роста выше среднемирового уровня. Но не развития. Тем более опережающего[1].

[1] Российская газета. 20 декабря 2007 г., с. 3.

Как росли зарплаты бюджетников



Источник: Росстат

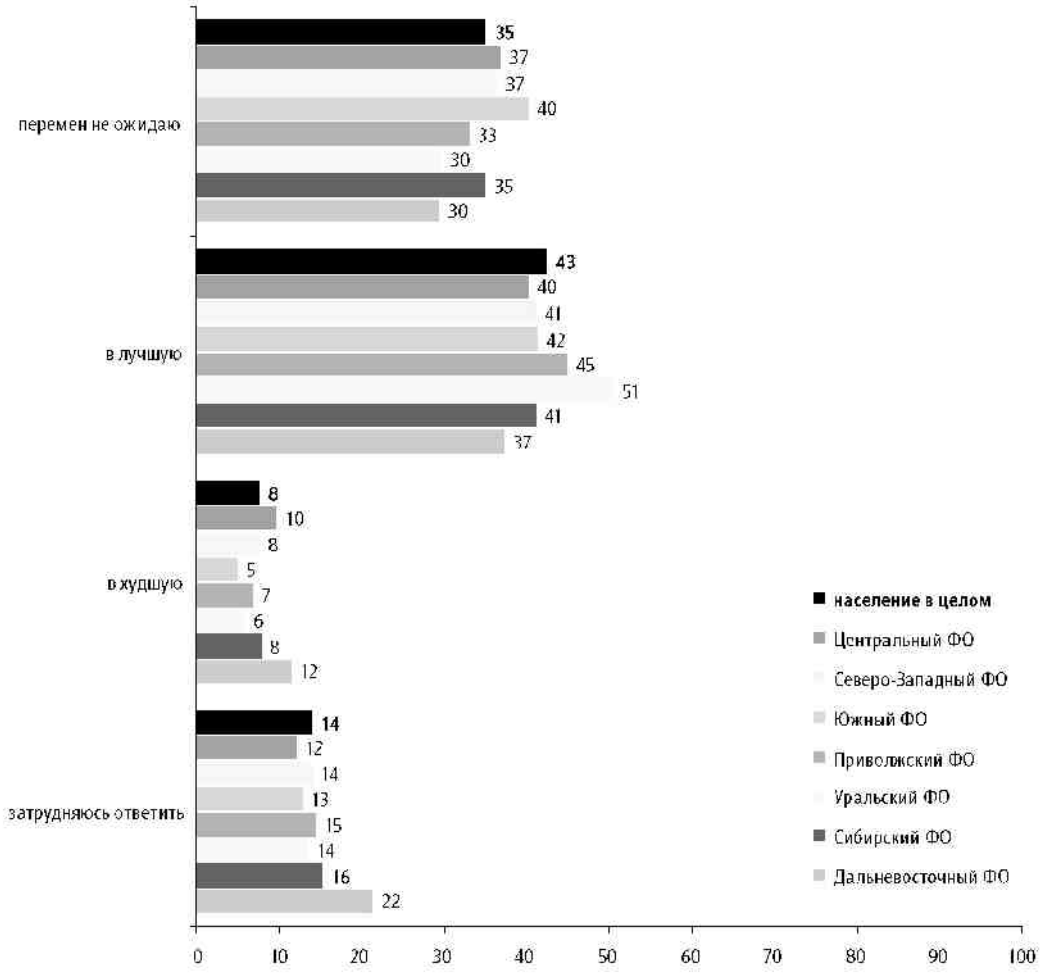
Таким образом, видно, что социальные условия в России недопустимо плохи. И тенденция их улучшения, заметная по темпам роста доходов, абсолютно не соответствует потребностям: рост доходов в 20% в год при таких стартовых условиях, очень низкий.

Удивительно, но опросы ВЦИОМ в целом свидетельствует о преобладающем оптимизме, у 40–50% граждан что, на мой взгляд, не должно успокаивать[1].

[1] Фонд «общественное мнение». Доминанты № 29. 29.07.2010, сс. 19–21.

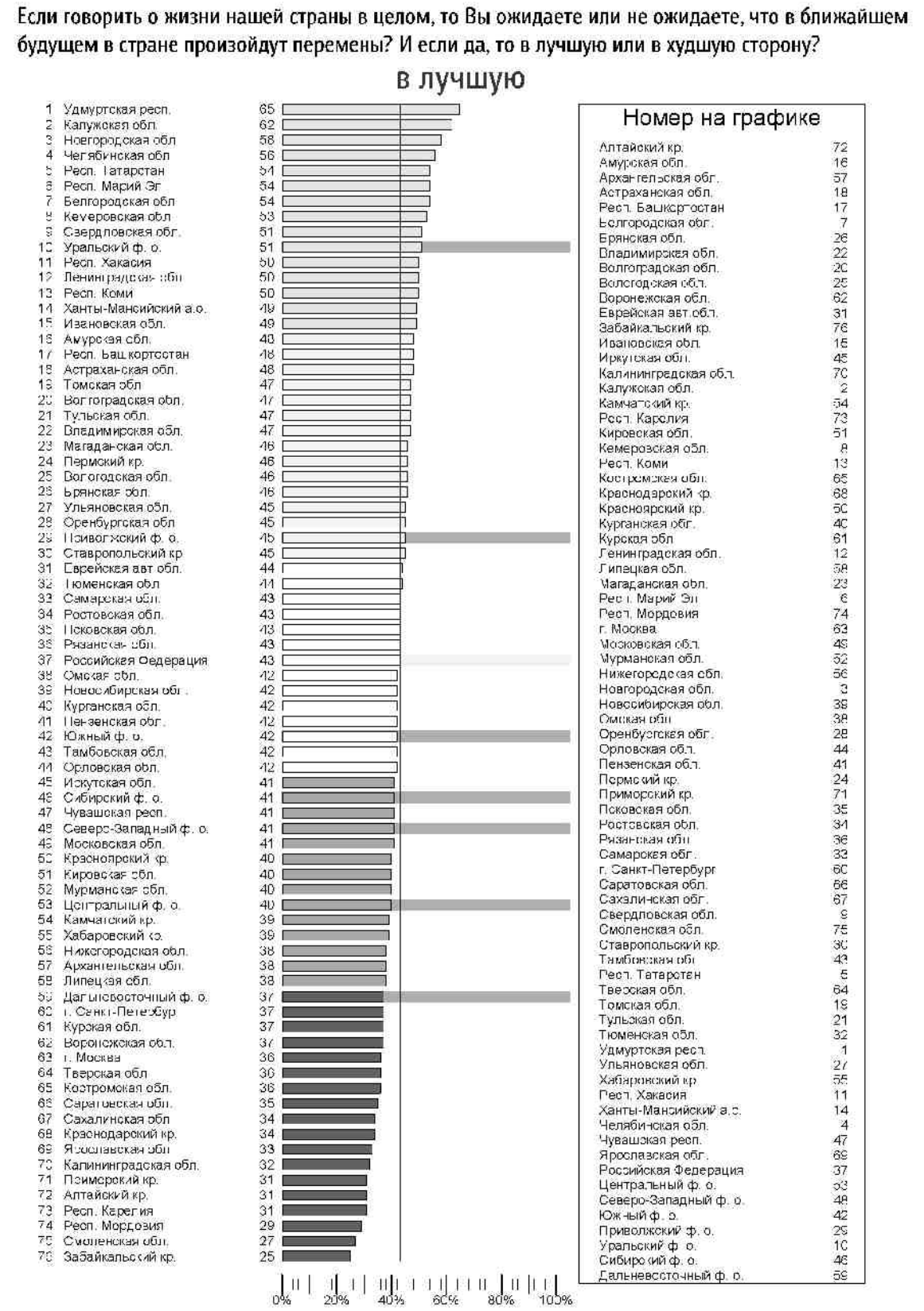
Если говорить о жизни нашей страны в целом, то Вы ожидаете или не ожидаете, что в ближайшем будущем в стране произойдут перемены? И если да, то в лучшую или в худшую сторону?

данные в % от всех опрошенных



Если говорить о жизни нашей страны в целом, то Вы ожидаете или не ожидаете, что в ближайшем будущем в стране произойдут перемены? И если да, то в лучшую или в худшую сторону?

в лучшую



Обращает на себя внимание устойчивое большинство лиц (до 40%), которые не ожидают никаких изменений, и почти 10%, ожидающих перемен в худшую сторону. Это означает, что половина **граждан не видят позитивной перспективы**, что они фактически выключены из активной социальной и экономической жизни страны.

4.3. Социальная политика и опережающее развитие

«Теневой бизнес власти лишает политику динамики («эффект велосипеда»)»[1].

А.Рубцов

«Социологи утверждают акцентируют «моральную аберрацию» мышления наших политиков – его дистанцирование от нравственных ценностей и ориентиров, которые вытеснены в нем категориями экономического характера …»[2].

А.Юревич

Социальная политика стала синонимом нравственной атмосферы в обществе. Особенно в 2010–2011 годы, когда тема социальной и национальной справедливости «вышла на улицу». Уверен, что социальное неблагополучие может трансформироваться в национальное, а в итоге может произойти социальный взрыв, легализирующий социальное недовольство и нравственный упадок. А.В.Юревич справедливо подводит итог: «… Экономисты считают, что «среди составляющих той непомерной **социальной** цены, которую пришлось заплатить за радикальные экономические реформы в России, – пренебрежение нравственно-психологическим миром человека», подчеркивают «интенсивное искоренение морально-этической составляющей из социального бытия». По мнению ведущих представителей этой науки, «нарушения общественной морали, норм социальной справедливости, представлений о гражданской чести и ответственности встречаются у нас на каждом шагу». Искусствоведы отмечают формирование «тотально аморальной системы». Философы полагают, что «сегодня мы не имеем коллективных представлений о различии добра и зла, о том, что такое сострадание, справедливость, жалость, милость, доброта, хороший тон, правильная речь, самоуважение, уважение к другому, потеряло смысл традиционно русское понятие правды». А психологи, опираясь на результаты своих исследований, констатируют, что «Россия на долгие годы оказалась «естественной лабораторией», где нравственность и правовое сознание граждан проходили суровые испытания», что подтверждается динамикой разработанного ими индекса нравственного

[1] *А.Рубцов*. Кто шляпку спер, тот и тетку пришил. – Независимая газета, 18 мая 2011 г., с. 5.

[2] *А.Юревич*. «Асоциальная социализация» как основа нравственной деградации общества. – Вестник РАН. Т. 81, № 1, 2011 г., с. 5.

состояния общества (ИНСО) и его соотношением с соответствующим показателем в других странах Центральной и Восточной Европы (рис.)[1].

Обоснованность приведённых оценок нравственного состояния нашего общества подтверждается как хорошо известными бытовыми примерами, так и очень печальной статистикой. Количество убийств на 100 тыс. жителей в России сейчас почти в **4 раза** больше, чем в США (где ситуация в этом отношении тоже очень неблагополучна), и примерно в **10** превышает их распространённость в большинстве европейских стран [7]. По индексу коррупции наша страна находится на 147-м месте в мире, а общий объём коррупционного оборота оценивается в 250–300 млрд. долл. в год. Численность жертв несчастных случаев, таких как случайные отравления алкоголем и ДТП, по количеству которых мы первые в мире, свидетельствует **о безразличном отношении наших сограждан к своей и чужой жизни**[2]. По числу разводов на 1000 жителей мы занимаем **1-е место** в Европе, по количеству абортов на **1000 женщин – 1-е место** в Восточной Европе и СНГ', по числу детей, оставшихся без попечения родителей[3], – **2-е место** в Восточной Европе и СНГ, а по

[1] *А.Юревич*. «Асоциальная социализация» как основа нравственной деградации общества. – Вестник РАН. Т. 81, № 1, 2011 г., с. 4.

[2] Ежегодное количество жертв ДТП в современной России превышает потери за все годы Афганской войны, а ситуация на дорогах характеризуется как «война на дорогах», «гражданская война» и т.п. [8].

[3] Напомним, что в эту категорию входят не только сироты, но и дети, которые, имея родителей, убегают из дома, очевидно, не от хорошей жизни.

индексу Джини, отражающему неравномерность распределения доходов, – 1-е место среди стран с развитой и переходной экономикой [9–11].

Добавим к этому, что у нас ежегодно от жестокости родителей страдают 2 млн. детей, 2 тыс. из них становятся жертвами убийств или получают тяжкие телесные повреждения, а 50 тыс. – убегают из дома. Каждый год пропадают 25 тыс. несовершеннолетних, 5 тыс. женщин гибнут от побоев, нанесённых мужьями, при этом насилие над жёнами, престарелыми родителями и детьми фиксируется в каждой четвёртой семье. 12% подростков употребляют наркотики, более 20% детской порнографии, распространяемой по всему миру, снимается в России. Около 40 тыс. детей школьного возраста вообще не посещают школу, а темпы роста детской преступности в 15 раз опережают темпы увеличения преступности в целом, в результате чего у нас насчитывается около 40 тыс. несовершеннолетних заключённых, что примерно в 3 раза больше, чем было в СССР в начале 1930-х годов [12].

Поражает и то, что подобные факты не получают должного внимания в обществе и в массовом сознании воспринимаются с меньшей остротой, чем, скажем, количество медалей, завоёванных на Олимпиаде, что само по себе служит показателем нравственного состояния общества, равно как и премирование крупными суммами и без того небедных спортсменов-победителей.

Особенно это видно в сравнении. Например со странами Восточной Европы[1].

[1] *А.Юревич*. «Асоциальная социализация» как основа нравственной деградации общества. – Вестник РАН. Т. 81, № 1, 2011 г., с. 5.

Принятый в марте 2007 г. проект бюджета на 2008–2010 год, на мой взгляд, игнорирует потребности опережающих инвестиций в человеческий капитал. Он – инерционен. И эта инерция, как предполагается, сохранится еще на 3 года. Так, при общем росте расходов в реальном исчислении за три года на 18,1%, на образование доля расходов снижается с 5% в 2007 году до 4,2% в 2010 году, а на здравоохранение – с 3,8% до 4%[1].

Как растут доходы

	2007	**2008**	**2009**	**2010**	**Прирост в 2010 г. к 2007 г., в %**
Трансферты внебюджетным фондам	1060,4	1326,2	1504,6	1846,1	74,1
Национальная оборона	821,2	956	1053,9	1184,4	44,2
Национальная безопасность и правоохранительная деятельность	664,8	768,1	922,6	999,1	50,3
Национальная экономика	495,9	656,9	730,3	482,1	– 2,8
Образование	278,5	307,5	310,5	339,4	21,7
Культура, кинематография и СМИ	65,1	78	66,8	64,2	– 1,4
Здравоохранение и спорт	206,2	211,5	228,6	268,9	23,3
Межбюджетные трансферты	1841,9	2242,5	2408,8	2709,8	47,1

Источник: Минфин

Притом, что на оборону, безопасность и правоохранительную деятельность расходы вырастут в 1,5 раза. Это, очевидно, говорит о приоритетах правительства РФ. Как видно из анализа проекта бюджета, сделанного экспертами Счетной палаты, приоритеты развития потенциала человеческой личности в бюджетной политике отражены явно недостаточно[2].

Рост реального благосостояния **отдельных** социальных групп виден не столько из роста доходов (тем более средних по стране), сколько из увеличения возможностей граждан приобретать товары длительного

[1] *А.Петрачкова, А.Никольский.* Деньги распределены / Ведомости. 23 марта 2007 г., с.А3.

[2] Информационно-аналитические материалы по проекту федерального закона «О федеральном бюджете на 2008 год и на период до 2010 года» / Центр ситуационного анализа Счетной палаты РФ. 2007 г., с.29-31.

пользования. Как следует из материалов Росстата, такая возможность в целом (для отдельных групп) выросла за период 2000–2010 годов[1].

Наличие предметов длительного пользования в домашних хозяйствах
(по материалам выборочного обследования бюджетов домашних хозяйств; на конец года; на 100 домохозяйств; штук)

	1995	**2000**	**2001**	**2002**	**2003**	**2004**	**2005**	**2006**	**2007**	**2008**	**2009**
Телевизоры	134	124	126	129	133	135	138	144	149	154	160
Видеомагнитофоны, видеокамеры	15	48	50	54	57	62	66	67	62	60	58
Магнитофоны, плееры	77	66	58	58	57	54	53	54	50	45	44
Персональные компьютеры	…	**6**	7	10	13	20	26	33	40	47	**54**
Музыкальные центры	2	12	16	21	24	28	34	36	38	38	39
Холодильники, морозильники	116	113	113	114	114	114	117	118	119	121	**123**
Стиральные машины	100	98	93	93	93	94	97	99	100	100	101
Электропылесосы	77	82	75	77	78	80	84	87	88	89	92
Швейные, вязальные машины	74	73	63	62	60	58	60	58	57	54	53

О реальном благосостоянии могут свидетельствовать и косвенные признаки, например, возможность выехать на отдых за рубеж. Так, в 2011 году не собирались или не могли выехать на отдых за рубеж более 60%. В то же время дешевый туризм (Турция и Египет) могли позволить себе 8%, а дорогой – 10%[2].

Где вы собираетесь провести отпуск этим летом (доли ответов в %)

Вариант ответа	Май 2011	Май 2010	Май 2009	Май 2008
Дома	16	14	12	**11**
В России	20	19	27	**29**
В Украине	4	4	3	5
В других странах ближнего зарубежья (кроме Украины)	1	1	1	2
В Турции	4	3	3	5
В Египте	2	3	2	3
В других странах дальнего зарубежья	10	7	6	10

[1] Российский статистический ежегодник 2010. – М.: Росстат, 2010 г., с. 204.

[2] *А.Башкатова*. Внутренний туризм теряет популярность. – Независимая газета, 18 мая 2011 г., с. 4.

(кроме Турции или Египта)				
Не пойду в отпуск	28	30	32	**21**
Затрудняюсь ответить	15	19	14	14

Наличие предметов длительного пользования по группам населения с различным уровнем располагаемых ресурсов в 2009 г.

(по материалам выборочного обследования бюджетов домашних хозяйств; на конец года; на 100 домохозяйств; штук)

	Группы населения в зависимости от уровня располагаемых ресурсов				
	первая (с наименьшими располагаемыми ресурсами)	**вторая**	**третья**	**четвертая**	**пятая** (с наибольшими располагаемыми ресурсами)
Телевизоры	135	145	158	179	171
Видеомагнитофоны, видеокамеры	43	51	56	69	67
Магнитофоны, плееры	39	43	45	49	45
Персональные компьютеры	33	43	54	70	62
Музыкальные центры	29	34	39	50	40
Холодильники, морозильники	111	117	124	130	128
Стиральные машины	96	98	102	104	105
Электропылесосы	80	88	94	99	97
Швейные, вязальные машины	46	49	53	58	53

Число собственных легковых автомобилей на 1000 человек населения по субъектам Российской Федерации

(на конец года; штук)

	1970	**1980**	**1990**	**1995**	**2000**	**2002**	**2003**	**2004**	**2005**	**2006**	**2007**	**2008**	**2009**
Российская Федерация	5,5	30,2	**58,5**	92,3	130,5	145,8	153,2	159,3	169,0	177,8	195,4	213,5	**220,8**
Центральный федеральный округ		**28,2**	**56,1**	**95,3**	**140,4**	**162,7**	**168,2**	**175,1**	**188,8**	**199,4**	**215,4**	**236,5**	**243,1**
Белгородская область	3,5	28,3	66,5	99,1	136,5	157,3	145,3	152,7	160,4	169,6	184,6	203,2	208,7
Брянская область	1,7	16,5	32,0	37,7	58,3	66,9	70,8	77,2	82,2	89,3	98,8	115,0	119,8
Владимирская область	3,1	25,5	45,2	69,3	104,6	118,0	124,0	129,7	138,8	147,0	165,3	184,2	194,0
Воронежская область	5,3	34,1	77,8	106,9	166,8	175,8	175,9	183,7	185,1	185,5	205,4	224,7	229,4
Ивановская область	3,8	20,5	40,7	58,1	97,5	92,9	101,6	106,4	117,1	124,7	140,2	151,3	154,7
Калужская область	4,7	27,7	55,6	80,7	114,9	126,7	136,2	145,4	162,7	176,5	189,1	215,8	227,5
Костромская область	2,1	20,5	47,6	64,4	97,9	114,7	117,5	123,7	134,1	149,1	164,4	192,1	192,9
Курская область	2,6	16,4	34,6	48,7	110,3	121,9	126,5	133,0	140,7	150,1	165,7	183,0	191,2
Липецкая область	3,4	24,7	53,8	77,6	132,3	142,6	153,6	162,8	172,9	189,1	202,5	224,6	237,5
Московская область	8,6	31,1	57,6	100,1	144,5	196,4	200,5	206,9	232,3	241,0	261,1	284,0	289,8

Орловская область	3,0	24,2	51,1	76,2	114,5	131,0	133,4	145,2	161,7	178,6	179,1	185,7	180,0
Рязанская область	3,4	24,3	47,6	72,2	112,8	133,1	141,6	150,6	160,0	176,5	193,4	254,3	265,2
Смоленская область	3,1	25,7	50,7	79,7	102,8	112,6	116,7	119,0	174,5	183,8	203,3	228,6	238,2
Тамбовская область	2,5	21,3	46,9	74,8	127,1	145,0	148,5	151,5	153,7	159,7	174,5	193,2	202,4
Тверская область	3,0	21,6	42,6	67,7	117,7	135,8	137,9	145,3	158,0	168,9	183,1	195,6	208,1
Тульская область	4,7	26,0	49,6	81,0	115,8	127,9	138,9	148,6	171,9	175,7	195,1	226,7	234,6
Ярославская область	3,2	20,8	42,4	67,1	98,6	103,7	107,7	119,0	130,1	140,4	149,7	172,0	176,1
г. Москва	14,3	37,2	69,8	142,3	189,1	210,4	218,9	224,2	232,8	246,5	261,4	278,7	284,1
Северо-Западный федеральный округ		**25,9**	**50,5**	**97,7**	**146,4**	**159,2**	**165,0**	**172,8**	**183,4**	**201,2**	**220,5**	**239,1**	**245,7**
Республика Карелия	2,5	24,1	56,4	112,4	155,2	172,7	189,6	191,7	192,7	200,6	218,9	235,2	242,7
Республика Коми	3,1	23,7	46,0	78,2	110,5	125,8	131,4	136,6	151,2	163,5	175,3	188,3	196,4
Архангельская область	1,7	16,9	37,5	63,6	90,4	105,7	106,0	115,3	123,0	134,5	150,5	170,1	174,9
в том числе Ненецкий автономный округ	0,8	6,6	27,8	47,6	59,4	88,9	96,7	104,9	114,4	128,0	143,2	152,2	173,1
Вологодская область	2,1	18,6	39,0	62,2	114,9	130,1	135,6	151,0	163,2	178,5	202,2	221,1	224,2
Калининградская область	5,8	32,0	60,8	136,6	205,7	217,6	221,0	227,4	235,0	259,4	269,4	278,8	285,1
Ленинградская область	4,5	21,6	44,4	88,4	138,1	154,9	160,5	167,2	179,3	197,6	221,3	245,6	255,8
Мурманская область	5,1	33,4	59,5	117,4	143,8	153,3	141,5	147,2	153,2	160,9	173,4	185,3	186,6
Новгородская область	3,8	23,4	42,6	71,8	101,8	111,2	119,7	126,1	139,8	155,0	168,5	196,7	202,4
Псковская область	3,1	28,6	56,3	84,0	120,5	126,8	121,9	130,9	148,7	175,5	185,3	202,4	210,9
г. Санкт-Петербург	10,4	30,3	56,1	118,0	180,3	190,6	201,5	209,1	219,9	241,6	266,0	285,1	291,8

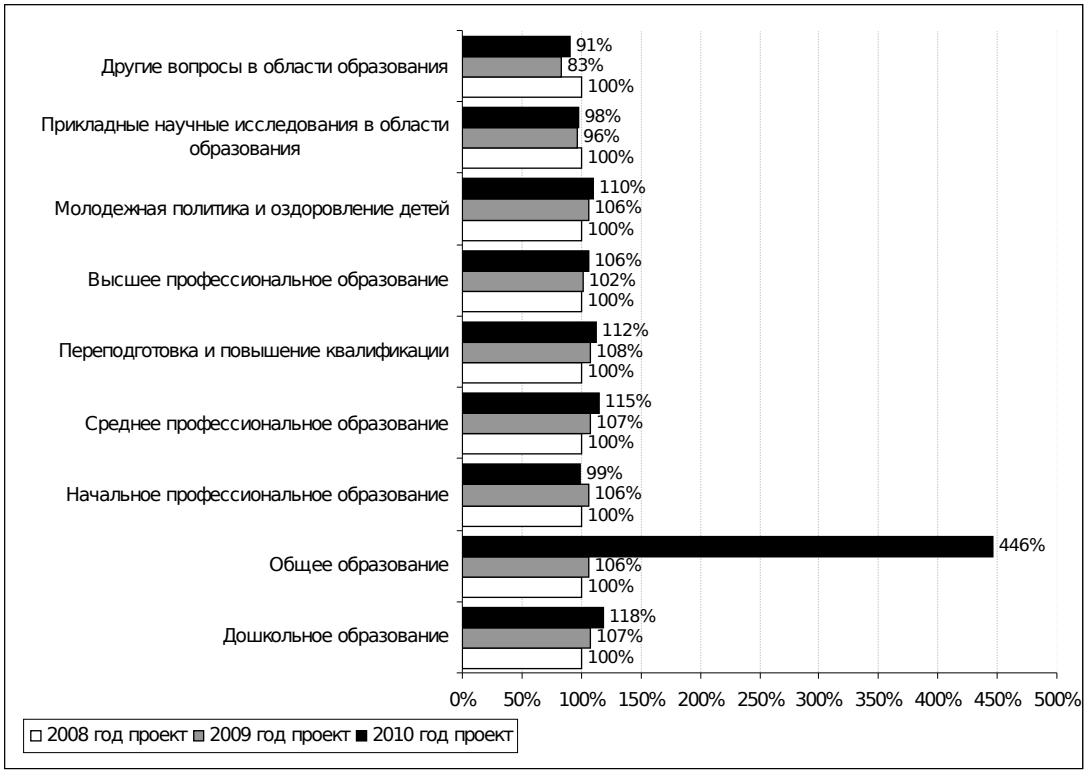
В реальном выражении расходы на образование в целом несколько возрастают в 2008 году, а затем сокращаются, что обусловлено завершением реализации большей части мероприятий ПНП «Образование».

Практически неизменны (в реальном выражении) расходы на среднее и высшее профессиональное образование, молодежную политику и оздоровление детей.

Снижаются расходы на начальное профессионально образование, прикладные научные исследования в области образования и другие вопросы в области образования.

Рост в 2010 году расходов на общее образование связан с резервированием бюджетных средств, передаваемых в форме межбюджетных трансфертов субъектам РФ на ежемесячное денежное вознаграждение за классное руководство.

Образование



Культура, кинематография и средства массовой информации

Сокращение в 2009–2010 гг. объема и доли расходов, предусматриваемых на культуру, кинематографию и средства массовой информации, в 2009–2010 годах по сравнению с 2007–2008 годами обусловлено уменьшением ассигнований, направляемых на проведение разовых мероприятий в сфере культуры и средств массовой информации, сокращением в 2009–2010 годах бюджетных ассигнований в рамках

программы государственных внешних заимствований Российской Федерации, а также расходов инвестиционного характера.

При этом значительно сокращается доля расходов на периодическую печать и издательства.

Рост расходов предусмотрен только на проведение прикладных научных исследований. При сокращении расходов в реальном выражении по разделу в целом в 2008 и 2009 году, к 2010 году они несколько превышают уровень 2007 года. Но их доля совершенно не соизмерима с долей расходов в бюджетах стран, претендующих на лидерство в науке и технологиях[1].

Ассигнования на исследования и разработки в России и странах ОЭСР из средств государственного бюджета*

	Всего, млн долл. США**	В процентах к валовому внутреннему продукту		Всего, млн долл. США**	В процентах к валовому внутреннему продукту
Россия	12457,8	**0,57**	Мексика	2608,6	0,19
Австралия	4868,7	0,56	Нидерланды	5209,8	0,79
Австрия	2480,7	0,80	Новая Зеландия	653,4	0,56
Бельгия	2601,1	0,69	Норвегия	2261,0	0,82
Великобритания	13852,2	0,63	Польша	1999,1	0,30
Венгрия	851,0	0,43	Португалия	2761,8	1,13
Германия	24393,3	0,87	Словакия	356,2	0,31
Греция	924,9	0,30	США	165316,5	**1,15**
Дания	1931,4	0,98	Финляндия	1967,5	1,11
Ирландия	991,8	0,57	Франция	15930,7	0,75
Исландия	117,9	1,05	Чехия	1698,2	0,66
Испания	14321,9	1,00	Швейцария	2532,5	0,77
Италия	11506,7	0,64	Швеция	3024,2	0,92
Канада	7563,6	0,60	Япония	30995,0	0,74
Корея	13743,9	0,98			

* Данные по России приведены за 2009 г. по совокупности расходов несекретной части федерального бюджета, опубликованной в открытой печати. Источник данных по странам ОЭСР: OECD (2010), Main Science and Technology Indicators, № 1, Paris. Информация по Мексике приведена за 2006 г., по Греции и Канаде – за 2007 г., по Бельгии, Великобритании, Венгрии, Испании, Новой Зеландии, Польше, Франции и Швейцарии – за 2008 г., по остальным странам – за 2009 г.

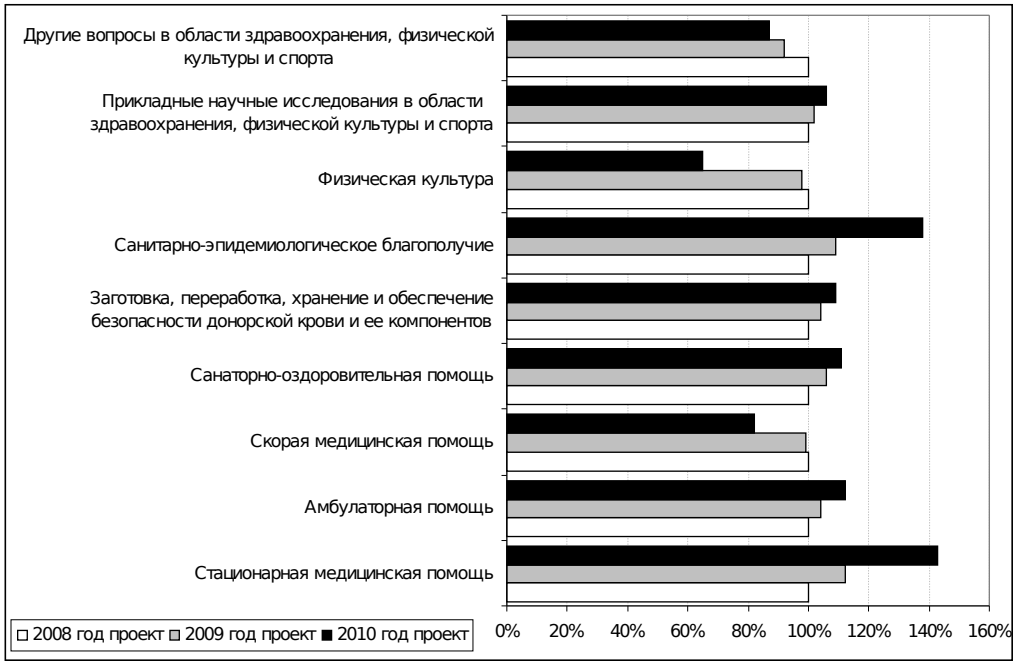
** В расчете по паритету покупательной способности национальных валют.

[1] Наука в России в цифрах: 2010. Стат. сб. – М.: ЦИСН. 2010 г., с. 217.

По подразделу скорая медицинская помощь основное снижение реальных расходов предусмотрено в 2010 году. Аналогичная картина наблюдается по подразделу физическая культура и спорт.

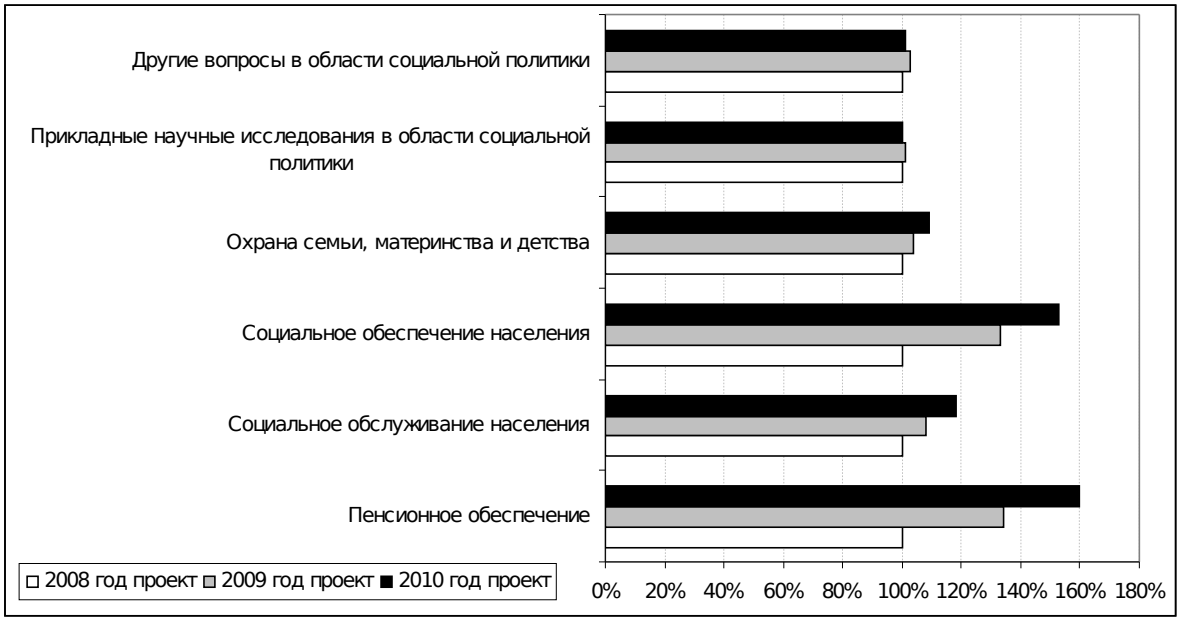
В структуре расходов по данному разделу основная их часть приходится на здравоохранение – 86,2% в 2010 году (как и в 2007 году).

Здравоохранение, физическая культура и спорт



Рост ассигнований на другие вопросы в области здравоохранения, физической культуры и спорта в 2008 году связан с увеличением бюджетных инвестиций в федеральные целевые программы, в строительство объектов общегражданского назначения, а также на международное сотрудничество. В 2009–2010 годах ожидается их снижение относительно уровня 2008 года.

Социальная политика



Основное место в структуре расходов занимают бюджетные ассигнования на пенсионное и социальное обеспечение (в процентах к общему объему ассигнований по разделу, соответственно 67,1 – 81,6% и 30 – 29,3%).

При этом учет инфляционных процессов показывает, что при росте расходов на охрану семьи, материнства и детства, пенсионное и социальное обеспечение, расходы на социальное обслуживание население прогнозируются на уровне, незначительно превышающем уровень 2010 года, при снижении расходов на прикладные научные исследования и другие вопросы в области социальной политики.

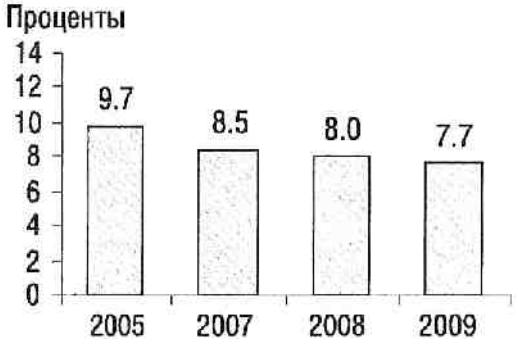
Такой бюджет позволяет говорить, во-первых, о том, что заявления президента о приоритетах развития человеческого капитала не находят реального обеспечения в бюджете страны, а, во-вторых, что сама среднесрочная идеология и стратегия правительства остается по-прежнему инерционной, ориентированная прежде всего на сохранение нынешних макроэкономических тенденций. Что прямо отражается на результатах инновационной политики. Как видно из нижеприводимых сведений, затраты и технологические инновации в целом за 2005–2009 годы выросли почти в 3 раза, а объем отгруженных товаров менее, чем на 100%. Еще хуже конкретные результаты инновационной деятельности, которые за этот же период не увеличились, а … сократились[1].

[1] Наука в России в цифрах: 2010. Стат. сб. – М.: ЦИСН. 2010 г., с. 174.

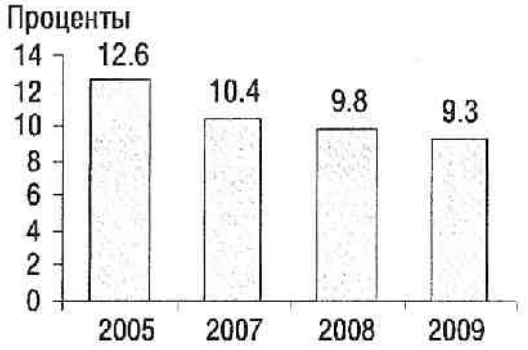
Объем отгруженных инновационных товаров и затраты на технологические инновации организаций промышленного производства и сферы услуг

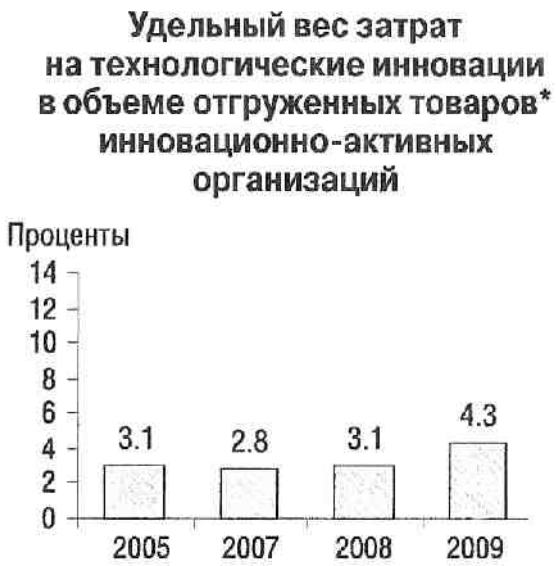
	Объем отгруженных инновационных товаров*, млн. руб.	Затраты на технологические инновации, – млн. руб.	Из них		
			на исследования и разработки	на приобретение машин и оборудования	на производственное проектирование
2005	589005,2	143222,6	20799,0	88482,3	14206,8
2007	879698,4	234057,7	38607,1	136884,4	15833,6
2008	987844,1	307186,9	43231,0	181036,8	22051,5
2009	855253,0	399122,0	99543,2	203700,6	29239,4

Удельный вес инновационно-активных организаций, осуществлявших технологические инновации, в числе обследованных (уровень инновационной активности)



Удельный вес отгруженных инновационных товаров в объеме отгруженных товаров* инновационно-активных организаций, осуществлявших технологические инновации





Вопрос о том, что же делать? – риторический. В принципе общественное мнение к весне 2008 года пришло если не к консенсусу, то к самому общему пониманию больных точек и первоочередных мер в социальной политике. Так, С.Глазьев предлагает выделить несколько ключевых проблем, волнующих общество, и предложить конкретные планы их решения.

1. Запредельное **социальное неравенство, вызывающее острое** неприятие подавляющего большинства населения. Причина этого неприятия заключается не только в массовой бедности, но и в традициях русской и советской культуры, в которых фундаментальное значение имеет принцип социальной справедливости. Для решения этой проблемы необходимо:

– привести **минимальную оплату труда в соответствие с прожиточным минимумом**;

– удвоить оплату труда работникам бюджетной сферы, исходя из принципа выравнивания ее уровня со средней зарплатой в производственной сфере;

– исправить ранее сделанные ошибки в угоду недобросовестным предпринимателям и коррумпированным чиновникам – восстановить прогрессивную шкалу подоходного налога, налоги на наследство (на имущество, приобретенное после 1991 г.) и дарение;

– ввести прогрессивный налог на прирост капитала для собственников приватизированных предприятий (уплачиваемый с

разницы между ценой приобретения активов в момент приватизации и ценой их продажи на рынке);

– ввести прогрессивный налог на земельные участки (начиная с 20 соток), используемые в частных потребительских целях;

– приступить к восстановлению дореформенных сбережений граждан (соответствующая программа разработана и может быть реализована в течение 8 лет).

2. Отсутствие **перспективы самореализации для большинства молодых людей и перспективы вообще**. В нынешней России молодой семье практически невозможно приобрести жилье. Идея ипотеки – очень скромная и малоэффективная, – окончательно провалилась в 2008–2010 годы. Но ведь с решением именно этой проблемы большинство молодых семей связывает свое будущее. Очевидно, что молодежь теряет перспективу.

Сегодня в развитых странах на одного жителя приходится порядка 70 кв. м на человека. В России также была сформулирована задача выйти на этот уровень в последнем послании президента В.Путина, т.е. на 140 млн. кв. м в год. На деле большинство регионов еле дотягивают до 0,5 кв. м в год на человека. Отсюда – крайне низкая динамика улучшения жилищных условий, которая (если ее радикально не изменить) приведет к тому, что на нормальный уровень Россия выйдет лет через 50–70[1].

Основные показатели жилищных условий населения

	1970	1980	1990	1995*	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009
Общая площадь жилых помещений, приходящаяся в среднем на одного жителя (на конец года) – всего, м^2	...	13,4	16,4	18,0	**19,2**	19,5	19,8	20,2	**20,5**	**20,9**	**21,3**	**21,5**	**22,0**	**22,4**
из нее:														
в городской местности	11,1	13,3	15,7	17,7	18,9	19,2	19,5	19,8	20,3	20,5	20,9	21,3	21,7	22,1
в сельской местности	...	13,7	18,1	18,7	19,9	20,3	20,7	21,0	21,1	21,8	22,3	22,3	22,7	23,1
Число квартир – всего, млн.	…	…	48,8	52,0	**55,1**	55,6	56,0	56,4	56,9	57,4	58,0	58,6	59,0	**59,5**
из них:														
однокомнатных	…	…	…	12,1	12,8	12,9	13,0	13,1	13,2	13,3	13,4	13,6	13,7	13,9
двухкомнатных	…	…	…	21,9	22,6	22,8	22,9	23,0	23,1	23,2	23,4	23,6	23,6	23,7
трехкомнатных	…	…	…	15,0	**16,2**	16,3	16,4	16,5	16,7	16,8	17,0	17,1	17,2	**17,3**
четырехкомнатных и более	…	…	…	2,4	**3,5**	3,6	3,7	3,8	3,9	4,1	4,2	4,3	4,5	**4,6**
Средний размер одной квартиры, м^2 общей площади жилых помещений	…	…	46,6	47,7	49,1	49,3	49,6	49,9	50,1	50,4	50,8	51,3	51,8	52,4
однокомнатной	…	…	…	31,7	32,0	32,0	32,1	32,2	32,4	32,3	32,5	32,6	32,9	33,3

[1] Российский статистический ежегодник. 2010. – М.: Росстат, 2010 г., с. 206.

двухкомнатной	…	…	…	44,7	45,4	45,5	45,7	45,8	45,9	45,7	45,9	46,2	46,5	46,9
трехкомнатной	…	…	…	59,3	60,4	60,6	60,7	61,0	61,1	61,0	61,4	61,9	62,3	62,8
четырехкомнатной и более	…	…	…	77,3	82,6	84,2	86,2	87,5	88,9	91,8	93,2	95,5	97,5	100,0
Удельный вес числа семей, состоявших на учете в качестве нуждающихся в жилых помещениях, в общем числе семей (на конец года), процентов	...	...	20	15	11	10	9	11	10	7	6	6	6	5
Капитально отремонтировано жилых домов за год, тыс. м^2 общей площади	44360	55742	29103	11666	3832	4780	4833	4625	4768	5552	5302	6707	12381	17342
Приватизировано жилых помещений (с начала приватизации, по состоянию на конец года):														
всего, тыс.	...	...	53	12479	17351	18538	19823	20676	21980	23668	25149	25838	26442	27657
в процентах от общего числа жилых помещений, подлежащих приватизации	...	...	0,2	36	47	50	54	56	59	63	66	69	70	73

* С учетом коммунальных квартир.

Решение этой проблемы потребует серьезных системных и длительных усилий в следующих направлениях:

– реальная модернизация системы образования, ключевым звеном которой должно стать повышение оплаты и престижа труда учителя;

– организация доступного беспроцентного образовательного кредита с его погашением после трех лет с момента получения диплома;

– создание системы поддержки научно-технического и предпринимательского творчества молодых специалистов;

– льготная ипотека для молодых семей с частичным погашением кредита государством после рождения детей;

– восстановление системы профессионально-технического образования, финансируемого за счет федерального бюджета;

– резкое ужесточение наказания за распространение наркотиков;

– устранение брешей в ограничении оборота алкогольных напитков, «пробитых» лоббистами пивной и слабоалкогольной промышленности (включение пива и других слабоалкогольных напитков в число алкогольных);

– восстановление сетей детских садов, спортивных, музыкальных, художественных, языковых школ и секций, домов культуры, досуговых центров для детей и молодежи; восстановление права муниципальных властей заниматься этой деятельностью (исправление ошибки в распределении полномочий между уровнями власти).

3. Повышение уровня пенсий при одновременном завершении пенсионной реформы. Для этого целесообразно средства Стабфонда направлять **не на дотирование текущих пенсионных выплат, а на формирование накопительной составляющей пенсионной системы**.

В этих же целях может быть использована программа восстановления дореформенных сбережений **с их целевым использованием в качестве пенсионных накоплений**.

4. Дальнейшее наращивание жилищного строительства в рамках как уже принятых программ, так и развертывания новых с одновременным устранением образовавшихся узких мест. В том числе:

– бесплатное выделение земельных участков для массового жилищного строительства на условиях конкурса по минимизации цены квадратного метра жилой площади;

– резервирование соответствующих городских земель в муниципальной или государственной собственности;

– введение жестких антимонопольных мер в отношении цементной промышленности, реализация специальной программы модернизации и расширения промышленности стройматериалов;

– организация централизованного льготного кредитования модернизации жилищно-коммунального хозяйства;

– субсидирование процентных ставок по ипотечным кредитам.

5. Оздоровление населения, повышение продолжительности жизни.

Наряду с продолжением уже осуществляющихся мер в рамках нацпроекта Здоровье необходимо:

– реализовать крупномасштабную программу восстановления отечественной фармакологической промышленности на основе современных достижений молекулярной биологии, создать в этих целях государственную биотехнологическую корпорацию;

– развернуть широкое использование в современных технологий диагностики, основанных на достижениях клеточной медицины;

– ввести механизм реальной ответственности страховых медицинских кампаний за оказание качественных медицинских услуг их клиентам;

– сохранить многоканальную систему финансирования здравоохранения, существенно увеличив ассигнования из федерального

бюджета на модернизацию сети государственных медицинских учреждений;

– развернуть кампанию борьбы с курением, повысить акцизы на табачные изделия до уровня развитых стран;

– кардинально повысить эффективность госконтроля за оборотом алкогольной продукции, разрешить местным и региональным органам власти вводить любые дополнительные ограничения.

Глава 5. Условие № 4: Национальная наука, духовность и культура – новые локомотивы развития в XXI веке

«…наши ценности и наша духовная жизнь значат не меньше, чем наш валовой национальный продукт»[1].

Б.Обама

«…мир слишком большой, а головы у людей слишком маленькие. И нужно упрощать мир, чтобы он поместился в наших головах»[2].

А.Нилогов

Нравственная атмосфера в обществе, степень доверия друг к другу и власти, во многом выражаются и зависят **от степени развития институтов социального потенциала** и являются **важнейшим условием эффективного национального экономического развития**. Во многом это проявляется и как доверие к рынку, который сам по себе стал бы невозможным, если бы не было **доверия к рынку**[3].

Проблема, однако, в том, что нация и общество к 2011 году потеряли практически всякое доверие не только к власти, но и друг к другу. Общество отонизировалось до узких групп, где уровень доверия определялся родственными связями и дружескими отношениями. Во многом это стало следствием разрушения традиционных институтов, которые прежде скрепляли и гарантировали систему личных взаимоотношений. Это стало следствием господства примитивной либеральной идеологии, в основу которой был сознательно и навязчиво положен материальный успех и «смена» личной позиции, конформизм, ставшие модными в 90-ые годы XX века.

Важнейшая часть НЧП и, в частности, социального потенциала – духовность нации, ее нравственные устои и принцип. Смею утверждать, что они – важнейшая экономическая категория, которые в XXI веке во многом будут определять не только темпы развития нации и экономики, но и само существование нации и государства.

Эта часть социального потенциала НЧП сегодня реализуется в России в микроскопических дозах, но, как оказывается, именно от нее,

---

[1] *Б.Обама.* Дерзость надежды. – С.-Петербург, 2008, с. 16.

[2] *А.Нилогов.* Грезы человека-куклы. – Независимая газета, 2008 г., 17 января, с.6.

[3] Как считают эксперты «некоторая степень сомнения в оправданности доверия не разрушает рынок, однако, понятно, что чем выше эта степень, тем более устойчивыми будут рыночные отношения» *А.В.Белянин, В.П.Зинченко*. Доверие в экономике и общественной жизни. – М.: Фонд «Либеральная миссия», 2010, с. 7.

как и от всего социального потенциала, во многом зависит превращение НЧП в НЧК. Вообще говоря, институты социального потенциала, представляющие российскую науку, духовность и культуру, пострадали за последние 25 лет, наверное, больше, чем все остальные институты социального потенциала нации. И дело даже не в политической поддержке, в которой им отказала элита, и не в финансирование, которое «вдруг» сократилось в сотни раз, а в самой нравственной атмосфере, которую либералы создали вокруг национальной культуры, духовности, науки и образования. И, что очень важно, – продолжают создавать сегодня. Как справедливо подметил Д.Быков относительно положение институтов социального потенциала в современной России, «У нас вообще нынче делается все, чтобы истребить самые предпосылки для создания среды: истребляют лучшие школы (закрывают Донской лицей, сделали платным центр детского творчества в бывшем Дворце пионеров), душат образование непрерывными реформами, разоряют фундаментальную науку, растлевают бестолковыми подачками и все той же нищетой репертуарные театры, где скандал следует за скандалом …

Когда стране, по-платоновски говоря, «некуда жить», нормальной элиты в ней быть не может – только финансовая. А попытки сделать Сахарова из Прохорова обречены – при всем уважении к миллиардеру, согласившемуся на столь безнадежное дело, как поправка имиджа системной оппозиции в условиях господства серых, а может, уже и черных»[1].

Взаимосвязь правовенности и экономики, на первый взгляд, не всегда очевидна, но эта взаимосвязь проявляется порой в самых неожиданных формах. Так, например, фондовый российский рынок, сложившийся за последние годы, четко поделен на две площадки: инвесторы – за рубежом, а спекулянты – в России[2].

Важно заметить, что определенная часть правящей элиты уже понимает, что не только потребление определяет уровень развития нации, как заметил А.Архангельский, «… другая часть элит начинает сознавать, что именно в сфере культуры, в сфере человеческого сознания, в сфере идеальных установок заключен секрет успеха или неуспеха русской

[1] *Д.Быков*. Черные без Сахарова. – Известия, 20 мая 2011 г., с. 6.
[2] *О.Вьюгин*. Цена промедления. – Ведомости, 28 апреля 2011 г., с. 4.

цивилизации в XXI веке. Все чаще приходится слышать разговоры о том, что не одними интересами управляется мир, что надо присмотреться к культуре, к ее практикам. Может быть, именно здесь мы найдем ответ на вопрос – почему не идет модернизация? И мне кажется, что это единственно возможный вариант»[1].

Как очень точно заметил Ф.Искандер, «Я и сейчас думаю, что совесть – самое главное. Мы вслед за Марксом заблудились, считая, что **экономика это базис, а все остальное** – надстройка. Тысячелетний опыт человечества, все религии мира утверждают, что **как раз наоборот: именно совесть – базис, а экономика – одна из важнейших надстроек**. Вот та же рыночная экономика, она может хорошо работать при более или менее здоровом состоянии базиса. А экономика без базиса совести – это зверинец с открытыми клетками, что мы и видим сегодня у нас.

Нас ждут трагические неудачи, пока мы не осознаем, что фундаментом человеческой жизни и целого государства является совесть. Разбуженная совесть – **самый грандиозный источник человеческой энергии** (подч. *А.П.*)[2].

Огромные духовные и культурные ресурсы нации оказались не только не задействованы, но и подвержены фактически геноциду, что, естественно, отразилось на всем социальном потенциале нации. Здесь наши либералы кинулись за западными учителями в разработке секулярного подхода к решению всех, в том числе и не материальных проблем. Как справедливо заметил Ан.Торкунов, «Переоценка универсализма секулярного подхода к жизни уже весьма дорого обошлась человечеству»[3].

Удивительно, но разработчики Стратегии 2020 «не заметили» этих ресурсов, как впрочем до этого не замечали этого потенциала их предшественники-либералы. Парадокс: стратегия национального развития, разработанная в Правительстве, не использует богатейшее духовное и культурное наследие и возможности нации и историческое

---

[1] *А.Архангельский*. Мир управляется не одними интересами. – Российская газета, 31 марта 2011 г., с. 5.

[2] *Л.Графова*. Душно жить без совести. – Российская газета, 4 марта 2011 г., с. 13.

[3] *Ан.Торкунов*. Религии мира в современных международных отношениях. В кн.: А.В.Торкунов. По дороге в будущее; ред.-сост. А.В.Мальгин, А.Л.Чечевишников. М.: Аспект-Пресс, 2010 г., с. 41.

наследие самого древнего в Европе государства, насчитывающего историю в 1100 лет. Если же это происходит, то обращаются к тем ценностям, тем национальным духовным ресурсам, которые имеют «общеевропейское» значение. Как это сделал Д.Медведев отмечая 150-и-летие отмены крепостного права[1].

Господство либеральной идеологии в последние десятилетия привело в конечном итоге к системному кризису в мире. И не только финансово-экономическому, но и идеологическому, ценностному. Это привело в том числе и к абсолютизации социальной функции денег. Как справедливо замечает эксперт МГИМО(У) Н.Н.Зарубина, «современные ученые, журналисты и повседневное массовое сознание нередко стремятся приписать именно деньгам роль своего рода «сути» свободного рынка, «экономического базиса», «невидимой руки», способной отрегулировать все социальные и культурные процессы и гармонизировать интересы разных общественных сил»[2].

И не только общественные, но и политические, личные отношения в России стали все чаще регулироваться направлением «финансовых потоков», «финансированием программ» и псевдопроектов. Удивительным образом общественно-политическая жизнь страна вдруг **стала следствием денег**, продолжением финансовой политики. Что особенно и не скрывается правящей элитой.

В конечном счете не пострадали только США. Либертариантские идеи непосредственно нашли свое выражение в таких негативных последствиях для других стран, как:

– ослабление роли государства и его институтов регулирования общественной и экономической жизни;

– изменения системы ценностей в сторону безостановочного роста потребления, абсолютизации этой тенденции;

– идеологизации и абсолютизации роли рынка как наиболее совершенного механизма регулирования в ущерб социальным институтам;

---

[1] *Ю.Садовская, Я.Гордеев*. Модернизация без гаек. – Независимая газета, 4 марта 2011 г., с. 1.

[2] *Н.Н.Зарубина*. Деньги как социокультурный феномен. – М.: «Анкил», 2011, с.7.

– и, что очень важно, – явной недооценке роли неэкономических факторов развития: фундаментальной науки, культуры, духовности[1], искусства, национальных традиций и национальной системы ценности.

В политической жизни развитых стран это нашло свое отражение в смене политической парадигмы, которая выразилась в победе Б.Обамы в США, провозгласившего приоритет американских идеалов и ценностей, активную социальную политику и усиление роли государства. Его тезис о том, что «… роль государства в предоставлении всем равных возможностей исключительно важна»[2] стал ключевым в избирательной кампании. Не случайно еще в ходе избирательной кампании Б.Обама заявил о необходимости увеличения расходов на науку в 2 раза.

Крайне негативно либеральная идеология отразилась и на развитии российской нации. Как пишут известные российские ученые (вынужден привести цитату целиком, уж больно хороша (*А.П.*)), «На протяжений тысячелетней истории формирования и развития русской цивилизации и российской государственности в основу идеологии и духовности были положены православие (IX–XV века), соборность, самодержавие (XVI–XIX века), коммунизм, равенство и братство народов (XX век). Эти основные идеологические многовековые установки вошли в обобщённое понятие «святой Руси».

К началу XXI века после распада вековой, многонациональной, мировой супердержавы, каковой были Российская империя и СССР, **современная Россия официально отказалась от стратегической, ведущей и развивающейся идеологии**. Пришедшие ей на смену лозунги, понятия, доктрины типа «перестройка», «социализм с человеческим лицом», «демократизация», «суверенность», «рыночная экономика», «модернизация», «многоконфессиональная религиозность», «права человека» **не смогли стать основами российской идентификации и идеологии**; это в значительной и определяющей степени **лишило народы страны духовной опоры в жизни и привело к**

---

[1] Духовность можно расценивать и как ресурс. Так В.Ж.Калле считает, что «Духовное производство можно определить как производство сознания в особой общественной форме, осуществляемое специально выделенными и внутри себя организованными группами людей – идеологическими слоями общества» (Духовное производство. М., 1981, с. 142).

[2] *Б.Обама*. Дерзость надежды. – С.-Петербург, 2008 г., с. 15

непредвиденному росту рисков $R_c\ (t)$, к вымиранию населения страны и особенно русского народа, характеризуемого превышением индивидуальных рисков смертности $R^u_c(t)$ над возможностью роста рождаемости $R_{cp}(t)$ – см. табл. 1, 2, 5, 6, 7 – к падению реального производства средств жизнеобеспечения народов России в гражданской и оборонных сферах – см. табл. 3, 4, 5, 6, 7.

Проблемы обретения идеологии и духовности являются самостоятельными, выходящими за рамки настоящего прогноза. Но их значимость чрезвычайно важна для будущего России, для формирования первоочередных и первостепенных действий по прогнозированию и реализации прогнозного развития. Базой идеологии и духовности в предстоящие десятилетия могут стать **«сбережение человеческих жизней, справедливость, созидательный труд, социальное равенство»**. Важнейший приоритет сохранения человеческих жизней на всех её этапах от рождения до естественной кончины **должен сочетаться со стратегическим приоритетом повышения духовного и интеллектуального потенциала человека при научно-обоснованом и осознанном ограничении материальных потребностей – на достаточном для достойного жизнеобеспечения уровня**. Такой подход к идеологическим и духовным основам жизнедеятельности человека, общества и государства составлял суть русской – советской – российской цивилизации без изъятия и фальсификации её героических и трагических периодов»[1].

До сих пор существует ошибочное мнение (и не только в России), что в первой четверти XXI века «общественная роль ученых, в том числе авторов великих открытий, заметно снизится по сравнению с их ролью в XX в. **На первое место выходят не первооткрыватели, а создатели новых технологий, востребованные людьми Эдисоны и Эйнштейны уступают место Биллам Гейтсам»**[2].

---

[1] *член-корр. РАН Н.А.Махутов, член-корр. РАН Б.Н.Кузык, проф. Н.В.Абросимов*. Прогнозные показатели социально-экономического и научно-технологического развития России до 2030 года с использованием критериев стратегических рисков. Координационный совет РАН по прогнозированию, М., РАН, 2010 г., сс. 20–23.

[2] *В.Макаров*. Об экономическом развитии и не только в контексте будущих достижений науки и техники / Вопросы экономики, 2008 г., № 3, с. 39.

К сожалению, это в полной мере относится к российской реальности. Так, в мае Совет РФФИ внес весьма символичную поправку, суть которой « сводилась к тому, что **фонд вместо поддержки фундаментальных исследований переключается на «исследования, способствующие реализации утверждаемых правительством Российской Федерации приоритетных направлений развития науки и технологий, а также критических технологий стратегической модернизации экономики Российской Федерации»**. На момент написания этой статьи результаты заседания Совета фонда еще не были известны, хотя утверждают, что все здесь заранее согласовано. Но утверждают также, что это означает убийство РФФИ, последнего оплота независимой научной экспертизы в России. Возмущенные ученые идут дальше и заявляют, что это вообще убийство российской фундаментальной науки»[1].

Убежден, что кризис 2008–2010 годов, возникший как ипотечный, финансовый и кредитный, на самом деле стал **следствием** технократического подхода правящих элит, который выражался в том числе:

– в отказе от гуманистических ценностей в пользу идей либертариантства и макроэкономических критериев развития;

– отказе от регулирующей роли государства, в т.ч. и в финансовом секторе, когда авантюризм и эгоизм финансовых властей диктовал свою волю всему миру;

– отходе политических элит от выполнения или своих прямых социальных функций управления обществом и экономикой.

В полной мере сказанное относится к России, где эти негативные тенденции в последние годы заметно усилились. Как справедливо заметил профессор С.П.Капица, выступая в правительстве, «… мы воспитываем страну идиотов. Такой страной проще управлять, но у нее нет будущего»[2]. Чтобы у нации появилось будущее, ей необходимо вернуть веру, духовность и идеологию.

У проблемы культуры, кроме общей, есть и два других важных аспекта – экономический и социальный.

---

[1] *В.Покровский*. Как спасти академию. – Независимая газета, 18 мая 2011 г., с. 2.

[2] *С.Капица*. Неизвестные Нобели. – Российская газета, 24 марта 2011 г., с. 6.

С точки зрения экономической, культура становится все более важным сектором экономики, достигающим в совокупности уровня 14% ВВП, что превышает удельный вес промышленности в некоторых странах[3].

С точки зрения социальной, отрасли культуры становятся поставщиками целой социальной группы лиц, принадлежащих к творческим слоям. И не только художников, режиссеров, писателей и дизайнеров, но и тех, кто работает сегодня «на стыке» культуры и информатики, культуры и спорта (не случайно мы говорим о физической культуре). Этот социальный сегмент общества стремительно растет как численно, так и по своему влиянию.

[3] *С.Дубинин*. Культура модернизации и модернизация культуры.

5.1. Необходимость формирования институтов развития интеллектуального, культурного и духовного потенциалов в России как условие для «Большого скачка»

«Основой развития страны являются выработанные веками нравственные ценности и идеалы: патриотизм, крепкая семья, трудолюбие и честность, любовь к ближнему, справедливость и взаимопонимание»[1].

Заявление лидеров религий и конфесий России

«В России будет такая наука, какой будет сама Россия»[2].

В.Ж.Калле

«Давайте отложим в сторону моральную, гуманитарную сторону того, во что мы верим, и поговорим о реальной политике»[3].

Х.Клинтон

Без новой системы национальных ценностей любая стратегия развития, а тем более «Большой скачок» бессмысленны. Даже опасны, ведь скачок может быть и в пропасть. Споры о новой системе и иерархии ценностей вновь обострились в 2010–2011 годах в связи с декларированным элитой курсом на модернизацию и инновации. Такой ценностью, например, Д.Медведев объявил на праздновании 150-и-летия отмены крепостного права – свободу, встроив собственный либерализм в отечественную реформаторскую традицию[4].

Таким образом элита сформировала систему ценностей для модернизации, основанную на европейской традиции и свободе. Систему, которая имеет мало общего с действительной системой ценностей, необходимой для политики модернизации. Как сказал один из высокопоставленных чиновников, «… у нас нет совести и чести. Россия на какое-то время потеряла душу»[5].

Самое важное другое, а именно то, что Россия способна двигаться по инновационному пути благодаря тому, что у нее имеется развитый интеллектуальный потенциал. Россия по многим показателям опустилась

---

[1] Религиозные лидеры России призвали граждан сохранить и приумножить духовный потенциал страны. 13 марта, 2009 г. /www.cnlnews.tv/2009/03/13/potential

[2] *В.Ж.Калле*. Духовность и интеллектуальный потенциал. Библиотека креативной экономики. 16.02.2010 / http://creatirecanomy.ru/library/.

[3] *Н.Сурков*. США проигрывают информвойну. – Независимая газета, 4 марта 2011 г., с. 6.

[4] *Ю.Садовская, Я.Гордеев*. Модернизация без гаек. – Независимая газета, 4 марта 2011 г., с. 1.

[5] А.Самарина. Либеральный конспект – 2012. – Независимая газета, 16 марта 2011 г., с. 7.

до уровня стран третьего мира. **Но от них она отличается уровнем своего интеллектуального и культурного потенциала**. Для развития инновационной деятельности, создания в стране современного технологического базиса, обеспечения устойчивого экономического роста кроме науки и ученых нужны конструкторы, инженеры, техники, экономисты, педагоги, менеджеры, квалифицированные рабочие и другие специалисты. В стране должен быть **определенный уровень культуры и образования всего населения, делающий его способным существовать в обществе, насыщенном современной техникой**. А все это – составляющие интеллектуального потенциала общества[1].

Так, по оценке одного из авторов Стратегии 2020 замминистра О.Фомичева, «В Европе в некоторых странах до 80% предприятий инновационно активны, нормальная цифра – 40–60%. И речь не о том, что все сплошь и рядом перешли на «космические» технологии. Постоянно развиваются – и всё. Подстраиваются под уровень конкурентов и рынка. И цифра даже в 60% – вполне нормальная. Те 40–50%, заложенные в нашей концепции, не сверхоптимистичны. Если все наши компании начнут хоть чуть-чуть продвигаться в этом направлении, мы добьемся этих процентов очень быстро»[2].

Идеологическое господство либерализма неизбежно вело к примитивизации экономики, финансов и общественной жизни. Но, что особенно важно, – к игнорированию необходимости развития фундаментальной науки и культуры. Либеральная идея фактической замены научных знаний развитием технологии равноценна подмене культуры постмодернизмом.

Реформы, которые хотят реализовать, например, в образовательных учреждениях культуры России, ведут к их уничтожению. А ведь эти школы, как, например, хореографическая или драматическая, существуют в России почти 300 лет и позволяют считать русский классический балет лучшим в мире.

---

[1] **Интеллектуальный потенциал** – интегративное понятие, объединяющее науку, образование, технологию, все виды интеллектуальной деятельности и ее субъектов. Интеллектуальный потенциал России – ее национальное достояние, открывающее перед ней возможности инновационной динамики и поддержания должного уровня цивилизационного развития.

[2] Ю.*Шестопёрова.* Хомо инновациус. – Известия, 24 марта 2011 г., с. 7.

В полной мере это можно отнести и к классическому драматическому театру, хоровому пению, а также живописи и другим видам искусства, которые основываются на национальной традиции. Вот почему остается справедливым замечание русского философа Г.П.Федотова о том, что задачей интеллигенции является «будить в себе, растить и осмыслять, «возгревать» национальное сознание»[1].

К сожалению именно такая идея приобрела характер политики в современной России, где в 90-ые годы и в начале нынешнего столетия фундаментальная и отраслевая наука оказались на грани краха. По признанию вице-президента РАН Г.Месяца, в 2004 году чиновники написали концепцию, где провозглашался тезис: наука в стране неэффективна и вообще избыточна – достаточно оставить 100–200 институтов. Причем большая часть документа была посвящена порядку приватизации земли, зданий и имущества, используемых наукой… Чтобы вы понимали масштаб, приведу одну цифру: в советское время академии доставалось 5% бюджетного финансирования науки, столько же шло в вузы, а все остальное получала отраслевая наука. После приватизации отраслевые институты, как правило, либо простаивают, либо вовсе исчезли. Теперь в их зданиях зачастую расположены банки, казино, бары.

Если признать, что вице-президент РАН Г.Месяц прав, то неизбежен вывод не просто о кризисе в российской науке, а о ее фактической ликвидации, ведь сокращение финансирования на порядки (т.е. в десяток, если не в десятки раз!), исчезновение отраслевой науки, целых научных школ и поколений ученых свидетельствует о том, что российская наука по инерции еще существует в отдельных очагах, но как система знаний и школ не развивается. Не развивается – значит отстает.

Но отсталая наука вообще никому не нужна. Если отсталая модель машины, например, «Жигули», еще может найти своего покупателя, то старые знания нужны еще менее старых газет.

Основные показатели развития науки в Российской Федерации

	2000	2003	2005	2007	2008	2009

[1] *Г.П.Федотов*. Будет ли существовать Россия? – Мир и политика, № 1 (52), 2011 г., с. 59.

Организации, выполняющие научные исследования и разработки	4099	3797	3566	3957	3666	3536
в том числе государственной формы собственности	2938	2760	2632	2821	2716	2655
Персонал, занятый исследованиями и разработками, *человек*	887729	858470	813207	801135	761252	742433
из него исследователи	425954	409775	391121	392849	375804	369237
Персонал, занятый исследованиями и разработками, в расчете на 10 000 занятых в экономике, *человек*	138	130	122	118	111	110
Из общего числа – исследователи с учеными степенями:						
доктора наук	21949	22936	23410	25213	25140	25295
кандидата наук	83962	78870	76018	78512	75909	75980
Ассигнования на науку из средств федерального бюджета*, *млрд. руб.*	34,2	94,6	169,2	260,2	167,8	229,8
В процентах к расходам федерального бюджета	3,32	4,02	4,78	3,98	2,39	2,33
В процентах к валовому внутреннему продукту	0,47	0,71	0,81	0,83	0,40	0,57
Ассигнования на гражданскую науку из средств федерального бюджета**, *млрд. руб.*	21,1	46,9	57,8	109,5	124,4	161,8
Внутренние затраты на научные исследования и разработки (НИР), *млн. руб.*	76697,1	169862,4	230785,2	371080,3	431073,2	485834,3
В процентах к ВВП	1,05	1,29	1,07	1,12	1,04	1,24
Из внутренних затрат на НИР – текущие затраты, *млн. руб.*:						
на фундаментальные исследования	9875,7	24297,7	31022,8	63590,4	77121,3	96809,1
на прикладные исследования	12117,5	25075,4	36360,3	54492,6	79885,8	92557,1
на разработки	51880,2	111829,6	153736,4	234834,7	253857,9	271640,0
Из внутренних затрат на НИР – затраты по приоритетным направлениям развития науки, технологий и техники, *млн. руб.*				164259,4	205927,3	247038,9
В процентах к объему внутренних затрат	–	–	–	44,3	47,8	50,8
Среднемесячная заработная плата персонала, занятого исследованиями и разработками, *руб.*	2322,9	5712,8	8672,0	14683,4	19263,3	22104,3
В процентах к среднемесячной заработной плате по Российской Федерации	104,5	103,9	101,4	108,0	111,4	118,6
Основные средства исследований и разработок, *млн. руб.*	237564,4	348418,0	399515,9	581965,9	612318,3	705048,1
из них машины и оборудование	66938,3	105739,9	142154,7	196844,6	226391,7	288345,5
Фондовооруженность исследователей, *тыс. руб.*	557,7	850,3	1021,5	1481,4	1629,4	1909,5
Техновооруженность исследователей, *тыс. руб.*	157,1	258,0	363,5	501,1	602,4	780,9
Подано заявок на выдачу патентов Российской Федерации	28688	30651	32254	39439	41849	38564
Выдано патентов Российской Федерации	17592	24726	23390	23028	28808	34824
Создано передовых производственных технологий	688	821	637	780	854	897

Использование передовых производственных технологий	70069	107015	140983	180324	184568	201850
Уровень инновационной активности (удельный вес инновационно-актиивных организаций, осуществлявших технологические инновации, в числе обследованных), проценты	8,8	9,5	9,7	8,5	8,0	7,7
Объем отгруженных инновационных товаров организаций промышленного производства и сферы услуг, осуществлявших технологические инновации, *млн. руб.*	154626,0	336458,8	589005,2	879698,4	987844,1	855253,0
Затраты на технологические инновации организаций промышленного производства и сферы услуг, *млн. руб.*	62115,2	121606,1	143222,6	234057,7	307186,9	399122,0

[*] Данные за 2008 и 2009 гг. приведены по совокупности расходов несекретной части федерального бюджета, опубликованной в открытой печати.

[**] Оценка ЦИСН.

Есть и еще одна особенность: если устаревшее производство еще может как-то существовать и надеяться на модернизацию, то устаревшие научные знания нет. Более того, они вредны!

Если же согласиться с моими выводами, то неизбежно возникает вопрос о том, что развал науки, особенно в период, когда она становится главным фактором развития, это либо глупость правящей элиты, либо устранение конкурента.

Последнее предположение наиболее вероятно. Напомню, что в 70-ые и 80-ые годы любые доктрины и концепции США начинались с анализа и сопоставления научных потенциалов СССР и США. Как правило, 21–23 ведущих научных направлений. В то время (в зависимости от конкретного года и подхода) американские специалисты полагали, что СССР опережал США в 5–7 направлениях, а США – в 10–15. Еще в 2–3 направлениях они находились на равных позициях. При этом правящая элита США, понимая приоритетную значимость опережения в развитии фундаментальных знаниях, выстраивала всю свою политику с целью добиться бесспорного научно-технического превосходства.

Так, именно этот мотив являлся решающим при определении параметров процесса ограничения и сокращения вооружений. США за все три десятилетия ни разу не приняли такого решения, которое бы ограничило их военные НИОКР. Пример с программой Стратегической оборонной инициативой (СОИ), выдвинутой Р.Рейганом в 1982 году именно как комплекс научно-технических программ, – показателен.

Кстати, рассчитанная на 20 лет программа была выполнена именно за 20 лет плюс несколько месяцев.

С начала 90-х годов США отказались от приоритетности методики сопоставления научных потенциалов. Потому, что сопоставлять стало нечего. Финансирование и развитие науки в СССР и России практически прекратилось. Остались отдельные, внесистемные очаги энтузиастов.

В качестве наглядного доказательства того, что это не случайный результата «реформ», а государственная политика, Г.Месяц привел пример с налогообложением РАН: «Академию душат всевозможными налогами – на землю, имущество. В Пущине, в Радиообсерватории, установлены приемники, которые ловят электромагнитное излучение из космоса. Так вот: в прошлом году налог на землю подняли до 18 рублей за квадратный метр, а участок там 120 гектаров. На все научные изыскания Радиообсерватория тратит меньше, чем этот совокупный налог. Абсурдность ситуации в том, что собранные деньги поступают в бюджет, а мы сами финансируемся из бюджета. Нигде в мире государственные научные учреждения не облагаются налогами. Или взять налог на имущество. Мы купили на бюджетные средства хороший прибор за миллион долларов, но 2,4% стоимости прибора должны ежегодно отдавать налоговикам. А где взять такие деньги? Опять же из бюджета, но там нет такой строки для оплаты. К слову, по этому закону от налога освобождены церкви и тюрьмы. Мы просили: пожалуйста, приравняйте Академию наук к тюрьме! Не уговорили»[1].

Таким образом для России на рубеже XXI века сложилась уникальная ситуация по отношению к науке, научному мышлению и научному сообществу. Ложные неолиберальные идеи наложились на неудачные реформы в России. Подобное «совмещение» привело к тому, что Россия фактически потеряла 20 лет в научно-техническом развитии, нанесло сильнейший удар по научным школам, а в целом ослабило конкретные преимущества России. Что особенно проявилось в период кризиса 2008 года. Применительно к России этот кризис стал особенно острым из-за того, что возможные кризисные явления до 2008 года предполагалось решать финансовыми средствами, тогда как причина была гораздо глубже, а именно:

[1] Академик Геннадий Месяц о ситуации в науке. – Труд, 11 августа, 2006 г.

– в системном недофинансировании реального сектора экономики, неспособности всей банковской системы обеспечить кредитование промышленности, сельского хозяйства, а тем более науки и культуры;

– невозможности создать предпосылки для развития экономики знаний и инноваций.

Именно поэтому удары кризиса в России воспринимались особенно болезненно: зависимость от сырьевого характера экономики стала очевидной уже в сентябре 2008 года, хотя об этом много говорилось и до этого. Естественно, что уже первые последствия кризиса показали, насколько они могут быть тяжелы для экономического развития[1].

Замедление, в % к предыдущему периоду

	2007	**2008***	**новый вариант 2009**	**старый вариант 2009**
Мир	5	3,7	2,2	3
Развитые экономики	2,6	1,4	–0,3	0,5
США	2	1,4	–0,7	0,1
Зона евро	2,6	1,2	–0,5	0,2
Развивающиеся экономики	8	6,6	5,1	6,1
Китай	11,9	9,7	8,5	9,3
Россия	8,1	6,8	3,5	5,5
СНГ без России	9,8	6,9	1,6	6,2
Нефть**	77,1	99,8	68	109
Мировая торговля	7,2	4,6	2,1	4,1

*Новый вариант; ** среднее сортов Brent, Dubai, West Texas Intermedate

Источник: МВФ

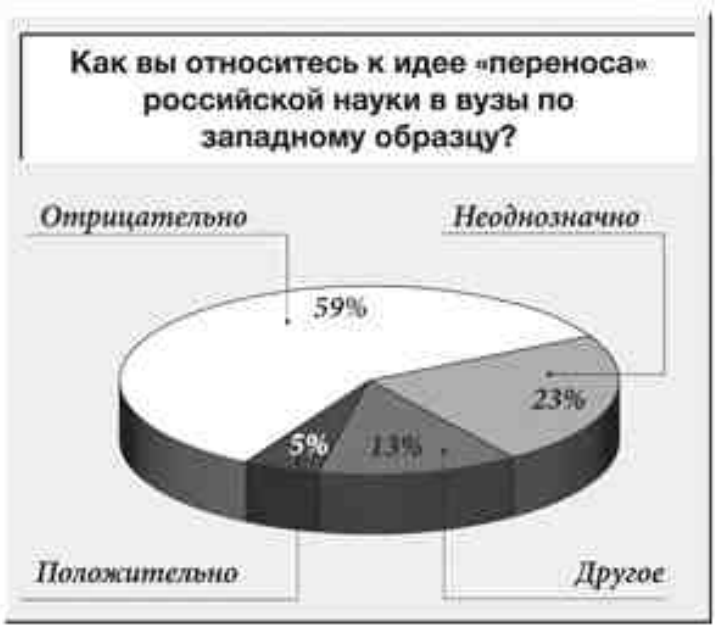
Таким образом, отношение к науке в России правящей элиты **прямо противоположно** генеральной тенденции развития человечества. Также как и к образованию. Наука и образование стали ведущими факторами развития с последней четверти XX века. И не в СССР и не в России.

Попытки реформирования науки и образования в России удачными назвать трудно. На мой взгляд, было бы эффективно сохранять и развивать прежние институты социального потенциала, создавая, при необходимости, новые, а не ликвидировать прежние институты. Так,

[1] *Б.Грозовский.* Тормозной путь. – Ведомости, 7 ноября 2008 г., с. 1.

ликвидация отраслевой науки привела к серьезной деградации научно-практических школ и промышленной культуры.

Не оправданы нередко и попытки «вестернизации» институтов социального потенциала. Так, идея переноса академической науки в университеты, может быть, и не плоха. Но при условии, что сама академическая наука не будет уничтожаться. Да и игнорирование мнения научной общественности не может быть правильным. Так, опрос, проведенный среди ведущих науковедов, показал, что идею эту не поддерживает абсолютное большинство[1].



Более того, в ближайшие годы следует ожидать стремительное усиление значения этого фактора. В середине XX века русский гениальный ученый В.Вернадский в нескольких своих работах обосновал тезис о научном мышлении как планетарном явлении. К сожалению, он не был услышан в СССР и уж прямо противоположное было сделано в современной России: была попытка «технологизации» науки под предлогом ее низкой экономической эффективности. Подобная «технологическая абсолютизация», на мой взгляд, не просто неверна, но по отношению к нации, ее будущему – преступна. Она является отчасти следствием той огромной роли, которую играли (и играют) наукоемкие

[1] *А.Юревич, Т.Саченко*. Возвращение кукурузного мышления. – Независимая газета. НГ-наука, 14 апреля 20100 г., с. 10.

технологии в экономическом развитии человечества последнюю половину века.

Но сегодня становится понятно и другое: без фундаментальных достижений – и не только в науке, но и культуре и духовности – человечество постепенно превратится в сверхтехнологическое общество, которое развивается самопроизвольно, иногда очень быстро, но … всегда ли в нужном направлении? Ответы на многие вопросы и вызовы XXI века «технологическая революция» не дает, и дать не может. Исторически ее ведущая роль в мировом развитии будет замещаться фундаментальной наукой, культурой и искусством. И это, кстати, хорошо понимает американский президент Б.Обама, заявивший об удвоении финансирования американской науки.

Простой пример. Технологические решения в целом ряде случаев не являются панацеей и гарантией для решения принципиальных проблем. Принципиальные (фундаментальные) проблемы могут быть решены также **только на фундаментальном уровне**. Так, очевидно, что в среднесрочной перспективе России предстоит быстрый рост тарифов, который будет не только стимулировать, но и опережать темпы инфляции. В конечном итоге технологические решения не смогут успевать за этим ростом и угроза промышленному производству, всей экономике страны становится совершенно реальной. Что видно, например, из прогноза МЭРа[1].

Рост среднегодовых цен (тарифов) на продукцию (услуги) естественных монополии и услуги ЖКХ в инновационном сценарии развития

(2008 г. = 1, цены по среднегодовому курсу)

	2008	**2012**	**2015**	**2020**	**2025**
Инфляция (ИПЦ), раз	1,137	1,36	1,6	1,9	2,1
Электроэнергия					
рост среднего тарифа (для всех категорий потребителей), раз	1,167	2,0	2,5	3,2	3,7
тариф на электроэнергию для всех категорий потребителей (цент за кВт.ч)	6,4	9,7	11,3	14,8	17,7

[1] Основные параметры прогноза … с. 117.

рост регулируемых тарифов для населения, раз	1,14	2,4	3,8	5,2	6,0
тариф на электроэнергию для населения (цент за кВт. ч)	5,1	9,9	15	21,6	25,7
Тепловая энергия, рост регулируемых цен, раз	1,22	2,0	2,3	3,8	4,5
Газ природный					
рост средних оптовых цен для всех категорий потребителей, раз	1,286	2,8	5,5	6,6	7,2
цена для всех категорий потребителей (долларов за тыс. куб.м)	76,4	157	262	337	390
рост цен для населения, в разах	1,25	3,0	5,8	7	7,6
цена для населения (долларов за тыс. куб.м)	54,2	125	262	337	340
Железнодорожные перевозки грузов, раз*	1,211	1,8	2,5	3,7	4,9
Пассажирские перевозки железнодорожным транспортом в регулируемом секторе, раз	1,14	1,6	2,1	3	3,8
Индекс тарифов на услуги ЖКХ для населения в среднем по России, раз	1,17	2,1	3	4,1	5,3

* по верхней границе диапазона, отражающей добавочную инвестиционную составляющую

Очевидно уже сегодня, что без решения фундаментальных научных задач (перехода на альтернативные источники энергии, экологические технологии, сокращения энергоемкости в десятки раз, а материалоемкости – в разы и т.д.), которые возможны только на национальной основе фундаментальной науки и развития собственных технологий, эти проблемы так и останутся нерешенными. И тут не помогут ни макроэкономика, ни всесильный рынок, ни даже госрегулирование. Этот принципиальный вопрос может быть также решен только на таком же **принципиальном (фундаментальном)** – политическом, научном, идеологическом уровне! Нужна прежде всего, политическая идеология опережающего научно-технического развития на основных направлениях НТП. Сегодня мощь и влияние государства, его авторитет в мире определяются в решающей степени отношением мирового сообщества к научному потенциалу страны. Ни объем ВВП, ни

золотовалютные резервы, ни стратегические по своему значению с уровнем развития национальной науки. Хотя бы потому, что и военный потенциал (вооружения, военная техника, вооруженные силы), и экономический потенциал, и качество общества являются **производными** от научно-образовательного потенциала.

Соответственно инновации, и наукоемкие технологии, и ресурсо-энергосберегающие технологии являются **следствием** развития научно-образовательного потенциала. Если его нет, то остается только покупать эти технологии за рубежом. Но, во-первых, приобретая чужое, ты всегда будешь отставать, а, во-вторых, обмен всегда будет не эквивалентным, т.е. покупатель наукоемкой продукции всегда переплачивает на мировых рынках. Повторю, – всегда не за самый свежий продукт.

Фундаментальная наука является основой развития технологий, изменения структуры экономики и общества, а также фундаментом качественного образования. Современное образование без адекватного научного обеспечения невозможно: знания стремительно устаревают и, преподаватель должен быть исследователем, т.е. анализировать и изучать **качественно новые процессы** (Сегодня, кстати, в России менее 25% преподавателей занимаются научной деятельностью).

Понятно, что для нынешней России, опоздавшей к «технологической революции», потребуется срочно решать те задачи, которые передовые страны решили в последние два десятилетия. Прежде всего, в области инноваций. И не только в среднесрочной перспективе. Настоящий «рывок» возможен, если мы посмотрим **за пределы** этого периода.

Другими словами для того, чтобы ликвидировать отставание в 20 лет уже сегодня необходимо работать на опережение в 30–50 лет. Подобное опережение возможно только при разработке новых фундаментальных направлений отечественной науки, либо качественных прорывах в области культуры и духовной жизни.

Соответственно без национальных фундаментальных открытий невозможно опережающее развитие экономики, общества и государства. Без этого Россия будет в состоянии реализовывать лишь модели «догоняющего» развития, т.е. навсегда обречена оставаться на задворках прогресса. В новой экономике знаний лишь та нация имеет право

называться передовой, которая обладает собственными приоритетами в развитии.

Развитие науки и культуры, духовности и искусства в XXI веке станет фактором, определяющим темпы развития государств и наций. В том числе их экономическую и военную мощь, уровень общественного развития и качество государственного управления. В конечном счете, от этих факторов будет зависеть то место, которое займет то или иное государство в мире, уровень жизни его граждан, степень безопасности и полнота суверенитета.

Другая сторона проблемы заключается в ответе на вопрос: а возможно ли сохранять суверенитет и национальную идентичность, если придерживаться модели «догоняющего» развития, отказаться от мирового лидерства в научной, культурной и духовной областях? Уверен, что нет. Если не иметь передовых позиций в этих областях, то нация неизбежно со временем превратиться в нацию без собственных ценностей и культурно-духовного фундамента, т.е. потеряет свою идентичность и суверенитет.

Также важно сохранение национальных культурных и духовных ценностей. И огромная роль в этом принадлежит РПЦ и, в целом, православию. Может быть, именно поэтому в период либеральной дискуссии столь участились атаки на РПЦ? В этом смысле важное значение имеет мысль русского философа Г.ПФедотова, обращенная к православным? «Нельзя, разумеется, подчинить путь веры путям национальной жизни … Но в православии нам дано религиозное освещение нации. Церковь благославляет наше национальное делание …»[1].

Строго говоря, неизбежно следует сделать вывод: **не имея собственной научной, духовной и общекультурной базы, невозможно стать не только лидером, но и сохранить суверенитет в эпоху глобализации**. Заимствования извне могут на какое-то время (при условии, что они будут внедряться быстрее, чем в других странах) дать эффект, но позже он все равно будет снивелирован развитием чужих достижений.

---

[1] *Г.П.Федотов*. Будет ли существовать Россия? – Мир и попытка, № 1 (52), 2011 г., с. 63.

Понимание этой ситуации в 2008 году в Правительстве в целом сложилось. Но именно в целом. По-прежнему в общественном сознании и представлении элиты господствует технологический подход. Не отрицая важности прикладных результатов и инноваций, я хотел бы подчеркнуть, что они не могут являться фундаментом. В качестве такого фундамента рассматривается «база технологического роста», что, конечно же, неправильно. Великие прикладные открытия XX века основывались на достижениях фундаментальной науки – ни ядерная бомба, ни ядерный реактор, ни тем более полеты в космос и связанные с этим технологические открытия были бы невозможны без фундаментальных открытий в ядерной физике, химической физике, геохимии и других фундаментальных науках. Как признается в проекте Концепции долгосрочного социально-экономического развития (август 2008 г.), « … вызов – ожидаемая **6** резко усиливающая роль инноваций в социально-экономическом развитии и обесценивающая многие традиционные факторы роста.

В ближайшее десятилетие развитые страны перейдут к формированию новой технологической базы экономических систем, основанной на использовании новейших достижений биотехнологий, информатики и нанотехнологий, в том числе, в здравоохранении и других сферах развития человеческого потенциала».

При этом Правительство не только недооценивают значение фундаментальной науки и культуры, но и переоценивает существующий научно-технический и технологический потенциал. В концепции 2020 признается:

«Для России наличие научно-исследовательского потенциала и высокотехнологичных производств создает условия для использования преимуществ, связанных с распространением новых технологий:

– обеспечение технологического лидерства по ряду важнейших направлений;

– формирование комплекса высокотехнологичных отраслей и расширение позиций на мировых рынках наукоемкой продукции;

– модернизацию традиционных отраслей экономики, в том числе за счет развертывания глобально ориентированных специализированных производств.

В то же время, отставание в развитии новых технологий последнего поколения может резко снизить глобальную конкурентоспособность российской экономики»[1].

Как видно недооценка фундаментальной науки, значения культуры (в широком значении), перекос в сторону технологий – очевиден. «Специализация» производств – это поиск своей ниши на мировом рынке (что, конечно же, важно), но не является решающим. Необходимо **создавать и открывать** собственные ниши, что возможно только при развитии фундаментальной науки. Чувствуете разницу между поиском ниши и ее **созданием**, творением качественно нового продукта или услуги?

Признавая, что в российской элите в 2008 году сложилось общее понимание «приоритетности в развитии науки, можно констатировать, что это общее понимание достаточно противоречиво. Иллюстрацию логично привести на примере МЭРа. Так, анализируя ситуацию в этой области, аналитики из МЭРа признают:

«1. Ключевой проблемой российского сектора науки и высоких технологий сегодня является крайне **низкая эффективность использования имеющихся ресурсов** (кадрового, технологического, знаний), что в полной мере проявилось после начавшегося в последнее время увеличения финансирования НИОКР».

Действительно, эффективность использования научных знаний низка, хотя в последние годы эта низкая эффективность сильно преувеличивается. Проблем здесь много. Как связанных с низкой престижностью труда ученого (который по-прежнему зарабатывает значительно меньше, чем в развитых странах и даже меньше чем неквалифицированный рабочий в России), низким престижем, социальным статусом, так и низкой информвооруженностью, оснащенностью оборудованием и т.п.

Но главная проблема эффективности в созданной политико-экономической системе страны, которая – следует прямо признать – не способна внедрять достижения науки и инновации. Но это вопросы, как

[1] Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации. М., 2008 г., август. МЭР, с. 9–10.

говорится, уже не к научному сообществу, а к финансовым и экономическим властям страны.

«2. Россия по-прежнему располагает значительным научно-техническим потенциалом. По численности занятых в сфере фундаментальной науки, научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ государство находится на третьем – четвертом месте в мире».

Действительно, это так, но с весьма существенной поправкой. Значительная часть ученых таковыми совсем не являются. К ним относят как вспомогательный персонал, так и просто лиц, которые числятся в научных учреждениях, но давно уже не занимаются исследованиями. Таковых, по моей логике, значительно больше половины от всего численного состава. Наконец, значительная часть ученых являются лицами преклонного возраста, которые уже не в состоянии плодотворно работать, но которых держат в штате, обеспечивая им минимальную социальную защиту.

«3. Россия **входит в число лидеров по ряду важнейших направлений исследований и разработок,** в том числе в таких областях как нанотехнологии, живые системы, охрана окружающей среды, атомная и водородная энергетика, энергосберегающие системы, разработки прикладных программных средств и других».

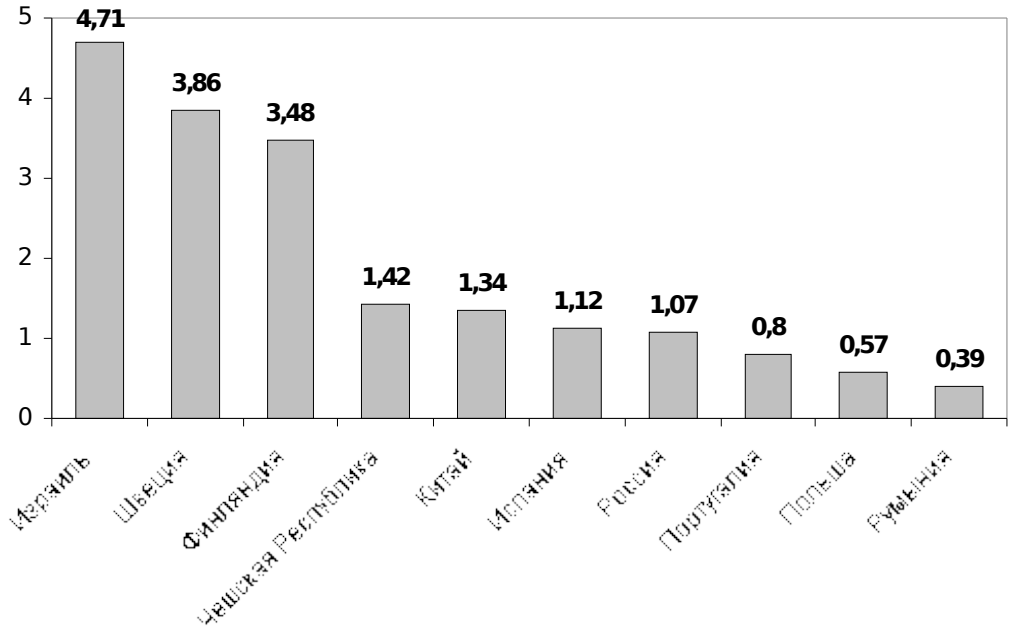
Трудно согласиться с этим утверждением. Особенно если принять во внимание первый тезис о «низкой эффективности» науки.

4. По абсолютному уровню, в пересчете по паритету покупательной способности, российские затраты на НИОКР находятся **примерно на уровне** Италии (10–11 место в мире).

Противоречия налицо. Так, если у нас низкая эффективность использования ресурсов (п. № 1) при низком уровне затрат (п. № 4), то как Россия может находиться в числе лидеров по «ряду важнейших направлений исследований и разработок» (п. № 3)? При этом, оставаясь в числе лидеров по численности ученых (п. № 2)?

Ответ, на самом деле, известен. Это хроническое недофинансирование науки. В том же прогнозе МЭРа признается, что уровень расходов на НИОКР к ВВП (чуть более 1%) уступает не только показателям Евросоюза (около 2% ВВП), но и Китая (1,3% ВВП).

Сравнительные показатели доли затрат на исследования и разработки к ВВП, в %



Из приведенных данных следует, по меньшей мере, несколько выводов:

Во-первых, по абсолютной величине расходов на науку Россия не находится в числе лидеров, уступая место даже средним по масштабам государств.

Во-вторых, по относительным величинам расходов на науку (доля в ВВП) Россия уступает практически всем государствам. Если же вычесть из этих расходов средства на военную науку, то эта величина будет одной из самых низких.

В-третьих, опыт ведущих стран показывает, что доля расходов на науку должна быть не менее 4% от ВВП. Это означает, что Россия должна увеличить соответствующие ассигнования как минимум в 4 раза, а с учетом современных тенденций – в 6–7 раз. Это и будет тот минимум, который необходим для «рывка» России в будущее.

В-четвертых, затраты на науку в расчете на одного исследователя составляют 35 тыс. долларов, что уступает уровню Германии, США, Кореи в 5–6 раз. Ситуация усугубляется и тем, что материально-техническая база российской науки и испытательных центров значительно устарела. Это означает, что расходы на одного исследователя в России в ближайшие годы следует увеличить в 7–10 раз.

5.2. Духовность и нравственность как основа общества. Роль национальных институтов

«… никакая наука никогда не даст ответа на три самых важных вопроса человечества: о происхождении мира, о зарождении жизни и о возникновении разума. Это вещи не просто непознанные, а непознаваемые, ибо речь идет о появлении чего-то из ничего – то есть об акте творения»[1].

Д.Соколов-Митрич

«В нашем проекте нет ни слова про оправдание Гитлера или нацистской Германии.
ни слова .., что СССР несет такую же ответственность, как и Германия … «[2].

М.Федотов

В первом десятилетии XXI века политическое, экономическое и идеологическое соперничество приобрело форму борьбы между национальными системами ценностей, прежде всего в нравственной, социокультурной и духовной областях. Иногда, как в 2008–2011 годах, споры переносились в плоскость переосмысления и переписывания истории. Но в действительности эти споры имеют конкретное, даже прикладное значение. Так, критика И.Сталина в действительности превращалась в критику СССР, а затем в попытки пересмотреть итоги 2-ой Мировой войны, в т.ч. территориальные, либо перенести черты сталинского режима на режим В.Путина. Иногда даже поставить на одну доску И.Сталина и А.Гитлера, СССР и фашистскую Германию.

Схватка за ценностную систему означала схватку за национальную идентификацию, суверенитет, способность нации развиваться самостоятельно, выбирая свои социальные и экономические модели развития. И на переднем крае, как всегда возникали вопросы нравственности, духовности.

Естественно, что в практической, реальной жизни эта борьба выливалась в **борьбу различных институтов**. Типичный пример того, как в рамках одной элиты, даже одной президентской администрации, столкнулись два президентские комиссии – создания в мае 2009 года Комиссия при Президенте РФ по противодействию фальсификации истории и существовавшая как наследница Комиссии по правам человека

[1] *Д.Соколов-Митрич*. Загадки железной логики. – Известия, 16 мая 2011 г., с. 6.
[2] Пропаганда памяти. – Независимая газета, 8 апреля 2011 г., с. 3.

Комиссия по содействию развитию институтов гражданского общества[1]. Предметом спора стала история и И.Сталин, точнее – подготовленная рабочей группой, которую возглавлял С.Караганов, «программа десталинизации» России.

Таким образом споры идут даже в рамках одной элиты, одной госструктуры. Такие же расхождения наблюдались среди общественных организаций и СМИ, в частности, в Совете по внешней и оборонной политике (СВОП), который провел 8–10 апреля 2011 года свое ежегодное заседание, акцентировав внимание на «Культуре, будущем России, ее месте в мире»[2].

Надо сказать, что сами институты духовного и культурного социального потенциала не ведут себя пассивно. Они – наиболее активная часть нынешнего общества. Особенно религиозные организации, которые ускоренно «формулируют свои стереотипы и фиксируют их в том числе в новых ритуалах[3]. Это касается РПЦ, предложившая свою социальную доктрину, подчеркивающую гонения на своих приверженцев и создавшая в 1992 году Всемирный русский народный собор, который активно действует с того времени под руководством святейшего патриарха (до 2010 года митрополита) Кирилла[4].

Огромное значение для национальной системы ценностей имеет культура и духовность, которые во многом зависят от **степени развития соответствующих институтов**. Смею утверждать, что это огромный ресурс национального развития, который используется государством слабо, а иногда и просто игнорируется.

---

[1] Надо сказать, что я принимал участие какое-то время в работе обеих Комиссий. До 2008 года как член Комиссии по содействию развития гражданского общества, а с 2009 года в качестве члена рабочей группы в Комиссии по противодействию фальсификации истории в интересах Российской Федерации. Комиссии возглавляли соответственно Э.Памфилова (с 2010 года – М.Федотов) и С.Нарышкин.

[2] На ассамблее СВОП в апреле 2011 года было, как всегда, представлено много интересных докладов, книг и статей, например.

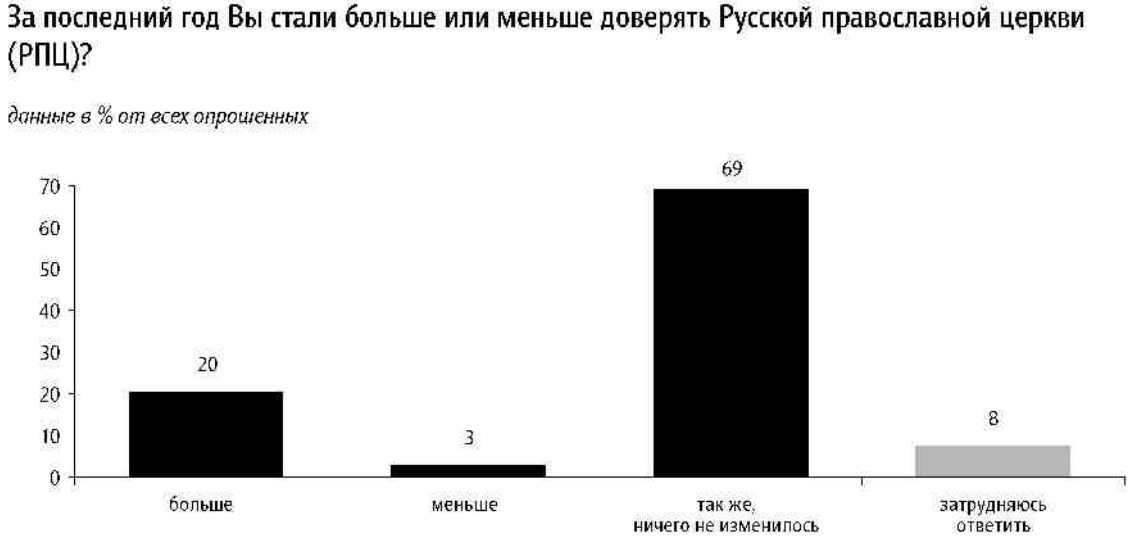
[3] См.: От редакции. Не стесняясь в выражениях веры. – Независимая газета, 20 мая 2011 г., с. 2.

[4] Одним из создателей и учредителей Собора в 1992 году была РАУ-корпорация, которую я возглавлял. С тех пор Собор сделал очень много для преодоления нравственно-духовного кризиса в стране.

Так, степень национального доверия, например, к РПЦ – чрезвычайно высока. И постоянно растет. О чем свидетельствуют данные ВЦИОМ[5].

Доверие Русской православной церкви

Опрос 9–10 января, 100 населенных пунктов, 44 субъекта РФ, 2000 респондентов.

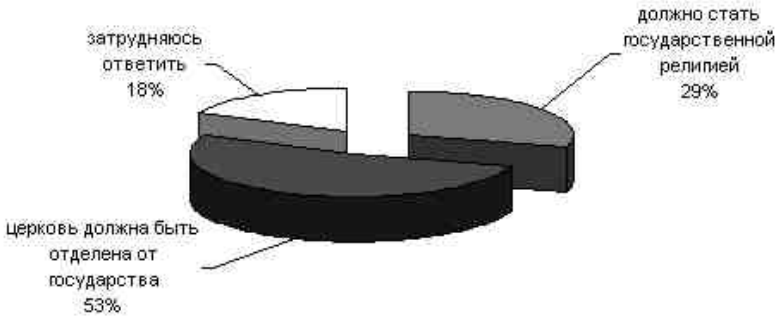


При этом ее роль в развитии государства оценивается обществом достаточно высоко: почти треть (29%) граждан в 2002 году считаю, что

[5] Фонд «Общественное мнение». Доминанты № 01. 14.01.2010.

православие должно стать государственной религией, т.е. активно поддерживают позитивное значение РПЦ и его институтов[1].

Как Вы считаете, православие должно стать государственной религией в России или Церковь должна быть по-прежнему отделена от государства?



Считаете ли вы себя верующим человеком? Если да, то к какой религии вы себя относите?

(Опрос населения, 12.04.2000)

	Все опрошенные		В ближайшее воскресенье проголосовали бы за ...				Адаптация			Пол		Возраст			Образование				Доход на чл. семьи			Тип места жительства				
	9-10 августа 1997 г.	8-9 апреля 2000 г.	Путина	Зюганова	Явлинского	других или против всех	оптимисты	адаптированн. пессимисты	неадаптир. пессимисты	мужчины	женщины	18-35 лет	36-50 лет	старше 50 лет	неполное средн ее	средн ее	средн ее спец.	высшее	до 400 руб.	400-600 руб.	более 600 руб.	Москва+СПб	мегаполисы	большие города	малые города	село
Доли групп (%)	100		46	22	5	13	24	28	45	46	54	34	32	34	21	36	31	12	26	35	36	9	10	21	32	27
Верующим себя не считаю	35	37	33	41	31	40	38	32	39	49	26	38	43	31	33	38	37	39	41	33	38	28	34	39	38	38
православие	54	54	58	50	61	53	53	56	53	41	64	50	50	60	58	51	54	53	47	59	53	66	53	49	54	52
ислам	6	5	6	6	4	2	4	8	4	5	5	6	4	5	5	5	5	5	6	3	6	1	9	5	5	5
буддизм	0	0	0	0	1	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	1	0	0	0	1	0	0	0	0
иудаизм	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
католицизм	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	1	0	0	0
протестантизм	0	0	1	0	0	0	1	0	0	0	1	1	0	0	0	0	1	0	0	0	0	1	0	1	0	0
другая религия	0	1	0	1	0	2	0	1	1	0	1	0	1	1	2	1	0	1	1	1	0	2	1	1	1	1
Затрудняюсь ответить	3	3	2	3	3	3	4	3	4	4	2	5	2	3	3	5	3	2	5	3	2	1	2	5	2	5

[1] Должно ли стать православие государственной религией России. Опрос ВЦИОМ. 19.006.2002 / http://bd.fom.ru/report/cat/cult/rel.

Стоит сказать, что эти вопросы находились в эпицентре моего внимания все последние 20 лет. Им было посвящено много моих работ и работ моих коллег, в том числе «Русский Путь», «Современная политическая история России» в 2-х томах, «Национальная доктрина России», Современная русская идея и государство и т.д.[1] Так, в третьем издании «Современной политической России» (М., «Духовное наследие, 2000 г.) говорилось[2]: «Советская духовная культура приобщала не избранных, а весь народ – рабочих и крестьян, молодежь и ветеранов, мужчин и женщин, людей с высшим и средним образованием, жителей с, столиц и провинциальных центров к лучшим достижениям мирового и отечественного искусства. Вопреки тотальной клевете о непробиваемости «железного занавеса» СССР имел культурные связи с более чем 120 странами. В отличие от нынешних времен, это был действительный обмен. Взаимный, плодотворный, подлинными духовными ценностями, а не «одностороннее движение» с контрабандным ввозом в нашу страну эрзацподелок, способствующих интеллектуальной и нравственной деградации народа.

Достижения отечественной духовной культуры составляли национальную гордость, высоко и заслуженно ценились в народе и во всем мире. Хорошо оплаченные «зелеными» деятели современной демкультуры утверждают, что ей были присущи «бездушный конформизм», «суррогат ценностей, идеалов», «доступность, вульгаризация любого явления истории или современности, двухмерность и двухцветность взглядов на мир, обожествление вождя, псевдооптимизм, упрощенная форма для полуграмотной массы. Ее социокультурными феноменами стали массовая песня и кинофильмы. Не стоит даже опровергать эту клевету. Достаточно назвать лишь имена деятелей отечественной культуры советского периода, чье творчество имеет непреходящий характер не только для нашей страны, Но и признано во всем мире. Их творчество в действительности является

---

[1] Особенно хотел бы отметить такие работы, как: *А.Подберезкин*. «Русский Путь» и «Русский Путь: сделай шаг» (М., 1998, 1999 гг.); *А.Подберезкин* / ред. и рук. авт. кол-ва) «Национальная доктрина России», *А.Подберезкин* / ред и рук. авт. кол-ва) «Россия сегодня: реальный шанс».

[2] Россия-2000. Современная политическая история (1995–1999 гг.), т. 1, Хроника и аналитика, М., «Духовное наследие», 2000 г., с. 9.

ярчайшей иллюстрацией великих свершений народа за короткий отрезок времени.

Литература: М.Горький, А.Блок, В.Маяковский, С.Есенин, М.Шолохов (лауреат Нобелевской премии), Куприн, А.Толстой, А.Серафимович, Д.Фурманов, Л.Леонов, В.Катаев, К.Федин, М.Ауэзов, К.Паустовский (лауреат Нобелевской премии), А.Фадеев, Н.Островский, А.Твардовский, Б.Пастернак, А.Ахматова, М.Цветаева, М.Светлов, К.Симонов, М.Алексеев, Ф.Абрамов, В.Распутин, В.Шукшин, В.Белов, Н.Рубцов, Ю.Бондарев, Ч.Айтматов, Р.Гамзатов, П.Проскурин.

Театр: Когорта артистов и режиссеров Большого театра Союза ССР, МХАТ, Малого театра (Москва), Театра им. В.Маяковского, Театра им. Е.Вахтангова, Театра им. Моссовета, Большого драматического театра в Ленинграде, драматических театров в Куйбышеве, Свердловске, Челябинске, Омске, Алма-Ате, Киеве, Тбилиси и во многих других городах Советского Союза.

Артисты: Г.Уланова, ОЛепешинская, М.Плисецкая, Л,Семеняка, М.Лиепа, Л.Орлова, В.Марецкая, А.Тарасова, Б.Ливанов, В.Анджапаридзе, М.Бабанова, Б.Бабочкин, Н.Черкасов, Б.Чирков, Е.Самойлов, Н.Крючков, Н.Мордвинов, Н.Симонов, Б.Щукин, О.Борисов, ЕЛебедев, А.Роговцева, Л.Чурсина, И.Смоктуновский, В.Стржельчик, П.Луспекаев, Е.Копелян, Е.Евстигнеев, О.Ефремов, Ю.Яковлев.

5.3. Политические приоритеты и опережающее развитие культуры и искусства

«… при такой средний зарплате в секторе науки страна хотя и может рассуждать об инновациях, но в лучшем случае они будут носить фрагменторный характер»[1].

А.Клепач, зам. министра МЭР

«… модернизация все еще не осознана как актуальная философская задача первостепенной значимости»[2].

С.М.Миронов

Опережающее развитие России не может быть реализовано без смены политических приоритетов, резкого изменения общественного и политического курса страны в пользу национальных ценностей. Прежде всего, в науке, культуре, духовной жизни и образовании. При этом роль культуры в мире стремительно нарастает. Настолько стремительно, что я ожидаю их превращения в **ведущие факторы развития уже в ближайшие годы** в ведущих странах мира. Что связано с периодом «фазового перехода» человечества. Это, однако, отнюдь не является очевидным для российской элиты.

О негативной динамике в российской науке свидетельствуют следующие официальные данные[3].

Не случайно, что американская элита почувствовала рост значения науки и образования, что отразилось в том числе и в победе Б.Обамы на президентских выборах. Идея приоритета американских ценностей (в т.ч. в области духовной жизни и в науке) стала центральной в кампании Б.Обамы, а его победа – подтверждением того, что правящий класс США чутко среагировал на изменение ситуации в мире.

Реальные приоритеты в этой области отражает объем федерального финансирования в области культуры, искусства, здравоохранения и социальной политики[4].

---

[1] Е.Кукол. Далеко гляжу. – Российская газета, 17 марта 2011 г., с. 5.
[2] *С.М.Миронов*. За нами Россия. М.: Ключ-С, 2010, с. 111.
[3] Наука России в цифрах: 2010. Стат. сб. – М.: ЦИСН, 2010, с. 14.
[4] Российская экономика: тенденции и перспективы. М., 04.2010 г., с. 28.

	Январь–февраль 2010 г.		Январь–февраль 2009 г.		Отклонение в п.п. ВВП
	млрд. руб.	в % ВВП	млрд. руб.	в % ВВП	
Культура, кинематография, СМИ	**31,7**	**0,5**	**30,6**	**0,6**	**-0,1**
Здравоохранение и спорт	**167,1**	**2,7**	**167,9**	**3,2**	**-0,5**
Социальная политика	**719,9**	**11,6**	**504,9**	**9,6**	**+2,0**

В области финансирования научных исследований в 2000–2008 годы наблюдалось по-прежнему отставание от потребностей, которое, с учетом недофинансирования 90-х годов, привело к свертыванию научных исследований, вымиранию научных школ и усиливающемуся отставанию от развитых стран. Что видно из официальных данных[1]. Так, например, в процентах к расходам федерального бюджета расходы на науку за эти годы «выросли» с 1,69% в 2000 году до 2, 14% – в 2008, а в процентах к ВВП – с 0,24% до 0,39.

Финансирование науки
Финансирование науки из средств федерального бюджета

Показатель	Детализация	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008
Расходы федерального бюджета, млн. руб.	фундаментальные исследования	8219,3	11666,6	16301,5	21073,3	24850,3	32025,1	42773,4	54769,4	69735,8
	Прикладные научные исследования	9177,1	12021,1	14754,4	20503	22627,8	44884,2	54589,8	77934,0	92380,1
	в процентах к расходам федерального бюджета	1,69	1,79	1,51	1,76	1,76	2,19	2,27	2,22	2,14
	в процентах к валовому внутреннему продукту	0,24	0,26	0,29	0,31	0,28	0,36	0,36	0,4	0,39

Внутренние затраты на исследования и разработки

Показатель	Детализация	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008
Внутренние затраты на исследования и разработки, млн. руб.	в фактически действовавших ценах	76697,1	105260,7	135004,5	169862,4	196039,9	230785,2	288805,2	371080,3	431073,2
	в постоянных ценах 1989 г.	3,32	3,91	4,34	4,79	4,62	4,55	4,9	5,6	5,4
	в процентах к валовому внутреннему продукту	1,05	1,18	1,25	1,28	1,16	1,07	1,08	1,12	1,03

[1] Научный потенциал и инновационная активность в России. Выпуск 4. Статсборник. М.: Минобрнауки, РИЭПП, 2010 г., с. 30.

Структура внутренних затрат на исследования и разработки по источникам финансирования

Показатель	Детализация	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008
Внутренние затраты на исследования и разработки по источникам финансирования, %	средства бюджета	53,7	56,2	57,4	58,4	59,6	60,8	60,1	61,6	63,1
	средства организаций предпринимательского сектора	18,7	19,6	20,7	20,1	21,4	20,7	19,7	20,9	20,9
	средства частных некоммерческих организаций и высших учебных заведений	0,1	0,3	0,2	0,2	0,1	0,1	0,3	0,3	0,3
	Собственные средства научных организаций	9,0	10,1	9,6	9,6	8,8	9,0	8,9	8,2	8,3
	Средства внебюджетных фондов	6,5	5,2	4,1	2,7	2,5	1,8	1,6	1,8	1,5
	Средства иностранных источников	12,0	8,6	8,0	9,0	7,6	7,6	9,4	7,2	5,9

За эти же годы незначительно и очевидно недостаточно выросла зарплата исследователей[1], что привело к массовому «экспорту мозгов», достигавшее в некоторые годы 100 тыс. человек.

Заработная плата работников научных организаций

Показатель	Детализация	2000	2003	2004	2005	2006	2007	2008
Среднемесячная номинальная начисленная заработная плата работников научных организаций, руб.		2701	7148	8835	11001	14011	19517	24916
Отношение среднемесячной номинальной начисленной заработной платы работников научных организаций к среднероссийскому уровню, %		...	...	131	129	132	144	144

Внутренние текущие затраты на исследования и разработки по видам работ

Показатель	Детализация	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008
Внутренние текущие затраты на исследования и разработки по видам работ	всего	73873,3	100507,4	128243,3	161202,7	187210,5	221119,5	277784,8	352917,7	410865,0
	фундаментальные исследования	9875,7	13940,8	18778,0	24297,7	26495,9	31022,9	42707,5	63590,4	77121,3
	прикладные исследования	12117,5	16506,1	20454,3	25075,4	30811,6	36360,2	42459,1	54492,6	79885,8
	разработки	51880,2	70060,5	89011,0	111829,6	129903,0	153736,4	192618,1	234834,7	253857,9

Это не могло не отразиться на эффективности научной деятельности, которая выражается, например, в количестве заявок на выдачу патентов. За 2000–2008 годы, как показывает статистика, оно даже сократилось[2].

[1] Научный потенциал и инновационная активность в России. Выпуск 4. Статсборник. М.: Минобрнауки, РИЭПП, 2010 г., с. 32.

Поступление заявок на выдачу патентов и выдача патентов по субъектам Российской Федерации

Показатель	Детализация	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008
Количество поданных заявок на выдачу патентов на изобретения отечественными заявителями по субъектам Российской Федерации	Российская Федерация	**27926**	30640	30223	32369	31633	32726	39776	27505	**27712**
	Центральный федеральный округ	11903	12117	12516	14844	13438	13911	18781	13473	13377
	Белгородская область	132	148	105	112	166	161	245	162	117
	Брянская область	89	93	71	71	71	106	101	76	49
	Владимирская область	212	219	232	220	203	202	227	151	155
	Воронежская область	487	31	592	634	676	629	689	679	615
	Ивановская область	165	150	167	153	161	178	2617	1022	577
	Калужская область	272	401	308	300	163	211	282	167	150
	Костромская область	67	60	53	60	60	64	70	51	79
	Курская область	247	244	162	197	192	228	306	244	207
	Липецкая область	124	172	148	159	126	119	87	78	105
	Московская область	2059	1951	2257	2695	2124	2072	2101	1501	1608
	Орловская область	169	235	185	213	225	283	281	189	188

Важно к этому добавить, что не только деньгами измеряются достижения науки. В США, например, в 2008 году профессия ученого заняла по престижности 2-е место, а в России – одно из последних.

Хотелось бы подчеркнуть, что роль гуманитарной сферы в XXI веке еще до конца в полной мере не оценена. Если значение научно-технического прогресса, роль наукоемких технологий, ставших в последней четверти прошлого века определяющими факторами экономической мощи, российской элитой, сегодня признается, то роль фундаментальной науки, культуры, гуманитарной науки, искусства **еще до конца не осознана**. А между тем политики, весь процесс подготовки и принятия решений, базируется именно на национальных идеях и общественно-научных технологиях, а в целом на национальной культуре.

Общее недофинансирование культуры в России огромно. Даже закон о минимуме 2% ВВП, выделяемом на культуру, не выполняется. На 2011 год, например запланировано менее 0,7%. Содержательно это выражается в следующем[1]:

Основные показатели культуры

	1970	1980	1990	1995	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009

[2] Научный потенциал и инновационная активность в России. Выпуск 4. Статсборник. М.: Минобрнауки, РИЭПП, 2010 г., с. 36.

[1] Российский статистический ежегодник 2010. – М.: Росстат, 2010 г., с. 293.

Число профессиональных театров	310	324	382	470	**547**	556	571	568	579	588	590	594	586	**601**
Численность зрителей:														
всего, млн. человек	69,8	71,0	**55,6**	31,6	**30,8**	31,0	30,1	29,1	28,2	28,0	28,6	29,3	30,4	**30,2**
в среднем на 1000 человек населения	535	512	**376**	213	210	212	207	201	196	196	201	206	214	**213**
Число цирков	...	...	...	70	62	63	64	71	66	67	67	68	68	66
Численность зрителей:														
всего, млн. человек	...	...	...	11,1	8,6	8,9	8,1	7,5	6,7	6,8	6,5	6,9	7,4	6,3
в среднем на 1000 человек населения	...	...	145	75	59	61	56	52	46	48	48	49	52	45
Число музеев	582	740	**1315**	1725	**2047**	2113	2189	2229	2269	2285	2368	2468	2495	**2539**
Число посещений музеев:														
всего, млн.	64,8	88,2	**144,0**	75,4	**73,2**	74,3	75,1	73,8	74,3	75,6	79,2	78,8	80,8	**78,9**
в среднем на 1000 человек населения	497	636	974	508	499	509	517	511	517	528	556	555	569	556
Число учреждений культурно-досугового типа, тыс.	78,7	77,5	73,2	59,9	54,8	54,8	54,2	53,6	52,9	51,4	49,5	49,5	48,4	47,4
Число общедоступных библиотек, тыс.	61,6	62,1	**62,6**	54,4	51,2	51,2	51,0	50,6	49,9	49,5	48,3	47,5	47,0	**46,7**
Библиотечный фонд:														
всего, млн. экз.	733	980	**1155**	1105	1027	1022	1014	1007	988	977	958	945	942	**934**
в среднем на 1000 человек населения, экз.	5607	7062	7787	7448	7017	7014	6994	6982	6888	6843	6733	6656	6639	6582
Тираж книг и брошюр:														
всего, млн. экз.	1059	1393	**1553**	475	471	542	591	702	686	669	634	666	760	**717**
в среднем на 1000 человек населения, экз.	8123	10039	**10496**	3202	3214	3715	4070	4858	4769	4677	4446	4684	5357	**5049**
Годовой тираж журналов и других периодических изданий:														
всего, млн. экз.	2060	2488	**5010**	299	607	984	1164	1107	976	1150	1201	1442	1613	**1690**
в среднем на 1000 человек населения, экз.	15800	17930	**33860**	2017	4138	6744	8014	7654	6786	8033	8427	10147	11364	**11911**
Разовый тираж газет:														
всего, млн. экз.	94	120	**166**	122	109	100	129	214	177	177	192	211	212	**210**
в среднем на 1000 человек населения, экз.	721	865	1119	820	742	686	887	1481	1233	1238	1350	1484	1493	1479

Особенно наглядна отрицательная динамика видна на»важнейшем из искусств» – кино.

Киноустановки

	1970	**1980**	**1990**	**1995**	**2000**	**2001**	**2002**	**2003**	**2004**	**2005**	**2006**	**2007**	**2008**	**2009**
Число киноустановок с платным показом, тыс.	96,7	87,7	**77,2**	34,4	18,0	17,4	15,4	14,6	12,9	11,4	9,1	7,1	7,0	**5,6**
в том числе стационарных	93,8	85,3	**75,0**	34,2	17,8	16,2	15,2	14,3	12,7	11,3	9,0	7,0	6,9	**4,6**
Из общего числа киноустановок – киноустановки в сельской местности, тыс.	82,8	71,8	61,9	30,0	15,2	14,6	12,8	12,0	10,6	9,4	7,3	5,6	5,6	4,4

в том числе стационарные	80,5	70,0	60,2	29,9	15,1	13,5	12,7	11,9	10,4	9,3	7,2	5,6	5,5	3,5
Число посещений киносеансов, млн.	2804	2430	**1609**	80	42	46	47	52	49	52	50	44	58	**40**
в том числе в сельской местности	1064	797	**540**	38	13	13	13	12	11	10	8	6	7	**9**
Число посещений киносеансов в среднем на одного жителя	22	18	**11**	0,5	0,3	0,3	0,3	0,4	0,3	0,4	0,4	0,3	0,4	**0,3**
из них в сельской местности	22	19	**14**	0,9	0,3	0,3	0,3	0,3	0,3	0,3	0,2	0,2	0,3	**0,2**

Заимствованная извне, тем более слепое копирование, ведет к огромным издержкам – политическим, экономическим. Что показал опыт СССР и России в 90-ые годы. В культуре – вообще ни допустимо. Как замечают исследователи МГИМО(У), следует отметить **усилившуюся в современном мире роль ценностей и идеологической подосновы политики**. Это связано, с одной стороны, с интеллектуализацией политики, то есть усилением роли концептуального фактора, построения различных схем, концепций, теорий в мировой политике. Это в свою очередь обусловлено распространением политики на все новые сферы и области. Кроме того, в современном мире задача по разработке политического курса лежит не исключительно на политических деятелях, сколько на специальных институтах, аналитических центрах. Примером может послужить разработка для Дж.Буша-младшего доктрины «превентивной войны» (preemptive war), что было проделано консервативными «фабриками мысли» и стало центральным пунктом политического курса США в начале XXI в.

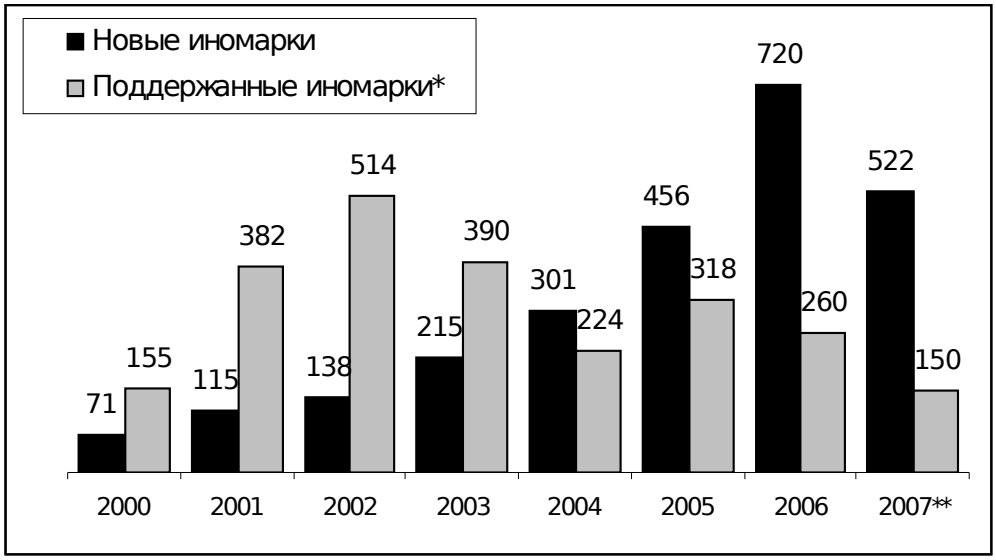
Кроме того, важность идеологического фактора может быть проиллюстрирована еще и тем, что ряд существующих конфликтов обусловлены во многом именно идеологическими различиями. Одним из наиболее ярких примеров может, безусловно, послужить режим в Северной Корее, который создает множество конфликтных ситуаций фактически со всеми своими соседями. Однако, возможно, что подобные конфликты достались современной системе международных отношений в наследство от распавшейся биполярной системы.

С другой стороны, усиление роли идеологического фактора в мировой политике сейчас связано с мировым экономическим кризисом.

Так, переживая кризис, находясь в рамках процессов, последствия (и, возможно, часть причин) которых по-прежнему не до конца понятны, возможность сохранить идентичность, сохранить понимание основных целей и задач общества обеспечивается только сохранением идеологии. Иными словами, общая идеология является **мощным консолидирующим фактором**, позволяющим обеспечить сплоченность и единство общества»[1].

Результаты фундаментальной науки реализуются не только в космосе или медицине, но и в обществоведении. Сегодня потребители требуют результатов наукоемких производств во всех областях – от бытовой химии до автомобилестроения. И если отечественные производители этого обеспечить не могут, то очень быстро они вытесняются иностранными. Что хорошо видно на следующем пример[2]. Это в полной мере относится как к промышленности, так и общественно-политическому устройству, где чужие достижения, чужие модели и опыт, не могут заменить собственные.

Динамика импорта легковых автомобилей в Россию, тыс. штук



* По данным таможенных органов

** Первое полугодие

[1] Динамика мирового политического развития и проблемы глобальной конкурентоспособности России. Отчет о НИР. МГИМО (У), 2010 г.

[2] *А.Долгих.* Ударим программой по «Жигулям» / Новые Известия, 2007 г. 20 декабря, с. 3.

Если количественные методы позволяют измерить степень опережения (отставания) в промышленности, то степень отставания в научной, образовательной, культурной и духовной областях обнаруживается в условиях кризиса, иногда приобретающего катастрофические формы для государства и общества. Так, неспособность концептуально-идеологических эффективных мер в общественно-политической области стала, в конечном счете, истиной причиной не только экономического, но и политического кризиса СССР и России периода 90-х годов.

Кризис 2008–2010 годов этот вывод наглядно проиллюстрировал. Так политическая философия заимствования привела к неадекватной финансовой и экономической политике Центрального банка и Минфина, что особенно проявилось в следующем:

во-первых, к началу кризиса, т.е. за все 20 лет рыночных реформ, так и не была создана банковская система, способная инвестировать в реальный сектор экономики, а тем более, в инновационный сектор. Промышленные кредиты (не говоря уже о долгосрочном финансировании) фактически не давались. Возникли уникальная ситуация, когда даже крупным предприятиям было проще и дешевле и удобнее взять кредиты за рубежом, чем в собственной стране;

во-вторых, ложные псевдолиберальные идеи вели к искусственному сокращению денежной массы. Как справедливо отмечает А.Смирнов, во-первых, когда на фоне мирового финансового кризиса центробанки всего мира включили печатные станки – наши денежные власти, приняв близко «переживания» МВФ о «перегретости» нашей экономики и поверив в теорию «тихой гавани» стали решительно бороться с инфляцией путем ужесточения денежно-кредитной политики. При этом «репетиция» кризиса в августе 2007 г. и январе 2008 г., когда нерезиденты выводили десятки миллиардов долларов «горячих денег» с фондового рынка нас ничему не научила Не помогли предупреждения Дж.Стиглица по поводу неэффективности политики «таргетирования» инфляции. У нас что – не было спроса? Нет, он рос завидными темпами. Были плохие активы на манер американской ипотеки? Нет, наша банковская система была абсолютно здорова. У нас был кризис перепроизводства? Нет – у нас был дефицит предложения. Кто-то опасался перегрева? Только как бы не

получилось нам «замерзнуть», показав в недалеком будущем низкие или отрицательные темпы роста.

Рост денежной массы (агрегат М2) на 01.09.08 составил всего 9,5% из планируемых ЦБ в этом году 30–35%, при инфляции за это же период 9,7%. Реальный объем денежной массы практически не увеличился. Такие условия создали предпосылки для «торможения» экономики и возникновения «неустойчивости» на финансовых рынках. Величина М2 на 01.09.08 составила 14 530,1 млрд. руб. Прирост денежной массы за сентябрь (на 01.10.08) под воздействием оттока капитала вообще стал отрицательным – 1,1%, составив с начала года уже 8,3 % (М2 на 01.10.08 – 14 374,6 млрд. руб.) Если оценить годовую планку роста М2 в 30%, рост М2 к 01.09.08 должен быть около 20% (30% * 8/12). Действительно, в 2000–2007 гг. сезонный рост агрегата М2 на 1,09 составлял в среднем около 19,7%. Минимальные значения – 13,4 – 13,9% были только в 2002 и 2004 г. Сколько нужно было денег, чтобы выйти на это уровень? Примерно 10,5% (20%–9,5%) от значения М2 на начало года (13 272,.1 млрд. руб.), т.е. около 1 394 млрд. руб.[1]

Основные параметры денежной политики и экономики РФ в 2000-2008 гг.

Дата	Денежная масса, млрд. руб.	Инфляция, %	Прирост денежной массы, %	Реальный ВВП в ценах 2000 г., млрд.руб.	Темпы роста ВВП, %	Монетизация (Ш/ВБП), %	Государственные расходы, млрд. руб.	Темпы роста госрасходов, %
01.01.2000	714,6	36,5	57,5	6 646,60	6,40	14,82	667,00	
01.01.2001	1 154	20,2	61,5	7 311,10	10,00	15,80	1 029,20	54,30
01.01.2002	1 613	18,6	39,7	7 684,00	5,10	18,03	1 321,90	28,44
01.01.2003	2 135	15,1	32,4	8 045,20	4,70	19,73	2 054,19	55,40
01.01.2004	3 213	12,0	50,5	8 632,50	7,30	24,26	2 358,60	14,82
01.01.2005	4 363	11,7	35,8	9 254,00	7,20	25,59	2 698,90	14,43
01.01.2006	6 045	10,9	38,5	9 846,30	6,.40	27,95	3 514,40	30,22
01.01.2007	8 996	9,0	48,8	10 574,90	7,40	33,47	4 285,00	21,93
01,01.2008	13 272	11,9	47,5	11431,40	8,10	40,23	5 983,80	39,65

Вместе с тем, следует осознавать, что Россия в первой четверти XXI века не в состоянии полноценно соревноваться с США, Китаем и

[1] *А.Смирнов*. Борьба с инфляцией закончилась кризисом / www.viperson.ru, 12 ноября 2008 г.

Западной Европой в полномасштабных фундаментальных исследованиях и НИОКР, затратах на развитие общекультурного потенциала. По оценкам Европейского исследовательского центра, в 2006 году США потратили на фундаментальную науку на 100 млрд. евро больше, чем Европа. А если к этому добавить затраты в США на культуру, образования, духовность, то мы увидим, что **на одного человека они на несколько порядков** (т.е. в десятки раз) превышают разницу между США и Россией в душевом доходе. Другими словами, возможности России по финансированию гуманитарной сферы **несопоставимы с потенциальными** возможностями конкурентов. Это создает угрозу значительно более серьезную, чем угроза разрыва в уровнях социально-экономического развития или военных потенциалов.

Действительно, если разница в 10 раз в душевом доходе или расходах преодолима в долгосрочной перспективе 15–20 лет, то разница в 30–50 или даже 100 раз в финансировании гуманитарных областей означает, что у отстающего перспектива догнать лидера выглядит крайне туманно. Базовые, фундаментальные области, прежде всего наука, культура, духовность, становятся в несопоставимой отношении, не только фиксируя огромное отставание, но и изначально лишая догоняющую страну всякой серьезной перспективы.

5.4. Инновации и политические приоритеты

«Необходимы средства на достойный уровень зарплат в области образования, здравоохранении, науке … Мы тратим на науку в процентах от ВВП меньше, чем Китай, при том что объем экономики у них в несколько раз выше»[1].

А.Клепач

«Данная стратегия – продолжение проводившейся на протяжении последнего десятилетия политика стимулирования инновационной деятельности»[2].

Инновационная Россия-2020

Подъем инновационной экономики в мире можно оценить в стоимостном выражении, как стоимость крупнейших компаний, но, как на самом деле, это будет стоимость «мозгов», – идей, технологических решений, приемов и т.п., где собственно «железо» играет небольшую роль. Как пишет В.Иноземцев, «… во всем мире поднимается новая волна инновационной экономики. Компьютерные и коммуникационные технологии, оригинальные интернет-проекты, биотехнологические компании – все они наращивают прибыли и капитализацию Apple, с 2001 года разрабатывающая новую линейку продуктов с префиксом «i», подорожала за последние 8 лет в 36 раз и по состоянию на начало мая была второй по капитализации компанией мира ($328 млрд.). Google, самый крупный поисковик, оценивается в $169 млрд., а Facebook, самая дорогая социальная сеть, – в $82 млрд. Крупные компании скупают мелкие – как, к примеру, Microsoft, объявившая о приобретении Skype за $8,5 млрд. – стремясь поучаствовать в их успехе»[3].

Действительно, разработанная по поручению В.Путина от 03.03.2010 года к концу этого же 2010 года программа «Инновационная Россия-2020» (Стратегия инновационного развития Российской Федерации до 2020 года) явилась «продолжением» предшествовавшей политики: в 2005 году были приняты Основные направления политики Российской Федерации в области развития инновационной системы на период до 2010 года, в 2006 году – Стратегия развития науки и инноваций в Российской Федерации до 2015 года. В рамках реализации этих программ и стратегий заложены основы действующей национальной инновационной

[1] *Е.Кукол*. Далеко гляжу. – Российская газета, 17 марта 2011 г., с. 5.

[2] Инновационная Россия-2020 (Стратегия инновационного развития Российской Федерации до 2020 года). – М.: МЭР, 2010 г. / http://www.economy.gov.ru/minec/activity.

[3] *В.Иноземцев*. Революция.com. – Известия, 20 мая 2011 г., с. 6.

системы, предприняты существенные усилия по развитию сектора исследований и разработок, формирования развитой инновационной инфраструктуры, модернизации экономики на основе технологических инноваций.

Каковы же результаты этой политики 5 лет? К сожалению, как оказалось, не смотря на рост финансирование и политические декларации, рост инновационной активности за 2007–2009 годы оказался … отрицательным. Что отчетливо видно из официальных статистических данных[1].

Показатели инновационной активности

Показатель	Детализация	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008
Удельный вес организаций, осуществлявших технологические инновации, %		–	–	7,6	7,3	7,4	5,7	8,0	6,6	5,6
Удельный вес отгруженной инновационной продукции организаций, %		–	–	–	5,6	5,0	2,9	3,0	3,2	2,8
Затраты организаций на технологические инновации по видам инновационной деятельности, млн. руб.	затраты на технологические инновации – всего	–	–	5753,8	7383,6	11171,0	4584,5	24453,8	23727	26381,3
	исследования и разработки	–	–	–	–	3700,7	2721,2	10955,1	9495,7	9366,2
	приобретение машин и оборудования	–	–	–	–	6339,2	1426,4	9791,7	8842,8	10337,7
	приобретение новых технологий, из них приобретение прав на патенты, лицензии	– –	– –	– –	– –	104,8 101,5	3,8 3,7	257,7 98,6	388,3 225,9	235,6 93,5
	приобретение программных средств	–		–	–	449,8	293	1234,7	414,9	809,6
	производственное проектирование	–		–	–	6,9	1,3	480,6	1071,9	1144,6
	другие виды подготовки производства	–	–	–	–	–	–	233,9	1866,4	263,5
	обучение и подготовка персонала	–	–	–	–	231,7	47,8	145,7	1866,4	332,7
	маркетинговые исследования	–	–	–	–	1,6	–	2,2	210	–
	прочие затраты	–	–	–	–	336.4	91,1	1352,3	1436,6	3891,4

Показатель	Детализация	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008

[1] Научный потенциал и инновационная активность в России. Выпуск 4. Статсборник. М.: Минобрнауки, РИЭПП, 2010 г., с. 60.

Удельный вес организаций, осуществлявших организационные инновации, по типам инноваций, %	реализация новой или значительно измененной корпоративной стратегии	–	–	–	–	7,6	9,3	2,5	57,1	50,0
	внедрение современных методов управления на основе информационных технологий	–	–	–	–	9,8	13,2	2,8	76,2	64,3
	внедрение новых или значительно измененных организационных структур	–	–	–	–	12,0	13,9	2,5	61,9	71,4
	нововведения в использовании сменного режима рабочего времени	–	–	–	–	4,4	3,6	0,5	9,5	10,7
	применение современных систем контроля качества и сертификации продукции	–	–	–	–	9,6	8,9	2,5	66,7	50,0
	реализация новых или значительно измененных методов и приемов организации труда	–	–	–		5,8	6,5	–	19	–
	внедрение современных систем логистики и поставок сырья, материалов, комплектующих	–	–	–	–	5,6	4,1	1,2	9,5	28,6
	создание специализированных подразделений по проведению исследований, разработок, практической реализации научно-технических достижений	–	–	–	–	0,6	0,5	0,5	33,3	14,3
	организация и совершенствование маркетинговой службы	–	–	–	–	6,0	6,5	–	81	–
	внедрение корпоративных систем управления знаниями	–	–	–	–	–	–	–	–	28,6
	реализация мер по развитию персонала	–	–	–	–	–	–	3,3	28,6	82,1
	реализация новых форм стратегических альянсов, партнерств и прочих видов кооперационных связей с потребителями продукции, поставщиками, российскими и зарубежными производителями	–	–	–	–	–	–	0,8	52,4	25,0
	передача ряда функций и бизнес-процессов специализированному подрядчику (аутсорсинг)	–	–	–	–	–	–	1,8	4,8	60,7
	прочие организационно-управленческие изменения	–	–	–	–	0,4	0,3	0,7	–	7,1

Показатель	Детализация	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008
Удельный вес организаций, использовавших вычислительную технику, %	персональные компьютеры	–	–	–	–	92,9	95,5	96,8	97,4	95,7
	ЭВМ других типов	–	–	–	–	24,1	24,1	28,6	30,2	30,2
	локальные вычислительные сети	–	–	–	–	75,4	75,4	85	84,8	83,4
Удельный вес организаций, использовавших глобальные информационные сети, %	Организации, использовавшие глобальные информационные сети	–	–	–	–	76,8	81,1	86,7	92,2	92,1
	из них сеть Интернет	–	–	–	–	76,5	80,6	86,4	92,2	92,0
	Организации, имевшие веб-сайт	–	–	–	–	14,3	16,6	21,1	20,9	24,5
Затраты организаций	всего	–	–	–	–	5937,9	7158,7	9047,5	13457	15759,3
	на приобретение вычислительной	–	–	–	–	1489,3	1730,7	2319,6	2777,3	2172,5

на информационные и коммуникационные технологии, млн. руб.	техники									
	на приобретение программных средств	–	–	–	–	896,4	1004,8	1120,8	2474,6	2202,8
	на оплату услуг связи	–	–	–	–	1640,4	1792,0	2332,1	3112,7	3627,7
	из них оплата доступа к сети Интернет	–	–	–	–	–	–	216,1	289,4	498,2
	на обучение сотрудников, связанное с развитием и использованием информационных и коммуникационных технологий	–	–	–	–	43,4	83,5	118,7	83,6	456,7
	на оплату услуг сторонних организаций и специалистов по информационным и коммуникационным технологиям (кроме услуг связи и обучения)	–	–	–	–	1550,4	2124,2	2542,4	4149,8	6249,3
	прочие затраты	–	–	–	–	318.0	423.6	613,9	858,7	1050,2
Удельный вес организаций, использовавших сеть Интернет для связи с поставщиками и потребителями товаров (работ, услуг), %	для размещения заказов на товары (работы, услуги)	–	–	–	24,0	30,3	29,1	30,9	34,2	33,4
	для получения заказов на выпускаемые товары (работы, услуги)	–	–	–	15,3	18,8	18,1	19,8	16,9	18,6

Примечательно, что даже в таких отраслях, как производство электронного и оптического оборудования доля инноваций чрезвычайно мала и практически не увеличилась за 2002–2008 годы[1].

Показатели инновационной активности

Показатель	Детализация	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008
Удельный вес организаций, осуществлявших технологические инновации, %		–	–	24,4	25,9	26,0	26,8	27,0	26,7	25,8
Удельный вес отгруженной инновационной продукции организаций, %		–	–	–	9,6	8,7	8,9	8Д	10,2	8,8
Затраты организаций на технологические инновации по видам инновационнои деятельности, млн. руб.	затраты на технологические инновации – всего	–	–	5477,1	9704,7	7597,2	10377,2	20666,8	15190,1	18569,2
	исследования и разработки	—		–	–	2805,2	4309,5	7445,9	6275,5	7496,7
	приобретение машин и оборудования	–	–	–	–	2990,1	3355,2	10808,8	5662,7	6374,3
	приобретение новых технологий, из них приобретение прав на патенты, лицензии	– –	– –	– –	– –	150,5 55,9	146,3 93,4	63,4 44,3	148,2 71,9	112,9 65,2

[1] Научный потенциал и инновационная активность в России. Выпуск 4. Статсборник. М.: Минобрнауки, РИЭПП, 2010 г., с. 112.

приобретение программных средств	–	–	–	–	109,9	125,7	221,5	216,5	258,9
производственное проектирование	–	–	–	–	1125,9	2030,6	1325,2	1094,5	1890,6
другие виды подготовки производства	–	–	–	–	–	–	498,1	648,0	1769,8
обучение и подготовка персонала	–	–	–	–	57,0	52,3	70,6	340,9	108,3
маркетинговые исследования	–	–	–	–	86,4	130,4	128,4	82,6	47,0
прочие затраты	–	–	–	–	272,2	227,2	105,1	721,2	510,7

Как следует из той же «Инновационной России-2020», они отчетливо негативны: «… из запланированных в Стратегии развития науки и инноваций в Российской Федерации до 2015 года результатов на I этапе (2006–2007 г.) достигнуто **лишь менее трети от запланированных показателей**. При этом, большинство показателей оказались ниже предусмотренных инерционным сценарием (не учитывающим мероприятия, проводимые в рамках Стратегии), а некоторые демонстрировали негативную динамику …

На втором этапе (2008–2010 гг.) выполнения Стратегии развития науки и инноваций в Российской Федерации до 2015 года **средний уровень достижения запланированных показателей составил около 40%**, а большинство показателей по-прежнему **не достигают даже уровня, предусмотренного инерционным сценарием**, по отдельным ключевым показателям сохраняется негативная динамика[1].

Естественно возникает вопрос: если пять лет оказались безрезультатными (точнее – результата был отрицательным), то зачем «продолжать» такую же политику? Может быть дело как раз в этой самой политике? Конкретное представление о динамике за прошедшие пять лет и планах до 2015 года дается в отдельном Приложении № 3 (Сравнение целевых показателей … – допечатать), которое целесообразно привести целиком.

[1] Инновационная Россия-2020 (Стратегия инновационного развития Российской Федерации до 2020 года). – М.: МЭР, 2010 г. / http://www.economy.gov.ru/minec/activity.

Приложение 3

Сравнение целевых показателей Стратегии развития науки и инноваций в Российской Федерации до 2015 года с фактическими показателями за 2005-2010 гг.

	2005 (план) (факт)	2006 (план) (факт)	2007 (план) (факт)	2008 (план) (факт)	2009 (план) (факт)	2010 (план) (оценка)[12]
Задача 1. Создание конкурентоспособного сектора исследований и разработок и условий для его расширенного воспроизводства						
1. Внутренние затраты на исследования и разработки в % к ВВП						
инерционная динамика	1,36	1,49	1,54	1,57	1,6	1,63
с учетом реализации Стратегии	**1,36**	**1,51**	**1,62**	**1,71**	**1,91**	**2**
	1,07	1,07	1,12	1,04	1,24	1,32
2. Удельный вес внебюджетных средств во внутренних затратах на исследования и разработки (%)						
инерционная динамика	41	42,5	44,8	45	45,2	45,4
с учетом реализации Стратегии	**41**	**43**	**45**	**48**	**52**	**60**
	38,1	38,9	37,4	35,3	33,5	33
3. Удельный вес вузовского сектора науки во внутренних затратах на исследования и разработки (%)						
инерционная динамика	6	7,2	7,4	7,6	7,9	8,2
с учетом реализации Стратегии	**6**	**8**	**10**	**12**	**13,5**	**15**
	5,8	6,1	6,3	6,7	7,1	7,9
4. Удельный вес России в общем числе публикаций в ведущих научных журналах мира (по данным ISI) (%)						
инерционная динамика	**2,9**	**3**	**3,2**	**3,3**	**3,5**	**3,6**
с учетом реализации Стратегии	2,9	3,1	3,2	3,4	3,5	4
	2,7	2,4	2,5	2,5	2,5	2,5
5. Удельный вес выпускников вузов, принятых на работу в научные организации, в численности персонала, занятого научными исследованиями и разработками (%)						
инерционная динамика	2,2	2,4	2,6	2,8	3	3,2
с учетом реализации Стратегии	**2,2**	**2,9**	**3,5**	**4**	**4,5**	**5**
	1,7	1,7	1,7	1,8	1,8	1,9
6. Удельный вес исследователей в возрасте до 39 лет в общей численности исследователей (%)						
инерционная динамика	30	29,6	29,2	28,7	28,4	28
с учетом реализации Стратегии	30	**31,5**	**33**	**34**	**34,3**	**35**
		30,1	31	31,8	н.д.	32,8

7. Удельный вес расходов на формирование и развитие экспериментальной и приборной базы науки, создание сети федеральных центров коллективного пользования научным оборудованием в общих расходах федерального бюджета на гражданскую науку (%)						
инерционная динамика	3	2,8	2,6	2,4	2,2	2,1
с учетом реализации Стратегии	**3**	**3,5**	**4**	**4,5**	**4,7**	**5**
	н.д.	н.д.	н.д.	н.д.	н.д.	н.д.
8. Удельный вес научных организаций, имеющих доступ в Интернет по выделенным каналам связи (%)						
инерционная динамика	40	46	52	58	65	75
с учетом реализации Стратегии	**40**	**49**	**55**	**65**	**70**	**80**
	36,8	42,7	45,8	47	48,8	51,6
Задача 2. Создание эффективной инновационной инфраструктуры, обеспечивающей трансфер результатов сферы исследований и разработок в российскую и глобальную экономику, а также развитие МСП в инновационной сфере						
1. Прирост числа малых инновационных предприятий (единиц/в год)						
инерционная динамика	60	62	65	68	70	75
с учетом реализации Стратегии	**60**	**65**	**70**	**75**	**80**	**85**
	82	37	40	-30	-43	-20
2. Удельный вес инновационной продукции в общем объеме продаж промышленной продукции малых предприятий (%)						
инерционная динамика	0,5	0,5	0,5	0,5	0,6	0,6
с учетом реализации Стратегии	**0,5**	**0,6**	**0,7**	**0,8**	**0,8**	**1**
	0,3	1	2	1,6	1,4	1,3
3. Объем инновационной продукции (услуг, связанных с инновациями), реализованной организациями инновационной инфраструктуры (млрд. руб.)						
инерционная динамика	10,5	13,5	16,5	19	21	22
с учетом реализации Стратегии	**10,5**	**17,5**	**29,5**	**35**	**43**	**50**
	н.д.	н.д.	н.д.	н.д.	н.д.	н.д.
4. Число ежегодно создаваемых элементов инфраструктуры национальной инновационной системы (ед.)						
инерционная динамика	70	73	78	85	90	95
с учетом реализации Стратегии	**70**	**77**	**159**	**160**	**180**	**200**
	н.д.	н.д.	н.д.	н.д.	н.д.	н.д.
5. Объем инвестиций фондов, осуществляющих прямые и венчурные инвестиции в компании высокотехнологичных секторов (млрд. руб.)						
инерционная динамика	11	13	16	21	26	31
с учетом реализации Стратегии	**11**	**20**	**36**	**60**	**90**	**125**
	н.д.	н.д.	н.д.	н.д.	н.д.	н.д.

Задача 3. Развитие институтов использования и правовой охраны результатов исследований и разработок						
1. Коэффициент изобретательской активности (число патентных заявок на изобретения, поданных российскими заявителями в стране, в расчете на 10 тыс. населения)						
инерционная динамика	1,65	1,7	1,9	1,92	1,93	1,94
с учетом реализации Стратегии	**1,65**	**1,8**	**2**	**2,5**	**2,7**	**4**
	1,66	1,96	1,93	1,95	1,8	1,85
2. Удельный вес нематериальных активов в общей сумме активов организаций сектора исследований и разработок (%)						
инерционная динамика	0,9	1,2	1,5	1,9	2,5	3,5
с учетом реализации Стратегии	**0,9**	**3,5**	**7**	**10**	**12,5**	**15**
	н.д.	н.д.	н.д.	н.д.	н.д.	н.д.
3. Число зарегистрированных договоров об уступке патента и лицензионных договоров (тыс. ед.)						
инерционная динамика	2,1	2,2	2,3	2,4	2,5	2,6
с учетом реализации Стратегии	2,1	**2,5**	2,9	**3,4**	**4**	**4,6**
		2,4		2,7	2,4	2,4
4. Число выданных патентов (свидетельств) Российской Федерации на изобретения (тыс. ед.)						
инерционная динамика	21	20,9	23,4	25,1	26,9	28,8
с учетом реализации Стратегии	**21**	**25**	**26,5**	**30,5**	**30,9**	**31,2**
	23,4	23,3	23	28,8	34,8	40
5. Удельный вес используемых передовых производственных технологий, включающих объекты интеллектуальной собственности, в общем их числе (%)						
инерционная динамика	2,9	2,9	3,2	3,4	4,3	4,5
с учетом реализации Стратегии	**2,9**	**3,2**	**3,5**	**3,9**	**4,6**	**5**
	2,2	1,3	1,8	1,3	0,7	0,9
Задача 4. Модернизация экономики на основе технологических инноваций						
1. Удельный вес инновационной продукции в общем объеме продаж промышленной продукции на внутреннем рынке (%)						
инерционная динамика	6,5	6	6,4	6,7	7	7,5
с учетом реализации Стратегии	**6,5**	**7,5**	**8,5**	**10**	**12**	**15**
	4,4	5				
Удельный вес инновационных товаров, работ, услуг в общем объеме отгруженных товаров, выполненных работ, услуг отраслей промышленного производства на внутреннем рынке (%)[13]			4,8	4,7	4,4	4,3
2. Удельный вес инновационной продукции в экспорте промышленной продукции (%)						
инерционная динамика	5	5,5	5,9	6,3	6,5	7
с учетом реализации Стратегии	**5**	**6**	**7**	**8**	**10**	**12**

	8,2	7,7				
Удельный вес инновационных товаров, работ, услуг в экспорте отгруженных товаров, выполненных работ, услуг отраслей промышленного производства(%)[14]			7,9	7	5,5	5,4
3. Удельный вес предприятий, осуществлявших технологические инновации, в общем их числе (%)						
инерционная динамика	11,5	11,7	12,5	13	13,5	14
с учетом реализации Стратегии	**11,5**	**12**	**13**	**13,5**	**14**	**15**
	9,3	9,4				
Удельный вес предприятий промышленного производства, осуществлявших технологические инновации, в общем их числе(%)[14]			9,4	9,6	9,4	9,5
4. Удельный вес предприятий, осуществлявших организационные инновации, в общем их числе (%)						
инерционная динамика	29	29,5	32	35	38	40
с учетом реализации Стратегии	**29**	**30**	**35**	**40**	**45**	**50**
Удельный вес предприятий промышленного производства, осуществлявших организационные инновации в отчетном году, в общем их числе (%)[14]	-	3,2	3,5	3,5	3,7	3,9
5. Удельный вес затрат на выполнение исследований и разработок, приобретение объектов интеллектуальной собственности в затратах на технологические инновации (%)						
инерционная динамика	18	18,2	18,4	18,6	18,8	19
с учетом реализации Стратегии	**18**	**18,5**	**19**	**19,5**	**19,8**	**20**
	16,5	19,2	18,1	15,9	28,2	27

[1] Развернутое определение целей и задач долгосрочного развития, стратегию их достижения см. в Концепции долгосрочного развития Российской Федерации на период до 2020 года.

[2] Росстат, «Группа восьми» в цифрах – 2009 г.

[3] Утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 17 ноября 2008 г. № 1663-р.

[4] PISA, 2006 – программа международных оценок уровня знаний учащихся.

[5] источник: Федеральное Казначейство, ОЭСР.

[6] Росстат, Россия и страны – члены Европейского Союза – 2009 г.

[7] Росстат, Россия и страны – члены Европейского Союза – 2009 г.

[8] Росстат, Россия и страны – члены Европейского Союза – 2009 г.

[9] Термин может быть использован как для описания самого процесса создания новых продуктов, процессов, рынков (в этом случае синонимом является термин «инновационная деятельность»), так и для описания результата этого процесса (синонимы – «продукт (результат) инновации», «инновационная продукция (услуга, бизнес-модель, технология и т.д.)»). Близким по значению является русский термин «нововведение».

[10] Для целей статистического учета («руководство Осло») используется более широкое определение инноваций, включающее новизну для рынка и самого предприятия.

[11] Близкий по значению советский/российский термин – научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы (НИОКР).

[12] Оценка выполнена Институтом статистических исследований и экономики знаний Государственного университета – Высшей школы экономики.

[13] В связи с введением в статистическую практику Общероссийского классификатора видов экономической деятельности (ОКВЭД) (Постановление Госстандарта России от 6 ноября 2001 г, № 454-ст) изменилась методология расчета и уточнено наименование показателя, что предусмотрено программой федерального статистического наблюдения по форме № 4-инновация «Сведения об инновационной деятельности организации».

Как следствие во всех производных областях увеличивается разрыв. Даже при видимом сокращении разрыва в страновом и даже душевом ВВП. Что отчетливо видно на такой производной от фундаментальной науки отрасли как наукоемкие технологии.

Реальное архикризисное положение показывает соотношение долей различных стран в общем объеме экспорта мировой наукоемкой продукции. Для России это около 1%, а за вычетом военной техники – 0,1% (примерно на уровне Чехии и Португалии), а для США – порядка 25%. Сказанное означает, что соотношение по экспорту наукоемкой продукции между Россией и США составляет 200–300 к 1! Это и есть **реальное место** нынешнего российского научно-технического потенциала. И это при том, что из 34 важнейших технологических направлений Россия занимает лидирующие позиции в одной трети!

Получается, что недофинансирование науки и культуры в России ведет к еще большему отставанию в технологическом развитии. Если в первом случае, как уже говорилось, пропорция составляет 100:1, то во втором 300–500:1.

Есть здесь и прямая вина тех, кто отвечает в России за общую организацию науки и внедрение ее результатов. Так, в свое время в СССР был создан Всесоюзный институт научной и технической информации (ВИНИТИ), опыт которого использовали американцы, чтобы создать Институт научной информации и целую систему определения качества научных публикаций – Web Science. Кстати, на это работают и американские издания, составляющие две трети всех мировых научных изданий. Российские же журналы не переводятся, как правило, и не

включаются в электронные библиотеки. Сегодня поэтому можно найти не более 10% работ, которые написаны за последние 10 лет[1].

Поэтому реальное качество научной продукции нам не известно, однако нападки на остатки науки продолжаются. В том числе и административные. Получается, что государство не стимулирует развитие науки, например, в университетах, но требует не только научной деятельности, но и результатов, в т.ч. коммерциализации.

Между тем только 1% ученых готовы заниматься внедрением, хотя требовать это будут от всех.

В 2011 году началась масштабная модернизация российской науки. Первым ее этапом станет **аудит научного потенциала всех государственных НИИ и вузов**.

При этом наряду с привычными статистическими и финансовыми критериями оценки научных учреждений введены и новые – публикационная активность ученых, индексы цитирования и успешная коммерциализация научных открытий. **Они давно признаны во всем мире как надежные измерители качества науки**[2].

Подобные качественные характеристики не могут не потребовать и качественного изменения существующих подходов к фундаментальной науке и культуре. Конечно же, пропорциональный рост таких расходов росту ВВП, инерционный подход, здесь недопустим – слишком велико отставание. Преодолеть его можно только изменив **пропорции бюджетов всех уровней** в пользу фундаментальной науки и культуры. По моим оценкам, это должен быть рост не менее, чем в 7–10 раз, (т.е. рост бюджетных расходов с 1% ВВП до 7–9%).

Но вопрос не решается только деньгами. Требуется государственная политика опережающего развития науки и культуры по сравнению с другими областями и отраслями. И идеологические, и политические, и кадровые решения.

Этот политический – аспект качественной характеристики российской науки – проявляется все исключительно низкой инновационной активности в экономике. Как откровенно признается

---

[1] *Н.Куракова*. Немножко исследовательский институт. Известия, 11 февраля 2011 г., с. 7.

[2] *Н.Куракова*. Немножко исследовательский институт. Известия, 11 февраля 2011 г., с. 7.

МЭРом, в 2007 году число предприятий, осуществлявших технологические инновации, составило **лишь 8,5% от их общего числа**, а в 2009 – менее 7%. (!) Для сравнения, в Великобритании, Финляндии, Франции, Италии, Корее – 40–50%, в Германии этот показатель достигал 73%, Ирландии, Бельгии и Дании – 58–61%, Эстонии и Чехии – 41–47%. Ближе всех к России по данному индикатору Латвия – 17%, Болгария – 18%, Венгрия – 21% и Румыния – 22%. Стоит не просто задуматься, а всерьез проанализировать как может быть реализована стратегия инновационного развития, если вся экономика не восприимчива к инновациям.

Технологическое обновление происходит в значительной мере на основе заимствования зарубежных технологий, прежде всего, в форме импорта технологического оборудования. При росте с 1997 года общего количества передовых производственных технологий, используемых в российской промышленности в 2,6 раза, интенсивность внедрения отечественных технологий **снизилась на 36%.** Доля импорта в закупках нового оборудования составляет: в металлургии – 48%, химической промышленности – 60%, машиностроении – 56%, лесопромышленном комплексе – 67%. Иными словами Россия уже превратилась в зависимую от импорта машиностроительной продукции страну.

С одной стороны, импорт технологий закономерен, с другой, – свидетельствует о нарастании угрожающего разрыва между потребностями реальной экономики в технологическом обновлении и возможностями российского научно-исследовательского комплекса удовлетворять эти потребности.

Разрыв в научно-технической области России и США составляет не 7–10 раз, как в ВВП, **а в 70–100 раз!** Что является прямым (технологическим) следствием разрыва в научном и – что еще хуже – духовном развитии. Действительно, если разрыв в 3–5 раз в душевом доходе с США можно как-то пережить, то разрыв в сотни раз в средствах, затраченных на развитие интеллектуального и духовного потенциала нации может привести к ее исчезновению в ходе глобализации.

Вот почему следует, во-первых, **выбрать** некоторые, наиболее приоритетные и перспективные направления развития фундаментальной и прикладной науки, **наиболее важные области культуры и духовности,** сконцентрировав на них все ресурсы. Но не ограничиваться узким кругом. И естественно, резко увеличив расходы на эти цели. Как

это было при И.Сталине, который выбрал две суперпрограммы – ракетостроение и ядерное оружие. И смог преодолеть казалось непреодолимое отставание СССР от США в кратчайшие сроки. Сегодня угроза для России не менее опасна, чем во второй половине XX века: на кон поставлена уже не только государственная безопасность, но суверенитет и даже национальная идентичность.

Пока что ситуация в российской науке стабильно ухудшается. Даже по официальным данным Росстата[1].

Число организаций, выполнявших исследования и разработки, по государственным академиям наук

	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009
Российская академия наук	454	453	454	463	452	451	465	479	468	469
Российская академия сельскохозяйственных наук	291	300	290	286	297	297	292	312	304	302
Российская академия медицинских наук	62	66	66	67	67	66	68	69	68	67
Российская академия архитектуры и строительных наук	5	7	5	5	5	5	6	6	5	5
Российская академия образования	17	17	18	17	16	17	19	22	18	20
Российская академия художеств	2	2	2	1	1	1	1	3	2	1

Численность исследователей и затраты на исследования и разработки, связанные с нанотехнологиями

	2008	2009
Число организаций, выполнявших исследования и разработки, связанные с нанотехнологиями	463	465
Численность исследователей, выполнявших исследования и разработки, связанные с нанотехнологиями, человек	14873	14500
Внутренние затраты на исследования и разработки, связанные с нанотехнологиями, млн. руб.	11026,2	15113,1

Особенно это заметно по научным кадрам.

[1] Российский статистический ежегодник 2010. – М.: Росстат, 2010 г., с. 559.

Численность персонала, занятого исследованиями и разработками
(человек)

	1995	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009
Численность персонала – всего	**1061044**	887729	885568	870878	858470	839338	813207	807066	801135	761252	**742433**
в том числе:											
исследователи	**518690**	425954	422176	414676	409775	401425	391121	388939	392849	375804	**369237**
техники	101371	75184	75416	74599	71729	69963	65982	66031	64569	60218	60045
вспомогательный персонал	274925	240506	238933	232636	229214	223356	215555	213579	208052	194769	186995
прочий персонал	166058	146085	149043	148967	147752	144594	140549	138517	135665	130461	126156

Вот почему нужен решительный **политический шаг**, смена приоритетов в развития России. Наука и техника, создании реальных инновационных проектов. Шаг решительный и рискованный, но крайне необходимый, который потребует корректировки всей стратегии развития страны. Самый первый шаг, кстати, уже сделан в Послании Д.Медведева Федеральному Собранию 5 ноября 2010 года, в котором были обозначены национальные приоритеты и ценности. Вслед за ним следует выделить стратегические приоритеты, среди которых на первом месте должны стоять приоритеты развития отечественной науки, культуры и образования.

Понятно, что такая смена приоритетов для многих будет болезненна. Особенно в части изменения структуры бюджета и изменении налоговой политики. Что делается сегодня в наиболее динамично развивающихся в инновационном отношении государствах. Так, например, В США существует целая система льгот, направленных на стимулирование НИОКР[1]:

Закон предусматривает 9 различных стимулов, которые направлены на капитальные затраты, связанные с процессами исследований и разработок в области биологических наук и высокой стоимостью прикладных исследований до их перевода в разряд коммерчески выгодной продукции.

1. **Налоговый кредит на поддержку инвестиций в области биологических наук (ITC)**. Этот налоговый кредит равен 10 % от

[1] Ярославский план 10–15–20. The New York Academy of Science. – The New York City, August 20, 2010. p. 54.

стоимости имущества, приобретенного, созданного, перестроенного или возведенного за налоговый период.

2. **Кредит со взносом пользователя в Федеральное агентство США по контролю качества продуктов питания, напитков и лекарственных препаратов (FDA)**. Этот кредит составляет 100 % от взноса, уплачиваемого в Федеральное агентство США по контролю качества продуктов питания, напитков и лекарственных препаратов, лицензирующего продажу лекарственных средств и медицинских приборов. Кредит используется в налоговом году, в котором заявление для выдачи разрешения на производство лекарственных препаратов было утверждено FDA.

3. **Продление чистых операционных убытков на срок от 5 до 15 лет**. Это позволяет компаниям, сертифицированным в области медико-биологических наук, переносить убытки на срок до 15 лет.

4. **Исключение положения о регрессе в коэффициенте продаж, используемом при распределении доходов компании**. Это позволяет компании считаться подлежащей налогообложению в штате покупателя, если имущество доставлено или перевезено в другой штат.

5. **Рефинансируемый кредит на НИОКР**. Закон позволяет рефинансировать взятые компаниями или физлицами кредиты на НИОКР.

6. **Кредит на софинансирование НИОКР в области медико-биологических наук**. Закон обеспечивает допущенные компании средствами для получения кредита на НИОКР для расходов, не связанных с имеющимся кредитом на НИОКР.

7. **Списывание с налогооблагаемой базы расходов на клинические испытания лекарств для лечения редких заболеваний (орфанных лекарств)**. Закон позволяет штату Массачусетс компенсировать расходы на клинические испытания орфанных лекарств.

8. **Компании, работающие в области биологических наук, объявляются исследовательскими учреждениями при расчете налогообложения** в целях освобождения от налога с продаж и использования иных налоговых льгот.

9. **Освобождение от налога с продаж при закупках научного оборудования и вспомогательных систем**.

Аналогично в Индии, которая предоставляет налоговый вычет затрат на НИОКР в объеме 100–150%, а расходы на НИОКР включаются в себестоимость. Кроме того предусмотрены специальные инвестиционные налоговые кредиты[1].

Я, например, не уверен, что России нужен авианосный флот. Бюджет на его строительство, а также на создание авианосных соединений, баз, кораблей сопровождения и другой инфраструктуры будет огромен, а политическая целесообразность – сомнительна. В то же время этих денег вполне хватило бы на финансирование науки и культуры. Примечательно, что последствия такого финансирования, в т.ч. в области военных НИОКР, создания новых видов вооружений были бы более благоприятны для обороны страны, чем создание авианосных групп.

При этом важно подчеркнуть, что речь идет отнюдь не только о деньгах, но, прежде всего, о понимании в государстве и обществе **приоритетности** направлений развития науки и культуры в XXI веке, о воле правящего класса до конца использовать имеющиеся национальных богатств, накопленных за тысячелетия в России.

Условно говоря, существующий интеллектуальный, культурный и духовный потенциалы используются на небольшую долю в то время, когда более «бедные» в этом отношении страны используют их на 100%.

Во-вторых, требуется **усиление государственной поддержки** – сознательное и масштабное. Опыт Китая – более чем поучителен. В 1970-е и 1980-е годы китайская промышленность, даже, несмотря на дешевую рабочую силу, не могла производить сложные узлы и агрегаты, по цене и качеству сопоставимые с европейскими и японскими. Однако два десятилетия технологического обмена с «внешним миром» и иностранные инвестиции изменили ситуацию. **Главным фактором успеха стала государственная поддержка**[2] **–** признают российские авторы.

В-третьих, необходимы качественно иные **темпы роста** не только ВВП, но и в еще большей степени науки и культуры. Речь идет уже не о «разах», а о «порядках». Такие, которые ведут за собой неизбежный рост

---

[1] Ярославский план 10–15–20. The New York Academy of Science. – The New York City, August 20, 2010. p. 60.

[2] *О.Гавшина* и др. Увидеть грудь четвертого человека / Газета. 27 марта 2007 г., с.5.

инноваций и быстрое внедрение отечественных технологических достижений. Опыт Китая и Индии показывает, что это может быть только при условии роста ВВП не ниже 9–10%, который может обеспечить рост финансирования науки и культуры **не менее, чем на 30–40% в год**. Учитывая темпы роста мировой экономики до 5% в год, 12–15% прирост ВВП и 30% науки должно стать нормой для России в 2009–2020 годы. И в особенности необходимо обратить внимание на формировании социального потенциала российской науки, который выражается в развитии и создании **национальных научных школ**. Пока что численность таких школ и организаций стабильно сокращается[1].

Организации, выполнявшие исследования и разработки

Число организаций, выполнявших исследования и разработки

	1995	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009
Число организаций – всего	**4059**	4099	4037	3906	3797	3656	3566	3622	3957	3666	**3536**
в том числе:											
научно-исследовательские организации	**2284**	2686	2677	2630	2564	2464	2115	2049	2036	1926	**1878**
конструкторские бюро	**548**	318	289	257	228	194	489	482	497	418	**377**
проектные и проектно-изыскательские организации	207	85	81	76	68	63	61	58	49	42	36
опытные заводы	23	33	31	34	28	31	30	49	60	58	57
образовательные учреждения высшего профессионального образования	395	390	388	390	393	402	406	417	500	503	506
научно-исследовательские, проектно-конструкторские подразделения в организациях	325	284	288	255	248	244	231	255	265	239	228
прочие	277	303	283	264	268	258	234	312	550	480	454

[1] Российский статистический ежегодник 2010. – М.: Росстат, 2010 г., с. 557.

Число организаций, выполнявших исследования и разработки, по секторам деятельности

Годы	Всего	в том числе по секторам деятельности			
		государственный	предпринимательский	высшего профессионального образования	некоммерческих организаций
1995	4059	1193	2345	511	10
2000	4099	1247	2278	526	48
2001	4037	1248	2213	529	47
2002	3906	1218	2110	531	47
2003	3797	1233	1990	526	48
2004	3656	1230	1851	533	42
2005	3566	1282	1703	539	42
2006	3622	1341	1682	540	59
2007	3957	1483	1742	616	116
2008	3666	1429	1540	603	94
2009	3536	1406	1446	603	81

Наконец, в-четвертых, и с этого необходимо начинать, требуется **политико-идеологическое оформление избранного стратегического курса**, мобилизация всех ресурсов страны. В первую очередь волевых, человеческих, интеллектуальных, властных, тех, что раньше назывались «моральным фактором». Без такой сознательной мобилизации человеческого ресурса добиться чего-либо существенного невозможно. Как показывает мировая история и особенно история России, воля нации, идея, охватывающая огромные массы оказывается важнее всех иных ресурсов. Тем более это справедливо для XXI века, когда человеческий потенциал играет ведущую роль.

5.5. Национальные интересы и инновации

«На сегодня нет публичных фигур,
которые воспринимались бы россиянами
всех возрастов как «настоящие герои»[1].

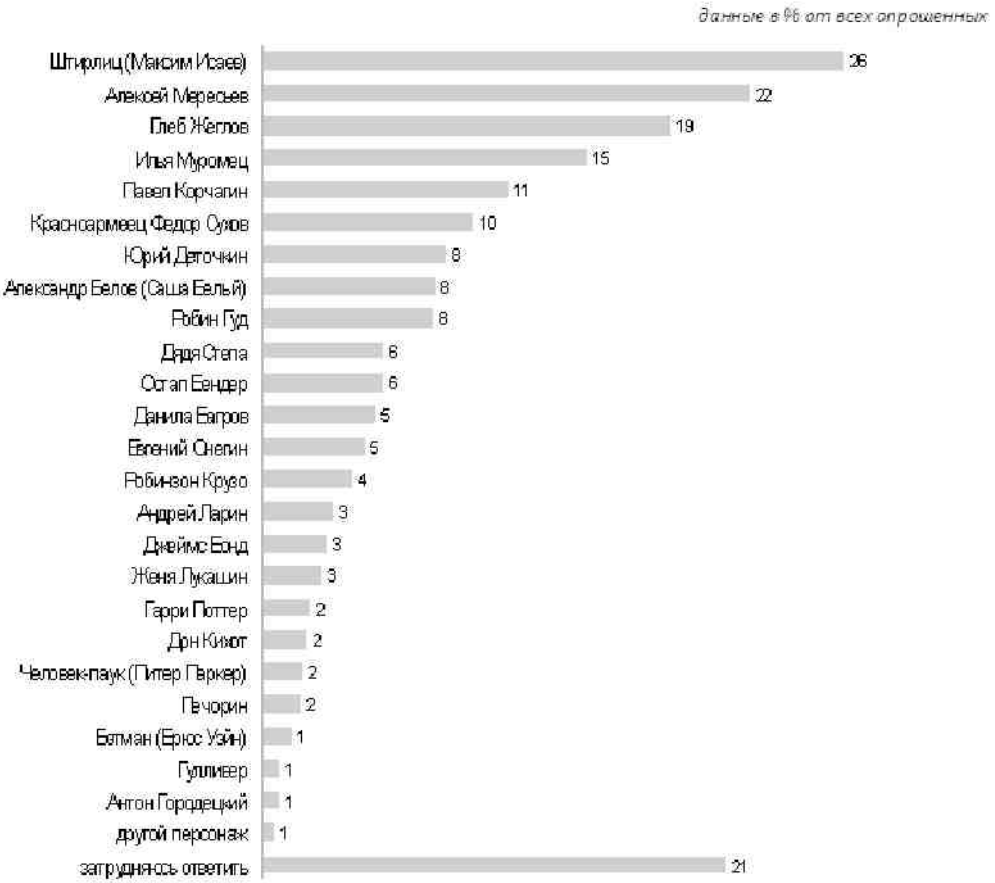
Опрос ВЦИОМ, декабрь 2009 г.

Инновации и модернизации вне национального контекста, общественного признания теряют смысл. Сами по себе они нужны только «абстрактной» экономике, существующей в «абстрактном» обществе.

Престижность ученого, учителя, творца в США и развитых странах чрезвычайно высока. По рейтингу престижности профессий он стабильно занимает 2–3 место. В России – ниже 40-го.

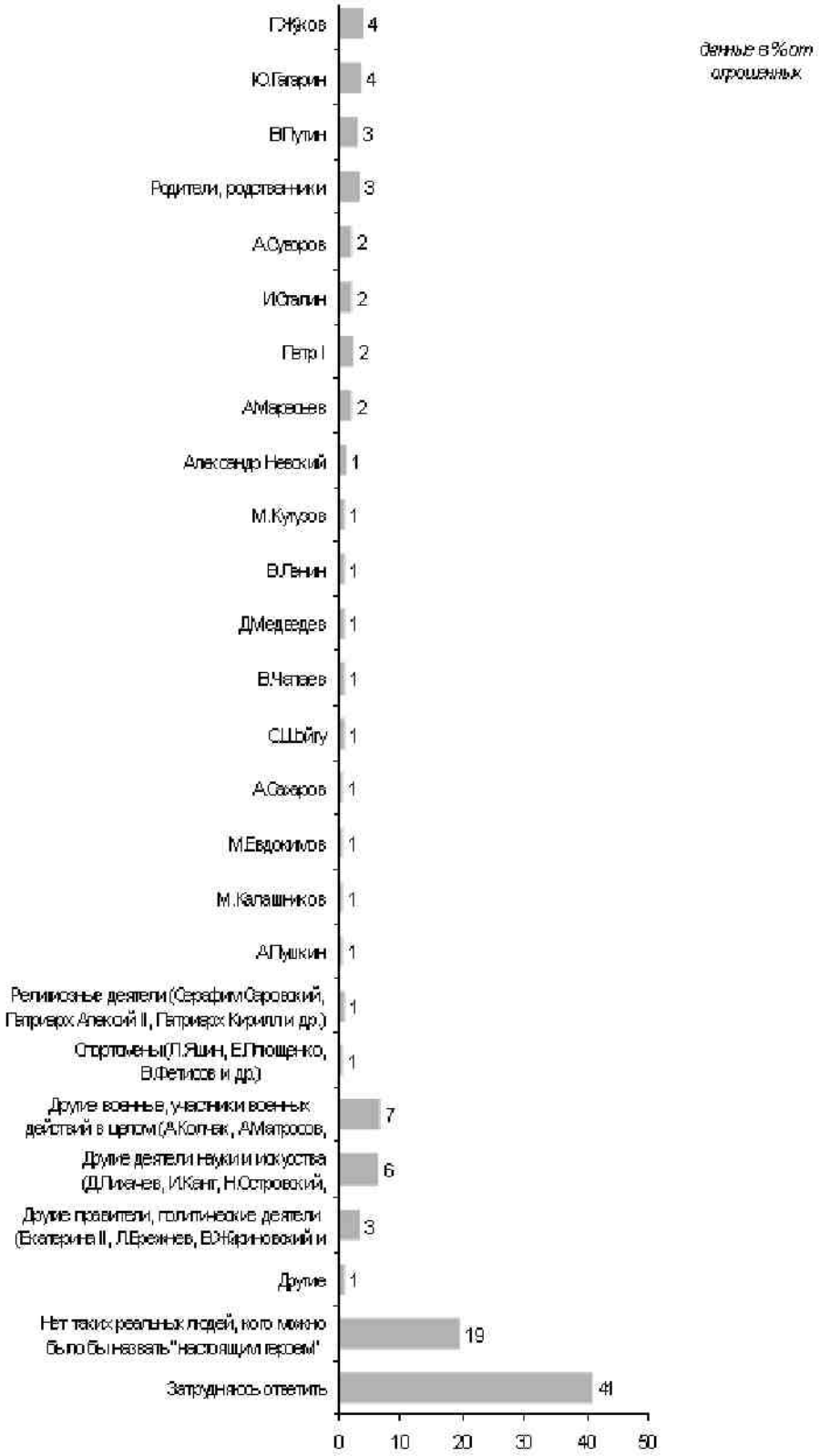
Ситуацию в полной мере отражает «рейтинг героев», подготовленный ВЦИОМ в декабре 2009 г.

Кто из перечисленных знаменитых персонажей книг и фильмов является для Вас «настоящим героем»?
(Карточка, не более трех ответов.)



[1] Рейтинг героев-2009. Пресс-релиз. 09.12.2009. ВЦИОМ / http://bd.fom.ru/report/cat/cult/.

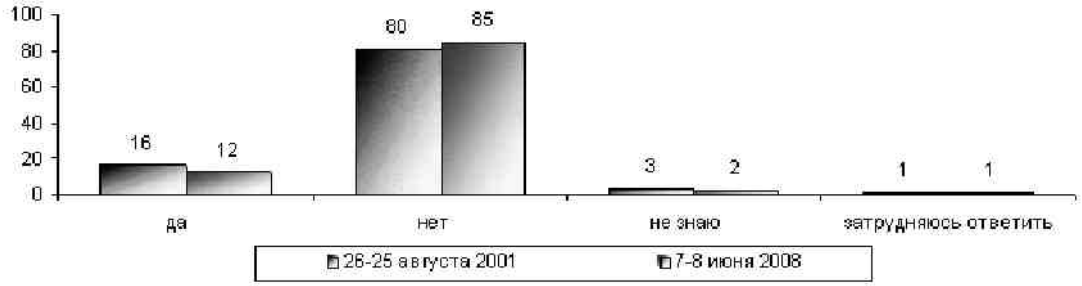
А кто из реальных людей, живущих сегодня или живших в прошлом, является для Вас «настоящим героем»?



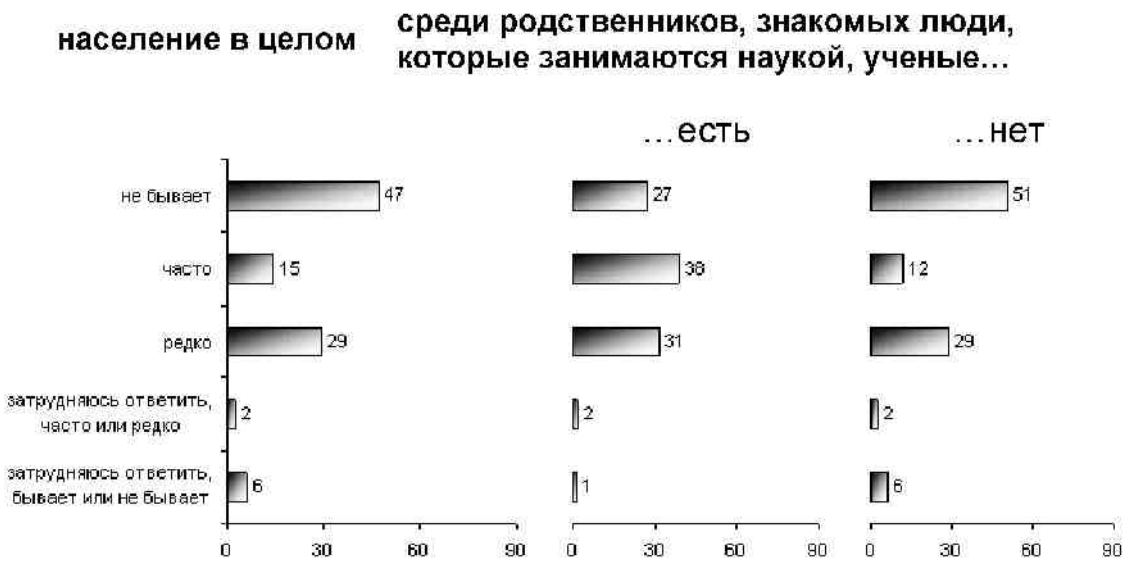
Престиж и положение исследователей в России оценивается в соответствии занимаемыми им местом в общественном сознании. Что также наглядно показывают опросы ВЦИОМ[1].

Авторитет и репутация ученых

Среди Ваших родственников, знакомых есть люди, которые занимаются наукой, ученые?

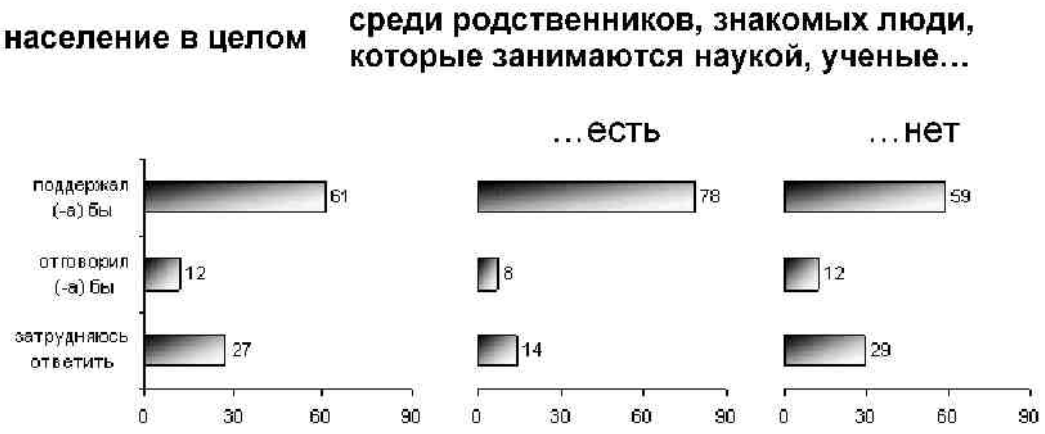


Скажите, пожалуйста, бывает ли так, что, обсуждая ту или иную тему со своими родными, друзьями, знакомыми, Вы ссылаетесь на мнения ученых или на какие-либо научные факты, сведения? И если такое случается, то часто или редко?



[1] О науке и ученых. Опрос населения. 12.08.2008 / http://bd.fom.ru/report/cat/sci_.

Представьте, что способный молодой человек - Ваш близкий родственник или хороший знакомый - думает заняться наукой, стать ученым. Скажите, пожалуйста, Вы скорее поддержали бы его в решении заняться наукой или отговорили бы от такого решения?



Почему Вы скорее поддержали бы молодого человека в решении заняться наукой? (Открытый вопрос. Задавался заявившим, что они скорее поддержали бы родственника или хорошего знакомого в решении заняться наукой, – 61% от всех опрошенных.)

(в % от числа опрошенных)	
Это возможность самореализации для тех, кто хочет заниматься наукой	**20**
«Если ему интересно этим заниматься, то пусть воплощает свои идеи»; «если у него есть тяга, то почему бы не поддержать?»; «если человек хочет, надо дать возможность себя реализовать»; «заниматься наукой – значит развивать себя, этого родному человеку я желаю»; «ну, если человек чувствует, что это его призвание, зачем я буду его отговаривать?»; «пусть творит, если способный»; «стремление к саморазвитию»; «уважаю выбор человека»; «умный человек должен расти».	
Нужно развивать науку, наука приносит пользу стране и людям	**15**
«Без науки страна отстанет»; «для увеличения научного потенциала»; «надо науку свою развивать, всю технологию берем из-за границы»; «надо поднимать авторитет России»; «надо развивать науку в России – мы же патриоты своей страны»; «надо, чтобы наука продвигалась»; «наука – это движение вперед»; «пусть учатся, работают на благо всего народа»; «чтобы лучше была жизнь и польза для общества».	
Занятие наукой – это перспектива в жизни, можно многого добиться	**7**
«Будет большим человеком в будущем»; «будет много знать, поедет куда-то, жить будет в городе»; «в люди вышел бы»; «в последнее время это стало престижным»; «прославил бы фамилию»; «сможет продать свои мозги за границу»; «чем больше знаешь, тем выше будешь»; «это хорошо звучит – “ученый”, много льгот»; «лучше, чем могилы копать лопатой».	

Получение знаний – это хорошо, умные люди всегда ценятся	**6**
«Быть умным – разве плохо?»; «высшее образование всегда ценилось»; «знания всегда нужны, и такие люди ценятся во все времена»; «знания не помешают»; «каждый хочет, чтоб близкий человек был образованным»; «пригодятся в жизни знания»; «пусть будет хотя бы умный»; «сейчас учиться надо»; «ученье – свет, а неученье – тьма»; «я за любую учебу».	
Достойная, хорошая, интересная работа	**5**
«Важная, серьезная профессия»; «интересная будет работа»; «стоящее дело»; «хорошая работа»; «это достойное занятие»; «это же интересно»; «это очень интересная работа»; «это редкая и нужная профессия»; «это серьезная работа, требующая от человека хорошего поведения».	
Это возможность совершить открытие	**2**
«Вдруг он что-нибудь новое откроет?»; «может быть, что-нибудь умное придумает»; «может, его вклад в науку будет ощутим»; «надо же кому-то научные открытия делать»; «что-то новое изобрел бы, ранее неизвестное».	
Хорошая зарплата	**2**
«В науке платят сейчас хорошо»; «денег много они зарабатывают»; «зарплата высокая»; «лучше будет материальное положение»; «он сможет продать себя подороже»; «сейчас они получают нормальные деньги».	
Это дело молодежи, нужно обновлять кадровый состав ученых	**1**
«Иначе наука не будет двигаться, если молодые будут думать только о деньгах…»; «молодежи наука нужна»; «молодежь должна двигать прогресс»; «молодые должны двигать науку, у стариков уже маразм, а они держаться за свои былые привилегии и теплые места»; «надо приветствовать такие решения молодежи и всячески помогать»; «пусть за счет молодых обновляется состав ученых»; «пусть развивает науку молодежь».	
Нужно заниматься делом	**1**
«Очень хорошо, хоть чем-то будет заниматься»; «пусть лучше наукой занимаются»; «пусть лучше учится, чем занимается чем попало»; «чем больше людей будет заниматься наукой, тем меньше будет наркоманов»; «лучше пусть занимаются наукой, чем наркотой»; «чем водку пить, пусть наукой занимается».	
Мне бы этого хотелось, я этим интересуюсь	**1**
«Меня самого интересует наука»; «мне это симпатично»; «потому что я сам любопытен, мне все интересно в науке»; «я была бы рада, если бы родственник занялся наукой»; «я заинтересован сам наукой и хотел бы, чтобы и он добился в этой сфере успехов»; «я сам занимаюсь наукой».	
Другое	**1**
«Будет знакомый ученый»; «в бизнесе уже все поделили»; «должны же мы когда-нибудь настоящими людьми стать?»; «это люди особенные»; «люди живут не только материальными благами»; «он идет своим умом, а не только папиным и маминым»; «это более прилично, чем быть банкиром».	
Затрудняюсь ответить, нет ответа	**6**

Отчасти понимания этой необходимости в обществе уже возникло. Так, в прогнозе социально-экономического развития МЭРа признается, что **«Вариант лидерства в ведущих научно-технических секторах и фундаментальных исследованиях** соответствует инновационному сценарию. Данный вариант характеризуется модернизацией отечественного сектора НИОКР и фундаментальной науки, значительным повышением их эффективности, концентрацией усилий на прорывных научно-технологических направлениях, которые позволяют резко расширить применение отечественных разработок и улучшить позиции России на мировом рынке высокотехнологичной продукции и услуг».

На мой взгляд, это признание весьма симптоматично. Оно – банально с точки зрения объективных реалий, сложившихся еще в последней четверти прошлого века. Но эта банальность так и не стала банальной истиной ни в СССР, ни в России. Еще только становится. И этот процесс становления потребует усилий потому, что инерция «реформ» 80-х и 90-х годов будет в разных формах отрицать эту банальную истину.

Даже в признании необходимости научного лидерства в Концепции 2020 чувствуется эта тенденция. Хотя бы потому, что в Концепции констатируется, что научное лидерство «соответствует инновационному сценарию». Правильнее бы было сказать, что инновационный сценарий развития невозможен без научного и культурного лидерства страны.

Из этой же неверной причинно-следственной связи вытекает и другой вывод Концепции, который формулируется следующим образом:

«Потенциально Россия может претендовать **на лидирующие позиции в производстве авиакосмической техники, нанотехнологиях, композитных материалах, атомной и водородной энергетике**, биомедицинских технологиях жизнеобеспечения и защиты человека и животных, отдельных направлениях рационального природопользования и экологии и ряде других».

Все вышеперечисленные направления НТП – и это важно подчеркнуть! – являются следствием развития фундаментальной науки и в более широком смысле культуры. Развивать их не имея фундаментальных знаний и культуры просто нереально.

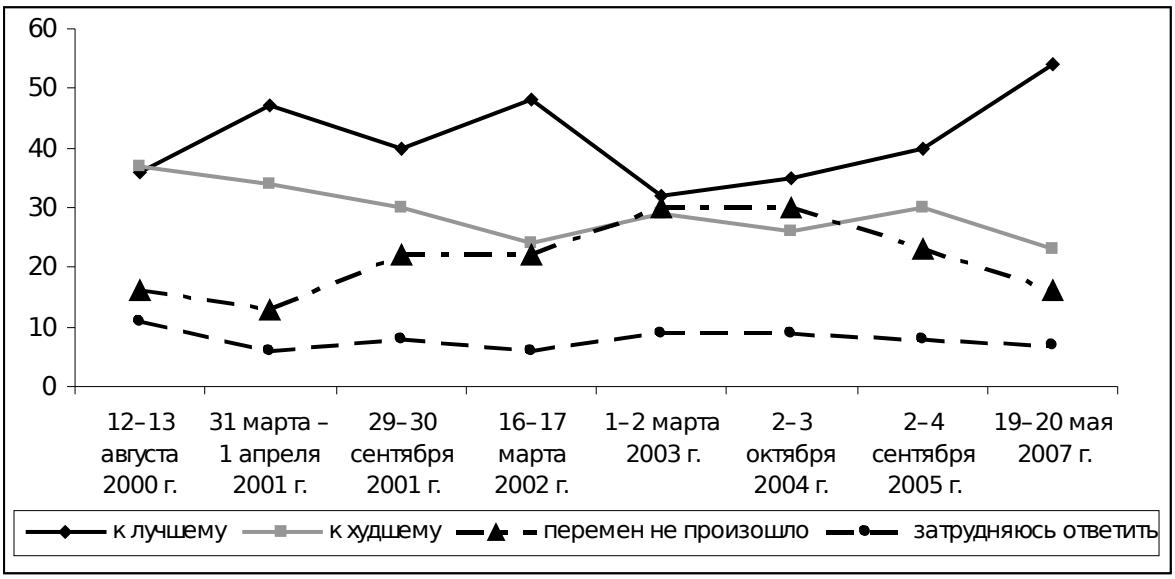
Это, кстати, признается в прогнозе социально-экономического развития России, подготовленного тем же МЭРом:

«Этот вариант научно-технологического развития характеризуется резким увеличением спроса на новые научные и инженерные кадры и предполагает формирование целостной национальной инновационной системы и восстановление **лидирующих позиций российской фундаментальной науки»**[1].

Вместе с тем и формулировка, и амбиции этой оценки очевидно недостаточно проработаны, я бы сказал, категоричны, У России просто нет выхода: либо быть научным и культурным лидером в мире (что кстати, я бы назвал глобальной политической сверхидеей России), либо потерять суверенитет и в конечном итоге независимость и территориальную целостность. Наука и Культура стали в XXI веке решающими факторами, определяющими мощь государства и нации.

Примечательно, что к 2008 году предпосылка для такой национальной мобилизации сложились. Это выражается прежде всего в постепенном выходе из депрессивного кризиса последних десятилетий, росте настроений специального оптимизма, что видно например, из следующих социологических данных[2].

Как Вам кажется, за последний год в жизни России произошли перемены к лучшему, к худшему или перемен не произошло?



[1] Основные параметры прогноза … с. 103.

[2] Социальная реальность. 2007 г., № 5, с. 51.

Две крупнейшие ошибки – недофинансирование фундаментальной науки и образования, культуры, духовности и искусства, а также игнорирование их приоритетности – продолжают оставаться **важнейшими препятствиями для ускоренного развития**. В своем последнем послании В.Путин специально акцентировал внимание на культурных и духовных ценностях. Впоследствии, в 2007–2008 годах, он не раз возвращался к этой теме. Конец XX и начало XXI века это период научно-технического и технологического соперничества. Но не только. В конечном счете это период соперничества культур, духовности, национальных ценностей. И та страна, которая проигрывает, а тем более добровольно уступает в таком соперничестве, уступает и поле экономического и специального соревнования, ставит под сомнение свое право на суверенитет и специальную самоидентификацию.

Строго говоря, в этом и была суть соревнования между СССР и США в 80-е годы. В среднесрочной перспективе 5–10 лет, на завершающей стадии информационного развития, именно от этого будет зависеть преуспевание государств и наций. Те страны, которым удастся это понять и реализовать, смогут даже «перепрыгнуть» через некоторые стадии развития. Те, что наиболее передовым государствам пришлось преодолевать последовательно. Так России не нужно создавать третье, четвертое, пятое поколения РС, теперь сразу можно перейти к шестому. Идея «технологического скачка», которой уделяется важное место в этой работе, – одна из **центральных в будущей стратегии развития России.**

«Перескакивание через этапы» имеет не только экономический, но и не менее важные, социальный и политические аспекты. Как уже говорилось, на будущей стадии развития главными критериями станут: потенциал человеческой личности, интеллект, уровень общей культуры. Даже в информатике рост скорости обработки и объемов памяти приведет к фактическому созданию искусственного интеллекта, т.е. другому качеству информационных ресурсов.

Соответственно и те социальные силы общества, которые определяли его структуры, доминировали в политике и экономике, на разных этапах **были различны**. На первом, индустриальном, этапе – буржуазия и промышленный пролетариат, на втором – финансовая и технологическая элита, на третьем – достаточно широкий социальный

слой **работников интеллектуального труда – создателей качественно нового интеллектуального, культурного и духовного продукта и услуг.** Уже сейчас в развитых странах в сельском хозяйстве занято два-три процента населения; в промышленности, транспорте, связи – 14–16%; в сфере услуг – 80–83%.

Пример очередного «технологического» решения проблемы национального развития – инициатива МЭРа о технологических платформах[1].

[1] О перечне технологических платформ. М., МЭР, 11 апреля 2011 г., сс. 2, 3, 4.

Участники

БИЗНЕС

Госкомпании

- ГК «Росатом»,
- ГК «Ростехнологии»,
- ГК «Роснанотех»
- ОАО «РЖД»,
- ОАО «Русгидро»
- ОАО «Интер-РАО ЕЭС»
- ОАО «ОАК»
- ОАО «ОСК»
- РКК «Энергия»
- ОАО «Газпром»,
- ОАО «Роснефть»,
- ЗАО «АЛРОСА»,
- ОАО «ФСК»
- ОАО «Холдинг МРСК»
- ОАО «Аэрофлот - российские авиалинии»
- ФГУП «ГКНПЦ имени М.В.Хруничева»

Частный бизнес

- ОАО «Лукойл»,
- ОАО «СУЭК»,
- ОАО «Полюс Золото»,
- ГМК «Норильский никель»,
- ОАО «Новолипецкий металлургический комбинат»,
- ОАО «Уралкалий»,
- ОАО «Сильвинит»,
- ЗАО «СИБУР-Холдинг»
- Уральская горно-металлургическая компания
- ОАО «МХК «Еврохим»
- ЗАО «ФосАгро АГ»
- АФК «Система»
- «ABBYY»
- «Лаборатория Касперского»
- «1С»

НАУКА И ОБРАЗОВАНИЕ

- Институты РАН,
- Институты РАМН
- Институты РАСХН,
- МГУ им. Ломоносова,
- Курчатовский институт,
- Физтех,
- МИФИ,
- МИСиС
- МАИ
- ЦАГИ
- ВИАМ
- ЦНИИМаш
- ВНИИПИнефть
- государственные научные центры,
- федеральные и исследовательские университеты

Потенциальные выгоды в среднесрочной перспективе для активных участников технологических платформ

БИЗНЕС

- Улучшение среды для инноваций, стимулирование спроса на инновационную продукцию
- Улучшение качества подготовки кадров с учетом необходимых технологических компетенций
- Финансовая поддержка реализации инновационных проектов
- Новые возможности для технологической модернизации и расширения горизонта планирования
- Возможности для выпуска принципиально новой продукции
- Расширение возможностей для выбора партнеров, селекция лучших контрагентов
- Политическая поддержка на мировых рынках, возможности формирования международных альянсов по направлениям, характеризующимся высокими рисками и требующих объединения ресурсов
- Поддержка и внимание общественности, расширение спроса населения на инновационную продукцию (услуги)

НАУКА

- Привлечение бизнеса к партнерству с научными организациями, демонстрационный эффект для бизнеса, расширение спроса бизнеса на НИОКР
- Расширение компетенций, представляющих интерес для бизнеса (обучение, инжиниринг, дизайн, долгосрочное прогнозирование)
- Включение малых фирм, созданных научно-образовательными учреждениями, в сети субподряда
- Заполнение «провалов» прикладной науке
- Формирование новых кооперации в научном секторе
- Формирование центров компетенций, в том числе на уровне подразделений научных и научно-образовательных организаций
- Формирование потенциала для реализации сложных проектов с множеством участников

ГОСУДАРСТВО

- Определение средне- и долгосрочных приоритетов научно-технологической политики
- Концентрация на приоритетных направлениях модернизации экономики частных и государственных ресурсов
- Координация НИОКР, финансируемых за счет бюджетных средств
- Выявление направлений совершенствования регулирования, в том числе отраслевого
- Улучшение условий для распространения передовых технологий
- Повышение эффективности крупных госкомпаний
- Повышение результативности бюджетных расходов

Глава 6. Условие № 5: Эффективное использование ресурсов[1] и резервов НЧП в интересах опережающего развития

«… роль государства в предоставлении всем равных возможностей исключительно важна» [2].

Б.Обама

«Новая власть всерьез занялась идеологией» [3].

С.А.Дзюба

Достижение целей опережающего развития, как уже говорилось, зависит, во-первых, от адекватности понимания политической элитой целей (понимания национальной элитой интересов государства и общества), а, во-вторых, умения все той же элитой эффективно пользоваться имеющимся ресурсами.

При этом принципиально важно определиться с приоритетностью таких ресурсов. Если, например, главным ресурсом во Второй мировой войне были вооружения, прежде всего, танки и самолеты, то каков сегодня, в XXI веке главный ресурс?

На мой взгляд, ответ очевиден. Это – национальный человеческий потенциал НЧП)[4].

Важно также определить **для чего** нужны эти ресурсы. Как справедливо заметил М.А.Хрусталев, «… ресурсы предназначены для удовлетворения интересов (или потребностей – А.П.) и, соответственно, к последним они могут быть достаточными, недостаточными (дефицитными) и избыточными». Для современной России характерен прежде всего дисбаланс пространственного и демографического ресурсов, который может быть исправлен только развитием (количества и качества) национального человеческого потенциала.

Существующие и потенциальные ресурсы – огромный потенциал развития. Те из ресурсов, которые используются эффективно, становятся

---

[1] Вообще говоря, тема ресурсов в политике с теоретической точки зрения хорошо освещена профессором МГИМО(У) М.А.Хрусталевым. См.: *М.А.Хрусталев*. Методология прикладного политического анализа. М. – Проспект, 2010. Раздел «Ресурсы», сс. 54–56.

[2] *Б.Обама.* Дерзость надежды. Санкт-Петербург, 2008 г., с. 15.

[3] *С.А.Дзюба.* Возвращение гаранта / Независимая газета, 2008 г., 18 января, с. 11.

[4] В страна Евросоюза это признание давно стало банальностью. Так, на Лиссабонском саммите было признано, что «граждане – это главный ресурс Европы». (См.: Социальная Европа в XXI веке / Под ред. М.В.Каргаловой. М., Весь мир, 2011 г., с. 176.

факторами развития. Фактор – эффективно используемый потенциал. Если же потенциал не используется, т.е. не стал фактором, то он остается только потенциалом, возможностью.

Поэтому высшей управленческой задачей правящей элиты является реализация (превращение) потенциала в фактор.

Для этого надо, во-первых, чтобы элита смогла увидеть и правильно оценить ресурсный потенциал нации, а, во-вторых, распределить и использовать его максимально эффективно.

Первая задача, как ни странно, правящей элитой не решается уже многие годы. Она, например, «не замечает» таких огромных потенциальных национальных ресурсов как:

– культура, искусство;

– историческое наследие;

– духовность;

– патриотизм.

и другие нематериальные потенциалы нации, которые могут стать важнейшими факторами национального развития. Если, конечно, знать и хотеть их использовать.

Другая группа неиспользуемых ресурсов – институты социального потенциала общества, которые складывались как в имперский и советский, так и российский период. Так, например, российское палестинское общество, созданное более века назад, существовало активно и в советский период. Его недавняя реанимация привела к серьезному усилению внешнеполитических позиций России. Другой пример – общества дружбы с зарубежными странами, которые только недавно стали возрождаться под эгидой соответствующего агентства. ИХ потенциал колоссальный, но использовался он в последние годы на доли процентов.

Особое значение имеют творческие союзы и организации – союзы писателей, художников, фонды культуры и т.д., среди которых огромное значение имеют научные и технические сообщества, в которых концентрируется научно-техническая мысль.

Все эти институты социального потенциала – суть огромный резерв и ресурс национального развития, который игнорировался, а то и просто

уничтожался в последние годы. Использовать этот ресурс – важный задача.

Сегодня эта задача с точки зрения национального развития решается крайне неэффективно. Особенно, если речь идет об инновациях и модернизации. О чем свидетельствуют, например, следующие данные[1].

Основные показатели развития науки в наукоградах

	2006	2007	2008	2009
Наукограды	12	12	12	12
Организации, выполняющие научные исследования и разработки	84	93	91	94
Персонал, занятый исследованиями и разработками, *человек*	46917	45287	42601	42410
Внутренние затраты на научные исследования и разработки, *млн руб.*	12984,4	16864,7	22236,7	26668,3-
из них внутренние текущие затраты	12461,3	15965,0	20032,2	24330,9
Внутренние текущие затраты по видам работ:				
фундаментальные исследования	1811,0	2701,4	2256,6	2844,1
прикладные исследования	2756,6	3029,9	6173,6	6789,1
разработки	7893,8	10233,7	11602,1	14697,7
Из общего объема – внутренние затраты по приоритетным				
направлениям развития науки, технологий и техники, *млн. руб.*	3992,6	8628,8	14413,4	15517,3
Среднегодовая стоимость основных средств, *млн. руб.*	31629,6	45345,7	37497,4	41916,3

Как видно из приведенных данных, результаты (новые технологии) более чем скромны. Точнее – крайне малозначительны, а отвечающие мировому уровню – практически отсутствуют. С одной стороны, это очевидное свидетельство неспособности превратить научный потенциал наукоградов в реальный фактор. А с другой – может говорить о деградации этого потенциала, что выражается прежде всего, в конкурентоспособности на мировом уровне.

[1] Наука в России в цифрах: 2010. Стат. сб. – М.: ЦИСН. 2010 г., с. 209.

Вместе с тем научный потенциал наукоградов, хотя и деградирует, но не столь уж мал. Поэтому сегодня стоит проблема его эффективного использования и развития. Что видно из этих данных[2].

Создание в наукоградах передовых производственных технологий по видам

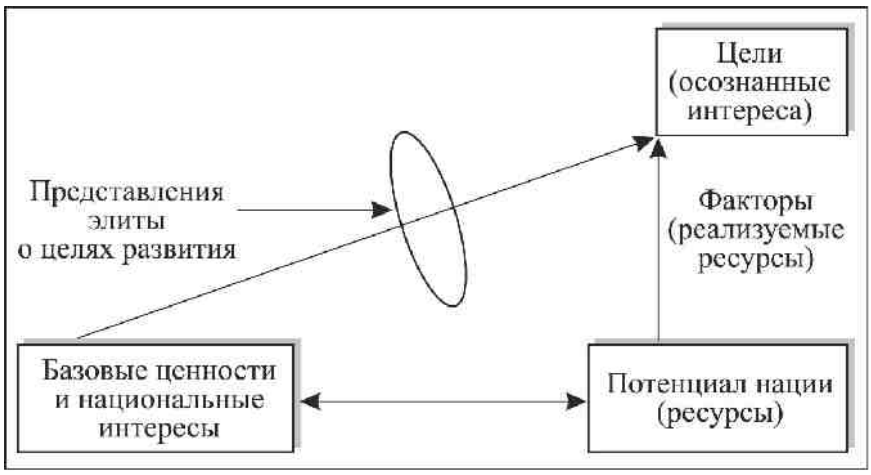
	Технологий – всего*				Из них							
					новые в стране				новые за рубежом			
	2006	2007	2008	2009	2006	2007	2008	2009	2006	2007	2008	2009
Передовые производственные технологии	**13**	**24**	**39**	**33**	**12**	**22**	**36**	**27**	**1**	**2**	**2**	–
Проектирование и инжиниринг	2	4	7	4	2	4	7	4	–	–	–	–
Производство, обработка и сборка	2	14	5	9	2	13	4	8	–	1	–	–
Аппаратура автоматизированного наблюдения (контроля)	4	4	7	8	3	3	6	8	1	1	1	–
Связь и управление	1	2	3	–	1	2	3	–	–	–	–	–
Производственная информационная система	–	–	2	–	–	–	2	–	–	–	–	–
Интегрированное управление и контроль	4	–	6	–	4	–	6	–	–	–	–	–
Нанотехнологии	–	–	9	12	–	–	8	7	–	–	1	–

* Включая принципиально новые.

Как видно из этих данных, при сокращении общей численности исследователей за 2006–2009 годы финансирование выросло почти в 3 раза, а по приоритетным развития науки, технологии и техники – почти в 5 раз! Результаты же, выраженные в появлении новых технологий отечественного уровня в 3 раза (с 12 в 2006 г. до 27 – в 2009 г.). Другими словами видна зависимость между ростом ассигнований и результатами. При этом такой зависимости между численностью исследователей и результатами не обнаруживается.

Схематично реализация целей выглядит следующим образом.

[2] Наука в России в цифрах: 2010. Стат. сб. – М.: ЦИСН. 2010 г., с. 208.



Как видно, решающими при достижении целей являются два условия. Во-первых, адекватное понимание элитой национальных интересов и базовых ценностей и, во-вторых, **использование национального потенциала, т.е. ресурсов** нации – общества, всей нации, государства. Как материальных, так и не материальных – интеллектуальных, культурных, духовных.

6.1. Ресурсы НЧП как главный резерв социально-экономического развития нации

«… чем выше уровень духовно-нравственного развития основной массы населения, тем успешнее развивается экономическая и политическая система страны»[1].

О.Богомолов

«Богатство России – ее прекрасная культура, ее духовный потенциал и пока еще достаточно развитый интеллектуальный потенциал, ее огромные природные ресурсы. Если она, т.е. ее народ сумеет использовать эти богатства и обратить их в силы и средства развития Отечества, она поднимется, преодолеет кризис и выйдет на широкую дорогу современного цивилизационного развития.»[2].

В.Ж.Калле

Соглашаясь с мыслью видного экономиста О.Богомолова, я вынужден сделать две существенные оговорки, которые качественно усиливают значение этого тезиса, переводя его в разряд приоритетных экономических условий. Во-первых, необходимо говорить не об «основной массе населения», а о нации. Духовность и нравственность отдельных социальных групп, конечно, имеет значение, но **национальный уровень** это – нечто иное. Даже качественно иное.

Во-вторых, речь идет, на мой взгляд, не о сильном влиянии духовности и нравственности, как у О.Богомолова, а о **решающем** влиянии духовности и нравственности нации на развитие экономической и политической системы государства.

Говоря сегодня, в начале второго десятилетия XXI века, о модернизации, российская элита (в том числе и те, кто разрабатывает и «обсуждает» Стратегию 2020) не понимают политического и экономического значения социального потенциала. Прежде всего институтов, формирующих духовность и нравственность нации. А это не только важнейшее **условие**, но и важнейший **ресурс развития**. Духовные, интеллектуальные и культурные национальные ресурсы России – это скорее не используемые резервы, чем, собственно говоря, реализуемые в общественном воспроизводстве ресурсы развития. Они, во-первых, являются важной частью НЧП, а, во-вторых, сегодня только с

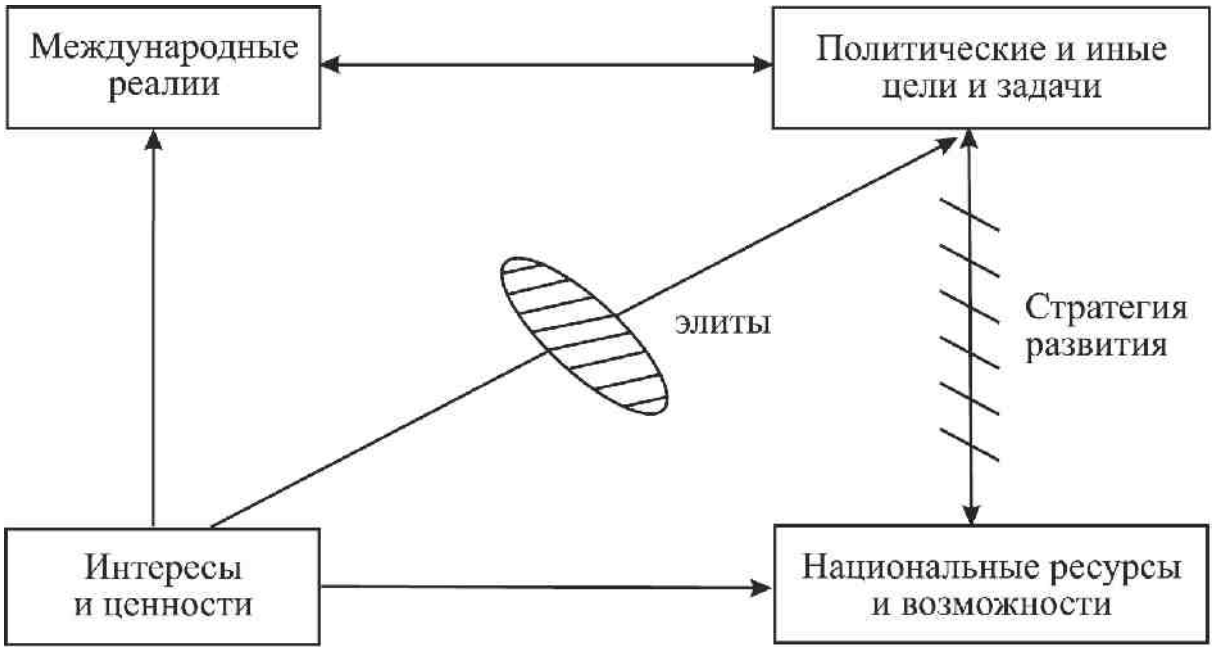
---

[1] Экономика и общественная среда: неосознанное взаимовлияние / Под ред. Богомолова О.Т. М.: Институт экономических стратегий, 2008 г., с. 367.

[2] *В.Ж.Калле*. Духовность и интеллектуальный потенциал. Библиотека креативной экономики. 16.02.2010 / http://creatirecanomy.ru/library/.

их помощью можно обеспечить реальное опережающее и качественное развитие, качественный скачок в развитии нации.

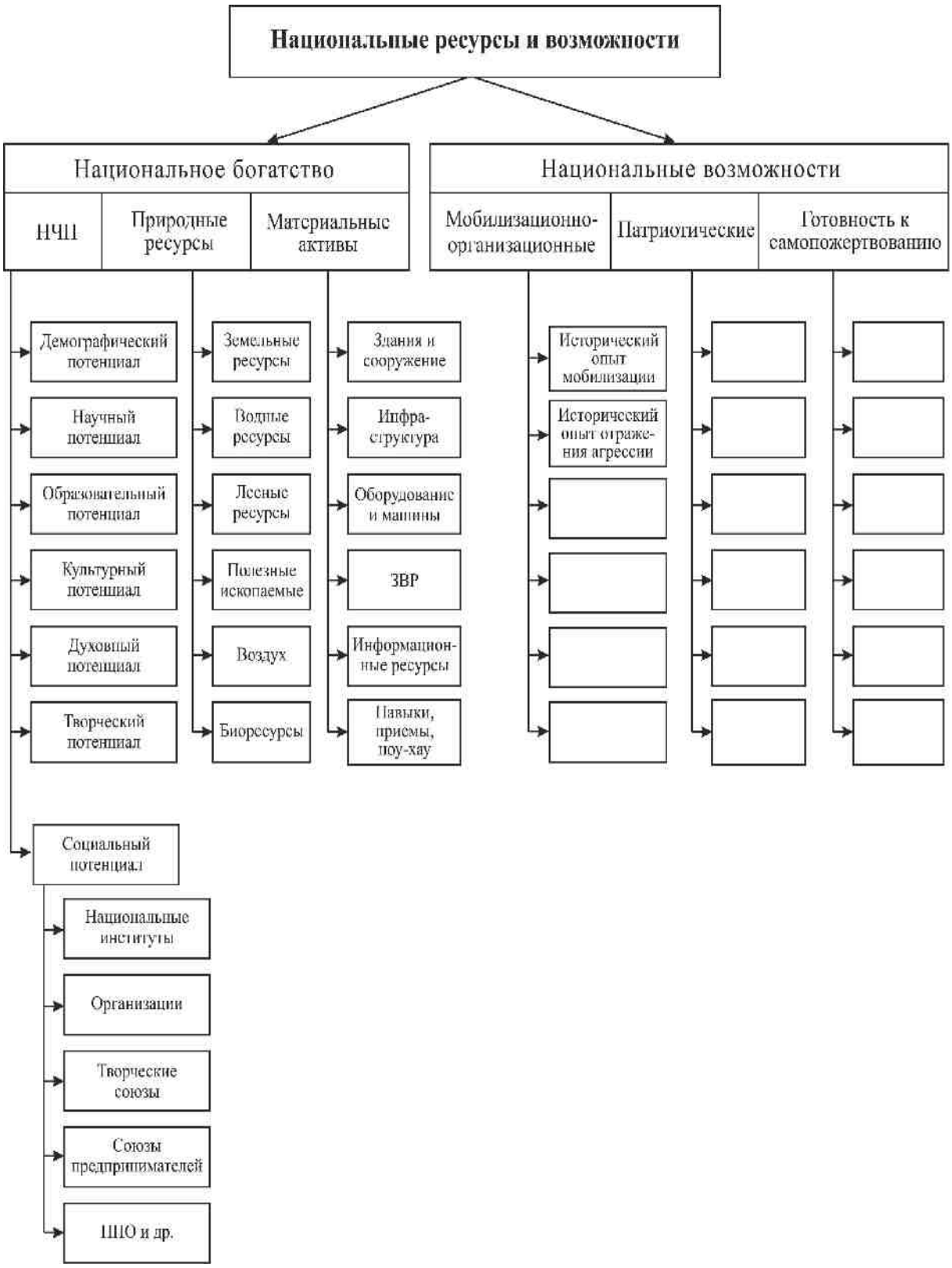
Если рассмотреть принципиальную схему формирования политики нации и государства, то мы увидим, что ее важнейший компонент обеспечения реализации целей – **ресурсное обеспечение или национальные возможности**. От них во многом зависит и избранная стратегия развития.



Рассмотрим этот блок подробнее. Его анализ во многом предопределяет насколько правящая элита видит эти возможности и использует их в своей стратегии развития.

Как видим, ресурсов (и не использованных резервов) более, чем достаточно[1].

[1] О национальных ресурсах достаточно много написано. Но эта тема до сих пор остается в тени. См., например: А.Подберезкин. Человеческий капитал. М., Европа, 2007 г.,. с. 88–92.



Из этого рисунка следует:

Первое. У России, как и у любого государства, как и у любой нации есть широкий набор ресурсов и возможностей, которые не сводятся только (а часто и исключительно) к экономическим и финансовым

ресурсам. Из рисунка, например, видно, что современные споры вокруг стратегии модернизации ведутся преимущественно по отношению к одному из видов национального богатства – материальным ресурсам. «За скобками» остаются, как правило, не только другие виды национального богатства – НЧП и природные ресурсы, – но и в целом национальные возможности. Которые возможно «обнаружить» и использовать только при появлении национально ориентированной идеологии и национальной элиты.

Второе. Рассуждая о соотношении сил в мире и будущем России, как правило, используют экономические и технологические сравнения и сопоставления, которые на порядок, т.е. в 10–20 раз, не в пользу России. И делают соответствующие выводы. Между тем, пытаясь измерить соотношение будущих сил в мире, надо сравнивать все ресурсы и возможности, формирующие такое понятие как «мощь государства». В этом случае выводы могут быть иными, ведь количественное превосходство как справедливо замечал профессор МГИМО(У) М.А.Хрусталёв, «принято подразделять на незначительное (1,5–2 : 1), значительное (3 : 1), подавляющее (5 : 1) и абсолютное (10 и более : 1)»[1].

Если, например, соотношение сил между Россией и США измерять как соотношение их ВВП (10 : 1), то оно абсолютное (но тяготеет и возможно как «подавляющее). Если это же соотношение измерять с точки зрения технологической, то оно (100 : 1), безусловно, абсолютное и бесперспективное. Но если сравнивать все национальные ресурсы и возможности США и России (адекватно оценив, например, накопленный научно-образовательный и культурно-духовный потенциал России), то такое соотношение может быть оценено как «значительное» или даже – при умелом использовании этих национальных ресурсов – как «незначительное».

В этой связи очень важным является вопрос о распределении ресурсов, в частности, на оборону. Элите предстоит сделать выбор – «масло» или «пушки». Одновременно претендовать на опережающее развитие, технологический рывок и огромные оборонные расходы, – невозможно. Невозможно ни поступиться интересами национальной

[1] *М.А.Хрусталев*. Анализ международных ситуаций и политическая экспертиза: очерки теории и методологии. – М.: НОФМО, 2008, с. 38.

безопасности, ни отстать в развитии (что будет в конечном итоге означать то же самое). Как считает эксперт МГИМО(У) И.И.Тимофеев, Россия «в 2005 и в 2007 годах выходит за рамки ресурсных ограничений и этот рост (военных расходов – А.П.) достаточно интенсивен»[1].

Одним из главных вызовов, стоящих перед миром (а, по справедливому мнению академика В.Макарова, – «самый» важный, но мало кем осознаваемый) является отсутствие адекватной теории развития человеческого общества и прогнозного инструментария[2]. Отсутствие такой адекватной теории ведет, в том числе и к неверным действиям – в политике, экономике, социальной сфере, – включая очевидную недооценку правящей элитой имеющихся ресурсов и резервов. Особенно в условиях переходных периодов, а тем более «фазового перехода» или кризисов, когда понимание стратегии развития, ее приоритетов становится особенно важным. Как писала, замечательный русский ученый Н.Бехтерева, «…больное общество может «выздороветь», не всегда двигаясь по гладкому пути, возможны и стадии дестабилизации. Однако именно эти фазы нуждаются в **наибольшем контроле** (подч. *А.П.*) для того, чтобы общественная **динамика развивалась в желаемом направлении**»[3].

Именно в переходные и кризисные периоды развития резко возрастает ответственность элиты за правильный выбор и адекватные решения, в том числе по полному использованию всех национальных ресурсов, которые трудно, почти невозможно, сделать, не имея общего понимания закономерности развития. В мире и, особенно у себя в стране. Так, в последней четверти XX века резко возросло значение научно-технического фактора и образования, от которых стали прямо зависеть как экономическая и военная мощь государств, так и темпы развития, устойчивость их социально-экономических и политических систем. В тех странах, где элиты адекватно оценили значение этих факторов, экономики и общественное развитие сделали стремительный рывок,

---

[1] *И.И.Тимофеев*. Дилемма безопасности. Риск вооруженного конфликта между великими державами. – Полис, № 4, 2009, с. 21.

[2] *В.Макаров.* Об экономическом развитии и не только в контексте будущих достижений науки и техники / Вопросы экономики. 2008 г., № 3, с. 43.

[3] *Н.П.Бехтерева*. Магия мозга и лабиринты жизни. Изд. «Сова», М., 2008 г., с. 15.

превратив их в нации – лидеры глобализации. Там же, где элиты не смогли адекватно оценить значение науки и образования, произошло не только экономическое отставание, но и политическая, и общественная деградация и развал государств. Пример СССР и постсоветской России – более чем показателен. Как справедливо заметил А.В.Юревич, «Что касается школ и вузов, являющихся крайне важными институтами нравственной социализации, пора вспомнить две простые истины. Во-первых, восходящий к классикам отечественной педагогики тезис о том, что образование должно включать не только обучение, но и воспитание, формирование просоциальной личности. В условиях современной России вторая часть этого тезиса предаётся забвению, в наших школах и вузах происходит асоциальная социализация, формирование личности, разрушительной для общества. Во-вторых, любая система воспитания предполагает не только «пряники», но и «кнуты» – разумные запреты и ограничения, а также действенные санкции за их нарушение»[1].

Вот и в сегодняшней России, столкнувшейся в 2008–2010 годах с системным кризисом, главным оказалось **неспособность правящей элиты выработать адекватную теорию опережающего развития экономики и общества**. Как следствие, – неэффективное использование имеющихся финансово-экономических ресурсов и игнорирование вообще других национальных ресурсов. Первые шаги в этом направлении, сделанные, в том числе В.Путиным и Д.Медведевым, в 2007–2008 годах, оказались, во-первых, запоздалыми, а во-вторых, не последовательным. В кризис Россия вступила **без** современной и национальной ориентированной стратегии, без идеологии развития, без представления о полном использовании ресурсов и всех национальных возможностей. Но так как в период кризиса 2008–2010 годов поиском ответов на эти вопросы никто даже и не пытался заниматься, российская элита в 2011 году столкнулась по сути с теми же вопросами. Попытки дать ответы на них Д.Медведевым в духе «поиска свободы», как это было в его программной речи, посвященной 150-и-летию отмены крепостного права, 5 марта 2011 года, ни к чему не приведут. «Свобода» оказывается таким же примитивным понятием, каким оно и было в предыдущие 25 лет.

---

[1] *А.Юревич*. «Асоциальная социализация» как основа нравственной деградации общества. – Вестник РАН. Т. 81, № 1, 2011 г., с. 10.

Как писал С.В.Кортунов, «свобода для либералов – универсальная ценность, превалирующая над всеми остальными; самоценное благо, которое не может служить лишь чисто утилитарным целям... Однако если рассматривать свободу в «негативном» смысле, как свободу от чего-то, то она рассматривается просто как отсутствие внешних ограничений»[1].

«Нынешние либералы отделили понятие свободы от совести, стыда, личной вины и ответственности», в результате чего «внутренние, моральные основы человеческого поведения заменяются внешними, формальными, а сдерживающие, нормативные начала ослабляются. Тем самым активизируются разрушительные потенции, сокрытые в глубинах человеческой психики. Возникает специфическая «неуправляемость», о которой всё больше и больше говорят в последние десятилетия, то есть, попросту говоря анархия. Свобода становится «даром данайцев». Отметим также, что подобное понимание свободы не является российским «изобретением». Так, свобода, пропагандировавшаяся французскими салонами эпохи Просвещения, «носила сугубо негативный характер, превратилась в свободу отрицания всех моральных устоев – веры, авторитета, традиций, опыта, уважения к власти, объявленных предрассудками»[2].

Использование ограниченного вида ресурсов и игнорирование других – продолжающаяся ошибка российской элиты, которая и сегодня «модернизирует» Стратегию 2020, исходя из наличия одного – финансово-экономического вида ресурсов.

Эта ошибка – неизбежна до тех пор, пока у элиты не сформируется устойчивая, национально-ориентированная, система взглядов, т.е. идеология.

На мой взгляд, разработка современной идеологии и стратегии это не только главный вызов для общества, но и **основной резерв для развития, в т.ч. и социально-экономического**. Речь идет, конечно же, об идеологии, которая сегодня формирует искусственные потребности, искусственные приоритеты и искусственные экономические тенденции. Прежде всего, либеральные. Но не только.

---

[1] *С.В.Кортунов*. Национальная идентичность. Постижение смысла. М.: Аспект-пресс, 2009 г., с. 216.

[2] *С.В.Кортунов*. Национальная идентичность. Постижение смысла. М.: Аспект-пресс, 2009 г., с. 216.

Идеология, как уже говорилось в первом томе моей книги «Человеческий капиталъ», является важнейшим резервом и ресурсом развития. К сожалению, эти возможности используются в минимальной степени. Это – последствие «деидеологизации», начавшейся в 80-ые гг. под руководством А.Яковлева и проводившейся в 90-ые годы неолибералами. В начале 2000-х гг. наметился осторожный, широко не декларируемый возврат, а позже, уже после 2005 года, как говорится в эпиграфе, «новая власть всерьез занялась идеологией».

6.2. Человеческий потенциал – главный неиспользуемый резерв национального развития

«… трансформация научных структур
и выработка мер научной политики
происходили хаотично и без учета
стратегических перспектив»[1].

А.Терехов

Игнорирование ресурсов НЧП элитой отчетливо прослеживается на двух этапах: 90-х годов, когда наука и НЧП в целом никак вообще **не учитывался**, и 2000–2010 годы, когда НЧП – недооценивался.

Социально-экономический кризис 90-х годов, сопровождавшийся кризисом в идеологии и отсутствием стратегии развития нации привел к качественному ухудшению научного потенциала страны. Это выражалось, например, в сокращении числа исследователей на 10 000 человек с 67 человек в 1990 году до 29 человек в 1999 году.

Но и в новом столетии процесс сокращения научного потенциала не прекратился. Он принял форму деградации, т.е. медленного умирания. Что видно на примере социально-научного потенциала, который медленно, но неуклонно сокращался за 2005–2009 годы[2].

Организации, выполняющие исследования и разработки, по видам экономической деятельности

	Число организаций				**В процентах к итогу**			
	2005	**2007**	**2008**	**2009**	**2005**	**2007**	**2008**	**2009**
Всего	**3566**	**3957**	**3666**	**3536**	**100**	**100**	**100**	**100**
Сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство	24	41	39	39	0,7	1,0	1,1	1,1
Промышленное производство*	249	311	279	270	7,0	7,9	7,6	7,6
Обрабатывающие производства	241	304	274	268	6,8	7,7	7,5	7,6
Научные исследования и разработки	**2628**	**2702**	**2484**	**2395**	**73,7**	**68,3**	**67,8**	**67,8**
Предоставление прочих видов услуг	117	121	103	93	3,3	3,1	2,8	2,6

[1] *А.Терехов*. Обеспечение кадрами приоритетных научных направлений (на примере нанотехнологий). – Вестник РАН, т. 81, № 1, 2011 г., с. 11.

[2] Наука в России в цифрах: 2010. Стат. сб. – М.: ЦИСН. 2010 г., с. 22.

Образование	428	544	543	541	12,0	13,7	14,8	15,3
Деятельность по организации отдыха и развлечений, культуры и спорта	90	146	141	137	2,5	3,7	3,8	3,9
Другие виды экономической деятельности	30	92	77	61	0,8	2,3	2,1	1,7

* К понятию «промышленное производство» здесь и далее относится сумма видов деятельности по разделам C, D, E Общероссийского классификатора видов экономической деятельности (ОКВЭД).

В самые «тучные» годы, когда стремительно рос ВВП страны и весь бюджет увеличился в разы, финансирование науки увеличивалось медленно, заметно отставая как от уровня зарубежных стран, так и потребностей страны. Особенно с учетом обвала 1990–2005 годов[1].

Ассигнования начгауку из средств федерального бюджета
(миллиарды рублей)

	2006	**2007**	**2008***	**2009***
Всего	**195,8**	**260,2**	**167,8**	**229,8**
Фундаментальные исследования	41,1	50,2	61,9	76,0
Прикладные исследования	151,6	206,0	102,6	146,6
Реализация международного				
научного сотрудничества	3,1	4,0	3,3	7,2

* В таблицах данные за 2008–2010 гг. приведены по совокупности расходов несекретной части федерального бюджета, опубликованной в открытой печати.

Справочно. С учетом изменения методологии составления бюджета ассигнования на науку из средств федерального бюджета в 2010 г. составят 228,2 млрд. руб., в том числе на фундаментальные исследования – 76,7 млрд. руб., на прикладные исследования – 151,5 млрд. руб., по состоянию на 1 ноября 2010 г.

Ассигнования на гражданскую науку
из средств федерального бюджета*
(миллиарды рублей)

	2006	**2007**	**2008****	**2009****
Гражданская наука – всего	**77,9**	**109,5**	**124,4**	**161,8**
Фундаментальные исследования	40,5	49,6	61,2	75,8
Прикладные исследования	34,3	55,9	59,9	78,8
Реализация международного				

[1] Наука в России в цифрах: 2010. Стат. сб. – М.: ЦИСН. 2010 г., с. 66.

научного сотрудничества	3,1	4,0	3,3	7,2

[*] Здесь и далее по гражданской науке – оценка ЦИСН.

[**] Данные рассчитаны на основе оценки Минфина России и структурно-динамических соотношений аналогичных показателей за предшествующие годы.

Справочно. С учетом изменения методологии составления бюджета ассигнования на гражданскую науку из средств федерального бюджета в 2010 г. составят 159,1 млрд. руб., в том числе на фундаментальные исследования – 72,9 млрд. руб., на прикладные исследования – 86,2 млрд. руб., по состоянию на 1 ноября 2010 г.

Продолжалась сужаться и социальная база исследователей. Даже после обвала 90-х годов. Что видно из следующих официальных данных[1].

Персонал, занятый исследованиями и разработками
(человек)

	Всего	**Исследователи**	**Техники**	**Вспомогательный персонал**	**Прочие**
2000	887729	425954	75184	240506	146085
2003	858470	409775	71729	229214	147752
2005	813207	391121	65982	215555	140549
2007	801135	392849	64569	208052	135665
2008	761252	375804	60218	194769	130461
2009	742433	369237	60045	186995	126156

[1] Наука в России в цифрах: 2010. Стат. сб. – М.: ЦИСН. 2010 г., с. 46.

Таким образом курс на «удвоение ВВП» и вхождение России в пятерку ведущих держав мира, а также модернизацию **не связывался** с ростом научного потенциала страны.

Речь идет, прежде всего, о неиспользуемых или малоиспользуемых **резервах, человеческого потенциала как главного фактора, определяющего темпы развития человечества в XX веке**. Рывок, который должна совершить наша страна, есть по сути дела – сверхзадача, а национальный потенциал человеческих личностей – сверхвозможности XXI века. Как справедливо писала, покойный академик Н.Бехтерева, «Интеллектуальный потенциал проверяется на сверхзадачах – если мозг общества находит для них сверхвозможности, за такое общество можно не тревожиться»[1].

Итак, по-Бехтеревой, логика действий элиты, соответствующая адекватной теории общественного развития, должна была бы быть такова: **во-первых**, постановки сверхзадачи, **во-вторых**, поиск сверхвозможностей, **в-третьих**, это и есть проверка «на интеллект» элиты и общества («мозг общества» по-Бехтеревой).

Применительно к современной России данный вывод более чем актуален. Споры о перспективах развития, которые привели к появлению Концепции 2020, вряд ли можно назвать высшей точкой в развитии интеллекта элиты России. Нет ни «сверхзадачи», ни поиска «сверхвозможностей». Другими словами российская элита к началу кризиса 2008 года не выдержала теста «на интеллект».

[1] *Н.Бехтерева.* «Магия мозга и лабиринты жизни. Изд. «Сова», М., 2008 г., с. 6.

Кризис 2008 года еще одно испытание «на интеллект» российской элиты. Это испытание должно быть пройдено на «стадии дестабилизации» (по-Бехтеревой если элита найдет в себе возможности принять стратегию (адекватную теорию развития), в которой есть и «сверхзадача» и решен вопрос о сверх возможностях». Если ответ на первый вызов – стратегия опережающего развития, рывок России, то на второй – ставка на человеческий потенциал.

Простой пример. Как известно, один из важнейших потенциальных ресурсов (резервов) развития экономики и общества – образование. Именно ставка на этот ресурс сделала возможным рывок США в последней четверти XX века, а Ирландии – в последние два десятилетия. В сочетании с научной деятельностью образование является важнейшим фактором развития XXI века. Но это – в потенции. Для того, чтобы образование стало фактором опережающего развития нужно понимание его значения у элиты и воля для превращения потенциала в фактор.

Теперь о положении в этой области в России. По большинству параметров, характеризующих образование, российская элита как минимум еще **не осознает** и уж точно не проявляет достаточно воли для превращения потенциала развития в фактор развития. Даже официальному признанию МЭРа, «на сегодняшний день высшая школа во многом потеряла инновационную, исследовательскую компоненту. Только 16% преподавателей ведут исследования, меньше 10% ВУЗов имеют исследовательский бюджет, превышающий 50 тыс. рублей в год на одного преподавателя. Российские университеты практически не присутствуют в международных университетских рейтингах»[1].

Очевидно, что образование – огромный неиспользуемый резерв для решения задач опережающего развития России. Если ни сказать – главный резерв опережающего развития. Даже (а, может стать, именно) в условиях кризиса.

Причин тому несколько. Но главная все-таки это неосознанность в полной мере значения образования как фактора опережающего значения элитой страны. На всех уровнях. От федерального до местного. Сегодня в России еще далеко до признания образования в качестве **ведущей отрасли экономики**, как это было сделано, например, в Ирландии. Тем

[1] Основные параметры прогноза … с. 79.

более, если нет такого признания, нет соответствующей государственной политики, включая бюджетной.

Усилия, предпринимаемые Правительством, представляются явно недостаточными, хотя иногда и выглядят впечатляющими. Особенно благодаря нацпроекту «Образование». Так, по плану социально-экономического развития число преподавателей, ведущих исследовательскую работу (т.е. находящихся на передовых рубежах знаний), предполагается повысить до 25% к 2012 году. Это выглядит, по меньшей мере, странно, ведь практически **каждый преподаватель** должен заниматься исследованиями (если не 100%, то 80–90%), ведь в противном случае знания, которые он передает, заведомо устаревают, отстают от потребностей экономики.

Не только зарубежный, но и отечественный опыт показывает, что только сочетание исследовательской работы с преподавание может дать положительный результат в подготовке специалистов.

Но бесспорно и деление ВУЗов на «многопрофильные» и «средние», хотя критериями и объявляется объем НИР и НИОКР. Более того, у Минобразования и в целом Правительства существует принципиально неправильное представление о высшем образовании, в соответствии с которым следует сегодня сокращать количество ВУЗов под предлогом повышения их качества.

Конечно, за качество вузовского образования нужно бороться, но, во-первых, качество подготовки в институтах в принципе не может быть одинаковым. Невозможно, например, добиться того, чтобы в региональных университетах готовили таких же квалифицированных специалистов как в МГИМО(У) или Физтехе. При этом – важно подчеркнуть, – что и такие специалисты народному хозяйству нужны.

Во-вторых, принципиально ошибочно сокращать прием в ВУЗы. В будущей экономике знаний уже не в столь отдаленном будущем высшее образование должно быть не только всеобщим, но и обязательным. Вот почему должен быть принят план выхода на этот рубеж к 2020–2025 году.

К другим резервам роста человеческого потенциала, прежде всего, следует отнести следующие факторы.

Прежде всего абсолютную невосприимчивость российской экономики – предприятий, организаций, учреждений – к инновациям из-

за отсутствия стимулов. Относительно низкая зарплата не стимулирует повышение производительности труда. Дешевый труд заменяет инновации. Поэтому на предприятиях малого бизнеса инноваций практически отсутствуют. Инновационную активность проявляют порядка 4% (!) предприятий (в развитых странах до 70%). Что видно из официальных данных[1].

Основные показатели инновационной деятельности малых предприятий промышленного производства по федеральным округам

	Уровень инновационной активности, ***проценты***		**Объем отгруженных инновационных товаров,** ***млн руб.***		**Затраты на технологические инновации,** ***млн руб.***	
	2007	**2009**	**2007**	**2009**	**2007**	**2009**
Всего	**4,3**	**4,1**	**12644,3**	**10215,7**	**10608,2**	**6793,5**
Федеральные округа:						
Центральный	3,6	3,6	6398,8	3884,7	5864,4	1967,5
из него Москва	1,7	6,0	727,3	586,3	442,0	283,3
Северо-Западный	5,1	4,5	1002,7	1127,7	1082,4	668,4
из него Санкт-Петербург	5,6	7,0	841,1	700,4	783,0	318,5
Южный	3,3	2,7	1053,8	677,5	680,3	240,0
Северо-Кавказский	–	2,5	–	168,4	–	140,4
Приволжский	5,6	5,0	2574,5	2446,1	1073,0	2104,8
Уральский	4,3	5,1	550,0	394,2	1022,4	747,6
Сибирский	4,8	4,3	1035,1	1460,9	529,5	575,8
Дальневосточный	2,8	3,6	29,4	56,2	356,2	349,1

Например, сохраняющуюся в некоторых регионах безработицу, которая (при определенных усилиях по переподготовке кадров) может компенсировать нехватку трудовых ресурсов, а, главное, – социально-демографическую политику, которая неадекватна реальностям. На этой проблеме, как важнейшем ресурсе развития, следует остановиться подробнее. Количество и качество **личностей**, в конечном счете, будет определять темпы развития общества и экономики. Сегодня по официальному мнению, «Инерция депопуляции, сложившаяся в 1990-х –

[1] Наука в России в цифрах: 2010. Стат. сб. – М.: ЦИСН. 2010 г., с. 194.

начале 2000 годов, к 2020 году может привести к сокращению общей численности населения до 140 млн. человек (142,1 млн. человек в 2007 году), населения трудоспособного возраста – до 77,8 млн. человек (с 89,9 млн. человек в 2007 году). К 2030 году население России в этих условиях может сократиться до 137 млн. человек, что создаст **угрозу безопасности и целостности страны, особенно за счет депопуляции восточных регионов России**.

Налицо превращение потенциала в **антифактор** развития. Соответственно отсюда вытекает задача: как минимум, не превратить потенциал развития в свою противоположность – антипотенциал, а, как максимум, добиться превращения этого потенциала в фактор. Как в политическом, так и в качественном отношении.

На нынешнем этапе предстоит решить задачу – минимум. Известно, что возрастной состав населения, начиная с 2009 года, существенно ухудшится вследствие вхождения в активный репродуктивный возраст малочисленных контингентов, родившихся в конце 1980-х – первой половине 1990-х годов. В структуре трудоспособного населения увеличится доля старших трудоспособных возрастов (45 лет и старше) и сократится доля молодых (до 29 лет). Соответственно, к 2020 году значительно увеличится демографическая нагрузка на трудоспособное население. Если в 2005 году на 1000 лиц трудоспособного возраста приходилось 580 нетрудоспособных, то к 2020 году будет приходиться 837.

Старение населения естественно будет стимулировать рост затрат на здравоохранение и социальное обеспечение, а также пенсионную систему, что потребует активного реформирования этих сфер с целью повышения их эффективности.

Другая важнейшая проблема – депопуляция при сохранении размеров складывающейся депопуляции неизбежно произойдет снижение плотности населения до параметров, **почти в три раза меньше среднемировых**.

Эти негативные тенденции могут быть преодолены в результате **активной демографической политики государства** и изменения **образа**

жизни российской семьи, повышения ценности рождения и воспитания детей по мере роста благосостояния и изменения поведения общества»[1].

Объективно ситуация в этой области описана в проекте доклада Общественной палаты, где, в частности, признается, что «сложившаяся ситуация во многом порождена недостаточным учетом демографических факторов в среднесрочной и долгосрочной социально-экономической стратегии государства», отсутствием комплексной программы выхода из кризиса и государственных органов, ответственных за демографическое развитие. А также недостаточной финансовой поддержкой деторождения и семьи. Средства, выделяемые на поддержку семей с детьми (расходы на семейные пособия, в отношении к ВВП сегодня вчетверо меньше, чем 10 лет назад, и примерно в 8–10 раз меньше среднего уровня таких расходов в европейских странах).

Отношение расходов на семейные (детские и материнские) пособия к величине ВВП сократились в России с 0,98% в 1996 г. до менее 0,3% в 2004 г. (вместо роста до 2,2%, предусмотренного «Основными направлениями государственной семейной политики», утвержденными Указом Президента Российской Федерации № 712 от 14.05.1996), Сегодня, когда политическая и экономическая ситуация в России намного лучше, чем в середине 1990-х годов, поддержание столь низкого (более чем в 3 раза ниже, чем в 1996 г.!) уровня государственных расходов на семейные пособия в условиях демографического кризиса не может быть признано оправданным.

Разница между фактически требуемыми и «нормативными» затратами на семейные и материнские пособия сопоставима с оценкой дефицита денежных доходов в семьях с детьми и напрямую обусловливает этот дефицит. Сегодня молодая семья располагает ресурсами на рождение и воспитание только одного ребенка, при этом около 70% семей хотело бы, при наличии соответствующих условий, иметь двоих и более детей. В то же время рождения второго и третьего ребенка почти не стимулируются, несмотря на то, что именно эти рождения способны изменить ситуацию. Примечательно, что этот вывод подтверждается современной действительностью. В первой половине 2007 года заметно (примерно на 10%) выросла рождаемость, что

[1] Основные параметры прогноза … с. 26.

связывается с самыми первыми, скромными и скорее моральными, шагами по поддержке со стороны власти.

Иначе как катастрофической такую политику назвать сегодня нельзя. Сотни тысяч детей обречены на криминальное будущее, когда их родители фактически отказались от их воспитания и образования. И если резервы безработицы практически исчерпаны, – уже сегодня остро ощущается нехватка многих специальностей и борьба за трудовые ресурсы предстоит уже с развитыми странами, – то в собственной стране остается потенциал, который либо ляжет бременем на экономику страны, либо будет использован в интересах развития.

Регионы с самой высокой безработицей

Регион	Количество зарегистрированных безработных	% к экономически активному населению
Российская Федерация	1744386	2,4
Республика Ингушетия	454419	34,1
Корякский АО	1529	11,8
Республика Тыва	11258	8,8
Кабардино-Балкарская Республика	32583	7,4
Республика Алтай	5588	5,9
Алтайский край	77243	5,9
Амурская область	22714	5,2
Магаданская область	5199	5,1

Данные Роструда на 1 марта 2007 г.

Другой фактор – миграция населения и иммиграция. Особенно квалифицированных кадров, которые для всех развитых стран вообще и России, в частности, стала главным конкурентным спором. Очевидно, что, с одной стороны, глобализация ведет к концентрации высокопрофессиональных кадров в мегаполисах, но, с другой стороны, – истощение кадровых ресурсов в регионах такой огромной страны, как Россия, неизбежно приведет фактически к обезлюживанию целых

регионов. Особенно, если сознательно и целенаправленно государство не будет оказывать поддержки этим регионам.

У России есть колоссальный ресурс в трудовых иммигрантах, прежде всего тех, кто социокультурно связан с национальной традицией. Это – миллионы русских и других граждан, способных и желающих активно трудиться. Вопрос в том как использовать этот ресурс[1].

Миграционные потоки в Россию
(оценка на начало 2008 г.)

* Имеется в виду численность трудовых мигрантов в сезон их максимального привлечения

Сегодня, с точки зрения условий оплаты труда, жизни и самореализации, душевого регионального ВВП и других факторов Россия

[1] Доклад о развитии человеческого потенциала в Российской Федерации 2008. Россия перед лицом демографических вызовов. М., 2009 г., с. 98.

четко разделена на два мегаполиса и провинцию. Что видно, например, по уровню зарплаты граждан[1].

Именно в регионах сегодня находятся не только главные неиспользуемые ресурсы. И не только природные, но и человеческие. Не трудно подсчитать, что на два мегаполиса – Москву и Санкт-Петербург, – к которым частично можно отнести и области, относится лишь 15–20% человеческого потенциала. Остальные 80–85% – это потенциал регионов. В том числе и потенциал человеческий, интеллектуальный, а не только природный.

Другой аспект этой проблемы – социальная структура общества. По оценке МЭРа она принципиально не изменится к 2020 году[2].

На протяжении всего рассматриваемого периода стабильно будет расти доля и численность занятых в гостиничном и ресторанном бизнесе, что свидетельствует о расширении объема предоставляемых услуг населению.

Структура занятых по 5 укрупненным группам видов экономической деятельности в 2006–2020 гг. (%)

	2006	2007	2010	2015	2020	2020 к 2006
Всего в экономике	100	100	100	100	100	
в том числе:						
сельское и лесное хозяйство, рыболовство и охота	10,8	10,2	9,2	7,5	5,7	53
промышленность	21,2	21,4	21,2	19,6	17	80,2
строительство	7,6	7,7	6,7	7,7	9,6	126,3
торговля, гостиницы и рестораны; транспорт и связь	26,8	27	28,1	29,9	32,1	119,8
финансовая деятельность, операции с недвижимым имуществом, аренда и предоставление услуг	33,7	33,8	34,9	35,3	35,7	105,9

Напомню, что доля населения США, занятого в сельском хозяйстве, рыбной промышленности и лесной отрасли, уже с 80-х годов не превышает 2%.

[1] *Д.Бутрин.* Рынок труда / Коммерсант, 2008 г., 24 января, с. 2.
[2] Основные параметры прогноза … с. 75.

Велика и доля, занятых в промышленности, а особенно в финансовом секторе, где лица, оперирующие с финансовыми инструментами (в основном клерки), вытесняют из творческих профессий.

Если говорить о креативном классе, то его в оценках МЭРа нет вообще, хотя он и является **главным** создателем нового продукта. Наверное, это не случайно, отражает представление Правительства о его роли в экономике страны.

Эта ситуация серьезно обостряется в связи с кадровым голодом: который возник у наших западных соседей. Так, Литву, после ее присоединения в 2004 году к Евросоюзу, покинуло более 300 тыс. человек. «Кадровый голод» охватил и Эстонию, и Польшу, которые предлагают более выгодные условия иммигрантам, чем Россия. И это притом, что в 2008 году, по оценкам Минздравсоцразвития, России потребуется более 2 млн. человек иностранной рабочей силы[1].

Но, главное, все-таки связано с перепрофилированием квалифицированных кадров, которое приняло в России масштабный характер. За последние 15–17 лет в результате перепрофилирования решительно меняется не только список профессий и специальностей, но и социальный состав общества. Общая тенденция такова: ежегодно, даже ежемесячно появляются десятки новых специальностей, одновременно исчезают старые.

Средние расходы на содержание одного заключенного

№ n/n	Страна	Расход (руб. в сутки)
1	Канада	12466 (2005)
2	Швеция	6789 (2006)
3	Великобритания	6760 (2006)
4	Финляндия	4292 (2005)
5	Австралия	3510 (2006)
6	Новая Зеландия	3375 (2006)
7	Словения	2128 (2006)
8	США (только федеральный уровень)	1759 (2006)
9	Мальдивские Острова	1628 (2005)

[1] Польша претендует на кадры из России / Независимая газета, 2008 г., 31 января, с. 5.

10	Чехия	1082 (2006)
11	Польша	508 (2006)
12	ЮАР	454 (2006)
13	Россия (только федеральный бюджет на 2007 год)	47 (2007)
14	Нигерия	43 (2005)
15	Гана	13 (2005)

Наконец, не следует закрывать глаза и на проблему возвращения в экономическую жизнь заключенных, количество которых в России ежегодно насчитывается около 1 млн. человек. Во-первых, на мой взгляд, значительная часть из них вполне возможно обошлась бы без этой меры пресечения. Даже если 30% находящихся ныне заключенных подверглись бы другим видам наказания, то это означало бы, что около 300.000 человек вернулись бы к активной экономической жизни. Другая сторона этой проблемы – социализация преступников: тюрьма – самое плохое место для того, чтобы надеяться на исправление человека.

Во-вторых, даже те сотни тысяч граждан, которые находятся в заключение, не являются окончательной потерей для общества, если общество что-то для них делает с тем, чтобы они вернулись готовыми к нормальной жизни. Опыт создания школ, курсов и даже ВУЗов при колониях показывает, что этот путь эффективнее, чем простая «отсидка». Наконец, недопустимые условия в тюрьмах свидетельствуют в т.ч. и о пренебрежительном отношении к этой части человеческого потенциала России. Так, по расходам на содержание, Россия находится на уровне Нигерии, в 20 раз уступая Чехии[1].

[1] Коммерсант Власть. 6 августа 2007 г., с. 64.

Глава 7. Условие № 6: Подготовка и смена управленческих кадров как усиление роли государства в развитии нации

«… основной проблемой будет поиск компетентных идеологов …».

В.Васильев

«Интеллигенция уже не может претендовать на то, чтобы знать за других или мыслить за них…»[1].

М. Мамардашвили

Государство – важнейший институт нации и общества, который играет ключевую роль в их судьбе. Ослабление, развал государства, нередко вели (как в 80-ые и 90-ые годы) к деградации нации и общества[2].

Правящей российской элите предстоит в ближайшее время сменить ведущие управленческие кадры. И не только из-за коррупции и не способности к получению конкретных результатов, сколько из-за того, что ставка на приоритет развития НЧП, социальной политики требует других людей и идей. В данном случае эффективность управления трактуется, как **способность реализовать заявление публично цели и ценности**. Смена этих целей и ценностей, потребует, соответственно, смены системы госуправления.

Сегодня, как правило, когда говорят об улучшении институтов, имеют в виду такие институты, как правовая среда, прозрачность госполитики, личная безопасность и пр. институты, попадающие в рейтинг конкурентоспособности, например, швейцарской бизнес-школы IMD. Общее их качество в России соответствует 2,7 балла из 10. «Россия на 46-м месте среди 49 стран. За 2000–2008 гг. оценка российских институтов снизилась на 0,6 балла, говорит Акиндинова: «Но снижение было во многих странах – в среднем на 0,5 балла: в период тучных лет за развитием институтов следить перестали». Однако важно, что у России один из самых низких уровней развития институтов, замечает она: в среднем по выборке он равен 5,1 балла, у развитых стран – 6–7, у группы неевропейских стран с формирующимися институтами – 4,3, у **Китая – 4,5 балла**.

---

[1] *М.Мамардашвили*. Интеллигенция в современном обществе / http://www.philosophy.ru/library/mmk/intelligencia.html

[2] В 90-ые годы я неоднократно писал об исключительно важной роли государства. См., например: *А.Подберезкин.* Современная русская идея и государства / Отв. ред. и рук. авт. кол-ва. М., РАУ-корпорация 1994. Современная Россия: реальный шанс. М,, 1995, РАУ-корпорация 1995 и др.

По расчетам ВШЭ, рост индекса качества институтов на **1 балл добавляет темпам роста экономики минимум 0,31 п.п. в год**. Это значит, что, если Россия постепенно повысит качество институтов до уровня Китая при росте экономики на скромные 3% (базовый сценарий Центра развития), чистый выигрыш от этого составит почти **12% ВВП через 20 лет**. Это сэкономит 3–4 года развития из 20, т.е. ускорит развитие на 15–20%»[1].

Вместе с тем за скобками остаются другие институты развития. На мой взгляд, из-за того, что они имеют слабое отношение к бизнесу, точнее прибыли частного бизнеса.

Решение задачи опережающего развития НЧП, реализация в короткие сроки «Большого скачка» обусловлено наличием необходимого кадрового потенциала. Это такой же важный ресурс, как и деньги, даже более важный. Нужны люди, способные реализовать эти планы, причем люди, обладающие прочной нравственной основой. И, что важно, ориентированные на решение задач развития нации. Особенно в госуправлении и на уровне местного самоуправления. Это одно из важнейших, если ни самое важное условие, без которого невозможно опережающее развитие страны.

Этому есть объективное объяснение. Оно заключается в том, что по мере развития общества и экономики управленческие задачи становятся не только сложнее, но и другими, а требования к кадрам – выше. Отличительной особенностью СССР и России в последние десятилетия (я полагаю, даже что весь XX век и начало XXI века) являлось то, что экономические и общественные системы становились сложнее, а кадры и эффективность госуправления хуже. Объяснений несколько. Главные из них следующие: требуются политики – идеологи, а не либеральные экономисты, которые с начала 90-х годов фактически управляют страной, а не только финансами и экономикой. Для них эффективность управления – «борьба с коррупцией и бюрократией»[2].

Конечно же, мешает. Но главное, все-таки, смена цели, целеполагание и, соответственно, стратегическое планирование, которые

---

[1] *О.Кувшинова*. Цена застоя. – Ведомости, 7 апреля 2011 г., с. 3.

[2] *А.Кудрин*. Эффективности системы госуправления в РФ мешает коррупция и бюрократия. – РБК, 3 марта 2011 г. / http://www.rbc.ru/rbcfreenews.

экономисты – либералы в принципе не способны сделать. И весь российский опыт это подтверждает.

Нужны историки, философы, социологи, культурологи и прочие представители социальных и гуманитарных наук, **способные стать идеологами** нового курса. Между тем доминируют экономисты и юристы, что заметил даже в январе 2011 года юрист-президент Д.Медведев. Не случайно статистика говорит и о засилье экономистов и юристов среди аспирантов, т.е. специалистов высшей квалификации[1].

Я полагаю (и не раз писал об этом), что основные требования r управленческой элите следующие:

– высокое качество образования;

– опыт и профессионализм;

– нравственность;

– способность к стратегическому прогнозу и планированию, оценке последствий принимаемых решений.

Не трудно заметить, что все десятилетия эти критерии **ухудшались**. Причем не только в советское время, но и в современной России. В особенности если речь идет о нравственности и способности к стратегическому прогнозу. Проблемы коррупции, неэффективности финансово-экономической и социальной политики – прямое следствие этих недостатков.

Документооборот в Минобрнауке, например, в 2010 году по сравнению с 2009 годом составил[2]:

– количество документов, поступивших в Минобрнауки России, возросло в 2 раза и составило 91734 единицы;

– количество поручений, поступивших в Минобрнауки России, возросло на 16,5% и составило 6250 единиц;

– количество поручений, поступивших от Президента Российской Федерации, возросло в 3 раза и составило 252 единицы;

– количество поручений, поступивших из Правительства Российской Федерации, возросло в 3 раза и составило 1522 единицы;

---

[1] Наука в России в цифрах: 2010. Стат. сб. – М.: ЦИСН. 2010 г., с. 39.

[2] А.Фурсенко подвел итоги ушедшего года озвучил планы на будущее. Об итогах деятельности Миннауки России за 2010 год и задачах на 2011 год. – 19 марта 2011 г. / mgimo.ru.

– количество документов, отправленных в органы государственной власти, увеличилось на 83,74% и составило 45400 единиц.

Численность, прием и выпуск аспирантов по отраслям наук
(человек)

	Численность аспирантов			Прием в аспирантуру			Выпуск из аспирантуры		
	2007	**2008**	**2009**	**2007**	**2008**	**2009**	**2007**	**2008**	**2009**
Всего	**147719**	**147674**	**154470**	**51633**	**49638**	**55540**	**35747**	**33670**	**34235**
Отрасли наук:									
физико-математические	7195	7157	7766	2625	2615	2998	1877	1837	1721
химические	3133	3098	3499	1114	1088	1359	817	814	775
биологические	6729	6861	6893	2266	2314	2303	1783	1635	1792
технические	35096	34324	36982	12794	11791	14367	7902	7528	7570
сельскохозяйственные	3691	3690	3915	1199	1271	1448	1024	979	1053
исторические	4443	4392	4495	1491	1421	1555	1263	1083	**1104**
экономические	**26856**	**26828**	**27689**	**9514**	**9186**	**9975**	**6394**	**5896**	**5900**
философские	2936	2909	2941	967	971	1015	774	709	695
филологические	6763	6577	6896	2105	2008	2309	1755	1665	**1591**
юридические	11584	11770	12294	4020	3860	4244	2608	2519	**2600**
педагогические	9884	10054	10300	3400	3223	3642	2344	2213	2226
медицинские	10144	10368	10575	3194	3194	3154	2700	2607	2791
фармацевтические	396	382	381	149	106	115	97	100	86
ветеринарные	1115	1103	1019	350	347	338	294	258	278
искусствоведение	2085	2132	2264	784	719	903	587	463	530
архитектура	506	474	348	176	169	61	133	112	90
психологические	3720	3816	3915	1355	1254	1374	814	760	720
социологические	3006	3175	3179	1101	1082	1059	717	579	686
политические	**2030**	**1937**	**1993**	**729**	**645**	**691**	**468**	**500**	**509**
культурология	1143	1107	1115	433	323	391	197	223	242
науки о Земле	5022	5233	5654	1787	1948	2105	1133	1110	1179
прочие	242	287	357	80	103	134	66	80	97

При переходе от стабилизации к опережающему развитию, который начался с 2008 года фактически параллельно с мировым кризисом, проблема эффективности госуправления стала особенно острой.

7.1. Государство и его институты[1]: роль в опережающем развитии

«Как бы хороша ни была политическая программа той или иной организации, если она не выигрывает выборы, реализация этой программы может осуществляться только в такой степени, в какой победитель решит ее использовать. Иначе говоря, качество предвыборных программ и декларация никоим образом не является гарантией победы на выборах и прихода к власти»[2].

Н.Злобин

«На инновации нужен спрос, и в его создании государство играет решающую роль»[3].

В.Никонов

Роль государства и его институтов в реализации стратегии национального развития и социально-экономической стратегии чрезвычайно велика, хотя регулярно питается под сомнение либералами. При этом важны два обстоятельства, характерные собственно для России.

Во-первых, в России традиционно, еще с раннего средневековья, государство играло исключительно важную роль в сохранении и развитии нации. Такую же важную роль оно играет и сегодня, за исключением тех случаев, когда правящая элита сознательно пытается эту роль ослабить или свести к минимуму. Как правило, это заканчивается трагедией. Особенно нагляден последний пример конца 80-х годов, когда сознательно ослабленные, даже дискредитированные институты государства привели в конечном счете к его развалу.

Во-вторых, мировой кризис 2008–2010 годов показал, что государства продолжают играть важную роль, хотя вся предыдущая политическая тенденция сводилась к простому тезису о том, что глобализация делает ненужным и даже опасным суверенитет и существование государств. Как оказывается, это относится не ко всем государствам. Часть из них, наиболее успешных (в т.ч. в глобализации),

---

[1] Этой теме я посвятил немало работ. В особенности в период конца 80-х–90-ые годы, года процесса развала государства шел особенно активно. В это время я предложил даже концепцию государственно-патриотической, общенациональной идеологии, которые сыграла определенную роль в деятельности оппозиции. Наиболее полно она отражена в статьях и хронике в работе, «Россия-2000. Современная политическая история (1985–1999 гг.) Т. I, Т. II, выпущенной мною и моими коллегами под эгидой движения «Духовное наследие». М., ВОПД «Духовное наследие». 2000.

[2] *Н.Злобин*. Золотой закон выборов. – Российская газета, 18 мая 2011 г., с. 3.

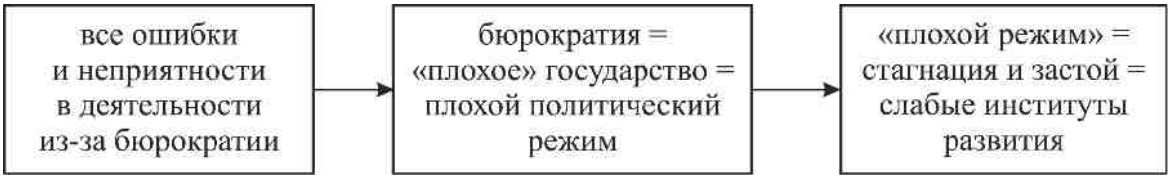
[3] *В.Никонов*. Государство и модернизация. – Известия, 7 апреля 2011 г., с. 6.

таких, как Китай, США, Великобритания, Франция и другие, отнюдь не считают государства и суверенитет отмирающими категориям.

Формирование новой стратегии социально-экономического развития России в соответствии с идеологией русского социализма предполагает усиление роли государства и его институтов. Но не только как «модернизатора сверху», о чем многие говорят, но как механизм национальной мобилизации.

Идеология внешних заимствований, которой стал придерживаться Д.Медведев в 2009–2011 годы, прямо противоречит идеологии развития НЧП. И прежде всего, когда речь идет о роли государства в процессе опережающего развития нации.

Идеологической мишенью в спорах 2010–2011 годов оказалась роль государства и его институтов в развитии России. Попав в «перекресток» прицела идеологической кампании, государства и его институты, как и в 90-ые годы, стало основной мишенью для нападок либералов, которые попытались выстроить упрощенную логическую схему:



Не трудно заметить, что логика современных либералов абсолютно, даже в деталях, повторяет кампанию А.Яковлева конца 80-х годов «борьбы с этатизмом» и начала 90-х годов – «борьбы с привилегиями». Боюсь, что с такими же негативными политическими и экономическими последствиями. Если в прежнее годы под обвинениями государства имелись в виду достижение политической цели – смены политического режима, – то сегодня к этому добавляется еще и перевод экономики и общественного устройства Россию в прямую зависимость от системы западных ценностей.

К модернизации и инновациям такая критика государства отношения не имеет. В советский период именно государство создало национальную инновационную систему, причем очень эффективную. Как напоминает В.Никонов, «**От первой записки о принципиальной возможности запустить спутник до его запуска проходит два года**. От первого

поручения изучить пока только медико-биологическую возможность отправки человека в космос до полета Гагарина – **два года**. Удивительные документы для всех желающих постичь логику и механику стратегического планирования.

Но, может, такая схема могла работать только у нас и только в советское время? В чистом виде, да.

Но везде, даже в самых рыночных экономиках, крупные инновационные прорывы – продукты государственных программ. Манхэттенский проект, приведший к созданию атомного оружия и ядерных технологий, был чистым госзаказом американского правительства. Интернет был разработан и запущен Пентагоном. Современные американские университеты с их первоклассным оборудованием способны производить инновации, но нельзя не учитывать, что в бюджете, скажем, Массачусетского технологического института доля средств, так или иначе связанных с государством, достигает 90%»[1].

Критика государства, которая приобрела в 2011 году характер мощной кампании, на самом деле, метила в политический режим В.Путина, который сформировался под лозунгами укрепления государства и политической стабилизации.

[1] *В.Никонов*. Государство и модернизация. – Известия, 7 апреля 2011 г., с. 6.

7.2. Период смены управленческой элиты

«… у нас президенты появляются
без всяких программ»[1].

О.Крыштановская

«Гибель России в её правителях.
Как сделать так, чтобы правили те,
у кого к этому талант и призвание,
а не те, у кого амбиции и связи»[2].

Б.Акунин

Сегодня «вертикаль власти», как говорят, «гниет с головы, но ее не чистят даже с хвоста»[3].

Действительно, как сделать так, чтобы управленческая элита в России отвечала требованиям, предъявляемым объективными условиями развития страны, а не субъективным обстоятельствам – амбициям, связям (а сегодня еще и деньги!)? Чтобы судьба целой страны не зависела от того, кто в силу различных факторов, в том числе и случайных, оказался у власти?

Вся история XX и XXI веков свидетельствует о том, что случайные, вполне субъективные факторы оказывали решающее влияние на судьбу страны. Как пришел к власти М.Горбачев, которому как будто кто-то сознательно расчищал дорогу? Цель «своевременных» смертей в 1982 году – Цвигун, Суслов, Брежнев, Щербицкий – привели к власти Андропова. Были ли они случайными? Очевидно, что такие совпадения невозможны, как, впрочем, и то, что эти смерти совпадали с другими совпадениями – отсутствием «главного врача», командировками Горбачева и многими другими случайностями.

Другой период смены элиты – начало 90-ых годов – также «череда случайностей», которые однако вписываются в общую закономерность – прихода к власти новых, близких Б.Ельцину людей, «обновивших» весь управляющий класс.

Та же история повторилась и в 1999–2000 годах с приходом В.Путина. И здесь проявилась общая закономерность – приход к власти «близких» людей, у многих из которых не было «таланта и призвания», зато были тщательно скрываемые амбиции, связи и … деньги.

---

[1] *А.Самарина*. Либеральная элита тестирует страну. – Независимая газета. 2 марта 2011 г., с. 1.

[2] *Б.Акунин*. Алмазная колесница. М., 2000.

[3] *А.Рубцов*. Кто шляпку спер, тот и тетку пришил. – Независимая газета, 18 мая 2011 г., с. 5.

Известно, что социальные революции на разных этапах выдвигают на первый план различные социальные и профессиональные группы. Не вдаваясь в детали их можно классифицировать как «революционеров» (уничтожающих прежние устои, – Б.Ельцин, Г.Бурбулис, Е.Гайдар и др.), «хозяйственников» (закрепляющих новое соотношение экономических и социальных сил, – В.Черномырдин и его команда) и – если стране повезет! – «компетентных креативщиков».

Требования, предъявляемые «историческим моментом», к этим группам, также разные. Если для «революционеров» важно сломать систему, бескомпромиссно бороться «против», зачастую не понимая, где конечная цель, то неизбежно сменяющая их команда «хозяйственников» должна уметь «делить и умножать», находить компромиссы. Период «хозяйственной» элиты в России совпал с периодом стабилизации, антикризисного управления, когда прагматизм, опыт и личная преданность были главными критериями, предъявлявшимися к элите.

Можно сказать, что 2000–2008 годы – период стабилизации – был периодом, когда «хозяйственная элита» была, не просто востребована, но на ее плечи легли самые трудные решения. При этом, учитывая российскую специфику, именно в этот период «на хозяйство» был поставлены так называемые «силовики», которые должны были бы лучше соответствовать критериям надежности и нравственности (что, естественно, получалось далеко не всегда).

Переход на этап опережающего развития, отход от времени «стабилизации», предполагает смену обязательных требований, предъявляемых к управленческой элите, а значит неизбежной смене элит. Старые управленцы-хозяйственники и силовики – должны уступить место новой социальной группе управленцев-креативщиков. И эта проблема в 2010–2011 годы обеспокоила всех от администрации и правительства до либералов, у которых в 2011 году настойчиво зазвучали мотивы смены путинской элиты. Как писал в апреле 2011 года И.Юргенс, «**Что касается подбора кадров**. Есть немало людей между 30–45, которые сейчас **являются реальными лидерами бизнеса, которые прошли школу здесь и там**. Они состоятельные и абсолютно не готовы заниматься какими-то откатами на своих постах, они были бы прекрасными министрами, и готовы к этому, и взыскуют эту позицию. Но

это при условии, если мы будем нужны. Мы ведь создавали сотню золотого резерва. Потом тысячу. Все они, вышеперечисленные, там есть, и стоят в этом ряду, и немножко удивляются – а зачем все это было затевать? И все же это пул людей, которые могут возглавить правительство модернизатора. И из действующего правительства есть несколько очень сильных людей, которые там же должны были бы остаться…

А про тех, кто должен уйти по идее вместе с Путиным, мы немножко демонизируем этих людей. Да, они не либералы, ну и что. **Пятой колонны не будет, это все раздутые мифы, она будет идеологическая, а не с погромом госвласти**[1]**.**

Именно поэтому труднее всего именно с третьей группой – компетентных креативщиков», – которые, во-первых, должны вытеснить «хозяйственников», т.е. заместить их на соответствующих должностях, а, во-вторых, предложить (навязать, заставить) стране и обществу **свой вариант развития,** а именно опережающего развития страны. Здесь все зависит от лидера и его персональной команды, которая, кстати, должна быть не только предана, но и **компетентна и креативна**. Как справедливо отметил один генерал ФСБ, «здесь все дело в команде, сформированной для решения стратегических задач по принципу компетентности». При этом можно согласиться, что основной проблемой будет «поиск и обнаружение компетентных идеологов, доступно и просто объясняющих народу и его лидерам перспективы социально-экономического развития страны»[2].

Важно при этом понимать реальную ситуацию, в которой оказалась Россия в этой области. Ее очень хорошо охарактеризовал А.Солженицын: «ИСТОРИЯ России особенно трагическая. И в ней нынешняя политика еще дальше от нравственности. После 70 лет тоталитарного гнета Россия попала в разрушительный вихрь грабежа национального достояния и населения. Наш народ не успел встать на ноги. Он не успел получить возможность применить свою инициативу, свои собственные силы к решению своей судьбы. Самоуправление в нашей стране подавлено.

[1] *И.Юргенс*. «Я за Медведева, потому что вижу в нем ряд качеств». – Независимая газета. НГ-сценарии, 5 апреля 2011 г., с. 1.

[2] *В.Васильев*. Простые постулаты будущего / Политический журнал, 2008 г., 21 февраля, с. 36.

Вместо него над нашими головами толпа чиновников. Наш политический класс составлен диким образом: из нераскаявшихся номенклатурщиков, всю жизнь проклинавших капитализм, а теперь восхваливших его; из хищных комсомольских вожаков; из абсолютных политических авантюристов; из находчивых экономических грабителей; и случайных людей, мало подготовленных к той роли, куда они попали. В этих условиях о России говорят, что Россия погружается в «Третий мир». Я с этим не согласен. Я всегда верил в то, что **наша традиционная культура, наш дух сильнее гнетущих материальных обстоятельств**»[1] (подч. *А.П.*).

На эти два обстоятельства я бы хотел обратить особое внимание, ибо уверен, что кроме прежних обязательных качеств (напомню – образования, профессионализма, нравственности и способностью к стратегическому прогнозу) в XXI веке добавляются еще **три дополнительных критерия**:

– **созидательность**, креативность способность к творчеству, созданию качественно нового продукта или услуги;

– высокий уровень **общей культуры**, который базируется как на национальных традициях, так и знаниях международных реалий;

– высокую степень духовности, которая не просто дополняет критерий нравственности, но и ставит его на качественно более высокую основу.

Налицо очевидное обострение старой, уже упоминавшейся проблемы: требования к управленцам **резко растут** (в том числе дополняются новые обязательные критерии), а их качество ухудшается.

К сожалению, масштаб этой проблемы в России еще полностью недооценен, хотя очевидный кадровый голод на управленческие ресурсы и на высокопрофессиональные трудовые ресурсы, возникший в 2007 году, уже начал остро сказываться на социально-экономической жизни страны.

Политические изменения, связанные с выборами в Госдуму и Президента России, должны были дать старт изменениям кадровым. Окончательному переходу от социальных групп «революционеров», «хозяйственников» и «управленцев» к «компетентным креативщикам».

---

[1] *А.Солженицын.* Наш дух сильнее гнетущего бытия / Аргументы и факты, 24 января 2001 г.

Появление в феврале 2008 года Стратегии долгосрочного развития, а в марте проекта концепции социально-экономического развития до 2020 года отчетливо зафиксировало эту тенденцию.

Значимых кадровых изменений, однако, не произошло. И не только из-за кризиса. Как и финансовая система России, в стране **отсутствует понимание и как следствие, осознанная государственная кадровая политика**. Что, естественно, углубляет противоречие между общественной потребностью и эффективностью госаппарата. На практике низкая эффективность особенно четко проявилась с началом кризиса в 2008 году.

К середине 2010 года, по мере преодоления кризиса в российской экономике, этот голод, «на идеологов» и кадровый, как я ожидаю, должен превратиться уже в **острейший кризис**, который по своей актуальности может стать более важным, чем даже энергетический. Кризис, возможно, не только экономический, но и политический. Жадная и недееспособная элита не раз доказывала не только неумение управлять, но и потеряла моральное право на управление. А это уже признак социального, даже политического кризиса. Массовая коррупция, вкупе с неэффективностью делает образ элиты крайне неприглядным. Особенно ясно это становится в кризисные периоды (например, такие, как летние пожары 2010 года), когда одновременно вскрываются вопиющие случаи казнокрадства.

При этом кадровая политика власти вызывает множество вопросов. Прежде всего с точки зрения профессиональной переподготовки кадров, масштабы которой совершенно не соответствуют поставленным задачам. Так, программа подготовки управленческих кадров для организации народного хозяйства действует в России с 1998 года. За 10-летний период реализации программы подготовлено более 55 тысяч специалистов из 75 регионов, более 10 тысяч специалистов приняли участие в зарубежных стажировках, в программе участвует 100 образовательных учреждений. Это составляет ничтожный процент управленцев.

В 2010 году из федерального бюджета на цели реализации программы будет выделено более 150 миллионов рублей. С шестью странами (Франция, Нидерланды, Норвегия, Финляндия, Германия, Япония) заключены соглашения о сотрудничестве в рамках взаимных

обменов. Сейчас ведутся переговоры о сотрудничестве с Ирландией, США и Казахстаном[1].

Но кризис с кадрами это лишь одна сторона проблемы. Другая же заключается в том, что новая экономика и новое общество, а тем более модернизация, потребуют, чтобы управленцы стали выполнять ту функцию, которая прежде принадлежала интеллигенции, т.е. создание интеллектуального продукта и услуг в управлении экономикой и обществом. Таким образом, большинство общества постепенно, но в обозримой перспективе, **должно превратиться в общество интеллектуалов, а, в конечном счете, в общество интеллигентов**. Это неизбежная и очень амбициозная задача, Именно из этой среды будет в будущем формироваться класс управленцев. Наконец, эта социальная группа может стать социально-политической базой реформ и модернизации, ведь сегодня идеи модернизации **не имеют** поддержки среди бюрократии (она не видит там своего интереса), бизнеса (отлученного от НИС) или общества.

Наконец, нужна **идеология модернизации** и те социальные группы, которые смогут **реализовывать эту идеологию**, нужен «драйв», даже «кураж». Безусловно прав Е.Гонтмахер, считающий, что чтобы сделать модернизацию необратимой, очень важно **создать в обществе атмосферу подъема, куража**. Мы должны поверить в свои силы, в то, что можем не только догнать развитые страны в их нынешнем виде, с их сегодняшними непростыми проблемами. Но и через исторически короткий промежуток времени стать страной XXI века. Для такой уверенности у нас есть все основания – экономические, интеллектуальные, технологические и политические. Очень важно, чтобы за эти два года президент сформировал широкий слой людей разных политических взглядов – **и левых, и правых, и центристов, которые могли бы поддержать его в этих очень широких стратегических начинаниях.** Потому что один в поле не воин. Какие бы ни были даже самые прекрасные намерения, но Россия не Сингапур. И невозможно в одиночку сделать такую большую страну лучше, дать ей вектор развития в сторону процветания. Мобилизация общественного ресурса, энергетики

[1] *Е.Кукол*. Курсы повышения инноваций. Российская газета, 7 мая 2010 г., с. 6.

поможет найти много новых идей, подходов, которые сделают наше продвижение вперед максимально эффективным»[2].

В этой связи необходимо яснее представить себе, что включает в себя понятие «интеллигент», каковы основные качества этого, класса и в чем он отличается от такой важнейшей социальной группы, как «креативный класс». Если обратиться к подходу социологов (Социологический бюллетень «Доминанты: поле мнений, 2008 г., № 4, с. 7), то набор качеств, приписываемый интеллигенции, следующий:

(в % от числа опрошенных)

Образованный, грамотный, начитанный, эрудированный	27
«Всесторонне развитый»; «высоко образован, имеет ученую степень»; «грамотный, образованный»; «имеет высшее образование»; «много знает, много читает»; «широко образованный»; «эрудированный».	
Воспитанный, вежливый, скромный, сдержанный, уважает окружающих, ведет себя достойно	26
«Ведет себя достойно во всех отношениях»; «знает чувство такта, умеет вести себя в обществе»; «кто не унижает людей»; «никогда не будет перебивать собеседника в любой полемике»; «правильно воспитанный»; «скромен»; «тактичен, деликатен»; «уважает окружающих и старших»; «ведет себя сдержанно в обществе»; «может держать себя в руках, не вызывая эмоций»; «серьезный»; «умеет контролировать свое поведение в обществе»; «умеет себя сдерживать»; «хорошо воспитанный, может уступить место женщине, пожилым людям в транспорте».	
Культурный, несет культуру в массы	15
«Владеет и бережет и передает из поколения в поколение культурный опыт»; «занимается возрождением культуры в людях»; «культурные люди»; «культуру распространяет хорошую»; «несет культуру в общество»; «обладает культурой бытия».	
Умный	10
«Имеет высокий интеллект»; «с царем в голове»; «у кого развит интеллект»; «умеет думать»; «умен».	
Честный, порядочный, справедливый	9
«Для кого честь и моральные правила превыше всего»; «добропорядочный»; «не кривит душой»; «не поступается своими принципами и поступает по совести»; «против совести не делает ничего плохого»; «порядочный в любой ситуации»; «честен перед собой».	
Общественно активный, приносит пользу обществу, патриот	7
«Заботится о людях, знает их проблемы»; «несет ответственность за судьбу страны»; «общественно полезный человек»; «патриот своей Родины»; «переживает за судьбу страны, а не думает о себе, переживает за народ»; «своей деятельностью оказывает положительное влияние на общество»;	

[2] *Е.Гонтмахер.* Кураж для модернизации. Российская газета, 7 мая 2010 г., с. 6.

«вкладывает весь свой талант в работу на благо»; «умение внимательно относиться к проблемам общества»; «участвует в политической жизни страны, патриот».

Добрый, отзывчивый, помогает другим людям	5
«Внимательно относится к окружающим людям. Само поведение в обществе доброжелательное»; «внимательный, неравнодушный»; «во всем положительный, готов помочь в любую минуту»; «добро людям делает»; «не пройдет мимо чужого горя»; «сочувствует, сопереживает за других»; «хорошо себя ведет, помогает более слабым».	
Ответственный, добросовестный, хороший специалист	4
«Верен принятому решению»; «добросовестно относится к своей работе»; «кто ответственно подходит к своим обязанностям и отвечает за свои слова и действия»; «может отвечать за свои поступки»; «ответственно относится к данному слову»; «ответственный за свои деяния»; «знающий своё дело»; «профессионал»; «хорошо понимает в делах».	
Занят умственным трудом, творчеством	3
«Занимается непосредственным умственным трудом»; «занимается интеллектуальной деятельностью»; «занимается наукой»; «занимается творчеством, умственным трудом»; «занимаются наукой, культурой»; «работа не физическая»; «занимаются творческой деятельностью».	
Уважаемый человек, пример для других	2
«Вызывает уважение окружающих»; «другим пример подает, как жить надо»; «показывает хороший пример»; «уважаемый в обществе»; «является примером для других».	
Духовный, нравственный	2
«Высокоморальные люди»; «духовно богатый»; «живет духовной жизнью»; «обладают моральными	

и т.д.

Другими словами в общественном сознании это, прежде всего, «интеллектуал», «умный», «образованный» человек, который также обладает культурой и воспитанием, честностью и порядочностью, т.е. **знания и образование сочетаются с культурными и нравственными качествами**.

Вместе с тем необходимо отметить, что социальные группы, куда входит интеллигенция и креативный класс отнюдь не тождественны. Такие качества как креативность, предприимчивость, способность реализовывать идеи отнюдь **не отмечаются социологами как качества интеллигенции**. А тем более управленцев. Занятых как на госслужбе, так и в местном самоуправлении. Это означает, что интеллигент **не рассматривается в обществе как созидательная, влиятельная сила**

общества. Тем более как качество госслужащего. Что, в общем-то, отражает сегодняшние российские реалии. Не случайно, что соцопросы показывают, что только 23% граждан считают, что интеллигенция оказывает сильное влияние на положение дел в стране[1].

И это – проблема для России. В отличие от интеллигенции представители креативного класса могут не обладать всем интеллектуальным и нравственным набором качеств, но заметно выделяться предприимчивостью, энергетикой, целеустремленностью и т.д. Последние 15 лет показывают, что отнюдь не самые умные и образованные, а тем более нравственные наши сограждане преуспели на ниве предпринимательства и карьеры. Скорее наоборот.

Другое дело, что это можно рассматривать как временное явление, характерное для переходного периода. Для будущего страны вероятно сочетание интеллигентности (как общего качества) с предприимчивостью, к которой будет способно 5–10% интеллигентов. **Вопрос в том,** как **сознательно** выстроить этот процесс. Другой вопрос – как сделать так, чтобы совокупность этих качеств относилась к госслужащим.

[1] Социологический бюллетень «Доминанты», 2008 г., № 4, с. 5.

7.3. Образование как условие создания эффективной элиты

«Мы должны в ближайшие годы обеспечить значительную трансформацию общества без каких-либо потрясений»[1].

И.Шувалов

«Должны быть обеспечены как повышении качества образования, так и сопряженность образования и модернизация экономики …»[2].

Д.Медведев

Важнейшим условием для появления эффективной элиты является высокий уровень образования и переподготовка кадров. Перспективы ускоренной модернизации зависят не столько от инвестиций в оборудование и технику, а тем более строительство зданий, сколько от **инвестиций в людей**, **способных осуществить модернизацию**. Особенно в области государственного управления. Уже не раз говорилось, что ни иностранные инвесторы, ни российский бизнес финансировать этот процесс в сколько-нибудь значимом масштабе не будут, хотя их участие уже сегодня заметно на примере некоторых Университетов. (В наиболее престижных, как, например МГИМО(У) ежегодно готовится несколько десятков человек по заказу госкорпораций и частных компаний, что составляет порядка 5–6% выпускников).

Между тем тенденции в образовании настораживают. Даже не смотря на публичное внимание об образовании правящей элиты. Так, большинство выпускников школ и вузов в 2011 году не хотели бы работать по специальности, а те, кто хотел бы – не имеют практических навыков. Общая неудовлетворенность выражается в следующих цифрах[3].

Планируете ли вы повышать свое образование?

Варианты ответа	Частота ответа, в %
Если это будет необходимо для карьеры	51,3
Да, конечно	42,4
Не планирую	9,2
Если и буду, то только за рубежом	2,7

Источник: опрос исследовательского центра «Ромир»

[1] *П.Арабов*. Идеи для будущего правительства. – Известия, 17 марта 2011 г., с. 3.

[2] *Д.Медведев.* Бюджетное послание Президента Российской Федерации о бюджетной политике в 2011–2013 гг. Июнь 2010 г.

[3] Цит. по: *А.Башкатова*. Диплом уже не гарантия карьерного роста. – Независимая газета, 17 мая 201ё1 г., с. 4.

Все это свидетельствует, на мой взгляд, что политика государства в отрасли образования не просто не эффективна, а разрушительна как для самого образования, так и для НЧП.

Масштаб необходимой переподготовки кадров виден из статистики, иллюстрирующей сегодняшнюю потребность в кадрах государственной службы и местного самоуправления[1].

Численность работников государственных органов и органов местного самоуправления по ветвям власти и уровням управления
(на конец года)

	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009
	тысяч человек									
В государственных органах, органах местного самоуправления и избирательных комиссиях муниципальных образований Российской Федерации – всего	**1163,3**	1140,6	1252,3	1300,5	1318,6	1462,0	1577,2	1623,9	1670,8	**1674,8**
в том числе в органах:										
законодательных	15,5	19,2	20,4	21,7	22,9	24,4	26,1	27,9	31,8	31,8
исполнительных	1027,4	981,4	1070,2	1100,4	1100,7	1234,4	1342,6	1385,4	1420,6	1415,1
судебной власти и прокуратуры	115,2	134,3	153,9	168,5	184,5	192,8	197,1	197,6	203,4	212,6
других	3,1	3,5	5,5	7,4	7,9	8,3	9,3	10,8	12,9	13,1
на региональном уровне – всего	1124,5	1103,4	1214,5	1261,8	1283,0	1420,9	1534,7	1582,8	1626,1	1627,5
в том числе в органах:										
законодательных	11,3	15,4	16,1	17,3	18,8	20,2	21,9	25,0	27,6	27,6
исполнительных	998,9	954,1	1043,0	1072,8	1076,3	1204,2	1311,1	1353,9	1387,4	1379,5
судебной власти и прокуратуры	112,0	131,0	150,5	165,0	180,9	189,1	193,3	194,1	199,3	208,3
других	2,0	2,2	4,1	5,9	6,4	6,8	7,8	9,2	11,3	11,5
В федеральных государственных органах – всего	522,5	504,9	590,3	615,9	628,0	766,8	828,5	838,8	854,7	**878,0**

[1] Наука в России в цифрах: 2010. Стат. сб. – М.: ЦИСН. 2010 г., с. 46.

в том числе в органах:										
законодательной власти	4,4	4,5	4,8	4,7	4,6	4,7	4,7	3,2	4,7	**4,8**
исполнительной власти	402,6	374,8	444,4	459,2	457,4	590,4	646,9	657,1	667,0	**682,9**
судебной власти и прокуратуры	112,2	122,0	137,4	148,1	161,9	168,0	173,2	174,6	179,2	**186,5**
других государственных органах	1,2	1,3	1,4	1,5	1,5	1,5	1,5	1,6	1,6	1,6
на федеральном уровне – всего	38,8	37,2	37,9	38,6	35,6	41,1	42,5	41,1	44,7	**47,3**
в том числе в органах:										
законодательной власти	4,2	3,8	4,3	4,3	4,1	4,2	4,1	3,0	4,2	4,2
исполнительной власти	28,5	27,3	27,1	27,6	24,4	30,2	31,5	31,4	33,3	35,6
судебной власти и прокуратуры	3,2	3,3	3,4	3,5	3,6	3,7	3,8	3,6	4,1	4,3
других государственных органах	1,2	1,3	1,4	1,5	1,5	1,5	1,5	1,6	1,6	1,6
на региональном уровне – всего	483,7	467,6	552,5	577,3	592,4	725,6	786,0	797,7	810,0	**830,7**
в том числе в органах:										
законодательной власти	0,2	0,7	0,5	0,4	0,5	0,5	0,5	0,3	0,6	0,6
исполнительной власти	374,1	347,6	417,3	431,6	432,9	560,2	615,5	625,7	633,7	647,3
судебной власти и прокуратуры	109,0	118,7	134,0	144,6	158,3	164,3	169,4	171,0	175,1	182,2
В государственных органах субъектов Российской Федерации – всего	192,9	192,7	206,6	218,6	220,6	230,7	241,5	263,6	291,8	**283,6**
в том числе в органах:										
законодательной власти	8,1	8,4	8,9	9,4	9,8	10,0	10,5	11,3	12,4	12,3

исполнительной власти	179,8	169,9	177,1	182,8	181,9	189,2	200,0	221,1	246,6	236,5
судебной власти	3,0	12,3	16,5	20,4	22,5	24,8	23,8	23,0	24,2	26,1
других государственных органах	2,0	2,2	4,1	5,9	6,4	6,8	7,1	8,1	8,6	8,7
В органах местного самоуправления и избирательных комиссиях муниципальных образований – всего	448,0	443,0	455,4	466,0	470,0	464,5	507,2	521,6	524,3	513,1
в том числе:										
в представительных органах муниципальных образований	3,1	6,3	6,7	7,6	8,5	9,7	10,9	13,4	14,6	14,7
в местных администрациях (исполнительно-распоряди-тельных органах муниципальных образований)	444,9	436,7	448,7	458,4	461,5	454,8	495,6	507,1	507,0	495,7

Остается **только государство**, которое должно воспринять идеи модернизации и инноваций изначально в качестве инвестиций в людей. В 2010 году, выделив на пять основных модернизационных проектов 10 млрд. рублей, половину (т.е. 5 млрд. руб.) зарезервировали для Сколково[1], т.е. и масштаб, и направленность инвестиций (особенно учитывая их незначительный объем) были выбраны неверно.

Между тем ситуация в российском высшем образовании за последние 10 лет практически не менялась. Ориентации на опережающее развитие не произошло, о чем свидетельствуют данные Росстата[2]. Там отчетливо проявились элементы стагнации.

[1] *Э.Билевская*. Послание президента министру Кудрину. Независимая газета, 29 апреля 2010 г., с. 1.

[2] Социальное положение и уровень жизни населения России. 2009: Стат. сб. / Росстат. М., 2009, с. 378.

Выпуск специалистов государственными и муниципальными высшими учебными заведениями*

(тысяч человек)

	2004	2005	2006	2007	2008
Выпущено специалистов – всего	930,4	978,4	1055,9	1108,9	1125,3
в том числе по группам специальностей и направлениям подготовки:					
физико-математические науки	23,1	17,1	16,9	17,1	17,4
естественные науки	16,5	16,2	17,0	17,5	17,5
гуманитарные науки	151,7	153,8	169,3	180,0	183,4
социальные науки	11,0	12,0	14,6	16,6	16,9
образование и педагогика	133,8	135,1	131,2	135,9	131,7
здравоохранение	26,8	28,2	31,0	31,3	32,1
культура и искусство	15,2	16,8	17,7	17,5	17,4
экономика и управление	282,2	305,9	338,8	363,8	376,1
информационная безопасность	0,9	1,3	1,9	2,3	2,8
сфера обслуживания	3,8	6,3	8,3	10,0	11,6
сельское и рыбное хозяйство	33,6	35,9	37,8	37,3	37,1
геодезия и землеустройство	3,3	3,7	4,0	4,2	4,6
геология, разведка и разработка полезных ископаемых	11,3	12,1	13,8	14,0	14,3
энергетика, энергетическое машиностроение и электротехника	24,6	26,5	28,8	30,5	29,5
металлургия, машиностроение и материалообработка	27,9	30,2	30,9	31,0	29,6
авиационная и ракетно-космическая техника	5,2	5,4	5,7	5,8	5,7
оружие и системы вооружения	0,6	0,6	0,6	0,6	0,6
морская техника	3,5	3,6	4,0	4,4	4,3
транспортные средства	27,0	30,2	31,3	32,3	34,2
приборостроение и оптотехника	7,7	8,2	9,2	9,5	9,0
электронная техника, радиотехника и связь	17,2	17,7	19,0	18,9	19,1
автоматика и управление	12,6	13,3	14,7	14,7	15,8
информатика и вычислительная техника	20,6	20,6	23,8	23,8	24,7
химическая и биотехнологии	11,1	12,1	13,9	14,3	12,9
воспроизводство и переработка лесных ресурсов	5,9	6,0	6,5	6,7	7,0
технология продовольственных продуктов и потребительских товаров	16,4	18,5	20,1	20,9	20,3
архитектура и строительство	28,7	31,7	34,3	36,2	37,3
безопасность жизнедеятельности, природообустройство и защита окружающей среды	8,2	9,4	10,8	11,7	12,4

* В соответствии с Общероссийским классификатором специальностей образования 2003 г.

Это в частности означает, например, что высшее образование должно стать **не только общедоступным, но и всеобщим,** а процесс переподготовки кадров – постоянным. В этой связи встает принципиальный вопрос о том, что гражданин, занятый в государственном или местном управлении должен:

– во-первых, иметь хорошее образование;

– во-вторых, регулярно проходить переподготовку, периодичность которой не должна превышать 3–5 лет;

– в-третьих, – и это может показаться спорным, иметь навыки научной и исследовательской работы.

Сегодня экономически и социально активное население России в целом обладает высоким уровнем образования. В частности, высшее образование имеет почти 30%. При этом хотелось бы обратить внимание на два обстоятельства, которые иногда остаются незамеченными[1].

Распределение численности занятых в экономике по уровню образования

(в процентах к итогу)

	Занятые в экономике – всего	**в том числе имеют образование**					
		высшее профессиональное*	**среднее профессиональное**	**начальное профессиональное****	**среднее (полное) общее**	**основное общее**	**не имеют основного общего образования**
Всего							
1995	100	19,9	33,2	…	33,2	12,0	1,8
2000	100	26,3	28,6	11,0	23,5	8,7	2,0
2001	100	26,6	31,1	11,7	22,7	7,0	0,9
2002	100	26,3	32,2	11,1	23,2	6,5	0,8
2003	100	25,6	26,8	16,5	22,9	7,4	0,8
2004	100	26,9	26,1	17,6	22,6	6,2	0,5
2005	100	26,6	25,4	18,3	22,7	6,3	0,7
2006	100	27,4	25,6	18,0	22,6	5,9	0,5
2007	100	29,3	25,9	17,6	21,5	5,3	0,4
2008	100	29,5	26,5	19,3	20,1	4,1	0,5
2009	100	29,0	27,5	18,7	20,1	4,5	0,3
Мужчины							

[1] Российский статистический ежегодник 2010. – М.: Росстат, 2010 г., с. 141.

1995	100	18,4	27,9	…	37,1	14,4	2,2
2000	100	24,2	25,2	12,6	25,9	9,9	2,2
2001	100	24,4	27,1	14,4	24,7	8,3	1,1
2002	100	23,6	28,6	13,7	25,5	7,8	0,8
2003	100	23,3	21,6	19,9	25,6	8,7	0,9
2004	100	24,4	20,7	21,9	24,9	7,6	0,6
2005	100	24,1	19,9	22,8	25,0	7,4	0,8
2006	100	25,2	19,8	21,8	25,5	7,2	0,6
2007	100	26,6	20,9	21,6	24,0	6,4	0,5
2008	100	26,7	21,4	24,2	22,3	5,0	0,5
2009	100	25,8	22,5	23,0	23,0	5,4	0,3
Женщины							
1995	100	21,5	39,0	…	28,9	9,3	1,3
2000	100	28,5	32,3	9,3	20,9	7,3	1,7
2001	100	29,0	35,3	8,9	20,5	5,6	0,7
2002	100	29,1	35,8	8,5	20,8	5,2	0,7
2003	100	28,0	32,2	12,9	20,2	6,0	0,8
2004	100	29,6	31,7	13,2	20,3	4,8	0,5
2005	100	29,2	31,1	13,6	20,4	5,1	0,6
2006	100	29,7	31,5	14,2	19,6	4,5	0,5
2007	100	32,1	31,0	13,5	18,9	4,2	0,4
2008	100	32,5	31,9	14,2	17,8	3,2	0,4
2009	100	32,2	32,8	14,1	17,1	3,6	0,2

[*] До 2009 г.. – включая неполное высшее образование, в 2009 г. включая послевузовское образование.

[**] В 1995 г. лица, имеющие начальное профессиональное образование, учитывались по уровню среднего (полного) общего или основного общего образования.

Во-первых, числа лиц с высшим образованием в процентном отношении ко всему активному населению перестало расти после 2007 года и даже несколько сократилось (с 29,3% до 29%). Что категорически не соответствует потребностям страны. Причем власти полагают, что специалистов с высшим образованием уже достаточно. Что, конечно же, неверно.

Во-вторых, «борьба за качество» высшего образования на деле ведет к ограничению его возможностей. И материальных, и финансовых, и административных.

Переподготовка кадров для новой экономики и нового общества предъявляет качественно новые требования к ВУЗам и всей системе подготовки и переподготовки кадров, которая должна стать фактически непрерывной. Глобализация образования, рост его стоимости (для сравнения: в США – 22–24 тыс. долл., а в России 1–2 тыс. долл. на одного студента), информатизация, которая в том числе делает общедоступными любые учебные курсы и практически любых преподавателей, рост численности студентов, который превратил высшее образование практически во всеобщее и другие факторы, делают образование самой динамичной развивающейся отраслью экономики.

Другая сторона проблемы – растущая связь образования и науки, когда доля НИР и НИОКР в структуре доходов ведущих университетов превышает 25%. Более того, сегодня говорить о качественном образовании без научного опыта становится бессмысленно. Знания «чистых» преподавателей, не занимающихся научной деятельностью, стремительно устаревают и уже не соответствуют требованиям.

В России пока что наблюдается другая тенденция: реформы нередко дают обратный результат. Как справедливо отмечает ректор Российской экономической школы С.Гуриев: «Все количественные показатели уровня исследований (такие как публикации в международных журналах, индексы цитируемости и т.д.) за последние 15 лет существенно ухудшились. При этом надо иметь в виду, что показатели качества исследований очень инерционны: в их общем весе доля достижений советской науки все еще очень велика, так что на самом деле ситуация может быть еще хуже. С другой стороны, как указывают сами академики, в расчете на доллар потраченных средств российская наука, наверное, самая эффективная в мире. Годовой бюджет РАН примерно равен годовому бюджету хорошего, но небольшого американского университета (с 1000 преподавателей и 6000 студентов). При этом в РАН работает примерно 100 000 человек (из которых около половины научные работники), поэтому вообще удивительно, как РАН удается производить хоть какие-нибудь конкурентоспособные исследования»[1].

Наконец, особое значение приобретают такие аспекты образования и профессиональной подготовки, которые прежде лишь косвенно, частично

[1] *С.Гуриев.* Ремонт в храме науки / Ведомости. 14 февраля 2007 г., с. А4.

относились к подготовке кадров, а именно: духовно-нравственное воспитание всего общества, усиление этой гуманитарной составляющей во всех областях знаний и образования. Как справедливо заметил в январе 2008 года митрополит Климент: «Церковь, «беспокоит содержание и качество духовно-нравственной составляющей» таких дисциплин, как история, литература и русский язык. «Считаю, что наши специалисты в этой области должны привлекаться более активно»[1], – призвал иерарх».

Это вытекает из объективных закономерностей нового этапа развития человеческого общества, который на глазах трансформируется из информационно-технологического этапа. На этом отрезке развития уже не только технологии, но и нравственно-духовные и культурные факторы будут в решающей степени определять темпы развития общества и, как следствие, экономики.

Отставая в 90-ые годы на технологическом этапе, Россия не имеет права не учитывать эти новые факторы, которые в 2010–2020 годы будут определять темпы развития общества, экономики и качество человеческого потенциала.

Из приведенного примера много видно. Главное, – что масштаб финансирования (а, значит, и приоритеты) российской науки и образования все еще абсолютно **несопоставимы** с требованием времени.

Это видно из официальных данных, представленных в марте 2011 года Минобрнауки.

Расходы Минобрнауки России как субъекта бюджетного планирования на 2011 год и на период 2012 и 2013 годов по главным распорядителям бюджетных средств[2]

тыс. рублей

Наименование ГРБС	2011 г.	2012 г.	2013 г.
Министерство образования и науки Российской Федерации	**342 066 907,2**	**368 607 764,3**	**338 871 357,8**
Федеральная служба по надзору в сфере образования и науки	2 040 507,3	2 027 113,9	2 020 815,1

[1] *С.Минин.* Православные настоятельно просят… / Независимая газета, 2008 г., 29 января, с. 4.

[2] Об итогах деятельности Министерства образования и науки Российской Федерации за 2010 года и задачах на 2011 г., с. 7, 20 марта 2011 г. / http://mon.gov.ru/press/news/8343/.

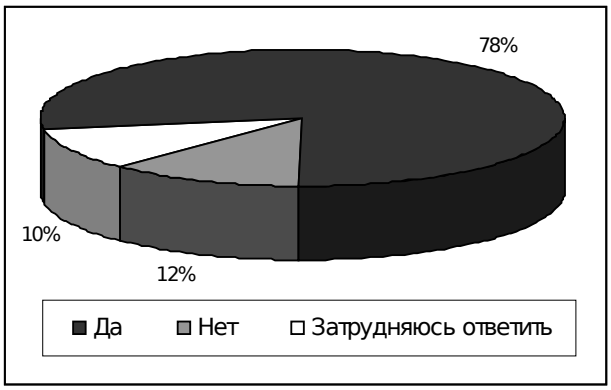
Федеральная служба по интеллектуальной собственности, патентам и товарным знакам	1 988 141,8	1 999 678,8	1 997 634,2
Российская академия наук	**37 100 755,5**	**35 726 102,4**	**34 487 512,3**
Уральское отделение Российской академии наук	157 255,Г	4 109 295,6	4 109 295,6
Дальневосточное отделение Российской академии наук	5 187 150,5	5 197 530,0	5 320 675,3
Сибирское отделение Российской академии наук	15 627 408,8	15 198 732,7	15 155 557,4
Российская академия сельскохозяйственных наук	6 899 844,4	7 028 420,2	7 028 420,2
Российская академия живописи, ваяния и зодчества	163 464,6	166 028,7	166 028,7
Российская академия художеств	987 907,3	1 098 460,4	1 304 700,4
Российская академия образования	826 542,8	841 735,6	841 735,6
Российская академия архитектуры и строительных наук	209 188,3	212 335,5	212 335,5
ФГУ Российский научный центр «Курчатовский институт»	5 255 305,4	5 943 335,7	1 992 008,6
Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова	**10 619 692,6**	**10 736 299,9**	**9 913 158,9**
Санкт-Петербургский государственный университет	**5 392 317,7**	**8 002 109,1**	**8 007 816,3**
Российский гуманитарный научный фонд	**1 000 422,4**	**711 935,7**	**711 935,7**
Фонд содействия развитию малых форм предприятий в научно-технической сфере	4 001 242,2	1 401 207,2	1 401 207,2
Российский фонд фундаментальных исследований	6 000 529,7	4 304 040,8	4 304 040,8
Всего	**449 524 583,6**	**473 312 126,5**	**437 846 235,6**

И как бы ни совершенствовалось ее управление, какие бы инновации ни предлагались, от этого вывода уйти нельзя. В период, когда будущее наций определяется их вниманием к фундаментальной науке и НИОКР, требуется принципиально изменить ситуацию с материальным обеспечением научных исследований. Принципиально это значит, в десятки раз увеличить нынешние объемы финансирования. Причем, речь идет не только о фундаментальной науке, а о сознательной политике государства по созданию «креативного класса».

Но материальная составляющая не является единственным инструментом для решения проблемы подготовки кадров. Огромное

значение имеет консолидация нации, сознательное патриотическое воспитание граждан. «Большой скачок» – это национальная мобилизация, которая невозможна без сознательного воспитания чувства патриотизма, которое является огромным и еще малоиспользуемым резервом нации. Так, по оценке социологов, почти 80% граждан страны считают себя патриотами[1].

Считаете ли вы себя патриотом России? (%)



Тем более, что масштабы задач развития требуют, чтобы решение их непосредственными исполнителями – гражданами страны – происходило не только на высоко профессиональном и нравственном уровне, но и с помощью общенациональной мобилизации воли большинства граждан. Напомню в этой связи, что производительность труда в России в 2008 году была в 4,2 раза ниже, чем в США, энергоемкость – в 2,4 раза выше, а экологичность в 2,3 раза ниже. При том, что разрыв в 2 раза считается критическим[2].

Отношение ключевых технологических показателей России и США

Сравниваемы показатель	Годы		Период отставания, годы
	2002	2004	
Производительность труда, %	22,17	23,97	84,2
Энергоотдача, %	38,73	40,60	63,5
Экологичность производства, %	40,94	43,29	48,4

Совершить «рывок» компенсирующий десятилетие отставания, без мобилизации, патриотизма невозможно.

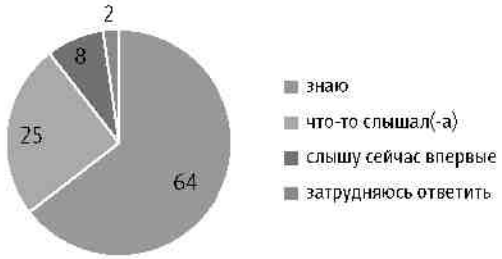
[1] Коммерсант Власть, 2008 г., 28 января, с. 10.

[2] *Е.Балоцкий, А.Гусев.* Железная логика-1 / Независимая газета, 23 января 2008 г., с. 22.

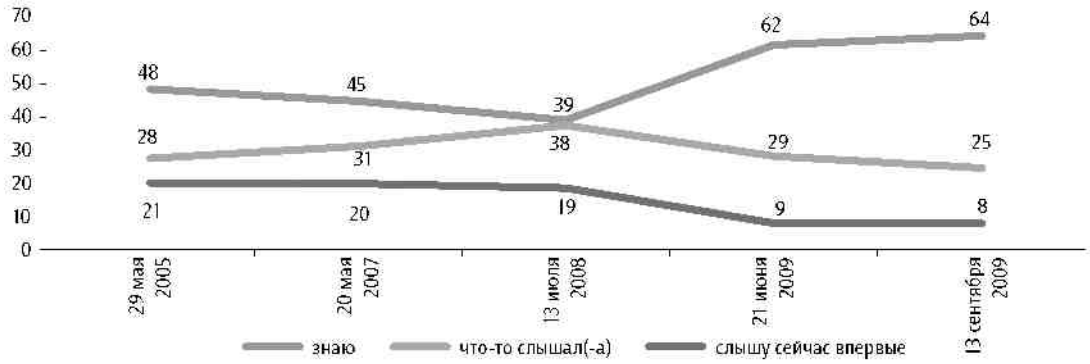
Особенно важное значение имеет внедрение ЕГЭ в систему высшего образования. На мой взгляд, вполне обоснована критика этой практики, которая ведет, в конечном счете, **к потере национального творческого потенциала**. Настораживает и игнорирование Минобрнаукой мнения общественности. Как следует из опросов ВЦИОМ, существует обоснованная озабоченность у значительной части граждан[1].

Знаете ли Вы, что-то слышали или слышите сейчас впервые о проведении единого государственного экзамена в школах?

данные в % от всех опрошенных

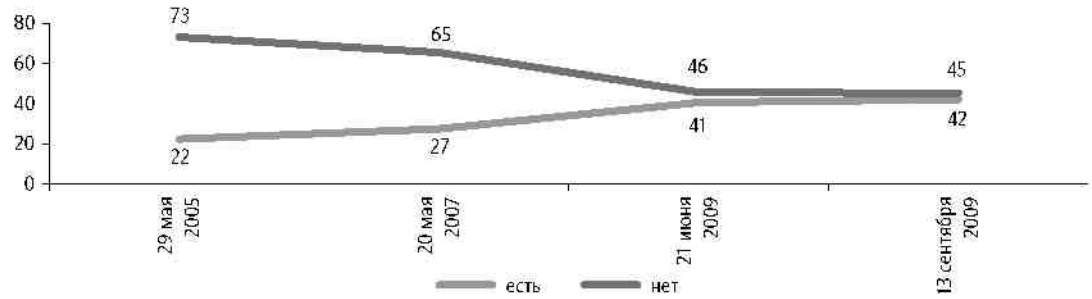


данные в % от всех опрошенных



Есть ли в Вашей семье или среди Ваших знакомых дети, которые сдавали выпускные экзамены по системе ЕГЭ?

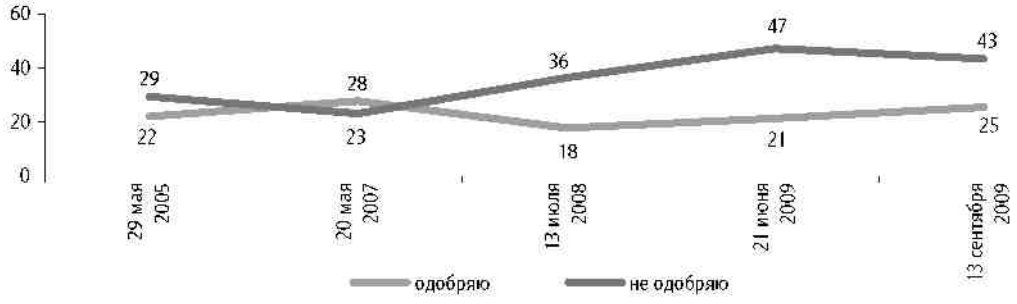
данные в % от всех опрошенных



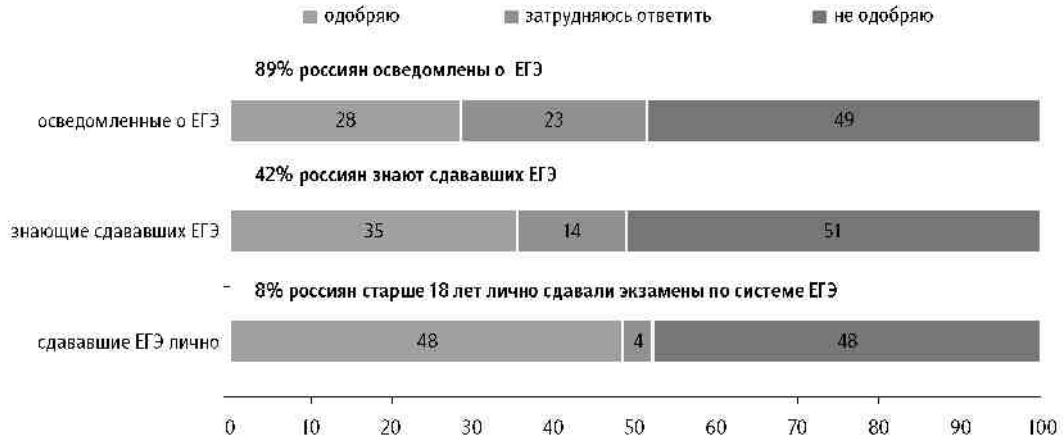
[1] Фонд «Общественное мнение». Доминанты № 37. 17.09.2009.

Вы лично одобряете или не одобряете введение в школах единого государственного экзамена? (Вопрос задавался осведомленным о ЕГЭ.)

данные в % от всех опрошенных

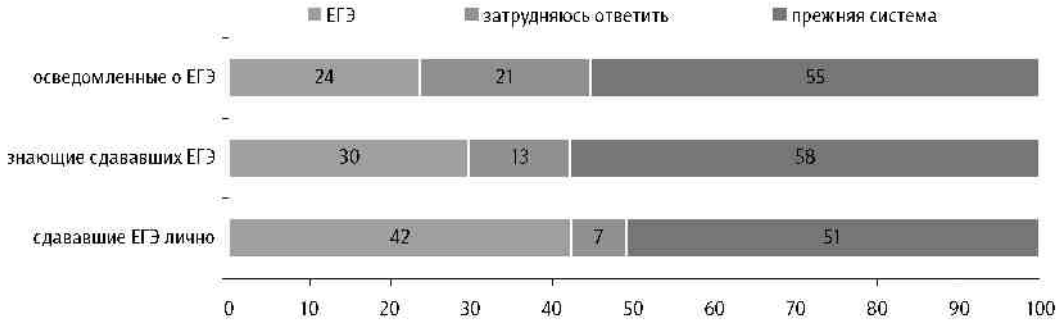


данные в % от групп



Как Вам кажется, что позволяет объективнее оценить уровень знаний выпускников школ, собирающихся поступать в вузы: ЕГЭ или прежняя система вступительных экзаменов в вузах?

данные в % от групп



Глава 8. Условие № 7: Сознательные изменения социальной структуры общества

«Мы постепенно встанем на ноги.
И решающее здесь – дух»[1].

А.Солженицын

«… любая идея признается
в миссионерах, в тех, кто будет
эту идею продвигать».

А.Фурсенко

Опережающее развитие нации предполагает прежде всего опережающее развитие общества и, естественно, экономики. Это означает, что простой количественный рост экономики, измеряемый ростом ВВП государства, в XXI веке мало что дает. Нужен качественный рост, который в экономике во многом предопределяется уже изменениями в самой социальной структуре общества. Таким образом, общество, его развитие, как и развитие его институтов, становится **определяющим фактором экономического развития**. Сказанное означает, что на повестке дня встал вопрос о формировании эффективной социальной модели общества и государства. Этот общий вывод справедлив не только для России, но и для Европы, которая сформулировала перед Евросоюзом задачу создания Европейской социальной модели. Этого же требует и реализация идеи построения единого инновационного пространства в Европе, которое, в свою очередь «… предполагает новое оптимальное соотношение экономического, научно-технического и социальных потенциалов современного общества. Все его составляющие должны работать как единый механизм. Главными в этой связи становятся вопросы, какие силы будут реализовывать внедрение инноваций в экономику и общественную жизнь …»[2].

Действительно, неудача реализации Стратегии 2020 к 2011 году показала не только абсолютную, я бы сказал патологическую, невосприимчивость российской экономики к инновациям, но и такую же невосприимчивость общества, бизнеса и госуправления. Поэтому, как ни странно, сегодня, разрабатывая новый вариант Стратегии 2020, мы должны прежде всего думать не о самых инновациях и технологиях, а как

---

[1] *Е.Черных.* Ушел Александр Солженицын / Комсомольская правда, 2008 г., 5 августа, с. 2.

[2] Социальная Европа в XXI веке / Под ред. М.В.Каргаловой. М.: Весь мир, 2011 г., с. 174.

создать общество, которое было бы в них заинтересовано, экономику, которая их бы востребовала.

И здесь нужна активная политика государства и всей нации по сознательному формированию институтов социального потенциала и изменению самой социальной структуры нашего общества. Ответ на этот вопрос лежит в области создаваемой Стратегией социально-экономического развития, точнее, – той ее части, которая должна быть посвящена развитию НЧП и его институтов. В Евросоюзе это понимают. В частности в заключительном документе Лиссабонского саммита прямо говорится: «Граждане – главный ресурс Европы … инвестировать в людские ресурсы и развивать активное и динамичное социальное государство будет главной целью экономики, основанной на знаниях»[1].

Прежняя экономическая и социальная модели России не только не эффективно, но и не жизнеспособны. Их продолжение означает уже не просто отставание России, как это было в 90-ые – 2000-ые годы, но и ее развал, самоуничтожение. Кризис 2008– 2010 годов, очевидно, подтвердил этот вывод. Быстрый рост ВВП в России в 200–2008 годах не привел ни к значимым изменениям в социальной структуре общества, ни структурным изменениям в экономике. Именно поэтому Россия оказалась наиболее уязвимым звеном – не смотря на все накопленные резервы и «подушки безопасности». Внешняя зависимость – как следствие отсталой экономической и общественной структуры – особенно четко проявилась в зависимости от цен на сырье и энергоносители, стагнации сектора наукоемких технологий, зависимости от импорта практически всех видов готовой продукции и услуг. Зависимости, которая угрожает уже национальному суверенитету.

Структура современного общества определяется сегодня многими параметрами. Она не сводится, как справедливо отмечает Е.Гонтмахер, только, к «желудочному определению»[2] величине душевого дохода (который, кстати, требует своего обоснования), либо другим макроэкономическим показателям. Одна из характеристик современного

---

[1] Социальная Европа в XXI веке / Под ред. М.В.Карталовой. М.: Весь мир, 2011 г., с. 174.

[2] *Е.Ш.Гонтмахер.* Средний класс как результат развития общественных институтов / Дискуссия о среднем классе. М.: Институт современного развития, апрель, 2008 г., с. 14.

общества – величина среднего класса в стране в процентном отношении, которая, в развитых странах составляет порядка 75% всего населения. При том понимании, что характеризуя средний класс, мы имеем в виду не только стабильный и высокий уровень душевого дохода (а также наличие 2-х и более автомашин, благоустроенной квартиры и т.д.), но и уровень образования, профессиональную деятельность, образ жизни, самоидентификацию и многое другое.

Средний класс, особенно в период своего быстрого развития, может вести как к стабильности (если находит себе применение), так и являться основной дестабилизирующей силой, способной привести к революциям. Поэтому развивая экономику, правящая элита должна **сознательно** обеспечивать условия для развития и реализации амбиций среднего класса, т.е. нужна внятная политика и стратегия его развития. Хотя бы в целях предосторожности.

С точки зрения экономического развития роль среднего класса огромна. Именно на его основе в развитых странах формируется креативный класс, который сознает основную часть национального богатства, обеспечивает промышленный рост и инновационное развитие.

Социальный потенциал нации концентрируется именно в социальных слоях и группах, которые формируют средний класс и его креативные слои. Соответственно долгосрочная стратегия социально-экономического развития страны зависит прежде всего от того, насколько в ее реализацию будет вовлечен средний класс и особенно его креативные группы. Именно эти группы заинтересованы в инновациях и создании экономики знаний.

Проблема заключается в том, что в современной России не существует сознательной политики по формированию среднего класса, хотя эта цель декларируется, в том числе и в показателях Стратегии 2020. Креативные слои создаются иногда вопреки воле правящего класса, стихийно. Как справедливо заметил А.Панкин, «Мне вообще иногда кажется, что у нас формируется какая-то новая порода людей … молодые специалисты предпочитают всё делать дистанционно: и работать, и учиться, и общаться»[1].

---

[1] *А.Панкин*. Интернет против революций. – Известия, 1 марта 2011 г., с.6.

8.1. Средний класс[1].
Его роль в реализации «Большого скачка» России[2]

«Революции затевают не бедняки, а представители растущего среднего класса, раздраженные преградами на своем пути вверх по социальной лестнице»[3].

Ф.Фукуяма

«Мировая практика свидетельствует, что невозможно сначала обеспечить экономический рост, оставляя на «потом» решение социальных проблем»[4].

«Большой скачок» невозможен, если значительная часть общества не будет состоять из представителей среднего класса. Экономическое и социальное развитие на основе НЧП требует, чтобы в нем участвовала значительная часть, если ни большинство, нации. Сегодня, по разным оценкам, к среднему классу относится порядка 20% всей нации. Это означает, что он принадлежит к меньшинству населения. Такую же роль он играет и в экономике и в политической жизни государства.

Поэтому важной частью стратегии долгосрочного развития должно быть **сознательное ускоренное** формирование среднего класса, стимулируя такие его параметры, как: душевые доходы, образование и самоидентификацию.

Государство – явно или скрыто – может не просто участвовать в формировании структуры современного общества, но и играть в этом процессе решающую роль. Так бывало прежде не раз в российской истории: реформы Петра I привели к появлению «служилого дворянства» и чиновничества, Александра II – к свободным земледельцам, земским служащим, Сталина – советской интеллигенции.

Очевидно, что и сегодня государство так или иначе влияет на формирование социальной структуры общества. В частности, делая

---

[1] **Средний класс** – зд. рассматривается как самостоятельная, быстро растущая социальная группа граждан, обладающая, как минимум, тремя особенностями: достаточно высоким уровнем дохода, образованием и самоидентификацией. См. подробнее: Социологический словарь. Издание 2-е, дополненное / Под ред. С.А.Ерофеева / Перевод И.Г.Ясавеева. М., «Экономика», 2004 г., с. 464–466.

[2] О значении среднего класса в модернизации экономики и общества написано немало. В т.ч. и мною. См., например: А.Подберезкин. Человеческий капитал. М.: Европа, 2007 г.

[3] *Ф.Фукуяма*. Ждать ли революции в Китае. – Ведомости, 18 марта 2011 г., с. 4.

[4] *В.И.Якунин, В.Д.Роик, С.С.Сулакшин*. Социальное измерение государственной экономической политики. – М.: ЗАО «Экономика», 2007 г., с. 99.

привлекательной государственную службу, которая стала за 2000–2010 годы Самой популярной профессией. По данным Росстата, например, в 2010 году зарплата госслужащего выросла в средне до 60,7 тыс. рублей, что на 4,3% больше, чем в 2009 году, а в некоторых министерствах даже на 55,5% и превышает 100 тыс. рублей[1].

Сознательную роль государства, элиты и всего общества в модернизации его социальной структуры нельзя недооценивать. Это важнейший фактор развития, без которого модернизация, если и состоится, то будет идти вяло, внесистемно и, наверняка, не приведет к желаемому результату. Как справедливо заметил А.Торкунов по этому поводу, «… общество, … не имеет в своем распоряжении такого времени. Необходимо не только **форсированно** (подч. *А.П.*) утвердить новые нормы, институты и процедуры в политической и экономической жизни, … но и преодолеть сопротивление слоев и групп, которые в результате модернизации теряют свой общественный статус …»[2].

Кроме того, необходимо создавать общественные и политические институты среднего класса, а также сознательно культивировать условия для творческого развития. Эти направления, на мой взгляд, обязательны при реализации «Большого скачка» и формировании национальной стратегии развития.

Отдельно важно подчеркнуть необходимость сознательного формирования нравственных норм, развития культурно-духовного потенциала через создаваемый социальный потенциал среднего класса.

В последнее время особенное внимание было привлечено к положению в России среднего класса. В особенности в связи с последствиями кризиса для этой социальной группы наших граждан. Не случайно в ноябре В.Сурков, выступая на Форуме «Стратегия 2020», даже заявил о том, что «основная задача в условиях кризиса – сохранение среднего класса».

Не больше и не меньше. Подчеркну – не достижение макроэкономической стабильности, сокращение инфляции или даже

---

[1] *А.Белуза*. Переход чиновников в бизнес ограничат. – Известия, 1 марта 2011 г., с. 2.

[2] *Ан.Торкунов*. Мировые реалии начала XXI века и внешняя политика России. В кн.: Ан.Торкунов. По дороге в будущее / Ред.-сост. А.В.Мальгин, А.Л.Чечевишников. М.: Аспект-Пресс, 2010 г., с. 79.

сохранение темпов роста ВВП и другие финансово-экономические показатели, а именно сохранение среднего класса как самая приоритетная **социальная** задача.

Между тем социальная структура российского общества, хотя и соответствует структуре занятости в основных чертах развитых стран, но далеко не идеальна. Что видно из следующих сопоставлений[1].

Структура численности занятых в экономике России и некоторых зарубежных стран по видам экономической деятельности
(в процентах к итогу)

	Россия[1]	Страны дальнего зарубежья							Страны СНГ						
	2009	Германия 2008	Польша 2007	Соединенное Королевство (Великобритания) 2008	США 2008	Финляндия 2008	Франция 2008	Швеция 2008	Эстония 2008	Азербайджан 2009	Армения 2008	Казахстан 2009	Киргизия 2009	Республика Молдова 2009	Украина 2009
Всего	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100
в том числе по видам экономической деятельности:															
сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство	**8,3**	**2,2**	14,7	1,4	**1,5**[2]	**4,4**	3,0	2,2	3,7	38,4	44,1	29,2	32,4	28,1	15,6[2]
рыболовство, рыбоводство	0,2	0,0	0,1	0,1	…	0,1	0,1	0,0	0,2	0,1	0,1	0,2	0,0	0,1	…
добыча полезных ископаемых	2,0	0,3	1,6	0,4	0,6	0,2	0,1	0,2	0,9	1,0	0,7	2,5	0,7	0,4	17,6[3]
обрабатывающие производства	**15,2**	22,0	20,7	12,0	**10,9**	**17,1**	15,0	14,3	21,1	4,9	8,5	7,2	7,8	10,8	…
производство и распределение электроэнергии, газа и воды	3,2	0,9	1,4	0,7	0,8	0,7	0,8	0,5	1,4	1,0	2,2	2,2	1,7	1,8	…
строительство	7,1	6,5	6,9	8,1	7,5	7,2	7,2	6,7	12,2	5,5	5,4	7,0	11,0	6,2	4,8
оптовая и розничная торговля; ремонт автотранспортных средств,мотоциклов, бытовых изделий и предметов личного пользования	**15,2**	**13,7**	14,9	14,6	**14,2**	**12,3**	13,2	12,3	14,2	16,3	10,1	14,8	14,3	16,0	23,4[4]
гостиницы и рестораны	2,1	3,8	1,9	4,4	6,7	3,5	3,4	3,2	3,7	0,6	1,1	1,3	3,7	2,4	…
транспорт и связь	**9,4**	**5,5**	6,4	6,7	**4,5**	**6,8**	6,3	6,0	8,5	5,2	4,6	7,4	6,5	5,7	6,9
финансовая деятельность	**1,8**	**3,4**	2,4	4,3	**5,0**	**2,0**	3,1	2,0	1,6	0,5	0,9	1,2	0,7	1,3	1,7
операции с недвижимым имуществом, аренда и предоставление услуг	6,5	10,8	6,3	12,2	12,7	12,4	10,7	15,2	7,9	3,4	2,4	5,0	2,5	3,4	5,7
из них научные исследования и разработки	**0,8**	…	…	…	…	…	…	…	…	...	...	...	...	0,3	...
государственное управление и обеспечение военной безопасности; социальное страхование	8,0	7,3	6,1	7,1	4,7	5,4	10,2	5,7[5]	5,8	6,8	3,6	4,7	4,7	4,9	5,3
образование	**9,4**	**5,9**	7,4	9,1	**9,1**	**6,4**	6,9	10,6	9,1	8,5	9,0	9,7	7,4	10,5	8,4

[1] Российский статистический ежегодник 2010. – М.: Росстат, 2010 г., с. 142.

здравоохранение и предоставление социальных услуг	**7,9**	**11,7**	5,7	12,4	**12,5**	**15,0**	12,4	15,7	4,8	4,5	4,0	4,5	3,6	5,6	6,7
предоставление прочих коммунальных, социальных и персональных услуг	3,8[5]	5,5	3,4	5,7	9,3[6]	5,6	4,5	5,4[7]	4,9	3,3	3,3	3,1[7]	3,0[7]	2,8[7]	3,9

[1] По данным выборочных обследований населения по проблемам занятости; в среднем за год.

[2] Включая рыболовство, рыбоводство.

[3] Включая обрабатывающие производства, производство и распределение электроэнергии, газа и воды.

[4] Включая гостиницы и рестораны.

[5] Включая экстерриториальные организации и органы.

[6] Включая прочие виды экономической деятельности и занятых, не распределенных по видам экономической деятельности.

[7] Включая частные домашние хозяйства с наемным персоналом по обслуживанию.

И в этом замечании В.Суркова есть принципиальная значимость, на которую в условиях кризиса, – следует признать – не обращают достаточно внимания.

Действительно, если говорить о самом главном, о приоритетах, то нельзя не обратить внимание на мысль, высказанную самыми разными людьми – от Н.Бехтеревой и Е.Гонтмахера до нынешних руководителей ведущих стран Запада, – о том, что «величина среднего класса – основной индикатор успешности продвижения к процветающему обществу и экономике».

Если с этим согласиться, то неизбежно следует сделать следующий логический вывод, имеющий огромное практическое значение для поведения в условиях кризиса, а именно для нас принципиально важно знать и уметь сознательно влиять, в том числе (и прежде всего) **через государство** на формирование современной социальной структуры общества, стремясь максимально ускорить процесс ее модернизации. Прежде всего через развитие средних социальных слоев. Без этого, повторю, невозможно не только преодолеть кризис, но и выйти затем на ускоренное развитие экономики. Доминирование в обществе среднего класса, на мой взгляд, это:

– формирование устойчивого внутреннего спроса, как главного фактора экономического развития;

– наличие профессиональных кадров необходимых для экономики знаний;

– резервуар для развития общественных институтов, современной и эффективной системы государственного и общественного управления.

– сохранение внутриполитической стабильности и гарантия от прихода к власти маргинальных групп;

– развитие процесса самоидентификации нации – формирование устойчивой системы национальных ценностей;

– наконец, укрепление суверенитета государства и адекватное восприятие и защита его национальных интересов и ценностей.

В то же время надо понимать, что именно растущий средний класс, который не находит себе места в политической и экономической жизни страны, становится **наиболее дестабилизирующей силой**, способной привести нацию к революции. Как справедливо заметил Ф.Фукуяма, «Несколько миллионов безработных вчерашних студентов куда опаснее для занятого модернизацией режима, чем сотни миллионов нищих крестьян»[1]. Это справедливо не только к Китаю, но и, как показывают события 2011 года в арабских странах, к другим развивающимся государствам.

Более того, именно средний класс и студенчество стали инициаторами событий 1968 года во Франции, в период кризиса 2008–2010 годов в Великобритании, Греции, Германии.

Особенно важным фактором, который может стать основой такого выступления, является распределение национальных доходов, которое в России даже по официальным данным является недопустимым[2].

Распределение населения по величине среднедушевых денежных доходов*

(в процентах)

	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009
Все население	100	100	100	100	100	100	100
в том числе со среднедушевыми денежными доходами, руб. в месяц:							
до 4000,0	51,1	40,4	28,9	20,5	14,3	9,9	7,4
4000,1–6000,0	20,5	21,1	20,3	17,7	14,8	12,2	10,3

[1] *Ф.Фукуяма*. Ждать ли революции в Китае. – Ведомости, 18 марта 2011 г., с. 4.

[2] Российский статистический ежегодник 2010. – М.: Росстат, 2010 г., с. 190.

6000,1–8000,0	11,5	13,4	14,9	14,7	13,6	12,3	11,1
8000,1–10000,0	6,5	8,4	10,3	11,2	11,3	10,9	10,4
10000,1–15000,0**	10,4	10,0	13,9	17,1	19,1	20,2	20,4
15000,1–20000,0***	...	6,7	11,7	8,4	10,6	12,3	13,3
20000,1–30000,0****	...	...	...	10,4	9,6	12,2	14,1
свыше 30000,0	...	...	...	...	6,7	10,0	13,0

* Оценка на основе материалов выборочного обследования бюджетов домашних хозяйств и макроэкономического показателя среднедушевых денежных доходов населения.

** 2003 г. – свыше 10000,0 руб.

*** 2004, 2005 гг. – свыше 15000,0 руб.

**** 2006 г. – свыше 20000,0 руб.

Распределение общего объема денежных доходов населения*

	1970	1980	1990	1995	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009
Денежные доходы** – всего, процентов	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100
в том числе по 20-процентным группам населения:														
первая (с наименьшими доходами)	7,8	10,1	9,8	6,1	5,9	5,7	5,7	5,5	5,4	5,4	5,3	5,1	5,1	5,1
вторая	14,8	14,8	14,9	10,8	10,4	10,4	10,4	10,3	10,1	10,1	9,9	9,7	9,8	9,8
третья	18,0	18,6	18,8	15,2	15,1	15,4	15,4	15,3	15,1	15,1	14,9	14,8	14,8	14,8
четвертая	22,6	23,1	23,8	21,6	21,9	22,8	22,7	22,7	22,7	22,7	22,6	22,5	22,5	22,5
пятая (с наибольшими доходами)	36,8	33,4	32,7	46,3	46,7	45,7	45,8	46,2	46,7	46,7	47,3	47,9	47,8	47,8
Коэффициент фондов (коэффициент дифференциации доходов), в разах	…	…	…	13,5	13,9	13,9	14,0	14,5	15,2	15,2	16,0	16,8	16,8	16,7
Коэффициент Джини (индекс концентрации доходов)	...	...	...	0,387	0,395	0,397	0,397	0,403	0,409	0,409	0,416	0,423	0,422	0,422

* Оценка на основе материалов выборочного обследования бюджетов домашних хозяйств и макроэкономического показателя среднедушевых денежных доходов населения.

** 1970–1990 гг. – совокупный доход (с учетом стоимости чистой продукции личных подсобных хозяйств населения).

Величина прожиточного минимума в 1992–1999 гг.*

(в среднем на душу населения; рублей в месяц; до 1998 г. – тыс. руб.)

Годы	Все население	из него по социально-демографическим группам населения			Соотношение среднедушевых денежных доходов населения с величиной прожиточного минимума, процентов
		трудоспособное население	пенсионеры	дети	
1992	1,9	2,1	1,3	1,8	212,0
1993	20,6	23,1	14,4	20,7	219,5
1994	86,6	97,4	61,0	87,4	238,7

1995	264,1	297,2	186,2	268,6	195,3
1996	369,4	415,6	260,5	373,2	208,3
1997	411,2	462,4	289,9	415,1	228,7
1998	493,3	554,7	347,9	498,2	204,8
1999	907,8	1002,8	639,9	901,7	182,7

[*] Расчет на основе методических рекомендаций Минтруда России от 10 ноября 1992 г. в соответствии с Указом Президента Российской Федерации от 2 марта 1992 г. № 210 «О системе минимальных потребительских бюджетов населения Российской Федерации».

К сожалению, в нынешней России превалирует очевидная недооценка значения среднего класса. Так, современной властью, например, социальная структура общества неоправданно определяется, прежде всего, экономическими параметрами и социально-экономическими критериями, вытекающими прежде всего из объема и экономики. Хорошо иллюстрируют этот вывод оценки правительства, представленные МЭРом в августе 2008 года:[1]

Из приведенных характеристик видно, что к основным параметрам развития государства Правительство относит макроэкономические характеристики. Лишь показатели бедности и доля среднего класса можно условно отнести к социальным критериям, но и они определяются только уровнем доходов.

2020 г. в равнении с 2007 г.

Сценарии			
	Инер-ционный	**Энерго-сырьевой**	**Иннова-ционный**
ВВП	в 1,8 раза	в 2 раза	в 2,3 раза
ВВП, средний темп роста, %	4	5–6	6,5
Цена нефти $/барр.	116	–	–
Инвестиции	в 2,4 раза	в 3,6 раза	В 4 раза
Потребительские цены	–	–	в 1,9 раза
Производительность труда	в 1,9 раза	в 2,2 раза	в 2,5 раза
Реальные доходы населения	в 1,9 раза	в2,3 раза	в 2,6 раза
Бедность*, %	7,9	6,7	6,2
Средний класс*, в %	28	47	более 50
Рост промышленности **, %	29,7	33,3	33,3

[1] *О.Кувшинова и др.* Три сценария / Ведомости, 2008 г., 7 августа, с.А3.

Добыча ТЭК**, %	14,3	14,8	14,8

* уровень 2020 г.;
** за 2005–2929 гг.

Как видно из приведенных данных, правительство еще не закладывает в основные показатели развития страны критерии развития современного общества. Два критерия – душевой ВВП и доля среднего класса, – конечно же имеют значение, но, во-первых, необходимо раскрыть эти критерии (например, душевой ВВП по сравнению с развитыми странами, а также критерий, но которому определяется доля среднего класса), а, во-вторых, добавить качественные характеристики. Такие, например, как доля лиц с высшим образованием, доля лиц занятых в наукоемких отраслях, степень развития институтов гражданского общества и многое другое.

Но этих критериев нет, а значит нет и четких целей развития, ясных приоритетов. Что, естественно, сказывается на реальной политике. В том числе и в условиях кризиса. Так, например, комплекс мер, принятых Правительством для борьбы с кризисом стоимостью в несколько триллионов рублей, лишь отчасти, в незначительной степени можно отнести к мерам социальным. Во всяком случае, этот комплекс антикризисных мер не может носить названия социального. Что вполне отражает господствующие настроения. Между тем именно социальный аспект (а не финансовый или макроэкономический) ставится во главу угла антикризисных мер развитых стран. И прежде всего по отношению к средним слоям населения: понижается учетная ставка, стимулируется рост платежного спроса, поддерживается ипотека и т.д. В отличие от этих мер действия российского правительства носят не системный, а «точечный» характер, что, естественно, выражается в масштабах этих мер, которые несопоставимы, например. С масштабом оказания помощи банкам или корпорациям.

Происходит это, на мой взгляд, от очевидной недооценки роли социального фактора вообще и роли среднего класса в частности. В том числе и той роли, которую играет средний класс в **экономическом развитии** страны. Как справедливо отмечает Е.Гонтмахер, «… величина среднего класса – это **индикатор успешности нашего движения** (подч.

А.П.) к данной цели, к превращению России в комфортную, процветающую, современную страну, которая входит в число самых передовых в мире»[1]. Эта формулировка Е.Гонтмахера совпадает с идеей Д.Медведева, выдвинутой в послании ФС в ноябре 2008 года[2]. И не случайно. Она отражает объективные процессы, идущие не только в обществе, но и в экономике стран в эпоху глобализации.

И мировой кризис, и кризис в России отнюдь не отменяет эту закономерность, но лишь усиливает ее. Действительно, если бы во главе угла антикризисных мер стоял средний класс, то такие меры имели бы иной характер. Так, на мой взгляд, вместо неэффективных посредников между бюджетом и реальным сектором экономики (прежде всего банками) следовало бы использовать прямое финансирование этого сектора за счет отмены налогов не только на прибыль, но и НДС.

Я бы добавил, что динамика роста среднего класса это интегральный социальный индикатор правильности движения. Гораздо более важный, чем рост ВВП страны и даже душевого ВВП. Еще до кризиса 2008 года, однако, этот показатель уже свидетельствовал о неблагоприятных тенденциях. Хорошо, конечно, что власть сформулировала задачу роста среднего класса до 60–70% к 2020 году, но реальность такова: до кризиса величина среднего класса не превышала 20%. Причем в 2007–2008 годах этот рост прекратился, а соотношение 10% богатых к бедным смеем населения даже увеличилось. Подчеркну, что этот симптом появился уже в начале 2008 года, до осеннего кризиса, что подтверждает еще раз важность этого критерия.

«Объективные» макроэкономические и экономические предпосылки изменений социальной структуры, о которых твердят финансовые власти, конечно же, имеют значение. Но еще большее значение имеет **сознательная государственная политика по изменению социальной структуры общества, т.е. вполне субъективный фактор**, который хотя и признается на высшем политическом уровне (в 2007–2008 годах это не раз озвучивали В.Путин и Д.Медведев), но не находит своего отражения в

---

[1] Е.Гонтмахер. Средний класс как результат развития общественных институтов / Дискуссия о среднем классе. М.: Институт современного развития, апрель 2008 г., с. 15.

[2] *Д.А.Медведев*. Послание Президента РФ Федеральному Собранию / Российская газета, 5 ноября 2008 г.

реальных планах, прогнозах и действиях Правительства. Причем в этих планах превалирует очевидно упрощенный подход к оценке доли среднего класса, а именно: берется некая величина, которая условно соответствует некоему уровню дохода среднего класса, и экстраполируется на будущее. При этом почему-то не аргументируется не только уровень такого дохода, но и не происходит сопоставления с аналогичными показателями в развитых странах.

Соотносить долю среднего класса с уровнем доходов – явное упрощение. Причем сознательное, а не от незнания. Не секрет, что существует несколько неэкономических критериев, влияющих на социальную структуру общества. Среди них важнейшие – образование и самоидентификация. Как справедливо признает ректор МГИМО, академик А.Торкунов, «Важнейшую роль в триаде параметров принадлежности к среднему классу играют… – высокий уровень образования и самоидентификация. Один из них связан с системой высшего образования прямо, второй – опосредованно. Именно в рамках университетской среды, после средней школы, в начале социальной стратификации начинается сознательный процесс самоидентификации, при этом свободной от исходных материальных благ. Студент или выпускник вуза причисляет себя к некоей общности, как бы она ни называлась – «интеллигенция», «белые воротнички», средний класс, ИТР, – вне зависимости от того, проводит он лето в стройотряде или на средиземноморском курорте. Принципиальный старт самоидентификации дается с получением студенческого билета. При этом университет представляет собой важнейший институт социального смешивания и социальной мобильности»[1].

Другой важный критерий среднего класса – экономическая и социальная **стабильность**. Представитель среднего класса, затратив на свое обучение и профессиональную подготовку много лет жизни, вправе рассчитывать на то, что он сможет удержаться на этой социальной лестнице как в последующей производственной деятельности, так и после выхода на пенсию.

Очевидно, что сегодня такой гарантии нет. В развитых странах творческий и карьерный рост продолжается до 60–65 лет и даже дольше.

[1] *А.Торкунов.* Механизм воспроизводства / www.torkunou.mgimo.ru, 27.05.2008.

До периода, когда человек наращивает до максимума свои профессиональные возможности. В России же, как признает Е.Гонтмахер, этот пик достигается к 35 годам. Причем регулярные экономические и социальные потрясения, которые эта личность переживает за период своей профессиональной деятельности, сильнейшим образом дестабилизируют не только его экономическое положение, но и социальное и даже психическое. Достаточно вспомнить сколько инженеров, ученых, преподавателей, деятелей культуры «не нашли себя» в кризисных 90-х и даже в нынешнем десятилетии. Они не просто «вымывались» из экономической и общественной жизни, но и из жизни вообще.

Сегодня можно получить общее представление об активном населении, его динамике за последние годы, гендерной ситуации и количестве безработных[1].

Численность экономически активного населения, занятых и безработных

(тысяч человек)

	1995	**2000**	**2001**	**2002**	**2003**	**2004**	**2005**	**2006**	**2007**	**2008**	**2009**
Численность экономически активного населения* – всего	70740	72332	71411	72421	72835	72909	73811	74156	75060	**75892**	**75524**
мужчины	37338	37499	36905	36997	37206	37079	37511	37627	37975	38770	38501
женщины	33401	34833	34506	35423	35629	35831	36300	36529	37085	37122	37023
в том числе:											
занятые в экономике – всего	64055	65273	65124	66266	67152	67134	68603	69157	70814	**70603**	**69362**
мужчины	33726	33754	33527	33709	34199	34177	34710	34996	35704	35869	35275
женщины	30330	31519	31596	32557	32953	32958	33893	34161	35110	34734	34086
безработные – всего	6684	7059	6288	6155	5683	5775	5208	4999	4246	**5289**	**6162**
мужчины	3613	3745	3378	3288	3007	2902	2801	2631	2271	2901	3225
женщины	3072	3314	2910	2866	2676	2873	2407	2368	1975	2388	2937

* По материалам выборочных обследований населения по проблемам занятости.

[1] Российский статистический ежегодник 2010. – М.: Росстат, 2010 г., с. 131.

Но мы можем только смутно представить себе ту часть активного населения, которая относится к среднему классу **по всем** показателям – доходам, образованию, самоидентификации. Тем более мы не можем сказать, какая часть этого среднего класса является национально ориентированной и рассматривает свое будущее в связи с будущим России. То есть мы не можем пока что сказать, какова наиболее дееспособная часть нации и как активно она может участвовать в реализации стратегии развития России.

Думаю, что в последние 20 лет наибольшие потери понес именно средний класс, прежде всего ученые, преподаватели, деятели искусств, инженеры и другие творческие работники, которые не смогли «встроиться» в рыночную стихию.

Никто точно не знает, сколько десятков и сотен тысяч убийства и самоубийств произошло в кризисные 90-ые годы.

В 2000-ые годы статистика показывает в целом позитивную динамику. Но важно подчеркнуть, что по этим показателям Россия все еще занимает стабильно 1-ое место среди развитых стран.

Число лиц, потерпевших от преступных посягательств
(тысяч человек)

Годы	**Число лиц, потерпевших от преступных посягательств**		**из них в результате преступных посягательств**			
			погибли		**получили тяжкий вред здоровью**	
	женщины	**мужчины**	**женщины**	**мужчины**	**женщины**	**мужчины**
2000	**654,4**	**1441,1**	**16,8**	**59,9**	14,8	59,7
2001	716,9	1445,4	15,9	62,8	12,7	58,6
2002	630,0	1263,2	16,8	60,0	12,3	55,9
2003	689,4	1387,7	16,8	60,1	10,3	53,6
2004	768,3	1453,9	15,8	56,5	9,1	50,4
2005	1038,7	1770,5	15,6	52,9	10,2	50,8
2006	1156,8	1809,2	15,2	46,1	9,7	47,4
2007	1071,8	1603,3	13,3	40,7	9,5	43,4
2008	902,9	1400,9	11,0	35,0	8,2	40,3
2009	**893,1**	**1060,1**	**8,9**	**22,4**	10,0	30,8

Травматизм на производстве

	2004	2005	2006	2007	2008	2009
Численность пострадавших при несчастных случаях на производстве с утратой трудоспособности на один рабочий день и более и со смертельным исходом:						
всего, тыс. человек	**88**	78	71	66	58	**46**
на 1000 работающих	3,4	3,1	2,9	2,7	2,5	2,1
Численность пострадавших при несчастных случаях на производстве со смертельным исходом:						
всего, человек	**3292**	3091	2900	2986	2550	**1967**
на 1000 работающих	0,129	0,124	0,119	0,124	0,109	0,090

Потери рабочего времени от несчастных случаев на производстве составляли в 2009 г. 2,2 млн. человеко-дней.

Численность пострадавших на производстве по видам экономической деятельности

	Всего	По видам экономической деятельности					
		сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство	добыча полезных ископаемых	обрабатывающие производства	производство и распределение электроэнергии, газа и воды	строительство	транспорт и связь
	Тысяч человек						
Всего пострадавших на производстве							
2004	**87,8**	19,9	5,5	32,3	3,3	7,1	8,5
2005	77,7	15,9	4,9	28,9	3,1	7,2	7,9
2006	70,7	12,9	4,2	27,1	3,0	6,6	7,4
2007	66,1	10,6	3,9	26,6	2,6	6,6	7,2
2008	58,3	7,9	3,3	23,8	2,4	6,3	6,6
2009	**46,1**	6,7	2,7	17,0	2,1	4,9	5,6
в том числе со смертельным исходом							
2004	3,3	0,7	0,3	0,8	0,2	0,5	0,4
2005	3,1	0,6	0,3	0,8	0,2	0,5	0,4
2006	2,9	0,5	0,3	0,7	0,2	0,5	0,4
2007	3,0	0,5	0,4	0,7	0,2	0,6	0,4

2008	2,6	0,4	0,2	0,6	0,2	0,6	0,3
2009	2,0	0,3	0,2	0,4	0,2	0,5	0,3
	На 1000 работающих						
Всего пострадавших на производстве							
2004	**3,4**	5,8	5,1	3,9	1,9	4,4	2,4
2005	3,1	5,3	4,7	3,6	1,7	4,4	2,2
2006	2,9	4,9	4,0	3,5	1,7	4,1	2,0
2007	2,7	4,5	3,7	3,4	1,4	3,8	2,0
2008	2,5	3,9	3,3	3,2	1,3	3,6	1,9
2009	**2,1**	3,6	2,8	2,5	1,2	3,1	1,7
из них со смертельным исходом							
2004	**0,129**	0,213	0,318	0,092	0,107	0,333	0,114
2005	0,124	0,198	0,279	0,096	0,107	0,312	0,112
2006	0,119	0,206	0,271	0,087	0,096	0,332	0,099
2007	0,124	0,215	0,389	0,085	0,116	0,346	0,099
2008	0,109	0,184	0,213	0,080	0,100	0,327	0,099
2009	**0,090**	1,173	0,191	0,065	0,086	0,284	0,076

Профессиональные заболевания (отравления)*

	1980	1990	1995	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009
Численность больных с впервые установленным профессиональным заболеванием (отравлением):													
всего, человек	7651	11525	11367	9280	11224	11090	10121	9888	8156	7715	7501	7265	8081
на 10 000 работающих	1,53	1,96	1,89	1,81	2,22	2,19	2,03	2,01	1,69	1,60	1,53	1,47	1,70

* По данным Минздравсоцразвития России.

Ясно – и это признают психиатры, – что эти действия носили в России характер эпидемии. А если к самоубийствам добавить болезни, стрессы и другие последствия (по некоторым оценкам рост заболеваний «вдруг» вырос в десятки раз), то можно констатировать, что 90-ые годы стали для интеллигенции и среднего класса **временем самого жестокого уничтожения**. Речь идет не просто о временном явлении, когда из науки, образования, культуры и инженерии уходили миллионы невостребованных специалистов. Они уходили навсегда,

оставляя институты, школы, театры, лаборатории. Нередко из жизни тоже. И это относится к лицам, которые находились в самом дееспособном возрасте. Не случайно на нынешних кладбищах очень много захоронений мужчин в возрасте 25–45 лет. Не случайно, что это отразилось и на всей демографической ситуации в России.

Начало нынешнего десятилетия мы встретили с истонченной до низшего предела прослойки интеллигенции и среднего класса. Это отразилось на уровне общей культуры в стране. В том числе и производственной, и политической. Место среднего класса стал стремительно занимать новый псевдосредний класс – нередко лица с сомнительным образованием, криминальным и полукриминальным прошлым, нравственными устоями, но… высоким душевым ВВП. Именно это поколение и характеризует «пик активности» тридцатилетних и «пик пассивности» пятидесятилетних в экономической и политической жизни России.

Еще сложнее с тем, что ожидает представителя среднего класса после выхода на пенсию. В большинстве случаев из-за редкого снижения уровня жизни он обречен на переход в категорию бедных и даже нищих, т.е. он теряет не просто материальный достаток, но и среду обитания, «выпадает» из общественной жизни.

В России, таким образом, уже сегодня необходимо вносить серьезные, принципиальные коррективы в финансовую, экономическую и социальную политику, которая должна не просто обеспечивать минимально необходимые социально-экономические условия для выживания, а создавать **оптимальные условия** для развития среднего класса. Именно он будет определять будущее страны. Даже в условиях кризиса необходимо помнить, что успех или неудача будут определяться не столько падением темпов ВВП, или даже его сокращением, **а падением доли среднего класса**. И речь идет не только о доходах, но и о других характеристиках среднего класса. Таких как доступ к информации, образованию, культурным и духовным ценностям. Без этого, уже **после кризиса**, российское общество развиваться не сможет. Таким образом, правильная социальная политика создает фундамент для будущего развития страны. И экономического, и социального, и политического. И наоборот: игнорирование социальных приоритетов,

очередной кризис среднего класса, лишает Россию будущей, послекризисной, перспективы развития.

Не менее, чем доходы, важны и другие критерии, которые характеризуют роль и место среднего класса в структуре современного общества, а именно: самоидентификация, социальный статус, престиж, гарантии государства, отношения к нему СМИ и власти, участие во власти и политической жизни, возможность творческой работы и самореализации.

Совершенно ясно, что идет процесс изменения роли среднего класса в **государственной политике** в пользу интеллигенции и особенно ее творческой части – креативной социальной группы населения. Эта задача в XXI веке становится не только политической, но и общенациональной. Как справедливо признает А.Шубин: «Большая часть интеллектуального слоя в имущественном отношении относится к бедноте. Но в случае восстановления социального государства это положение может измениться. Сложившаяся социальная система способствует отчуждению интеллигенции от власти и формированию, как и в начале XX века, общественного мнения, направленного против мероприятий режима. Эту ситуацию может изменить только кардинальное изменение политики в отношении интеллектуального слоя. Альтернатива в первые десятилетия XXI века будет такова: завершение разрушения постсоветского интеллектуального слоя с резким сокращением количества интеллигенции (признак перехода в третий мир) или восстановление доходов интеллигенции, приведение их в соответствие с имущественным положением, гарантии гражданских прав и свобод. Второй вариант позволит обеспечить формирование постиндустриального креативного интеллектуализированного среднего класса. Пока возможности для этого еще сохраняются»[1].

Отдельный аспект – средний класс и перспективы научно-технического развития России. Взаимосвязь между этими понятиями вроде бы очевидна: чем больше доля и качественнее научная интеллигенция в обществе, тем крупнее научно-технические достижения, тем эффективнее экономика, лучше ее структура, меньше зависимость от

[1] *А.Шубин.* Россия-2020: будущее страны в условиях глобальных перемен. М.: Европа. 2005 г., с.186.

импорта и выше экспортные возможности. Эта взаимосвязь еще раз подтверждает, что показатель среднего класса – индикатор правильности пути развития общества и экономики.

Не случайно, как справедливо считают известные ученые И.Пейрос и П.Турчин[1], «Наука стран третьего мира демонстрирует заметное сходство с их экономикой. Основу последней, как известно, составляют экспорт сырья и импорт продуктов глубокой переработки. Наука третьих стран имеет те же характеристики: первый мир импортирует из третьего сырье – результаты прикладных исследований и эмпирические данные, собранные местными учёными. Продукты глубокой научной переработки – научные теории – третий мир производить не может. Российская наука, к сожалению, **быстро превращается в науку страны третьего мира**.

В последние годы в отношении к науке в России и в положении учёных наметились некоторые сдвиги к лучшему, но российская наука не возвратилась к тому уровню, на котором она могла бы успешно конкурировать на мировой арене. Западные университеты и научные институты по-прежнему остаются центром притяжения для лучших молодых учёных, и очень немногие из тех, кто уехал за рубеж, возвращаются обратно. Тем не менее, мы убеждены, что в современных российских условиях можно создать эффективную программу для поддержки и развития научной инфраструктуры, предотвращения утечки мозгов и возвращения российских учёных из-за границы, для привлечения в науку талантливой молодежи, сохранения и создания новых научных школ.

Да, почти два десятилетия были полностью потеряны для российской науки. Но у России всё ещё есть важные конкурентные преимущества. Предлагаемая концепция опирается на сильные составляющие российской науки, сводя к минимуму влияние слабых аспектов.

В чём сила? – Справедливо задают вопрос эти ученые.

Во-первых, это научное и общекультурное наследие Российской империи и СССР. Российская Федерация быстро может стать центром научного притяжения на постсоветском пространстве, где русский пока ещё остается языком науки.

[1] *И.Пейрос, П.Турчин.* Путь из третьего мира / www.strf, 18 ноября 2008 г.

Во-вторых, Россия всегда была и сегодня остается мировым центром развития аналитических и теоретических направлений в науке. Эти направления можно развивать даже сегодня, в условиях, когда средства на науку выделяются ограничено. Для развития аналитических и теоретических направлений не нужно создавать дорогостоящие лаборатории, средства нужны в основном на зарплату, помещение, и компьютеры. Особое внимание нужно уделить социальным наукам, где в следующем десятилетии ожидается прорыв, по значимости схожий с ньютоновским и дарвиновским прорывами в физике и биологии.

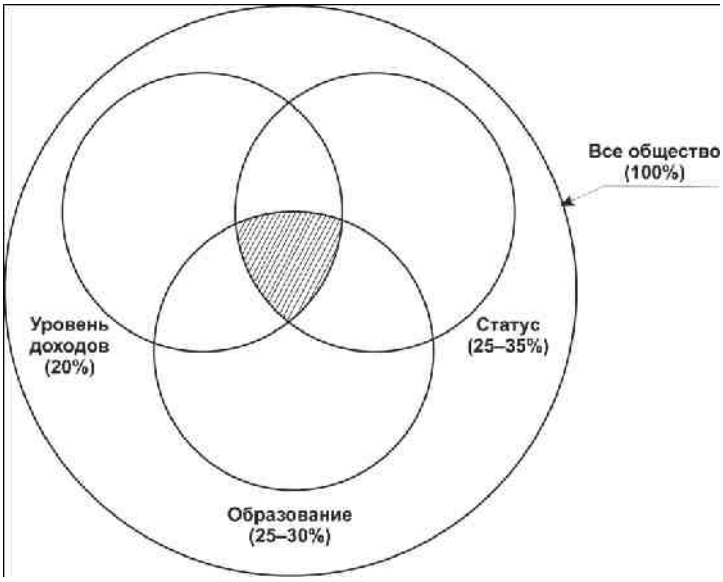
В-третьих, как ни парадоксально это звучит, отток мозгов из России за последние два десятилетия также является конкурентным преимуществом России. Многие из уехавших учёных сделали блестящую карьеру в западных странах, в условиях, замечу, высочайшей конкуренции. У них все в порядке с языком, научными связями, внушительные публикации и индексы цитируемости. Этих учёных можно возвращать на родину. Примеры успешной реализации государственной политики репатриации мозгов есть, например Китай».

Подводя итог, можно сказать: если рассматривать адекватно понятие «средний класс», то оно становится **во многом синонимом понятия «интеллигенция»**. Причем интеллигенция в большей части творческая, активная, которая идентифицирует себя с интересами общества и государства и занимает активную позицию, все это позволяет говорить о том, что средний класс становится не только **опорой государства**, но и ведущей **политической силой**, которая во многом противостоит традиционным социальным слоям и прежде всего бюрократии.

Как видно на рисунке, в эту социальную группу входит значительно меньше граждан, чем те, которые статически могли бы в нее входить, если бы эта группа определялась только уровнем доходов.

На самом деле критериев для определения класса «интеллигенции» еще больше, чем критериев для среднего класса. Речь, конечно же, идет об уровне культуры, воспитания и многом другом, что трудно определить количественными оценками. Хотя иногда и можно. Например, количеством прочитанных за год книг, выписываемых газет и журналов, посещаемостью театров, музеев и т.д.

Средний класс, «интеллигенция» (заштриховано)



Главное, однако, в другом. Если согласиться с утверждение что в XXI веке уровень экономической и военной мощи государства будет определяться **качеством** его населения, т.е. прежде всего долей граждан, которых условно можно отнести к среднему классу и интеллигенции, то становится ясно, что не только все общество, но и **государство заинтересованы в том, чтобы эта доля была максимально большая**. Этот вывод означает, что правящая элита может и должна быть заинтересована в ускоренном, сознательно управляемом процессе развития среднего класса. Не только аргументы в пользу экономики и политики, но и в пользу перспектив всего общества свидетельствуют о том, что такая стратегия – единственно мудрое поведение как в условиях кризиса. Так и в послекризисный период.

8.2. Социальная структура общества и креативный класс

«…сверх возможности есть,
они работают»[1].

Н.Бехтерева

«Но большинству отраслей
в технологическом плане Россия
уступает не только развитым,
но и развивающимся странам…»[2].

Д.Ливанов

Творческие способности (креативность, созидательное начало) не являются свойством всех индивидуумов, но – на ряду причин – сконцентрированы в среднем классе. Это не означает, что богатые или нищие не могут быть творцами. Наоборот, талант бизнесмена встречается не чаще, чем талант музыканта. Просто величина творческого национального потенциала во многом является производной от величины среднего класса как самой массовой социальной группы современного общества.

При этом важно подчеркнуть, что творческие возможности развиваются, особенно когда общество и государство создают **необходимые для того условия**.

И наоборот. Сегодня общество не заинтересовано в инновационной экономике. Например, чтобы отрасли обеспечивающие добычу полезных ископаемых, развивали свои информационные ресурсы. Напротив, в обрабатывающей промышленности, научных исследованиях, образовании такая заинтересованность присутствует, хотя средств у них многократно меньше, чем у ресурсных отраслей. Что и видно из современной статистики[3].

Организации, имеющие собственно web-сайты, по видам экономической деятельности

	Всего				**В процентах от числа обследованных организаций**			
	2005	**2007**	**2008**	**2009**	**2005**	**2007**	**2008**	**2009**
Всего	22348	33626	38812	41951	14,8	19,8	22,8	24,1
Промышленное производство	6115	7953	9020	9244	25,0	31,6	36,4	37,6
Добыча полезных ископаемых	198	270	334	338	16,4	22,2	26,2	24,8
Обрабатывающие производства	5424	6920	7760	7840	29,5	38,6	44,8	46,1

[1] *Н.Бехтерева.* Магия мозга и лабиринты жизни. М.: Сова, 2008 г., с. 6.

[2] *Д.Ливанов.* Россия утратила статус мировой научной державы / www.strf.ru, 25 ноября 2008 г.

[3] Наука в России в цифрах: 2010. Стат. сб. – М.: ЦИСН. 2010 г., с. 168.

Производство и распределение электроэнергии, газа и воды	493	763	926	1066	10,2	12,7	14,9	17,2
Строительство	880	1242	1517	1609	13,7	20,6	25,5	27,5
Оптовая и розничная торговля	2322	3324	3338	3770	14,2	20,2	27,3	29,1
Транспорт	754	1051	1270	1341	10,8	15,0	18,2	19,3
Связь	686	881	959	1027	42,9	57,3	61,7	60,2
Финансовая деятельность	1802	2458	2691	2866	38,8	46,8	53,6	52,2
Операции с недвижимым имуществом, аренда и предоставление услуг	3058	4775	5384	5547	15,5	19,9	23,3	23,2
из них научные исследования и разработки	1170	1428	1505	1496	41,8	54,1	59,9	60,5
Государственное управление, обеспечение военной безопасности, обязательное социальное обеспечение	3267	6358	8032	9282	8,2	13,9	16,6	19,2
Высшее профессиональное образование	939	1457	1640	1827	50,4	66,3	70,6	74,3
Здравоохранение и предоставление социальных услуг	1141	1822	2177	2446	7,4	10,1	11,6	12,8
Другие виды деятельности	1384	2305	2784	2992	10,3	12,4	13,4	13,1

Это означает, что и социальная структура общества идет вслед за экономическими приоритетами: если отрасль не нуждается в наукоемких технологиях, если в ней зарплаты выше, чем в среднем по стране в 3 раза, то ей и не нужно развиваться. У нее и так все есть. Поэтому социальный потенциал таких отраслей всегда будет низок и ориентирован только на сохранение высоких доходов.

В этом, на мой взгляд, сегодня выражается **особенно важная** роль государства: оно может:

– использовать имеющийся творческий потенциал нации с максимальной эффективностью, либо пренебречь им;

– сознательно создавать условия для развития этого потенциала – как материальные, так и нематериальные;

– наконец, государство может препятствовать развитию творческого потенциала, ограничить его применение. Что, похоже, пока что происходит в России. «Отечественный сектор науки и инноваций деградирует. О темпах этого процесса можно судить по сокращению числа публикаций в ведущих мировых научных журналах. Российская промышленность демонстрирует низкую инновационную активность, но

даже этот незначительный спрос инновационные компании способны удовлетворить только наполовину. Об этом заявил ректор МИСиС **Дмитрий Ливанов** на конференции «Современная модель образования: пути развития».

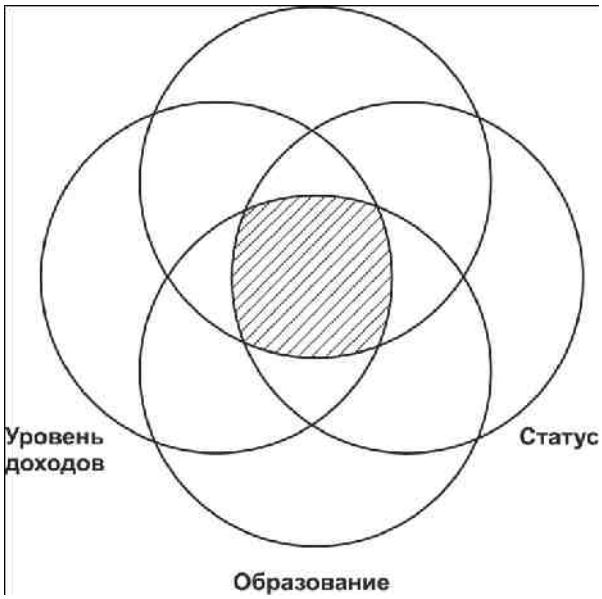
Пока что об этой проблеме мало говорят, но определение будущего ведущего социального слоя является уже сегодня принципиальной политической задачей. Особенно сегодня, в условиях кризиса. Инвестиции в качество населения, «креативный класс» следует рассматривать, **как наиболее эффективные и долгосрочные**. Мне кажется, что правы те, кто полагает, что в условиях кризиса самое время заняться наукой и образованием. Это может относиться как к отдельному человеку, так и всему обществу. «Простаивающие» ресурсы энергии и времени можно регенерировать.

К сожалению, повторю нередко эта проблема сводится только к проблеме доходов населения. Констатируя определенные результаты (согласно прогнозу Минэкономразвития, к 2010 году доля среднего класса увеличится до 30%, а к 2020 году – до 50%)[1], вместе с тем нельзя отождествлять средний класс и даже интеллигенцию с креативным классом. Если средний класс можно представить себе как часть граждан, обладающая, во-первых, определенным доходом, во-вторых, образованием, в-третьих, статусом, то креативный класс должен еще обладать способностью и **условиями для полной самореализации потенциала человеческой личности**. Именно в этом сегодня и заключается особая роль государства, которое должно оперативно реформировать целые области своей деятельности – от образования, здравоохранения и пенсионной системы, до создания институтов внерабочей среды, где творческие и активные граждане могли бы реализовывать свои способности вне профессиональной деятельности.

[1] *Д.Николаева.* Россиян переводят в средний класс / Коммерсант, 2008 г., 31 января, с. 2.

Креативный класс (заштриховано)

Степень самореализации



Способность и готовность к творчеству и самореализации – та особенность, которая выделяет креативный класс из среднего класса, делает его лишь частью последнего.

Это последнее требование сводит численность «креативного класса» до уровня не более 15–20% (в отличие от среднего класса, который может достигать 75–80%), но именно эта творческая часть общества и является **главным инструментом развития в XXI веке**. На самом же деле в России ситуация выглядит намного хуже. Если в развитых странах средний класс составляет до 80% населения, то в России **всем** признаком этого класса соответствует не более 20%, а доля креативных групп, – наверное, не более 5%, т.е. четверть от среднего класса.

Понятно, что такое соотношение России и ведущих стран недопустимо. Оно не случайно соответствует соотношению в производительности труда, энергоемкости, фондоемкости, наукоемкости и других реальных показателях. Иными словами пропорция между долей среднего и креативного класса в обществе соответствуют пропорциям экономическим. Если доля среднего класса в Росси меньше чем в США в 4 раза, то и производительность труда также ниже в 4 раза, энергозатраты – выше в 4 раза, а наукоемкость ниже также в 4 раза.

Таким образом, мы сталкиваемся с ситуацией, когда по объективным причинам доля креативного класса ограничена

максимумом в 15–20%, а на практике 5%. Это подтверждается и повседневной практикой: в любом коллективе, будь то школа, институт, производство и т.д., лишь одна четвертая или даже пятая часть относится к категории «креативной». Абсолютное большинство относится либо к середнячкам, либо хорошим исполнителям, либо маргиналам. Психологи еще выделяют эту группу креативных граждан по их отношению к решению общих проблем. Как правило, такие граждане руководствуются принципом: «Можно сделать лучше». Это – качество психики и души человека – не присуще всем индивидуумам. По некоторым оценкам оно свойственно (в различные периоды времени и в разных странах) от 5% до 20% населения. Его можно, наверное, назвать и пассионарностью и творческими способностями. Кроме того, его зачатки могут развиваться целенаправленными усилиями и тренировками, а, главное, той творческой атмосферой, которая может создаваться как в отдельном коллективе, так и во всем обществе.

К сожалению, цифра в 15–20% – максимально высокая в условиях, когда и общество, и государство сделали все для того, чтобы эта доля достигала этой величины. Или почти все. Есть определенные возможности и условия, реализовав которые нация и государство теоретически могут выйти за эти рамки. Но это пока что теоретическая возможность. Реальность, которой на практике может быть, наверное, в далеком будущем. Когда же государство и общество не заинтересованы, либо препятствуют созданию таких благоприятных условий, доля «креативного класса» становится значительно ниже. Иногда несколько процентов. Вот почему государство должно сделать все от него зависящее, **чтобы приблизиться к этим заветным 15–20%**. Политические, экономические, социальные условия должны, может быть искусственно созданы именно государством. Речь идет о создании целого комплекса программ развития потенциала человеческой личности. От учебных, до прикладных, профессиональных. Понятно, что образование, наука, культура и искусство – лучшие области для развития творческих способностей. Вот почему всяческая поддержка этих областей имеет особенное значение в XXI веке. Экономическое и финансовое в том числе. Логика проста: если инвестировать в науку,

культуру, образование и искусство, а также духовную область значительно больше средств и государственного внимания, то это, безусловно, скажется на качестве человеческого потенциала и росте креативных групп. Они, в свою очередь, дадут немедленный и огромный экономический и политический эффект. Я бы сказал, – сверхэффект.

Особенное значение в этой связи приобретают усилия вла**сти по сознательному развитию институтов гражданского общества**, стимулированию развития среднего и креативного классов. Так же как и инвестиции в развитие институтов гражданского общества и политической системы. Здесь, как и в фундаментальной жизни, необходимы собственные модели, а не заимствования. Что, кстати, хорошо чувствует общественное мнение нашей страны, которое в своем абсолютном большинстве не приемлет непрактический чужой опыт[1].

Пока что мы демонстрируем отсталость в социальной области не меньшую, чем в экономической. Если на индустриально-промышленном этапе развития СССР, например, ведущим классом был промышленный пролетариат, а в советские времена его реально потеснила «трудовая интеллигенция», то в 90-е годы произошло полное смешение социальных слоев и групп. При очевидной деградации средних слоев и креативных групп, во всех сферах появились самозанятые предприниматели, а с приходом к власти В.Путина резко возросло и усилилось чиновничество.

Иными словами социальная структура общества менялась в последние десятилетия в худшую сторону. Государственная бюрократия, сложившаяся в последние десятилетия, не соответствовала потребностям опережающего развития, а народившиеся предприниматели, к сожалению, в минимальной степени были связаны с творческим бизнесом, особенно в инновационных отраслях, концентрируясь либо вокруг спекулятивного капитала, либо вокруг административного ресурса. В итоге сложился климат, в котором ни экономика, ни общество не оказались восприимчивы к творчеству и инновациям.

---

[1] *К.Васильева*. Особенности национальной демократии / Новые Известия, 2007 г., 20 декабря, с. 2.

Этот вывод подтверждает и тот факт, что когда власть в 2007–2008 годах попыталась развернуться к инновационному сценарию развитию она столкнулась практически с невозможностью реализовать свои планы. С горечью это был вынужден признать в ноябре 2008 года на встрече с руководством ТПП Д.Медведев: «Стимулирование инноваций – это то, о чем мы говорим довольно часто и много, но если говорить по-серьезному, никакого прорыва здесь пока не произошло», – констатировал глава государства. «В сфере высоких технологий, нанотехнологий, надо признаться, пока почти ничего не сделано, и те деньги, которые выделялись, не осваиваются», – посетовал он.

«Надо принимать все необходимые управленческие решения как на уровне госкорпораций, так и на уровне малого и среднего бизнеса»[1], – заявил в это связи Д.Медведев.

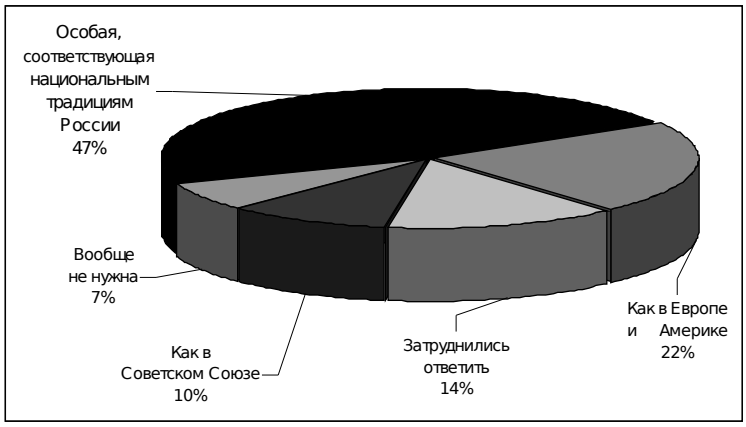
На мой взгляд, проблема не столько о принятии управленческих решений, сколько в отсутствии в обществе социальных групп и условий по развитию, заинтересованных в инновациях. Доминирующие группы – бюрократия и нынешние предприниматели – за редким исключением не заинтересованы в инновационном развитии. Первые – в силу своей сущности. Вторые – потому что это в нынешних условиях экономически не выгодно и сопряжено с множеством рисков.

Ни первая, ни вторая социальные группы **в принципе не могут стать движущей силой будущего развития** России. Опора исключительно на традиционалистские социальные группы всегда заканчивалась в истории поражением.

Ситуация в инновационной области не случайно во многом совпадает с политическими пристрастиями граждан. Ясно, что опережающее развитие возможно при сметании мощной национальной традиции, прежде всего в науке и культуре, с инновационным

[1] *Д.Медведев.* В развитии сферы инноваций в России почти ничего не сделано / www.strf.ru, 11 ноября 2008 г.

Какая демократия нужна России?



Источник: «Левада-Центр». Опрос проводился 10 декабря 2007 года, участвовали 1600 россиян старше 18 лет. Статистическая погрешность не превышает 3%

В этой связи, можно сказать, что будущий класс интеллектуалов, который неизбежно будет обладать всей полнотой экономической и политической власти, в основной своей части придет из тех, кто **сегодня создает и владеет технологичными фирмами, в т.ч. из образования и науки**. Простой пример. По оценкам А.Е.Волкова, емкость мирового рынка образовательных услуг 60 млрд. долл., из которых на Россию могло бы приходиться не менее 10%, т.е. 6 млрд. долл. (сегодня в России обучается только 1% иностранцев, и в Новой Зеландии – 28,3%, Великобритании 16,2%). Сегодня этот рынок занят США (30%), Великобританией (20%), Германией и Францией (по 10%). Не трудно подсчитать, что если бы на Россию приходилось столько же мирового рынка образовательных услуг, сколько на Великобританию (20%), то это бы означало появление фактически новой экономической и наукоемкой отрасли объемом в 10–12 млрд. долл. в год, а также целого социального слоя креативных и вполне обеспеченных граждан – профессорско-преподавательского состава – чей доход сегодня составляет от 80 до 250 тыс. долл. в год.

Этот процесс уже начался в России, где не только столичные, но и бывшие периферийные ВУЗы (например, Белгородский университет) активно приглашают не только граждан России, но и иностранных преподавателей, выплачивая им соответствующую зарплату. Этот нарождающийся социальный слой носителей знаний будет стремительно расти. Они неизбежно заменят сырьевиков и производственников,

вытеснят старых владельцев банков. И это будет полностью соответствовать основным направлениям развития человечества.

Но, повторю, именно сегодня этот класс находится в наихудших политико-экономических условиях. Что объективно сдерживает наше развитие. И вина в этом нынешней элиты и государства, которые сами состоят из устаревших и бесполезных для общества социальных групп, либо (что еще хуже) не понимают существа проблемы.

Так, вместо того, чтобы расширять рынок образования в России, за счет превращения высшего образования во всеобщее и привлечение иностранных студентов, Министерство образования начало кампанию борьбы за качество, в результате которой с образовательного рынка будут вытеснены нежелательные конкуренты. Предлог – повышение качества образования. В результате этой кампании (нетрудно предсказать) сократится как число университетов, так и число вузов, а в конечном счете, – число студентов. Может эта кампания и приведет к росту качества образования – в чем лично я очень сомневаюсь, – но вероятным результатом этой «реформы» будут многочисленные проверки, аттестации и ликвидации.

Эта реформа, конечно же, выгодна бюрократам. Как федеральной, так и региональной. Но она абсолютно не нужна, более того, вредна обществу и экономики. Так, по нашим оценкам, высшее образование дает огромный экономический и социальный эффект: специалист с высшим образованием приносит в бюджет в 3–5 раз больше дохода, наукоемкость его труда в 3–10 раз выше и т.д. В социальном плане трудно отрицать все преимущества социализации граждан через обучение в ВУЗе. Наконец, продолжительность жизни лиц с высшим образованием значительно выше, чем у тех, кто его не получал. И, главное, трудно ожидать пополнение креативного класса при общем сокращении числа студентов.

Таким образом очередная реформа на этот раз в высшем образовании, прямо противоречат экономическим и социальным интересам общества. Но не противоречит доминирующим интересам бюрократии и предпринимателей, которые могут «купить» себе любое образование в России или за рубежом.

8.3. Мировой кризис и средний класс

«Курс преодоления кризиса в силу своей направленности на защиту … банковского сектора … Оставил вне внимания экономически слабые, но политические активные группы …»[1].

А.Богатуров, профессор МГИМО(У)

«Основная задача в условиях кризиса – сохранение среднего класса».

В.Сурков

Но как раз решением этой задачи никто в 2008–2010 годы и не занимался. Рост цен, сокращение зарплаты, снижение доходов и понижение уровня жизни населения – характерные последствия любого кризиса[2]. Учитывая, что в эти годы фактически (в реальных ценах) шло сокращение финансирования науки, здравоохранения и образования, а бизнес особенно в обрабатывающих отраслях, демонстрировал разное снижение, – можно признать, что по среднему классу был нанесен ощутимый удар. Удар, который отбросил нарождающийся средний класс в стране, на несколько лет назад, к началу 2000-х годов.

Представление о реальных приоритетах Правительства РФ в условиях кризиса дает перечень антикризисных мер, среди которых не было мер по поддержке НЧП и, в частности, среднего класса, который реально пострадал больше всех, хотя замораживание, например, тарифов на три года на продукцию и услуги естественных монополий, не раз предлагавшееся М.Делягиным, могло бы отчасти смягчить эти последствия[3].

---

[1] *А.Богатуров*. Кризис политики правого центра. – Независимая газета, 22 марта 2011 г., с. 11.

[2] Так, по оценке В.Иноземцева, «… рост цен … достиг 12% за неполных 3 месяца (2011 г. – *А.П.*) при обещаниях правительства о росте 15% за весь год». См., подробнее В.Иноземцев. Высокое напряжение. – Известия, 15 марта 2011 г., с. 4.

[3] *М.Делягин*. Цена монополии. – Известия, 25 марта 2011 г., с. 6.

Структура пакета финансовых антикризисных мер в 2008–2009 гг.[4]

Бюджетные антикризисные меры	Запланировано к исполнению в2008–2009 гг., млрд. руб.	Исполнено по состоянию на 1 января 2010 г., млрд.руб.
Меры по обеспечению финансовой устойчивости экономики		
Из средств федерального бюджета		
На поддержание сбалансированности региональных бюджетов (дотации, субвенции, бюджетные кредиты)	363,4	363,4
УК «Внешэкономбанк»	175,0	175,0
УК «ВТБ»	180,0	180,0
УК ОАО «Россельхозбанк»	45,0	45,0
УК ОАО «Росагролизинг»	25,0	25,0
УК АИЖК	80,0	80,0
Итого из федерального бюджета	868,4	868,4
Внебюджетные источники (квазибюджетные)		
Субординированный кредит Сбербанку России (источник ЦБР)	500,0	500,0
Предоставлено Внешэкономбанку для предоставления субординированных кредитов другим банкам (выдано 14 банкам, источник – ФНБ)	410,0	410,0
Размещение средств на депозитах Внешэкономбанка для целей кредитования МСБ (источник – ФНБ)	30,0	30,0
Реструктуризация задолженности банков (источник – ЦБР и Агентство по страхованию вкладов)	н/д	297,1
Итого внебюджетные источники	–	1234,1
ВСЕГО по обеспечению финансовой устойчивости экономики	–	2099,5
Меры по поддержке реального сектора экономики		
Из средств федерального бюджета		
Поддержка автомобилестроения	68,0	69,0
Поддержка авиастроения	15,9	21,9
Поддержка судостроения	3,0	3,0
Субсидирование процентных ставок для предприятий АПК и рыболовства	18,1	60,4
Поддержка экспорта	6,0	6,1
Развитие малого и среднего бизнеса	13,6	18,0
Поддержка предприятий ОПК	73,3	79,0
Поддержка транспортного комплекса	53,0	56,4
Имущественный взнос в госкорпорацию «Ростехнологии»	1,0	1,5
Государственные гарантии системообразующим предприятиям	300,0	300,0
Итого из федерального бюджета	551,9	615,3

[4] Российская экономика: тенденции и перспективы. № 4, 2010 г., с. 85.

Внебюджетные источники (квазибюджетные)		
Поддержка жилищного строительства (источник – Фонд содействия реформированию жилищно-коммунального хозяйства)	н/д	136,5
ВСЕГО по поддержке реального сектора экономики	–	751,8

Если соглашаться с утверждением о том, что величина среднего класса – основной индикатор успешности продвижения к процветающему обществу и экономике, то логичен и следующий вывод, имеющий стратегическое значение для России в условиях кризиса: главная цель в деятельности правительства, государства и общества в условиях кризиса это **сохранение среднего класса**. Подчеркну – не темпы роста ВВП, не «подушки безопасности» и прочие макроэкономические критерии, а именно сохранение (пусть того небольшого, что создано в последние годы) той доли среднего класса, которая появилась в России к 2008 году. Тем более, что внятных целей в борьбе с кризисом до сих пор предложено так и не было.

Действительно, о кризисе говорят все. И оказывается, что «много говорить о кризисе не бывает». Аспектов у кризиса много. Экспертных мнений тоже. Иногда кажется, что ситуация архиабсурдна: много умных экспертов, с одной стороны, и беспомощность в прогнозе, оценке и – главное – принятия решений, с другой. Ясно, что сегодня любые прогнозы о длительности и глубине кризиса могут делать только авантюристы, хотя бы потому, что механизмы этого кризиса неизвестны. Во всяком случае, уже сегодня более 10 стран «в минусе», т.е. с отрицательным ростом ВВП. Видимо, что кризис необычен, «не как другие». На Западе готовились к нему как те самые генералы, которые готовились к последней войне.

Теперь о том, что делать, когда не понимаешь ни сути кризиса, ни механизмов влияния на него.

Ясно, что финансовая система нуждается в радикальном реформировании. Также ясно, что потребуется новый уровень сотрудничества. Ясно и то, что общество и финансовые власти ведут себя в этих условиях нередко иррационально. И причины нередко отнюдь не финансовые и экономические, а далёкие, иногда даже очень, от них, например, психологические, нравственные. В этих условиях представляет

рациональным сформулировать волевым (политическим) порядком ясную главную задачу. В данном случае речь идет о задаче **социально-политической по своему характеру** и тактической по времени: сделать все возможное для сохранения нынешней, пусть несовершенной социальной структуры общества, где ясно обозначилась социальная группа, называемая средним классом.

Подчеркну, что от этого – удастся или нет – зависит наше послекризисное будущее. С чего-то все равно придется начинать. И в экономике, и в общественном развитии. И начинать развивать экономику знаний можно будет только в том случае, если останутся те немногие, которые будут в состоянии это делать. Если мы не повторим ошибок 90-ых годов, когда инженеры, ученые, врачи и учителя пойдут торговать на рынки или сядут «бомбить» за руль оставшихся у них автомобилей.

Другой аспект этой проблемы. Мы с огромным трудом добились внутриполитической стабильности в этом десятилетии. Во многом благодаря тому, что в обществе сложился консенсус, основанием которого стал средний класс и его ценности. Разрушение этого основания, маргинализация его флангов неизбежно приведут к политической дестабилизации, а, может быть, и возврату к хаосу 90-х годов.

Мы еще не укрепились, не только политически, но и идеологически, нравственно, духовно. Этот мир стабилизации – крайне хрупок. Не случайно, что первые кризисные явления показали, что кризис есть не только в финансовой области и экономике, но и в душах людей.

Отдельно – о таких ставших массовыми сюрпризах как отказ от обязательств, их произвольная трактовка, обман, антисоциальное поведение, откровенное пренебрежение к своей стране, предательство общества и даже собственных сотрудников. Очевидно, что в условиях кризиса личные интересы «вдруг» стали преобладающими. Этим в много объясняется острейший интерес к прогнозам о кризисе, его последствий и (что неожиданно!) как использовать кризис **с выгодой для себя,** как оказаться после кризиса, «на коне», впереди конкурентов? Во многом в ущерб другим. При слабости закона и системы – в ущерб обществу и государству.

Парадокс в том, что официально кризис «не объявлен». Пока что у нас лишь штормовое предупреждение, хотя для большинства населения (более 60% опрошенных) кризис стал, уже ощутим сокращениями – наступившими и ожидаемыми. Получается, что оценка социального благополучия зависит от политической оценки финансового кризиса.

Другой парадокс – поведение финансовых властей России, которые вплоть до августа 2008 года боролись с инфляцией, добившись даже сокращения денежной массы по сравнению с 2007 годом, т.е. создали в России максимально благоприятные условия для распространения кризиса по стране. Сегодня, т.е. те финансовые власти должны отвечать за социальные и политические последствия. А способны ли они к этому?

Не стоит рассчитывать на внешнюю помощью. В США – не намного лучше. Планы принимаются, от них отказываются, а все международное сотрудничество свелось в конечном случае к весьма сомнительным обязательствам не заниматься протекционизмом (хотя в 55 решениях Правительства России добрая половина протекционистские). Хуже – на Западе сегодня считают, что есть две основные пакости – кризис и Россия. Поэтому ждать хорошего от них не приходится.

В регионах России тоже все неоднозначно. Точнее – в каждом из регионов кризис проявляется по-разному. Все будет зависеть от долгов и обязательств регионов и помощи федерального центра. Система кредитования, которая была и без того плохая, неэффективна, фактически разрушается. Уже не только инвестиционные и долгосрочные кредиты стали экзотикой, но и обычные, под «оборотку» стали большой проблемой. Как следствие – стагнация, даже обрушение целых отраслей. И это при том, что реальной статистики еще нет. Ни на Западе, ни в России, т.е. мы еще не знаем, что уже потеряли. Хотя есть и очевидные вещи, например, что в условиях кризиса больше всего проигрывают успешные. Те же, кто имел худшие показания, пострадают меньше других. В самых крупных городах России, где сосредоточено 80–85% финансов, строительных мощностей и т.п. ожидается сокращение «офисного планктона» до 80%! Кстати, может и хорошо, ведь не зря же говорят, что более 50% занятых в экономике страны граждан вообще не производят добавочной стоимость, а производительность труда в России составляет 10–25% от США.

Напрашивается вывод: чем богаче, чем информирование, чем влиятельнее структура, **тем меньше она понимает суть кризиса**. Отсюда – парадоксальный вывод – министр финансов понимает кризис хуже, чем мэр небольшого города, а меры по его нейтрализации уж точно представляет хуже. Вообще-то элита должна, наконец, признать, что мы почти ничего не знаем о кризисе и его последствиях. Нет ни мониторинга, ни анализа, ни, тем более, разумных предложений. Отсюда и неэффективность антикризисных мер, отсутствие эффективных инструментов. Отсюда и неизбежный вывод: полномочия для борьбы с кризисом нужно отдать местному самоуправлению. Это будет не только экономически эффективнее, но и полезнее для общества.

Другой вывод: кризис имеет системный характер, т.е. его последствия будут сказываться во многих (почти во всех) областях. И неизвестно, какие из этих последствий окажутся самыми негативными. Можно допустить вероятность нарушения взаимоотношений между федеральным центром – регионами, социально-протестных действий (особенно в моногородах), уже говорят о последствиях для здоровья – стрессы, психозы, суициды и т.д. На эти социальные последствия следует обратить особое внимание.

Похоже, что может повториться ситуация 1998 года, когда действия власти носили хаотичный характер: и политические, и экономические, и финансовые, и социальные. В самом деле, не понимая сути кризиса, не прогнозируя его хода и последствий, не имея эффективной стратегии и механизмов трудно ожидать, что власть будет действовать эффективно, т.е. оперативно и системно. Соответственно – простор для демагогов и авантюристов. Лучшее средство их лечения – стабильность среднего класса.

И, наконец, последнее. Понятно, что информационная политика играет в условиях системного кризиса особое значение. Во многом кризис, как я уже писал, это кризис психологический, а не финансовый. Понятно, что не имея антикризисной стратегии нет и стратегии информационной, коммуникационной, системы работы с населением. А она чрезвычайно важна. Может быть даже важнее, чем антикризисные меры в области финансов. Уж очень нужно, чтобы А.Кудрин объяснил, почему в условиях спада не понижается (как в других странах) ставка рефинансирования, почему выделяются коммерческим банкам шальные деньги, позволяя их

вывозить за рубеж, почему фактически прекратилось кредитование реального сектора экономики и как возвращать взятые под 10% кредиты, сегодня под 30%? Если ответить на эти вопросы трудно, то почему бы не ответить на самый простой вопрос: раз уж мы не можем бороться с дураками, то почему мы до сих пор не стали строить хотя бы дороги?

Впрочем, и здесь нужно знать куда (зачем) ведет эта дорога, т.е. ясно определить себе цели в условиях кризиса. Если, в конечном счете, к изменению структуры экономики, то ответ понятен: знания превращаются в деньги, рост производительности труда. Если дорога ведет к примитивной прибыли, то и беспокоиться не надо: кризис пройдет, финансовые спекулянты вернутся на фондовые рынки, в банки и корпорации. Кто не уцелеет – тоже не беда. Как говорится, потеряют «не последнее».

Нам же нужно ясно понимать, что делать в условиях кризиса, какую цель мы преследуем?

Если согласиться с В.Сурковым в том, что главная задача – сохранение среднего класса, то следует, на мой взгляд, пойти дальше, а именно: **в условиях кризиса необходимо и возможно быстрее изменить структуру общества в пользу среднего класса и креативных групп. И не только структур общества, но и экономику**. Для этого необходимо, во-первых, сформулировать эти задачи **в качестве внятных политических целей**, а, во-вторых, скорректировать имеющиеся планы и бюджеты в эту сторону.

Мы должны ясно понимать, что если мы не поддержим средний класс и креативные слои общества, то:

– во-первых, мы лишимся внутриполитической стабильности, ибо процесс маргинализации обнищания, безусловно, приведет к дестабилизации;

– во-вторых, мы лишимся будущего приоритета в мировой науке, образовании, культуре и искусстве;

–в-третьих, это нанесет удар по нашим традиционным ценностям, ослабит нарождающийся процесс самоидентификации, что, естественно, ослабит позиции России на глобальных рынка.

Вот почему крайне своевременным, я бы сказал принципиально важным, стало выступление В.Суркова 28 ноября 2008 года. Позволю себе привести пространную цитату из этого выступления:

«Главным достижением первых лет XXI стало появление и становление в России массового, достаточно обширного среднего класса. И не просто появление и становление, но и выход на историческую сцену. Средний класс фактически обрел социальную гегемонию и политическую власть. Если 80-е были временем интеллигенции, 90-е десятилетием олигархов, то нулевые можно считать эпохой среднего класса.

Собственники обычного жилья, скромных автомобилей, небольших компаний. Врачи, преподаватели и офицеры. Квалифицированные рабочие. Сельские специалисты. Государственные служащие. Офисные работники. Их настроения, пристрастия, тревоги и надежды определили лицо эпохи. Их интересы стали целью политики последних лет. Их трудом, их знаниями и энергией обеспечены экономический рост, общественная стабильность, военные победы. **Их деятельный патриотизм, политические, эстетические и ценностные предпочтение именно этих людей формируют современную культуру России, наш образ жизни, нашу демократию.** Они соль земли. Золотая середина, сердцевина общества. Им Россия обязана своими успехами.

Поэтому основной задачей государства в период спада должно стать сохранение среднего класса. Защита среднего класса от идущей с Запада волны «оскудения» и растерянности. Замедление экономики требует от государства решительных шагов навстречу середняку. Спасти гегемона. Помочь среднему классу пережить следующий год без серьезного ущерба. Поддержать уровень занятости и потребления.

Безусловно, бомжи и миллиардеры, и представители других маргинальных групп и меньшинств – тоже наши граждане. Государство, конечно, помнит о них. Но первейшая забота сегодня – средний класс. Потому что российское государство – это его государство. И российская демократия – его. И будущее у них общее.

Бедолагам, назанимавшим миллиарды долларов на покупку дутых активов, экстренная помощь уже оказана. Тем, кто занимал тысячи рублей на холодильник, квартиру, образование, на потребление, короче

говоря, на жизнь – пока нет. Рабочим, офис-менеджерам, малому бизнесу, всем этим, по-обамовски выражаясь, молчаливым героям пока не помог никто. Им – пока – только взвинтили неподъемную ставку по ипотеке. Перевели на неполную рабочую неделю. И, кажется, собираются уволить. Или уже уволили.

Нужно позаботиться о них. Россия – их страна. Медведев и Путин – их лидеры. И они их в обиду не дадут».